

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ»

Москва
ИАФр РАН
2022

Irina ABRAMOVA and Leonid FITUNI

**CONTEMPORARY
ISSUES
IN AFRICAN STUDIES
AND SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT**

*Selected articles and academic papers
(2012–2022)*

И.О. АБРАМОВА и Л.Л. ФИТУНИ

**ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ
АФРИКАНИСТИКИ
И ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ**

*Избранные статьи и научные доклады
(2012–2022 гг.)*

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института Африки РАН

Рецензенты:

академик Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор В.В. Наумкин

член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор И.С. Семененко

Абрамова И.О. и Фитуни Л.Л.

Вопросы современной африканистики и проблемы развития.
Избранные статьи и научные доклады (2012–2022 гг.). – М.: Институт
Африки РАН, 2022. – 480 с.

ISBN 978-5-91298-288-0

В книгу вошли избранные статьи и тексты научных докладов двух ведущих отечественных ученых-африканистов, членов-корреспондентов Российской академии наук, И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни, написанные в период с 2012 по 2022 гг. Эти труды охватывают три основных направления научно-исследовательской работы авторов в последнее десятилетие: вопросы теории мировой экономики и глобального развития в аспекте изучения места и роли в них развивающихся стран, проблематику, касающуюся непосредственно стран Африки и африканистики как отрасли науки, а также комплекс всё возрастающих в своей актуальности вопросов и задач российско-африканских отношений в свете национальных интересов нашей страны в новых геополитических условиях. Включенные в книгу полные тексты научных докладов авторов публикуются впервые. Научные статьи приведены в изначальном полном авторском варианте и поэтому порой существенно отличаются от их опубликованных в журналах укороченных версий.

ISBN 978-5-91298-288-0

© Абрамова И.О., 2022

© Фитуни Л.Л., 2022

© Институт Африки РАН, 2022

© Абишева Г.М., оформление, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	7
Вместо предисловия	
<i>Абрамова И.О.</i> (2022). Задачи российской африканистики в новых условиях и меры по повышению эффективности управления наукой	10
Раздел 1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.</i> (2022). Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства	27
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2022). Текст и смыслы: введение в герменевтику нового миропорядка	43
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2022). Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен, или «многоядерность» против «полицентричности»	57
<i>Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.</i> (2020). Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения	69
<i>Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.</i> (2020). Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира	86
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2019). Ассиметричные подходы к внешнему управлению национальными элитами в эпоху глобальной неопределенности	103
<i>Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.</i> (2018). Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации	115
<i>Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.</i> (2012). Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития	137
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2012). Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики. Лидеры догоняющего развития в новой модели мировой экономики	160
Раздел 2. ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА	
<i>Абрамова И.О.</i> (2022). Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка	183
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2021). Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы	200
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2020). Иностраннный капитал в Африке: теории, стратегии, новации	216

<i>Фитуни Л.Л.</i> (2020). Элиты и трансформационное лидерство в Африке (60 лет Декларации ООН о деколонизации)	238
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2019). Моделирование протестных технологий в системе медиакоммуникационной зависимости	252
<i>Абрамова И.О.</i> (2018). Большие вызовы будущего: ресурсный дефицит и международные конфликты в Африке	267
<i>Абрамова И.О.</i> (2015). Дефрагментация модели участия Африки в мировой экономике: анализ системы внешних факторов	277
<i>Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.</i> (2014). Перспективы развития ТЭК Африки и интересы России	294
Раздел 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ	
<i>Абрамова И.О.</i> (2022). Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка	315
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2022). Африканский фланг Большого Индо-Тихоокеанского Арела: стратегическая значимость и сопутствующие вызовы	337
<i>Абрамова И.О.</i> (2022). «Понимать Восток у нас получается лучше, чем у Запада...»	351
<i>Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.</i> (2021). Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия – Африка 2019?	360
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2021). Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы	378
<i>Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.</i> (2017). Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики	397
<i>Фитуни Л.Л.</i> (2017). Военно-стратегическое значение Африки в постмонополярном мире и интересы России	417
<i>Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.</i> (2015). Национальные интересы России на африканском направлении в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике	433
Хронологическая библиография научных трудов	
И.О. Абрамовой	446
Хронологическая библиография научных трудов	
Л.Л. Фитуни	461

ОТ АВТОРОВ

Круглые даты в жизни людей и институтов общества, как правило, служат поводом к тому, чтобы задуматься о наиболее важных и для тех и для других моментах, успехах или достижениях. Так случилось, что 2022, 2023 и 2024 годы последовательно стали юбилейными для обоих авторов этой книги и для Российской академии наук, членами которой они являются и в которой трудятся много десятилетий на ниве африканских исследований, начав свой путь в науке с должности младшего научного сотрудника без степени и дослужившись: одна – до поста директора Института Африки РАН, а другой – до заместителя директора по научной работе.

Предлагаемый вниманию читателя сборник мы приурочили к 300-летию юбилею родной Академии. В него вошли избранные статьи и тексты научных докладов, созданные нами за последнее десятилетие (2012–2022 гг.). Как нам представляется, выход этого тома послужит скромным, но полезным дополнением к, без всякого сомнения, огромному количеству важных научных публикаций, готовящихся к выходу в свет к славному юбилею Академии. Книга явится примером работы и достижений членов РАН, специализирующихся на одном из многих научных направлений, которые, несмотря на уникальность и практическую значимость, редко попадают в свет огней юбилейной рампы. В этом смысле, мы хотели бы, чтобы этот труд в какой-то мере рассматривался как знак внимания к достижениям всех уникальных, но не часто чествуемых направлений отечественной академической науки: и гуманитарных, и технических.

В данную книгу включены избранные труды по трем основным направлениям нашей научно-исследовательской работы последнего десятилетия: вопросам теории мировой экономики и глобального развития в аспекте изучения места и роли в них развивающихся стран, по проблематике, непосредственно касающейся стран Африки и африка-

нистики как отрасли науки, а также по комплексу всё возрастающих в своей актуальности проблем российско-африканских отношений в свете национальных интересов нашей страны в новых геополитических условиях.

В качестве несколько непривычного по форме предисловия к данной книге, выходящей в непростое время специальной военной операции и в преддверии 300-летия Российской академии наук, мы решили поместить статью члена Президиума РАН, директора Института Африки РАН И.О. Абрамовой, посвященную нашему видению текущих задач российской африканистики и мер по повышению эффективности управления наукой в новых условиях.

Первый раздел книги в основном посвящен анализу места развивающихся стран в складывающейся системе мироустройства, места и роли этой группы государств в политической экономии современного мира и раскрытию ключевых положений нашей авторской теории смены моделей мирового экономического развития.

Второй раздел касается экономических, политических и социальных проблем африканских стран. Диапазон рассматриваемых вопросов довольно широк и разнообразен: от демографии до развития топливно-энергетического комплекса и от вопросов устойчивости политических режимов до специфики развития науки на континенте.

В третьем разделе собраны материалы последних лет с рекомендациями относительно путей развития взаимоотношений нашей страны с государствами Африки. Авторы в силу своих профессиональных обязанностей и накопленных компетенций активно участвовали в подготовке программы и проведении 1-го Саммита и Делового форума «Россия – Африка» (2019 г.) и в организации вторых подобных мероприятий, которые должны состояться в 2023 г. в Санкт-Петербурге. Мы гордимся, что многие наши идеи и предложения, озвученные в докладах или опубликованные в статьях, были использованы в интересах развития российско-африканских отношений и реализации национальных интересов нашей страны на африканском направлении.

Часть из трудов, вошедших в состав книги, в частности, полные тексты докладов на научных форумах, публикуется впервые. Однако и тексты тех статей, которые были ранее изданы в журнальном варианте, в данной книге в подавляющем большинстве приведены в оригинальной изначальной авторской редакции, без неизбежных для рейтинговых журналов лимитов по объемам и учета предпочтений рецензентов, нередко продиктованных не столько научными, сколько иными, чем у авторов, мировоззренческими установками.

Ведь большая часть воспроизводимых в книге статей и докладов создавалась в те недавние времена, когда африканистике как отрасли

науки и даже африканскому направлению внешней политики в целом научным и чиновным мейнстримом придавалось не столь высокое значение, как сейчас. Немало тезисов и предложений, сегодня кажущихся такими логичными и общеизвестными, нам приходилось проталкивать с боем, путем неоднократных повторений в разных форматах и контекстах, прежде чем события начала 2022 г. расставили всё по своим местам.

До этого озвучивание собственной позиции требовало немалых усилий, неизбежных компромиссов с редакторами и идейно заряженными рецензентами, порой даже и эзопова языка, приемлемого для «скопусоугодных» догматов (Подчеркнем, что это наше замечание касается исключительно «идеологического» аспекта вынужденной «пострецензионной» правки и ни в коем случае не относится к оправданной кропотливой работе над текстом линейных редакторов, чей труд и профессионализм мы высоко ценим.).

Как следствие, впервые публикуемые в данной книге изначальные авторские варианты статей в некоторых случаях по объему почти наполовину больше их вынужденно укороченных журнальных версий. Но самое главное, как нам представляется, они подробнее и более аргументированно раскрывают наши научные послы и теоретические разработки.

И.О. Абрамова

член Президиума РАН,
директор Института Африки РАН
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Л.Л. Фитуни

заместитель директора Института Африки РАН
по научной работе
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ АФРИКАНИСТИКИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ И МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ

Абрамова И.О. (2022)

В работе, конечно же, нельзя просто исходить из каких-то установленных ранее нормативов. Они создавались в неизвестно какие времена и в совершенно других условиях. Поэтому обращаю внимание: нормативы нормативами, но нужно их или менять, либо приспособливать быстро таким образом – конечно, без всякого нарушения закона, разумеется, но тем не менее мы должны ориентироваться на реальную ситуацию, на реальные потребности по тому или другому направлению.

В.В. Путин

Совещание с членами Координационного совета
при Правительстве по обеспечению
потребностей ВС РФ. 25 октября 2022 г.

С конца зимы 2022 г. перед российским обществом, экономикой и наукой встали новые задачи, связанные с работой в новых условиях, налагаемых специальной военной операцией (СВО), агрессивным давлением и деструктивными шагами объединенного Запада, общим ростом конфронтационности на мировой арене, кризисными явлениями мировой экономики и в сложившихся структурах мирохозяйственных связей.

Эти обстоятельства диктуют необходимость серьезного и обоснованного анализа задач и направлений работы, а также оптимизации управления всеми отраслями экономики и секторами жизни российского общества в интересах защиты национальных интересов и создания условий для движения вперед даже в обстановке вышеперечисленных вызовов глобального, национального и секторального (отраслевого) характера.

Всё сказанное в полной мере относится к российской науке, включая, естественно, и её неотъемлемую составную часть – отечественную африканистику, область науки, в которой автор этих строк не

только ведет свои академические изыскания, но и в силу служебных обязанностей занимается организацией и управлением научными исследованиями. Многолетний опыт работы в Российской академии наук (ранее в АН СССР), знание конкретного зарубежного опыта, решение возникающих научных задач, многочисленные обсуждения и дискуссии с широким кругом коллег-ученых, начиная с именитых академиков и заканчивая младшими научными сотрудниками без степени, позволили сформировать комплекс рекомендаций, официальное принятие и реализация которых, как представляется, могли бы способствовать выполнению важных государственных задач в области науки, о которых шла речь в самом начале статьи.

Это насущная задача. Осенью 2022 г. руководство страны открыто указало на то, что в этих новых условиях «мы столкнулись с определенными сложностями и с необходимостью модернизировать нашу работу, придать ей новый импульс и новый характер» [1]. Сказанное отнюдь не означает непризнания реальных достижений и успехов предшествующих периодов.

Например, в целом успешно реализуется Программа развития Института Африки РАН на 2019–2023 гг. Институт продолжает оставаться ведущим и единственным специализированным научно-исследовательским учреждением в России, осуществляющим комплексное изучение социально-политических, экономических и международных проблем Африки, прежде всего в контексте национальных интересов и задач развития народного хозяйства России. Пять задач развития Института, обозначенные в Программе, успешно осуществляются с учетом корректировок, продиктованных требованиями сегодняшнего дня, в соответствии с намеченным сроками:

Задача 1. Сформированы и реализуются приоритетные направления научно-исследовательской программы с учетом актуальных задач и потребностей страны. Это позволило вывести научные разработки Института на новый качественный уровень, соответствующий положениям Указа Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Институт сыграл ключевую роль в научно-аналитическом обеспечении организации и проведения первой встречи на высшем уровне глав государств и правительств России и стран Африки (Саммит «Россия – Африка», 22–24 октября 2019 г.) и продолжает выполнять аналогичную задачу в настоящее время при подготовке второго саммита Россия – Африка, который планируется провести в Санкт-Петербурге летом 2023 г.

Успешность решения указанной задачи и работы Института в целом подтверждается посланием Президента России в адрес коллектива

научного учреждения, в котором выражается удовлетворение результатами научной, научно-практической и аналитико-консультационной деятельности в рассматриваемый период. Аналогичные документы, высоко оценивающие работу коллектива ИАфр РАН, поступают от государственных органов власти, руководства профильных государственных ведомств и служб. Ключевые сотрудники Института по итогам работы были награждены государственными и ведомственными наградами, грамотами и благодарностями Президента.

Задача 2. Успешно ведется запрограммированная работа по совершенствованию научно-организационной структуры Института и развитию кадрового потенциала. Несмотря на известные трудности в стране с привлечением молодежи в науку Институту ежегодно удавалось увеличивать приток молодых кадров. Доля молодых ученых в научном составе института увеличилась с 31% в 2019 г. до 34% в 2022 г.

Формирование к концу 2022 г. и в 2023 г. в рамках Института новых лабораторий мирового уровня, ведущих исследования по наиболее актуальным направлениям африканистики, обусловливается в программе выделением достаточного финансирования, которое, к сожалению, так и не было выделено. Тем не менее даже в этих сложных условиях на данном этапе удалось сформировать кадровый костяк для них и осуществить ряд разработок и исследований на базе внеструктурных временных трудовых коллективов и целевых рабочих групп («Группа компетенций в области прикладной африканистики»), в том числе специально опирающихся на задействование молодых ученых под руководством ведущих научных сотрудников – специалистов мирового уровня. При получении необходимого финансирования группа может быть преобразована в Центр в 2023 г. Естественно, работа по формированию лабораторий мирового уровня (центров) строится с учетом изменения геополитической обстановки в мире и соответствующих национальных приоритетов.

Задача 3. Созданы устойчивые коммуникации в области африканских исследований, внешнеэкономических связей, политических технологий, стратегических коллабораций и инноваций с экономическими министерствами, другими ведомствами и российским бизнесом, которые используют наработки института в своей деятельности. Институт считает важным итогом своей деятельности на этом направлении свой вклад в создание научно-аналитической базы для того, чтобы более 85% российского экспорта в Африку стало несырьевым.

Задача 4. В соответствии с Программой осуществляется построение эффективной современной системы управления в области африканских исследований. Налажены связи с высшей школой. Ученые Института нередко являются единственными специалистами по Аф-

рике даже в специализированных вузах по международной проблематике.

Первостепенное значение придается повышению международного признания российской школы африканистики и русскоязычной научной литературы и периодики в области африканских исследований, мировой экономики, международных отношений, политологии, социальной антропологии и истории. Последовательно проводится линия на обеспечение независимости научной периодики института от навязываемых извне псевдонаучных и формалистских политико-редакционных «рекомендаций».

Задача 5. Укреплялись связи с африканистами всего мира. Проведены XIV и XV Международные конференции африканистов с участием в каждой более 200 зарубежных ученых и большое количество научных мероприятий с африканскими партнерами. Журнал Института «Ученые записки Института Африки РАН» – единственное издание в нашей стране, в каждом номере которого присутствуют научные публикации африканских ученых. Он известен в странах Африки и пользуется авторитетом и популярностью у многих африканских выпускников российских и советских ВУЗов, владеющих русским языком.

Какие же новые задачи или модификации и модернизированные акценты в уже поставленных целях необходимы отечественной африканистике в свете установок и требований, сформулированных руководством страны, для более эффективного обеспечения сегодняшних нужд и потребностей Отечества?

Общим магистральным направлением, как и для большинства других отраслей отечественной науки, становится повышение эффективности вложений (в широком смысле, а не только финансовых!) в науку. В практическом плане это уход от искусственных «наукометрических» критериев её эффективности в пользу однозначного получения практического конечного результата, нужного государству.

Хочется подчеркнуть, что сказанное вовсе не означает, как порой пытаются представить это недалекие комментаторы и манипуляторы, понижения значимости фундаментальных исследований. Задача куда более сложная – при сохранении высоких достижений по фундаментальным направлениям добиться качественного перелома в сторону ускоренного и эффективного получения зримых и материально ощущаемых практических результатов от научных разработок.

Как отмечал министр иностранных дел С.В. Лавров на XXXIX заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России (Москва, 18 ноября 2022 г.), «сотрудничество с государствами Африканского континента, импульс которому придал первый саммит Россия – Африка, выдержало испытание пандемией и продолжает по-

ступательно развиваться. В настоящее время ведется подготовка ко второй встрече в «верхах», на которой планируется выработать консолидированные решения в интересах наращивания торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия» [2].

Исходя из этого, возрастает необходимость наращивать научные усилия африканистов на экономическом направлении. Нами не раз отмечалось, что «в экономическом плане Африка для нас – не только поставщик сырьевых ресурсов, но и важнейший рынок для реализации нашей промышленной продукции и применения российских технологий, включая локализацию российских производств на континенте, подготовку кадров, передачу знаний и навыков... Необходимо перейти от формулировки целей и задач российской политики на африканском направлении к реализации конкретных проектов и разработке механизма и инструментария взаимовыгодного сотрудничества» [3].

Важность совершенствования исследований в области внутренней и внешней политики стран Африки в нашей научной и особенно в аналитическо-консультационной работе определяется тем, что МИД России в настоящее время проводит географическую переориентацию своей деятельности как за рубежом, так и в центральном аппарате [4]. Африканский вектор оказывается в этом контексте в числе приоритетных. Африканские страны – важный резерв дипломатической поддержки и контрсанкционных усилий. Этим темам закономерно должно уделяться еще большее внимание коллег-африканистов.

Очень важным становится изучение вызовов и угроз, связанных с Африкой или с геополитическими, геоэкономическими, военными и медико-биологическими «экспериментами» и провокациями Запада. Важным направлением является изучение возможности расширения российской «мягкой силы» на континенте, возможностей распространения русского языка и знаний о культуре народов России. Несмотря на очевидные трудности и ограничения, следует расширять, а во многих случаях налаживать с нуля международное сотрудничество с российскими культурными центрами. Сегодня немалое их число обладает и современными лабораториями, и доступом к достижениям третьих стран [5].

В области исторических исследований в условиях непрекращающихся попыток Запада фальсифицировать историю и представить в негативном свете роль и действия России и СССР на мировой арене крайне важно усилить внимание к достоверному показу колоссального вклада нашей страны в освободительную борьбу поработенных народов и деколонизацию Африки, помощи в создании собственной государственности и становлении национальных экономик. В условиях обострения идейной и пропагандистской войны крайне важно на вери-

фицированном научном материале аргументированно доказывать, что нынешняя демократия и экономическое благополучие Запада с самого начала и по сей день базируются на порабощении и эксплуатации народов, их явном и скрытом ограблении, навязывании «системы правил», при следовании которым мировые ресурсы избыточно перетекают со всего мира в страны «золотого миллиарда».

В нынешних условиях все вышеперечисленные темы и направления исследований представляют для России неоценимый интерес и имеют как теоретическую, так и практическую значимость.

Однако, понятно, что возможности государства по финансированию и поддержке африканских исследований не безграничны. Это означает, что в современных сложных условиях ряд вчера еще модных «скопусогенных» направлений (например, ряд специфических исследований по тематике ЛГБТ в Африке или де-факто противоречащие российским интересам разработки в политических науках), по крайней мере, не должны финансироваться государством, даже если таковые приветствуются «ведущими мировыми рейтинговыми журналами» и под них можно формировать «международные коллаборации».

Речь не о бездумном отказе от наших огромных научных достижений. Всё, что было создано ранее и приносит действительную пользу, должно быть сохранено и преумножено, включая не только содержательную часть – конкретные открытия, разработки, изобретения, но и успешно работающие и доказавшие свои практические пользу и эффект методы организации научного процесса и управления им. В то же время усложнившиеся условия функционирования отечественной науки, связанные, прежде всего, с неблагоприятными внешними факторами и ограничителями, а нередко просто являющиеся следствием прямых усилий враждебных России государственных и негосударственных акторов, наглядно подтверждают, что у российской науки сегодня нет иного пути, как решительно избавиться от подобных обременений и пут.

21 октября 2022 г. был подписан президентский Указ* о создании координационного совета при Правительстве России, на заседании которого отмечалось, что в связи с известными ограничениями в сфере экономики и в связи с проведением специальной военной операции возникла необходимость обновления процедур, нормативной базы в принятии решений по самым разным направлениям [1]. Особо указы-

* Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2022 № 763 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов».

вается, что большую роль в преодолении существующих проблем может сыграть необходимое «обновление нормативной базы, избавление от архаичных процедур, которые мешают нам двигаться вперед таким темпом, который необходим стране» [1].

В этой связи нельзя не заметить, что, несмотря на заявления министра науки и высшего образования Российской Федерации о моратории до конца 2022 г. на оценку эффективности труда российских ученых на основе подсчета числа их публикаций в журналах первого и второго квартиля (а это в основном зарубежные англоязычные журналы), эти критерии сохраняются нынешними учетно-финансовыми и плановыми службами министерства при отчетах по основным грантам министерства и Российского научного фонда, да и, судя по распоряжениям чиновников конца 2022 г., и при подведении годовых итогов.

Хотим мы того или не хотим, но нельзя не видеть, что такая линия объективно работает на сужение «русского мира» в широком смысле слова, к размыванию русской идентичности, к сокращению применения русского языка в научной и ненаучной среде, к искусственному сужению воздействия русской культуры, включая великую русскую литературу и историю, как на российское общество, так и на другие страны и народы, что особенно критично в нынешней геополитической ситуации.

Навязываемые зарубежные рейтинговые системы индексации оказываются «тройным конем», постепенно переводящим отечественную науку в систему внешнего, «глобального» управления наукой в ущерб решению научных задач, приоритетных на национальном уровне. Это в высокой степени монополизированный бизнес, управляемый в основном из англосаксонских стран. Причем наивно было бы полагать, что для него собственно научная ценность индексируемых публикаций является главным доводом. Это аргумент, часто даже не второго, а третьего или пятого порядка. Любой квалифицированный экономист заметит в технологии функционирования таких агентств (во избежание «обид» не будем здесь называть их поименно) признаки наличия элементов «схемы Понци», эффективное сочетание пирамиды с сетевым маркетингом.

Важнейшими критериями и механизмами допуска национальных научных изданий к включению в списки индексируемых являются: наличие в составе редколлегий, определяющих редакционную политику изданий, иностранных ученых, пользующихся высокими рейтингами самих этих агентств; преобладающее цитирование в публикуемых статьях изданий, уже фигурирующих в собственных списках индексаций; выделение существенной доли листажа издания иностранным авторам (что неизбежно означает уменьшение возможности публиковать

при фиксированном объеме печатных листов работы отечественных авторов); публикация значительной доли статей на английском языке.

Непривлекательность российских журналов в глазах чиновников, определяющих рейтинги, категории и в конечном итоге уровни доходов научных работников, целенаправленно ведет к децимации отечественной научной периодики, к постепенному умиранию отнюдь не худших, а нередко весьма достойных её образцов. Ведь большинству ученых трудно избежать соблазна публиковаться за границей, чтобы заработать «побольше очков» у министерства. Это означает ползучее исчезновение российского научного публикационного поля на русском языке, которое весьма активно функционировало раньше и позволяло российским ученым обмениваться мнениями по самым актуальным вопросам науки, включая политические, социально-экономические и культурные аспекты.

Всё еще весьма приветствуются публикации российских ученых по общественно-политической тематике в зарубежных журналах первого и второго квартиля (наиболее предпочтительные и высокооплачиваемые министерством виды публикаций для российских ученых). Однако на практике в этот разряд в абсолютном большинстве случаев на Западе относят издания, в которых критикуется социально-экономическая политика и международная деятельность руководства России. В этих условиях российский ученый-обществовед поставлен перед выбором: либо не учитывать национальные интересы России и заработать побольше денег, либо учитывать, но потерять в деньгах. При этом статьи российских специалистов, содержащие объективные оценки по политической и социально-экономической проблематике, отклоняются редакциями большинства «высокорейтинговых» обществоведческих зарубежных журналов.

Господство англоязычного пространства в научной среде ведет к тому, что молодые ученые с самого начала своей деятельности в науке предпочитают при первой возможности публиковаться за рубежом и тем самым вымываются из российской научной среды, а в дальнейшем продолжают свою научную карьеру за границей. Это фактически нарушает преемственность поколений, способствует «утечке мозгов» из РФ и ведет к реальному уничтожению российской науки, что самым непосредственным образом представляет угрозу для национальной безопасности нашей страны.

В связи с этим предлагается пересмотреть критерии оценки эффективности деятельности научных организаций, предложенные министерством. Главным критерием должна стать не публикация, а конкретный продукт, технология, стратегия, оценку которой должны дать специалисты профильных ведомств (Минобороны, Минпромторга,

Минэкономразвития, Минцифры, Минсельхоза, МИД и т.п.). Одновременно в гуманитарной сфере в интересах национальной безопасности необходимо полностью отказаться от использования критерия публикации статей в западных журналах по общественно-политической и культурной тематике как более приоритетных по сравнению с отечественными. В первую очередь, необходимо учитывать аналитические материалы, подготовленные по запросам министерств и ведомств, а также публикации на русском языке в ведущих российских периодических изданиях, монографии, энциклопедии, публикации исторических источников, издания русской литературы с авторскими комментариями, словари и т.п.

На передний план выдвигается вопрос совершенствования критериев эффективности научного труда. Эти критерии должны быть предельно прозрачными, проверяемыми и предельно ясными для сотрудников самого субъекта обследования (института, лаборатории, журнала, научного работника). Сложные математические формулы здесь не просто не нужны, а крайне вредны, поскольку уже сами по себе порой вносят «математическое искажение» в сравнение значимости или пользы от чисто гуманитарных исследований, которые цифрой не измеришь.

По нашему мнению, главным критерием оценки научного труда должно стать решение той или иной научной задачи, поставленной источником финансирования (государством). Например, создание вакцины, беспилотника, сорта пшеницы, станции на Луне, плана-стратегии для России в Африке и т.п.

Для бюджетных организаций заказчиком должно быть правительство (профильное министерство или несколько министерств, госорган, уполномоченные структуры или организации и т.п.). Предпочтительно, чтобы это была не размытая, пусть даже правительственная, структура с виртуальными полномочиями (межведомственный совет с совещательными полномочиями и т.п.), а один конкретный властный орган, имеющий полномочия как контролировать исполнение, так и обеспечивать научное исследование необходимыми материальными, финансовыми, а по критическим направлениям – и «информационными ресурсами» (*ср.* опыт советского ядерного проекта).

Именно такой властный государственный заказчик устанавливает контрольные качественные критерии научного результата, а не запрашивает их у исполнителя, а также предельные сроки исполнения задачи. Принципиально важно то, что при новом подходе государство гарантирует финансовое и материальное обеспечение решения задачи в зависимости от результатов. Можно на авансовой и финальной основе (полное решение задачи в срок – 5 баллов, с задержкой – 3 и т.п.).

Сложные и большие задачи делятся на этапы, которые финансируются последовательно. Нынешний ключевой критерий оценки научного труда – количество опубликованных статей – в этой схеме может учитываться как дополнительный бонусный критерий, но не как основной. Именно так создавалась вакцина «Вектор»: вначале была создана сама вакцина, а затем появились публикации в журнале *The Lancet*.

В современных условиях необходимо в ближайшие 5 лет сосредоточиться на решении прикладных научных задач, от которых зависит безопасность и развитие Российской Федерации. Теоретические исследования с дальним прицелом должны финансироваться государством на конкурсной основе (гранты Минобрнауки и научных фондов), либо по прямой рекомендации профильных отделений РАН.

Необходимо также привлекать коммерческие компании (отечественный бизнес разного уровня, размеров и влияния) к финансированию научных исследований для реализации конкретных задач, в которых заинтересована данная компания. Можно использовать схему, когда в случае своей заинтересованности в результатах такого исследования данной научной организации и их финансировании государство дополнительно к частным источникам выделяет средства на него. Это делается в определенной пропорции (50:50, 70:30 и т.п.), в зависимости от конкретного результата, коммерциализации данного вида научной работы и её важности для государства в целом на данном этапе решения актуальных государственных задач.

Наукометрическую систему оценки труда по журнальным статьям необходимо отменить **полностью** по крайней мере на ближайшие 10–15 лет. Проталкиваемый паллиатив – простая замена западных баз данных на российские и деление журналов на новые категории в зависимости от цитирования и т.п. – будет лишь симуляцией объективности в оценке эффективности.

Непредвзятые российские и иностранные ученые неоднократно указывали на серьезный урон, который наносит национальной науке, особенно науке, испытывающей проблемы с финансированием, подчинение управления ею библиометрическим оценкам и инструментам [6; 7; 8]. Как отмечает российский африканист Л.Л. Фитуни, «в силу навязанной всему миру «иерархии оценок», при которой ценность научного труда фактически определяется не его содержанием, а рейтингом издания, в котором он публикуется, авторы чувствуют себя вынужденными направлять свои результаты в наиболее «престижные», как правило, западные журналы. В последних из-за этого происходит переполнение портфеля, что приводит к массе негативных для науки последствий: задержкам в доведении до научной общественности результатов исследований, отсеиванию из-за ультра-конкуренции

большого числа достойных работ и массе других, еще более отрицательных последствий» [9].

Библиометрические мерилы – подход с явно демонстрационными, тешащими личное самолюбие и искусственно повышающими чью-то самооценку эффектами, в нынешних условиях мало способствующий, а на деле наносящий вред решению задачи использования научной деятельности (кстати, финансируемой в основном государством) для осуществления практических задач развития страны и защиты её суверенитета.

Что касается упорного «цепляния» за разбивку журналов на категории в соответствии с субъективным мнением ограниченного числа так называемых «экспертов», которые продолжают пользоваться формальными наукометрическими показателями, то это в конечном счете приводит к манипулированию и коррупции, когда за публикацию в рейтинговом журнале взимаются деньги или услуги. До подобной искусственной разбивки научный уровень журналов и их качество были прекрасно известны профильным ученым, чего не скажешь о чиновниках, которые эти журналы не читают.

Статьи можно учитывать при аттестации сотрудников (особенно для гуманитарных наук), как и монографии, и участие в конференциях. Не надо идти на поводу у чиновников Минобрнауки, которые, не разбираясь в содержании научных проблем, используют формальные показатели для простоты отчетности.

14 ноября 2022 г. в здании президиума РАН состоялась встреча президента Российской академии наук Геннадия Красникова с академиками-секретарями отделений Академии. Участники встречи рассмотрели вопрос государственного задания [10]. По мнению президента РАН, научные отделения РАН должны активнее вовлекаться в процесс формирования государственного задания. В этой связи следует отметить, что для Отделения глобальных проблем и международных отношений чрезвычайно важно учитывать также аналитические записки по заказу профильных министерств и ведомств.

Необходимо перейти от наукометрии к комплексным проверкам институтов (например, 1 раз в 3 года) с участием РАН, Минобрнауки, а также профильных министерств, формирующих госзадание под решение конкретной научной задачи (в Отделении глобальных проблем и международных отношений Академии наук это может быть МИД, Минэкономразвития, Минпромторг, Минэнерго, Минсельхоз, Минздрав, Роспотребнадзор и т.п.).

Указанные неотложные меры станут начальным этапом к созданию комплексной системы национальной обороны от больших вызовов «гуманитарного» характера и средств ведения психологической войны

и гибридных угроз. Без неотложного принятия комплекса изложенных выше стратегических мер, тактических и оперативных действий невозможно адекватное противодействие военным, экономическим, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства.

Как подчеркивал президент России, «Запад готов переступить через всё для сохранения той неокOLONиальной системы, которая позволяет ему паразитировать, по сути, грабить мир за счет власти доллара и технологического диктата, собирать с человечества настоящую дань, извлекать основной источник незаработанного благополучия, ренту гегемона. Сохранение этой ренты – их ключевой, подлинный и абсолютно корыстный мотив. Вот почему их интересам отвечает тотальная десоверенизация. Отсюда их агрессия к независимым государствам, к традиционным ценностям и к самобытным культурам, попытки подорвать неподконтрольные им интернациональные и интеграционные процессы, новые мировые валюты и центры технологического развития. Им критически важно, чтобы все страны сдали свой суверенитет в пользу Соединённых Штатов» [11].

Это в полной мере относится и к вопросам научного суверенитета. Деколонизация отечественной науки, защита её от подчинения целям и интересам внешних игроков и откровенных врагов России – важнейшая задача сегодняшнего дня. Конкретным этапом на пути к её реализации является избавление от навязанного нам технологического инструментария поддержания такой зависимости и отвлечения внимания отечественного научного сообщества на негодный объект в виде погони за библиометрическими достижениями вместо конкретных конечных научных результатов.

Навязанная миру система принудительной фактической сертификации качества научных результатов (научной продукции) через западные системы библиометрической индексации и ранжирования – важнейший элемент консервации колониальности в мировой науке, сохранения контроля и доминирования США в глобальном технологическом развитии, обеспечения и легитимации перетока туда новейших достижений, технологических разработок и научных кадров.

Роль принадлежащих Западу систем индексации и ранжирования в обеспечении неокOLONиальной зависимости в мировой науке, таким образом, аналогична роли доллара в обеспечении господства США в мировой экономике и международных экономических отношениях.

Это отнюдь не безобидные учетные инструменты. С их помощью, например, можно тормозить, а то и вовсе «отменять» технологические

прорывы конкурентов в критических для развития областях, постепенно губить целые национальные научные системы, или, наоборот, продвигать и навязывать разработанные на Западе технологии и производимое там оборудование, формировать коррупциогенные связи внутри научных структур противника. Искусственное торможение международной сертификации вакцины «Вектор», созданной ранее западных аналогов, и бессчетное число других примеров это убедительно подтверждают.

В ход, как правило, пускается типовая схема «отмены конкурента», исходным пунктом которой являются требования по непремennomу индексированию в библиометрических системах, контролируемых Западом. Начинается с того, что научные результаты признаются полноценными только после опубликования в определенных рейтинговых иностранных журналах. Такие журналы в свою очередь готовы признать результаты научной разработки достоверными только в случае проведения экспериментов на сертифицированном на Западе оборудовании. Доступ же к этому оборудованию возможен либо в лабораториях западных исследовательских центров, либо в случае закупки или лизинга его у западного производителя (да и то в случае разрешения такой закупки и на его условиях) и т.д. Так внешне безобидный «подсчет количества цитирований» и распределение по квартилям и децилям превращается в мощнейший инструмент консервации технологической зависимости и экономической эксплуатации конкурента и соперника.

Сказанное вовсе не означает призыва к научной самоизоляции России и отказу от выгод и преимуществ от международного научного сотрудничества. Важно, однако, чтобы поддержание последнего не становилось самоцелью, а выполнение навязанных извне «принятых правил» привычной и «естественной» повинностью. Необходимо просто, чтобы каждый конкретный акт международного научного взаимодействия с Западом **достоверно, ощутимо и проверяемо** наращивал реальный экономический и оборонный потенциал России, наши технологические возможности. Тем самым мы не на словах, а на деле сможем смотреть в будущее и выстраивать свою работу, опираясь на обозначенные нами приоритеты, ключевой и неизменный из которых в стратегическом плане – рост благосостояния и качества жизни граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Статья была впервые опубликована в журнале *«Ученые записки Института Африки РАН»*. 2022. № 4(61). С. 5–16.

1. Совещание с членами Координационного совета при Правительстве по обеспечению потребностей ВС РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69676> (дата обращения 17.11.2022)

2. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXXIX заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России, Москва, 18 ноября 2022 года. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1839336/ (дата обращения 19.11.2022)

3. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка. *Вестник Российской Академии Наук*. 2022, т. 92, № 9, с. 837–848.

4. Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с выпускниками вузов, впервые принятыми на дипломатическую службу, Москва, 18 октября 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1834267/ (дата обращения 19.11.2022)

5. Фитуни Л.Л. Развитие национальной науки – *sine qua non* субъектности Африки в формирующемся мироустройстве. *Научно-технологический потенциал современной Африки*. Москва, 2022, с. 13–28.

6. Colquhoun D. (2003) Challenging the tyranny of impact factors. *Nature*, 423, 479. <https://doi.org/10.1038/423479a> (дата обращения 05.10.2022)

7. Kiesslich T., Beyreis M., Zimmermann G. et al. Citation inequality and the Journal Impact Factor: median, mean, (does it) matter? *Scientometrics*. 126, 1249–1269 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03812-y> (дата обращения 05.10.2022)

8. Фитуни Л.Л. Глобальное управление и развитие науки в странах Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015, № 3(34), с. 38–43.

9. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4, с. 15–24.

10. Президент РАН Геннадий Красников провел встречу с академиками-секретарями, на которой обсудили вопросы госзаданий и научно-методического руководства. <https://new.ras.ru/activities/news/prezident-ran-gennadiy-krasnikov-provel-vstrechu-s-akademikami-sekretaryami-na-kotoroy-obsudili-vopr/> (дата обращения 19.11.2022)

11. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69465> (дата обращения 19.11.2022)

Раздел 1

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В НОВОМ УРАВНЕНИИ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2022)

Кризисы и катаклизмы конца первой четверти XXI века стали грозными свидетельствами постепенного разрушения существующего мироустройства, его неотвратимой трансформации в новые, видоизмененные форматы и качества. Существенно меняются роль и вес на мировой арене отдельных стран и групп государств, возможности и пределы их влияния на судьбы мира. Глубочайшим сдвигом в этом смысле стало укрепление потенциала и значимости развивающихся стран, обратной стороной чего стал усиливающийся тренд к относительному «сжатию возможностей» и ослаблению ряда позиций «развитого мира».

Логическим следствием нахождения развитого и развивающихся миров по разные стороны уравнения глобального баланса сил является неизбежное обострение конкуренции в разных областях, в конечном итоге сводящейся к борьбе за ресурсы, необходимые для существования и развития стран и объединений, составляющих эти два мира. Речь идет о ресурсах в самом широком смысле – от полезных ископаемых, земель, питьевой воды, чистого воздуха до человеческого капитала, технологий и господствующих стратегических позиций (как географически, так и «секторально»), обеспечивающих сохранение выгодного положения в существующем мироустройстве. В этом плане фундаментальные процессы мировой конкуренции между странами и их группами в условиях их неравномерного развития невольно вызывают ассоциацию с дарвиновской трехчленной классификацией типов борьбы за существование – одного из открытых им движущих факторов эволюции.

В последние годы объективные эволюционные процессы мирового развития и конкуренции ускорились и интенсифицировались на фоне и под непосредственным воздействием совокупного влияния множества острых катаклизмов, имеющих глобальные последствия: политического кризиса власти в США и ряде других стран Запада; кризиса господствовавших парадигм развития (многократно усиленного воздействием пандемии *COVID-19* и глобальными социально-экономическими последствиями реакций на неё национальных правительств, прежде всего богатых развитых стран); геостратегического кризиса (кризиса международной безопасности), порождаемого, прежде всего, гегемонистской стратегией и дестабилизирующей тактикой Запада, в особенности на востоке Европы и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Отмеченные выше тенденции и процессы говорят о *структурном кризисе существующего миропорядка*, то есть о кризисе, порожденном не отдельными стохастическими изменениями или непредвиденными событиями на планете, а проистекающем из внутреннего политического и экономического устройства и организации современного мира, характера взаимных отношений и связей его частей и элементов.

СМЕНА МОДЕЛЕЙ МИРОУСТРОЙСТВА

Преодоление любого структурного кризиса предполагает устранение его первопричины, то есть адекватное изменение «больных/дефектных» структур объекта вплоть, если это необходимо, до их полной деконструкции. Мироустройство, или мировой порядок* в самом общем смысле, представляет собой установившуюся на определенном историческом этапе систему экономических, военных и политических взаимоотношений между всеми государствами в мире. Следовательно, для успешного функционирования посткризисное мироустройство должно избавиться или хотя бы минимизировать негативные структуры старого.

В системно-аналитическом плане всякое мироустройство можно рассматривать как большую саморазвивающуюся общественно-экономическую систему, качество («особость») которой определяется предустановливаемыми в её рамках закономерностями и «правилами» взаимного отношения составляющих её элементов. В разных системах мироустройства баланс сил между конкретными элементами (т.е. странами) не одинаков.

При рассмотрении определенной модели мироустройства как саморазвивающейся системы мы исходим из её определения, данного М.М. Голанским, который описал её как «неопределенную и устойчивую систему, которая участвует в выборе своего выхода и стремится увеличить число степеней свободы для своего выбора» [1, с. 13].

Напомним, что «входом» называется воздействие среды на систему (т.е. внешнее воздействие на систему), а её «выходом» – воздействие системы на среду. Система неопределенна, если каждому её входу соответствует более одного (множество) выходов и ей прихо-

* На всякий случай специально подчеркнем, что в данной статье термины «мироустройство» и «миропорядок» используются как полные синонимы. По мнению авторов, смысловых различий между терминами нет. Это косвенно также подтверждается тем, что при переводе и того, и другого с русского на наиболее распространённые языки мира, как правило, используют не два разных иноязычных термина, а один и тот же, например: *world order* (англ.), *el orden mundial* (исп.), *l'ordre mondial* (фр.), *Weltordnung* (нем.), 世界秩序 (кит.) и т.д.

дится делать выбор из этого множества независимо от среды и прошлой истории, что делает поведение неопределенной системы малоили непредсказуемым. Система устойчива, если она сохраняет нормативное направление движения (развития) путем внутреннего противодействия возмущению извне [2, с.11]. Внутри современной системы мироустройства (Большой системы) развивающиеся страны можно рассматривать как совокупность элементов, образующих крупную *подсистему*, от определенного положения которой в решающей степени зависит выживание всей Большой системы в её уникальной сущности.

Дело в том, что ключевыми характеристиками конкретной системы мироустройства являются построение внутренних зависимостей и господствующие в ней иерархии. Именно они определяют её центры силы и основы доминирования последних в системе в целом. Ключевая иерархическая характеристика существующего мироустройства – подчиненное положение «подсистемы развивающихся стран» (РС) и доминирующее – условной подсистемы «развитых/богатых стран» (РБС). Именно подсистема РБС в основном определяет сущность связей и правила игры внутри Большой системы, в первую очередь *устанавливает правила распределения и присвоения совокупных ресурсов системы*, естественно, в свою пользу.

С нашей точки зрения, в рамках существующего на сегодняшний день мироустройства именно здесь пролегает реальная разделительная линия между «развивающимися» и «развитыми странами». Дифференциации же по уровням душевого дохода, вкладу инноваций в формирование вновь созданной стоимости, глубине проникновения интернета и т.п. – всё это фиксация конкретных производных от заданных законов присвоения ресурсов системы.

Только при сохранении в мироустройстве нынешнего положения и роли подсистемы РС возможно сохранение действующей внутри неё иерархии доминирования государств-бенефициаров, т.е. подсистемы «развитых/богатых стран» (РБС), а по сути, их благосостояния. Следовательно, для последних консервация положения и роли подсистемы РС внутри данной Большой системы является важным целевым фактором, а в практическом плане – её экзистенциальной задачей.

Мы исходим из того, что всякое существующее мироустройство покоится на определенной модели мирового экономического развития (ММЭР), качественное изменение которой неизбежно влечет трансформацию действующего миропорядка. Под ММЭР мы подразумеваем «устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением в мировом хозяйстве, сложив-

шиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития» [3, с. 4].

В своих предыдущих трудах [3; 4; 5;] мы весьма подробно и, как впоследствии оказалось, достаточно точно определили характер и направления эволюции существовавшей в последние десятилетия мировой модели экономического развития (ММЭР), подчеркнув, что в каждый конкретный исторический период действующая модель отражает уровень современного развития мировой экономики и соотношения сил в ней. Процессы, вызывающие смену ММЭР, как правило, влекут за собой изменения политических балансов в мире. Причем последние обычно протекают более динамично и выпукло, нередко принимая крайние формы и проявляясь в обострении вооруженной конфронтации, парасиловых акциях на мировой арене (введение санкций, заморозка активов, морская блокада, координированные бойкоты и т.д.), саботаже или применении военной силы.

При принципиальном изменении баланса перечисленных выше составляющих происходит полная или частичная смена модели мироустройства. Как правило, такие перемены носят эволюционный, а не революционный характер. Они вызревают на протяжении десятилетий за счет длительного накопления качественных характеристик будущей модели взаимоотношений, более соответствующей складывающимся новым мировым реалиям и, как следствие, более эффективной [см. 3, с. 4].

Мировое развитие, включая развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки, к которым традиционно относится подавляющее большинство развивающихся государств, объективно ведет к нарушению уравнения баланса внутри мировой системы. В силу закона неравномерного развития постоянно происходит ускорение роста одних государств и замедление развития, а порой и разрушение других.

Смена системы мироустройства – длительный дискретный (т.е. не протекающий плавно и поступательно) и многокомпонентный процесс, затрагивающий в той или иной степени условия бытия всего мирового сообщества. Его компоненты включают не только смену «мировых лидеров», превращение слуги в хозяина. Новое мироустройство предполагает кристаллизацию новых моделей мирового экономического развития и уравнений геополитического баланса, в наибольшей степени отвечающих интересам и запросам новых лидеров, формирование вокруг последних новой когорты младших союзников и сателлитов, а со временем неизбежно – и новых (или возродившихся старых) конкурентов и соперников.

Специфика кризиса нынешней системы мироустройства, во многом определяющая его необычную глубину, заключается в том, что её ломка на «микроуровне» (изменения в существовавшем внутри неё балансе сил отдельных стран-лидеров, в первую очередь США и КНР) совпала с тектоническим макродвигом – изменением соотношения двух образующих его подсистем – развивающихся и развитых/богатых стран (РС и РБС). Хотя окончательные результаты происходящих трансформаций еще далеко не предопределены, практически все аналитики сходятся в том, что посткризисное мироустройство будет не просто не тождественно существовавшему в последние два десятилетия, но что даже в случае сохранения «подсистемой РБС» в нём доминирующего положения, структура иерархий и внутренние зависимости претерпят критические изменения в сторону возвышения роли и перераспределения положительных выходов системы для развивающихся стран.

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ

Описав в минимально необходимой, как нам представляется, для целей дальнейшего изложения степени свое видение сути кризиса существующего мироустройства, перейдем к главной цели статьи – попытке выявить возможные векторы и ожидаемые пределы изменения состояния «подсистемы РС» (а в силу их взаимной связи в какой-то степени и «подсистемы РБС») в новом уравнении посткризисного мироустройства.

Приступая к такому анализу, мы сочли нужным кратко остановиться на вопросе обоснованности использования в наши дни самого термина «развивающиеся страны», ставшем камнем преткновения и предметом пространных дискуссий для некоторых исследователей. Основная претензия к термину: он устарел и не позволяет жестко выделять конкретную категорию стран из их общей совокупности. К тому же критерии включения стран в число развивающихся неопределенны, порой носят просто исторический или субъективный характер. Эти доводы, в сущности, обоснованны и правильны, но, на наш взгляд, необходимости отказываться от термина полностью нет.

Нетрудно заметить, что, являясь общепринятым и широкоупотребимым, он обладает двумя противоположными характеристиками. С одной стороны, его использование очень редко ведет к взаимному непониманию предмета обсуждения в процессе акта коммуникации. Оба участника понимают, что речь идет о тех же государствах, которые в общественно-политическом нарративе именуется «странами Азии, Африки и Латинской Америки», освободившимися государства-

ми, несколько ранее – «Третьим миром», а несколько позже – «Глобальным Югом». Другими словами, это термин живого современного языка. Он конкретен и достаточно четок с точки зрения обозначения им родового объекта как некоей узнаваемой совокупности стран даже для тех исследователей, которые его критикуют. При этом для решения специфических задач каких-то научных исследований он может действительно оказаться недостаточно пригодным.

Сегодня, несмотря на то что структуры ООН в различных своих классификациях и группировках относят к разряду развивающихся 159 стран мира, согласованного строгого определения по-прежнему не существует. В целях экономии места мы не будем воспроизводить знакомые специалистам многочисленные аналитические и описательные дефиниции и критерии выделения развивающихся стран, а отошлем заинтересованных читателей к широко известным авторитетным источникам – от официальных ооновских изданий до соответствующих разделов ставших классическими и интернационально признанными академических монографий и университетских учебников [6–12]. В большинстве своем это экономические определения, базирующиеся на таких классификационных критериях, как величина дохода на душу населения, структурное сходство экономик, отставание критически значимых индикаторов от показателей развитых стран, и на (часто дискуссионных) оценках их места в мировой системе хозяйства – низкопроизводительная аграрно-сырьевая специализация, зависимое развитие, подчиненное положение, эксплуатируемая периферия и т.п. Нетрудно заметить, что именно эти критерии и оценки в последние десятилетия всё менее применимы ко всей совокупности развивающихся стран в силу интенсивного процесса дифференциации внутри развивающегося мира.

В апреле 2016 г. Всемирный банк объявил, что больше не будет проводить различие между развитыми и развивающимися странами в своих ежегодных публикациях «Показатели мирового развития» (*World Development Indicators*), обосновав это, правда, не устареванием такой классификации, а тем, что согласованные в 2015 г. «Цели ООН в области устойчивого развития» сформулированы для всех, а не только для «развивающихся» стран [13, р. iii]. Международный валютный фонд (МВФ) в методологических пояснениях к своей публикации *World Economic Outlook* (WEO) ежегодно констатирует, что используемое им деление государств на страны с развитой экономикой и с формирующимся рынком «не основано на строгих критериях, экономических или каких-то других» [14].

В ряде случаев перемещение государств внутри классификаций МВФ и Всемирного банка происходит безотносительно к принци-

альным переменам в структуре экономики страны, в её доходах или развитии систем здравоохранения и образования, но в силу политических обстоятельств. Например, МВФ не скрывает, что присоединение Литвы к зоне евро «потребовало реклассификации страны из государства с формирующимся рынком и развивающейся экономикой в страну с развитой экономикой. Большинство реклассификаций в последние годы были связаны со странами, присоединившимися к зоне евро» [15].

В то же время сохраняется и с практической стороны остается распространённой и полезной для многих прикладных задач дифференциация развивающихся стран по критерию величины валового национального дохода (ВНД) на душу населения. По действовавшей на середину 2022 г. классификации ООН государства с ВНД менее 1046 долл. США на душу населения в год относились к странам с низким доходом; от 1046 до 4095 долл. – к странам с доходом ниже среднего; от 4096 до 12 695 долл. – с доходом выше среднего, а государства с годовым доходом более чем 12 695 долл. США считались странами с высоким уровнем дохода.

ПОДСИСТЕМА РС ДО 2030 г.

Сделав необходимые пояснения методологического плана, перейдем теперь к изложению нашего видения перемен в положении «подсистемы РС» в целом и отдельных субрегионов развивающегося мира в посткризисной системе мироустройства. Содержащиеся ниже положения в основном базируются на прогнозных исследованиях Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН 2021–2022 гг., но также учитывают более ранний стратегический глобальный прогноз ИМЭМО 2011 г., подготовленный под руководством академика А.А. Дынкина [16]. Мы также сочли небесполезным ознакомить читателя с некоторыми, на наш взгляд, показательными, оценками ряда аналитических структур США, стран ЕС и Австралии, а также отдельных развивающихся стран и международных организаций.

Общая оценка потенциала подсистемы РС. Ресурсный, демографический и общий экономический вес (доля в глобальном балансе факторов материального производства) останутся в посткризисном мироустройстве основой глобального влияния развивающихся стран. При этом по ряду параметров (доля в общем объеме разведанных минеральных и топливных ресурсов, доля в ежегодном приросте глобального производства, значимость в обеспечении бесперебойного функционирования «узких мест» глобальных транспортных коммуни-

каций, прежде всего морских, роли в обеспечении глобальной климатической повестки и т.д.) сравнительная значимость подсистемы вырастет очень существенно.

После вспышки пандемии *COVID-19* суммарная доля развитых стран Северной Америки, Западной Европы, Японии, Австралии и Новой Зеландии в мировом ВВП в 2021 г. снизилась до 42,07%. Удельный вес развивающихся экономик и возникающих рынков, соответственно, возрос до 57,93%.

Несмотря на этот относительный рост глобальной экономической значимости незападного мира, пандемия нанесла сильнейший удар по национальным хозяйствам стран Азии, Африки и Латинской Америки, последствия которого будут преодолеваются в среднем на протяжении ближайших трех – пяти лет. Беднейшим странам, скорее всего, для этого потребуются более длительные сроки. Структурно усилия правительств развивающихся стран должны концентрироваться (и видимо, если иное невозможно, именно в этой последовательности) на решении проблем продовольственного обеспечения и неотложных социальных нужд в пострадавших странах, изыскании финансовых возможностей для реализации планов восстановления экономики, ослаблении остроты долговой проблемы. После этого возможно возвращение к прерванным пандемией стратегическим курсам национальных правительств.

Демография и человеческий капитал. В течение ближайших 15–20 лет население мира будет продолжать увеличиваться каждый год, достигнув к 2040 г. 9,2 млрд человек, но темпы роста населения замедлятся во всех регионах. Прирост населения в большей части Азии будет быстро снижаться, и после 2040 г. население начнет сокращаться в абсолютных показателях. Индия, несмотря на замедление темпов прироста населения, примерно к 2026–2027 гг. станет самой населенной страной мира. После 2030–2035 гг. на страны Африки к югу от Сахары будет приходиться около двух третей ежегодного мирового прироста населения, и к 2050 году их нынешнее население может почти удвоиться [17].

Ожидается, что выгоды от воздействия демографических факторов будут в рассматриваемой перспективе устойчиво превышать минусы. В более отдаленной перспективе они окажутся даже еще более выраженными в силу благоприятного эффекта «демографического дивиденда», роста численности среднего класса и доли более образованных и квалифицированных кадров в общей структуре человеческого капитала. В 2040 г. 68% населения Южной Азии будут находиться в трудоспособном возрасте по сравнению с уже высоким показателем в 66% в 2020 г. Латинская Америка, Ближний Восток и Северная Афри-

ка, вероятно, также выиграют от того, что пиковая доля населения трудоспособного возраста превысит 65% в ближайшие 20 лет [17].

В то же время некоторые крупные многонаселенные страны, в частности Китай, более развитые страны Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока могут испытывать проблемы в связи со старением населения, снижением рождаемости и удорожанием рабочей силы. Утечка квалифицированных кадров из развивающихся стран будет возрастать. Особенно тяжелые последствия она будет иметь для стран Африки, в которых этот сегмент трудовых ресурсов и без того слишком мал. С другой стороны, миграционные потоки уже в ближайшие годы могут стать для Глобального Юга регулярным инструментом торга и даже угроз в адрес благополучного Севера.

Молодежь. В течение следующих двух десятилетий перед большинством стран с большой численностью молодежи будет стоять задача удовлетворения основных потребностей своего населения, особенно в свете социальной нестабильности, часто связанной с перенаселением молодежи. В странах Африки к югу от Сахары средний возраст, вероятно, вырастет лишь незначительно (до 20 лет к 2030 г.). Более одной трети населения стран Африки к югу от Сахары будет моложе 15 лет, по сравнению с 14% населения Восточной Азии. Другими густонаселенными странами, которые, скорее всего, всё еще будут ниже среднего возрастного порога в 2040 году, являются Афганистан, Египет и Пакистан. Примерно с 2040 г., по подсчетам ООН, основной прирост среднего класса в мире будет происходить не за счет Азии, а за счет Африки [18], в то время как начавшееся относительное обеднение среднего класса Европы и США (в сравнении с предыдущими поколениями), уже в силу одних лишь законов математики, постепенно сузит разрыв в доходах и стандартах жизни в развитых и развивающихся странах.

Китай, Индия, субрегионы и региональные державы. КНР номинально остается крупнейшей развивающейся страной мира. По показателю годового ВВП на душу населения в 2021 г. (11 890 долл. США) страна входила в группу государств с подушевым доходом выше среднего. К 2020 г. КНР построила «общество среднего достатка» с многочисленным средним классом и формально полностью ликвидировала нищету. Согласно планам КПК, к 2035 г. «Китай поднимется до уровня стран-лидеров инновационного типа»; будет завершено создание правового государства, сократится разрыв в уровне доходов, в том числе между городскими и сельскими жителями; планируется ликвидировать затяжной экологический кризис. Наконец, к 2050 г. «Китай по совокупной национальной мощи и международному влиянию войдет в число стран-лидеров» [19]. КНР остается крупнейшей экономи-

кой на планете (в расчете ВВП по ППС), ведущим торговым партнером многих стран мира и абсолютного большинства развивающихся государств.

Ожидается, что несколько ближайших десятилетий пройдут для КНР под знаком обострения конкуренции, а возможно и конфронтации с США. В 2021 г. вклад США и Китая в мировой ВВП составил по текущему валютному курсу 23,9% и 18,5% соответственно, а по паритету покупательной способности (ППС) – 15,7% и 18,6% [20]. По оценкам ОЭСР, к 2030 г. доля КНР вырастет до 27% в пересчете по текущему курсу доллара 2010 года. Доля США при сохранении современных тенденций может понизиться до 15–17% и даже ниже [21, р. 8].

Пока КНР отстает от Вашингтона с точки зрения военной мощи и глобального проецирования силы. Преодоление этого отставания будет одной из главных задач страны в ближайшем десятилетии. К 2030 г. теми или иными средствами может быть решен вопрос о воссоединении Тайваня, после чего позиции КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире многократно укрепятся в экономическом, политическом, технологическом и военном отношениях. В августе 2022 г. Управление Госсовета КНР по делам Тайваня опубликовало «белую книгу» «Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху», в которой указывается, что Китай готов к «мирному воссоединению» с Тайванем при полном исключении разных форм «сепаратистской деятельности» по поводу независимости острова. При этом силовой вариант установления контроля над ним не исключен [22]. Опосредованно такой сценарий может оказаться благоприятным и для России.

Согласно прогнозам Национального совета по разведке США, к 2027 г. Индия по синтетическому показателю потенциала (население, территория, масштабы экономики, технологические возможности и техническая вооруженность) может обогнать КНР. Однако если на внешнем контуре, как политическом, так и экономическом, этого нельзя исключить, то внутреннее развитие, особенно в плане решения многообразных социальных проблем и ограничителей, будет не столь быстрым и комплексным. Индия сталкивается с серьезными проблемами управления, общества, окружающей среды и обороны, которые ограничивают её возможности вкладывать средства в военный и дипломатический потенциал, необходимый для более напористой глобальной внешней политики [17].

В этой конкурентной среде региональные и субрегиональные «сверхдержавы», такие как Австралия, Бразилия, Индонезия, Иран, Нигерия, Саудовская Аравия, Турция и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), вероятно, будут стремиться воспользоваться новыми возможностями и занимать ниши, ранее принадлежавшие «старыми игро-

кам». Скорее всего, сегодняшний состав региональных держав может в течение полутора десятилетий существенно измениться. Кроме того, региональные державы, могут оказаться серьезной помехой для доминирования «старых игроков», в том числе и через формирование собственных союзов и коалиций. Преодоление проблем внутреннего управления, быстрое восстановление после пандемии *COVID-19* и других потрясений, а также управление отношениями с соседями будут иметь решающее значение для преобразования их ключевых сильных сторон в усиление влияния. Некоторые из них, вероятно, будут играть решающую роль в решении проблем на региональном уровне, включая вызовы безопасности со стороны негосударственных субъектов, терроризм, массовую миграцию и цифровую конфиденциальность.

Африка. Среднегодовые темпы прироста ВВП Африки за последние 20 лет были выше, чем соответствующие показатели по миру в целом, что позволило континенту повысить свою долю в мировом ВВП, хотя она всё еще остается достаточно низкой. Пока что она устойчиво очень мала – 2,5%.

Между тем практически все прогнозы сходятся в том, что значимость и относительный вес стран континента в мировой экономике и международных отношениях будет с ускорением нарастать на протяжении всего XXI века [23]. Однако кратко- и среднесрочная перспектива будет знаменоваться следующими факторами и мегатрендами: а) необходимостью мобилизации ресурсов на преодоление последствий пандемии *COVID-19* и посткризисных явлений в мировой экономике и политике (*spillovers*, негативно повлиявших на в целом успешную реализацию стратегий развития с начала века); б) попытками внешних акторов втянуть страны континента в глобальную конфронтацию на своей стороне или, по крайней мере, жестко обозначить в ней свою позицию; в) на фоне создания новых разграничительных линий в мире и перераспределения глобальных потоков ресурсов сильно возрастет значение доступных противоборствующим державам и их союзникам источников сырья и зарубежных рынков.

Это создает потенциальную возможность роста доходов от внешних поступлений для многих стран Африки. Запад, Россия и Китай продолжат активную «дипломатию очарования» в отношении Африканского континента, что означает умножение уже в ближайшие годы числа и форматов взаимодействия с ним – саммитов, деловых форумов, открытие новых институциональных возможностей (включение в состав международных объединений, создание зон беспошлинной торговли и т.п.). При доминировании в целом экономических стимулов и мягкой силы для вовлечения глобальными державами стран Африки в

свою орбиту влияния взаимодействие в области обороны и обеспечения безопасности тем не менее будет год от года нарастать.

Евро-Атлантический блок смотрит на Африку в основном с трех точек зрения: перспектив глобального экономического развития, ресурсных возможностей и военно-геополитической значимости. Все три аспекта рассматриваются через призму соперничества с главными соперниками и конкурентами – Китаем и Россией. Одновременно Запад внимательно следит за возрастающей активностью и влиянием на континенте упоминавшихся выше региональных и субрегиональных держав, активность которых в последнее десятилетие, но особенно за время пандемии, сильно возросла.

Для Пекина Африка – жизненно важный рынок сбыта и поставщик ресурсов. Но это еще и сухопутное продолжение морской части проекта «Один пояс – один путь», Морского шелкового пути, его логический терминал и завершение на Западе. Африканский континент в виде *T*-образного материкового «барьера» разделяет морскую Евроатлантику, богатые рынки сбыта Европы и акваторию Индийского океана, жизненно важную для китайских торговых связей, поставок углеводородов и других ресурсов. Геостратегическая важность континента будет возрастать для всех глобальных игроков, возможно, большую часть оставшейся продолжительности нынешнего века.

В ближайшие 10 лет ведущие полюсы глобальной силы усилят борьбу за доминирование в субрегионе Северной Африки и Сахеля. Регион Красноморья, по прогнозу, в 2020–2030 гг. будет переживать экономический бум и, как следствие, рост геостратегической значимости, проистекающий из его активной интеграции в глобальные инфраструктурно-транспортные и информационно-коммуникационные цепочки. Это усилит внимание к нему Запада (в том числе в плане попыток создания военно-стратегических союзов и объединений) и Китая (в большей степени в инфраструктурно-экономическом плане, но в складывающихся условиях и в оборонных интересах). Рост глобальной напряженности усилит и без того уже высокую степень концентрации военных потенциалов в субрегионе местных и сторонних игроков.

Рост геостратегической значимости Южного конуса Африки прогнозируется на более отдаленную перспективу примерно 15–20-летней дальности и будет зависеть от интенсивности введения в коммерческий оборот недавно открытых огромных, но труднодобываемых углеводородных ресурсов в Мозамбикском проливе и стратегического сырья (главным образом, руд с содержанием редких и редкоземельных металлов в зоне Медного пояса и южном Зимбабве) в увязке и в зависимости от интенсивности включения Китаем этих ресурсов в

обеспечение своего стратегического потенциала. Изменившаяся после февраля глобальная геополитическая ситуация сильно ускорила эти процессы, что видно по опережающему запуску мощностей по производству сжиженного природного газа (СПГ) на глубоководном шельфе Мозамбика и безотлагательному началу экспорта дефицитного энергоносителя в страны ЕС.

Латинская Америка. По прогнозу ведущего отечественного латиноамериканиста член-корреспондента РАН В.М. Давыдова, в условиях посткризисной трансформации мироустройства и «дальнейшего нагнетания напряженности в мировых делах в латиноамериканском регионе следует ожидать осложнения проблематики безопасности и соответствующего изменения функций вооруженных сил, их места и роли в общественно-политической жизни национального государства» [24, р. 7].

После пандемии темпы экономического роста в регионе далеки от высоких показателей 2003–2014 гг. До 2030 г. наиболее вероятен сценарий стагнации занятости и отсутствия роста числа рабочих мест. До Латинской Америки докатились последствия смещения Китаем акцентов в сторону развития внутреннего производства. Как следствие, в Аргентине, Бразилии, Эквадоре, Перу и – в меньшей степени – в Чили и Колумбии экономический рост недостаточен для привлечения в формальную экономику нового большого числа работников. Однако ожидается, что три латиноамериканских гиганта, Бразилия, Аргентина и Мексика, тем не менее продолжат укреплять свои региональные и глобальные позиции. Нельзя исключать, что Аргентина станет членом БРИКС.

По данным ЭКЛА ООН, слабые экономические перспективы, вероятно, приведут к повышению уровня бедности более чем 53% населения, включая 15,5 процента людей, живущих в условиях крайней нищеты, что составляет в общей сложности 327 млн человек. Многие перейдут в и без того крупные неформальные секторы. Это отзовется дальнейшим сокращением государственных доходов и сужением для правительств возможностей реагировать на растущие социальные нужды. В 2020 г. государственный долг Бразилии приблизился к 100% ВВП, что усилило финансовую уязвимость страны. Мексика отклонила рекомендации МВФ по увеличению государственных расходов как средства смягчения экономического удара пандемии и, как следствие, стоически переживает более резкий спад в своей экономике [25].

Регион в условиях конфронтации окажется под возросшим давлением со стороны США, в то же время общеконтинентальные тренды свидетельствуют о возможном возрождении с середины 2020-х гг. левоориентированных настроений в обществе и внутренней политике государств континента. Для Китая такой тренд, возможно, будет ме-

нее привлекательным в силу большей заинтересованности в стабильном функционировании местных экономик (партнеров Поднебесной по умолчанию в оптимистических настроениях у местных капиталистов), для России потенциально это откроет некоторые дополнительные возможности в регионе.

* * *

Выводы. В течение следующего десятилетия интенсивность конкуренции за влияние в формирующемся миропорядке, вероятно, будет возрастать. Складывающаяся в мире после февраля 2022 г. обстановка возгонки нестабильности и конфронтационности геополитической среды не обойдет стороной развивающиеся регионы. Запад будет стремиться в краткосрочной перспективе загнать Россию и Китай в «геополитическую коробку», а в средне- и долгосрочном плане – сокращать её периметр. Интенсивное развитие широкого комплекса отношений с развивающимися странами является важным условием успешного противостояния агрессии Запада. Москва и Пекин, помимо прямого противодействия усилиям противника, будут системно вести дело к формированию норм, правил и институтов посткризисного миропорядка.

В этих условиях развивающиеся страны, несмотря на их разнородность и усиливающуюся дифференциацию, смогут оказывать определенное влияние и на ход этой борьбы, и на оформление структур нового мироустройства, Однако для этого им понадобится выработать и донести свою консолидированную позицию по данным вопросам. В этом контексте возрастет роль объединений, интеграционных группировок и региональных (субрегиональных) организаций и институтов развивающихся стран. Некоторые крупные и многонаселенные развивающиеся государства продолжают или начнут претендовать на роль новых глобальных игроков или региональных лидеров, консолидирующих свои ареалы влияния.

Российская специальная военная операция на Украине резко ускорила процесс распада однополярного мира во главе с США. Многополярность как возможная модель нового вызревающего мироустройства, как видится, является наиболее приемлемым вариантом переустройства мира для абсолютного большинства стран и народов, поскольку открывает возможности для установления более справедливого миропорядка, учитывающего интересы максимально широкого круга членов мирового сообщества.

Важнейшим условием успешного продвижения российских интересов в Азии, Африке и Латинской Америке является понимание и прагматичный учет Россией оценок и видения самими развивающимися

странами собственных интересов в посткризисном мироустройстве. Недальновидное их игнорирование, незнание или слепая ориентация на формальные индикаторы без переосмысления глубинных сущностей или новых процессов – залог провалов и бесцельной траты ресурсов. Качественная работа на этом направлении требует адекватного обеспечения ресурсами и кадрами, а также эффективно действующих каналов прямой коммуникации между аналитиками и практиками.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

В настоящем издании приводится полный авторский вариант оригинального текста статьи. Укороченный журнальный вариант с существенными редакционными сокращениями был впервые опубликован в журнале «Мировая экономика и международные отношения». 2022. № 11. С. 5–13.

1. Голанский М.М. Взлет и падение мировой экономики. *Ученые записки Института Африки РАН*. 1999. № 6. С. 7–127.

2. Голанский М.М. *Современная политэкономия. Что век грядущий нам готовит?* М.: Эдиториал УРСС. 1998.

3. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012, № 7. С. 3–15.

4. Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных экономических отношений. *Проблемы современной экономики*. 2011, № 1(37). С. 70–75.

5. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2013. № 4. С. 18–29.

6. Country Classifications. *World Economic Situation and Prospects 2022*. N.Y.: United Nations, 2022. P. 153–159

7. Krugman, P., Melitz M.; Obstfeld M. Developing Countries: Growth, Crisis, and Reform. In: *International economics: theory and policy*. Harlow: Pearson. 2018. P. 720–763.

8. *The Princeton Encyclopedia of the World Economy*. In 2 vols. K.A. Reinert & R.S. Rajan (eds.), Princeton: Princeton University Press, 2009.

9. *Handbook of International Economics*. G.M. Grossman, Kenneth Rogoff (eds.), vol. 3, Amsterdam: Elsevier/North Holland, 1995.

10. *Мировая экономика*. Под ред. Ломакина В.К. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

11. *Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник*. Под ред. проф. Ливенцева Н.Н. и проф. Булатова А.С. М.: Магистр – Инфра, 2011.

12. Cornia G.C. *The Macroeconomics of Developing Countries*. Oxford: Oxford University Press. 2020. 416 p.

13. World Bank. *World Development Indicators 2016*. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-0683-4 (accessed 01.08.2022)
14. IMF 2022. World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database–WEO Groups and Aggregates Information. April 2022. <https://imf.org/external/pubs/ft/weo/2022/01/weodata/groups.htm> (accessed 01.08.2022)
15. WEO Country Groups and Purchasing Power Parity (PPP). World Economic Outlook (WEO). FAQ. <https://imf.org/external/pubs/ft/weo/faq.htm> (accessed 01.08.2022)
16. *Стратегический глобальный прогноз 2030*. Расширенный вариант. Под ред. ак. А.А. Дынкина. М., Магистр, 2011.
17. National Intelligence Council. *Global Trends 2040*. s.l., s.p. 2021. <http://dni.gov/nic/globaltrends> (accessed 18.03.2022)
18. *African Economic Outlook 2017*. African Development Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, United Nations Development Programme. https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page30 (accessed 18.03.2022)
19. XIX съезд КПК обозначил график развития Китая до 2050 года. (accessed 27.07.2022)
20. *Data for China, World*. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=CN-1W> (accessed 18.03.2022)
21. Y. Guillemette and D. Turner (2018), “The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060”, *OECD Economic Policy Papers*, 2018, № 22, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/b4f4e03e-en> (accessed 18.03.2022)
22. Китай не исключил сценария захвата Тайваня силой. https://rbc.ru/politics/10/08/2022/62f340099a7947167fa109c3?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop // 台湾问题与新时代中国统一事业. http://news.cn/politics/2022-08/10/c_1128903097.htm (accessed 10.08.2022)
23. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018. Т. 62. № 12. С. 5–14.
24. Давыдов В.М. От геополитического кризиса к военно-политическому конфликту и переформатированию миропорядка. *Iberoamérica*, 2022. №. 2. Р. 5–25.
25. *South America by 2030: Political, Economic and Security Outlook*. https://theglobalamericans.org/wp-content/uploads/2018/12/DOD_South-America_FINAL.pdf (accessed 07.08.2022)

ТЕКСТ И СМЫСЛЫ: ВВЕДЕНИЕ В ГЕРМЕНЕВТИКУ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Фитуни Л.Л. (2022)

Герменевтика занимается проблемами интерпретации текстов – не только в привычном узком, «издательском» смысле слова (хотя и в нём тоже), но в самом широком философском понимании – текстом как продуктом языкового выражения. Речь об интерпретации смыслов, которые возникают при работе со значимыми человеческими действиями и их последствиями. В данном эссе автор намерен поделиться своими соображениями по вопросу интерпретаций феномена «Нового мирового порядка» (НМП), на протяжении долгого времени выступающего то в качестве идеала, то химеры, возникающих при переустройстве устоявшегося течения жизни мирового сообщества. При этом на практике, как показывает история, каждое такое переустройство неизменно сопровождается катаклизмами и тяжелейшими последствиями для множества стран и народов.

Поскольку, полемизируя на ту или иную заданную тему или интерпретируя какую-то конкретную реальность нашего бытия, участники дискуссии зачастую подразумевают под одинаково именуемым предметом совершенно разные смыслы и почти всегда по-разному интерпретируют их, разумно начать наши размышления с попытки хотя бы в общих чертах договориться о том, что всё же подразумевается под термином «*новый мировой порядок*». Подчеркнем, что речь не о конкретном наполнении новой международной реальности с приходом очередного НМП, а о выделении ключевых отличительных характеристик последнего как родового понятия и самостоятельной сущности, очерчивающих систему политики отношений внутри всего человечества.

Не менее важно вдуматься и в саму конструкцию наименования термина. Мы считаем это крайне важным для адекватного и глубокого осмысления самой категории, ведь как писал А.Ф. Лосев, «в имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [1, с. 8].

Сам состав термина НМП указывает как минимум на три его смысловые особенности, призванные в своем единстве порождать новое качество бытия всего человечества. Фундаментом этой триединой

сущности выступает составляющее основу термина существительное «порядок», то есть *ясная и четкая организация какой-либо сферы действительности*. По умолчанию подразумевается, что речь идет об общественных отношениях – политических, экономических, социальных и любых других. Определение «мировой», указывает не только на географический охват новым порядком всего мира, но и на то, что им устанавливаются иерархии и правила взаимоотношений различных частей человеческой ойкумены, включая отношения между странами, народами, классами, общинами и иными социальными группами, их образующими, нисходя «поэтажно» до первичности человеческого мира – индивидуума.

Наконец, важнейшая дифференцирующая составляющая в имени термина – прилагательное «новый» – призвано знаменовать прекращение действия законов и правил «старого», предшествующего порядка или, по крайней мере, их существенную модификацию или ограниченно-избирательное использование. С философской точки зрения именно этот компонент термина несет в себе основную нагрузку отрицания существовавших прежде интерпретаций и правил, разрушение былой упорядоченности организации мира, нарушение прежних соподчиненностей.

В свете сказанного можно расширительно утверждать, что весь ход всеобщей человеческой истории в самом общем плане являет собой последовательную смену провозглашения и крушения узаконенных начинаний, которые современники интерпретировали в качестве «нового мирового порядка»: от эфемерных, как впоследствии оказалось, монотеистических реформ Эхнатона в Древнем Египте до столь же эфемерных, как ныне выясняется, глобалистских ваяний пигмалионов монополярного «Нового американского века» (*The New American Century*) и их эпигонов.

Хронически то, что современниками воспринимается как приход *Novus ordo seclorum*, другими словами, «Нового порядка на века», уже через одно-два, максимум три, поколения воспринимается как досадный сбой, нелепый зигзаг на пути магистрального хода истории. Впрочем, вполне возможно, что по прошествии еще более продолжительного исторического отрезка заклеянный зигзаг реабилитируется и уже интерпретируется как «светлый феномен, опередивший свое время», не понятый и незаслуженно оклеветанный современниками и ближайшими наследниками.

Таким образом, понимание НМП исторично, преходяще, временно, а это означает изменчивость самих горизонтов понимания. Каждое новое поколение интерпретирует *Новый мировой порядок* по-своему.

Так, одно из широко распространённых направлений интерпретации смыслов НМП на протяжении многих десятилетий, а возможно даже нескольких веков (но особенно широко внедренное в массовое сознание в XX в.), носит конспирологическую и криптологическую окраску. Архитекторам и строителям НМП приписывают весьма широкий диапазон заведомо злокозненных намерений и планов разной степени приближения к здравому смыслу: от создания тайного мирового правительства и биоэтического управляемого «человеческого муравейника» до воцарения над землянами инопланетян и рептилоидов. Подобные аспекты исканий человеческого любопытства не входят в задачи данного эссе.

В фокусе внимания автора находится смысловая множественность интерпретаций концепта НМП и собственно транзита миропорядка, а также их трансляция носителем «граду и миру». Признавая давность и даже древность самой идеи нового порядка, мы тем не менее ограничиваем хронологические рамки нашего анализа в основном новейшей историей и лишь в отдельных случаях, когда того требует логика изложения или аргументации, обращаемся к материалам нового времени. При этом *главным* полем нашего исследования остается современность и в особенности множественность интерпретаций обновления миропорядка в XXI веке.

При этом автор исходит из того, что процесс понимания концепта НМП принципиально не может быть завершён, поскольку помещаемые в него смыслы бесконечно движутся по расширяющемуся кругу. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя целое постоянному развитию. Как прозорливо заключал Х.Г. Гадамер, «постановку вопроса здесь направляет «предпонимание». Речь идет о сложившейся общественной системе, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы. Она представляет не только предмет опытно-научного рационализирования, но и его рамки, в которые «вставляется» методическая работа. Исследование разрешает в данном случае проблему, большей частью учитывая помехи в существующих общественных функциональных взаимосвязях или также путем объяснения критикой идеологии, которая оспаривает существующие господствующие отношения» [2, с. 617].

Онтологически смыслы практически всех новых провозвестников НМП восходят к идее нового «золотого века», естественно, в их собственной интерпретации. Можно также отметить общность конкретных концепций НМП в том, что они практически всегда представляются миру в качестве политического воплощения «всего хорошего против всего плохого», потому что нередко их распространение на «неосвоенные

территории» зачастую идет через революции, перестройки и структурные реформы. В то же время нередко налицо историческая преемственность глубинных смыслов НМП разных эпох. В её основе нередко лежит сходство базовых идей и этики миропонимания творцов очередного миропорядка. Но порой выдвигаемый проект НМП есть не что иное, как повторная попытка наконец всё-таки утвердить несостоявшийся проект миропорядка или вновь вернуть к бытию рухнувший, подновив идею под изменившуюся действительность и заменив негодные детали.

Например, во второй половине XIX в. в Великобритании крупнейшая политическая фигура британской империализма на Юге Африки, колонизатор, бизнесмен и премьер-министр Капской колонии Сесил Родс выступал с идеей объединения Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и других колоний в «Имперскую Федерацию», сверхдержаву, которая «обеспечит и прочный мир во всем мире». В 1890 г. он конкретизировал идею этого НМП как создание «Англии повсюду» (*England Everywhere*), что, по его словам, «в конечном итоге приведет к прекращению всех войн и одному языку во всем мире». Он считал, что «единственное, что может претворить в жизнь эту Идею, – это тайное общество, постепенно поглощающее богатство мира для посвящения его этой цели» (*The only thing feasible to carry out this Idea is a secret society gradually absorbing the wealth of the world, to be devoted to such an object*) [3]. Такое общество, как считают К.Квигли и К.Браун, было создано*. Они пишут, что и при жизни, и по смерти С. Родса его финансирование осуществлялось в значительной степени из невероятных прибылей его создателя от участия в учрежденных им многочисленных компаниях на Юге Африки, включая пресловутую «Де Бирс», и от эксплуатации богатств колоний и протекторов Британии на территории Африки, прежде всего на землях современных ЮАР, Замбии, Зимбабве, Ботсваны, Лесото, Эсватини и Малави. Общество, согласно названным авторам, продолжило существовать в XX в. под новыми названиями и после смерти С. Родса, продвигать, в том числе через созданный на завещанные им деньги стипенди-

* Крупнейший отечественный биограф С. Родса академик А.Б. Давидсон с тем, что оно было реально создано, не согласен. Признавая наличие у Родса планов создания общества, А.Б.Давидсон писал в вышедшей в 1984 г. монографии «Сесиль Родс и его время» о «так и не созданном тайном союзе» и считал, что «мысль о воспитании через Оксфорд будущих распространителей его [Родса] идей ... вытеснила собою проект организации тайного ордена» [4, с. 350]. Эта же мысль была повторена в его вышедшей в 1998 г. книге «Сесил Родс – строитель империи» [5, с. 416]. В то же время на Западе и в ЮАР издан целый ряд исследований, утверждающих, что такое общество не только было создано, но и продолжало свое существование по крайней мере до середины XX века [см. 6 и 7].

альный трастовый фонд для обучения в Оксфордском университете, идею сближения «англотеветонской расы» [4, с. 350]. Достоверность утверждений о сохранившемся тайном обществе оспаривается современным научным мейнстримом, который склонен относить их к конспирологическим интерпретациям НМП.

Однако, как представляется, сам факт наличия или отсутствия тайного общества как конкретной структуры, созданной Родсом, не является столь уж важным. В XIX в. тайные общества плодились, как грибы после дождя. Вспомним хотя бы наших декабристов. В конце концов, и ленинская РСДРП на определенном этапе являлась таковым. Poleмика в ней «ликвидаторов» и «отзовистов» в начале XX в. – яркое подтверждение приверженности части партии форматам организации и методам работы тайного общества и желанием другой части порвать с конспиративным прошлым.

В британских элитах безотносительно к тайным обществам и закрытым клубам, которыми изобилует Туманный Альбион, глубинные смыслы установления НМП после окончания Первой мировой войны распространялись в элитах все активней. Некоторые из них придавали особое значение объединению усилий англоязычных народов при лидерстве Британии и США во имя этой цели.

Что касается Соединенных Штатов, то идея «*нового мирового порядка на века*» лежит в основе их существования с момента возникновения страны. В современном политическом значении появление термина связано с именем 28-го президента США (1913–1921) Вудро Вильсона. 8 января 1918 он озвучил свои знаменитые Четырнадцать пунктов, легшие впоследствии в основу Версальского договора, а по смыслу – в основание НМП, хотя сам этот термин в них не использовался. 18 февраля 1918 года Вильсон обратился к Конгрессу США со специальным обращением по вопросу нового *международного* порядка [9], а выступая 9 сентября 1919 г. в Университете Миннесоты, впервые употребил словосочетание «новый порядок мира» («*new order of the world*»), описывая мироустройство, в лоно которого будут допущены демократические страны, но перед автократиями двери будут хлопнуты. Небезынтересно, что для выражения этой мысли он использовал английский фразеологизм *to send to Coventry*, т.е. подвергнуть кого-то бойкоту, ostrакизму, отмене (“*The league of nations sends autocratic governments to Coventry*”) [10].

Как мы видим, «культура отмены», будучи в морально-этической основе своей продуктом протестантского общественного сознания, была присуща установочным текстам американских президентов уже в те годы, в том числе и в международных делах. Конечно, Вудро Вильсон не мог предполагать, насколько буквально в 1940 г. автократ

из Германии решить исполнить его инвективу о «ковентрировании» в отношении демократической Британии.

Впрочем означенный германский автократ попытался навязать свою собственную интерпретацию смыслов НМП, который он без затей так и именовал на родном языке «*die neue Ordnung*».

Идея НМП настойчиво продвигалась У. Черчиллем и позднее достаточно четко озвучивалась в его речах начала Холодной войны. Появились новые интерпретации НМП, вылившиеся в подписание Черчиллем и Рузвельтом в августе 1941 г. Атлантической Хартии, документа, формально определявшего устройство мира после победы союзников во Второй мировой войне, несмотря на то что юридически Соединенные Штаты в войну ещё не вступили.

Нетрудно заметить преемственность между колониально-имперскими смыслами НМП XIX века С. Родса – «Англия повсюду», абсорбирование мирового богатства, распространение английского языка в мире до его де-факто превращения в язык всемирного общения, создание мирового военно-политического союза англоязычных государств, «обеспечивающего мир во всем мире» – и сегодняшней официальной государственной стратегией Правительства Её Величества «Глобальная Британия» (*Global Britain*), естественно, с поправками на геополитические, экономические и социальные реалии XXI века. Характерно, что и имя проекта сегодня изменилось несущественно. Постулат же о военно-политическом единении с Соединенными Штатами в общую сущность близок к реализации как никогда со времен деколонизации британских владений в Новом Свете.

Другая линия преемственности планов НМП видна в принятии Британией и США в ходе Корнуоллского саммита G7 в июне 2021 г. «Новой атлантической хартии», которая, как гласит её текст, подписанный английским премьером Б. Джонсоном и американским президентом Дж. Байденом, направлена на «реализацию нашего видения в интересах более мирного и процветающего будущего» [8]. Если продолжать аналогию с первоначальной Атлантической хартией 1941 г., то её обновленную (*rejuvenated*) версию от июня 2021 г., по-видимому, можно подобным же образом интерпретировать как декларацию американо-британского видения мира после новой глобальной войны. Такой скрытый смысл становится тем более вероятным, что уже примерно через три месяца было объявлено о подписании трехстороннего пакта по безопасности с участием США, Великобритании и Австралии, известного ныне как AUCUS. Параллельно интенсифицировалось санкционное давление США на Россию и Китай и провоцирование военной конфронтации вокруг Украины поздней осенью 2021 и зимой 2022 года, вынудившее РФ начать специальную военную операцию на Донбассе.

На Ялтинской конференции 1945 года, Сталин, Рузвельт и Черчилль обсуждали планы послевоенного устройства мира. Однако утвердившаяся после Второй мировой войны биполярность не дала победителям установить единый новый мировой порядок на планете. Каждая из сверхдержав интерпретировала идеальные смыслы НМП по-своему. Нам, однако, представляется, что допустимо считать самую сложившуюся биполярность специфической новой формой мирового порядка более высокого уровня, просуществовавшей почти 45 лет.

После Мальтийского саммита 1989 года Михаил Горбачев и Джордж Буш-старший оба видели в эпохе, наступающей после окончания холодной войны, установление НМП. Их интерпретации феномена не были одинаковы, однако между ними возникло понимание. Близость в осознании необходимости изменения порядка политической организации современного им мира сосуществовала с очевидным моментом «чужеродности» между их идеологическими воззрениями и опытом бытия. Однако, согласно концепции понимания прусского теолога и философа-герменевта Ф.Д.Э. Шлейермахера, отношение «чужеродное-родственное» (= различное/тождественное) универсальным образом определяет человеческое общение и конституирует возможность и необходимость понимания [11; 12, с. 63].

Горбачев, хотя и нечасто, но использовал непосредственно оборот «новый мировой порядок», а Буш-старший говорил о том же описательно, как о «мире, совершенно отличном от того, который мы знали» (*«a world quite different from the one we've known»*) [13]. Однако следует отметить, что Горбачев, очарованный идеями мирового братства, всё же отдавал приоритет строительству «общеευропейского дома», в котором и будут коллегиально приниматься решения относительно НМП. Буш же, как и наследовавший ему Клинтон, рассматривали НМП через призму однозначного и непререкаемого американского лидерства.

Сокрушение Советского Союза в 1991 г. можно принять за точку отсчета для установления очередного НМП. С последних десятилетий XX века для наших дней в мире прошли как минимум три раунда смены господствовавшего миропорядка: крах двухполюсной миросистемы, установление монополярности с бесспорным доминированием США, возможное зарождение многополярной системы (см. *табл.*). По поводу устройства и реальных перспектив последней четкого представления и однозначного мнения пока нет. Нынешний этап формирования мироустройства характеризуется высокой степенью неопределенности и нестабильности. Декларации с благостными формулами типа Новой атлантической хартии более затуманивают, чем проясняют реальные намерения игроков.

Таблица. Матрица фундаментальных вех и смыслов трансформации миропорядка в 1989–2022 гг.

Веха (время)	Символ (место)	Веха (событие)	Стратегические последствия	Смыслы (перемены глобального порядка)	Последствия для Африки
1989–1991	СССР	Крушение СССР и соцлагеря	«Конец» [40-летнего этапа] Холодной войны	Исчезновение биполярного мира / начало монополярности	Уход СССР и «соцориентации», фиаско программ МВФ, кризис развития, вхождение КНР
2001	США	Теракт 9/11. Принятие “Patriot Act”	Легитимизация внешней агрессии США и права смены режимов	Пересмотр базовых прав личности (<i>легитимизация новых видов и степеней контроля над индивидуумом</i>)	Ускорение экон. роста, поиск субъектности, «цветные» революции, экспансия исламизма и терроризма, <i>ChinAfrica</i>
2020–2022	Весь мир	COVID-19, СВО на Украине	Переформатирование глобальных альянсов	Обострение глобальной конфронтации, «переконструирование» либерализма, реинтерпретация демократии (<i>ограничение свобод на уровне общества</i>)	«Пауза неопределенности»; новые возможности геостратегического маневрирования, «ниши для рывка»

Источник: составлено автором.

Последовательная смена перечисленных циклов сделала рассуждения о происходящих тектонических подвижках в мировой экономике и сложившемся миропорядке в последние три десятилетия неизменным триумфом. С начавшимся в нулевые годы размыванием безысходности монополярного мира и постепенной прорисовкой в мареве неолиберального фундаментализма сначала зыбких, но постепенно всё более явственных контуров глобальной полицентричности набор пророчеств-клише о судьбоносных переменах и их необратимости неизменно пополнялся. После кризиса 2008–2010 гг. на лидерство по степени избитости в качестве субститута НМП стала претендовать фраза

«мир уже никогда будет прежним», хотя в течение 10 лет, последовавших за зародившимся в США глобальным кризисом, радикальных перемен не произошло.

В 2020 г. с наступлением пандемии коронавируса было вновь объявлено о том, что «человечество отныне вступило в иную реальность». К 2022 г. государства мира, несмотря на огромные издержки и огромные человеческие потери, в значительной степени отошли от шока первых двух лет кризиса и приступили к выстраиванию *моделей и правил существования в «новой нормальности»*, то есть, в международном плане, всё того же НМП.

Изменения уже произошли в глобальных масштабах. Как нами подчеркивалось в предшествующих публикациях [14; 15; 16], за первые два месяца пандемии большинство правительств эффективно провело операции по ограничению множества прежде непререкаемых свобод граждан, были остановлены целые отрасли экономик (международные авиаперевозки, туризм и т.д.). Было радикально снижено качество жизни больших масс населения, а цикл быта и поведенческий порядок в развитых странах (в развивающихся – меньше) отныне добровольно подчинен жесткому регулированию. Не прибегая к громоздкой процедуре, предусмотренной национальными законодательствами, практически все государства на базе указаний представителей исполнительной власти (часто не высших) де-факто перевели функционирование ведущих экономик мира, создающих более 80% мирового валового продукта, в мобилизационный режим. При этом отрасли, не приспособленные функционировать в таком режиме (туризм, мелкое предпринимательство и проч.), впали в кому, если не умерли. Разобшение и парцелляризация национальных обществ достигла невиданных в современной истории размеров. Межстрановые, межэтнические и межконфессиональные отношения испытывают колоссальные напряжения, что открывает окно возможностей для активного использования заинтересованными силами принципа «разделяй и властвуй» [16].

Не вдаваясь в оценку конечной эффективности перечисленных шагов правительств, важно отдавать отчет, насколько принятые меры, даже после окончания их действия по истечении примерно двух лет, значимы для характера эволюции государственной власти, для настроений и взаимодействий в обществе, для отношений в будущем международном сообществе. Россия в её нынешнем состоянии и положении в полной мере подвержена общим для мира процессам.

Ученые и политики сходятся в том, что *пандемия и мировой экономический спад сделали невозможным развитие глобализации в русле 1990-х – 2010-х гг.* Максимальный разрыв общественных связей через введенную самоизоляцию, концепция «каждый спасается сам, отде-

лившись от социума» создали хорошие предпосылки для отказа от «неэффективного вмешательства государства» и укрепили многих в мысли о малой полезности последнего. Это сформировало необходимую среду для выведения на авансцену в постпандемическом будущем *сообществ компетентных негосударственных акторов надсуверенного уровня* [14, с. 6].

Глобальное развитие, а с ним и конфигурация миропорядка и баланса сил в нём к этому времени (примерно за последние 30–40 лет) преодолели три важнейших этапа, в корне перестроив миропонимание и организацию мира (см. таблицу выше).

Резкое обострение кризиса политической системы в США во второй половине 2020 г. привело к (возможно, временной) победе «ультра-глобалистов», выступивших, с одной стороны, за жесткую консолидацию Запада, а с другой – ужесточило подходы к России и Китаю. Несмотря на все издержки, победителям удалось консолидировать «коллективный Запад» вокруг возрожденного пропагандистско-идеологического лозунга НМП-1918 «демократии против авторитарных режимов», а в военно-материальном плане вокруг блока НАТО и его субпродуктов в других регионах мира (АУКУС и пр.). К концу 2021 г. необходимость изменения динамики развития существующего миропорядка фактически перезрела. Мир, окончательно преодолев «зигзаг истории», вернулся в своих типовых противоречиях к началу XX века и напрягся в ожидании своего нового Сараево...

Как показано выше, «новые мировые порядки» рождаются, как правило, в результате необратимых перемен в глобальном балансе сил, подрыва планетарных позиций старых гегемонов и поступательного восхождения новых претендентов на эту роль. Это не линейный процесс. В некоторых случаях (как это было в конце 1980-х – начале 1990-х годов) старые гегемонистские державы способны повторно укрепить свои позиции путем захвата и поглощения новых, ранее недоступных ресурсов.

Так, по окончании Холодной войны коллективный Запад сумел повторно на время обрести исторический динамизм за счет того, что получил в свое полное распоряжение и на своих условиях потенциал бывшего соцлагеря. Это позволило ему продлить свою гегемонию еще почти на 30 лет. Однако к середине 2010-х годов легкодоступная часть этого резерва, потребление которой не требовало особых затрат, оказалась практически «переваренной». Остались лишь «трудноосваиваемые» сегменты мировой экономики на территории бывшего СССР и особо отсталые районы развивающегося мира. Их освоение в теории также возможно, но требует относительно больших затрат, что ребром ставит вопрос о том, готов ли Запад, несмотря на всю привлекатель-

ность приза, пойти на сопряженные с его получением жертвы. Кроме того, как отмечалось выше, в среднесрочной перспективе обозначилась неизбежность конфронтации с Китаем и, возможно, с некоторыми другими крупными и многонаселенными восходящими экономиками. Это заставляет Запад более осторожно и расчетливо подходить к вопросу эскалации конфронтации в каждом конкретном случае.

В то же время передел мира с последующим введением очередного НМП стал столь же неизбежным. Возможно, считая Россию «слабым звеном» в этом раскладе мирового баланса сил, Запад принял решение о разыгрывании к весне 2022 г. украинской карты для окончательного решения описанной выше проблемы.

Для России развертывание такого сценария обозначило необходимость осуществить реальный разворот от, пусть и несколько ослабшей, но по-прежнему сохранявшейся со времен Горбачева ориентации на Запад. Исторически одновременно и ошибочной, и преступной была наивная надежда лидеров уходящего СССР и новорожденной «демократической и либеральной» России на то, что Запад захочет взвалить на себя заботу об огромном пространстве бывшего Советского Союза и его многочисленном населении (на начало 1991 г. более 289,2 млн чел. – третья по числу жителей страна в мире) [17] и обеспечивать 1/6 мира тот же уровень зажиточности и благосостояния, в котором пребывает сам.

Проведенная деиндустриализация, разъединение территорий, разукрупнение и разобшение хозяйствующих субъектов, ликвидация большинства системообразующих передовых производств и целых отраслей вкупе с развалом системы профессионально-технической подготовки, снижением качества общего образования, не говоря уже о воспитании, привели к тому, что ко времени вспыхнувшего обострения конфронтации с Западом Россия вынуждена решать массу проблем, которые могли бы либо отсутствовать полностью, либо быть не столь кричащими.

Кризис мирового порядка, разразившийся весной 2022 года, породил необходимость обновления всей экосистемы экономических и политических отношений на внутреннем и на внешнем контурах российской государственности. Очевидна необходимость укрепления обоих контуров, и внутреннего, и внешнего, формирования новых или обновленных подходов и, что главное, стимулов в совершенствовании отношений с иностранными государствами. При этом стимулы для последних могут быть как позитивными, так и отрицательными. Нужно научиться не только поощрять, но и карать. Важно преодолеть поведенческий шаблон, когда от России ожидают, что та обязана постоянно кому-то что-то давать, рассчитывая в лучшем случае на заверения в

вечной дружбе и «стратегическом партнерстве». У партнера совершенно ясной должна быть и перспектива потерь в случае пренебрежения интересами нашей страны. Вместе с тем понятно, что в общей гамме «убедительных доводов» силовые аргументы будут оставаться доводами крайнего порядка.

Сегодня наиболее неотложные задачи – это преодоление *точек уязвимости* на внешнем и на внутреннем контурах. Такими точками на внешней линии является неприкрытое давление противника на те страны, которые стремятся сохранить и продолжить существующие отношения с Россией, не желают присоединяться к бойкотам и санкциям гегемонистских держав. К таким странам, испытывающим давление США и их сателлитов, относятся почти все государства Африки.

На внутреннем контуре наиболее уязвимой точкой видится недопонимание значительной частью населения того, что успех России в выстраивании нового мирового порядка, её место в нём находятся в прямой зависимости от величины и качества личного вклада каждого гражданина в коллективные усилия всей страны по обеспечению себе достойного места в формирующемся новом мировом порядке. Достойное место в нём будет означать, что Россия не будет больше эксплуатированной и ограбляемой мировой полупериферией, от которой требуют выполнения установленных кем-то без её согласия правил, а войдет в число равноправных системообразующих субъектов миропорядка, определяющих смыслы развития последнего.

Африка также не пребывает вне указанных процессов. Она интегрирована в них. В ряде случаев ей принадлежит в них особое место: где-то «природного» очага определенных вызовов и угроз, а где-то своеобразной чашки Петри со слоем питательной среды, на который производят посев и затем изучают процессы вызревания социальных изменений, которые со временем при нужных манипуляциях, а порой естественным образом могут мутировать в международные вызовы и угрозы или *в фактор управления ими*.

В Африке многие процессы, являющиеся объектом изучения общественных наук, проходят рельефнее, четче, до циничности в более чистом виде, нередко, к сожалению, сопровождаясь большими издержками, включая массовые человеческие жертвы. Любой план построения НМП без учета «африканского фактора» сегодня обречен на неудачу.

Как неоднократно отмечалось, Африка – источник перспективных возможностей, которые ключевые глобальные игроки со всей очевидностью и уже без особых внешних «прикрытий» пытаются использовать для консолидации своих позиций в обостряющемся глобальном соперничестве и в новой конфигурации мирового порядка.

Говоря об оценке перспектив отношений между Россией и Африкой в рамках возможных сценариев НМП, нельзя не видеть, что наша страна в свете попыток Запада воспрепятствовать её развитию и вытеснить её с мировых рынков и международной арены крайне нуждается в интенсификации активности на африканском направлении и шире – на направлении условного глобального «Незапада».

Должна ли Россия четко сформулировать смыслы собственного видения НМП? Какие качественные изменения мы должны произвести, чтобы создались реальные условия для того, чтобы весь остальной, незападный мир пусть и не сразу, но неминуемо почувствовал, что правое дело за нами, а не за нашими оппонентами? Как видится, ключ к успеху один: для такой страны, как Россия, бесполезно строить нарративы развития и всё свое будущее на базе уютного принципа «*small is beautiful*». Мы в него не вмещаемся. Нужно активней выступать на внешнем контуре как носитель широкого нарратива освобождения и надежд для эксплуатируемой и подвергающейся ограблению «незападной части» стран и народов нашей планеты – для себя и для всего мира! Именно такой нарратив привлекателен. К нему будут тянуться страны и народы, а значит и преумножать наш потенциал.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Ученые записки Института Африки РАН». 2022. № 2(59). С. 5–16.

1. Лосев А.Ф. *Философия имени*. М.: Академический проект. 2009. С. 8.
2. Гадамер Х.Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. М.: «Прогресс». 1988. С. 617.
3. Mr. Rhode's Ideal of Anglo-Saxon Greatness. Statement of His Aims, Written for W.T. Stead in 1890. *The New York Times*. April 9, 1902. <https://times-machine.nytimes.com/timesmachine/1902/04/09/101945773.pdf> (дата обращения 20.05.2022)
4. Давидсон А.Б. *Сесиль Родс и его время*. М.: Мысль. 1984.
5. Давидсон А.Б. *Сесил Родс – строитель империи*. М.: Олимп. 1998.
6. Quigley C. *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time*. Vols. 1–8. New York: The Macmillan Company. 1966.
7. Brown R. *The Secret Society. Cecil John Rhodes's Plan for a New World Order*. L: Penguin Books. 2015.
8. The White House. *The New Atlantic Charter*. June 10, 2021. Statements and Releases. <https://whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/10/the-new-atlantic-charter/> (дата обращения 09.05.2022)
9. Woodrow Wilson, *Address to Congress on International Order*. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. <https://presidency.ucsb.edu/node/311360> (дата обращения 09.05.2022)

10. Woodrow Wilson. *Address at the University of Minnesota Armory in Minneapolis*. <https://presidency.ucsb.edu/documents/address-the-university-minnesota-armory-minneapolis> (дата обращения 09.05.2022)

11. Ракитов А.И. Опыт реконструкции концепции понимания Фридриха Шлейермахера. *Историко-философский ежегодник 1988*. М.: Наука, 1988. С. 150–165.

12. Габитова Р.М. Универсальная герменевтика Фридриха Шлейермахера. *Герменевтика: история и современность*. М.: Мысль, 1985. С. 63.

13. Bush G. September 11, 1990: Address Before a Joint Session of Congress. <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1990-address-joint-session-congress> (дата обращения 09.05.2022)

14. Фитуни Л., Абрамова И. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 9. С. 5–14.

15. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2013. № 4. С. 18–29.

16. Фитуни Л.Л. Коронавирус и «конец истории». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 2(51). С. 5–13.

17. Население постсоветского пространства – 30 лет спустя. *Демоскоп Weekly*. 2021. № 925–926.

**ПЕРЕУСТРОЙСТВО МИРОПОРЯДКА:
БРИКС И АФРИКА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН,
ИЛИ «МНОГОЯДЕРНОСТЬ»
ПРОТИВ «ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ»**

Фитуни Л.Л. (2022)

В последние годы объективные эволюционные процессы мирового развития и конкуренции ускорились и интенсифицировались на фоне и под непосредственным воздействием совокупного влияния множества острых катаклизмов, имеющих глобальные последствия: политического кризиса власти в США и ряде других стран Запада; кризиса господствовавших парадигм развития, многократно усиленного воздействием пандемии *COVID-19* и глобальными социально-экономическими последствиями реакций на неё национальных правительств, прежде всего, богатых развитых стран; геостратегического кризиса – кризиса международной безопасности, порождаемого, прежде всего, гегемонистской стратегией и дестабилизирующей тактикой Запада, в особенности на востоке Европы и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Хотя, казалось бы, Африка в меньшей мере оказывается непосредственной ареной прямых геополитических столкновений между глобальными державами и стоящими за ними военно-политическими союзами и экономическими блоками, однако страны континента самым непосредственным образом затронуты последствиями обострения глобальной конфронтации.

Иначе и не может быть. Налицо развертывание активной фазы переустройства существующего миропорядка, проистекающего из затяжного и, скорее всего, непреодолимого структурного кризиса последнего. В ходе происходящих глобальных трансформаций «обессилевшие» или неспособные выполнять приданные им функции институты глобального управления и поддержания мирового порядка всё более оттесняются новыми лидерами, мировыми центрами, союзами, блоками и объединениями с авансены мировой политики или отодвигаются от реального управления мировой экономикой.

К числу таких сравнительно новых коллективных акторов международных отношений относится объединение БРИКС, состоящее на сегодняшний день из пяти полноправных членов: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. За немногим менее двух десятилетий своего существования оно превратилось из произвольно объединенной глобальными инвесторами виртуальной группы крупных быстро развивающихся восходящих экономик в самостоятельного, весомого и ди-

намичного актора на мировой арене, сравнимого, а нередко превосходящего по влиянию и глобальной значимости объединения «старых» глобальных игроков, таких, например, как G7, ОЭСР и т.п.

Сегодня на передний план выходит особая мировая роль БРИКС. Как отмечал президент России, в развертывающемся процессе переустройства мирового порядка «как никогда востребовано лидерство стран БРИКС в выработке объединяющего позитивного курса на формирование по-настоящему многополярной системы межгосударственных отношений, основанной на общепризнанных нормах международного права и ключевых принципах устава ООН» [1]. Как следствие, в последние годы быстро расширяется взаимодействие БРИКС со многими странами мира, разделяющими стремление к построению более справедливого и равноправного миропорядка, и с их региональными объединениями, такими как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Африканский союз (АС), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Ассоциация регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана.

АФРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Объединение последовательно и целенаправленно развивает сотрудничество с государствами африканского региона. Исторически каждая из стран БРИКС связана с этим континентом особыми узами. ЮАР – первая, но, похоже, далеко не последняя африканская страна, которая стала полноправным членом БРИКС. У латиноамериканского гиганта, Бразилии, большая часть населения – потомки рабов, вывезенных с Черного континента европейскими колонизаторами. Культура и традиции этой страны полны свидетельств неразрывных связей с африканскими корнями. Многочисленные индийская и китайская диаспоры – характерная черта этно-демографической структуры целого ряда стран Южной и Восточной Африки. А Москва и Пекин внесли огромный вклад в деколонизацию континента и становление суверенной государственности и национальных хозяйств африканских стран.

Однако главный фактор, определяющий особое внимание БРИКС к Африке, – совпадение в видении необходимости трансформации существующего миропорядка в сторону взаимного уважения, справедливости и равенства, защиты суверенитета, поддержания мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, приверженности многосторонности посредством соблюдения норм международного права.

С африканскими партнерами пятерка стран БРИКС ведет диалог как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Он осуществля-

ется в том числе и в рамках относительно новых форматов и инициатив БРИКС, таких как *BRICS Outreach / BRICS Plus*. При этом базовые принципы отношений с Африкой остаются неизменными со времени возникновения объединения. Это взаимоуважение и взаимопонимание, равенство, солидарность, открытость, инклюзивность.

Осложнившаяся уже в 2021 г. международная ситуация и особенно существенные изменения в ней, произошедшие в 2022 г., расставили новые акценты в деятельности БРИКС на африканском направлении. В 2021 г. на встрече министров иностранных дел Пятерки было принято Совместное заявление по укреплению и реформированию многосторонней системы международных отношений, которое содержало конкретные предложения на этот счет.

Ключевые идеи Совместного заявления были развиты и закреплены на высшем уровне принятием решений БРИКС в ходе XIV саммита объединения в мае 2022 г. в Пекине. Принятая на нём Пекинская декларация детализировала подходы объединения к реформированию глобальной системы, во многих случаях специально останавливаясь на роли Африки в этом процессе и последствиях проводимых реформ для континента.

Провозглашено, что главная задача – «сделать инструменты глобального управления более инклюзивными, представительными, с привлечением более широкого круга участников, с тем чтобы способствовать более активному и значимому участию развивающихся и наименее развитых стран, особенно Африки, в глобальных процессах и структурах принятия решений, повысив их приспособленность к современным реалиям» [2].

Вместе с африканскими партнерами страны БРИКС работают над демократизацией международных отношений, существующих международных организаций и институтов глобального управления. Многие положения касаются интересов беднейших стран и намерений БРИКС по их защите. В числе таких мер предлагаются привлекательные инновационные и инклюзивные решения, включая цифровые и технологические инструменты содействия устойчивому развитию и обеспечению приемлемого в ценовом отношении и справедливого доступа к глобальным общественным благам.

В этом плане страны БРИКС видят встречное движение со стороны африканских государств и их общеконтинентальных и субрегиональных организаций. С последними, как и с Африканским союзом, реализуются совместные проекты и программы помощи в решении региональных проблем – не только экономического плана, но и, например, поддержание мира и безопасности, постконфликтное восстановление, а также усилия в области человеческого развития.

Тема «БРИКС и Африка», постоянно присутствующая в качестве одного из ключевых аспектов международной активности Пятерки, примерно раз в пять лет обычно выходит на первый план в повестке дня объединения. Как правило, это происходит тогда, когда председательство в БРИКС переходит к Претории, а очередной Саммит проводится на Африканском континенте.

Начало этому циклу было положено на Пятой встрече в верхах (V саммите) лидеров стран БРИКС, проведенной в ЮАР в 2013 г., на которой впервые подробно обсуждались возможности укрепления связей Африки с пятеркой восходящих «глобальных тяжеловесов». Тема саммита была провозглашена как «БРИКС и Африка – партнерство для интеграции и индустриализации». Была поставлена задача раскрыть потенциал сотрудничества между БРИКС и странами континента. Участники исходили из того, что Африка, уже более десятилетия развивавшаяся темпами, существенно превышавшими среднемировые, располагает огромным потенциалом и готова для форсированного расширения связей со странами объединения с самых разных точек зрения: обилия природных ресурсов, растущей потребительской способности населения и благоприятной демографической ситуации [3]. У африканцев в свою очередь восхождение стран БРИКС в качестве крупных глобальных игроков породило надежду на дополнительный дивиденд от взаимовыгодного партнерства, который может способствовать еще более динамичному и, что не менее важно, более сбалансированному развитию континента.

В последующие годы, несмотря на многократное реальное расширение отношений на институциональной базе объединения, в отношениях стран БРИКС и Африки сохранялось преобладание двусторонней повестки над многосторонними решениями.

Автор считает необходимым ниже точно остановиться на некоторых наиболее существенных или тающих потенциал «поворотных» в контексте переустройства миропорядка моментах отношений каждой из стран БРИКС с государствами континента.

МОМЕНТЫ ДВУСТОРОННЕЙ ПОВЕСТКИ

ЮАР. В 2023 г. председательство в БРИКС переходит к Южно-Африканской Республике. В настоящее время на партнеров по объединению приходится 59% всего импорта и 41% экспорта ЮАР. Правда, этот объем распределяется крайне неравномерно. Из всего товарооборота с БРИКС 94% приходится на Китай и Индию, 4% – на Бразилию и только 2% – на Россию [4].

В качестве африканской страны ЮАР естественным образом претендует на особое место проводника или связующего моста между остальной Африкой и БРИКС. Страны Африки – важный рынок сбыта для южноафриканской продукции. Они обеспечивают 16% экспортных доходов Претории [4].

Президент ЮАР Сирил Рамафоса регулярно подчеркивает, что БРИКС как динамичная группа прокладывает путь в новую эру глобального развития, которая возвещает приход системы, основанной на более инклюзивных, устойчивых и справедливых принципах.

Судя по прозвучавшим на Пекинском саммите 2022 г. сигналам, «изюминкой» саммита БРИКС 2023 г. в ЮАР станут прорывные решения о расширении числа полноправных членов объединения, возможно, за счет африканских государств. С. Рамафоса прямо декларировал, что «на саммите БРИКС в следующем году под председательством ЮАР будет серьезно рассмотрен вопрос о расширении БРИКС. Ряд стран последовательно обращаются к членам БРИКС, и мы дали им тот же ответ, что это будет обсуждаться партнерами по БРИКС и после этого будет принято коллегиальное решение» [5].

Претория будет стремиться использовать «домашний саммит» для стимулирования экономического роста в стране и укрепления связей с государствами-партнерами, с одной стороны, и одновременно – как ценную платформу для обсуждения глобальных экономических проблем и вызовов, а также для усиления своего влияния на континенте и среди развивающихся стран в целом – с другой.

Претория является важным партнером Москвы по БРИКС, с помощью которого Россия может более эффективно реализовать свою африканскую политику. Отмечая особую роль ЮАР для развития российско-африканских отношений в общеконтинентальном масштабе, президент РФ В.В. Путин указал, что «фундамент наших отношений, сложившийся в прежние десятилетия, конечно, должен быть использован в новых условиях для развития многосторонних отношений с африканскими государствами и сегодня, в том числе и с Южно-Африканской Республикой, которая является, как известно, очень активным и действенным нашим партнером и в рамках БРИКС» [6].

Китай. Внешнеполитическая линия Китайской Народной Республики на африканском направлении является региональной составляющей политики Коммунистической партии Китая «по продвижению вперед дипломатии мировой державы с китайской спецификой, созданию сообщества единой судьбы человечества, мультилатерализма и борьбы против любых форм гегемонизма и политики силы, с твердой решимостью противостоять унилатерализму, протекционизму и травле» [7].

В июне 2022 г. Китай принимал XIV саммит БРИКС и одновременно провел диалог высокого уровня по глобальному развитию в виртуальном формате, актуальность которого повысилась из-за того, что пандемия *COVID-19* катастрофически повлияла на мировую экономику и сильно подорвала реальные достижения в области борьбы с глобальной бедностью и ход осуществления Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.

На XIV саммите объединения китайская сторона сделала упор на задачу «формирования высококачественного партнерства во имя открытия новых горизонтов БРИКС», а руководитель КНР Си Цзиньпин выступил с одноименным докладом. Он обозначил четыре ключевые задачи БРИКС в сложных современных условиях переустройства миропорядка. Согласно китайскому лидеру, во-первых, необходимо направить совместные усилия на защиту мира и стабильности во всем мире. При этом особо была отмечена важность взаимной поддержки друг друга в вопросах, касающихся ключевых интересов. Во-вторых, следует продвигать совместное развитие для преодоления рисков и вызовов, что включает широкий спектр конкретных задач – от борьбы с пандемией *COVID-19* до сохранения надежных каналов поставок, принятия согласованных мер в ответ на вызовы в таких областях, как сокращение бедности, сельское хозяйство, энергетика и логистика. В-третьих, нужно перейти на инновационный путь и раскрыть потенциал сотрудничества, активизировать работу по укреплению партнерства стран БРИКС по вопросам новой промышленной революции. В-четвертых, развивать объединение в духе открытости, активизировать работу по привлечению в орбиту БРИКС большего числа единомышленников [8].

На полях саммита 24 июня 2022 г. в Китае состоялся виртуальный диалог высокого уровня о глобальном развитии, к которому присоединились лидеры Алжира, Аргентины, Камбоджи, Египта, Эфиопии, Фиджи, Индонезии, Ирана, Казахстана, Малайзии, Сенегала, Таиланда и Узбекистана – все они рассматриваются как потенциальные новые члены блока. Эту встречу некоторые источники охарактеризовали как мероприятие «БРИКС-плюс».

Индия. По некоторым оценкам, в 2022 г. страна обогнала Китай по численности населения и стала самым многонаселенным членом БРИКС и государством мира. Несмотря на значительные трудности, проявившиеся в разгар пандемии и непосредственно после неё, темпы экономического роста Индии в настоящее время самые высокие в объединении. В условиях эскалации глобальной конфронтации и разрыва многих сложившихся цепочек Дели удастся не только сохранять, но даже расширить существующие глобальные связи и с Западом, и с Востоком, и с Югом.

Отношения с Африкой, хотя не могут выступать в качестве приоритета первого уровня, тем не менее, занимают вполне определенное и значимое место в общей внешней стратегии Дели. Индийско-африканская торговля достигла \$89,5 млрд в финансовом году, закончившемся 31 марта 2021 г., что почти на 60% больше, чем в предшествующий год. Однако торговый оборот с 48 странами Африки к югу от Сахары сократился с \$55,7 млрд в 2019/20 финансовом году до \$46,8 млрд в 2020/21 финансовом году. В отношении субсахарских стран в целом у Индии сохраняется отрицательный торговый баланс [9].

Основными статьями экспорта Индии в Африку являются продукты нефтепереработки и фармацевтические препараты. Африка в основном экспортирует сырую нефть, золото, уголь и другие полезные ископаемые в Индию. В настоящее время Индия входит в пятерку крупнейших инвесторов в Африке с объемом инвестиций около \$74 млрд. Большинство индийских инвестиций в Африке направляется в Маврикий, Мозамбик, Судан, Египет и Южную Африку. Индийские фирмы также проявляют все большую активность в странах, богатых природными ресурсами, таких как Гана и Нигерия. Несколько индийских транснациональных корпораций имеют крупные интересы на континенте в стратегических секторах, включая агробизнес, фармацевтику, информационные и коммуникационные технологии и энергетику [9]. В июле 2022 г. был проведен крупный инвестиционный форум – 17-й Конклав проекта индийско-африканского партнерства в интересах развития, в работе которого приняли участие 40 высокопоставленных чиновников из 17 африканских стран.

Индия издавна позиционирует себя в качестве общеприемлемого представителя и выразителя чаяний «глобального Юга» на международной арене.

В условиях обострения глобального противостояния страны Запада возлагают большие надежды на внесение раскола в ряды БРИКС. В последние месяцы большие усилия прилагаются к отрыву Индии от тесного сотрудничества с остальными партнерами и к разжиганию взаимных подозрений между Пекином и Дели.

Бразилия. Победа на президентских выборах в стране левого кандидата и бывшего президента страны Луиса Инасиу Лула да Силвы породила ожидание, что с его приходом крупнейшая латиноамериканская страна после более чем десятилетия последовательного сокращения своих связей с Африкой вновь начнет их активно развивать.

В течение двух сроков президентства Лулы (с 2003 по 2010 г.) бразильское присутствие в Африке было очень заметным: экспорт из Бразилии в страны Африки к югу от Сахары увеличивался в некото-

рые годы на 25%. Особенно успешно развивались торговые отношения с португалоязычными странами, такими как Ангола и Мозамбик, а также с англоязычными – Нигерией и ЮАР [10]. Лула не раз говорил об «историческом долге Бразилии перед Африкой», имея в виду миллион африканских рабов, привезенных в Бразилию с XVI по XIX век.

С 2000 по 2008 г. торговля Бразилии с континентом увеличилась более чем в шесть раз, с \$4,2 млрд до \$25,9 млрд, а 60% расходов Бразильского агентства по международному сотрудничеству (*Agencia Brasileira de Cooperação, ABC*) направлялось африканским странам. С 2009 г. по 2012 г. Бразилия была даже крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций для Мозамбика, но после 2014 г. её место занимает Китай. В годы правления Лулы количество посольств Бразилии увеличилось с 17 в 2005 г. до 37 в 2010 г., сам президент посетил более 27 африканских стран [11].

В те годы африканцами было достаточно востребовано сотрудничество с Бразилией в области безопасности и борьбы с международной преступностью. Регион центральной и южной Атлантики – один из основных маршрутов наркоторговли из Америки в Европу, негативно сказывающейся на внутренней стабильности и международном престиже многих западноафриканских стран, а заодно негативно влияющей на социальную обстановку в северной Бразилии. Чтобы пресечь незаконный траффик, Лула запустил программы помощи в организации патрулирования морских вод Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Сенегалу, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи. Со значительным числом стран были подписаны договоры о военном сотрудничестве. Помимо перечисленных, это Ангола, Мозамбик, Намибия (этим трем странам Бразилия в свое время помогла создать свой военно-морской флот), Нигерия, Экваториальная Гвинея и ЮАР [12].

Однако в течение последующих относительно коротких президентских сроков Дилмы Русеф и Мишеля Темера и последовавшего затем полного срока Жаира Болсонару объем афро-бразильских связей сокращался практически во всех областях. В 2019 г. торговля Бразилии со странами Африки к югу от Сахары достигла самого низкого значения за 15 лет: экспорт составил \$3,67 млрд, а импорт – \$2,35 млрд. Во время правления Болсонару крупные бразильские компании, исторически присутствовавшие на континенте, прекратили здесь свою деятельность. В 2020 г. государственная нефтяная компания *Petrobras* продала свою дочернюю компанию *Petrobras Oil & Gas BV*, ориентированную на Нигерию, примерно за \$1,5 млрд, прекратив тем самым свое присутствие в Африке. В апреле 2021 г. горнодобывающая компания *Vale* – крупнейший из оставшихся бразильских инвесторов в

Африке – вышла после 15 лет работы из угольного проекта Моатизе в Мозамбике.

Пока экономические связи продолжают оставаться в нижней точке за последние двадцать с лишним лет. В то же время в 2021–2022 гг. африканские страны сами стали проявлять больше инициативы в налаживании связей с латиноамериканским гигантом.

Россия. Опорными столпами сохранения и расширения влияния России в Африке на сегодняшний день являются: а) высокое реноме и историческая память народов континента о нашей стране как главном оплоте и вдохновителе антиколониальной борьбы и национально-освободительных движений, о помощи СССР в первые десятилетия независимости; б) видение России в качестве альтернативы безоговорочному встраиванию в навязываемые Западом модели развития и продолжения неоколониального ограбления; в) возможности получения ряда конкретных преимуществ от развития отношений с Москвой, включая поставки продовольствия, военного снаряжения, медицинской продукции, некоторых видов технологий и др.; г) реальный эффект от помощи и военно-технического содействия в области обеспечения безопасности развивающихся стран, в том числе в борьбе с сепаратистскими движениями, террористическими и экстремистскими структурами и группировками. Эти факторы, действуя синкретически, не позволили США и их союзникам ни вытеснить Россию из Африки, ни сколотить на континенте антироссийский фронт, который Вашингтон пытался безуспешно сформировать с первых дней специальной военной операции на Украине. Даже массированные пропагандистские кампании типа обвинения Москвы в голоде в Африке или попытка представить Россию в качестве империалистического государства и колонизатора не принесли ожидаемых результатов.

В этих условиях США пытаются спешно компенсировать успех российской внешней политики на африканском направлении повышением своей дипломатической активности на континенте при одновременном создании любых помех и препятствий для практической реализации более интенсивного сотрудничества Москвы со странами Африки. В апреле 2022 г. Палатой представителей Конгресса США одобрен проект «Закона о противодействии злонамеренной активности России в Африке», предусматривающий не только преследование российских юридических и физических лиц за действия в Африке, якобы противоречащие национальным интересам США, но и ответственность африканцев, включая политических деятелей, способствующих России в этом. Приняты решения о расширении двух- и многосторонних программ сотрудничества в экономической, политической, военной, молодежной, культурной и образовательной сферах. На середину

декабря 2022 г. анонсировано проведение второго саммита США – Африка, которому будет предшествовать мощная информационно-пропагандистская кампания и, как ожидается, будет придано значение знакового мероприятия, открывающего новую эру в отношениях США с континентом. Выдвинут ряд необременительных финансово-экономических инициатив.

В последние месяцы внимание внешней политики США к африканскому направлению несколько возросло, что в значительной степени объясняется в целом неожиданной для Белого дома линией поведения стран континента в связи со специальной военной операцией на Украине (СВО). Несмотря на колоссальное и многоаспектное давление на них со стороны Вашингтона, государства Африки в целом настроены позитивно к развитию и углублению отношений с Россией. Хотя под прессингом, а порой и прямыми угрозами США многие африканские страны голосуют на международных форумах так, как требует Вашингтон, в сухом остатке можно говорить о достаточно прочных позициях Москвы на континенте и даже о некотором их укреплении.

* * *

После начала специальной военной операции на Украине и качественного углубления водоразделов между США и их сателлитами, с одной стороны, и странами «Незапада», не пожелавшими наперекор собственным интересам и убеждениям бездумно солидаризироваться с первыми, зримо выросла системообразующая роль БРИКС и ряда других влиятельных международных структур как одного из центров, а точнее «ядер» новой системы мироустройства.

Последний момент, по мнению автора, является принципиальным с точки зрения построения архитектуры устройства будущего мира. Будет ли это некое «единое» мироустройство, внутри которого сосуществуют и в определенной взаимосвязи взаимодействуют несколько условных «ядер»-центров, или мир окажется де-факто вновь поделен на две или несколько относительно автономных моноцентричных систем, вынужденных как-то взаимодействовать или, наоборот, изолироваться друг от друга.

Для большей наглядности и пояснения различий, как представляется, можно провести аналогию с многоядерными и мультипроцессорными вычислительными системами (компьютерами). Чтобы не вдаваться в глубины нюансов современной инженерно-технологической мысли, приведем весьма удачное популярное объяснение их различий из одного из англоязычных компьютерных изданий. «Многоядерные системы имеют несколько ядер или процессоров в одном процессоре. Мультипроцессор содержит несколько процессоров. Как многоядер-

ные, так и многопроцессорные системы помогают ускорить вычислительный процесс. Многоядерный не требует столь сложных конфигураций, как многопроцессорный. С другой стороны, мультипроцессор более надежен и способен выполнять несколько программ. Вкратце, многоядерный процессор имеет один центральный процессор (ЦП), тогда как многопроцессорный имеет много ЦП» [13].

Дело, однако, в том, что при переносе работающих в научно-технической сфере алгоритмов в область общественных наук, в данном случае – в теорию международных отношений, практика и последствия их применения могут оказаться не одинаковыми.

Поставленный нами, казалось бы, чисто специальный вопрос теории международных отношений, не касающийся непосредственно связей БРИКС и Африки, нам представляется фундаментальным. Его надлежащее изучение и понимание вытекающих из него альтернатив важно и для национальных интересов нашей страны, и для будущего глобального развития, и для более узкого комплекса отношений БРИКС – Африка. Постановка вопроса тем более релевантна, что многие развивающиеся страны уже несколько лет приглядываются к формату БРИКС, объединившему региональных лидеров Азии, Африки и Южной Америки, но после июньского саммита Пятерки в Пекине (где помимо собственно встречи в верхах прошли также деловой форум и мероприятие в формате «БРИКС плюс») заговорили о возможном расширении [14].

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Ученые записки Института Африки РАН». 2022. № 4(61). С. 17–27.

1. Саммит БРИКС. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68696> (дата обращения 15.11.2022)

2. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. 23 июня 2022 г. <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения 12.07.2022)

3. Фитуни Л.Л. Предиктивный анализ роли демографического дивиденда в преодолении структурных дисбалансов социально-экономического развития Африки (2015–2060 гг.). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 2(39). С. 3–15.

4. Esterhuysen A. South Africa's foreign policy: new paper sets the scene, but falls short on specifics. <https://theconversation.com/south-africas-foreign-policy-new-paper-sets-the-scene-but-falls-short-on-specifics-188253> (дата обращения 16.11.2022)

5. Klomegah K. China, Russia and South Africa Perspectives on BRICS Expansion. <https://www.opinionnigeria.com/china-russia-and-south-africa-perspectives-on-brics-expansion-by-kester-kenn-klomegah/> (дата обращения 16.11.2022)

6. Стенограмма заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года. Президент России. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valdai-28-10-2022.html> (дата обращения 16.11.2022)

7. Си Цзиньпин. *Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства*. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 16 октября 2022 года.

8. Си Цзиньпин провел 14-й саммит БРИКС и выступил с важной речью. https://fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202206/t20220624_10709249.html (дата обращения 16.11.2022)

9. India Seeks to Strengthen its Longstanding Ties with Africa. <https://iisd.org/articles/news/india-strengthen-ties-africa> (дата обращения 21.11.2022)

10. Фигуни Л.Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. Статья 1. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 8. С. 46–54.

11. Komminoth L. What does Lula's Brazilian victory mean for Africa? https://african.business/2022/10/trade-investment/what-does-lula-victory-mean-for-africa/?utm_source=Unified+Newsletter+List+II&utm_campaign=1b41171640-EMAIL_CAMPAIGN_2022_11_03_06_53&utm_medium=email&utm_term=0_07aa8725d6-1b41171640-112423284&mc_cid=1b41171640&mc_eid=7808d65fe0 (дата обращения 19.11.2022)

12. Brazil as a Security Actor in Africa: Reckoning and Challenges Ahead. <https://giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/brazil-as-a-security-actor-in-africa-reckoning-and-challenges-ahead> (дата обращения 21.11.2022)

13. Berry M., *Unterschied zwischen Multicore und Multiprozessor*. 16 November 2022. <https://strephonsays.com/difference-between-multicore-and-multiprocessor> (дата обращения 19.11.2022)

14. Низамутдинов А. Кто последний? Я за вами. Почему в БРИКС выстроилась очередь претендентов. <https://tass.ru/opinions/15384491> (дата обращения 19.11.2022)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ: ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2022)

60 лет назад, 14 декабря 1960 г., XV сессия Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Инициатором её принятия была наша страна, внесшая еще в сентябре 1960 г. проект текста этого исторического документа. Советские дипломаты приложили немало усилий, чтобы преодолеть сопротивление принятию Декларации со стороны стран Запада – как самих колониальных метрополий, так и активно поддерживавших их США. После острых перипетий и дискуссий в середине декабря был принят компромиссный вариант текста, внесенный группой сорока трех афро-азиатских стран. Он базировался на фундаментальных посылах советского проекта, но в то же время содержал более обтекаемые формулировки по вопросам характера будущих правовых отношений между освобождающимися странами и их недавними хозяевами. За принятие такого варианта текста проголосовали 89 делегаций, против – никто, 9 стран воздержались.

Принятие Декларации стало крупной исторической вехой в жизни и борьбе народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Для СССР, помимо этого, оно явилось важнейшей дипломатической и пропагандистской победой – отныне и навсегда воздержавшиеся США, Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Португалия, Испания, Южно-Африканский Союз и Доминиканская Республика останутся в истории странами, *не поддерживавшими остальной мир в вопросе деколонизации.*

Принятие Декларации, конечно, имело не только (и даже не столько) важное значение для формирования у международного сообщества положительного образа Советского Союза как борца за права угнетенных народов. Документ создавал прочную международно-правовую базу для дальнейшего развертывания процесса деколонизации, легитимизировал с точки зрения международного права поддержку национально-освободительных движений, подтверждал применимость к вопросам деколонизации положений, касающихся права наций на самоопределение и выбора форм самоорганизации и путей развития. В сегодняшнем контексте внутривосточных баталий, столкновений и эксцессов политического активизма в США и Западной Европе следует напомнить и о том, что Декларация выдвигала также требование немедленно покончить с сегрегацией и расизмом.

Номинально призыв Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам в основном претворен в жизнь. В настоящее время в мире остаются только четыре государства, которым удалось сохранить под своим управлением части бывших колониальных империй. Это США, Великобритания, Франция и Новая Зеландия (острова Токелау перешли ей во владение в наследство от Англии, недавно еще её собственной хозяйки). В настоящее время политически некорректная терминология, например, «колонии и протектораты», отсылающая к историческим истокам установления внешнего контроля над заморскими территориями, полностью заменена на политически нейтральную. Согласно текущим формулировкам ООН, «сегодня в мире всё еще существует 17 “несамоуправляющихся территорий”»^{*}.

С момента принятия Декларации почти сто стран получили политическую независимость и стали членами ООН. Опыт исторического развития, однако, показал, что с демонтажем колониальных империй и формальным провозглашением политического суверенитета полная независимость автоматически не наступает, как и не прекращается внешняя эксплуатация. Практически все освободившиеся страны столкнулись с тем, что колониальная зависимость и эксплуатация трансформировалась в неоколониальную, а завершение исторического этапа прямой колониальной эксплуатации стало началом фазы эксплуатации *неоколониальной*. Это означало, что задача полной деколонизации решена на этом этапе не была. Причиной этого, а также очередным задачам деколонизации, стоящим перед развивающимися странами, была посвящена статья наших коллег в «ПОЛИСе» [1], что дает нам право, не останавливаясь на этих вопросах, целиком сосредоточиться ниже на иных аспектах и ракурсах.

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ, ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ, ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ

Провозглашение политической независимости открыло перед освободившимися странами возможность выстраивания собственной госу-

^{*} Ангилья (Бр.), Американское Самоа (США), Бермудские острова (Бр.), Британские Виргинские острова, Виргинские острова Соединенных Штатов, Гибралтар (Бр.), Гуам (США), Западная Сахара (независимость была признана примерно 80 странами), Каймановы острова (Бр.), Монтсеррат (Бр.), Новая Каледония (Фр.), Питкэрн (Бр.), остров Св. Елены (Бр.), острова Теркс и Кайкос (Бр.), Токелау (Н.Зел.), Фолклендские (Мальвинские) острова (Бр.) и острова Французской Полинезии. См.: «70 лет ООН: Каковы наши успехи в деколонизации». <https://un.org/dppa/decolonization/ru/content/UN-at-70>

дарственности, а также, до определенных пределов, выбора общественных целей и стратегий развития. Вместе с тем на два ключевых аспекта постколониального бытия новые суверенные страны влиять практически были не в состоянии. Объективно существовали границы, задаваемые, с одной стороны, низким уровнем развития и общей отсталостью вчерашних колоний, а с другой – никуда не девшейся их экономической, международно-политической, военной и культурной зависимостью от метрополий, которые к тому же теперь уже формально не несли ответственности за положение дел в своих бывших владениях.

После провозглашения независимости неокOLONИализм под видом включения неокрепшего молодого государства в систему «цивилизированных» и «современных» международных отношений сразу же опутывал его изошренной системой неравноправных политических, экономических, правовых и социально-культурных условий, норм и правил поведения, обеспечивающих сохранение эксплуатации и зависимости народов.

Несмотря на то, что с исчезновением СССР и социалистического лагеря термин «неокOLONИализм» в нашей научной литературе стал использоваться намного реже, существование самого явления ни для кого не является секретом и практически никем из серьезных ученых или политических аналитиков не отрицается. Для политической мысли Запада не сам распад мировой системы колониализма, а именно приход ему на смену неокOLONИализма стал толчком к бурному развитию целого спектра критических теорий и школ, трактующих онтологические аспекты и практические вопросы осуществления деколонизации – постколониализма, колониальности и деколонизальности, субальтерности, ориентализма и некоторых завязанных на колониальность направлений феминизма [2–9].

Почти до середины XX века проблематика колонизации и деколонизации в рамках классических *colonial studies* не выходила за рамки трех дисциплин: политической географии, политической экономики (в том исконном виде и методе, в каком ею занимались А. Смит и К. Маркс) и этнографии. Современные исследования колониальности и деколонизации, как будет показано ниже, всё более дрейфуют в сторону исследований межрасовых отношений (в том числе внутри одного, не обязательно колониального, государства), культуры, науки, образования и знания, медицины и даже техники и технологий [10; 11; 12]. Разночтения и противоречия в среде исследователей возникают в связи с множеством новых толкований и измерений колониализма и трактовок сути колониальности, которые стали появляться, как правило, уже после распада мировой колониальной сис-

темы параллельно с осознанием упоминавшегося формирования новой, *неоколониальной* зависимости стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки.

На самом общем уровне обобщения в области теоретических исследований колониализма и деколонизации сегодня можно условно выделить *три* сосуществующих и взаимодействующих меганаправления – традиционное для нашей науки *изучение истории колонизации и последующей деколонизации* (включая проблематику неоколониализма); *теорию постколониализма* и модный ныне, но пока менее распространенный сегмент исследований *деколониальности* (англ. – *decoloniality*, а изначально от исп. – *decolonialidad*). Каждое из трех меганаправлений на деле не является чем-то целостным. Они представляют собой взаимно переплетающуюся гамму близких по духу и частично по методологии автономных и полуавтономных теорий, в которых, в свою очередь, также присутствует масса более мелких подразделов и ответвлений.

Вместе с тем с определенными оговорками у каждого из трех меганаправлений уже определилось свое приоритетное исследовательское поле и своя устремленность. Это, соответственно, а) исследование колониализма и деколонизации под углом *Политического* и *Экономического* (как сущностей); б) рассмотрение *Постколониального* сквозь призму философии, социологии, психологии и социальной науки; в) выявление влияния и последствий *колониальности* на человека через культуру, образование, искусство, язык и поиск путей преодоления груза прошлого.

В свою очередь сама категория деколонизации трактуется: а) как *этап* истории (разрушение мировой колониальной системы в XX веке); б) как последовавший вслед за этим *процесс* национального «самоосмысления и возрождения» с последующим созданием новых основ нации и государственности в освободившихся странах; в) как новейший *императив* и тренд по самоосвобождению от груза колониального прошлого в культуре, языке и сознании.

У такой концептуальной диффузии имеются как положительные, так и отрицательные стороны. И те и другие связаны с более глубоким и многоаспектным, чем чисто политико-юридическое, толкованием колониализма и колониальности. Однозначным минусом при этом, как в любой науке, становится многозначность одного и того же термина, которая зачастую порождает дискуссии о «преимуществах круглого перед зеленым». Плюсом, напротив, является нарастающая глубина и разнообразие аспектов исследования колониализма, которые в конечном итоге действительно объективно взаимосвязаны, а нередко прямо вытекают один из другого.

При всех различиях вышеперечисленные подходы и интерпретации колониализма и деколонизации сводятся к единому «наименьшему общему кратному». В их основе лежат два исходных пункта, а именно:

- принятие за отправную точку всех последующих построений дихотомии «Свой-Чужой» и
- виновности «чужого» в возникших (реально или в восприятии) негативных последствиях, за которые он должен нести ответственность.

По мере отдаления от времени провозглашения политической независимости бывших колоний доказательства вины и ответственности всё более отходят от конкретных измеряемых параметров (сокращение численности туземного этноса, низкий доход на душу населения, уровень грамотности, количество врачей или вакцинированных на тысячу жителей и т.д.) и перемещаются в не поддающуюся объективно обоснованным количественным оценкам ментальную и духовную сферу, где происходит «вживление» колониального способа мышления и навязываются западные парадигмы в образе жизни, системе ценностей, науке, литературе, театре, кино, моде и т.п.

Постколониальная теория (*postcolonialism*), первые ростки которой («ориентализм» Э. Саида [2]) появились еще в середине 1970-х гг., уверенно вышла на авансцену в качестве нового прочтения научного нарратива деколонизации в 1980-х гг. В её основе лежал отказ от старого чисто «политического» прочтения колониализма. Большое внимание её создатели уделяли поиску идентичности постколониальной личности, постколониальной нации, постколониальной культуры/субкультуры, их раздвоенности и невозможности ни вернуться к своей утраченной национальной исконности, от которой отошли, ни быть включенным на равных в западный мир, который их не принимает как равных. Постколониализм в значительной степени может рассматриваться как своеобразная «локализация» постмодернистской теории, с которой фактически списан ракурс её научных подходов. Поэтому и её название, и назначение точно так же следует воспринимать как теорию, которая приходит на смену (отсюда *post-*, *m.e.* после) прежним теориям колониализма и «*colonial studies*», подвергая сомнению, отвергая и намеренно переворачивая утверждения, истины и оценки (в том числе морально-нравственные) имперской науки.

Как представляется, теория постколониализма была своего рода реакцией усталости на реальные проблемы почти двух десятилетий (у кого-то больше, у кого-то меньше) независимого постколониального развития основного числа освободившихся стран и их народов. Эти государства за 20 лет сумели добиться серьезных успехов в области образования, формирования национальной интеллигенции и подготов-

ки кадров, но не в развитии и модернизации экономики. Реальный уровень жизни в некоторых странах Африки к концу 1980-х гг. оказался даже ниже, чем накануне независимости (не хотим ни у кого вызывать обид, приводя конкретные примеры, поэтому поверьте двум африканистам на слово).

Новые национальные лидеры и интеллектуальная элита Азии, Африки и Латинской Америки, которые в 1950–1960-е гг. вели свои народы на борьбу с колониализмом, обещая после его слома лучшую жизнь, были крайне заинтересованы в нахождении причин отсталости и подчиненности, сохраняющихся, несмотря на крушение колониальных режимов и на все предпринятые усилия.

Молодые люди, получившие образование на Западе, как, впрочем, и те, кто учился дома по наспех подправленным, но всё еще очень английским или французским программам и «силлабусам», были подвержены сильному влиянию Ф. Фанона [13] и Ж.П. Сартра [14], а позже – вошедших в моду постструктуралистов – М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёза. В то же время их воодушевляли «черные властелины сердец и умов Третьего мира» – К. Нкрума [15], П.Лумумба [16], Л. Сенгор [17], Дж. Ньерере [18] и др.

Когда пассионарная вспышка действия – изгнания колонизаторов – пошла на убыль, настало время самокопаний, поиска ответов на вопрос «кто мы теперь, куда свой путь вершим?». Теоретики политологии доказали, что в условиях происходящей смены парадигмы общественного развития ключевым приоритетом становится выявление его возможных созидательных ориентиров и альтернатив [19]. Но оказалось, что освобожденному индивидууму вернуться в доколониальное прежнее уже невозможно (да и не хочется), как невозможно и не хочется перестать быть самодостаточным Собой, растаяв без следа в «европейском» (т.е. колониальном). Мучительные искания такого рода вылились в ряд в целом стройных концепций и критических теорий постколониального.

Ближний Восток породил упоминавшегося выше Э. Саида [2], Южная Азия – Г. Спивак (теоретик *субалтерности*) [7] и Х. Бхабхи [5] – трех гениев теории постколониализма. Правда, все трое создавали свои теории и продуктивно творили в основном в США, как, впрочем, и почти весь многочисленный латиноамериканский подотряд основателей и сторонников теории деколонизации (*decolonialidad*). То ли в США колониальность и угнетенность лучше ощущается, то ли там комфортней работает (или живет)? Так или иначе, но из большой (не только творящей в США, но и в ФРГ, и во Франции) латиноамериканской когорты теоретиков следует, на наш взгляд, особо выделить Э. Дуссея [4], С. Кастро-Гомеса [20], А. Кихано [21], В. Миньо-

ло [22], Н. Мальдонадо-Торреса и других членов исследовательской группы *Modernidad/colonialidad* [23].

Важной общей чертой постколониальных теорий и учений о деколонизации является то, что фундаментальную причину отсталости, бедности и неустроенности они видят в так называемой *колониальности* – навязанном способе познания, толкования и устройства всего сущего в категориях и канонах, созданных и используемых Западом, исходя из *его* (Запада) природы, *его* видения и *его* интересов. «Западноцентристское» мышление и мировоззрение прививалось и в целом было успешно привито народам незападной «периферии» в результате их порабощения (колонизации). Оно определило подчиненное положение этих народов с точки зрения и в категориях теорий Мир-Системного анализа И. Валлерстайна (близкого к ним по духу) и продолжает удерживать их в этом состоянии по сей день [23].

Колониальность у всех вышеназванных новых школ и теорий является корнем, условием и одновременно главным механизмом продолжающейся социально-экономической и духовной эксплуатации. В том, что она не преодолена, несмотря на провозглашение независимости, смену государственного строя, а также массу проводимых реформ, и кроется причина сохранения отставания, зависимости, «вторичности» всех преобразований и невозможности рывка вперед в развитии.

Всё, что ни предпринимается для этого, делается в рамках идей, методами и с использованием критериев, сформированных некогда Западом и созданных им в своих специфических условиях и, главное, исходя из своих интересов. Западу удалось привить остальному миру идею, что все перечисленные параметры научно обоснованы и потому универсальны. Большая часть человечества, в том числе в развивающихся странах, приняла эту точку зрения.

Посредством колонизации (не только территориальной, но в основном через неё) остального мира Запад разрушил альтернативные «незападные» системы координат и способы бытия, привив мысль, что поскольку он сильнее в военном отношении, располагает рядом совершенных технологий и не слишком строг в ограничении человеческих устремлений и некоторых распространенных слабостей, то именно он, Запад, находится на более высокой ступени развития, а потому обладает естественным правом и необходимыми возможностями определять пути развития человечества и судьбы «отстающих» от его уровня народов и цивилизаций.

Любые отличные от его модели знания, бытия, ориентиры и цели развития по определению хуже того, что он создал и распространил по всему миру, а потому «вестернизация» – единственно верный магист-

ральный путь развития человечества. Именно в силу восприятия «вестернизации» как волшебного ключа, а точнее универсальной отмычки, подходящей для открытия всех запертых дверей к прогрессу, богатству и благоденствию и туземные режимы проводят различные реформы и преобразования, большинство из которых по исполнению лишь усугубляет неокOLONиальную зависимость.

Теоретики деколонизации развивают логику постулатов постколониализма далее, осуществляя, как они сами считают, уже не количественный, а качественный сдвиг по сравнению с прежними *colonial studies* или марксистскими, неомарксистскими, реалистскими и конструктивистскими теориями колониализма и деколонизации. Им, однако, представляется неправомерным «встраивание деколонизального поворота в некий устоявшийся и знакомый, единственно верный магистральный путь в качестве продолжения постколониальных исследований»*. Они стремятся довести саму идею и дело деколонизации до, как им кажется, логического и естественного конца – победы над колониальностью власти.

Концепт колониальности власти лежит ныне в фундаменте едва ли не всех постколониальных, деколонизальных и субальтерных научных исследований. Однако зачинателем его теоретической разработки был скончавшийся два года назад перуанец Анибаль Кихано. Его перу принадлежит и исходная теория колониальности власти, которая, согласно его трудам, вращается вокруг двух осей – расы и капитализма, «через который находят выражение все производства» [21]. Он доказывал, что приход колонизаторов и принудительное установление ими в Латинской Америке западной (европоцентричной) системы власти, производства, обмена и распределения уничтожили вполне жизнеспособные и самодостаточные автохтонные системы, существовавшие и развивавшиеся успешно на Латиноамериканском континенте до той поры. Возникла система эксплуатации местного населения, становой хребет которой сохраняется по сей день. Он утверждал, что современная организация общества, несмотря на уход испанских колонизаторов, несет в себе наследие колониальности власти [21; 24; 25].

Последняя находит проявление в трех измерениях – системе иерархий (структура власти), исторической памяти (включая систему организации культуры и культурной политики) и системе знания.

Система власти (иерархий) построена на вертикальном ранжировании субъектов по объему прав, возможностей и обязанностей. У Кихано, отталкивавшегося от латиноамериканского исторического опыта и

* Андрей Шенталь. *Мадина Тлостанова: «Колониальность переживает колониализм»*. <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote>

действительности, центральное внимание уделено расовому компоненту дифференциации и угнетения, хотя в той же плоскости можно рассуждать о выстраивании любых иерархий (вертикалей неравноправия и подчиненности/субальтерности): классовых, этнических, профессиональных, идеологических, профессиональных, страновых, гендерных, исследовательских и даже научно-журнальных.

Колониальность власти при этом проявляется в возможности навязывать в интересах подчинения критерии иерархичности и обосновывать необходимость и полезность существования последней. Иерархичность обеспечивает сегодня и колониальность системы глобального управления, а через неё системы контроля труда, государства, субъектности. Живой пример колониальной иерархичности и эмпирики субальтерности из близкой нам реальности: никчемная, проходная статья в европейском журнале, входящем во второй квартиль *Web of Science*, ценится выше (и часто в прямом «зарплатном» смысле слова), чем гениальная статья в нерейтинговом журнале российского НИИ или ВУЗа, статья на английском языке – выше, чем на русском и т.п.

Колониальность в системе знания и науки проявляется в обеспечении контроля над производством знаний, установлении монополии знаний современной науки и утилизации глобальных ресурсов сгенерированного знания в своих интересах. Здесь важно оговориться, что речь идет не о монополии в области науки конкретного государства, а в рамках дихотомии колонизатор/колонизируемый. Одновременно следует подчеркнуть, что присвоение результатов процесса (труда) познания в мировом масштабе в конечном итоге также реализуется в рамках отношений колониальности и иерархичности.

С помощью удержания в своих руках рычагов финансирования, организации, управления и материально-технического обеспечения научного процесса, регулирования международного движения интеллектуального капитала, контроля за сферами и перспективными направлениями исследований, содержательного мониторинга, регулирования и иерархической оценки публикационной активности, контроля над системой оценки и «признания» научных достижений Запад обеспечивает монополию на знание и колониальность отношений в сфере науки по всему миру. Полюбившуюся фразу «свободного ученого» о том, что в наше время «наука глобальна», таким образом, стоило бы дополнить словами «...и колониальна».

Третий элемент колониальности власти – это создание культурных систем, которые вращаются вокруг евроцентричной иерархии и усиливают евроцентричные экономические системы и системы производства знаний. В общественное сознание внедряются мысли, что только западные культуры являются современными, поскольку основаны на

модернистских принципах, таких как капиталистические экономические системы, рациональность, неолиберализм и наука. Национальные культуры могут стать современными только в случае восприятия и принятия доминантности западной культуры.

Эта логика проникает в самые сокровенные, ценностные компоненты культурного кода, например, языка. Колониальность в лингвистической сфере имеет две полосы движения. Первая – скоростная, реализуется через навязывание языка колонизаторов, который становится естественным (и едва ли не единственным) средством приобщения к модерну. Ведь он – главный язык науки, образования, внешний маркер признания интеллектуального уровня и символ социального статуса. Вторая – более медленная полоса движения, это маргинализация национального языка, снижение его иерархического уровня (студент, делающий доклад по определенной дисциплине, получает более высокую оценку, чем если бы выступил с тем же содержанием по-русски), низведения сфер его использования до уровня «низких», не подлежащих по определению высоким оценкам, а также путем примитивизации, «искалечивания» языка путем упрощения и снижения языкового стиля, введения упрощенческих норм, правил орфографии и пунктуации.

ПОСТНЕОКОЛОНИАЛИЗМ

С распадом СССР и переходом его союзников в стан Запада лозунги борьбы с неокOLONИализмом постепенно отходят на второй план. Отныне весь пафос и усилия по деколонизации стихийно или управляемо переводятся в нематериальные и имитационные области – борьбы с колониальностью в кино, литературе, театре, изобразительном искусстве, особенно в скульптуре («памятники-то колониализма оттуда!»), лингвистике, а также в сознании, репрезентации, самоидентификации.

Исчезли два лагеря мирового противостояния. Один из них в силу своего состава и груза своей истории был однозначно колониальным и затем стал неокOLONИальным. Другой в силу своих идейных установок, революционности и реального вклада в разрушение колониальной системы считался антиколониальным, антинеокOLONИальным и антиимпериалистическим. С их исчезновением сам собой завершился и этап борьбы с *неокOLONИальной* эксплуатацией освободившихся стран, поскольку последняя, не меняя целеполагания, сильно изменила свои формы и методы.

С исчезновением деления мира на два относительно самостоятельных и автономных лагеря с пути было убрано главное препятствие,

сильно тормозившее победное шествие глобализации по всей планете. Для победителей в Холодной войне наконец открылась возможность снять клеймо «империалистических хищников», «проповедников колониализма» и «проводников неоколониализма», противостоящих молодым освободившимся государствам. Путем включения в число последних бывших социалистических стран Запад сам технически отпустил себе в глазах мира грех колониализма, обвинив в нём и тех, кто идейно и на деле все это время бился против него. Колониальность обретает новые интерпретации, а заодно и второе дыхание.

Внутри теперь уже неразделенного на два лагеря, а по сути ставшего на время монополярным мира происходит перестройка системы всего комплекса мировых взаимоотношений с учетом глобального доминирования Запада, возглавляемого США. Это включает замену набора старых изношенных и ставших одиозными инструментов неоколониализма (типа «программ структурной адаптации») на целостную систему такой эксплуатации через механизмы глобального управления и информационного доминирования, настраиваемые победителями в холодной войне.

Отныне государственные границы должны окончательно перестать быть препятствием для эффективной эксплуатации природных и человеческих ресурсов в мировом масштабе. Этот транзит еще пару-тройку лет назад носил неспешный и характер эволюционного реформирования действовавших с 1960-х годов институтов неоколониализма и осторожного выстраивания новых *постнеоколониальных* связей и зависимостей. В рамках этих отношений произошел редкий в истории по своим объемам перелив национального богатства с Востока на Запад, количественно сравнимый с масштабами ограбления колониальной Индии за весь период британского владычества.

Первоначальная неспешность в формировании новой ткани постнеоколониальной зависимости во многом объяснялась возникшей иллюзией «конца истории», незыблемого векового характера установившейся монополярности – «Американского века». Однако ситуация в сравнительно короткие с исторической точки зрения сроки начала принципиально меняться.

К этому времени восходящие центры силы, прежде всего принадлежавшие к колониальной и полуколониальной периферии – КНР, Индия, Бразилия, Индонезия, но также «поверженная в холодной войне» Россия, и некоторые другие страны стали обретать новую значимость в глобальном балансе сил с точки зрения как экономического веса, так и политического влияния.

В мировой экономике и в международном разделении труда их роль и место стали медленно, но верно меняться. Они начали претен-

довать на более значительную долю конечного объема глобальных ресурсов и оставлять в своем распоряжении всё большую часть вновь создаваемого мирового дохода. Сохранение и усиление такого тренда чревато для прежнего колониального Центра не просто недополучением прибылей. Возникает опасность системного и последовательного выравнивания и сближения жизненных стандартов и уровней развитого и развивающегося мира в ходе относительного снижения этих долей у первых и повышения у вторых.

Для демократических политических систем такая опция неприемлема. Поскольку их функционирование строится на регулярной сменяемости власти в результате свободного волеизъявления избирателя, такой тренд означает кризис власти, системный и перманентный политический кризис. Ни при каких условиях массовый избиратель в западных демократических странах не согласится с перспективой устойчивого снижения стандартов своей жизни даже в силу объективных трендов развития мировой экономики или в интересах справедливого улучшения ситуации в странах «третьего мира».

Между тем такие тенденции уже обозначились (возможно, в США мы ныне видим первые подтверждения этой гипотезы). Как отмечает академик А.А. Дынкин [26], «нарастание конфликтов и глобальной конфронтации – это результат исчерпания “социального контракта”, который действовал в западных обществах с начала 60-х годов прошлого века. Его суть была проста: каждое следующее поколение жило лучше, чем предыдущее. Дети имели больше возможностей, чем родители. Этот тренд окончательно сломался, начиная с кризиса 2008 года. Сегодня надо искать что-то другое» [27].

В эпоху кризиса позднефеодальной и раннекапиталистической Европы аналогичный кризис длительного устойчивого падения жизненного уровня (тогда в основном из-за относительного перенаселения и нехватки земли) был в целом разрешен как раз за счет колониальных войн, захвата чужих земель и создания глобальных колониальных империй.

В последующем он решался через попытки ревизии карты колониального раздела мира и через мировые войны. С появлением ядерного оружия подобный способ стал слишком рискованным.

У государственных и негосударственных акторов, безраздельно доминировавших в мире в последние десятилетия, подъем новых глобальных игроков, конечно же, вызывает стремление сдержать или максимально воспрепятствовать их восхождению. Страны Запада, прежде всего США, видят в усилении прежней колониальной и нынешней полуколониальной периферии, прежде всего, покушение на свою доминирующую роль в мироустройстве XXI века и ограничение их ресурсных, конкурентных и идейных позиций в мире.

Навязывание пост-неоколониальных отношений – едва ли не единственный выход для Запада из сложившегося положения. Классический колониализм решал главную задачу – гарантировать растущей промышленности метрополии доступ к сырьевым ресурсам. Неоколониализм конца прошлого века предполагал вынос западными монополиями производства на периферию – ближе к источникам сырья, трудовых ресурсов и в юрисдикции с необременительным экологическим законодательством.

В условиях постнеоколониализма главным мотиватором становится приближение производства к потребителю. Характер происходящей трансформации миропорядка определяется рядом новых фундаментальных процессов в мировом экономическом базисе: существующие цепочки создания товарных стоимостей стали относительно менее экспорториентированными, трансграничная торговля услугами растет в 60 раз быстрее товарной и в ней в сумме создаются большие стоимостные объемы, сравнительное преимущество в дешевизне рабочей силы, в отличие от 1990-х гг., теперь генерирует менее пятой части стоимости мировых товаропотоков [27].

В этом плане демографические факторы в сочетании с растущей покупательной способностью населения делают восходящие экономики (сейчас больше Азию, а с середины XXI века Африку) крайне привлекательными и перспективными для инвестиций и производств. В то же время очевидна и спираль возврата на качественно более высоком уровне некоторых особо доходных или стратегических производств в страны бывшего колониального Центра.

Само по себе оформление отношений постнеоколониализма не означает их безальтернативности и неизбежности для восходящих и развивающихся стран. И на предшествующем этапе неоколониализма, основанном на колониальности отношений с Западом, существовала альтернатива в виде возможности развития связей со странами социалистического лагеря или в рамках отношений Юг–Юг.

Впрочем, и однополярная конструкция мироустройства как перспектива не списана еще со счетов полностью, по крайней мере, Соединенными Штатами. США пытаются сохранить свое имперское могущество и ускользающее «статус-кво начала века», с помощью силовых инструментов, напоминающих колониальную политику канонерок.

Как следствие, к концу второго десятилетия нынешнего века, когда информационные технологии позволили массово, быстро и точно воздействовать на общественное бытие и сознание, произошло резкое ускорение вялотекущих процессов, выразившееся в обострении того, что в эпоху классических *colonial studies* именовали межимпериалистическими противоречиями. Происходящие транзиты еще более ус-

корила вспышка *COVID* и труднообъяснимые действия правительств ведущих мировых держав, на время застопоривших функционирование экономик, суммарно создающих до трех четвертей глобального ВВП [28]. Последовавшие далее внутренние и международные процессы утверждают нас во мнении, что описанной выше эволюционной тактике пришел окончательный конец – развернулась силовая ломка недостаточно быстро трансформирующихся производственных и межгосударственных отношений доминирования и подчинения в мире.

Член-корреспондент РАН О.В. Гаман-Голутвина считает, что «происходит становление «другой современности», которая становится следствием усиления свойства нелинейности в глобальной системе». Она призывает к «осмыслению этих процессов и адаптации профессионального сообщества к новым условиям» [29].

У глобальных отношений постнеоколониализма при сохранении единой сути множество конкретных новых форм и проявлений. Однако главной отличительной чертой этой фазы сохранения зависимости и продолжения эксплуатации одних государств другими в новых условиях и на новом уровне становится *глобальность и «неселективность»* зависимости и эксплуатации. Отныне это уже не исключительно взаимоотношения бывших колоний с их метрополиями. Эта модель отношений распространяется и на прежде независимые страны и даже крупные державы.

Другими словами, мы *сталкиваемся с обновленным неоколониализмом, распространяемым не только на постколониальную периферию, но и на весь мир* с использованием новейших информационных технологий, расширяющих возможности манипулирования на всех уровнях, включая ломку общественного сознания, национальной идентичности и целей развития. И если в производственной сфере создается реальная возможность противостоять постколониализму, по крайней мере, для новых экономически весомых игроков, таких как Китай, Индия, некоторые страны ЮВА, то в сфере общественного сознания и ценностной системы координат, всё более определяемых фейками виртуальной реальности и воспевающих общество потребления, шансы Запада намного выше. Проводниками западного доминирования давно уже стали различного рода девайсы, айфоны и иные гаджеты, социальные сети, живые журналы, паблики и лайки, но, что еще важнее, содержательное и бессодержательное наполнение железа и оптоволокна контентом колониальности.

Для мировой экономики и международных отношений на этом этапе становятся характерными отношения «квазиколониальности», означающие фактическую эксплуатацию независимых государств и народов посредством ограничения их суверенитета в вопросах принятия

решений и организации общественной жизни и экономических отношений, в области производства материальных и нематериальных благ, в технико-экономической сфере и в организационно-управленческой области, выборе путей и направлений социально-экономического развития или ценностной ориентации.

При этом утрачиваются характерная для прежних этапов направленная устремленность и «географическая векторность» колониальности. В условиях постнеоколониализма речь идет уже не о закабалении определенной страны другим государством или, на стадии неоколониализма, компаниями бывшей метрополии другой страны в целях получения доступа к её определенным ресурсам. В условиях глобализации с сокращением властных функций национального государства и сужением границ суверенитета, передачи многих прав принятия решений и контроля с национального на надгосударственный уровень, нарастанием прозрачности границ и свободы движения людей и капитала размывается прежний формат колониальности при сохранении, однако, её двуединой сущности – эксплуатации и несвободы.

Таковы отличительные характеристики и главное содержание практически наступившего уже этапа постнеоколониализма – обновленного и качественно усложнившегося неоколониализма, распространенного не только на постколониальную периферию, но на весь мир.

У постнеоколониальных международных отношений может появиться множество новых форм и проявлений, но при этом их суть будет оставаться неизменной. Они не могут быть ничем иным, как отношениями доминирующего и подчиняющегося, диктующего свои требования и условия и выполняющего их, судьи и ответчика и, в конечном итоге, – господина и слуги. В фундаментальном смысле это отношения колониальности в новых условиях и новой обертке, соответствующие этапу победившей глобализации, этапу цифровизации и виртуализации бытия.

Логической ответной реакцией на постнеоколониальность становится задача новой деколонизации, предполагающая многовариантность и свободный выбор путей и моделей развития, сохранение своей идентичности, собственной системы ценностей, исторической памяти, культуры, науки и языка.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

В настоящем издании приводится полный авторский вариант оригинального текста статьи. Укороченный журнальный вариант с существенными редакционными сокращениями был впервые опубликован в журнале «Полис. Политические исследования». 2020. № 6. С. 26–40.

1. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. (2019). Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной. *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 124–135.
2. Said E. (1979). *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. London: Vintage. 414 p.
3. Strang, David (1991). Global Patterns of Decolonization, 1500–1987. *International Studies Quarterly*. Vol. 35. No. 4 (Dec., 1991). Pp. 429–454.
4. Dussel E. (1996). *The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor, and the Philosophy of Liberation*. Atlantic Highlands.
5. Bhabha, H.K. (1994). *The location of culture*. London; New York. Routledge. 285 p.
6. Spivak, G.Ch. (1998). *A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999. XIV, 449 p.
7. Spivak, G.Ch. (1988). Subaltern studies: deconstructing historiography. *Selected subaltern studies* (ed.: R. Guha, G.Ch. Spivak). New York; Oxford, 1988. Pp. 3–32.
8. Chakrabarty, D. (2000a). *Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press. 301 p.
9. Chakrabarty, D. (2000b). Subaltern studies and postcolonial historiography. *Nepantla: views from South*. Vol. 1, № 1. Pp. 9–32.
10. Côté I., (2019). “Théorie postcoloniale, décolonisation et colonialisme de peuplement: quelques repères pour la recherche en français au Canada”, *Cahiers franco-canadiens de l'Ouest*. Vol. 31, № 1. Pp. 25–42.
11. Тлостанова М.В. (2011). Деколонизальность знания и преодоление дисциплинарного декаданса. *Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. 27. № 1. С. 84–100.
12. Nhemachena, A., Hlabangane, N., & Matowanyika, J.Z. (Eds.). (2020). *Decolonising Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) in an age of technocolonialism: Recentring African indigenous knowledge and belief systems*. Langaa RPCIG.
13. Fanon F. (1952). *Peau noire, masques blancs, 1952*. réédition, 2001. Paris: Le Seuil, col. “Points”.
14. Fanon F, Sartre J-P. (préface). (1961). *Les Damnés de la Terre*, rééd. 2002.
15. Nkrumah, K. (1964). *Consciencism: Philosophy and the Ideology for Decolonization*. New York. 122 p.
16. Lumumba Patrice. (1963). Jean-Paul Sartre (préface). *La pensée politique de Patrice Lumumba*. (ed. Jean Van Lierde), Paris: Présence Africaine. 401 p.
17. Senghor L. (1964). *Liberté, tome 1. Négritude et humanisme*. Discours, conférences. Paris: Le Seuil, 1964. 448 p.
18. Nyerere J. (1968). *Ujamaa. Essays on Socialism*. Arusha: OUP. 188 p.
19. Семененко И.С. (2019). Политика идентичности и политика развития: смена парадигмы. *Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы*. М., 2019. С. 357–358.
20. Castro-Gomez y Eduardo Mendieta (1998). *Teorias Disciplina. Latinoamericanismo, Poscolonialidad Y Globalizacion En Debate*. Santiago. <http://people>.

duke.edu/~wmignolo/interactiveCv/Publications/teoriassindisciplina.pdf (accessed 07.08.2020)

21. Quijano A. (2000). Coloniality of Power, Knowledge, and Latin America – *Nepantla: Views from South*. No 1. Pp. 533–580.

22. Mignolo, Walter & Arturo Escobar (eds.). (2013). *Globalization and the Decolonial Option*. Abingdon: Routledge. 414 p.; Mignolo, Walter D. (2007). Introduction. *Cultural Studies*, 21:2-3, 155–167, DOI: 10.1080/09502380601162498

23. Grosfoguel, Ramón, Nelson Maldonado-Torres y José David Saldívar. (2006). *Latin@s in the World-System. Decolonization Struggles in the 21st Century U.S. Empire*. Boulder: Paradigm Publishers; Maldonado-Torres, Nelson (2007). On the Coloniality of Being. *Cultural Studies*, 21:2-3. Pp. 240–270. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09502380601162548>

24. Quijano, Aníbal and Immanuel Wallerstein (1992): Americanness as Concept: Or the Americas in the Modern World-System. *International Social Science Journal* –131: 549–557.

25. Quijano, Aníbal (2007). “Coloniality and Modernity/Rationality”. *Cultural Studies*. 21(2–3): 168–178. DOI: 10.1080/09502380601164353

26. Дынкин А. (2019). Будущее уже здесь. *Российская газета*. 17.06.2019. <https://rg.ru/2019/06/17/akademik-dynkin-rasskazal-o-silnoj-valiute-i-o-novoj-mirovoj-ekonomike.html> (accessed 07.08.2020)

27. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2018). Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 12. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14

28. Фитуни Л.Л. (2020). Коронавирус и «конец истории». *Ученые записки Института Африки РАН*. № 2(51). С. 5–13. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-5-13

29. Гаман-Голутвина О.В. (2016). Политология как метадисциплинарная матрица – *Международные процессы*. Т. 14. № 1(44). С. 86–94. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.7

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ПОСТКОРОНАВИРУСНОГО МИРА

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2020)

Наложение двойного внешнего шока пандемии коронавируса и глобального экономического спада на накопившиеся в мире проблемы и противоречия заставляет с особой тщательностью оценить оправдавшие и неоправдавшие себя идеи и решения прошлого. На базе осмысления этого опыта государственные и негосударственные акторы сегодня пытаются выработать последовательность своих действий на оперативную, тактическую и стратегическую перспективу.

ГРАД СУДЬБОНОСНЫХ ПЕРЕМЕН

На данный момент государства мира, несмотря на огромные издержки и значительные человеческие потери, постепенно отходят от шока первых недель и месяцев кризиса и приступают к выстраиванию *моделей и правил существования в «новой нормальности»*, которая, невзирая на уверения в преодолении последствий случившегося в пределах года, придет на смену отношений двух предшествующих десятилетий. Первые шаги выразились в постепенном смягчении самых жестких антиэпидемиологических решений политико-регуляторного плана, но перезапуск экономики в мировом масштабе потребует намного более длительного периода и больших усилий.

Превращение со временем «новой нормальности» в просто нормальность будет означать завершение качественной перестройки политической экономики современного мира и принятие ключевыми акторами мировой экономики и международных отношений обновленных правил взаимодействия.

Сквозь недужную хмарь пандемии и грозовые тучи экономического кризиса сегодня невозможно разглядеть конечную конфигурацию будущего миропорядка и правил экономических, политических и военно-силовых взаимоотношений между членами мирового сообщества. Однако очевидно, что критические изменения в политической экономике мира не просто грядут, но уже происходят. Они носят переломный характер, что объясняется триединой уникальностью нынешнего кризиса: его беспрецедентным масштабом и глубиной, почти полной неопределенностью перспектив и невиданной доселе ролью в нём национальных правительств, добровольно погрузивших свои экономики в искусственную кому.

Пандемия сильно размыла символическую демаркационную линию в межгосударственном политическом дискурсе «демократия-авторитаризм». За первые два месяца большинство демократических стран, не прибегая к громоздкой процедуре, предусмотренной национальными законодательствами, через указания представителей исполнительной власти (часто не высших) эффективно провело операции по ограничению множества прежде непререкаемых фундаментальных свобод граждан.

Правительства де-факто перевели функционирование ведущих экономик мира, создающих более 80% мирового валового продукта, в мобилизационный режим, отключив «всё ненужное». Тренды глобальной экономики близки к худшим периодам глобальных кризисов, депрессий и мировых войн. Оптимистичные и умеренные прогнозные сценарии динамики мирового ВВП, торговли и инвестиций (выход из карантина и снятие ограничений, соответственно, через два и три месяца) уступили место пессимистичным (выход из кризиса через шесть месяцев или позже).

Вопреки произведениям фантастов и футуристическим пророчествам сторонников «зеленых» и – шире – общегуманитарных идей, совместная угроза, нависшая над планетой, не стала стимулом к прекращению конфронтации между государствами. Поиск виновного в глобальной пандемии придал новое качество спаррингу сверхдержав в соперничестве за глобальное доминирование. Межстрановые, межэтнические и межконфессиональные отношения испытывают колоссальные напряжения, что открывает окно возможностей для активного использования заинтересованными силами принципа «разделяй и властвуй», причем не только в зоне развивающегося мира. В международных отношениях проявляются присыпанные пылью трещины в старых союзах, правда, одновременно проклеваются и новые конфигурации альянсов.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МЕНЯЕТ КОЖУ

Пандемия и мировой экономический спад сделали невозможным развитие глобализации в русле 1990–2010-х годов.

Термином «глобализация» принято обозначать два близких, но различных по содержанию явления: а) текущий независимо от воли людей процесс глобального обобществления и интернационализации экономической жизни и б) политико-экономический проект по использованию этого объективного процесса в интересах определенных групп мировой олигархии, прежде всего финансовой. Глобальным лидером процесса в обоих аспектах долгие годы были США, создавав-

шие в своих интересах мировые альянсы и новые обслуживающие их могущество центры экономической силы. Страны и силы, не укладывавшиеся в эти схемы, подлежали разрушению или низведению на роль отверженных мировым сообществом и влачащих жалкое существование [1].

Как известно, эта схема глобализации дала сбой, поскольку сама породила конкурентов США в лице Китая и, в меньшей степени, других восходящих стран. Внутри олигархических элит Запада возник разлад между той их частью, которая отдавала приоритет мировой гегемонии Соединенных Штатов как государства, и той, для которой национальная оболочка гегемона была вторична по сравнению с групповыми (классовыми) интересами.

Обе фаланги элит были готовы к перезапуску глобализации по новому программному коду. Первая желала замены «глобализации 1.0» на обновленную версию модели господства США в мире в стиле «мощи американского империализма» середины XX в. Вторая допускала частичное перераспределение баланса сил в мировой гегемонии за счет доли ЕС, России и некоторых других игроков при условии установления более жесткой гегемонии коллективных наднациональных структур, формируемых в первую очередь самой этой частью олигархата и, возможно, частично состоящих из её представителей.

Пандемия и последовавший тут же экономический коллапс создали идеальные условия для «идеального шторма». В России его шквалы были усилены разрушительными последствиями «реформы» науки, «оптимизации» медицины, не до конца просчитанными результатами выхода из договоренностей ОПЕК+ вкупе с побочными эффектами полубившейся россиянам глобальной мобильности, а также виртуализацией реального производства и управления хозяйственным комплексом под маркой цифровизации.

Как нам представляется, не отрицая рокового воздействия эпидемии и её чудовищных последствий, с политэкономической точки зрения более оправданным было бы говорить о том, что *COVID-19* явился не столько первопричиной, сколько триггером и катализатором обвала. Мировая экономика на протяжении ряда предшествующих лет двигалась в сторону обновления глобальных цепочек добавленной стоимости, декаплинга* симбиотических экономик и роста протекционизма. Пандемия стала спусковым механизмом, действие которого привело к разрыву перенапряженных строп, с трудом уже удерживавших балансы глобальной экономики, строп, последовательно истончавшихся в последние годы под тяжестью санкций, торговых и валют-

* Взаимное отсоединение, расцепление (от англ. *decoupling*).

ных войн, агрессивного протекционизма и объективного изменения соотношения сил в мировом хозяйстве.

Неверно видеть в этих процессах лишь проявление волонтаризма и эгоистичного унилатерализма отдельных политиков. Скорее следует предположить, что само восхождение последних к мировому Олимпу во многом явилось требованием времени и следствием глубинных пороков, имманентных политическому проекту, именуемому ныне «глобализация 1.0».

Сегодня сосуществует широкая гамма оценок – от констатации «конца глобализации» и «рениационализации государства» до граничащих с теорией заговора рассуждений о целенаправленном реформатировании процесса и запуске через пандемический кризис его новой «версии 2.0» с тем, чтобы не допустить в конечном итоге глобального лидерства Пекина. Так, выступая в январе 2020 г. на Давосском форуме, Дж. Сорос предупредил, что «2020 и несколько последующих лет определяют не только судьбу Трампа и Си (Цзиньпина. – *Авт.*), но и судьбу всего мира» [2]. Рей Далио, американский мультимиллиардер, основатель крупнейшего глобального инвестфонда *Bridgewater Associates*, контролирующей 169 млрд долл. и претендующий, наряду с Дж. Соросом, на роль одного из ведущих мировых филантропов, визионеров и стратегов рынка, призывал наладить взаимодействие перед лицом кризиса и позаботиться о бедной части населения планеты. При этом он прогнозирует поворот стран к всё большей опоре на собственные внутренние силы [3].

Академик А.А. Дынкин считает, что «предрекать полный коллапс глобализации – весьма опрометчиво. Глобальные вызовы будут требовать глобальных ответов – адекватных и быстрых – ...продолжается тренд на рениационализацию государств. Реальные проблемы требуют быстрых практических решений – нужны нелинейные подходы, управление на опережение. Разговоры об «общих ценностях» можно оставить в прошлом. Страх перед переменами и отсутствие системного видения приводят к поздней оценке рисков и провалам» [4]. Другие экономисты с мировым именем (например, Дж. Стиглиц [5], Н. Рубини [6]), не предрекая «конца глобализации» делают акцент на масштаб перемен, подчеркивая, что происходящее – не конъюнктурный спад и не глубокая рецессия, а коллапс в стиле 1930-х годов, потребовавший радикального пересмотра правил функционирования мировой экономической системы. В ней при сохранении плюсов глобализации у передовых наций экономика будет строиться на стержне «самообеспеченности» (*self-sufficiency*).

По нашему мнению, поскольку в основе глобализации лежит объективный процесс, менявший в ходе развития человеческой цивилиза-

ции множество этапов и форм – от бесконтактного натурального обмена между соседними племенами до столь же бесконтактного глобального инвестирования и торговли через виртуальные интернет-платформы, – его эволюция продолжится и далее в новых качествах и обновленных внешних оболочках.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Новая реальность, однако, вряд ли есть и будет единообразной для разных «сегментов» человечества. Жители развитых и менее развитых стран, богатых и не столь богатых, имеют в своем распоряжении далеко не идентичный арсенал противостояния пандемии коронавируса и последствиям глобального кризиса. У них разные потенциалы возможностей и неодинаковые резервы для противодействия катастрофическому сжатию мировой экономики, закрытию, пусть временному, целых отраслей хозяйства, свертыванию мировой торговли, элементарных услуг межгосударственного транспортного сообщения и даже доступа к лекарствам и продовольствию. Модификация хода глобализации, вне зависимости от наименования её версии, будет особо тяжело воспринята теми развивающимися странами, которые сумели удачно встроиться в её прежние парадигмы [7].

Негативный эффект нынешнего кризиса проявился для развивающихся стран в трех ключевых аспектах: а) медико-эпидемиологическом, б) резком сужении стратегических перспектив устойчивого развития, в) разбалансировании в целом благоприятных для большинства этих стран парадигм миропорядка и взаимоотношений между членами международного сообщества, существовавших в последние два десятилетия.

Медико-эпидемиологические вызовы. Азия, Африка и Латинская Америка оказались в разной степени затронуты собственно медицинскими последствиями глобальной вспышки *COVID-19*. Обоснованно сравнивать степень прямого воздействия пандемии даже на соседние государства достаточно сложно. В них по-разному, но, как правило, не слишком эффективно организованы системы здравоохранения, затруднен доступ населения к медицинским услугам, а организация надлежущего контроля для них слишком сложна и дорога. При анализе официальной статистики неизвестно, насколько правильно имеющиеся цифры отражают реальную ситуацию с заболеваемостью и смертями от коронавируса.

Кроме того, само восприятие угрозы *COVID-19* в беднейших странах мира сильно отличается от государств глобального Севера. Вероятностные характеристики гибели от других медицинских, природ-

ных, социальных и политических причин в странах глубокого Юга значительно выше (табл. 1).

Таблица 1. Оценка прогнозной смертности от COVID-19 (на конец 2020 г.) и фактической смертности в 2016 г. по контролируемым ООН показателям Целей устойчивого развития (случаев на 100 тыс. населения)

	COVID-19	Загрязнение воздуха	Водоснабжение и санитария	Неумышленные отравления	Стихийные бедствия	Умышленные убийства	Конфликты
	1	2	3	4	5	6	7
США	0,9	13,3	0,2	0,9	0,4	5,3	<0,1
КНР	<0,1	112,7	0,6	1,4	0,1	0,9	<0,1
Италия	1,9	15,0	0,1	0,1	0,1	0,9	0,0
Испания	2,2	9,9	0,2	0,2	0,1	0,8	<0,1
Британия	1,8	13,8	0,2	0,2	0,1	1,3	<0,1
Россия	<0,1	49,4	0,1	1,7	<0,1	10,3	0,5
Индия	<0,1	184,3	18,6	2,4	0,2	4,0	0,1
Бразилия	0,2	29,9	1,0	0,3	0,2	30,5	0,2
Мексика	<0,1	36,7	0,6	0,4	0,2	19,0	1,1
Индонезия	<0,1	112,4	7,1	0,4	0,1	4,3	<0,1
Турция	0,2	46,6	0,3	0,3	0,2	2,4	0,8
Иран	0,3	50,9	1,0	1,2	0,1	4,1	0,1
Саудовская Аравия	<0,1	83,7	0,1	0,7	<0,1	5,8	<0,1
ЮАР	<0,1	86,7	13,7	1,2	<0,1	26,2	<0,1
Нигерия	<0,1	307,4	68,6	3,0	0,1	9,8	3,1
Эфиопия	<0,1	144,4	43,7	2,9	0,0	7,6	0,2
Африка к югу от Сахары	<0,1	180,9	45,8	2,7	0,1	10,3	1,4

Составлено по: [9; 10; 11].

Пояснения: Наименования колонок соответствуют следующим официальным рубрикам статистики ВОЗ: 1. *Загрязнение воздуха* – смертность от загрязнения воздуха в жилых помещениях и атмосферного воздуха; 2. *Водоснабжение и санитария* – смертность от отсутствия безопасных услуг в области водоснабжения, санитарии и гигиены; 3. *Неумышленные отравления* – смертность от неумышленного отравления; 4. *Стихийные бедствия* – среднегодовой коэффициент смертности от стихийных бедствий; 5. *Умышленные убийства* – смертность от умышленных убийств; 6. *Конфликты* – оценочный показатель смертности, непосредственно связанной с крупными конфликтами.

Модели Имперского колледжа Лондона, созданные в начале эпидемии, оценивали в рамках оптимистичного сценария число смертей от *COVID-19* до угасания её вспышки в 900 тыс. в развивающихся странах Азии и в 300 тыс. в Африке [8]. Однако оказалось, что распространение пандемии в Африке идет более медленно, чем в Северной Америке и Европе. На континенте, где проживает 17% населения земного шара, за первые три месяца (февраль – апрель 2020 г.) ускоренного распространения *COVID-19* по планете было зарегистрировано лишь 1,1% от общемирового количества случаев заболевания и 0,7% смертей.

Показатель годового значения смертности от *COVID-19* является условной приведенной статистической величиной, рассчитанной по формуле ВОЗ на базе публикуемой организацией статистики за период февраль – апрель 2020 г., остальные показатели – фактические.

В марте 2020 г. Институт Африки РАН провел международный видеосеминар по проблематике *COVID-19*, на котором российские и африканские ученые изложили свое видение причин более медленного распространения болезни на континенте и меньшего количества жертв.

Низкая заболеваемость, по мнению африканских участников семинара, несмотря даже на то, что у ряда народов континента летучие мыши – неотъемлемая составная часть национальной кухни, является результатом синергии благоприятных факторов внешней среды (высокие температуры, обильное солнечное облучение территории, меньшая распространенность респираторных заболеваний в жарком и засушливом климате); демографии (медианный возраст населения Африки – 19,6 лет, а дома престарелых на континенте сравнительно широко распространены только в ЮАР, да и то преимущественно в среде белого населения); относительно невысокой средней плотности населения (42 человека на кв.км); меньшей его мобильности.

Но главными факторами защищенности ученые назвали «генетический» иммунитет африканцев, чей организм на протяжении многих веков вынужден противостоять атакам враждебных организмов, которыми изобилует африканская природа, а также косвенную «квазивакцинацию», являющуюся следствием широкого приема антималярийных лекарственных средств (современных и традиционных) и серий реальных вакцинаций от сходных вирусов, прошедших в 2010-е годы.

Стоит, правда, заметить, что у африканцев, переселившихся в развитые страны, смертность от *COVID-19*, по имеющейся статистике, выше, чем у представителей других рас. Например, согласно исследованиям *Institute for Fiscal Studies* (Великобритания), смертность среди представителей негроидной расы, имеющих карибское происхождение

ние, выше, чем у белых британцев в 1,7 раза, у лиц пакистанского происхождения – в 2,7, а у чернокожих выходцев из Африки – в 3,5 раза [12]. В США также отмечена более высокая смертность среди афроамериканцев и относительно недавних иммигрантов из развивающихся стран Латинской Америки и Африки [13]. Однако, по нашему мнению, это объясняется не расовой «заточенностью» вируса, а социальным положением и условиями существования заразившихся.

Кризис субъектности и свободы маневра. Важнейшая негативная перспектива в контексте новой политической экономики мира – неожиданное прерывание длительного восходящего тренда укрепления экономической и политической субъектности развивающихся стран на глобальной арене. На протяжении двух истекших десятилетий многие из них поступательно уходили от былой роли объектов игры мировых держав на глобальной шахматной доске, всё более превращаясь в субъектов международных отношений и международно-экономических отношений, осознающих свои интересы и способных бороться за них.

Кризис и пандемия сильно подорвали базис этой формирующейся самодостаточности, заставив отдельные страны и их объединения выступать на мировой арене в роли просителя медицинских препаратов и оборудования, продовольственной помощи, списания долгов, иностранных инвестиций едва ли на любых условиях инвестора, неприменения к ним протекционистских ограничений, снятия транспортных ограничений и запретов на въезд их граждан.

Резкое повышение ставок в конфронтации США и КНР и вытекающая из этого необходимость определять в ней свою позицию резко сузили для стран Африки и части стран Азии и Латинской Америки возможность политического и экономического маневра, еще недавно позволявшего добиваться для себя оптимальных условий двухсторонних сделок. «Сырьевое оружие» при отстаивании своих интересов перед развитыми странами стало бесполезным в условиях глобального свертывания промышленного производства. Озабоченность сверхдержав собственными домашними проблемами привела к тому, что приглашенные с помощью усилий международного сообщества и постоянных членов Совета Безопасности ООН региональные конфликты и очаги распространения террористической угрозы стали вновь разгораться.

Не только перед лицом крупных держав, но и в отношениях внутри развивающегося мира, многие страны будут вынуждены вернуться к поиску, как десятилетия назад, внешних «провайдеров безопасности», с которыми неизбежно придется расплачиваться своими ресурсами и частью суверенитета. В условиях не столь уже гипотетической угрозы

биполярного разделения мира это означает рост числа конфликтов и прокси-войн в Азии, Африке и Латинской Америке.

Внешние шоки и перспективы роста. Если политические и военные аспекты последствий кризиса для развивающихся стран – дело будущего, хотя и не столь отдаленного, то хрупким экономикам этой группы государств внешние шоки уже нанесли сокрушительный удар. Поскольку, в отличие от традиционного, генерирующий основные доходы современный сектор большинства развивающихся экономик преимущественно ориентирован на внешние рынки, схлопывание мирового спроса из-за повсеместного введения карантинных и закрытия границ для многих бедных стран оказалось равносильным блокированию работы предприятий современного сектора и прекращению внешних поступлений.

Таблица 2. Темпы прироста ВВП развивающихся стран в 2019–2021 гг. (%)

	2019 г.	2020 г.*	2021 г.*
Весь мир	2,9	-3,0	5,8
Страны с развитой экономикой	1,7	-6,1	4,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	3,7	-1,0	6,6
Россия	1,3	-5,5	3,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Азии	5,5	1,0	8,5
Китай	6,1	1,2	9,2
Индия	4,2	1,9	7,4
АСЕАН-5	4,8	-0,6	7,8
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,1	-5,2	3,4
Бразилия	1,1	-5,3	2,9
Мексика	-0,1	-6,6	3,0
Ближний Восток и Центральная Азия	1,2	-2,8	4,0
Саудовская Аравия	0,3	-2,3	2,9
Страны Африки к югу от Сахары	3,1	-1,6	4,1
Нигерия	2,2	-3,4	2,4
ЮАР	0,2	-5,8	4,0
Развивающиеся страны с низкими доходами	5,1	0,4	5,6

* Прогноз.

Источник: [14, p.ix].

В апреле 2020 г. МВФ изменил в сторону ухудшения прогнозы роста ВВП в развивающихся странах (табл. 2). Однако уже в мае

стало очевидным, что и эти макроэкономические прогнозы слишком оптимистичны. Впервые со времен Великой депрессии глобальный спад начался одновременно в развитых экономиках, государствах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Фонд прогнозирует сокращение ВВП в странах с развитой экономикой в 2020 г. на 6,1%. В странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах, темпы прироста ВВП которых в последние десятилетия в среднем были выше, чем в развитых странах, МВФ также прогнозирует отрицательные темпы роста в размере минус 1,0% в 2020 г. (минус 2,2% без учета Китая). При этом более чем в 170 государствах мира Фонд ожидает снижения доходов на душу населения [14, р. 5].

Как свидетельствует табл. 2, в апреле 2020 г. МВФ предполагал начало частичного восстановления в 2021 г. Однако положительные цифры роста в 2021 г. показывают прирост ВВП от статистической базы провального года пандемии. Для многих развивающихся стран и они тоже были бы неплохи, так как означали бы возврат к объемам валового продукта накануне кризиса. На деле последствия и побочные эффекты внешних шоков (*post-effects and spillovers*), перелившись в области геополитики и геоэкономики, оказались более травматичными для развивающихся экономик.

Воздействие пандемии и мирового экономического кризиса усугубили проблемы всех эшелонов развивающихся стран: сильно пострадали как крупнейшие экономики, находящиеся в мировом топе по величине ВВП, так и обе подгруппы («верхняя» и «нижняя») государств со средними доходами и, ожидаемо, беднейшие страны. Немедленные потери ощутили государства, чья экономика базировалась на поступлениях от туризма или получавшие от него крупные доходы (для Таиланда это доход в 58 млрд долл., Индии – 27 млрд долл., Турции – 22 млрд долл., Мексики – 21 млрд долл. в год; у Мальдив – 60% ВВП, Сейшельских островов – 33%, Багамских островов – 22%) [15], от транспортного обслуживания грузоперевозок и логистики (Сингапур, ОАЭ, Египет, Джибути, Панама, Либерия), от переводов рабочих-мигрантов (например, Гондурас, Тонга, Украина, Непал).

Перспективы восстановления будут в значительной степени зависеть от динамики мировых цен на сырье, стабилизации ситуации с ликвидностью и фискальными поступлениями, активностью внутренних и иностранных инвесторов. Причем в последнем случае дело во многом зависит от степени толерантности зарубежных предпринимателей к неопределенности и новым латентным рискам, связанным с последствиями пандемии и реконфигурацией мирового экономического и политического поля.

Участь сырьевых экономик. Большинство стран с формирующимися рынками являются либо чистыми экспортерами сырья, либо получают весомую часть бюджетных доходов от его вывоза. Самоизоляция и закрытие многих предприятий в мире привели к снижению спроса на сырье и, как следствие, к снижению мировых цен. Колоссальные доходы выпали из бюджета России и ряда нефтедобывающих государств. Менее подробно в мировом информационном пространстве освещались сильнейшее падение цен на медь (апрель к январю 2020 г. – на 18%) и цинк (20%). Цены на сельхозсырье (перепроизводство которого явилось следствием хороших урожаев прошлого года) снизились в меньшей степени, и пятая часть населения стран Африки к югу от Сахары уже страдает от недоедания. Перекрытие и ограничение транспортного сообщения, а также сокращение числа поездок привели к снижению цен на ряд сырьевых товаров, связанных с транспортом: каучук (шины), кукурузу (биотопливо). После введения ограничений на авиасообщение экспорт свежих цветов из Кении сократился на 80%. Общее представление о динамике мировых цен на основные сырьевые товары в последние годы дает *табл. 3*.

Последние ценовые сдвиги в целом благоприятны для развитых стран, являющихся по преимуществу импортерами перечисленных сырьевых товаров. Эти государства будут объективно заинтересованы в закреплении положения, складывающегося на сырьевых рынках, на более длительную перспективу, а не только на время свертывания промышленного производства из-за ограничительных мер. Тем более что такой ход событий сильно бьет по ряду акторов, назначенных Западом на роль противника.

Логика «глобализации 2.0» имплицитно предусматривает перетряску сырьевых рынков путем вхождения в них в качестве доминирующих поставщиков части развитых стран (США, Канады, Австралии), смещение и перенастройку существующих зависимостей и ценовых механизмов, *обнуление в среднесрочной перспективе накопленных доходов сырьевых стран и сужение пространства для их суверенных шагов и геоэкономического маневра*. На это не только направляются политико-экономические усилия. Ситуативно и системно для этого могут использоваться стохастически возникающие шоки нерукотворного, природного происхождения, благоприятствующие достижению нужных целей, – засухи, наводнения, нашествия саранчи, эпидемии и эпизоотии на территории объекта давления и даже глобальные пандемии.

Принимая во внимание опыт санкционного давления и торгово-тарифного шантажа, можно предположить, что в чрезвычайных условиях возрастает опасность *экспроприации собственности сырьевых про-*

изводителей через псевдозаконные юридические процедуры вроде решений местных и/или наднациональных судебных органов по спорным вопросам, а то и вовсе без них. Первые сходные по правовому содержанию прецеденты такого рода уже имели место со стороны стран НАТО (США, Чехии, Турции) в марте – апреле 2020 г., правда, в отношении медицинского оборудования, принадлежностей и расходных материалов [17; 18; 19]. Возможный вариант – «временное задержание» или «карантинный арест» крупных партий сырьевых товаров на основе односторонних решений (как это было с арестом танкера с грузом иранской нефти в Гибралтаре в 2019 г.) [20].

Всё это в еще большей степени говорит о неотложности радикального перевода национальных стратегий с внешних приоритетов («работа на мировые рынки» и т.п.) к подъему собственной экономики и росту благосостояния своего населения через опережающее развитие внутренних производств и потребления.

Проблема ликвидности и долговое бремя. Еще до пандемии развивающиеся страны – «естественная» и легкая жертва главной, финансовой ипостаси «глобализации 1.0» – оказались на пороге долгового кризиса, имевшего две особенности: а) он охватил развивающиеся экономики всех уровней дохода, б) его неотвратимость скрывалась не столько в ошибках их внутриэкономической политики, сколько в неэффективности и провалах глобального управления в области экономики и финансов. В интересах выхода из глобального кризиса 2008–2010 гг. развивающиеся страны были ускоренно (и во многих случаях преждевременно) интегрированы в слабо регулируемые международными институтами мировые финансовые рынки, в частности, в так называемые теневые банковские секторы, которые ныне контролируют около половины глобальных финансовых активов [21, p. 3].

В 2008–2018 гг. произошел мощный перелив долга развивающихся стран от государственных кредиторов к частным и во всё возрастающей доле в теневой сегмент. В конце 2018 г. главные финансовые институты глобального управления, видимо, осознали одиозность ситуации, при которой сфера их ответственности почти наполовину ушла в тень. Однако вместо принятия радикальных мер они предпринимают шаг, который еще долго будет служить образцом квинтэссенции бюрократического подхода к решению реальной проблемы. Созданный G20 Совет по финансовой стабильности (*Financial Stability Board, FSB*) в октябре решил больше не использовать термин «теневой банковский сектор», вместо которого он сам, МВФ и Всемирный банк отныне должны применять словосочетание «небанковские финансовые посредники» [22].

К 1 января 2019 г. накопленный объем общей задолженности (внешней и внутренней, частной и государственной) всех развивающихся стран равнялся 191% их совокупного ВВП – самый высокий показатель за всю историю [21, р. 3].

С разрастанием пандемии и в преддверии нынешнего кризиса усилилась тенденция к бегству международных инвесторов с возникающих рынков. Произошел отлив инвестиций из ценных бумаг развивающихся стран в финансовые обязательства развитых. К марту 2020 г. сложились условия, когда обслуживать долг сильно закредитованным странам стало практически невозможно. Возросла вероятность дефолтов.

С 13 апреля 2020 г. МВФ отменил на шесть месяцев выплаты долга (около 215 млн долл.) 25 наиболее бедным членам Фонда, а 15 апреля лидеры G20 объявили о принятии «Инициативы приостановления обслуживания долга для беднейших стран». Державы G20 согласились отложить (но не отменить) долговые выплаты с мая до конца года для 77 беднейших государств планеты. В ближайшие месяцы они могут направить эти средства на борьбу с кризисом, а не на обслуживание долга, на которое у большого числа развивающихся стран уходит более четверти всех их доходов. Но это не снимает обязанности произвести платежи в будущем. Сделка G20 не касается выплат кредиторам частного сектора, включая теневиков. Бедные юрисдикции также могут пострадать от сокращения объема денежных средств, которые трудящиеся-мигранты направляют своим семьям на родину. Эти трансферты, согласно данным Всемирного банка, в 2020 г. упадут на целых 20% из-за пандемии.

Рассматривая вопрос в тактической среднесрочной перспективе, можно прогнозировать, что с окончанием острой фазы кризиса COVID-19 развивающимся государствам потребуются огромная ликвидность и финансовая поддержка для того, чтобы справиться как с непосредственными последствиями пандемии, так и с её вторичными эффектами в экономической и социальной областях. По оценкам как ЮНКТАД, так и МВФ, их потребности в ликвидности и финансировании составят не менее 2,5 трлн долл. [21, р. 9].

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Последствия пандемии не просто добавляют еще один вызов для прогресса беднейших стран. Степень влияния кризиса такова, что все существующие и без того острые проблемы роста, государственного строительства и человеческого развития приобретают новое качество

синергии, становясь куда более трудноразрешимыми даже при наличии доброй воли и реального содействия ответственных членов международного сообщества. Меняется внутренний и международный контекст каждого из направлений, по которым отставшим государствам теперь уже нужно прилагать сверхусилия. Это и защита здоровья, и борьба с бедностью и голодом, и образование, и экономическое развитие, и политические и экономические взаимоотношения с внешним миром, и долговая проблема, и внутренние и региональные конфликты и т.д.

Размышляя над ходом посткоронавирусных глобальных трансформаций и возможными благоприятными и неблагоприятными для конкретных развивающихся экономик и стран с формирующимся рынком политико-экономическими конфигурациями будущего мира, авторы пришли к выводу, что было бы ошибкой стремиться восстановить мировую экономику, просто вернув её к докризисному состоянию, к тому самому, которое и породило кризис и катаклизмы в жестких условиях эпидемии.

Как представляется, с учетом нынешних реалий настоятельной необходимостью для «незападных» государств становится смена парадигмы развития. Им не нужно восстанавливать побитую кризисом и изжившую себя модель экономики, искусственно консервирующую для многих из них ситуацию перманентных метаний в условиях всё новых и новых реформ, нехватки денег и инвестиционного голода.

Даже в небогатых странах разумнее начать выстраивать восстановительный рост вокруг базовых стержней четвертой промышленной революции, чем вновь использовать навязанные провальные рецепты, пытаясь на прежней основе оживить большую экономику, покалеченную кризисом и предшествующим убогим менеджментом.

Ответственный рост в экономике означает следование разумным установкам устойчивого развития, причем не только в плане воздействия на окружающую среду. Конечно, предстоит найти оптимальные решения в связи с вызовами, создаваемыми четвертой промышленной революцией, которая, например, ведет к сокращению низко- и среднеквалифицированного труда, между тем как для многих бедных государств он – основа занятости. Но ведь спрятаться от прогресса не удастся.

Единственное разумное решение – целенаправленное встраивание в формирующуюся мировую экономику на оптимальных для страны в каждый конкретный момент условиях и началах. Более слабым экономикам, возможно, рациональнее найти для себя нишевые решения, в наибольшей степени позволяющие воспользоваться сравнительными преимуществами или уникальными возможностями той или иной страны. На территории стран Африки (Кения, Танзания, ЮАР), напри-

мер, уже начаты проекты в рамках такого направления четвертой промышленной революции, как точное земледелие (*precise agriculture*).

Другая опция – воспользоваться повышением роли цифровой инфраструктуры в функционировании мировой экономики и дистанционного ведения международного офисного бизнеса, ставшим столь очевидным в условиях пандемии. Развивающиеся страны, которым после *COVID-19* удастся оптимально интегрировать физическую логистику и виртуальную инфраструктуру, могут стать глобальными узлами-регуляторами современных многонациональных цепочек поставок в восстанавливающейся мировой экономике, а при продуманной стратегии развития – и в будущем обновленном мире [23].

Дополнительным плюсом здесь будет являться уникальность географического положения. Это подтверждается уже состоявшимся успехом Сингапура и ОАЭ. По окончании пандемии сходные возможности в силу существующей экономической и политической географии потенциально откроются для Египта, Панамы, Марокко, Джибути и даже ныне разрушенного войной Йемена. Возможно, правильные стратегии развития позволят и другим странам Африки и Азии перетянуть на себя часть доходов от создания виртуальных узловых центров (*nodes*) логистики и инфраструктуры, особенно тем, что служат транзитными коридорами для соседей, лишенных выхода к морю.

У более мощных экономик, таких как Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика, ЮАР, выбор больше. Их элиты демонстрируют намерение существенно изменить сами концептуальные подходы к развитию. Так, премьер-министр Индии Н. Моди считает, что Индия как «молодая нация, одержимая инновациями, может принять на себя лидерство в выработке новых бизнес-моделей и культуры труда посткоронавирусного мира, основанных на адаптивности, эффективности, инклюзивности, универсализме и использовании новых открывающихся возможностей» [24]. Важно подчеркнуть, что индийский лидер ведет речь именно о принятии Индией ответственности за лидерство в перестройке глобальных, а не страновых или региональных парадигм и подходов к механизмам развития.

Представляется, что в отказе от ретроактивного реагирования на провалы рынка в пользу проактивного формирования последнего в глобальном масштабе на основе устойчивого, всеобъемлющего и инклюзивного роста проявляются ростки перехода к ответственному развитию, перспективному и для России. Это предполагает упреждающее инвестирование в создание и укрепление институтов, предотвращающих кризис. Должна быть налажена международная координация ответных научно-технических действий на случай возникающих вызовов. Элементом ответственного развития должно стать налаживание

партнерских отношений между государственным и частным секторами, прямой связи между элитами и простыми людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

В настоящем издании приводится авторский вариант оригинального текста статьи, отличающийся от текста журнального варианта, опубликованного в журнале «Мировая экономика и международные отношения». 2020. № 9. С. 5–14.

1. Fituni L. From Boulders to Ashlars – BRICS of a new world order: Hierarchies of power and degrees of freedom in the emerging world system of the twenty-first century. *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order*. Xing Li., ed. London, New York, Routledge, 2014. Pp. 93–110.

2. Soros G. *Remarks delivered at the World Economic Forum*. Davos, Switzerland, January 23, 2020. <https://www.georgesoros.com/2020/01/23/remarks-delivered-at-the-world-economic-forum-3/> (accessed 05.05.2020)

3. Sternlicht A. Ray Dalio: We're Heading into a Great Depression. *Forbes*, 08.04.2020. <https://www.forbes.com/sites/alexandrasternlicht/2020/04/08/ray-dalio-were-heading-into-a-great-depression/#5dfdf5f7c83> (accessed 05.05.2020)

4. Дынкин А.А. Работа из дома на треть эффективнее. *Российская газета*, 06.04.2020. <https://rg.ru/2020/04/06/dynkin-predrekat-polnyj-kollaps-globalizacii-vesma-oprometchivo.html> (accessed 05.05.2020)

5. Johnson M. Nobel-winner Stiglitz: Poor coronavirus response leaves US on course toward another Great Depression. *The Hill*, 22.04.2020. <https://thehill.com/homenews/administration/494058-top-economist-poor-coronavirus-response-leaves-us-on-course-toward> (accessed 05.05.2020)

6. Roubini N. A Greater Depression? *Project Syndicate*, 24.03.2020. <https://project-syndicate.org/commentary/coronavirus-greater-great-depression-by-nouriel-roubini-2020-03> (accessed 05.05.2020)

7. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3–15.

8. *Letter to Governments of the G-20 Nations*. <http://lse.ac.uk/News/News-Assets/PDFs/2020/FINAL-LETTER-2-to-G20-leaders.pdf> (accessed 05.05.2020)

9. *World health statistics 2017: monitoring health for the SDGs, Sustainable Development Goals*. World Health Organization. https://who.int/gho/publications/world_health_statistics/2017/EN_WHS2017_TOC.pdf?ua=1 (accessed 05.05.2020)

10. *COVID-19 Coronavirus Pandemic*. Worldometers. <https://worldometers.info/coronavirus/#countries> (accessed 15.05.2020)

11. *WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard*. <https://covid19.who.int/> (accessed 15.05.2020)

12. Croxford R. Coronavirus: Black African deaths three times higher than white Britons – study. *BBC News*, 01.05.2020. <https://www.bbc.com/news/amp/uk-52492662> (accessed 05.05.2020)

13. Thebault R., Ba Tran A., Williams V. The coronavirus is infecting and killing black Americans at an alarmingly high rate. *Washington Post*, 07.04.2020. <https://washingtonpost.com/nation/2020/04/07/coronavirus-is-infecting-killing-black-americans-an-alarmingly-high-rate-post-analysis-shows/?arc404=true> (accessed 05.05.2020)

14. *World Economic Outlook. Chapter 1, The Great Lockdown*. International Monetary Fund, April 2020. <https://imf.org/~media/Files/Publications/WEO/2020/April/English/text.ashx> (accessed 05.05.2020)

15. *List of Countries by Tourism Income*. <https://www.atlasbig.com/en-us/countries-tourism-income> (accessed 05.05.2020).

16. *The COVID-19 Shock to Developing Countries*. United Nations Conference on Trade and Development, March 2020. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gds_tdr2019_covid2_en.pdf (accessed 05.05.2020)

17. Abellan L., Sevillano E.G. Turquía retiene un cargamento de respiradores para España. *El País*, 03.04.2020. <https://elpais.com/sociedad/2020-04-03/turquia-retiene-un-cargamento-de-respiradores-para-espana.html> (accessed 05.05.2020).

18. Tidman Z. Coronavirus: Czech Republic seizes more than 100,000 face masks sent by China to help Italy tackle spread. *Independent*, 22.03.2020. <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/coronavirus-face-masks-china-italy-czech-republic-latest-a9416711.html> (accessed 05.05.2020)

19. Multiple Countries Say U.S. Is Intercepting Critical Medical Gear Shipments Around the World. *Independent Global News*, 07.04.2020. https://democracynow.org/2020/4/7/headlines/multiple_countries_say_us_is_intercepting_critical_medical_gear_shipments_around_the_world (accessed 05.05.2020)

20. Sly L. British marines seize tanker suspected of carrying Iranian oil bound for Syria. *Washington Post*, 04.07.2019. https://washingtonpost.com/world/middle-east/british-marines-seize-tanker-suspected-of-carrying-iranian-oil-bound-for-syria/2019/07/04/681458d2-9e65-11e9-83e3-45fded8e8d2e_story.html (accessed 05.05.2020)

21. *From the Great Lockdown to the Great Meltdown*. United Nations Conference on Trade and Development, April 2020. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsinf2020d3_en.pdf (accessed 08.05.2020)

22. *FSB reviews financial vulnerabilities and deliverables for G20 Summit*. Financial Stability Board, 22.10.2018. <https://www.fsb.org/2018/10/fsb-reviews-financial-vulnerabilities-and-deliverables-for-g20-summit/> (accessed 05.05.2020)

23. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the Global Supply Chain of Resources for Development. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini 2013*. Pretoria, Africa Institute of South Africa, 2014. Pp. 136–153.

24. Life in the era of COVID-19: PM Modi blogs on LinkedIn. *Yahoo news*, 19.04.2020. <https://in.news.yahoo.com/life-era-COVID-19-pm-120810965.html>

АСИММЕТРИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ВНЕШНЕМУ УПРАВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЭЛИТАМИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Фитуни Л.Л. (2019)

Одной из ключевых характеристик современного этапа перехода к полицентричному миру является постепенная утрата доминировавшими прежде «старыми» странами-лидерами (США и некоторые другие государства Запада) своих исключительных глобальных позиций [1]. Тем не менее западные державы пытаются по возможности удержать их, используя для этого как силовые, так и несиловые методы. Именно эта особенность современного мира ведет к снижению уровня предсказуемости и управляемости.

Неизбежно ли перерастание нынешней непредсказуемости и нестабильности мира в крупную войну? Если согласиться с тем, что ленинская теория империализма не представляет собой «нечто в корне неверное», то, с учетом сегодняшних реалий, придется вместе с этим принять и его вывод: пока существует империализм, войны неизбежны.

Действительно ли это его утверждение и в наши дни? Ведь, как известно, на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев «подправил» В.И. Ленина, пояснив, что указанное положение было абсолютно правильным для того времени, когда «1) империализм был всеохватывающей мировой системой и 2) общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, были слабы, недостаточно организованны и не могли ввиду этого заставить империалистов отказаться от войн...», «Но в настоящее время, – продолжал в 1956 году Первый секретарь ЦК КПСС, – положение коренным образом изменилось. Возник и превратился в могучую силу мировой лагерь социализма. В лице этого лагеря миролюбивые силы имеют не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии... фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются её начать – дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы» [2].

Применимо ли это положение сегодня? Это не праздный вопрос, поскольку он напрямую связан с тем, насколько вероятно перерастание сегодняшней глобальной неопределенности в мировую войну. Во многом это вопрос о потенциале антивоенных сил в мире. «Могу-

чего социалистического лагеря», на сдерживающую роль которого ссылался Н. С. Хрущев, больше нет. Его единство было разрушено в немалой степени усилиями самого Первого секретаря. Мощь и влияние антивоенного движения в мире в основном сошли на нет к концу периода правления М.С. Горбачева.

После распада СССР мир постепенно вернулся к предсказуемо детерминированным параметрам эпохи обострения межимпериалистических противоречий: 1) империализм в новых формах глобализации стал всеохватывающей мировой системой, 2) а общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, ныне слабы, недостаточно организованны и ввиду этого вряд ли в состоянии «заставить империалистов отказаться от войн». По нашему мнению, мир сегодня весьма недалек от повторения эволюции мировой системы между 1905 и 1914 годами.

Перед общественными и, прежде всего, политическими науками со всей настоятельностью встает задача обновления теории империализма применительно к нынешним реалиям. При этом важно понимать, что прежние марксистские подходы уже не могут механистически применяться к реалиям нынешнего дня, но по-прежнему многое объясняют в нынешней динамике развития событий на международной арене.

Сегодня мы стесняемся лишней раз использовать термин «империализм». В отечественной политической и экономической науке это слово применительно к анализу современности едва ли не табуировано, а зарубежные источники – как претендующие на научность, так и массовые СМИ – используют его в основном с определением «российский».

В основе такого положения дел в отечественной науке – опасения быть обвиненным в «идеологизации» научных исследований и принудительное насаждение западных так называемых «либеральных» стереотипов в историческом и общественно-экономическом анализе. Альтернативные этому подходы маргинализировались, а их носители де-факто подвергались остракизму и обвинениям в ретроградстве. Между тем объективная реальность показывает, что отождествление исследования современного империализма (не только «российского») с коммунистической идеологией – большое заблуждение и результат научной малограмотности.

Приведу любопытную цитату из книги В.В. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» [3]: «Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в свое время был исключен из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождем так называемой “социал-демократической” партии Германии, хорошо дополняет Гобсона,

проповедуя “Соединенные Штаты Западной Европы” (без России) в целях “совместных” действий... против африканских негров, против “великого исламистского движения”, для содержания “сильного войска и флота”, против “японо-китайской коалиции” и пр.».

Если абстрагироваться от ленинской озабоченности внутривнутрипартийными проблемами германской социал-демократии тех времен, то оказывается, что списки «глобальных вызовов» начала XX и XXI веков (с учетом поправок на современность и ситуативные конкретные условия сегодняшнего дня) мало отличаются друг от друга.

На острие повестки дня, как и сто лет, назад: 1) объединение Европы без участия России; 2) противостояние исламизму и «африканским неграм» (сегодня последний аспект приобрел форму «проблемы африканской миграции»); 3) необходимость увеличения военных расходов (сегодня – НАТО) и распределения этого бремени между странами единой Европы; 4) угроза японо-китайской коалиции сегодня трансформировалась в угрозу необходимости для Запада противостоять России и Китаю одновременно.

Конечно, есть и масса новых проблем: ядерное разоружение, изменение климата и многое другое. Однако и здесь, и там интересы правящих элит держав-гегемонов последовательно разрушают стабильность и предсказуемость в мире.

Сегодня трудно сказать, когда именно начались процессы расшатывания международного права и глобальной безопасности. Кто-то отсчитывает катастрофическое возрастание глобальной неопределенности от времени перерождения перестройки в развал Советского Союза, кто-то связывает эти процессы с приходом к власти в США нестандартно мыслящего и непредсказуемого президента Д. Трампа, соединившего для своей страны и для всего мира в одном «флаконе» ароматы волонтаризма Н.С. Хрущева, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина.

Так или иначе, сегодня мало кто сомневается в том, что грядущий мир становится всё менее предсказуемым, а уровень глобальной неопределенности нарастает даже по сравнению с последним десятилетием холодной войны.

Между тем с окончанием последней, казалось, дело шло, наоборот, к тотальной предсказуемости и концу истории [4]. Ведь утверждалось, что с реставрацией капитализма на территории бывшего СССР демократия и либеральные подходы к мировому развитию продемонстрировали свою историческую безальтернативность.

Уильям Кристол и Роберт Каган предначертали граду и миру необходимые контуры глобальных трансформаций в проекте «Новый американский век» [5], заложив в его основу концепцию «всеобъемлющего доминирования» (*«full spectrum dominance»*) США. В новом пред-

сказуемом и управляемом мире у этого гегемона не должно быть соперников ни на суше, ни на море.

В рамках концепции «всеобъемлющего доминирования» воздушное, космическое, экономическое и политическое господство США в мире было обеспечено. Гарантом этого, по мнению Ричарда Перла [6] и Пола Вулфовица [7], выступает военная доктрина победоносного упреждающего ядерного удара («*first strike winnable nuclear war*»). Основные положения так называемой доктрины Вулфовица и её дальнейшего развития, доктрины Дж. Буша-младшего, несмотря на изначальную волну негодования и критику даже со стороны представителей американского истеблишмента (сенатор Эд. Кеннеди квалифицировал их как «воззвание американского империализма XXI века, которое ни одна нация не может и не должна принять» [8]), последовательно реализуются по сей день.

Ключевые пункты, прописанные Вулфовицем (тогда заместителем министра обороны США) и его подчиненным Льюисом Либби в 1992 году в «Руководстве по оборонному строительству» и донесенные до всего человечества «Нью-Йорк таймс» постулируют:

«В мире господствует одна сверхдержава... США должны демонстрировать лидерство, необходимое для установления и защиты нового порядка, который обещает убедить потенциальных конкурентов в том, что им не нужно стремиться к большей роли или занятию более агрессивной позиций для защиты своих законных интересов. В областях, не связанных с обороной, мы должны в достаточной степени учитывать интересы развитых индустриальных стран, чтобы не поощрять их бросать вызов нашему руководству или пытаться свергнуть установившийся политический и экономический порядок. Мы должны установить механизм, отваживающий потенциальных конкурентов даже от помыслов о более значительной региональной или глобальной роли» [9].

Другими словами, США устанавливают незыблемую мировую иерархию с собой во главе. В её рамках Вашингтон готов до определенной степени учитывать интересы развитых стран (читай – Запада). Остальные государства не имеют права даже помышлять о защите своих интересов, будь они даже абсолютно законными и естественными.

Переход к предсказуемому и стабильному миру нового американского века должен был происходить плавно, гладко, но в то же время динамично. Остаточные неровности на магистральном пути к свободе и свету в виде огромного числа недемократизированных пока стран мира планировалось «закатать асфальтом народных революций и восстаний», которые неизменно заканчивались бы сменой режима.

В последние годы Запад всё шире использует асимметричные и гибридные методы, занимающие промежуточное место между сило-

выми и несиловыми средствами давления. К таким, можно сказать, «парасиловым» методам относятся различные односторонние или групповые санкционные механизмы, правовые рестрикции и угрозы экспроприации собственности в отношении представителей национальных элит. Большую роль в наборе прикладных инструментов воздействия играют действия по маргинализации оппонента, его очернению, запуску мощных потоков разноречивой информации с огромной долей негатива, которая, даже будучи впоследствии опровергнутой, оставляет за собой шлейф подозрений в отношении объекта информационных атак.

При прочих равных условиях большую роль играет работа с национальными элитами «восходящих» держав – «новых игроков», претендующих на значимые позиции в полицентричном мире, а также просто стратегически или геополитически важных стран Африки. Ближнего Востока, постсоветского пространства и других регионов мира.

В марте этого года на одном политическом форуме я услышал из уст влиятельного еврочиновника из страны с гордым колониальным прошлым следующее: «В этом регионе мира мы настолько эффективны, что местные лидеры соревнуются в том, чтобы продать себя раньше и дешевле остальных». В интонациях оратора не звучало ни презрения, ни высокомерного цинизма. Для него сказанное было констатацией факта, резюме отчета об успешно выполненной работе.

Следует оговориться, что принципиальной исторической новизны ни в сути, ни в оценке описываемой оратором ситуации нет. Такое в мире случалось и ранее. Схожим образом, например, можно было охарактеризовать модель поведения представителей местной знати в многочисленных африканских «королевствах», султанатах и «независимых государствах» накануне Берлинской конференции 1884/85 года – той самой, которая считается пиком «схватки за Африку» и на которой европейские колонизаторы окончательного поделили между собой Черный континент по параллелям и меридианам.

О деструктивной роли местных элит (в те времена это были в основном местные военные элиты и племенная знать) в колониальном разделе мира английский исследователь империализма Гобсон в начале XX века писал: «Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением её южной части, проведены для нас туземцами» [10].

В наше время состав национальных элит расширился и количественно, и структурно. Политические, экономические, культурные элиты в государствах, представляющих геополитический интерес или являющихся глобальными конкурентами, становятся объектами манипуляции и давления Запада.

Целенаправленная поддержка Западом оппозиционных и антиправительственных сил в национальных элитах неоднократно приводила к смене правящих режимов в обход избирательного процесса, к цветным революциям, а во многих странах Ближнего Востока – к катаклизмам «арабской весны» и её постэффектам.

В современном сложно структурированном мире как в развитых, так и в развивающихся странах национальные элиты неоднородны. Разные группы элит сильно различаются по степени влияния. Уровень влияния элиты, её иерархическая «высота» нередко отражается в наименовании: мировая, региональная (например, элита Евросоюза), национальная (страновая), локальная (местная) элита. В России и ряде постсоветских республик термин «национальная элита» нередко используется для обозначения этнических элит (например, элиты титульных народов автономных республик). В этой статье мы используем определение «национальная» в стандартном международном понимании, то есть как относящаяся к какому-то определенному государству.

Существует множество критериев, по которым современная наука типологизирует национальные элиты. В академической литературе и политической публицистике едва ли не самой распространенной является классификация, в основу которой положена дифференциация элит в соответствии с видом профессиональной деятельности (военная, научная, судебная, театральная и т. п.) или с устоявшейся ролью их представителей в общественно-политической жизни государства, фактически тоже профессиональной, но в более широком смысле (политическая, культурная).

Как правило, профессиональная типологизация элит в силу своей относительной конкретности оказывается более объективной и более четко очерчивает границы конкретной элитной группы, чем многие другие. Однако существуют и иные классификации, с более расплывчатыми границами элит и массой взаимно перекрывающихся сегментов, например: патриотическая и компрадорская, властная и оппозиционная. Определить принадлежность или отнести какие-то лица или группы граждан государства к любой из них – действие достаточно субъективное. Дело в том, что нередко разные группы людей в зависимости от их позиций, мировоззрения и жизненного опыта могут считать одни и те же поступки или взгляды представителей элит и пат-

риотическими, и предательскими. Кроме того, в научной литературе встречается много градаций, категорий и подкатегорий элит [11].

Чтобы санкции или другие репрессивные меры в отношении национальных элит привели к желательному эффекту, стране-репрессору необходимо обеспечить выполнение двух обязательных условий. Во-первых, нужно правильно определить фокусный слой внутри элиты, который был бы в состоянии стать ведущей силой по смене курса (режима) и, если не удастся решить задачу путем «дворцового переворота», мобилизовать против действующей власти «народные массы». Это означает, что фокусная группа должна быть, с одной стороны, достаточно сильна для коллективного воздействия на власть, а с другой – манипулируема настолько, чтобы решиться на рискованные действия.

Например, вводимые адресные санкции должны ущемить жизненные интересы этой части элиты настолько, чтобы заставить её с риском для себя пойти против существующей власти и добиваться смены политической линии страны или её высшего руководства. Другими словами, сила и характер санкций должны быть такими, чтобы оказавшиеся под их угрозой представители элиты опасались бы их больше, чем наказания со стороны национальных властей. Сочетание страха перед санкциями и опасения неизбежной кары со стороны властного режима за свое предательство лишь усиливает возможности для внешнего политического манипулирования таргетируемыми слоями национальных элит. Повышается их «усердие» по понуждению руководства страны к изменению курса. В более сложных случаях на эту часть элит манипуляторами возлагается задача обеспечения смены режима без прямого военного вмешательства извне. Эти методики лежат в основе многих удачных сценариев так называемого народного волеизъявления – от распада СССР до успехов технологии цветных революций во многих частях планеты.

Если таргетированные манипуляторами слои национальных элит начали активные практические действия по смене режима, но не смогли самостоятельно решить поставленную задачу, то, как показывают примеры Ливии, Сирии, Йемена и других стран, может последовать прямое военное вмешательство извне. В этом случае изначальные санкции и другие манипуляционные меры будут служить делу легитимизации внешней агрессии, камуфлируемой под поддержку народа, восставшего против репрессивного, коррумпированного или антидемократического режима, на борьбу с диктатурой и т.п.

Национальные элиты уязвимы для политического манипуляционного воздействия извне в разной степени. Степень этой зависимости определяется конкретными условиями их формирования и особенно-

стями социально-экономического развития их государств. В условиях глобализированного мира, где по сравнению с прежними временами для всех акторов очень высок уровень свободы трансграничных действий (будь то инвестирование, миграция, международные аресты или конфискации), возросли и возможности манипулирования элитами. Болевыми точками для манипулирования представителями последних становятся сохранность их иностранных вложений, судьба заграничной недвижимости, возможность для детей и родственников быть резидентами иностранных юрисдикций, внешнее покровительство, «страхующее» от ареста, и т.п. Неудивительно, что национальные элиты становятся объектом для потенциального внешнего давления. Сила санкционного давления определяется опытным путем. При недостаточности первичных санкционных мер сила давления может постоянно увеличиваться в пределах, определяющихся экономическим и (или) геополитическим потенциалом страны-репрессора.

Какие именно слои национальной элиты представляют особый интерес для внешнего политического манипулирования?

Как видно из предшествующего рассмотрения, детерминантами выбора являются: а) способность объекта манипулирования исполнить волю манипулятора и б) наличие у объекта достаточных побудительных стимулов (позитивных или негативных) к её исполнению. При этом фундаментальными стимуляторами для всех социальных слоев и групп будут инстинкт самосохранения (групповой и индивидуальный), властные амбиции и материальные соображения (сохранение или приумножение имеющихся активов всех видов).

Если принять во внимание эти соображения, то приближенные к власти слои элиты выглядят для манипуляторов более привлекательным объектом давления, чем оппозиционные, или контрэлиты. Оппозиционная элита – часть национальной элиты, борющаяся за власть в рамках существующей политической системы (например, элита лейбористов во время правления консерваторов в Великобритании, в Южно-Африканской Республике – представители национальной элиты из партий, противостоящих Африканскому национальному конгрессу). В странах Ближнего Востока и Африки оппозиционные элиты обычно слабо консолидированы, но амбициозны и нередко легко идут на сотрудничество с внешними силами в надежде на их поддержку в борьбе за власть.

В тех странах рассматриваемых регионов, где существуют многопартийные политические системы, члены парламентов от оппозиционных партий являются составной частью существующей политической системы. В той или иной степени вольно или невольно они легитимизируют существующую власть, и многие заинтересованы в её сохране-

нии. При этом, за редким исключением, в политическую элиту страны они входят лишь постольку, поскольку являются членами парламентов либо занимают другие значимые позиции в политической системе.

О. Крыштановская [12] и В. Очирова противопоставляют оппозиционной элите контрэлиту. Она (контрэлита) – не правящая группа в обществе, а потому готова и даже стремится к изменению существующей в государстве политической системы. Как замечает В. Очирова, контрэлита претендует на высокий или даже доминирующий статус при декларируемой оппозиционности по отношению к лидерам элиты или даже всей элите в целом [13]. В странах Африки и Ближнего Востока контрэлиты для достижения своих целей готовы к сотрудничеству с внешними силами и охотно принимают правила игры политических манипуляторов Запада.

При наличии несомненных преимуществ в работе зарубежных манипуляторов с оппозиционными и контрэлитами есть и минусы. Главный из них – отстраненность этих частей национальной элиты от реальной власти в стране и затрудненный доступ к её высшему руководству. Это практически исключает смену режима по сценарию «дворцового переворота» в целевой стране представителями этих групп элит.

В связи с этим более эффективна опора на представителей властных элит и особенно местного олигархата. Сверхбогатые представители национальных элит (местный олигархат) практически всегда встроены в структуры мировых элит. Они сильно зависят от глобального истеблишмента и стремятся сохранить в нём свое положение. В отношении них санкционные меры и требования отчетности о происхождении их богатства являются мощным орудием политического и индивидуального манипулирования. Учитывая, что число миллионеров и миллиардеров во многих государствах, в том числе в самых бедных странах Африки и Ближнего Востока, растет, усложняются их взаимоотношения с властью, с внешними силами и внутри своего круга, объективно расширяются и возможности манипулирования: шантажа, игры на противоречиях, прямого подкупа и т.д.

Согласно докладу *Boston Consulting Group* о богатстве в мире, опубликованному в июне 2018 года, миллионерам и миллиардерам в настоящее время принадлежит почти половина мирового личного богатства по сравнению с чуть менее 45% в 2012 году [14]. В составе инструментов манипуляционного прессинга в отношении этой части национальных элит чрезвычайно важная роль принадлежит глобальному информационно-коммуникативному воздействию на объект манипулирования [15]. Последний в силу своего положения как значимой публичной персоны оказывается под огнем информационных атак и

угрозой репутационных потерь практически круглосуточно и в любой точке мира.

Сегодня ушли в прошлое декларировавшиеся некогда «незыблемыми» принципы капиталистической свободы зарабатывать и бесконтрольно распоряжаться своими деньгами. В мире всё более распространяются различные формы контроля над индивидуальным богатством, декларируется требование к чистоте происхождения состояния и транспарентности источников доходов. Эти – на самом деле справедливые – требования превратились в эффективное орудие манипулирования бизнес-элитами стран Азии и Африки и давления на политических деятелей и деловую элиту. В некоторых случаях надуманные обвинения в неясности происхождения доходов или недостаточной транспарентности структур собственности превращаются в инструмент международной коммерческой конкуренции.

Власти развитых стран требуют соблюдения прозрачности не только при операциях с собственностью в реальном секторе экономики, но и в деле хранения средств на банковских счетах и даже при использовании виртуальных расчетных единиц, включая криптовалюты.

Ясное видение распределения богатства и контроль над ним со стороны правительств имеют важное значение для власти. Государство не может позволить себе оставить этот важный ресурс полностью в руках частных лиц из страха перед их непредсказуемо независимым поведением, потому что опасается, что богатство как ресурс может попасть под чужой контроль. В то же время, контролируя движение финансовых средств, состав и объемы собственности иностранных юридических и физических лиц, выявляя конечных бенефициаров в различных транзакциях, государство приобретает информационные и иные рычаги давления на собственников и политического манипулирования ими.

Такое политическое манипулирование, санкционное давление и правовые рестрикции в отношении национальных элит создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления. В глобальном плане происходит расшатывание устоявшихся правовых, политических, экономических, культурных и гуманитарных основ международных отношений. Рушатся долго и трудно выстраивавшиеся взаимосогласованные инструменты и институты глобального сосуществования и взаимодействия государств. Нарастает нестабильность, чреватая катастрофическими международными последствиями.

В глобальных масштабах набирает силу феномен односторонней корректировки Соединенными Штатами и рядом стран Запада правил «легитимного» поведения в мире, изменения сложившихся в нём фи-

нансово-экономических и регуляторно-правовых правил игры и подрыва некоторых институтов управления.

В условиях резкого обострения противостояния ведущих стран Запада России они активно используют новые и совершенствуют старые инструменты давления на разные слои российского общества с целью добиться желательных Западу изменений в балансе политических сил в стране, ограничить возможности её экономического роста и модернизации экономики, подъема уровня жизни основной части населения. Сам факт укрепления экономических и внешнеполитических позиций России, улучшения её международного имиджа и влияния рассматривается как вызов и угроза сложившемуся после развала СССР миропорядку. В составе средств сдерживания «российской угрозы» большое внимание геополитические конкуренты уделяют мерам санкционного и иного давления на экономическую, политическую и культурную элиты страны в надежде побудить их представителей к действиям, направленным на смену политического курса Российской Федерации. Давая оценку этим веяниям, президент России назвал санкции древним инструментом, который «применяется многими, в том числе американскими партнерами». «Просто это способ конкурентной борьбы – нелегитимный, нечестный, но это так», – пояснил В.В. Путин, добавив, что это также является «попыткой сдержать рост обороноспособности нашей страны» [16].

В связи с этим перед российской наукой встает задача обобщить существующую мировую практику в рассматриваемой области и проанализировать источники, характер и типы санкционных угроз в отношении элит и международного опыта противодействия нелегитимному давлению в странах Африки, Ближнего Востока, Содружества Независимых Государств и других регионах мира.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Публикация является текстом доклада Л.Л. Фитуни на Пленарном заседании XIX Международных Лихачевских научных чтений «*Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости*». Санкт-Петербург, 22 мая 2019.

1. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2013. № 4. С. 18–29.

2. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 37–38.

3. Гильдебранд Г. Потрясение господства промышленности и промышленного социализма (Hildebrand G. Die Erschütterung der Industriegherrschaft

und des Industriesozialismus). Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 402.

4. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press. 1992.

5. <http://www.newamericancentury.org> (дата обращения 28.01.2019).

6. Perle, a Pentagon adviser, sees more preemption in future. *International Herald Tribune*. P., 2003. April 12. <http://www.iht.com/articles/93022.html> (дата обращения 08.03.2019)

7. Tyler P. U. S. Strategy Plan Calls for Insuring No Rivals Develop: A One-Superpower World. *New York Times*. 1992. March 8. <https://nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html> (дата обращения 08.04.2019)

8. Цит. по: Caputo Leiva O. The World Economy and the United States at the Beginning of the Twenty-first Century. *Latin American Perspectives*. 2007. Vol. 34, № 1. Pp. 9–15.

9. <https://nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html>; <https://archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения 08.04.2019)

10. “Great Britain has gone farthest. Most of the fighting by which we have won our Indian Empire was done by natives; in India, as later in Egypt, great standing armies were placed under British commanders; almost all the fighting associated with our African dominions, except in the southern part, was done for us by natives” (см.: Hobson J.A. *Imperialism: A Study*. Originally published by George Allen & Unwin LTD in 1902. Reprint 2002. N.Y.: Cosimo Inc., 2005. Pp. 136–137).

11. Подробнее см., например: Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. М., 2005.

12. Крыштановская О. Указ. соч.

13. Очирова В. Структура политической элиты. *Вестник ЧумГУ*. 2010. № 7. С. 78.

14. <https://bcg.com/ru-ru/publications/2018/global-wealth-seizing-analytics-advantage.aspx> (дата обращения 18.03.2019)

15. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическое манипулирование национальными элитами – средство сохранения существующего миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 3(44). С. 11–17.

16. Цит. по: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a9fa61c9a794768526e548f> (дата обращения 20.03.2019)

МУСУЛЬМАНСКИЙ ПОЛЮС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДЖИНН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2018)

Во втором десятилетии XXI века реальный ход глобализации и её последствия начали обретать новые черты и характеристики, появления которых мало кто ожидал на её начальных этапах. Противоречие между сущностной первоосновой глобализационной идеи – разрушением национально-государственных преград и перегородок, стоящих на пути поступательного роста производства и расширения рынков товаров и услуг, – и быстро меняющимся соотношением сил вовлеченных акторов, интересы которых в конечном итоге (по крайней мере, пока еще) защищает или воплощает национальное государство, породило в мире зримое попятное движение и пересмотр её изначальных оптимистичных сценариев.

Как следствие, сегодня мы наблюдаем кризис или по меньшей мере существенные трудности в функционировании институтов и инструментов глобализации в их изначальной задуманной форме: рост протекционизма, игнорирование норм её институтов (например, ВТО), обмен санкциями, торговые войны, замедление и угроза свертывания интеграционных процессов в ряде регионов мира и т.д.

Причины происходящего во многом связаны с тем, что глобализация как политический проект, продвигаемый, прежде всего, финансовыми и политическими элитами Запада (в отличие от одноименного объективного процесса развития мировых производительных сил), наряду с целым рядом преимуществ, оказалась чревата неожиданным ослаблением глобальных позиций её пропонентов по ряду ключевых направлений как в экономическом, так и в геостратегическом плане.

Идеальным условием для сохранения изначально задуманного хода этого проекта, как представляется, было бы сохранение однополярного миропорядка, установившегося на короткий по историческим меркам промежуток времени после окончания холодной войны. Однако джинн глобализации уже вырвался из бутылки, а, как известно из художественной литературы, конечные результаты его действий часто не совпадают с пожеланиями обладателей сосуда. Глобализация не только не сгладила, она существенно усилила неравномерность социально-экономического развития государств и целых регионов мира.

В ходе глобализации некоторые страны усилили свои позиции, сумев на какое-то время закрепить наиболее благоприятную для них схему миропорядка и «правил игры». Ограниченное число стран полу-

чило мощный импульс к ускорению своего развития и укреплению позиций на мировой арене. Другие пребывают в затяжном застое или оказались маргинализированы. Третьи вовсе исчезли с карты мира.

На десятилетие-полтора сложилось впечатление, что воцарился так называемый однополярный мир, наступил «конец истории». Но реальный ход глобализационных процессов стал подтачивать этот однополярный мир изнутри и снаружи. Изнутри – усилив конкуренцию внутри западного блока стран, а извне – создав альтернативные центры экономической и политической силы в мире. В результате некоторое число развивающихся стран сумело успешно встроиться в глобализацию и потеснить архитекторов глобального мира по многим ключевым экономическим параметрам.

Глобализация ускорила и детерминировала определяющие черты нынешнего этапа объективного процесса *формирования и смены моделей мирового экономического развития* (ММЭР). В наших предыдущих публикациях мы подробно описали суть этого процесса, отметив, в частности, что речь идет о преодолении накапливавшихся десятилетиями дисбалансов и противоречий в мировой экономике*. В самом общем смысле эти изменения можно характеризовать как перераспределение соотношения сил между старыми (доминировавшими и прежде) и «новыми» (восходящими) глобальными игроками, неизбежным следствием чего становится изменение баланса сил между действующими государственными, субгосударственными и негосударственными акторами [18, с. 6].

В силу понятных причин к «старым игрокам» относят в основном страны Запада (как по отдельности, так и в форме «коллективного Запада» или его объединений). «Новые игроки» – восходящие экономики, главным образом крупные и многонаселенные государства, такие как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия и др. Несмотря на имеющиеся противоречия, старые игроки имеют тенденцию выступать по ключевым проблемам миропорядка и глобального управления с консолидированных позиций. Новые – в значительной степени разобщены и по большей мере стремятся отстаивать собственные страновые интересы и позиции. Даже наиболее продвинутое объединение

* Смену ММЭР не следует путать с марксистской теорией формационного развития. При смене ММЭР не происходит коренного изменения в отношениях собственности на средства производства. Ключевые трансформации ограничиваются изменениями институционального характера, при которых происходит подгонка существующих правил игры в мире под реальный изменившийся баланс сил в нём. Базисные основы отношений не перестраиваются кардинально. Они лишь корректируются в необходимой мере для того, чтобы преодолеть накопившиеся препятствия для поступательного экономического роста и развития мировой экономики и бизнеса. Подробнее о теории ММЭР [см. 18].

новых игроков – БРИКС – пока еще не может похвастать большей эффективностью своих консолидированных действий на мировой экономической арене по сравнению с, казалось бы, «раздираемым противоречиями» Западом [21].

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от изучения новых страновых центров силы в мире (Китай, Индия и т.д.), проблематике возникновению новых «коллективных» полюсов уделяется относительно небольшое внимание. Исключение составляет лишь уже упоминавшееся объединение БРИКС. Однако нельзя не отметить и определенное уменьшение внимания даже к данному объединению в последние несколько лет.

Между тем, весь опыт последних десятилетий свидетельствует, что отдельные страны, как старые, так и новые игроки, несмотря на размеры их экономик, не в состоянии в одиночку определять правила игры в развитии мировой экономики. С углублением глобализации роль «страновых» центров экономической силы относительно снижается, а коллективных растет. В этом смысле, по-видимому, БРИКС еще не сказал последнего слова. Но, что еще важнее, нельзя игнорировать и другие вызревающие или только начавшие консолидацию потенциально возможные центры экономической и политической силы в мире.

ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Развитие глобализационных процессов оказало мощное влияние не только на мировую экономику, но и на диффузию цивилизационно-культурных ареалов в масштабах всего человечества. Сильному экзогенному воздействию и проистекающим из этого воздействия деформациям подверглись ключевые сферы бытия, до того времени воспринимавшиеся как атрибуты суверенной идентичности отдельного государства: политическая, экономическая, духовная, культурная, историко-цивилизационная и т.д. Основной же характеристикой глобальной политики и эволюции миропорядка стало ускорение движения от однополярного мира к многополярности, от навязываемой старыми игроками моноцентричности к полицентричности.

Оказалось, что в формировании экономических и политических центров силы полицентричного мира немалую роль играют религиозные и цивилизационные факторы [29, 28]. В этом контексте особый интерес представляет процесс последовательного усиления экономических позиций мусульманского мира. Последний, по нашему мнению, имеет достаточный экономический и политический потенциал

для превращения со временем во влиятельный центр силы полицентричного мира.

Теоретические аспекты развития многополярного и полицентричного мира подробно раскрыты в работах отечественных исследователей, среди которых можно особо выделить труды Е.М. Примакова [11], А.А. Дынкина [12], Н.А. Симонии [13], А.В. Торкунова [15]. Авторы данной статьи выдвинули ряд теоретических положений о закономерностях формирования и смены моделей мирового экономического развития как фундаментальной первоосновы вызревания центров экономической и политической силы в конкретной системе миропорядка [17; 18; 20]. Целый ряд релевантных для подтверждения отдельных положений данной статьи прогнозов, касающихся отношений между локальными человеческими цивилизациями в их политико-стратегическом и военном аспектах, дан в недавних публикациях авторов Центра военно-политических исследований МГИМО [9, 10].

Многие исследователи касались темы роста глобальной политической значимости мусульманского мира в международных отношениях и его международно-политической самоорганизации [5; 25; 14; 7; 22; 24]. В большом числе трудов подобного рода следует особо отметить книгу Н.В. Жданова «Исламская концепция миропорядка» [2], вышедшую в 2003 г. и намного опередившую свое время. В недавние годы повышенный интерес вызывали вопросы исламской экономической модели и исламских финансов. Из множества работ отметим, в частности [26, 1, 3, 8, 16]. Вопрос об экономическом базисе «мусульманского полюса» полицентричного мира, рассмотрение которого является целью данной статьи, по нашим сведениям, исследуется впервые.

Возвышение на общемировом и региональном уровне таких мусульманских стран, как Индонезия, Турция, Саудовская Аравия, Иран или Нигерия не вызывает сомнения. Говоря о новых «восходящих» центрах силы, чаще всего упоминают вроде бы «неисламские» Китай и Индию. Но не следует забывать, что, например, мусульманская часть населения Индии составляет примерно 220 млн человек. С точки зрения количественной (но не качественной) оценки трудового потенциала это равно примерно половине населения всего Евросоюза. Его «условная демографическая перспективность» (темпы прироста трудовых ресурсов, повышение уровня квалификации, образования и т.д.) намного выше. Считается, что в Китае к этносам, традиционно исповедовавшим ислам, принадлежит от 21 до 25 млн человек. В условиях социализма, скорее всего, далеко не все они являются практикующими мусульманами, но приводимая цифра примерно равно суммарной численности населения трех скандинавских стран и Финляндии вместе взятых.

Наши исследования закономерностей трансформации ММЭР показали, что фактор религиозно-цивилизационной идентичности в современном мире может выступать важным сближающим началом при объединении отдельных «восходящих» государств в консолидированный центр экономической и политической силы глобального значения [18]. Как в стихийном, так и в управляемом общественном процессе он хорошо ложится в фундамент различных конфигураций интеграционных экономических связей, межгосударственных альянсов и политических союзов.

Вопросы о строгости дефиниции, о необходимом и достаточном уровне консолидации «мусульманского полюса» на нынешнем этапе не представляются главными. Ответы на них зависят от конкретного соотношения экономических, политических и военных сил в мире. Можно ли в этом контексте говорить о реальности осмысленного сближения экономик мусульманского мира до такой степени, что с этой консолидированной силой придется считаться? Некоторые косвенные признаки консолидированных экономических действий (пусть и краткосрочных), основанных на религиозной солидарности уже имели место. Речь идет и о предпринимавшихся попытках экономического бойкота Израиля, и о нефтяном эмбарго 1973 г., вызвавшем энергетический кризис и спад в мировой экономике.

Таким образом, отнюдь не закрывая глаза на силу имеющихся разобщающих факторов и усилия ряда внешних сил сохранить эту разобщенность, нельзя преуменьшать и мощные объективные цивилизационные предпосылки к консолидации. Ведь, например, при всём многообразии Запада и существующих внутри него противоречий, несмотря на отсутствие общепринятых четких дефиниций понятия «экономика Запада», под этим термином недвусмысленно понимается вполне конкретная мировая экономическая сущность. Насколько реально тогда ожидать, что с течением времени подобным образом будет восприниматься реальность некоей глобальной «мусульманской экономики» (МЭ)?

Ставя вопрос таким образом, мы далеки от мысли видеть (пусть даже гипотетически) мусульманские страны как некий единый экономический или военно-политический блок в нынешнем понимании этого термина. Непременным условием для практической реализации подобного сценария является рост взаимосвязи и взаимозависимости экономик отдельных мусульманских стран. Напомним, что мы ведем речь о мусульманских экономиках не как о реализации в хозяйственной жизни положений исламского права, а как о современной геоэкономической реальности, сформировавшейся в определенном цивилизационном контексте, уже мощно влияющей на баланс экономических сил в мире.

В этом смысле, фактор «мусульманскости», пока еще не ставший однозначно объединяющей силой, уже бесспорно превратился для этих стран в идентификационный критерий, на базе которого другие мировые центры силы (в особенности «старые») в своих глобальных расчетах объединяют эти государства в общую группу, не спрашивая на то их согласия. Тем самым, вольно или невольно, намечаются границы и связующие деноминаторы для возможной консолидации. При этом в глазах тех, кто прочерчивает подобные разделительные/объединительные линии, ключевыми оказываются вовсе не *конфессиональные* особенности или этико-правовые нормы господствующей религии, а как раз соображения *геополитического, экономического и военно-стратегического* характера [9]. Это как раз те параметры, которые определяют баланс сил в мире, конфигурации миропорядка и нормы мироустройства.

В подтверждение сказанного напомним, что для мировой экономики и политики начало нынешнего тысячелетия прошло под знаком нарастания влияния двух, казалось бы, весьма разнопорядковых явлений – процесса глобализации и международного терроризма. Первое из двух какое-то время в основном сопровождалось определением «финансовая». Однако вскоре термин был распространен и на иные сферы экономики, а позднее едва ли не на всю гамму социальных и политических отношений в мире.

Что касается терроризма, то, несмотря на сохраняющееся фактическое многообразие его проявлений, на рубеже веков упоминание о нём почти неизменно сопровождается привязкой к вполне конкретному религиозному источнику. В конце 90-х – начале нулевых годов западная печать без обиняков именовала его «исламским». Примерно со времени агрессии США и введомых ими младших партнеров в Ираке появилось внешне более политкорректное определение «исламистский». Впрочем, это слово с трудом поддавалось адекватному переводу на национальные языки мусульманских стран, да и в самих странах Запада не приветствовалось основной частью местных исламских диаспор. В результате на смену ему пришло новое определение – «джихадистский», которое особенно быстро стало утверждаться в СМИ и академической литературе с выносом группировкой ИГИЛ/ИГ своей активности за пределы мусульманского мира. Несмотря на смену эпитетов и политкорректные оговорки в речах и, что особенно важно, делах Запада, мусульманский мир при всём своем многообразии и противоречивости упорно выдвигался в качестве (официально не провозглашаемой, но реальной) *консолидированной* угрозы западным ценностям и образу жизни.

Широко распространившиеся с 1990-х годов идеи неизбежного столкновения цивилизаций, прогнозы С. Хантингтона о неотвратимо-

сти в недалёком будущем противостояния между западным и исламским мирами [27] не могли объективно не способствовать вынужденной политической консолидации мусульманского мира и создания предпосылок для превращения в перспективе их экономик в самозначимую общность в мировом хозяйстве. Этому способствовали и такие факторы, как схожесть их специализации в международном разделении труда (прежде всего энергосырьевая), наличие, несмотря на все страновые различия, значительных финансовых и инвестиционных ресурсов (нефтегазодобывающие мусульманские страны) и сформировавшихся финансовых центров мировой значимости (ОАЭ).

При этом глобализация как *объективный социально-экономический процесс* планетарного масштаба естественным образом неизбежно вовлекла в себя и мусульманские страны. Но глобализация как *проект* построения монополярного мира, основанного на западных цивилизационных ценностях и либерально-рыночном хозяйстве, как и в ряде других частей планеты, в мусульманском мире столкнулась с очевидными трудностями.

В этом смысле даже развернувшаяся глобальная борьба с международным терроризмом (в последнее десятилетие почти целиком сводимым в информационном поле к исламизму/джихадизму, в том числе в форме ИГИЛ/ИГ), стала фактором, способствующим консолидации будущей глобальной МЭ. Справедливые действия международного сообщества, перемежавшиеся непродуманными огульными обвинениями, ускорили динамику разнообразных и многоуровневых процессов объединения и размежевания внутри исламской *уммы* и среди мусульманских государств.

Ирония истории состоит в том, что в аспекте мирового хозяйства даже проект «исламского государства» в форме всемирного халифата неизбежно оказывается ничем иным как альтернативной моделью «глобальной мусульманской экономики». Ведь в конечном итоге ИГИЛ претендовало на глобальную функцию мусульманского цивилизационного ответа на концепцию гражданского общества, предложенную западной цивилизацией [19].

В свете изложенного, при всём своем многообразии и внутренней противоречивости, в условиях полицентричности мусульманский мир уже сейчас претендует на роль одного из реальных центров политической и экономической силы. Сегодня мусульманский мир – компактная по мировым меркам зона концентрации огромного потенциала производительных сил, поступательно и устойчиво наращивающая свою глобальную значимость. Без учета тех стран, где мусульмане не составляют большинства населения, она объединяет чуть менее 40 государств. В 28 странах мира ислам является государственной религией.

Пять стран (Афганистан, Гамбия, Иран, Мавритания, Пакистан) юридически провозгласили себя исламскими государствами, записав это в конституции и включив слова «исламская республика» в свое официальное наименование. Мусульмане составляют примерно четверть всех землян.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Российский исследователь мусульманской экономики Р.И. Беккин отмечал, что в реальном мире не существует единой мусульманской экономики [1; 6]. Видимо, не может быть и одной её модели, применимой ко всему многообразию мусульманских государств. В то же время, вне сомнения, существуют изложенные в Коране и Сунне единые базовые принципы, которыми в идеале должны руководствоваться в экономических делах богопослушные мусульмане [1].

Ответ на вопрос о том, насколько использование категории «экономика» оправданно в отношении претворения в жизнь доктринальных принципов религии, на наш взгляд, всегда будет в значительной степени субъективным. Вместе с тем налицо необходимость отражать в исследовательском нарративе и повседневной прикладной практике управленцев и бизнесменов мусульманских государств объективно существующие особенности организации и практики ведения хозяйственных, финансовых и иных подобных отношений в «восточных обществах».

В этой связи в интересах изучения феномена, ставшего предметом данного исследования, нам представляется целесообразным категориально разграничить явления, обозначающие экономику, создаваемую полностью или преимущественно на основе мусульманского права (шариата), и реальную современную экономику мусульманских стран. Для удобства дифференциации (и только для этого, а не из-за разницы в семантике!) назовем первую «исламской экономикой» (ИЭ), а вторую «мусульманской экономикой» (МЭ).

Предугадывая возможные искажения нашей мысли оппонентами, сразу оговоримся и многократно подчеркнем, что такое разделение не является противопоставлением или размежеванием исходных *прилагательных* «исламский» и «мусульманский». Эти слова – полные синонимы. В арабском языке второе слово изначально является производным от первого, а оба они происходят от корня, обозначающего название религии – «Ислам».

Для чего, с нашей точки зрения, полезно такое терминологическое разделение и выделение «мусульманской» и «исламской» экономики в отдельные категории, обозначающие связанные, но различные поня-

тия? Такой шаг, как нам представляется, необходим для более адекватного объяснения и достоверного описания процесса вызревания этого нового центра притяжения экономических и политических сил в полицентричном мире.

Терминологическое разделение структурирует важные классификационные звенья в современном научном знании. Размежевание категорий позволяет понять сущностные характеристики, движущие механизмы и возможные результаты сложных социально-экономических перемен большой глубины и значимости, происходящих непосредственно в самом мусульманском мире (уровень ИЭ) и на более высоком уровне глобальной экономики (МЭ). И те, и другие лежат в основе обостряющихся в настоящее время кризисных процессов и переходов (транзитов) в различных мусульманских регионах.

Рассматриваемые категории и обозначающие их термины не противостоят друг другу. Более того, в жизни они частично перекрываются в содержательном плане. В какой степени это имеет место, зависит от конкретных условий страны. Скажем, в Иране эта степень выше, в Турции – ниже.

Исходя из предложенных критериев, любая «исламская экономика» является «мусульманской», поскольку её носителями являются мусульмане, а географически как целостное явление она может существовать только в мусульманском государстве (в противоположность отдельным экономическим и финансовым услугам, предоставляемым с учетом требований исламского права, которые могут оказываться, например, в Англии или Китае).

С другой стороны, не всякая «мусульманская экономика», согласно предложенной нами классификации, является «исламской». Если говорить о конкретных государствах, то, например, экономики Турции, Албании, Азербайджана, Казахстана, Киргизии или Боснии и Герцеговины и т.п. таковыми не являются. При этом даже в экономиках светских государств, населенных мусульманами, будут присутствовать индивидуальные черты, сформировавшиеся под влиянием того, что доминирующая часть жителей исповедует ислам. Нередко на это будут еще наслаиваться и национальные или этнические особенности экономического поведения. Все вместе они формируют там *страновую (национальную) мусульманскую экономическую идентичность*.

Общие и специфические черты «мусульманских экономик» могут находить отражение в особенностях структуры ВВП или отдельных секторов экономики, вкладе определенных отраслей в формирование национального дохода, развитости или неразвитости каких-то производств, практик, видов сервиса или операций. Например, в составе аграрного сектора может практически отсутствовать свиноводство или

производство алкогольных напитков. Будут слабо развиты некоторые финансовые институты, инструменты и рынки. Индустрия развлечений не будет включать игорный бизнес, а индустрия гостеприимства будет характеризоваться гипертрофированным развитием религиозного туризма. И наоборот, могут появляться производства и целые отрасли, широко распространенные только или преимущественно в мусульманской экономике («халальный» сектор пищевой промышленности, исламские финансы, производство уборов для хаджа и атрибутов для совершения обязательных ритуалов).

Названные выше ограничения, характерные для конкретной «мусульманской экономики», скорее всего, будут существовать не в силу прямого запрета на них со стороны государства, а в силу этических и канонических норм и традиций. Даже в наиболее светских мусульманских странах (в той же Турции) эти особенности четко ощущаются в реальной жизни.

Завершая дифференциацию терминов, отметим, что «исламская экономика» в своей полноте и абсолюте в современном мире не существует. Изобличительная риторика Корана и примеры Сунны говорят о том, что в качестве таковой её не было даже во времена Пророка. В сегодняшней реальной жизни она может быть реализована лишь с большей или меньшей степенью приближения. В воплощаемой на практике «исламской экономике» всегда будут присутствовать изъяны, допущения и исключения. Это, в частности, подтверждает и ограниченность успехов ИГИЛ на экономическом поприще. Сказанное позволяет сделать вывод: стопроцентно чистая ИЭ – скорее идеал богослова и праведника, чем практически работающая самоподдерживающаяся модель функционирования современного народного хозяйства.

В противоположность ИЭ «мусульманская экономика» не есть воплощение предустановленных канонов религии. Она такова, какова она есть почти в полусотне стран мира. Она объективная реальность и неотъемлемая часть мировой экономики со своими описанными выше специфическими чертами и характеристиками, которые позволяют выделять её из глобальной экономической общности и определять как таковую.

Абсолютизация специфических черт МЭ необоснованна и даже вредна, как любая крайность. Однако игнорирование существующих культурно-цивилизационных и конфессиональных реалий, попытки механически, а порой и насильственно перенести в страны с мусульманским населением рецепты либерально-рыночных светских начал (причем на деле их имплементация зачастую реализуется с религиозным фанатизмом и бескомпромиссностью) часто приводит к пагуб-

ным последствиям. Достаточно вспомнить 1980–1990-е годы с их программами «структурной адаптации МВФ» для стран «третьего мира» или «Вашингтонский консенсус» с его результатами.

МЭ, будучи типологической общностью, пока не сформировалась в интегрированную гомогенную сущность, развивающуюся и работающую по своим специфическим законам. Имеются первичные признаки потенциальной возможности трансформации в этом направлении. Однако они еще слабы и не универсальны – ни географически, ни субстантивно, ни институционально. Они идут параллельно и в постоянной борьбе с противостоящими им процессами глобализации по западным либерально-рыночным лекалам, хотя иногда в узких сегментах мировой экономики и возникают сферы глобального управления (ГУ), в которых «правила игры» задают мусульманские страны (например, глобальное управление «исламскими финансами», о чем будет речь ниже).

По нашему мнению, в ближне- или даже среднесрочной перспективе маловероятно превращение мусульманского мира в жестко очерченный общий центр силы, сравнимый по уровню сплочения, например, с «глобальным Западом». Последний, при всех различиях и нюансах интересов и возможностей, выступает в целом с общих, консолидированных позиций, в том числе по вопросам мировой экономики, торговли, финансов и т.д. В то же время нельзя не видеть, что пусть медленно, МЭ, представленная сообществом мусульманских государств, начинает обретать значение самодостаточного центра силы в мире.

Существуют международные институты, такие как Организация Исламского сотрудничества, ОИК (до 2011 г. – Организация Исламская конференция), которые принимают и транслируют функции *глобального управления* ею. Заслуживают упоминания и другие уже функционирующие институции исламского мира, в мандат которых входят именно вопросы экономики, финансов, развития. Даже простое их перечисление свидетельствует об их многочисленности, широте компетенций и диверсифицированности сфер координации и совместного контроля: Исламский банк развития, Исламский фонд развития, Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам, Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям, Исламский фонд научно-технического развития, Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям, Комитет исламской солидарности с мусульманскими африканскими странами зоны Сахеля, Исламская ассоциация судовладельцев, Исламский центр развития торговли, Исламская торгово-промышленная палата и др. Степень их влияния в глобальной экономике неодинакова.

В силу того, что МЭ располагает значительными свободными капиталами, исламские международные экономические институты глобально более влиятельны в таких областях, как глобальное управление, валютно-финансовое управление, поменьше – в сферах управления природными ресурсами (например, Организация арабских стран-экспортеров нефти) и, к сожалению, весьма слабо – в сферах, определяющих магистральные пути инновационного развития мировой экономики и регулирования возникающих при этом международных отношений (НИОКР, ИКТ, новые технологии и материалы и пр.)

ИСЛАМСКИЕ ФИНАНСЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Финансовое глобальное управление – ключевой компонент всей системы экономического миропорядка, обеспечивающий управляемость системы в целом в нужном направлении. Именно на этом направлении МЭ сумела закрепить за собой вполне реальный и признанный и старыми, и новыми центрами силы, хотя и узкий, но динамично развивающийся сегмент.

Речь идет об исламских финансах (ИФ). Это одна из немногих областей мировой экономики, глобальное управление которой осуществляется *без видимого и однозначного доминирования ведущих западных держав* [8]. Эта существенная характеристика может рассматриваться как существенный индикатор возможного выхода в будущем МЭ на роль мировой силы, определяющей глобальные правила игры в той сфере, в которой Запад по определению на неё претендовать не в состоянии.

В то же время, будучи встроенными в международную систему валютно-кредитных и, шире, экономических отношений, исламские финансовые институты (ИФИ), где бы они ни работали, вынуждены ориентироваться на принятые в мире стандарты финансового регулирования и выполнять определенные требования, предъявляемые к участникам мирового финансового оборота.

За исключением СНГ, где работа ИФ, несмотря на довольно продолжительный период присутствия, всё еще воспринимается как инновационный продукт [16], финансовое законодательство мусульманских стран, как правило, строится с учетом рекомендаций специальных международных структур, формирующих нормативную среду в области именно ИФ. Признаваемый государством исламский финансовый бизнес обязан соблюдать устанавливаемые ими нормы. Западные финансовые учреждения, работающие в сфере ИФ (в ЕС, Северной Америке, Гонконге, Сингапуре, Австралии), исполняют эти требования в добровольном порядке [8].

Почти все международные структуры, регулирующие ИФ, имеют штаб-квартиры в зоне МЭ. С точки зрения глобального управления, они исполняют роль институтов международного (исламского) финансового регулирования. Их задача – сформировать правовое поле, в котором источником права выступает шариат, не только для мусульманских стран, но и для подразделений исламского банкинга крупных кредитных учреждений всего мира. К числу главных исламских институтов глобального финансового управления можно отнести: специализированные организации Исламского банка развития (*IDB, ICD, IRTI, ICIEC, ITFC*), Совет по исламским финансовым услугам (*IFSB*), Организацию по бухучету и аудиту в исламских финансовых институтах (*AAOIFI*), Организацию Международных исламских финансовых рынков (*IIFM*), Международное исламское рейтинговое агентство (*IIRA*), Международный центр образования в области исламских финансов (*INCEIF*) [8].

К исламским институтам глобального управления, не специализирующимся на ИФ, относится Всемирный исламский экономический форум со штаб-квартирой в Куала-Лумпуре (Малайзия). Его уставные документы провозглашают в качестве целей деятельности повышение экономического благосостояния мусульманских народов. Форум содействует диалогу и сотрудничеству между всеми деловыми людьми (как мусульманами, так и немусульманами), поскольку рассматривает его в качестве моста на пути к пониманию и взаимодействию между мусульманским и немусульманским миром.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время МЭ, измеряемая как сумма номинального ВВП 35 мусульманских стран мира* (здесь и ниже, если не оговорено особо, ВВП в расчете по текущему обменному курсу) составляет в общей сложности почти 7 трлн долл. США (примерно 8% общемирового). Усредненный ВВП на душу населения в рамках глобальной «мусульманской экономики» примерно равен 3888 долл. в год. Для сравнения,

* Из-за правовых нюансов часть стран с преобладанием мусульманского населения являются частично признанными, не рассматриваются всем мировым сообществом в качестве независимых и суверенных государств, например: Зап. Сахара, Косово, Республика Северного Кипра, Сомалиленд и др. В ряде стран правительство препятствует распространению информации о том, что мусульманская часть населения из религиозного меньшинства превратилась в большинство и т.п. В результате число стран мира с преобладанием мусульманского населения по разным источникам варьируется от 35 до 47.

ВВП Китая, численность населения которого приближается к суммарному числу жителей мусульманских стран (но всё же заметно меньше), в последние несколько лет колеблется на уровне 11–11,5 трлн долл. (13% мирового), а ВВП на душу населения – 8214 долл. в год. Крупнейшей мусульманской экономикой является Индонезия. В 2017 г. она стала первой страной в исламском мире, чей ВВП превысил 1 трлн долл. при численности населения в 261 млн человек. Вторая страна мира по численности мусульманского населения – Индия (оценка 2017 г. – 179 млн чел.), но мусульмане являются там религиозным меньшинством, поскольку составляют немногим более 14% всего населения. Вторая по объему ВВП мусульманская экономика у Турции (842,1 млрд долл. при 82,1 млн жителей). Далее формально следует ряд экономик нефтедобывающих стран – Саудовской Аравии (648 млрд долл.), Ирана (ок. 400 млрд долл.) и др., но у этих государств величина ВВП сильно зависит от мировых цен на нефть. В результате объем ВВП «гуляет» в последние 4 года в пределах суммы 100–150 млрд долл. Отдельного упоминания заслуживает быстро развивающаяся и модернизирующаяся экономика Малайзии (почти 300 млрд долл. при населении 33,4 млн чел.). Ожидается, что экономика (ВВП) этой страны в 2022 г. превазойдет символический рубеж в 500 млрд долл.*

Усредненные цифры скрывают огромные межстрановые различия. Такие страны, как Катар, ОАЭ, Кувейт и Саудовская Аравия входят в число мировых лидеров по величине валового национального дохода на душу населения. Другие, такие как Сомали, Нигер, Джибути находятся в конце этого рейтинга. Из 45 стран мира, официально относимых ООН к разряду наименее развитых государств, 18 мусульманских, и еще в пяти мусульмане составляют значительную часть населения.

Диверсификация и модернизация экономик – одна из самых актуальных задач для мусульманских стран. Сравнительно небольшое число из них (Малайзия, Иран, Пакистан, Египет, Индонезия и некоторые другие) располагают относительно развитыми многоотраслевыми народнохозяйственными комплексами. Остальные – либо слабо развитые, преимущественно аграрные экономики, либо народнохозяйственные комплексы с гипертрофированным развитием добывающих отраслей.

Во многих мусульманских странах удельный вес промышленности в ВВП очень мал. Основная часть стоимости валового продукта создается в первичных секторах (сельское хозяйство, добыча сырья) или в сфере

* <http://imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx> (accessed 22.04.2018)

торговли и услуг. Самые богатые экономики (монархии Персидского залива, другие нефтегазодобывающие страны) – в основном рентные экономики. Доля обрабатывающих отраслей в ВВП в мусульманских странах, как правило, невелика. Едва ли не единственное исключение – Малайзия с удельным весом высокотехнологичной продукции в экспорте, составлявшим 42% в 2017 г. Однако этот показатель у неё устойчиво снижается с тех пор, как в 2000 г. достиг пика в 60%. В районе 30% в последние 6 лет держится этот индикатор у Казахстана и на уровне 12–15% – у Брунея. У всех остальных мусульманских экономик, включая даже такую относительно диверсифицированную как Турция, доля высокотехнологичной продукции в экспорте ниже 10%, а более чем у половины она колеблется между 1 и 5%*.

Серьезный интерес и одновременно проблему представляет вопрос о том, насколько и каким образом глобальная «мусульманская экономика» сможет вписаться как самодостаточный центр полицентричного мира в ключевые глобальные мегатренды, связанные с «большими вызовами» в социально-экономической сфере (включая научно-технологические аспекты). Особую остроту вопросу придает тот факт, что в условиях усиливающейся конкуренции со стороны новых игроков США, ЕС и их союзники в средне- и долгосрочном плане отводят мусульманскому миру важную роль в обеспечении управляемости международно-политической и экономической глобализацией.

МОДЕРНИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ И НИОКР

В изменившихся геополитических и геоэкономических реалиях ведущие мировые державы стали уделять повышенное внимание формированию новых альянсов и конвергентных геоэкономических построений, получивших в западной специализированной литературе название «экономических мегаколлабораций», которые включают перспективные быстрорастущие районы развивающегося мира. Новый феномен рассматривается на Западе как одна из фундаментальных инновационных характеристик трансформации мировой экономики и международных отношений в рамках «Грядущей (новой) производственной революции» – *NPR, Next* (в других документах *New) Production Revolution*.

Зона МЭ пока значительно отстает от всех регионов мира, за исключением Субсахарской Африки (ССА), по потенциалу и инвестици-

* http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/wdi?kf=WDI&time_period=2005,2006,2007,2008,2009,2010,2011,2012,2013,2014,2015,2016&ref_area=MNA,MYS&series=TX_VAL_TECH_MF_ZS

ям в научно-техническое развитие, а по темпам прироста капиталовложений в эту сферу и числу научных публикаций в последнее время ССА опередила МЭ*.

Расходы на НИОКР в исламском мире необычайно низки. В 2017 г. из 40 стран мира с самыми крупными расходами на НИОКР только 8 являлись мусульманскими. В 2017 г. лидерами среди них были Турция (11 место в мировом рейтинге по валовым расходам на НИОКР по ППС) с суммарной величиной расходов 16,93 млрд долл. (3,31% ВВП) и Иран – 25-е место с 11,46 млрд долл. и 1,27% ВВП, соответственно. Ниже в рейтинге (26-е место) оказалась Малайзия, у которой абсолютная величина расходов была чуть выше, но из-за несравненно больших, чем у Ирана, масштабов экономики доля НИОКР в ВВП оказалась существенно ниже – всего 0,50%. Кроме того, в рейтинг попали следующие мусульманские экономики: Индонезия (28-е место), Катар (29-е), Саудовская Аравия (32-е), Египет (33-е), Пакистан (37-е) и Бангладеш (40-е).

Важным позитивным фактом, косвенно свидетельствующим о технической модернизации МЭ, является то, что средние расходы на НИОКР по мусульманскому миру увеличились с 0,2% в 2006 г. почти до 0,9% в 2017 г., немного не дотянув до рекомендуемой ООН величины в 1% от ВВП**. Для сравнения укажем, что Израиль (22-е место) тратил в 2017 г. на НИОКР более 3% своего ВВП (ППС), а Россия (8-е место) – 1,52%.

Правительство Турции, исходящее из важности перехода к экономике знаний, планирует к столетнему юбилею турецкой светской республики в 2023 г. довести расходы на исследования и разработки по крайней мере до 3,0%. Согласно статистике систем реферирования и индексирования *SCOPUS*, в числе 25 стран-лидеров по количеству научных публикаций лишь две мусульманские – Турция (2016 г. – 20-е место, 434 806 публикаций) и Иран (22-е место, 333 474 публикаций***).

Однако с качественной точки зрения научные статьи, публикуемые в мусульманских странах, не дают ответа на вопрос относительно направлений и эффективности процесса научно-технической модернизации вообще и экономики в частности. Анализ публикаций показывает поразительные дисциплинарные и географические разли-

* Сравнение приводится в целях более наглядной демонстрации критического положения дел с НИОКР в зоне МЭ. Для компаративных статистических исследований оно не подходит, поскольку 12 из 42 стран ССА входят в состав МЭ (прим. авт.).

** http://materialsismica.com/index.php/Science_Spending_in_the_Islamic_World

*** SCOPUS. *Scimago Journal and Country Rank*. Scimago Lab, Copyright 2007–2016. Data Source: <https://www.scopus.com> (accessed 30.06.2016).

чия. В целом авторы из мусульманских стран мало публикуются по медицине и социальным наукам. По этим наукам немного лучше, чем в других регионах, обстоят дела в мусульманских странах Южной Азии и Африки. В странах Центральной Азии лидируют публикации по химии и физике. В Северной Африке, Индонезии и Малайзии – науки о жизни и, отчасти, технические науки. В странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в Саудовской Аравии – по техническим специальностям. Мусульманские экономики регистрируют крайне мало патентов. Не удивительно, что они оказываются внизу рейтингов по такому показателю, как доля высокотехнологичной продукции в общем экспорте. Такая ситуация порой порождает неуверенность в возможности МЭ воспользоваться плодами «Грядущей (новой) производственной революции» даже у мусульманских исследователей.

НОВОЕ МИРОУСТРОЙСТВО И МОДЕЛИ ИСЛАМСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Насколько критичны минусы современной МЭ и насколько значимы её достижения с точки зрения позиционирования в формирующейся ММЭР и полицентричной модели мироустройства? Преодолимо ли отставание?

В принципе за счет своих масштабов, суммарной численности населения и критически важных запасов, всё еще незаменимых для развития мировой экономики ресурсов, – углеводородов – МЭ, как нам представляется, могла бы гарантированно и неопределенно долго оставаться значимым центром «второго порядка». Однако такая перспектива вряд ли устроит как государственных, так и негосударственных акторов в мусульманском мире. Они, скорее всего, будут продолжать считать складывающийся миропорядок несправедливым и требовать перераспределения прав и прерогатив в мире, несмотря на свое объективное научно-техническое отставание и ограниченные экономические возможности.

Такая ситуация крайне опасна, поскольку чревата острейшими конфликтами. Ведь когда речь идет о глобальных центрах силы, то и конфликты неизбежно выносятся на глобальный уровень. Не стоит забывать, что упоминавшаяся выше вторая знаковая проблема начала нашего тысячелетия – международный терроризм – можно рассматривать как асимметричный силовой ответ располагающему заведомо большими возможностями и ресурсами противнику.

Возможная реакция на этот ответ также может быть настолько сокрушительной, что не просто надолго отодвинет перспективу превра-

щения МЭ в самодостаточный и саморазвивающийся центр полицентричного мира, но и сделает из неё зону перманентного хаоса и войны всех против всех.

Впрочем, как бы ни относились к происходящему исследователи и наблюдатели, неоспоримым является то, что, несмотря на бурные и нередко трагические катаклизмы, объективные разноскоростные процессы модернизации развертываются сегодня под влиянием глобализации во всех мусульманских странах. Они существенно изменяют структуры и векторы развития их обществ и экономик. Поскольку под напором глобализации национальное государство повсеместно, а не только в зоне МЭ, сдает часть своих эксклюзивных прерогатив мощным транснациональным, наднациональным и субнациональным акторам, межкультурные и межцивилизационные перегородки стали более пористыми, а религиозные и традиционалистские скрепы – более слабыми.

В «восточных обществах» ускорились процессы модернизации, часть из которых привела к радикализации настроений населения – как в более консервативных его сегментах, так и в либеральных [20]. Это, в свою очередь, породило чудовищного Гермафродита – помесь «арабской весны» и «Исламского государства» (ИГИЛ/ИГ), понаведывавшегося во многие страны Африки и Азии, но особо ярко проявившего свое неразделимое «двуединое начало» в войне против светского национального государства в Сирии.

По сути, в наши дни речь идет не о том, происходит или не происходит модернизация «восточных обществ», и даже не о динамике этого процесса, а о степени её «типичности» или «атипичности» для нынешней фазы глобализации.

В этих условиях, при всей важности духовного, экономика, трудовая деятельность, благосостояние и, шире, материальная составляющая бытия оказываются главными стимулами модернизации в рассматриваемой части мира. Другие побудительные мотивы, такие как идейная и культурная экспансия Запада, информационно-пропагандистское воздействие, демонстрационный эффект и «гедонистский синдром» в элитарной и в молодежной среде мусульманских стран тоже присутствуют и весьма значимы, но и они в своей глубинной первооснове зиждутся на фундаментальной тяге к повышению материального благосостояния и доступу к благам современной цивилизации и технического прогресса. Даже в среде радикалов такие ценности, как труд, достаток и благоденствие членов *уммы* отвергаются (да и то не тотально) лишь крайними маргиналами.

Сложное соединение комплексных процессов общемирового, регионального и местного уровня, в основном связанных именно с мо-

дернизационным процессом в мусульманском мире, привело к определенной их повторяемости, предсказуемости и последовательности, которые, в свою очередь, способствовали качественной консолидации мусульманского мира как отдельного восходящего центра силы в глобальной экономике и политике.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПРОГНОЗЫ

В фокус исследования настоящей статьи мы поместили рассмотрение нового качества мусульманской экономики – как формирующегося центра мировой экономической силы собственной (самостоятельной) значимости. По сути, речь идет о потенциальной возможности (при условии преодоления противодействующих факторов) вызревания в перспективе самодостаточной экономической сущности (силы), которую условно можно назвать «глобальная мусульманская экономика» (ГМЭ), аналогично тому, как в ходе XX века, и в основном после Второй мировой войны, вызрела реально существующая консолидированная мировая экономическая сущность (сила), которую мы условно именуем «экономикой Запада». Конечно, процесс вызревания ГМЭ еще невероятно далек от достижения зрелых или завершенных форм. Более того, сущностные черты ГМЭ бывает трудно отделить от чисто географических (например, Ближний Восток) или товарно-отраслевых (например, нефтегазопроизводители) характеристик.

Возвышение отдельных мировых центров силы укладывается в общую парадигму выдвижения и консолидации позиций «новых игроков» в ходе смены ММЭР, а именно: в мировом балансе сил быстрыми темпами укрепляются позиции многонаселенных развивающихся стран, чьи экономики растут темпами, превышающими среднемировые. Возможно, по этим причинам такие страны начинают претендовать вначале на роль региональных локомотивов развития, затем – на место региональных сверхдержав, а в дальнейшем – на особые позиции в мировых политических и дипломатических иерархиях и статусных привилегиях, таких, например, как место в Совете Безопасности ООН и т.д. Некоторые из мусульманских стран (Индонезия, Турция, Иран, Саудовская Аравия) подпадают под все или большую часть перечисленных необходимых, но, увы, недостаточных критериев.

Представляется, что корректной выглядит следующая формулировка. «Мусульманский полюс» многополюсного мира уже обозначился. На повестке дня вопрос о вызревании общего «мусульманского» центра силы полицентричного мира. Его окончательные геополитические очертания и степень его консолидированности пока остаются неопределенными. Сегодня невозможно достоверно предсказать конкретные

конфигурации будущей самоорганизации этого полюса полицентричного мира и характера его влияния на конкретные вопросы глобального миропорядка. Однако процесс, на наш взгляд, приобрел качественно устойчивый характер. Точка невозврата им уже пройдена, а болезненный, противоречивый, а временами взрывоопасный процесс вызревания такого центра могут остановить только катаклизмы глобального порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

В настоящем издании приводится авторский вариант оригинального текста статьи. Журнальный вариант был впервые опубликован в журнале «Вестник МГИМО Университета». 2018. № 4(61). С. 55–77.

1. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. Ин-т Африки РАН. М., 2010. 348 с. ISBN 978-5-9037-1532-9.

2. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М: Международные отношения, 2003. 568 с. ISBN 5-7133-1168-6.

3. Журавлев А.Ю. «Концептуальные основы мусульманской экономики». Беккин Р.И. (ред.) «Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты». М.: Умма. 2004. С. 5–37.

4. Игнатова Т.В., Подольская Т.В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой: реалии и перспективы. *Век глобализации*. 2014. № 2(14). С. 119–128.

5. Ислам в мировой политике в начале XXI века. Под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. 345 с.

6. Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. Под ред. Беккина Р.И. М.: Умма. 2004. 273 с.

7. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 228–241.

8. Кузнецов А.В. и др. Исламские финансы и их специфика в Европе. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 12. С. 52–62.

9. Подберезкин А.И., Александров М.В., Харкевич М.В., Родионов О.Е., Аватков В.А., Боришполец К.П., Зиновьева Е.С., Булатов Ю.А., Каберник В.В., Кузнецов Д.А., Лещенко П.В., Лунев С.И., Малов А.Ю., Подберезкина О.А., Пономарева Е.Г., Силаев Н.Ю., Сотников В.И., Стрельцов Д.В., Тихова В.В., Юртаев В.И. и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО-У. 2018. 768 с. ISBN: 978-5-9228-1906-0.

10. Подберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. Аналитический доклад. М.: МГИМО-У. 2016. 123 с. ISBN: 978-5-9228-1590-1.

11. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. Москва, ИД МГУ. 2014. 320 с. ISBN: 978-5-19-011018-0.
12. Россия в полицентричном мире. Под ред. Дынкина А.А. и др. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2011.
13. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности. *Полис. Политические исследования*. 2015. № 3. С. 27–37.
14. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль о глобализации и перспективах политического реформирования мусульманского мира. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2007. № 4. С. 76–89.
15. Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности. В книге: *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития*. М., 2016. С. 204–215.
16. Фитуни Л.Л. Исламские финансы в постсоветских «восточных обществах». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 124–131.
17. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2013. № 4. С. 18–29.
18. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения* 2012, № 7. С. 6.
19. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма»: европейское лицо экстремистской угрозы. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 11. С. 2–11.
20. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы. *Современная Европа*. 2017. № 4(76). С. 5–16.
21. Abramova, I., Fituni, L. Russia, BRICS and the global supply chain of resources for development. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekweni 2013*. Pretoria. 2014. Pp. 136–153.
22. Akçali, Emel (ed.), Neoliberal Governmentality and the Future of the State in the Middle East and North Africa, Palgrave Macmillan: London and New York. 2016. xiii+231 P. ISBN: 978-1-137-54692-0.
23. Ali, A., “Organizational development in the Arab world”, *Journal of Management Development*, 1996. Vol. 15. No. 5. Pp. 4–21.
24. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press. 1997. 464 p. ISBN 9780691011806.
25. Islam in the 21st Century. G.H. Franco and S.L. Cervantes (eds.) New York: Nova Science Publ. 2011, 194 p. ISBN: 978-1-60876-910-0.
26. Islamic Economics. Critical Concepts in Economics. Volumes 1-2. Shafiq Algi and Amer Al-Roubaie (eds.). Routledge: Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2014. 1872 p. ISBN: 978-0415519601.

27. Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York, Simon & Schuster, 1996. ISBN 0-684-84441-9.

28. Noland, Marcus. *Religion, Culture, and Economic Performance*. Institute for International Economics Working Paper 03-8. Washington: Institute for International Economics. 2003. 57 p.

29. *Power Relations in the Twenty-first century: mapping a multipolar world?* D. Murray and D. Brown (eds). Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2018. xv, 225 p.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СМЕНЫ МОДЕЛЕЙ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2012)

Развитие мировой экономики в начале XXI века ознаменовалось рядом процессов и потрясений, свидетельствующих о происходящих в ней изменениях фундаментального характера. Существовавшие десятилетиями парадигмы развития и взаимоотношений между оперирующими в ней субъектами претерпевают глубокие изменения. Там, где снятие накопившихся дисбалансов и противоречий неоправданно затягивается или путь мирной эволюционной трансформации становится невозможным, противоречие между изжившим себя старым и нарождающимся новым ищет своего разрешения через кризис.

Современная экономическая наука исходит из того, что определяющими чертами развития мировой экономики конца XX – начала XXI в. стали системные процессы: интернационализация, глобализация и интеграция. Они трансформируют мировую экономику в сторону преодоления внутренних разделительных мембран государственных границ и превращения в идеале (в реальном мире такое всё-таки, думается, недостижимо) в интегрированное единое целое – огромную экономическую макроклетку с мощным ядром Центра, окруженным цитоплазмой Мировой периферии. В соответствии с действовавшими в XX веке моделями мирового экономического развития роль последней – питать ядро, обеспечивать его дальнейшее развитие и рост, а также защищать от неблагоприятных внешних воздействий и способствовать заживлению внутренних патологий.

Однако в последние десятилетия четкая дихотомия Центр–Периферия подверглась существенной коррозии. Рельефно обозначился процесс перераспределения в глобальных масштабах силы и влияния, укрепления новых полюсов формирующейся полицентричной международной системы. Произошли тектонические подвижки в соотношении сил ведущих экономических центров силы. Отдельные страны, такие как Китай, Индия, Бразилия и др., ранее относимые к Мировой периферии, стали обретать не характерную для них прежде экономическую мощь и геополитическое значение. В то же время традиционный Центр глобализированной экономики начал медленно утрачивать, по крайней мере, некоторые из рычагов управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившихся в его распоряжении. По мнению Российского МИД, «на этом фоне происходит относительное сужение влияния и возможностей стран, которые принято отно-

силь к историческому Западу, ослабление их роли как “мотора” глобального развития»¹.

Многочисленные исследователи глобальных процессов, принадлежащие к разным научным школам и исповедующие различные методологические подходы, почти безоговорочно согласны в том, что происходящие процессы означают смену эпох.

Авторы данной статьи выдвигают гипотезу, что такая «смена эпох» сопряжена с качественной трансформацией моделей мирового экономического развития (ММЭР).

ММЭР КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Смену ММЭР можно интерпретировать как естественную, осмысленную адаптацию ведущих экономик мира к меняющимся технологическим, природно-ресурсным и «населенческим» (подразумеваемая под этим термином более широкую, чем чисто демографическую проблематику) сдвигам в развитии человечества. Однако нельзя не видеть в происходящем и объективные стихийные изменения «скачкообразного», революционного в философском смысле, характера, что означает большую, чем в первом случае, вероятность непредвиденного развития событий, драматизм и остроту конфликтов и непредсказуемость результатов перемен. Так или иначе, происходящие процессы лежат в контексте общего тренда к глобализации, который доминирует и определяет направления развития мировой экономики в последние десятилетия.

Когда мы говорим о ММЭР, то имеем в виду, прежде всего, устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением в мировом хозяйстве, сложившиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития.

В каждый конкретный исторический период действующая ММЭР отражает уровень современного развития мировой экономики и соотношения сил в ней. При принципиальном изменении баланса этих составляющих происходит полная или частичная смена ММЭР. Обычно такие перемены носят эволюционный, а не революционный характер. Они вызревают на протяжении десятилетий за счет длительного накопления качественных характеристик будущей модели взаимоотношений, более соответствующей складывающимся новым мировым реалиям и, как следствие, более эффективной.

С точки зрения системного анализа, модель мирового (глобально-го) экономического развития можно рассматривать как сложную систему, которая включает ряд относительно самостоятельных элементов-подсистем. Последние в свою очередь также имеют комплексную структуру, распадающуюся на еще более «мелкие» элементы. Важнейшими из них являются: глобальная финансовая субмодель (чаще именуемая мировой финансовой системой), глобальная субмодель торговых и обменных взаимоотношений, субмодель глобального производства, глобальная субмодель воспроизводства народонаселения (трудовых ресурсов), субмодель институционального регулирования международных экономических отношений и пр. (см. *рис. 1*).

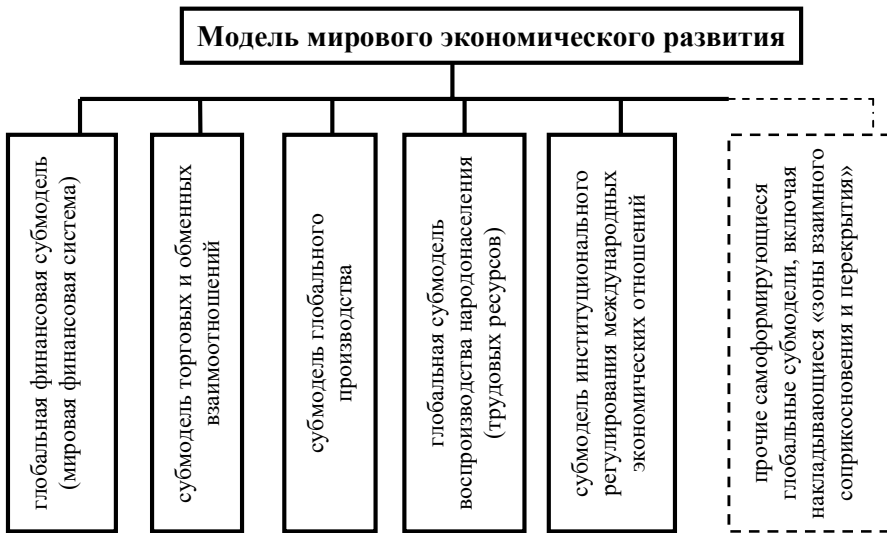

Рис. 1. Структура подсистем (субмоделей) в рамках ММЭР.

Указанные подсистемы (субмодели) не изолированы друг от друга. Более того, они не просто взаимосвязаны, а частично «накладываются» друг на друга, создавая своеобразные «зоны взаимного соприкосновения и совместного перекрытия». Эти взаимно перекрывающиеся зоны в некоторых случаях приобретают характеристики нового качества и, как следствие, сами могут рассматриваться как новые подсистемы².

Важнейшей характеристикой любой из моделей (включая субмодели) является то, что они включают как пребывающую в определенном состоянии и находящуюся на определенном уровне развития **объективную сущность**, формирующую модель (например, финансы, про-

изводственные мощности, людские ресурсы, технологии и т.п.), так и **субъективную институционально-управленческую составляющую** (регулирующие институты, «правила игры» в данном секторе и т.п.). Возникновение, развитие и смена моделей подчиняются поэтому общим законам диалектики объективного и субъективного.

Говоря о внутренней динамике общих моделей развития мировой экономики, следует отметить, что смена глобальной модели экономического развития не предполагает синхронной и одномоментной замены всех входящих в неё субмоделей. Более того, некоторые из них продолжают сохраняться в старом виде в течение длительного времени не только после полного вызревания остальных элементов новой модели, но даже после того, как последняя уже обрела доминирующие позиции в мировом масштабе.

В силу внутренних особенностей или специфических внешних условий некоторые субмодели более консервативны, чем другие. Весьма подвижны и даже волатильны глобальные валютная и торговая субмодели. Глобальная финансовая субмодель, как показывает опыт XX века, также достаточно подвижна и меняется чаще и быстрее, чем, например, глобальная производственная субмодель. Замечено, что на протяжении XIX–XX вв. смена финансовой субмодели (золотой стандарт, золото-девизный стандарт, классическая Бреттон-Вудская система, Ямайская система и т.д.) выступала в качестве провозвестника скорой смены глобальной экономической модели (реже) и/или наступления глобального кризиса (чаще).

В этом смысле, видимо, можно утверждать, что смена субмодели мировой финансовой системы является составной частью и, как правило, одним из более ранних по времени сигналов наступления завершающей стадии этапа смены текущих моделей мирового экономического развития.

Субмодели глобального воспроизводства и мобильности населения (трудовых ресурсов) – одни из самых консервативных. Это объясняется тем, что их системные элементы сильно зависят от «поколенческих» стереотипов поведения, а сама смена субмоделей – прямая функция от смены поколений. На протяжении XX века они менялись довольно медленно, редко, а при смене сохраняли большую часть ключевых черт предыдущей субмодели. Для чистоты описания поведения указанных субмоделей необходимо, правда, констатировать, что к концу XX – началу XXI века наметилась отчетливая тенденция к ускорению их трансформации. Это, по-видимому, объясняется разворачивающимися и углубляющимися процессами глобализации, интеграции и интернационализации, которые ведут к колоссальным изменениям в демографических установках населения и к

постепенной ликвидации барьеров для трансграничного движения людских ресурсов.

МЕСТО ММЭР В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТОЛОГИИ

Для чего, с точки зрения авторов, необходимо выделение ММЭР в самостоятельную научную категорию и почему нужно обособленно рассматривать процесс смены ММЭР как объективно существующей реалии экономической картины современного мира?

По нашему мнению, выделение и обособление ММЭР как экономической категории восполняет важное выпадающее звено в современном научном знании. Оно позволяет понять сущностные характеристики, движущие механизмы и возможные результаты сложных социально-экономических перемен качественно определенной глубины и значимости, происходящие в мировой экономике. В том числе и те, которые относятся к бушующим в настоящее время глобальным кризисным процессам и переходам (транзитам).

По сути, когда мы говорим о смене ММЭР, речь идет о познании качественно обособленного «*мезо*процесса», занимающего по своей глубине и последствиям конкретную собственную *серединную* ступень между переменами формационного и циклического характера.

Объективная реальность мирохозяйственных процессов подтверждает обоснованность и полезность такой структурной классификации процессов экономического перехода. Действительно, с одной стороны, происходящие в настоящее время в мире катаклизмы не означают собой смену экономических формаций. Они разворачиваются в рамках одной и той же системы мирового хозяйства, характеризующейся доминированием капиталистических (современных рыночных) отношений. Наличие в ней значимых социалистических «вкраплений» в форме КНР, Вьетнама, Кубы в целом не меняет её сути, поскольку на мировом рынке и во всё возрастающей степени в рамках национальной экономики рыночные экономические отношения играют решающую роль и для этих государств.

При смене моделей экономического развития не происходит принципиального изменения сущности отношений собственности и характера присвоения вновь создаваемой стоимости. Речь идет лишь о преодолении накопившихся, хотя и, бесспорно, весьма глубоких проблем, дисбалансов и несоответствий в мировой экономике, и, что очень важно, об изменении баланса сил между действующими игроками (чаще всего между теми, кто уже успел захватить ключевые позиции в определенной области, и набирающими силу вновь пришедшими претен-

дентами). В ходе этого процесса происходят перемены институционального характера, корректируются «правила игры», однако фундаментальные основы отношений кардинально не перекраиваются. Они лишь «подправляются» в большей или меньшей степени с тем, чтобы снять накопившиеся барьеры для дальнейшего развития и роста. Происходит, выражаясь техническим языком, «прочистка системы» и её модернизация.

С другой стороны, глубина и системность нынешнего кризиса явно выходят за рамки конъюнктурных циклических колебаний. Для выживания, преодоления накопившихся дисбалансов, избавления от тормозящего развитие балласта мировая экономическая система и сложившаяся в её рамках модель отношений объективно нуждаются в обновлении. Это происходит вне зависимости от воли отдельных лиц, сообществ или государств.

При этом для одних акторов (главным образом «старых ведущих игроков») важно в максимальной степени сохранить сложившийся каркас отношений, правил игры, систему иерархий и подчинений в мировом хозяйстве, а для других (в первую очередь для новых «возвышающихся» участников) – подправить таковые «под себя», легитимизировать и институционально закрепить собственные завоевания, потеснив таким образом «стариков». В качестве сущностной характеристики описываемого процесса смены ММЭР аспект изменения соотношения сил столь же важен, как и аспект снятия накопившихся дисбалансов и противоречий.

На самом деле оба аспекта находятся в диалектическом единстве, поскольку, по крайней мере, часть противоречий в рамках существующей модели в каждый конкретный момент вытекает из подвижек в соотношении сил внутри неё. Каждая новая «контрапозиция партнеров» в рамках ММЭР в свою очередь усугубляет в том числе и чисто «технологические» дисбалансы (финансовые, отраслевые, между сферами производства и обращения и т.д.) в мировой экономике.

Каковы этапы смены ММЭР в новейшее время? Не считая свою периодизацию эволюции ММЭР единственно возможной, авторы предполагают, что на протяжении последнего столетия мировая экономика пережила смену трех из них³. Основным экономическим содержанием первой было острое межимпериалистическое соперничество на фазе завершения перехода от промышленного капитализма к его монополистической стадии⁴. В качестве новых «возвышающихся» акторов тогда выступали в первую очередь (но не исключительно) США и Германия. Этот этап завершился всемирным экономическим кризисом 1930-х гг., «добровольной» (аншлюс, Мюнхенский сговор, Мемельский ультиматум) или принудительной (захват) инкорпорацией

части европейских государств в Третий рейх и Второй мировой войной, окончание которой открыло дорогу утверждению новой ММЭР.

Её основными чертами стало сосуществование мировых систем капитализма и социализма (которое включало как элементы соперничества, так и сотрудничества), распад колониальной системы в 1960-е гг. Конкуренция систем, включая экономическую «войну на уничтожение» между ними, стала основным содержанием этой ММЭР. В качестве новых игроков, теснящих позиции старых, выступали, прежде всего, сам СССР и соцлагерь в целом. Однако к таковым на более поздних этапах можно отнести и Японию, и новые индустриальные страны. В рамках этой модели начался процесс переноса материального производства из индустриальных в развивающиеся страны, что изменило их положение в мировом хозяйстве, трансформировало структуру международной торговли и характер межстрановых кооперационных связей. Кроме того, проявилась, хотя и не сплоченная, но влиятельная новая для мировой экономики сила – нефтедобывающие страны, которая внесла коррективы в характер «ресурсных отношений» Центр – Периферия. Данная ММЭР просуществовала до падения СССР, краха мировой системы социализма, инкорпорации её части в ЕС, совпавших по времени с невиданным доселе уровнем интернационализации мирового хозяйства, вступившего в эпоху глобализации, и переходом части государств Центра на рельсы постиндустриального развития.

Третья за сто с небольшим лет ММЭР начала утверждаться с того момента, когда быстротечный промежуточный этап монополярности в мировой политике сменился на ярко выраженную тенденцию к формированию полицентричного мира. Произошло возвышение крупных многонаселенных развивающихся стран, в частности, Китая, Индии, Бразилии. Россия начала возрождение в новом качестве. Ключевыми экономическими характеристиками возникающей ММЭР, по-видимому, становятся новая парадигма распределения мирового богатства и доминирование глобальных проблем развития (в особенности демографического и природно-ресурсного характера) над национальными.

«Стыковые» периоды перехода (транзита) от одной ММЭР к другой всегда сопровождались глубочайшими геополитическими катаклизмами, являвшимися для одних глобальных игроков величайшими катастрофами, а для других – историческими победами. Нет нужды говорить, что и то и другое в реальной жизни – вопросы благополучия, а порой и физического существования огромных масс живых людей. А это значит, что исследование вопросов формирования, развития и смены ММЭР как самостоятельной категории имеет не только теоретическое, но и практическое значение с точки зрения выработки

прикладных стратегий развития государства и принятия политических решений.

НОВАЯ ММЭР, СРЕДНИЙ КЛАСС И ПРЕДЕЛЫ РОСТА

Какие же перемены грядут или уже материализуются в связи появлением новой мировой экономической модели в начале XXI века?

В течение примерно четырех десятилетий, вплоть до начала нынешнего века, на семерку ведущих западных экономик (США, Японию, ФРГ, Францию, Великобританию, Италию, Канаду) приходилось в среднем порядка 65% мирового ВВП (в расчете по текущему курсу). Несмотря на эволюцию ММЭР, кризисы и экономические проблемы различного рода, отклонения от этой величины составляли не более 3%. С началом нынешнего века и формирования новой ММЭР эта ситуация стала медленно меняться в пользу стран, еще недавно относившихся к Мировой периферии. К 2010 г., по данным МВФ, суммарная доля «Великолепной семерки» опустилась до 48% от глобального ВВП.⁵ Одновременно обострились ресурсные проблемы мирового хозяйства. Развитые страны столкнулись с нынешним, жесточайшим со времен Великой депрессии, финансово-экономическим кризисом.

В первом десятилетии XXI в. возвышение крупных развивающихся стран (РС)⁶ окончательно превратилось в один из системообразующих факторов формирования новой ММЭР. В 1990–2010 гг. темпы прироста ВВП РС в среднем превышали 5–6%, что было вдвое выше, чем в развитых странах. В 2010 г. в РС было произведено более 45% мирового ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности. Доля РС в мировом импорте к 2010 г. возросла до 38%, а в экспорте – превысила 40%. При этом постоянно как в абсолютном, так и в относительном значении росла торговля между самими развивающимися странами (43% внешнеторгового оборота в 2010 г.). Удельный вес РС в экспорте промышленной продукции вырос с 12% в 1960 г. до 70% в 2010 г., а доля прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в РС увеличилась с 26,8% в 2007 г. до 45% в 2010 г. Возрастает роль РС как экспортеров капитала. В 1985 г. доля ПИИ из РС не превышала 6% мировых, а в 2009 г. данный индикатор составил уже 21%. В 1995 г. лишь 1,1% внешних активов 2500 крупнейших ТНК приходилось на РС, а в 2010 г. данный показатель достиг уже 9%. Даже по такому показателю, как производительность труда, разрыв между развитыми и развивающимися государствами хотя и остается существенным, но имеет тенденцию к сокращению⁷.

В начале XXI в. под влиянием динамично развивающихся Китая и Индии регион Восточной и Южной Азии превратился в новый полюс

роста мировой экономики. Как отмечали авторы прогноза ИМЭМО, именно эти страны станут новыми лидерами глобализации, внося основной вклад в высокую мировую динамику, что ставит под вопрос безусловное доминирование прежнего лидера⁸.

Возвышение ряда развивающихся государств ведет к формированию новых правил игры на мировом экономическом пространстве, так как обуславливает: 1) постепенную смену территориального размещения мирового производства; 2) изменение его структуры; 3) трансформацию мировой торговли; 4) эволюцию направленности, масштабов и характера мировых финансовых потоков; 5) смену модели мирового потребления; 6) изменение качества и структуры мирового рынка труда.

Впрочем, и внутри формирующейся ныне ММЭР уже видны зародыши новых противоречий и дисбалансов.

Когда ВВП Китая превысит ВВП США, доход на душу населения в КНР будет всё еще в 3–4 раза ниже американских показателей. И здесь наступает важнейший качественный сдвиг в экономической модели мира. В ближайшие тридцать лет может случиться так, что впервые в новой и новейшей истории крупнейшие экономики мира не будут одновременно и самыми богатыми (с точки зрения подушевых показателей). Отсюда проистекают два ключевых императива времени. Во-первых, мировому бизнесу придется во многом менять господствующие деловые стратегии и адаптироваться к потребностям менее зажиточных, но более многочисленных потребителей. Во-вторых, социальная и политическая нестабильность в мире будет постоянно возрастать, так как, с одной стороны, при недостаточно социально ориентированной политике в развивающихся странах там будет расти протестный потенциал, а с другой – развитые страны в попытке искусственно сохранить свои лидирующие позиции будут применять не ускользающие из их рук экономические способы воздействия, а внеэкономические методы, в том числе использовать всё еще находящиеся в их руках институциональные, военные и политические рычаги. И события на Ближнем Востоке и в Северной Африке (да и не только там) – яркий тому пример⁹.

Уходящая ММЭР базировалась на потребительском спросе среднего класса развитых стран. Переход к постиндустриальному обществу вымывал материальное производство из передовых экономик Запада, подталкивал транснациональные корпорации (ТНК) к переносу ресурсоемких, загрязняющих или трудоемких производств в развивающиеся страны, где соответствующие издержки ниже. Платежеспособный спрос внутри самих развитых экономик во всё большей мере удовлетворялся за счет инновационных финансовых продуктов, роста потре-

бительского и ипотечного кредитования. Мираж «перманентного бума» позволял среднему классу Запада минимизировать сберегаемую часть дохода и направлять её на текущее потребление, создавая в экономиках иллюзию устойчивости платежеспособного спроса. Однако на самом деле всё большая часть последнего обеспечивалась за счет доходов будущих периодов, кредита и риска своими реальными активами (залог дома, автомобиля и т.д.). Нынешний финансовый кризис вынудил потребителя экономить, сберегать большую часть дохода, чем прежде. Средний класс развитых стран, который согласно взглядам неоклассической политэкономии является первоисточником предпринимательства и инновации, а, следовательно, – основой экономического роста (через новые идеи, вложения физического капитала и накопления капитала человеческого), вдруг перестал предъявлять платежеспособный спрос, необходимый в соответствии со сложившейся моделью развития для стабильного роста экономики. Особенно просел спрос на финансовые инструменты, что не могло не отразиться в первую очередь на валютном и финансовых рынках.

Кризис заставил пересмотреть взгляды на соотношение реального и финансового секторов, установившиеся в рамках уходящей ММЭР. К началу 2012 г. перед лицом второй волны кризиса лидеры ряда стран Запада, словно спохватившись, один за другим выступили с заявлениями о необходимости возврата реального производства в США и ЕС¹⁰. Франция начинает процедуру введения налога на финансовые операции. Центральным моментом ежегодного Обращения к нации Президента Обамы в 2012 г. стала налоговая реформа, направленная на возвращение в США рабочих мест в обрабатывающей промышленности. Предлагаемая политика должна (как минимум) уравнивать для компаний условия по созданию рабочих мест в США и за рубежом или (что еще лучше) создавать преимущества для американцев. По сути, Обама объявил войну аутсорсингу и ратует за меры инвестиционного и торгового протекционизма, правда, на словах – в относительно мягкой форме¹¹.

Пока неясно, станет ли «репатриация» реального производства одним из трендов в новой ММЭР. Однако совершенно очевидно, что к началу XXI в. значительная часть реального производства оказалась в развивающемся мире, а лозунг «новой индустриализации», которая генерирует (или регенерирует) внутренний спрос, звучит из уст политиков как на Западе, так и на Востоке. Как всегда с запозданием эха и в приглушенной форме его можно услышать (если прислушаться) и на российских просторах.

Вместе с тем становится также очевидным, что большая доля платежеспособного спроса уже безвозвратно утекла из «старого» Центра.

Более того, в новой ММЭР глобальный экономический рост во многом будет основан на внутреннем спросе, генерируемом именно молодыми «возвышающимися» экономиками.

Становление новой ММЭР, в которой основная часть ускоренного экономического роста происходит в «возвышающихся» странах, особенно в Китае и Индии, приведет к критическим подвижкам в социальной структуре населения планеты. Согласно данным ОЭСР, численность мирового среднего класса за счет демографически доминирующих развивающихся стран в течение ближайших 20 лет увеличится на три миллиарда человек¹². Его прирост уже сейчас происходит почти исключительно за счет государств Азии и Латинской Америки, а примерно начиная с 2030-х годов, как ожидается, сместится в Африку. Это неизбежно отразится на глобальном балансе потребления ресурсов развития, а также на структуре мирового производства и потребления.

Ожидается, что, если спрос нового среднего класса будет удовлетворен, то всемирный парк автомобилей в 2030 г. составит 1,7 млрд единиц. Резко возрастут потребности в производстве продуктов питания – не только в силу абсолютного прироста населения в развивающихся странах, но и потому, что, по расчетам экспертов, количество потребляемых калорий в расчете на одного жителя в этих государствах вырастет к 2030 г. на 20%. Например, потребление мяса средне-статистическим китайцем вырастет на 40% (до 75 кг в год), хотя при этом всё еще будет сильно отставать от американского. Количественный и качественный рост потребления потребует сравнимого увеличения расходов на инфраструктуру, жилищное строительство и т.д.¹³

Наконец, нетрудно догадаться, что столь резкий рост потребления мировых ресурсов «новыми едоками» в рамках нарождающейся ММЭР будет вольно или невольно налагать ограничения на парадигмы потребления этих же ресурсов со стороны «старых» центров экономической силы. В условиях вынужденного снижения ресурсной обеспеченности перед средним классом Запада, по крайней мере, теоретически может замаячить перспектива вынужденного снижения стандартов потребления. Как выходить из этого положения, если именно потребительская экспансия лежит в основе экономической роста на Западе?

Это не только сложная экономическая, но и политическая задача для западных демократий. История учит, что «недокорм бургера» порождает фашизм и внешнюю агрессию. Принимая во внимание ограниченность и невозобновляемость целого ряда природных ресурсов, **новые и старые акторы окажутся вовлеченными в ресурсные «игры с нулевой суммой»**, при которых улучшение положения одной

стороны неизбежно означает ухудшение положения другой. За этими «играми» достаточно отчетливо вырисовывается перспектива «ресурсных войн»¹⁴.

РЕСУРСНЫЙ РАКУРС БАЛАНСА СИЛ

В рамках новой ММЭР исследователи ожидают существенного изменения условий воздействия «ресурсно-сырьевого фактора». Усугубляющийся дефицит ресурсов – одна из истинных глубинных причин обостряющихся и подспудно зреющих локальных, региональных и глобальных кризисов нового тысячелетия. Как отчетливо показало начало нынешнего века, при всех попытках прикрыть истинные мотивы своего поведения на мировой арене самыми высокими целями и идеалами – защитой мира, свободы, демократии, борьбой с распространением оружия массового поражения – в основе реальных действий государств в значительной степени оказывается их стремление обеспечить контроль над скудеющими запасами дефицитных естественных ресурсов¹⁵.

Относительное возрастание «ресурсного фактора» в развитии мировой экономики и, как следствие, в мировой политике наглядно иллюстрирует сопоставление цифр роста населения Земли и добычи ключевых видов минерального сырья. К примеру, если с 1950 по 2011 г. число землян выросло с 2,5 до 7 млрд чел., т.е. в 2,8 раза, то добыча нефти за этот же период увеличилась в 8,4 раза (с 522 примерно до 4400 млн т), газа – в 21 раз (с 190 почти до 4000 млрд м³), и так почти по всем видам полезных ископаемых¹⁶.

Тенденция к росту удельного (на одного землянина) потребления большинства видов природных ресурсов, судя по всему, сохранится и в новой ММЭР. К тому же нельзя забывать, что запасы минерального сырья распределены по планете весьма неравномерно, и, как правило, самыми крупными потребителями того или иного его вида являются отнюдь не ведущие производители, а как раз страны, обладающие ограниченными его запасами на своей суверенной территории, а то и вовсе лишенные их.

Впервые за многие десятилетия (по сути, с 1970-х гг. и первого доклада Римского клуба «Пределы роста») солидные исследователи вновь всерьез заговорили о потенциальной возможности срабатывания «мальтузианской ловушки», но в отличие от прогнозной модели выпускника кембриджского *Jesus College* 1791 года не в одной лишь продовольственной, а во всей ресурсной сфере¹⁷. Правда, опираясь на исторический опыт развития, они оговаривают, что-де, возможно, её все-таки удастся избежать при условии адекватного роста производитель-

ности труда в добывающих отраслях. Однако цифры такого необходимого прироста, по крайней мере пока, кажутся запредельными.

Согласно исследованиям *McKinsey Global Institute*, мировые цены на природные ресурсы (энергетические, продовольствие, воду и технологические сырье, а также такой ключевой для глобального производства промежуточный промышленный продукт, как сталь) снижались в первой трети XX века и потом на протяжении его большей части (за исключением сравнительно непродолжительных возмущений) держались на относительно невысоком уровне¹⁸.

* 2012 – прогноз на базе экстраполяции данных первого квартала.

Рис. 2. Изменение индекса товарных цен на сырье MGI по мере трансформации ММЭР (в постоянных ценах; 1999–2001 = 100).

Источник: составлено и адаптировано для задач статьи авторами на основе кривой графика: *Dobbs R. et al.*, Op.cit., P. 22 и статистических данных UN Monthly Bulletin of Statistics Online за 1 кв. 2012 г. <http://unstats.un.org/unsd/mbs/app/DataSearchTable.aspx>

Из приводимых исследователями *McKinsey* данных (см. рис. 2.) мы делаем вывод, что существовавшие ММЭР поддерживали, прежде всего, экономический рост в мировых экономических центрах, существовавших на каждом конкретном историческом этапе. Данные графика показывают, что в течение XX века индекс сырьевых товарных цен MGI в реальном выражении снизился почти наполовину. Это само по себе является убедительным подтверждением жизнеспособности и

эффективности ММЭР соответствующих периодов, принимая во внимание, что население планеты за это время увеличилось в четыре раза. Мировое же производство за это время выросло примерно в 20 раз, что привело к скачку спроса на различные ресурсы где-то между 600 и 2000%¹⁹.

В соответствии с описанной нами выше периодизацией за рассматриваемый промежуток времени (112 лет) сменились три ММЭР (верхняя часть графика на *рис. 2*). При этом в ходе первой из них цены на ресурсы резко снижались, в течение второй – при локальных колебаниях индекс товарных цен на сырье в целом стабильно оставался на более низких по сравнению с началом века уровнях. Ко времени угасания второй ММЭР начали проявляться резкие взлеты цен на ряд видов сырья (нефтяной кризис и т.п.). Нарождение новой (третьей по нашей классификации) ММЭР сопровождалось новым взлетом цен на сырье, а индекс товарных цен вернулся к значениям начала графика.

В течение XX века индекс цен на сырье в ходе эволюции последовательно сменявших друг друга ММЭР снижался по сравнению с началом века, что не было равносильно снижению интенсивности глобального потребления ресурсов развития. Одним из решающих факторов снижения интенсивности потребления сырьевых ресурсов в мире в последнюю четверть века стал распад СССР, бывшего на протяжении большей части прошлого века вторым по значимости мировым потребителем промышленного сырья. Согласно докладу Института *McKinsey*, исчезновение Советского Союза «улучшило ситуацию с интенсивностью потребления ресурсов в мире»²⁰.

Но за последние 10–15 лет спрос на развивающихся рынках, особенно в Азии, существенным образом развернул ситуацию и прервал ценовой спад, наблюдавшийся в предыдущие 100 лет. И это при том, что Россия всё еще не вернулась к прежним уровням потребления сырьевых ресурсов. В рамках формирующейся ММЭР решить задачу обеспечения потребностей в ресурсах развития и повышения производительности труда в ресурсодобывающих и ресурсоинтенсивных отраслях экономики будет непросто. В общем балансе потребления на легкодоступные ресурсы будет приходиться лишь 20%, а на труднодоступные – более 40%. К тому же основные месторождения топлива и сырья находятся в странах, существенно уступающих по уровню производительности труда развитым экономикам. Так, по данным МОТ, уровень производительности труда в РФ был в 4 раза ниже, в странах Ближнего Востока и Латинской Америки – в 3 раза ниже, а в странах Африки южнее Сахары – в 12 раз ниже, чем в странах Большой семерки²¹. Для повышения данного показателя до приемлемого уровня еже-

годно понадобится более 1 трлн долл. США²² – задача, вряд ли выполнимая в условиях рецессии мировой экономики.

Таким образом, грядущая ММЭР несет в себе риск затяжного периода высоких и нестабильных цен на ресурсы по крайней мере в течение следующих двух десятилетий. В этих условиях происходит постепенное преобразование мирового рынка минерального сырья из «рынка покупателя» в «рынок продавца», поскольку в условиях ограниченности ресурсов и появления новых сильных конкурентов в борьбе за доступ к ним, именно продавцы могут в определенной степени диктовать условия и извлекать дополнительную выгоду из сложившейся ситуации. Развивающиеся экономики, богатые природными ресурсами, могут и по логике вещей должны воспользоваться весьма благоприятной ситуацией на мировом рынке топлива и сырья с целью ускорения своего экономического и социального развития и повышения своего статуса в мировой экономике. По нашему мнению, именно разумное использование «ресурсного рычага» в новых исторических условиях изменения баланса сил на мировой арене и «исчерпаемости» сырьевого и топливного потенциала планеты может способствовать превращению целого ряда вчерашних «аутсайдеров» мирового развития из объектов в субъекты мировой экономики XXI века. И этот процесс – одна из черт формирования новой ММЭР.

СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ СМЕНЫ ММЭР

Смена ММЭР – объективный процесс, вызревающий вне зависимости от воли отдельных личностей. В то же время объективно самоорганизующиеся проявления этого процесса могут использоваться в субъективных групповых интересах (страновых, идеологических, клановых). В этом смысле весьма интересны, хотя пока что и мало изучены соотношение и взаимосвязи между рассматриваемым процессом трансформации ММЭР, нынешних кризисных явлений в мировой экономике и формирующих реальностей глобального управления (*global governance*).

Смена ММЭР в нынешних условиях испытывает нарастающее воздействие десоверенизации и других процессов, относящихся к категории глобального управления. Такое управление предполагает (по крайней мере, в своем декларативном аспекте) создание организационных форм, в наибольшей степени приближающихся к удовлетворению соответствующих глобальных общественных запросов. Само по себе исследование проблемы глобального управления выходит за рамки данной статьи и задач авторов, однако без видения связи между двумя явлениями и выяснения характера их взаимодействия

картина нашего исследования была бы не только неполной, но и искаженной.

Поскольку такие рычаги глобального управления, как экспансия нормативных механизмов, глобализация институтов, определение целей и задач развития, реформирование международных институтов, есть не что иное, как элементы и направления реформирования существующей ММЭР, формальные, полуформальные и неформальные международные структуры глобального управления (столь разные по статусу, сущности и весу, как например, ООН, МВФ, G8, G20, ОЭСР, Давосский форум, Бильдербергский клуб и т.д.) участвуют в определении характера трансформации модели мирового экономического развития.

Как продукт и естественное продолжение процесса глобализации вызревающая ММЭР во всё большей степени включает негосударственных, наднациональных акторов, их объединения и институты, что объясняется растущей транснационализацией процессов воспроизводства и шире – экономической жизни. Речь идет о возрастающей роли и увеличении числа не только транснациональных корпораций (ТНК) разных размеров, профилей и характеристик, но и многочисленных НПО, лоббистских и профессиональных объединений, неформальных и сетевых групп влияния.

От узости или широты круга участников, реально оказывающих влияние на процесс формирования новой модели, будет во многом зависеть степень её демократичности, функциональности и жизнеспособности. Не секрет, что участие даже сравнительно крупных «новых экономик» в международных переговорах по ключевым актуальным проблемам мирового развития не гарантирует эффективной смены старых, изживших себя элементов ММЭР. (В этом плане весьма характерен более чем скромный прогресс в вопросах о перераспределении квот и мест в управлении МВФ или о сельскохозяйственных субсидиях в ЕС в рамках ВТО.)

Судя по направленности большинства отечественных научных публикаций, проблема управления является одной из центральных в глобалистике. Поэтому и вопрос, управляем ли процесс формирования новой ММЭР и если да, то насколько, не является праздным.

Не отрицая объективный характер происходящих процессов в мировой экономике, авторы считают необходимым сделать акцент на всё более усиливающейся «виртуализации» её важных компонентов при переходе к новой ММЭР. Этот феномен в немалой степени связан с вступлением Центра, всё еще остающегося пока её главным двигателем, в постиндустриальный век и формированием информационного общества в глобальных масштабах.

В силу глобализации и транснационализации воспроизводственного процесса в нем всё более усиливается «общественный (публичный) компонент». Информационное общество функционирует так, что постоянно «вынуждает» частного собственника «подчиняться» решениям, транслируемым ему по информационным каналам извне. В условиях глобализации независимо от воли капиталиста происходит его «социализация» под давлением растущих объемов доступной ему сетевой информации, как достоверной, так и чисто манипулятивной – рыночных котировок, решений ассоциаций производителей и потребителей, заключений рейтинговых агентств, новостей о возникающих страновых и отраслевых рисках и т.д. В силу растущей информатизации действия предпринимателя носят всё более предсказуемый и «плановый» характер, координируются или сообразуются с действиями коллег и конкурентов, базируются на предлагаемых типовых решениях и т.д. Этот же фактор в период катаклизмов ведет к принятию миллионами «независимых» предпринимателей однотипных панических решений, что делает последние особенно разрушительными.

Другими словами, в новой ММЭР создаются условия для возрастания роли субъективных факторов в развитии мировой экономики, которые в определенных обстоятельствах могут доминировать в ней над объективными. При этом всё чаще возникают ситуации, когда в основе действий субъектов рынка оказываются не реальные сигналы последнего, а субъективная информация, часто суггестивного и манипулятивного свойства (рейтинговые оценки, необоснованные прогнозы, давление лоббистов, идеологические ярлыки и штампы, экономические бойкоты, санкции, ложно трактуемое общественное благо и т.п.), транслируемая заинтересованными игроками. Усиливающая «виртуализация» в рамках новой ММЭР, являющаяся, прежде всего, следствием отрыва от реальной экономики, представляет серьезную угрозу. Она может до неузнаваемости исказить сигналы рынка и вести правительства, институты и самих участников рынка по ложному пути.

Участники процесса обновления ММЭР пытаются влиять на её трансформацию в своих интересах, что вполне естественно. Для России, например, принципиально важен вопрос, на каких условиях происходит её «интеграция в мировую экономику» или, другими словами, каково будет положение РФ в новой ММЭР. Будет ли Россия в рамках новой модели лишь выполнять выдвигаемые в отношении неё требования, или партнеры не на словах, а на деле должны будут столь же беспрекословно учитывать её собственные пожелания?

Однако не следует забывать, что сила акторов измеряется не только и не столько площадью их территорий, количеством населения или высокими темпами прироста ВВП. При всей важности вышеизложен-

ных положений о возрастающем значении ресурсной составляющей в мировом развитии, в ближайшие десятилетия не меньшую, а во многих случаях куда большую роль, чем топливо и сырье, будут играть и другие виды ресурсов – людские, финансовые, интеллектуальные, технологические, информационные, военные и проч.

Происходящее исподволь размывание национального суверенитета породило немало далеко идущих по своим последствиям концепций об общечеловеческом ресурсном наследии. Так, всё чаще в разных формах под вопрос ставится международно признанный принцип²³ неотъемлемого суверенитета наций над естественными ресурсами. В то же время в отношении других видов ресурсов развития – финансовых, технологических и т.д. – принципы суверенного владения и использования под сомнение не ставятся. Поскольку первыми видами ресурсов располагают в основном развивающиеся страны, а последними – развитые, налицо желание «старых центров силы» при помощи институциональных рычагов использовать мировую ресурсную базу в своих интересах.

Все эти изменения не свидетельствуют о демократизации отношений внутри новой ММЭР. Современные либеральные подходы интерпретируют властные отношения (и по умолчанию, как следствие, отношения глобального управления) в основном в разрезе категорий международного публичного права и публичной политики. Неполитические влияния на формирование новой экономической модели глобального развития остаются по большей мере непрозрачными и, за редким исключением, пребывают вне рамок открытого общественного дискурса.

Одной из проблем управляемости и жизнеспособности любой ММЭР является исторически усиливающаяся концентрация капитала в глобальном масштабе. Этот процесс в рамках новой ММЭР будет идти рука об руку с транснационализацией капитала. При этом, по мнению авторов, было бы неверным характеризовать нынешнюю или грядущие ММЭР исключительно как «мир ТНК». ТНК – лишь современная форма организации капиталистического (рыночного) дела в интересах максимизации прибыли. При этом сами ТНК подконтрольны интересам, принадлежат и управляются узкими группами людей, объединенными общими экономическими (прежде всего финансовыми) и, о чем часто не упоминают, идеологическими принципами и целями. Число таких «финансово-идеологических групп» в мире на порядок меньше, чем ТНК²⁴.

В 2011 г. английский журнал «*New Scientist*» опубликовал результаты исследований группы ученых, специалистов по сложным системам, из Швейцарского федерального института технологий в Цюрихе, которая эмпирически доказала сверхконцентрацию богатства и власти в ми-

ре в руках менее чем 150 субъектов рынка. Исследователи использовали методики, до этого применявшиеся при моделировании природных систем, для обработки максимально полной на данное время базы данных о корпоративной структуре мировой экономики и создали глобальную модель владения капиталами ТНК. Из числа 37 млн компаний и инвесторов по всему миру они выделили 43060 ТНК, а затем попытались определить акционеров этих компаний и их взаимные связи. Это позволило выявить ядро из 1318 владельцев (корпораций, организаций и индивидуумов), чрезвычайно тесно связанных между собою. Так, каждая из этих компаний имеет отношения как минимум с двумя другими фирмами, а в среднем количество связей между ними достигает 20. И хотя на них приходится 20% всей мировой операционной прибыли, они контролируют 60% глобального дохода посредством владения пакетами акций промышленных компаний и «голубых фишек». Дальнейшее исследование выявило еще более тесно переплетенную группу так называемых суперсубъектов, в которую вошли 147 компаний, контролирующих 40% всего мирового богатства. Большая часть из них – крупнейшие финансовые институты, вроде *Barclays Bank*, *JP Morgan Chase*, *Deutsche Bank*, *Credit Suisse* и *Goldman Sachs*.²⁵

Заметим, что результаты данного исследования важны не только с точки зрения показа реальных механизмов распределения богатства и управления в рамках ММЭР. Не менее красноречиво они свидетельствуют и о пределах устойчивости системы. По сути, нынешний кризис подтвердил, что подобные высокочувствительные сети могут быть крайне неустойчивыми и внешние шоки или выпадение ключевых звеньев могут приводить если не к коллапсу всей системы, то к весьма тяжелым последствиям. Такие уровни зависимости существенны как для характера, так и для векторов развития ММЭР.

Анализ архитектуры экономической власти в мире может в определенной степени способствовать укреплению устойчивости ММЭР, что, естественно, предполагает анализ системы и выявление её уязвимостей. Теоретически (на практике, к сожалению, такой уверенности нет) в этом случае экономисты могли бы сформулировать рекомендации, как избежать критических катаклизмов в мировой экономической системе или, по крайней мере, минимизировать риски и ущерб.

* * *

При всей важности изложенного выше не следует сводить проблематику смены ММЭР лишь к аспектам развития глобальных производительных сил и борьбы между мировыми центрами экономической мощи. Смена моделей происходит главным образом эволюционным путем через накопление новых качественных характеристик, заме-

щающих старые. Но в ряде случаев возможно обострение противоречий, требующее «революционных решений», а их реализация в рамках мировой экономики в отличие от политической сферы возможна только через согласованные целенаправленные действия участников.

Таким образом, смена моделей – процесс более глубокий и менее подвижный, чем простая конъюнктурная перемена состояния рынка, даже происходящая на длительных временных промежутках. Они означают некие необратимые изменения, новые мирохозяйственные реалии, фиксируемые в новом контексте отношений между участниками международного разделения труда.

В силу асинхронности развития субмоделей (о чем шла речь выше) сложно говорить о конкретных временных рамках смены ММЭР, но приведенный выше график однозначно показывает, что «смерть» предшествующей и «рождение» новой ММЭР сопровождалось геополитическими катастрофами глобального масштаба – Второй мировой войной, крушением СССР и т.п. Смена ММЭР сопровождалась и сменой «ресурсного баланса» сил в мире. Кроме того, теория ММЭР в определенной степени объясняет или, по меньшей мере, позволяет в новом свете взглянуть на причины маятникового усиления и уменьшения роли государства в мировой экономике в целом. Как свидетельствует опыт последних 150–200 лет, эта роль возрастает на стыке ММЭР и постепенно снижается по мере утверждения последней с тем, чтобы вновь начать расти по мере накопления дисбалансов, противоречий, и эвентуального кризиса «стареющей» ММЭР.

Находясь в начале систематического исследования феномена ММЭР, авторы не претендуют на исчерпывающее и/или единственно верное его описание. Они отдают себе отчет, что это долговременная задача, возможно даже, для целых научных коллективов. Кроме того, этот объект исследования непрерывно развивается, а значит, неизбежно будут появляться новые аспекты и явления, ждущие своих первооткрывателей и аналитиков.

На данном этапе авторы считают важнейшей своей задачей саму постановку проблемы и по возможности достоверное описание явления на доступном сегодня научном уровне. При этом они, естественно, открыты для научной дискуссии и возможной корректировки своего видения в соответствии с новыми полученными как ими самими, так и другими учеными знаниями и доказательствами.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

В настоящем издании приводится авторский вариант оригинального текста статьи. Текст содержит небольшие отличия от журнального вари-

анта, впервые опубликованного в журнале «*Мировая экономика и международные отношения*». 2012. № 7. С. 3–15.

В частности, в настоящем издании корректно, в соответствии с авторским замыслом приводится *Рис. 2. Изменение индекса товарных цен на сырье MGI по мере трансформации ММЭР*, который в журнале по техническим причинам был напечатан в искаженных пропорциях.

¹ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/45D5CC6F7F1EACF04425799A005B12EC

² В обиходе, когда нет необходимости специально акцентировать аспект иерархичности и сложности, в отношении каждой из субмоделей порой используют и термин «*модель*» (например, «*модель воспроизводства населения*»), что создает определенные неудобства, но редко приводит к серьезной путанице. Характерный пример – так называемая модель развития новых индустриальных стран (НИС) – продукт взаимодействия специфической региональной, финансовой, демографической и производственно-обменной субмоделей, породивших новое относительно самостоятельное качество. Другими примерами подобных «синтетических» систем, за которыми закрепился термин «*модель*», являются глобальная и региональные интеграционные модели, глобальная модель транснационального управления хозяйственными процессами, глобальная модель мобильности трудовых ресурсов и др. Таким образом, с точки зрения иерархической организации системы, речь идет о множестве субмоделей единой общей глобальной экономической модели – ММЭР.

³ Авторы считают необходимым подчеркнуть, что смена модели – не одномоментный процесс. Более того, поскольку любая модель состоит из множества асинхронно развивающихся субмоделей, четких границ разделения между сменяющими друг друга ММЭР не существует. Период перехода (транзит), как правило, затягивается на десятилетия. Рудименты старой модели могут существовать весьма долго и после установления новой ММЭР.

⁴ Если брать более длительный промежуток времени в 150–200 лет (начиная примерно с первой трети XIX в. до наших дней), то достаточно четко выделяются качественно специфичные и легко обособляемые периоды мирового развития, которые порождали самостоятельные соответствующие им ММЭР: 1) период зрелого промышленного капитализма и формирования колониальных империй (ориентировочно до последних десятилетий XIX века); 2) период острого межимпериалистического соперничества (с начала XX в. или чуть ранее вплоть до Второй мировой войны); 3) период «межимпериалистического сотрудничества», холодной войны и противостояния двух систем (рубеж – десятилетие времен сокрушения СССР, условно, до инкорпорирования большинства стран Восточной Европы в ЕС); 4) современный этап зарождения и формирования полицентричного мира.

⁵ Рассчитано на базе: IMF, World Economic Outlook Database-September 2011. Report for Selected Countries and Subjects. <http://imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=45&pr.y=3&sy=2010> (дата обращения 02.02.2012)

⁶ Границы этого термина сегодня несколько размыты. Немалая часть ученых ставит под сомнение отнесение Китая, Турции, Мексики и некоторых других государств к категории «развивающиеся страны», в то время как сторонники традиционных подходов, включая большинство ведущих международных организаций, продолжают считать их таковыми. Признавая важность с методологической точки зрения вопросов классификации государств мира по уровню социально-экономического развития, авторы не могли в рамках ограниченного объема данной статьи подробно остановиться на них. Взгляды авторов по данному вопросу, включая экономико-математическое

обоснование их позиции, изложены в монографии Абрамовой И.О., Фитуни Л.Л. и Сапунцова А.Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М., 2007.

⁷ UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. Pp. 16–23.

⁸ Мировая экономика: прогноз до 2020 г. Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2007. С. 64–65.

⁹ См. подробнее: Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 3.

¹⁰ См., например, Discours du Président de la République à Toulon. 1er décembre 2011. <http://elysee.fr/president/les-actualites/discours/2011/discours-du-president-de-la-republique-a-toulon.12553.html>; Intervention de M. le Président de la République. Sommet sur la Crise Palais de l'Élysée. 18 janvier 2012. <http://elysee.fr/president/les-actualites/declarations/2012/intervention-du-president-de-la-republique-a.12814.html>; Remarks by the President in State of the Union Address. January 24, 2012. <http://whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/24/remarks-president-state-union-address>

¹¹ Remarks by the President in State of the Union Address. January 24, 2012. <http://whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/24/remarks-president-state-union-address>

¹² Здесь и далее статистические данные и цифровые прогнозы, касающиеся положения и роли среднего класса в трансформации ММЭР по: Kharas, H. The emerging middle class in developing countries. OECD Development Centre Working Paper № 285. January 2010. По методике ОЭСР, принадлежащим к среднему классу считается индивидуум, тратящий от 10 до 100 долл. в расчете по паритету покупательной способности (ППС).

¹³ Ibid.

¹⁴ Уже сейчас можно наблюдать, с каким ожесточением Запад бичует, а по возможности и препятствует тому, что он называет «экспансией Китая в Африку». Хотя Пекин и не провозглашает Черный континент «зоной жизненно важных интересов», Поднебесная ввозит оттуда значительные объемы необходимого для поступательного роста своей экономики сырья. На это, в принципе, КНР имеет точно такие же права, как и страны Запада. Напомним, что до сих пор Китай обладает лишь долей тех экономических позиций, которые веками занимали в Африке бывшие колониальные метрополии, а ныне США.

¹⁵ Абрамова И., Фитуни Л. В Африку... Бизнес как всегда. *Международная жизнь*. 2009. № 2–3. С. 145.

¹⁶ Key world energy statistics, 2011. International Energy Agency. Paris. 2011. P. 10, 12

¹⁷ Dobbs R., Oppenheim J., Thompson F., Brinkman M., Zornes M., Resource revolution: Meeting the world's energy, materials, food, and water needs. McKinsey Global Institute. November 2011.

¹⁸ Аналитики *McKinsey* адаптировали для нужд своего исследования методологию Всемирного банка, широко известную как индекс товарных цен (на сырье) Грилли и Яна (Grilli, Enzo, and Maw Cheng Yang. "Primary Commodity Prices, Manufactured Goods Prices, and the Terms of Trade of Developing Countries: What the Long Run Shows". The World Bank Economic Review. 1988. V. 2. № 1. Pp. 1–47), создав свой индекс товарных цен (MGI Commodity Index) на основе баз данных по 28 ключевым сырьевым товарам, разбитым на четыре подгруппы: энергетика, продовольствие, сельскохозяйственное сырье и металлы. Индексы Грилли и Яна были скорректированы с учетом данных длинных временных рядов цен на энергоносители (нефть, природный газ и уголь) и сталь. Последний товар был избран в качестве отдельной самостоятельной категории ввиду его особой важности для экономики и роста в целом.

Конечные показатели были очищены от влияния инфляции и колебаний валютных курсов. Внутри каждой из подгрупп отдельным товарам были присвоены соответствующие их значимости веса, исходя из доли товара в мировой торговле по стоимости. Таким образом, были рассчитаны так называемые подиндексы для каждой из четырех групп. Далее как средняя величина на основе подиндексов был подсчитан конечный индекс товарных цен MGI. Конечно, строго говоря, данная методология не является безупречной. Сомнения вызывает и правомерность выведения среднего индекса на базе четырех подгрупп без учета их весов, и обоснованность выделения стали в отдельную «особо важную» категорию при невыделении в такую самостоятельную категорию никакого другого одного товара (по значимости для мировой экономики сравнимы, например, нефть или электроэнергия). С другой стороны, нельзя не согласиться и с тем, что для каждого из этих «недочетов» у составителей исследования имеются вполне резонные объяснения, которые звучат достаточно аргументированно.

¹⁹ Dobbs, E. et al. Op. cit. P. 2.

²⁰ Dobbs R. et al. Op. cit. P. 23.

²¹ http://ilo.org/global/about-the-ilo/press-and-media-centre/news/WCMS_083976/lang--en/index.htm

²² Dobbs R. et al. Op. cit. P. 73.

²³ Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1962 года.

²⁴ Фитуни Л.Л. Россия в мире ФИГ: пределы роста и иллюзии возрождения. *«Новый порядок на века?» Политическая структура современного мира: состояние, проблемы, перспективы.* М., 2000.

²⁵ New Scientist. L., 2011. № 2835. 19 October.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И НОВАЯ АРХИТЕКТУРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Лидеры догоняющего развития в новой модели мировой экономики

Фитуни Л.Л. (2012)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

За истекший год в мировой литературе, в т.ч. и в нашем журнале, появилось немало статей, в основном политико-публицистического и справочно-информационного плана, посвященных БРИКС (*BRICS*) – объединению крупных и многонаселенных государств мира с быстро-растущими экономиками (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). Хотя оно еще не обрело своих окончательных очертаний и продолжает поиск оптимальных форм и направлений деятельности, но уверенно набирает силу и быстро утверждается в мировой экономике и политике. В то же время в печати всё чаще упоминаются и другие группы стран (*MIKT, NEXT-11*), претендующих на роль перспективных лидеров догоняющего развития.

Публикуемая ниже статья является, возможно, одной из первых попыток пойти дальше и глубже, чем злободневная аналитика, и осмыслить явление БРИКС с точки зрения теории мировой экономики и фундаментальной экономической науки, а также подробнее осветить постоянно муссируемый вопрос об «альтернативных» лидерах мировой экономики XXI века.

Объектом изучения мировой экономики как специфической отрасли экономической науки являются как развитие мировых производительных сил, так и отношения, возникающие на международном уровне в процессе воспроизводства между его участниками. При этом познание проблем развития предполагает и неизменно включает в себя исследование вопросов экономического соперничества и конкуренции на глобальном, региональном, страновом и отраслевом уровнях – возвышение одних акторов и низвержение других.

В настоящее время мировая экономика проходит через очередной этап глубокой перестройки устоявшихся парадигм отношений, сложившихся в ней за долгие десятилетия. Как показывает история, такие трансформации происходят периодически и, как правило, сопровождаются протяженными по времени кризисными явлениями в мировом хозяйстве и существенными изменениями в балансе сил основных

экономических центров силы в мире. В наши дни одним из таких «возвышающихся» полюсов новой *модели мирового экономического развития* (ММЭР) становятся страны БРИКС, причем, что особенно ново и интересно, как каждая в отдельности, так и в качестве нарождающегося единого целого – пока что несколько аморфного, но уже, без сомнения, обладающего очевидным весом политико-экономического объединения глобальной значимости.

Отечественные исследователи, стоящие на разных политических позициях, как правило, склонны связывать возникновение феномена БРИКС с проявлением действия так называемого закона неравномерности развития, суть которого состоит в том, что страны, вступающие на путь капиталистического развития позже, развиваются быстрее. Быстрое возвышение и укрепление позиций новых центров экономической силы, как показывает история, ведет, по крайней мере, к относительному сужению возможностей и позиций старых.

Новые и старые мировые акторы оказываются вовлеченными в ресурсные, торговые, политические, дипломатические и другие «игры с нулевой суммой», при которых улучшение (порой мнимое) положения одной стороны будет неизбежно восприниматься как ухудшение положения другой. На протяжении истории можно наблюдать множество примеров соперничества «старых» и «новых игроков», а потом и замены первых вторыми в качестве сначала локомотивов роста мировой экономики, а потом и доминирующих центров глобального экономического развития. На всех этапах истории «новые игроки» являлись по своей сути лидерами догоняющего развития.

Особенностью нашего времени стало то, что число последних заметно увеличилось. Они всё чаще пытаются координировать свои действия по трансформированию ММЭР в своих интересах. Эволюция БРИКС как раз является тому примером. Эти страны быстрее и, как полагают некоторые исследователи применительно, например, к КНР, эффективнее других модернизируются, сокращая свое отставание от высокоразвитых стран.

В связи с повышением внимания к проблематике модернизации в мире в целом и в нашей стране в частности, стал возрождаться интерес к экономическим теориям догоняющего развития. В работах, появившихся в мире в последнее десятилетие, обобщается опыт модернизаций в целом как в развитых, так и в развивающихся странах. Сегодняшние работы, естественно, довольно далеко отстоят от классических трудов 1950–1960 гг., написанных основателями и идеологами различных вариаций данной концепции – П. Бауэром, К. Кларком, А. Хиршманом, А. Льюисом, Г. Мюрдалем, Р. Пребишем, Я. Тинбергенем, Р. Фуртадо – применительно почти исключительно к «третьему миру».

Особенность современных отечественных разработок в том, что исследователи чаще всего стремятся обобщить опыт догоняющего социально-экономического развития ряда динамично развивавшихся стран Восточной Азии и Латинской Америки, выявить общие закономерности такого развития и обозначить его пределы, оценить возможности использования этого опыта в условиях России¹.

Настало время по-новому подойти к познанию явления догоняющего развития, выделив в его составе в качестве специфического объекта научного исследования группу стран-лидеров, играющих особую роль в формировании лица современной мировой экономики. Страны БРИКС, как нам представляется, являются одним из наиболее важных примеров такого лидерства, а значит, и предметом углубленного изучения.

УТОЧНЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

Пожалуй, впервые в истории открывается (пусть пока в значительной степени как возможность) перспектива тесного взаимодействия и сближения в рамках координируемого политико-экономического проекта весьма отдаленных друг от друга, разнородных по экономическому, политическому весу и даже по цивилизационно-культурной памяти стран.

Ясно и то, что без осмысленных и целеустремленных шагов, другими словами, без наличия политической воли, такой проект был бы невозможен. И эти шаги, кажется, уже сделаны. Сейчас было бы слишком рано и безответственно прогнозировать, насколько успешным может стать такой проект в дальней перспективе. Однако потенциально в его пользу говорят основные тенденции глобального политического развития и складывающиеся векторы трансформации мировой модели экономического развития.

Когда мы говорим о ММЭР, то имеем в виду, прежде всего, устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений (связанные с производством, распределением, обменом и потреблением в мировом хозяйстве), которые сложились на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражали установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития².

Появление БРИКС как политико-экономического феномена связано как со сменой ММЭР, так и с явлением, которое в современном политическом и экономическом дискурсе принято именовать категорией «полярности» в глобальных международных отношениях (как

политических, так и экономических, военно-стратегических и даже культурных).

«ДОКТРИНА ПРИМАКОВА»

Концепция многополярности была известна задолго до зарождения ситуации, сложившейся в начале нынешнего тысячелетия. Еще в 1940-е гг. Ганс Моргентау, американский политолог, общепризнанный основатель и глава школы прагматизма в теории международных отношений, также известной как «реалистская» школа (она же – школа «политического реализма» от нем. *Realpolitik*), указывал на наличие у многополярной системы определенных преимуществ (правда, не вдаваясь в подробный анализ самой системы)³. В 1970-е гг. представитель уже «неореалистской» школы Кеннет Уолтц отстаивал мнение, что биполярная система международных отношений более устойчива в своем функционировании по сравнению с многополярной⁴.

Говоря не только о теоретическом, но и прикладном аспекте концепции многополярности в увязке с современной проблематикой БРИКС, следует остановиться на особой роли академика Е.М. Примакова. Еще в первой половине 1990-х гг., когда внешнеполитическая линия «kozyревского»^{*} МИД была однозначно встроена в фарватер флагмана монополярного мира – США, этот авторитетный востоковед и уважаемый политик выдвинул идею трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая. Её основные исходные положения стали предметом публичного политического дискурса после смелой по тем временам публикации в «Независимой газете»⁵.

Концептуальные подходы ученого оказались реальной альтернативой квазитоталитарной по своей сути доктрине однополярного мира. Став в 1996 г. министром иностранных дел, Е.М. Примаков в рамках возможного в те сложные годы пытался способствовать практической реализации своих взглядов, из которых постепенно и на первых порах достаточно медленно в России начала складываться самостоятельная внешнеполитическая доктрина. Позже, когда её создатель возглавил российское правительство, она получила дальнейшее развитие и новые возможности для практической реализации.

Запад, введенный в заблуждение униженным состоянием России начала 1990-х гг., относительно поздно осознал действительную силу нового концептуального подхода. Многие аналитики отнесли первые

^{*} Козырев А.В. – министр иностранных дел России (1990–1996 гг.). С января 1998 г. – член совета директоров американской корпорации *ICN Pharmaceuticals*. С 2007 г. – банкир, председатель Совета директоров ОАО АКБ «Инвестторгбанк» (*прим. авт.*).

его проявления на счет замешательства в рядах российской политической элиты, которая не ищет новые идеи для сохранения себя в качестве таковой⁶. Другие, вопреки логике самой концепции и здравому смыслу, пытались отнести её к категории «сохраняющихся имперских амбиций»⁷.

Впрочем, некоторые российские авторы до сих пор склонны видеть в «доктрине Примакова» лишь инструмент международного лавирования в сложных политических и экономических условиях. Более того, они считают, что «при Ельцине российские идеи балансирования между Западом и крупными развивающимися странами воспринимались в США и Европе как наивная игра, никого не способная обмануть»⁸.

Таким образом, поначалу идеи Е.М. Примакова интерпретировались многими в достаточно узком смысле как некие внешнеполитические установки рутинной дипломатической работы, имеющие к тому же сомнительные перспективы, а не как концептуальное видение самостоятельной и весьма продуктивной модели построения международных отношений в глобализирующемся мире XXI века. Отголоски таких взглядов встречаются и сегодня и сводятся в основном к формуле: «Как вы думаете, разве из этой затеи с БРИКС может получиться что-нибудь путное?».

Между тем, спустя десятилетие под влиянием объективных процессов, происходящих в мире, и благодаря усилиям дипломатов и политиков, верно понимающих эти процессы и опирающихся на них в своей работе, теоретическая концепция обрела практические очертания и начала превращаться в «самореализующееся пророчество».

Конечно, её распространению способствовало не только правильное видение разработчиками перспективных векторов развития мирового сообщества. Неверно и даже наивно считать, что рассматриваемый нами феномен многополярности – лишь искусственно созданный продукт кабинетной научной мысли или стратегических построений политиков. Он объективен по своей сущности, а успехи практического воплощения политической концепции объясняются тем, что она не только не противоречит, а наоборот – исходит из объективных процессов: возвышения в мире новых глобальных экономических центров и относительного ослабления позиций старых.

Сегодня сам термин «многополярность» для абсолютного большинства пользующихся им утратил «антизападный» подтекст. Он взят на вооружение европейскими и американскими аналитиками, а также ведущими международными институтами. Например, Всемирный банк (ВБ) озаглавил один из своих недавних крупных прогнозных докладов «Многополярность. Новая глобальная экономика»⁹.

ОТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

В течение почти всей второй половины XX века мир фактически был биполярным. Друг другу противостояли два полюса политической, экономической и военной силы – страны капиталистического и социалистического лагерей, возглавляемые двумя сверхдержавами – США и СССР, соответственно. Сразу после крушения мировой системы социализма мир попал в ситуацию, когда сохранившаяся сверхдержава претендовала на роль единственного силового полюса в возглавляемом ею монополярном мире. Иллюзия устойчивости такого миропорядка просуществовала примерно до иракской авантюры США*, после чего стало очевидным, что силы «одиноким сверхдержавы» перенапряжены, а мировая система движется в сторону многополярности и полицентричности.

Многополярность предполагает наличие в мире нескольких «разнопорядковых» полюсов силы – военных, цивилизационных, политических и экономических. В конкретных исторических и социально-экономических условиях категория «полюс силы» может относиться как к отдельной державе, так и к группе государств, но, в принципе, и к негосударственным акторам.

Уточним, однако, что с экономической точки зрения этап монополярности, по нашему мнению, не наступал вовсе. И вот почему.

В первые 20 лет после окончания Второй мировой войны *модель мирового экономического развития* (ММЭР) и мировая экономическая система были биполярными. В рамках ММЭР послевоенного периода существовало по одному мировому полюсу силы внутри мировой капиталистической системы и мировой системы социализма, представленных, соответственно, США и СССР. Они же выступали в роли двух противостоящих друг другу глобальных *центров* экономической силы.

Однако позднее, с восстановлением хозяйств, в целом ряде стран мира эта «двухцентровая» система начала быстро разрушаться. Глобальная геополитическая биполярность в форме противостояния мировых систем сохранялась, но внутри конкурирующих систем всё более четко проявлялась *полицентричность*. Наряду с основным лидером – «полюсом» появлялись дополнительные центры силы, главным образом, экономической. Опыт показывает, что в рамках одной и той же модели мирового экономического развития число «полюсов» и «центров»

* В 2002–2003 г. американская администрация предприняла большие усилия, чтобы доказать, что режим Саддама Хусейна представляет опасность для международного сообщества. 20 марта 2003 г. США при участии ряда союзников начали войну в Ираке.

может не совпадать. Например, как показано выше, двухполюсный мир 1970–80-х гг. был полицентричным. В условиях лидерства двух сверхдержав в нем сосуществовали три «мировых центра капитализма» (США, ЕЭС и Япония) и два – социализма (СССР и КНР).

Понятие «полицентричность» в практических проявлениях по содержанию весьма близко к категории «многополярность». Тем не менее это не тождественные понятия. Сегодня оба термина часто используются как взаимозаменяемые, причем словосочетание «полицентричный мир» всё более закрепляется в качестве основного.

Параллельно с этим существовало и трехчленное деление мира, которое выделяло еще одну категорию стран – «третий мир», включавший развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Подобное членение имело несколько вариаций, но в целом соответствует классическим «мир-системным» подходам американца Иммануила Валлерстайна или теории зависимого развития египтянина Самира Амина и их последователей, в рамках которых дифференцируются мировые Центр, Полупериферия и Периферия и/или Первый, Второй и Третий миры¹⁰.

Существовавшие десятилетиями парадигмы развития мировой экономики и взаимоотношений между оперирующими в ней субъектами претерпевают глубокие изменения. Соответственно, меняется и используемый категориальный аппарат. При этом, к сожалению, утрачивается и четкость отдельных дефиниций. Использование терминов стало допускать повышенную степень «размытости».

Так, например, термин «развивающиеся страны» (который в советской науке был на практике синонимичен словосочетаниям «третий мир», «освободившиеся страны» и «страны Азии, Африки и Латинской Америки») ныне в отечественных публикациях и за рубежом используется весьма вольно. Сегодня как научная категория он далеко отстоит от конкретного смыслового наполнения 1970–1980-х гг. и употребляется очень свободно, если не сказать – произвольно.

ТРУДНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ

Во многих научных работах и ряде (но не во всех) публикаций международных организаций (Всемирный банк, ЮНКТАД) категория «развивающиеся страны» всё еще распространена и достаточно часто фигурирует в своем исконном значении. При этом для статистических и конкретных аналитических нужд равно используется технически более совершенная система деления всех стран по географическому принципу (на 7 регионов), по уровню доходов (на 6 групп), по критериям задолженности (4 группы).

В силу очевидной расплывчатости термина «развивающиеся страны» и часто возникающих конфликтных ситуаций в связи с причислением или непричислением конкретных государств к их числу, многие современные западные исследования и официальные издания либо отказываются от его использования вовсе, вводя собственные критерии дифференциации стран, либо включают или исключают отдельные государства в состав развивающихся по своему усмотрению¹¹.

В последнем случае не всегда соблюдаются устоявшиеся научные критерии классификации государств в качестве развивающихся по: 1) уровню экономического развития (объем ВВП на душу населения, структура производства, уровень индустриализации); 2) социальной структуре экономики (характер собственности, отраслевой структуры населения); 3) типу экономического роста и 4) уровню и характеру их внешнеэкономических связей (степень открытости экономики, место в национальном хозяйстве внешнего сектора).

Особые трудности возникают именно с классификационной принадлежностью стран БРИКС. Корень проблемы – в двойственном положении этих стран, весьма близких по своим «количественным» экономическим характеристикам к Первому миру/Центру, но по большинству качественных – всё еще тяготеющих к Периферии/развивающимся странам.

Как следствие, в разных классификациях Россия оказывается то в рядах развитых, то развивающихся государств, то стран с переходной экономикой. ЮАР совсем недавно относили к категории «государств средне-развитого капитализма», т.е. к той, куда включали Грецию, Ирландию и Португалию. Впрочем, и сегодня ЮАР обладает заведомо более развитой многоотраслевой и высокотехнологичной экономикой, чем, например, Болгария или Румыния. Не менее сложная ситуация с классификационной принадлежностью второй экономики мира – КНР, которая по многим абсолютным показателям (ВВП, национальный доход, промышленное производство и проч.) опередила почти все развитые страны, кроме США, но по душевым показателям намного отстает от них.

Таким образом, можно констатировать, что методологически важный вопрос классификационной принадлежности рассматриваемых государств остается открытым. В последние годы всё чаще в научной литературе наблюдается желание авторов избежать использования термина «развивающиеся страны» вовсе. В отношении же стран БРИКС преимущественно предпочитают использовать термин «возникающие рынки» (*emerging markets*) или «возвышающиеся экономики» (*emerging economies*). Эти термины были введены в оборот в 1981 г. Антуаном ван Агтмаелем (см. табл. 1).

Таблица 1. Группировки стран-лидеров догоняющего развития, не являющиеся интеграционными объединениями и организациями

Наименование	Включаемые страны	Дата и обстоятельства возникновения
<i>BRICS</i>	Бразилия, Россия, Индия, КНР, Южная Африка	2003 г., разработка Дж. О'Нила для инвестиционных прогнозов фин. группы <i>Goldman Sachs</i> . Единственная группа, формализовавшая себя. ЮАР включена в 2011 г.
<i>BASIC</i>	Бразилия, Южная Африка, Индия, КНР	Появилась в 2009 г. на Копенгагенской конференции по изменению климата в результате консолидации переговорных позиций этих 4 стран.
<i>MIKT</i>	Мексика, Индия, Южная Корея, Турция	Начало 2011 г., Дж. О'Нил (<i>Goldman Sachs</i>); <i>growth economies</i> как альтернатива термину <i>emerging markets</i> , введенному в 1981 г. Антуаном ван Агтмаелем, в то время зам. руководителя отдела фондовых рынков Международной финансовой корпорации ВБ (<i>World Bank's International Finance Corporation, IFC</i>).
<i>NEXT-11 (N-11, The Eleven)</i>	Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Нигерия, Южная Корея, Пакистан, Мексика, Филиппины, Турция и Вьетнам	Идея группировки впервые озвучена в 2005 г. Дж.О'Нилом (<i>Goldman Sachs</i>) в развитие его «концепции БРИК»; позиционируется как второй эшелон после БРИКС.
<i>CIVETS</i>	Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция, ЮАР	Конец 2009 г., Роберт Уорд, директор по глобальному прогнозированию <i>Economist Intelligence Unit</i> ; взято на вооружение и активно используется конкурентом <i>Goldman Sachs</i> – транснациональной банковской группой <i>HSBC</i> во главе с <i>Michael Geoghegan</i> .
<i>G-20</i> (также <i>G20 Developing Nations</i> , иногда возможны вариации – <i>G21, G24</i> и <i>G20+</i>)	Египет, Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, КНР, Эквадор, Гватемала, Индия, Индонезия, Куба, Мексика, Нигерия, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, ЮАР, Танзания, Таиланд, Турция, Уругвай, Венесуэла	Сформировалась 20.08.2003 г. на 5-й министерской встрече ВТО в Канкуне (Мексика). (Следует отличать от <i>G20 major economies</i> , известной также как <i>Group of Twenty</i> .)

Источник: составлено автором.

Однако и здесь единства и стройности в использовании терминологии нет, поскольку те же термины часто применяют не только для данной группы крупных быстро развивающихся, «догоняющих» государств, но, например, и для обозначения всех стран, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹².

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Причина терминологической неопределенности в том, что в последние десятилетия четкое разделение двух полюсов Центр-Периферия, олицетворявших диалектические бинарные пары «богатство и бедность», «доминирование и подчинение», «экономическая мощь и хозяйственная зависимость», подверглось существенной коррозии. Рельефно обозначился процесс перераспределения силы и влияния в глобальных масштабах, укрепления новых полюсов формирующейся полицентричной международной системы. Произошли тектонические подвижки в соотношении сил ведущих экономических центров силы.

Как отмечалось, традиционный Центр глобализированной экономики начал медленно утрачивать, по крайней мере, некоторые из рычагов управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившихся в его распоряжении. При этом нехарактерную прежде экономическую мощь и геополитическое значение стали обретать не только такие страны, как Китай, Индия, Бразилия и др., ранее относимые к Мировой периферии. К странам БРИКС по многим параметрам и, в частности, по уровню своей региональной значимости и силы приближаются некоторые другие развивающиеся государства.

Так, в качестве своего рода «БРИКС второго эшелона» выделяют 11 стран (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Нигерия, Южная Корея, Пакистан, Мексика, Филиппины, Турция и Вьетнам), экономическая значимость которых в новой модели мирового экономического развития резко возрастает, а рынки становятся особенно притягательными для инвестиций. Эти государства принято объединять в группу под говорящим за себя названием «Следующие 11» («NEXT-11», или «N-11»).

Кроме того, не следует забывать, что уже в настоящее время целый ряд развивающихся стран (Саудовская Аравия, Чили, Аргентина и др.) с существенно меньшим населением и количественно меньшими масштабами экономики развиваются столь же быстро, как некоторые страны БРИКС, и претендуют на сравнимую роль в принятии решений по вопросам глобального значения. Некоторые из них поднимают вопрос о включении их в состав БРИКС (с добавлением соответствующей буквы к аббревиатуре), другие в одиночку требуют

себе тех же прав и возможностей на международной арене (включение в многосторонние переговоры, право выступать от лица развивающихся стран, участие в различных саммитах и встречах за закрытыми дверями).

Более того, даже страны Африки, не без основания рассматриваемые сегодня многими исследователями в качестве безоговорочных аутсайдеров в деле преобразования нынешней ММЭР и «бедных родственников» на пиршестве передела глобального богатства, в течение первой половины текущего века, безусловно, усилят свои позиции в мировой экономике, а по некоторым параметрам (трудовые и сырьевые ресурсы), возможно, будут консолидированно играть в ней одну из главных ролей¹³.

Вместе с тем, следует четко понимать и то, что выделение БРИКС из всей массы стран, не относящихся к Центру/Первому миру (а это, по сути, все страны, входящие в ОЭСР), только лишь на базе сугубо научных и методологически последовательных и обоснованных критериев, возможно лишь отчасти. При желании можно найти немало типологических сходств между странами «пятерки» БРИКС. Однако можно обнаружить и столь же большое число принципиальных типологических различий.

Объединение стран в одну группу основывалось главным образом на общности экономических характеристик, создавших устойчивую доходность на длительную перспективу. Как правило, из других стран лидеры догоняющего развития выделялись аналитиками крупных инвестиционных банковских групп потому, что такое обособление делало относящиеся к этим странам финансовые продукты более привлекательными для клиентов финансовых корпораций (см. табл. 1).

Таким образом, выделение новых групп стран, будь то «NEXT-11», MIKT или CIVETS¹⁴ (см. табл. 1) в первооснове анализа имеет один главный критерий, он же – единый общий деноминатор: это не столько темпы роста, масштабы экономики или численность населения, сколько, в основном, степень инвестиционной привлекательности.

Не следует забывать, что и первоначальной целью выделения Дж.О'Нилом Бразилии, России, Индии и Китая в отдельную группу было очертить в результате анализа и прогнозов страновых рисков, с одной стороны, и конкурентных преимуществ – с другой, особый, привлекательный для клиентов финансовой корпорации *Goldman Sachs* перспективный класс активов для инвестирования. Таким образом, речь о будущем экономическом потенциале четверки крупных стран шла постольку, поскольку именно он должен был выступать в качестве главного привлекательного фактора для вложений в связанные с ними ценные бумаги.

Однако применительно к вышеназванной четверке стран развитие событий пошло по особому сценарию вследствие того, что удачный маркетинговый ход переплелся с уже витавшими в воздухе идеями Примакова о тесном сотрудничестве между Россией, Китаем и Индией и многополярности. Идея же, «овладевшая массами» (в данном случае мировых политиков и инвесторов), не могла не превратиться в реальность. В этом смысле российский академик мог бы, наверно, претендовать, по крайней мере, на часть лавров «отца-создателя» БРИКС.

Во время одной из наших встреч в марте 2011 г. Джим О'Нил, изобретатель аббревиатуры БРИК, ставший к тому времени председателем *Goldman Sachs Asset Management (Global)*, рассказал автору этих строк, что, выделяя Бразилию, Россию, Индию и Китай из других стран мира, он руководствовался шестью определяющими, по его мнению, критериями: размер экономик, темпы экономического роста, уровень и перспективы роста доходов населения, демографические факторы, прогнозы спроса и валютных поступлений. Потом он добавил: «Наверно то, что начальные букв названий этих стран складывались в пригодную для маркетинговой идеи будущего доклада аббревиатуру, тоже сыграло свою роль»¹⁵.

О'Нил также признался, что намеренно не включил в состав группы Южную Корею и Мексику, хотя по темпам роста они вполне могли бы быть в неё включены. Он счел, что эта пара уже была более развита, чем четверка, позже превратившаяся в БРИК. Тем более что и Запад уже признал эти две страны в качестве «своих», приняв их в ОЭСР, являющуюся своеобразным «клубом богатых демократических государств».

Ко времени нашей беседы Дж. О'Нил уже вовсю обкатывал идею выделения новой группы стран догоняющего развития *MIKT* (Мексика, Индонезия, Юж.Корея и Турция), которые будут расти, возможно, даже быстрее БРИКС, но в силу меньших размеров экономик и геополитического веса, скорее всего, будут казаться странами второго эшелона. Примечательно, что если Китай, Бразилия, Россия, Индия и ЮАР именовались им привычным для всех термином «возникающие рынки» (*emerging economies*), то новая четверка получила наименование «экономик роста». По словам отца термина БРИК, уже «просто смешно говорить об этих странах как о «возникающих рынках»¹⁶.

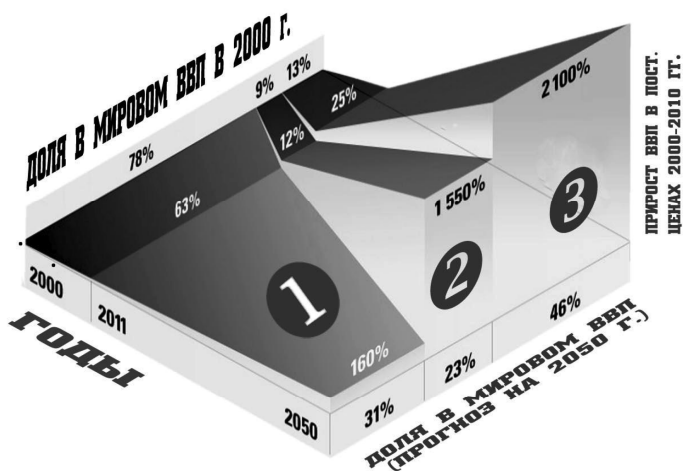
Заметим, что, как и в первом случае, в новую «четверку» объединяются весьма разнородные страны: Южная Корея, вплотную подошедшая к постиндустриальному порогу; Мексика, уже являющаяся членом ОЭСР и входящая вместе с США и Канадой в интеграционное объединение НАФТА; Турция, до середины XIX в. бывшая одной из влиятельных европейских держав, а ныне возможный кандидат в ЕС;

и, наконец, Индонезия, остающаяся, несмотря на быстрые темпы роста, классической развивающейся страной.

Дж. О'Нил и его единомышленники настаивают на необходимости пересмотреть саму концепцию «возникающих рынков». Абстрагируясь от геополитических соображений и положив в основу критерии инвестиционной привлекательности (те, что лежали в основе его первого доклада 2003 г.), он считает логичным и необходимым с деловой точки зрения объединить БРИКС и МІКТ в группу *growth markets* «рынков (экономик) роста»¹⁷.

Пожалуй, из большого числа появившихся классификаций в этом случае впервые предлагается простой и конкретный критерий включения стран в данную категорию. Согласно самому Дж. О'Нилу, речь идет о «странах, не принадлежащих к числу высокоразвитых, но вклад каждой из которых в формирование глобального ВВП превышает 1%».

В настоящее время «экономики роста», по подсчетам *Goldman Sachs*, производят около четверти всего глобального валового продукта. Все развитые экономики (ОЭСР) – порядка 63%, а остальной мир – 12%. К 2050 г. суммарный ВВП «экономики роста» увеличится на 2100%, а их удельный вес в мировом валовом продукте вырастет до 46%, в то время как доля развитого мира ужметя до 31% (см. рис. 1).

- ① – развитые рынки
- ② – «возникающие» и проч. рынки
- ③ – «рынки роста»

Рис. 1. Вклад лидеров догоняющего развития в мировой ВВП в сравнении с развитыми и развивающимися странами в 2000, 2011 и 2050 гг.

Источник: адаптировано автором для задач статьи на основе графика из «Goldman Sachs Global Investment Research», March 2012. P. 3.

Не подвергая сомнению расчеты специалистов финансовой корпорации, мы пересчитали имеющиеся данные, исходя из нашей собственной методики, и попытались дать ответ на два вопроса: насколько обоснованы её прогнозы и действительно ли релевантен новый подход Дж.О'Нила к реклассификации лидеров догоняющего развития. Результаты расчетов приведены в *табл. 2*. В целом, они радикально не противоречат математическим подсчетам специалистов корпорации, однако дают основание для некоторых дополнительных рассуждений, предположений и прогнозов.

Таблица 2. Удельный вес «экономик роста» в мировом валовом продукте (%), исчисленном по номинальной стоимости в постоянных долларовых ценах 2000 г.

	2000 г.	2010 г.			2050 г. (прогноз <i>Goldman Sachs</i>)
		Номин. ВВП по тек. курсу	ППС в тек. \$	В пост. долл. ценах 2000 г.	
«Экономики роста»	12,75	23,26	32,51	18,61	46
в т.ч.:					
Россия	0,81	2,34	3,68	1,00	3
Бразилия	2,00	3,30	2,85	2,22	4
КНР	3,72	9,37	13,26	7,85	21
Индия	1,43	2,73	5,47	2,33	10
Мексика	1,80	1,64	2,15	1,67	3
Юж. Корея	1,65	1,60	1,85	1,94	1
Индонезия	0,51	1,12	1,35	0,66	2
Турция	0,83	1,16	1,49	0,94	2
«Возникающие» и проч. рынки	9,55	12,0	16,80	11,55	23
в т.ч.:					
ЮАР	0,41	0,58	0,69	0,45	...
«Развитые страны»	77,70	64,74	50,69	69,84	31
в т.ч.:					
США	32,00	23,06	19,02	28,05	14

Источник: рассчитано и сгруппировано автором на основе статистики World Bank Database. World Development Indicators. Прогноз на 2050 г. по *Goldman Sachs*. <http://goldmansachs.com/our-thinking/focus-on/growth-markets/dataviz/index.html>

Пользуясь статистикой Всемирного банка, мы оценили в динамике вклад «экономик роста» в формировании мирового валового продукта в расчете по: а) текущему обменному курсу доллара, б) по обменному

курсу и в ценах 2000 г. и в) по паритету покупательной способности (ППС). Данные, которые мы получили при расчетах номинального ВВП по текущему курсу доллара, в целом были близки к данным *Goldman Sachs*. А следовательно, по крайней мере косвенно, подтверждали обоснованность намерения корпорации выделить группу лидеров по принципу превышения вклада рассматриваемых стран в глобальный ВВП пороговой величины в 1%.

Однако при перерасчете показателей ВВП 2010 г. (т.е., говоря о нынешнем положении дел) в ценах и по среднему курсу доллара 2000 г. прорисовывается интересная картина, о которой сегодня практически никто не говорит. Она, между тем, существенно влияет на восприятие как методологических инноваций Дж.О'Нила, так и на представление о реальном потенциале БРИК (в расчетах без ЮАР) или БРИКС (с ней).

Наши расчеты показали, что при такой оценке их потенциала две страны (Индонезия и Турция) из нового элитного клуба выпадают, поскольку ВВП каждой из них не дотягивает (и весьма существенно) до 1% от мирового валового продукта, а Россия замерла именно на этом критическом пороге. Если в нашей стране не произойдет коренного сдвига в структуре экономики, причем именно в реальном её секторе (а если честно, то при инерционном сценарии развития с чего бы ему взяться?), то сползание вниз представляется неизбежным.

Кроме того, суммарный глобальный вес теперь уже пятерки стран (без Индонезии, Турции, России), оставшихся в числе «экономик роста», уменьшается более чем вдвое по сравнению с показателями, рассчитанными по ППС (для оставшихся стран в сумме до 16%). Это весомая, но не такая уж большая доля, чтобы претендовать на первые роли в управлении мировой экономикой, определять направления реформирования ММЭР.

Наши подсчеты позволяют сделать еще некоторые небезынтесные умозаключения. Если сравнить долю России в мировом ВВП в текущих ценах и постоянных ценах 2000 г., будет видно, что почти двукратное повышение нашего удельного веса в мировом ВВП почти целиком произошло за счет ценового фактора.

Этот вывод можно подтвердить с помощью метода кросс-проверки, сравнив рассматриваемый индикатор за 2010 г. в постоянных ценах 2000 г. с цифрой десятилетней давности (непосредственно за 2000 г.). Прирост составил всего 0,19%, т.е. менее двух сотых процента в год! Конечно, подобные рассуждения можно было бы поставить под сомнения, сказав, что речь идет не об абсолютных значениях, а о долях, и что мировая экономика росла вместе с нашей. Однако в данном случае подобная критика будет излишней. Рост веса РФ в мировом

ВВП действительно в основном происходил за счет быстрого удорожания нефти и газа на мировых рынках и лишь в малой степени – за счет прироста «нетопливного» производства.

Из *табл. 2* также четко видно, почему изобретатель термина БРИК так негативно отнесся к включению ЮАР в состав этого объединения лидеров мирового развития. Экономика ЮАР, достаточно развитая и передовая с точки зрения внедрения инноваций и диверсификации технологических отраслей¹⁸, мала даже по сравнению с самым слабым звеном *МКТ* – Индонезией. При этом динамика роста влияния экономики ЮАР на глобализированное мировое хозяйство (если в качестве его индикатора брать долю страны в мировом ВВП) также выглядит менее впечатляюще. Рост за десять лет в постоянных ценах составил всего три сотых процента!

Впрочем, всё это верно, особенно, если смотреть на вопрос объединения лидеров догоняющего развития и на рост их значимости исключительно технократически и, в основном, через призму их инвестиционной привлекательности.

Между тем, суть вопроса всё более перемещается в геополитическую плоскость и выходит на обсуждавшиеся выше проблемы многополярности и полицентричности. Вот почему проблематика БРИКС и постоянно предлагаемых альтернатив «пятерке» всё более политизируется и, как представляется, выходит за рамки чисто экономического дискурса.

ИГРЫ С НУЛЕВОЙ СУММОЙ

На сегодняшний день БРИКС выступает как провозвестник и проводник реформы существующей ММЭР. Его линия вписывается в вектор, который некогда называли «антиимпериалистическим». Потому-то так трудно избавиться от невольных параллелей и ассоциаций со схожими по конфигурации нежестко структурированными объединениями прошлого, вроде Движения неприсоединения (ДН)*.

Видимо, это же ощущает и Запад, почему и проводит исподволь политику «сдерживания» БРИКС. Такая политика ведется по двум главным направлениям: а) препятствование консолидации объединения в практически действующую силу мирового значения и б) создание альтернативных, более «правильных» и «совершенных» объединений/группировок.

* Объединяет около 120 государств мира на принципах неучастия в военных блоках. Официально создано в 1961 г. Не имеет жесткой организационной структуры. Встречи глав государств и правительств ДН (саммиты) проводятся без установленной периодичности – раз в несколько лет. Последняя (16-я) – в августе 2012 г. в Тегеране (Иран).

На практике это проявляется:

– в регулярном противопоставлении внутри БРИКС двух «крупнейших демократий» мира (Индии и Бразилии) двум «крупнейшим диктатурам» (КНР и РФ);

– в проповедях о том, что Россия незаслуженно занимает среди лидеров место, доставшееся ей случайно благодаря благоприятной нефтяной конъюнктуре;

– и, наконец, в том, что само объединение ничего серьезного из себя не представляет – является-де политической фикцией, необходимой Китаю и России для удовлетворения их геополитических амбиций и т.д.

Стремление отделить КНР и РФ от точек глобального влияния и роста лежит в основе проекта конструирования более «продвинутого» объединения, альтернативного БРИКС. Без России и Китая оно будет не столь громоздким, но зато может демонстрировать в силу своей компактности и благоприятного отношения к нему Запада успех модели развития, сохраняющей за «старыми игроками» доминирующие позиции в мировой экономике.

Если применительно к России такой вариант развития событий представить, в общем, нетрудно, учитывая наши сегодняшние сложности, то для «выбивания из седла» Китая необходимы действительно «креативные» решения. Страшным сном хозяев существующего миропорядка является перспектива того, что экономика КНР обгонит экономику США. Под этим понимается не только абсолютное превышение Китаем объемов ВВП Соединенных Штатов по стоимости, но и качественный рост, включающий инновации и рост производительности труда. Задача не допустить такого сценария развития является, следовательно, не только экономической, но и идеолого-политической.

Судя по американским публикациям последних двух лет (примерно со времен саммита БРИКС-2011 в Китае), один из путей решения проблемы может выглядеть следующим образом. За основу берется алгоритм известной формулы (апории) древнегреческого философа Зенона «Ахилл и черепаха», согласно которой быстроногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаху, если в начале движения черепаха находится впереди Ахиллеса. Рассуждения Зенона сводились к следующему. Допустим, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади неё на расстоянии в тысячу шагов. За время, которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползет сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползёт ещё десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, Ахиллес так никогда и не догонит черепаху.

Логика у американцев следующая. По оценкам МВФ, в 2010 г. ВВП Китая составлял около 40% ВВП США. Если темпы роста Китая замед-

лятся в среднем до 5% в год в период с 2010 по 2030 г., что кажется весьма вероятным, учитывая демографические и другие препятствия, с которыми он сталкивается, и если экономика США будет расти на 2,5% в год, то в реальном выражении экономика Китая вырастет с нынешнего уровня – чуть меньше трети экономики США – до двух третей ВВП США к 2030 г. С учетом сокращения трудоспособного населения (и его старения) нет никаких оснований ожидать, что рост в Китае продолжится. Даже если такие темпы роста сохранятся, Китай всё равно не догонит экономику США по крайней мере до 2050 г.¹⁹

Однако, соперничая с Китаем за будущее мироустройство, нельзя полагаться только на философские выкладки, и замедлению темпов роста хорошо было бы поспособствовать. И «доброжелатели» в один голос говорят о неизбежном «перегреве» экономики Поднебесной, которую надо было бы остудить. Единственное препятствие в условиях мирового кризиса: Китай – одна из немногих надежд на выздоровление, локомотив, который должен вытаскивать мировую экономику из болота рецессии. Китайская экономика уже слишком тесно связана с американской. Можно переусердствовать с охлаждением и навредить себе.

В этих условиях выделение новой, более политически «правильной» и управляемой когорты стран-кандидатов в лидеры догоняющего развития выглядит более рациональным.

В США одним из энергичных предводителей тех, кто считает настоятельно необходимым противопоставить БРИКС альтернативный проект, является Дж. Голдстоун, американский социолог, неовеберианец и неомальтузианец, сторонник демографических подходов в геополитике, автор демографически-структурной теории революции.

Читателям «Азии и Африки сегодня» Дж. Голдстоун известен как один из создателей теории «молодежного бугра», о которой мы писали в связи с арабскими революциями²⁰. В недавнем прошлом он работал в американском государственном агентстве USAID, возглавляя в нём подразделение, оценивающее эффективность программ продвижения демократии. Он выдвинул идею «очищения» группы лидеров догоняющего развития от Китая и России.

В начале 2011 г., вскоре после саммита БРИК в КНР и приема ЮАР в сообщество, Дж. Голдстоун озвучил проект ТИМВИ – создание группировки-клона БРИКС, но без двух «тираний». В состав проектируемой группы должны войти Турция, Индия, Мексика, Бразилия и Индонезия. С научно-методологической точки зрения отсутствие КНР и РФ в составе новой группы лидеров догоняющего развития Дж. Голдстоун обосновывал структурно-демографическими причинами: неблагоприятной ситуацией с приростом населения в России, старением и удорожанием рабочей силы в Китае.

Проект ТИМВИ, как мы видим, в целом весьма схож с идеей МКТ Дж.О'Нила. Их синхронное появление стало еще одним свидетельством того, что нынешние тенденции эволюции БРИКС не во всём уstraивают Запад и он пытается перенаправить объективно развивающиеся процессы реформирования мирового экономического развития в сторону перенасыщения полицентричного мира альтернативными центрами развития, большинство из которых ориентировалось бы на западные полюсы миропорядка.

Сделать это, однако, будет весьма непросто. Совершенно очевидно, что в нынешней конфигурации БРИКС однозначно претендует на уникальные позиции и глобальный вес, поскольку не только обладает колоссальным суммарным хозяйственным, людским и ресурсным потенциалами, но в отличие от пусть даже весьма солидных, но все-таки региональных объединений, вроде ЕС, АСЕАН или НАФТА, охватывает четыре континента. В этом смысле включение в состав группы ЮАР выглядит более чем логичным.

Помимо весомой суммарной доли в мировом ВВП (в 2010 г. около 18% номинального ВВП по текущему курсу долл. и около 25% по ППС), огромной территории и населения, «пятерка» является практически монополистом по производству целого ряда дефицитных видов сырья и владельцем большей части мировых запасов пресной воды (без учета Антарктики). Анализ ежегодных данных Всемирного банка показывает, что начиная с 2000 г. на БРИКС пришлось более одной трети экономического роста, имевшего место в мире.

* * *

Таким образом, проблематика, связанная с местом лидеров догоняющего развития в мировой экономике и их ролью в трансформации существующей ММЭР перешла из чисто инвестиционной плоскости в сферу большой мировой политики и баланса сил в многополярном и полицентричном мире.

Впервые статья опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня». 2012. № 4. С. 17–27.

¹ См., например: Красильщиков В.А. Опыт догоняющего развития (на примере стран Латинской Америки и Восточной Азии). Дис. ... д.э.н. М., 2002; Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., Экономика. 2000; Эльянов А.Я. Неолиберальная глобализация и догоняющее развитие. М., ИМЭМО, 2003.

² Фитуни Л., Абрамова И. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *МЭ и МО*, 2012, № 7.

³ Фитуни Л., Абрамова И. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *МЭ и МО*, 2012, № 7.

⁴ Waltz Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley, 1979.

⁵ См.: Примаков Е. На горизонте многополярного мира. *Независимая газета*, 22.10.1996, и расширенная версия этой статьи: *Международная жизнь*. 1996, № 10.

⁶ Kratochvil Petr. Multipolarity: American Theory and Russian Practice. Institute of International Relations. Praha. 2002. P. 2. http://kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/EINIRAS/31431/publicationdocument_singledocument/59af449b-e146-4050-a020-c6c1cceb215/en/2002-00-Multipolarity.pdf

⁷ Waller Michael. Primakov's Imperial Line. *Perspective*. 1997. Vol. 7. № 3, January-February.

⁸ Кашин Василий. Россия в поисках равновесия. *Ведомости*, 11.05.2012. С. 4.

⁹ The World Bank. Global Development Horizons 2011. Multipolarity: The New Global Economy. Washington, DC. 2011.

¹⁰ Wallerstein Immanuel. World systems analysis. An Introduction. L., 2006. Pp. 27–28; Amin Samir. Obsolescent Capitalism: Contemporary Politics and Global Disorder. 2003.

¹¹ Например, аналитиками крупнейшего по величине активов французского банка BNP Paribas к использованию принят термин *emerging economies*. Ими считаются «все страны, не относимые МВФ к ведущим высокоразвитым экономикам», исключая Гонконг, Сингапур, Саудовскую Аравию, Иран, Ирак, Катар и ОАЭ. (См. методологические пояснения: BNP Paribas. «Conjoncture». Paris. 2012, № 2, February. P. 33.)

¹² См., например: BNP Paribas. «Conjoncture»... P. 25.

¹³ См. подробнее: Фитуни Л.Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 8, 9; Фитуни Л.Л. Место Африки в посткризисной мировой экономике. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 1, 2.

¹⁴ Термин предложен в 2009 г. Робертом Уордом, директором по всемирному прогнозированию (*Economist Intelligence Unit*) и включает Колумбию, Индонезию, Вьетнам, Египет, Турцию, ЮАР.

¹⁵ Термин родился из подготовленного под руководством О'Нила прогнозного доклада «*The World Needs Better Economic BRICs*». Кстати, сам Jim O'Neill произносит свою фамилию как О'Нил, а не О'Нейлл, как часто пишется в нашей печати. На наш взгляд, показательно и то, что Дж.О'Нил входит в правление эксклюзивного клуба «Брейгель», третьего по значимости в мире «мозгового центра» и важного звена формирующейся системы глобального управления. Беседа автора с Дж.О'Нилом состоялась 21.03.2011 в ходе конференции «*Dialogues with Russia: A new prosperity: Aspiration, innovation, participation*», Sunday 20 – Wednesday 23, March 2011. Wilton Park (UK).

¹⁶ <http://ftalphaville.ft.com/blog/2011/01/17/460756/brics-mikts-and-oneills-lucrative-lexicon>

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ См.: Грищенко В.С., Синещкова Д.А., Фитуни Л.Л. и др. Инновационная политика: БРИКС, ЮАР и Россия. *Азия и Африка сегодня*. 2011, № 10. С. 26–32; № 11. С. 8–13.

¹⁹ Goldstone Jack A. Rise of the TIMBIs. *Foreign Policy*, December 2, 2011.

²⁰ Васильев А.М. Цунами революций не спадает. *Азия и Африка сегодня*. 2011, № 2. С. 2–9; Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом. *Азия и Африка сегодня*. 2011, № 2. С. 8–11; Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты. *Азия и Африка сегодня*. 2011, № 2. С. 23–29; Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. *МЭ и МО*. 2012, № 1. С. 3–14.

Раздел 2

ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ АФРИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Абрамова И.О. (2022)

15 ноября 2022 г. население Земли, по данным ООН, превысило 8 млрд человек. При этом в последние 100–150 лет темпы прироста населения мира почти всё время ускорялись, за исключением периодов мировых войн и глобальных пандемий. В начале 1900-х гг. на планете проживало всего 1,6 млрд человек, на заре 2000-х – уже 6 млрд, а в 2011 г. – 7 млрд. Такой стремительный рост объясняется рядом факторов: развитием медицины, достижениями в области санитарии, расширением доступа к чистой питьевой воде, широким охватом населения вакцинацией и т.п. Все вышеперечисленные факторы в конечном счете привели к сокращению показателей смертности, в первую очередь младенческой, и к росту средней продолжительности жизни в большинстве государств мира, что при сохранении высоких показателей рождаемости в ряде государств способствовало ускорению темпов прироста населения.

По мнению экспертов ООН, несмотря на постоянное увеличение численности населения, темпы его прироста в последнее время замедляются. Прогнозируется, что более чем в 60 странах число жителей сократится на 1% или более в период с 2022 по 2050 г. из-за устойчиво низкого уровня рождаемости и в некоторых случаях – оттока населения в другие страны.

Более половины прогнозируемого прироста населения мира до 2050 г. будет сосредоточено в восьми странах – Демократической Республике Конго, Египте, Эфиопии, Индии, Нигерии, Пакистане, на Филиппинах и в Объединенной Республике Танзания. Весьма примечательно, что 5 стран из этого списка находятся на Африканском континенте.

В то же время, согласно прогнозам, доля населения мира в возрасте 65 лет и старше вырастет с 10% в 2022 г. до 16% в 2050 г.

Эксперты ООН отмечают, что ожидаемая продолжительность жизни в мире достигла 73 лет в 2020 г., что почти на 9 лет больше, чем в 1990 г. Прогнозируется, что дальнейшее снижение смертности приведет к тому, что средняя продолжительность жизни в мире превысит 77 лет к 2050 г.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш полагает, что достижение 8-миллиардного рубежа – радостное событие в жизни человечества, но одновременно оно накладывает большую ответственность

на все страны и народы за решение общих проблем гуманитарного характера.

Глобальная трансформация мирового порядка, резко ускорившаяся в период пандемии *COVID-19* и особенно после начала специальной военной операции, затронула все государства, регионы и континенты и все сферы человеческой деятельности – экономику, политику, культуру, науку, социальные отношения, информационное пространство. Нарастающие эпидемиологические угрозы и резкий рост военной напряженности выдвинули на передний план вопрос выживаемости человечества. В этих условиях, даже если удастся избежать биологической и ядерной катастрофы, структурные изменения мировой экономики и социальной сферы будут настолько глубокими, что скажутся и на модели демографического поведения жителей нашей планеты.

Другое дело, что последняя, по сравнению с моделью экономического развития, является гораздо более инерционной, поскольку в значительной степени обусловлена традициями и стереотипами, складывавшимися веками. Вместе с тем в странах Запада, где достаточно быстро разрушается традиционное представление о семье, можно спрогнозировать ускоренное формирование нового типа демографического поведения с минимальным числом детей или их полным отсутствием и в будущем, какой бы фантастической ни казалась эта картина, с возможным переходом к генно-инженерным технологиям контролируемого воспроизводства потомства с заданными качествами.

Большая часть человечества пока не готова к такому переходу ни технологически, ни морально. Институт традиционной семьи по-прежнему сохраняет свою значимость не только в России, но и в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки, и именно эти регионы глобального Юга определяют сегодня и будут определять в ближайшие десятилетия демографическую картину мира.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ «ВЗЛЕТЫ» И «ПАДЕНИЯ»

Наиболее «уязвимым» с демографической точки зрения регионом остается Европа. Так, например, если население Земли за последние 20 лет увеличивалось за год в среднем на 1,15%, то в странах Европы темпы прироста числа жителей за тот же период не превышали 0,14%. За последние два десятка лет население мира выросло на 742 млн человек, а число жителей Старого Света – всего на 20 млн и то в основном за счет мигрантов, получивших европейские паспорта.

Таблица 1. Основные демографические показатели мира и его отдельных регионов в XXI в.

	Население в 2021 г., млн	Рождаемость на 1000 жит.	Смертность на 1000 жит.	Темп прироста населения, %	Население в 2035 г., млн	Население в 2050 г., млн	Уровень младенческой смертности	Уровень фертильности в 2020 г.	Доля населения моложе 15 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %
Весь мир	7837	18	8	1	8848	9688	31	2,3	26	10
Развитые страны	1271	9	11	-0,2	1298	1296	4	1,5	16	19
Развивающиеся страны	6566	20	7	1,3	7550	8393	33	2,4	27	8
Африка	1373	33	8	2,5	1890	2529	47	4,3	40	4
Африка Южнее Сахары	1125	36	8	2,7	1589	2181	50	4,7	42	3
Северная Африка	248	23	6	1,7	301	348	22	2,9	33	6
Западная Африка	413	37	10	2,7	587	814	55	5,1	43	3
Восточная Африка	458	34	6	2,7	640	861	42	4,3	41	3
Центральная Африка	185	42	9	3,4	281	413	62	5,8	46	3
Юг Африки	68	20	11	0,9	81	94	26	2,4	29	6
Азия	4651	16	7	0,9	5043	5192	26	1,9	24	9
Китай	1412	8	7	0,1	1383	1266	8	1,3	18	14
Индия	1393	20	6	1,4	1553	1688	32	2,2	26	7
Латинская Америка	656	16	7	0,9	725	762	15	2,0	24	9

Расчитано автором по: 2021 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. <https://prb.org/wp-content/uploads/2021/08/print-at-home-2021-world-population-data-sheet.pdf> (accessed 03.11.2022)

По данным ООН, при сохранении нынешних тенденций к 2050 г. европейское население сократится примерно до 700 млн человек, а к 2100 г. на континенте будет проживать менее 600 млн жителей. Кроме того, к 2050 г. Европа потеряет примерно 30 млн человек трудоспо-

собного возраста. А это уже серьезный удар по рынку трудовых ресурсов, компенсировать который можно будет только за счет мигрантов, что сопряжено с целым букетом социальных, культурных и религиозных проблем, а также со снижением уровня образования и квалификации работников. В 2022 г. доля Европы и Северной Америки в мировом населении составила 14,1%. По прогнозам ООН, к 2030 г. число жителей этих регионов увеличится всего на 9 млн человек, а его доля в мировом населении сократится до 13,2%. Еще более интересная картина прогнозируется к 2050 г.: население США, Канады и Европы сократится на 4 млн и составит всего 1,125 млрд человек, или чуть больше 11% жителей нашей планеты.

Совсем иная ситуация наблюдается в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Среднегодовые темпы демографического прироста составляли в этой группе стран с 1990 по 2020 г. 1,7%, т.е. были в 5,5 раз выше, чем в развитых государствах. Именно развивающиеся страны обеспечивают в настоящее время 98% мирового прироста населения, а в ближайшие 15 лет их вклад достигнет 100%.

Как видно из *табл. 1*, в 2021 г. 2,8 млрд человек, или 36% мирового населения, проживали в Индии и Китае. В последние десятилетия основной прирост населения мира обеспечивался в основном именно этими демографическими гигантами. Однако в последнее время ситуация изменилась. Китаю, длительное время проводившему политику «Одна семья – один ребенок», удалось сократить темпы прироста населения к 2021 г. до 0,1%, хотя еще в 2010 г. они были на уровне 0,5% в год. В Индии данный индикатор продолжает оставаться достаточно высоким – на уровне 1,4% (в 2010 г. – 1,6%).

Весьма примечательно, что уже к 2035 г. население Китая при сохранении нынешних демографических тенденций сократится на 29 млн человек, а к 2050 г. – еще на 117 млн, и его доля в мировом населении упадет с 18% в 2021 г. до 15,6% в 2035 г. и до 13% – в 2050 г. Отметим, что население Индии в ближайшие 2–3 десятилетия продолжит увеличиваться, а его удельный вес в населении нашей планеты составит 17,5% в 2035 г. (против 17,8% в 2021 г.) и сохранится примерно на том же уровне до 2050 г.

Между тем наибольшую прибавку в прирост мирового населения в ближайшие 30 лет даст Африканский континент. Его вклад в этот прирост составит с 2021 по 2035 г. 51%, а с 2021 по 2050 г. – уже 63%. С 2035 по 2050 г. доля Африки в увеличении населения нашей планеты составит уже 76%. Иными словами, центр мирового демографического роста уже сегодня в значительной степени сместился в сторону Африки, где темпы прироста населения в настоящее время остаются самыми высокими в мире и составляют более 2,5% в год. При сохра-

нении нынешних тенденций удельный вес Африки в населении планеты составит в 2035 г. 21%, а в 2050 г. – 26% против 7% в 1820 г. и 6% – в 1900 г.

АФРИКА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Весьма примечательно, что удельный вес жителей Африканского континента в населении Земли в доколониальную эпоху был выше. Так, население Африки на рубеже нашей эры оценивалось в 30–40 млн человек (16–18% всего населения Земли). С XVI в., с началом вывоза рабов, численность жителей Африканского континента росла медленнее, чем в других регионах мира. В 1500 г. доля африканцев в мировом населении не превышала 10,8%, а в 1750 г. – 9%. В XVII–XVIII вв. потери от работорговли составили десятки миллионов африканцев. Колониализм, ставший причиной истребления местных жителей, принудительный труд на европейских плантациях и рудниках, болезни, голод – всё это снижало темпы роста африканского населения в XVIII–XIX вв. За 1750–1900 гг. число жителей Африки выросло всего в 1,7 раза (за этот же период численность населения мира увеличилась в 2,3 раза) [1].

Быстрый рост населения стал характерен для Африканского континента только в XX в. В первой половине XX в. темпы роста населения Африки уже были несколько выше, чем в среднем в мире (за 1900–1950 гг. население Африки увеличилось в 1,7 раза, а мира – в 1,5 раза), однако в целом они всё еще оставались невысокими. В последующий за этим период до 2000 г. число жителей Африки увеличилось уже в 3,7 раза, а мира – в 2,5 раза. В XX–XXI вв. удельный вес африканцев во всём населении мира постоянно возрастал и составил в 1950 г. 9%, в 1980 г. – 11%, в 1990 г. – 12%, в 2000 г. – 13%, а в 2021 г. – 17,5%.

Конечно, демографическую революцию середины XX в. можно сравнивать с демографической революцией эпохи промышленных переворотов. Но при этом нельзя не видеть, что, несмотря на определенное сходство, между ними существуют очень большие различия. Демографический подъем в Европе XVIII–XIX вв. был обусловлен, прежде всего, изменениями в социально-экономической сфере, а в XX в. в развивающихся странах, в т.ч. и в Африке, он, напротив, сильно опережал социально-экономическое развитие.

В африканских странах в XIX и XX вв. высокая рождаемость уравновешивалась высокой смертностью, поэтому общий рост населения оставался весьма умеренным, а иногда совсем приостанавливался. Африканское население страдало от голода, антисанитарных условий

жизни, способствовавших широкому распространению всевозможных тяжелых эпидемических заболеваний. При колониальном режиме серьезной борьбы с этими болезнями не велось, медицинское обслуживание населения практически отсутствовало, а общий коэффициент смертности держался на уровне 30% и более. Особенно велика была детская смертность: нередко в течение первого года жизни умирали от трети до половины всех новорожденных [2].

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Ускоренный рост населения Африканского континента, как и других «периферийных регионов», получивший в литературе название «демографический взрыв», был связан с двумя основными причинами – резким снижением за относительно короткий срок (30–40 лет) уровня смертности и сохранением достаточно высокого уровня рождаемости.

С конца 1950-х гг. в странах Африки стала совершенствоваться национальная служба здравоохранения, и впервые появилась возможность для проведения широких мероприятий по борьбе с эпидемиями. В 1960–1970-е гг. в африканских странах, в т.ч. при помощи СССР, с большим успехом осуществлялись такие противоэпидемические меры, как борьба с насекомыми-переносчиками болезней, санитарный контроль воды, эпидемиологический контроль продуктов питания, просветительские меры в области личной гигиены, строительство больниц и медицинских пунктов. В бюджетах большинства африканских государств расходы на здравоохранение увеличились в 3–4 раза, существенно возросло число врачей, повысилась их профессиональная подготовка.

Всё это привело к тому, что за короткий исторический срок уровень смертности на континенте снизился с 30% в 1940-х гг. до 20% в 1970-х гг. и до 10–15% в 1990-х гг. В 2009 г. данный показатель составил по Африке в целом 12%. История не знала такого быстрого сокращения смертности в столь широких масштабах. Европейским и североамериканским странам потребовалось более 100 лет, чтобы коэффициент смертности их населения снизился до уровня в 10–15%, тогда как развивающиеся страны, в т.ч. и африканские государства, достигли этого уровня всего за 20–30, а иногда даже за 15 лет, причем в условиях отсталой экономики и низкого уровня дохода на душу населения [3].

При сохраняющейся высокой рождаемости такое резкое снижение смертности вызвало увеличение естественного прироста населения. Если в 1900–1950-е гг. его среднегодовые темпы равнялись в Африке

1% (для сравнения – в Азии они не превышали 0,8%, а в Латинской Америке достигали 1,6%), то в 1965 г. они составляли уже 2,1%, а в 1980 г. превышали 3%. В результате за 30 лет (1950–1980 гг.) население Африки увеличилось более чем в 2 раза [4].

В дальнейшем темпы снижения смертности в Африке постепенно замедлялись, а в отдельных случаях приостанавливались или даже шли вспять, поскольку лишь на начальной стадии борьбы за укрепление здоровья населения можно было добиваться значительных результатов преимущественно за счет противоэпидемических и санитарно-гигиенических мероприятий. После того как в основном была ликвидирована угроза эпидемий, дальнейшее уменьшение смертности всё в большей степени становилось зависимым от экономических факторов. В первую очередь – от общего повышения жизненного уровня населения: увеличения семейных доходов, улучшения питания, жилищных условий и т.п., что требовало более быстрого, чем рост населения, расширения сельскохозяйственного и промышленного производства, жилищного и коммунального строительства и т.п. Для многих африканских государств это оказалось нелегкой задачей.

Что же касается рождаемости, то в ходе экономического и культурного строительства в странах Африки вызревали материальные и психологические предпосылки к её снижению. Прежде всего, такие предпосылки складывались в процессе разложения патриархального уклада, особенно в семейных отношениях, под воздействием модернизации общественных структур, а также эмансипации женщин, распространения образования и информационной революции.

Таким образом, период «демографического взрыва» в Африке практически закончился, что, однако, не означает смягчения остроты демографической проблемы в обозримом будущем. Ожидаемое снижение темпов прироста населения в Африке, по крайней мере, до середины XXI в., останется недостаточным, чтобы привести к уменьшению абсолютной величины этого прироста из-за практически утроившейся в 1980–2021 гг. общей численности жителей континента. Так, если в 1980 г. население Африки составляло 469 млн человек, то в 2021 г. – уже 1,373 млрд человек.

К 2021 г. Африка по уровню смертности сравнялась со среднемировым показателем в 8% (см. *табл. 1*), и это огромное достижение для континента.

Однако более наглядным для выявления потенциальных возможностей снижения смертности в странах Африки является сопоставление африканских государств и развитых стран по коэффициенту детской смертности. Данный показатель по всем странам Африки также существенно сократился. В 2009 г. он составлял 74, в т.ч. в странах Субса-

харской Африки – 80, а в развитых странах – всего 6. Среднемировой коэффициент детской смертности составил в 2009 г. 46 младенцев на тысячу [2]. В 2021 г. уровень младенческой смертности сократился в Африке до 47, в т.ч. в странах Северной Африки – до 22, а в странах Африки южнее Сахары – до 50. При этом самая высокая младенческая смертность наблюдалась в государствах Центральной Африки – 62. Среднемировой показатель младенческой смертности составил в том же году 31 младенец на тысячу, т.е. был значительно выше, чем в странах Северной Африки, но ниже, чем в Африке в целом. Что же касается развитых государств, то соответствующий индикатор в 2021 г. равнялся 4, т.е. также снизился примерно в 1,5 раза по сравнению с 2009 г. (см. табл. 1).

Таким образом, в результате повышения уровня жизни африканских семей, улучшения медицинского обслуживания и дальнейшей борьбы с инфекционными заболеваниями возможно дальнейшее снижение коэффициента детской смертности, а в конечном счете и общего коэффициента смертности африканского населения, что, безусловно, скажется на темпах демографического роста.

Вторая основная причина ожидаемого в ближайшие десятилетия значительного увеличения численности населения Африки, несмотря на начавшееся снижение рождаемости, – молодая возрастная структура африканского населения. Более высокая рождаемость прошлых лет и заметно снизившаяся в последние 30–40 лет детская смертность еще долго будут проявляться в умножении численности молодых людей, достигающих взрослого возраста и вступающих в брак. В результате, даже если плодовитость брачных пар в среднем уменьшится, продолжающееся увеличение общего числа этих пар сохранит рост суммарного числа деторождений. И так будет продолжаться до тех пор, пока в ходе длительных демографических изменений не произойдет столь существенное постарение населения, что действие упомянутого фактора постепенно сойдет на нет. Пока же за последние 40 лет возрастная структура африканского населения практически не изменилась. В 1980 г. удельный вес жителей в возрасте до 15 лет достигал 44,6%, в 2000 г. – 42,6%, в 2009 г. – 41%, в 2021 г. – 40%. Еще меньше изменилась доля людей старше 65 лет – 3,1% в 1980 г., 3,1% – в 2000 г., 3% – в 2009 г. и 4% – в 2021 г.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АФРИКЕ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

В ближайшие 20–30 лет при улучшении медицинского обслуживания населения и совершенствовании систем водоснабжения и канали-

зации теоретически возможно дальнейшее снижение уровня общей смертности африканского населения до 6-7%. Вместе с тем уже сегодня во многих странах Африки активно действует прямо противоположный фактор, увеличивающий коэффициент смертности. Это многочисленные болезни, такие как малярия, туберкулез, геморрагические лихорадки (Эбола, денге), а с 1980-х гг. еще и СПИД.

По состоянию на конец 2021 г. в мире, согласно оценкам, насчитывалось 38,4 млн человек, живущих с ВИЧ-инфекцией, две трети из которых – 25,6 млн – проживали в Африканском регионе [14] (в 2009 г. – 27 млн человек) [2]. Сократилась и смертность от СПИДа. В 2009 г. от этой болезни в Африке умерли 1,5 млн человек, а в 2021 г. – всего 500 тыс.

Восточная и Южная Африка остаются регионами, наиболее сильно затронутыми ВИЧ. В 2021 г. там проживало 20,6 млн инфицированных этой инфекцией, или 54% всех людей, живущих с ВИЧ в мире. Наибольший процент затронутых ВИЧ людей в возрасте 15–49 лет наблюдается в Эсватини (26%), Лесото (23,5%) и Ботсване (20,7%). В ЮАР ситуацию с распространением ВИЧ пока не могут взять под контроль, в результате за последние 30 лет численность населения выросла только на 23 млн человек (хотя могла увеличиться значительно больше). Количество инфицированных на сегодняшний день составляет 19% трудоспособного населения страны – около 6 млн человек.

В целом же по региону в борьбе с опасной болезнью был достигнут значительный прогресс: число новых случаев ВИЧ-инфекции среди всех возрастов снизилось на 44% с 2010 по 2021 г. (38% среди женщин и 52% среди мужчин). Регион также добился заметного прогресса в сокращении числа новых случаев ВИЧ-инфекции среди детей: на 61% с 2010 г. Несмотря на этот прогресс, в таких странах, как Мадагаскар и Южный Судан, с 2010 г. число новых случаев инфицирования ВИЧ всё еще увеличивалось [5].

Что касается Западной и Центральной Африки, в этом субрегионе на конец 2021 г. насчитывалось 5 млн человек, которые живут с ВИЧ. При этом число новых случаев ВИЧ-инфекции среди всех возрастов в Западной и Центральной Африке снизилось с 2010 по 2021 г. на 43%, при этом среди мужчин оно снижается быстрее (на 49%), чем среди женщин (на 38%).

В субрегионе Северной Африки число инфицированных остается на достаточно низком уровне и не превышает 100 тыс. человек [5].

Что касается пандемии *COVID-19*, то в данном исследовании не имеет смысла подробно останавливаться на этой проблеме, поскольку на эту тему вышел целый ряд публикаций, в т.ч. и автора данной статьи (см.: [5]). Отмечу лишь, что мрачные прогнозы относительно

влияния пандемии коронавируса на демографическую ситуацию в Африке не оправдались.

Несмотря на то, что Африка стала местом рождения нового штамма «омикрон», она достаточно успешно справляется с этой опасной болезнью. На 28 ноября 2022 г. в Африке от коронавируса умерло 258 073 человека [6], что составляет всего 3,9% всех смертей от этой болезни в мире, хотя доля жителей Африки в мировом населении равна 17,5%. На континенте на эту дату было инфицировано 12,7 млн человек, или 0,9% всего населения, в то время как число случаев *COVID-19* в мире превысило 643 млн человек, или 8% мирового населения [7]. Конечно, данные по заболеваемости коронавирусом в Африке могут быть недостаточно достоверными в силу малого охвата населения тестированием, однако уже сегодня понятно, что пандемия *COVID-19* постепенно сходит на нет и не будет оказывать серьезного влияния на демографическую ситуацию на Африканском континенте.

Подводя краткий итог, необходимо отметить, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе с учетом всех вышеизложенных факторов возможно постепенное незначительное сокращение показателей смертности на Африканском континенте, что при прочих равных условиях будет способствовать сохранению относительно высоких темпов прироста населения Африки.

СКОЛЬКО ДЕТЕЙ РОЖДАЕТСЯ СЕГОДНЯ В АФРИКЕ?

Остановимся теперь на таком важном демографическом показателе, как рождаемость. Её высокие показатели сохраняются на Африканском континенте и сегодня, хотя в последние 40 лет данный индикатор в большинстве африканских государств имел тенденцию к снижению. Так, в 1982 г. уровень рождаемости в Африке составлял 45,3%, в 1992 г. – 40,3%, в 2009 г. – 37%, а в 2021 г. – уже 33% [7]. Однако по сравнению с общемировыми показателями (в 2021 г. – 18%) рождаемость на Африканском континенте всё еще очень высока. Особенно существенным этот разрыв остается в сравнении с развитыми странами, где уровень рождаемости в 2021 г. не превышал 9%.

Сохранение высокого уровня рождаемости на Африканском континенте обусловлено целым рядом факторов социально-экономического, исторического и культурного характера. В начале XX в. практически для всех африканских государств была характерна мало затронутая прогрессом отсталая общественная структура, в которой преобладало сельское население. Низкая производительность труда, хроническая нехватка продуктов питания закрепили патриархальную организацию больших крестьянских семей, которые в большинстве своем вели по-

лунатуральное хозяйство, и для которых дети оставались экономической и социальной необходимостью, освященной к тому же религиозными вероисповеданиями и обычаями. Детей в таких семьях зачастую использовали как бесплатную рабочую силу. Тем самым закреплялись экономические и культурные условия для господства традиций многодетности и, следовательно, высокой рождаемости.

Сегодня доля занятых в сельском хозяйстве в Африке неуклонно снижается, да и сам аграрный сектор постепенно модернизируется [9]. Так, в 2000 г. сельскохозяйственная занятость составляла 58,2%, а в 2020 г. – уже 49,5% [10]. Однако в некоторых африканских странах высокий удельный вес занятых в сельском хозяйстве сохраняется. Больше всего сельских жителей проживает сегодня в странах Восточной и Центральной Африки (66 и 61%, соответственно), при этом в ЦАР, Чаде, Нигере, Уганде и Мозамбике их число превышает 70% всего занятого населения, а в Сомали и Бурунди – более 80 и 90%, соответственно. Всё это ведет к разнонаправленным тенденциям в демографической сфере, когда в ряде стран формируется новый тип демографического поведения, ориентированного на меньшее количество детей, а в других сохраняются большие патриархальные семьи с высоким уровнем рождаемости.

Решающей причиной снижения рождаемости становится модернизация общественных структур, проявившаяся в расширении рамок современного сектора экономики, для которого характерны новые представления о семье. Следует, однако, отметить, что процесс модернизации в странах Африки носит очаговый характер, затрагивая не все государства континента и не все отрасли хозяйства. Результатом неравномерности процесса модернизации и явилось сохранение в ряде государств Тропической Африки высокого уровня рождаемости.

Постепенный рост уровня жизни африканского населения также способствует снижению рождаемости. По данным *табл. 2*, в 2021 г. ВВП по ППС на душу населения в Африке достиг \$5212 (в 2009 г. не превышал \$2550). При этом в странах Северной Африки соответствующий индикатор составил \$10594 против \$4660, соответственно [11].

Как показывает опыт развитых стран, чем выше доходы, тем ниже рождаемость. Этот феномен связан с тем, что дополнительные доходы расширяют возможности для роста образования, организации досуга, применения современных средств контрацепции, покупки современных товаров и т.п. Они повышают качество жизни индивидуума, что постепенно способствует формированию «эгоистичной» психологии отказа от большого количества детей, которые требуют внимания и пренебрежения собственными потребностями и интересами.

Наиболее, возможно, сильное «модернизирующее влияние» на уровень рождаемости оказывает современное образование, охватывающее всё большее число африканцев. Доля неграмотного населения на Африканском континенте старше 15 лет сократилась с 51% в 1985 г. до 44% в 2000 г. и до 34,5% в 2021 г. [12].

Как известно, наиболее тесно показатели рождаемости коррелируют с женской грамотностью (чем выше грамотность женщин, тем ниже уровень рождаемости). В Африке удельный вес грамотных женщин в возрасте старше 15 лет увеличился с 38% в 1985 г. до 47% в 2000 г. А в 2020 г. уже 59,4% всех африканских женщин были грамотными. При этом французский социолог Филипп Фарг обнаружил интересную зависимость между долей расходов в семейных бюджетах на образование и уровнем рождаемости. Ф. Фарг считает, что рост расходов на образование, которые, естественно, еще более увеличиваются с появлением каждого нового ребенка, гораздо больше влияет на динамику рождаемости, чем экономический рост и модернизация [12].

Одновременно наблюдается тесная зависимость между уровнем рождаемости и социально-экономическим статусом женщины. Если в первые годы после окончания Второй мировой войны лишь незначительная часть африканок выходила на рынок труда, то к концу XX в. процент вовлеченности женщин в трудовую деятельность увеличился до 25–30%. Исследования, проведенные социологами, показали, что работающая африканка в среднем хочет иметь не более 2–3 детей [9]. По данным Всемирного банка, доля женщин в суммарной занятости в Африке южнее Сахары составила в 2021 г. 45,6%. Это означает, что практически половина всех занятых в Африке – женщины. При этом и безработица среди представительниц «слабого» пола незначительно превышает средний уровень безработицы в государствах Субсахарской Африки (8 и 7,7%, соответственно). Весьма примечательно, что женщины также лидируют по количеству создаваемых ими новых стартапов в Африке.

Важным фактором снижения рождаемости служит также процесс урбанизации. Город коренным образом меняет социальные установки людей, ломает их традиционные стереотипы, изменяет бытовые условия их жизни, представления о роли семьи и детей. Меняется всё, начиная от режима трудовой деятельности, который весьма отличается от сельского, до жилищных условий, возможностей проведения свободного времени, доступа к современным средствам информации и коммуникации, медицинского обслуживания. В странах Африканского континента доля городского населения увеличилась с 37% в 2009 г. до 44% в 2021 г. А в государствах Северной Африки этот показатель сегодня составляет 53%, и именно там наблюдается самая низкая в

Африке рождаемость (см. *табл. 1*). Примечательно, что, по нашим расчетам, на временном отрезке с 1980 по 2021 г. коэффициент корреляции уровней урбанизации и рождаемости по африканским государствам достаточно высок и достигает 0,712.

Известную роль в снижении рождаемости в Африке сыграли программы планирования семьи, которые реализуются во многих африканских странах со второй половины 1960-х гг. Уже в 1970-е гг. при поддержке ВОЗ в Африке развернулось производство средств контрацепции разных видов. При больницах и других медицинских учреждениях открывались отделения пропаганды планирования семьи и контроля рождаемости. Особенно успешно эта работа велась в странах Северной Африки, где на сегодняшний день удельный вес замужних женщин, использующих различные средства предотвращения нежелательной беременности, превысил 50% (по странам Африки в целом он составляет 36%, а по Африке южнее Сахары – 33%) [11].

НАСЕЛЕНИЕ АФРИКИ И МИРА: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Таким образом, в XXI в. в государствах Африканского континента наметилась тенденция к снижению общего уровня рождаемости, обусловленная целым рядом социально-экономических факторов.

Разрыв по данному показателю с группой наиболее развитых стран мира остается достаточно высоким, но постепенно сокращается. В 2009 г. он составлял 27% (11% в развитых странах и 38% в Африке), а в 2021 г. – уже 24% (9% и 33%, соответственно). При этом выделяется группа стран с наиболее четко выраженной тенденцией к снижению уровня рождаемости. В основном это субрегион Северной Африки, где рождаемость составляет 16% в Тунисе, 17% – в Ливии и Марокко, 21% – в Египте и 22% – в Алжире. Существенно ниже, чем в Африке в целом, данный показатель в Кении – 28%, Габоне – 27%, Ботсване – 24%, ЮАР – 20%, а также на Сейшельских островах – 17%, Кабо-Верде – 15%, на Маврикии – 10% [8], т.е. в тех государствах Тропической Африки, которые достигли наибольших успехов на пути социально-экономической модернизации. Здесь коэффициент рождаемости всего в 1,5–2 раза выше, чем в развитых странах Севера. Но, несмотря на общую тенденцию снижения рождаемости, африканские государства сохраняют в ближайшие 20–30 лет мировое лидерство по этому показателю в силу перечисленных выше объективных социально-экономических факторов.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно динамики фертильности – суммарного коэффициента рождаемости или количества детей, приходящегося на одну женщину. Практически во всех аф-

риканских государствах его абсолютная величина уменьшилась, что свидетельствует о некотором сближении этого важнейшего демографического индикатора в африканских и развитых странах. Так, в последних число детей на одну женщину детородного возраста в 1960 г. составляло 2,7, а в 2021 г. – 1,5; в Африке – 6,4 и 4,3, соответственно. При этом уровень фертильности продолжает оставаться относительно высоким в Африке южнее Сахары (4,7 в 2022 г.) и сравнительно быстро уменьшается в странах Североафриканского субрегиона, где его величина в 2021 г. сократилась до 2,9.

Вследствие снижения общего коэффициента смертности и снижающегося, но всё еще сравнительно высокого уровня рождаемости, средне-годовые темпы демографического роста в Африке за последние 30 лет были самыми высокими в мире и составляли в 1980–1990 гг. 2,9%, а в 1990–2020 гг. – 2,5%. За вторую половину XX столетия население Африки увеличилось в 4 раза, в период с 1980 по 2010 г. – более чем в 2 раза, а к 2022 г. – еще в 1,4 раза и превысило сегодня 1,4 млрд человек.

Важнейшим агрегированным показателем развития, наиболее полно отражающим социальные сдвиги в обществе, служит показатель ожидаемой продолжительности жизни. Разрыв по этому показателю между развитыми и африканскими странами за последние 60 лет сократился как относительно, так и абсолютно. Так, ожидаемая продолжительность жизни африканца увеличилась с 40 лет в 1960 г. до 63 лет в 2021 г.; при этом в странах Северной Африки – с 59 до 73 лет, что выше общемировых показателей (72 в 2021 г.), а в странах Африки южнее Сахары – с 38 до 60 лет [13].

Конечно, в разных группах стран Африканского континента и тем более в отдельных странах демографические изменения происходят по-разному, что проявляется в различной динамике рождаемости и смертности, темпах и абсолютных величинах прироста населения, в неодинаковых переменах в возрастной структуре и т.п. Однако именно Африканский континент в целом в ближайшие десятилетия будет вносить определяющий вклад в мировые демографические тенденции и в значительной мере определять количественную и качественную структуру будущего рынка труда. А это, в свою очередь, принципиально изменит структуру мировой экономики, поскольку массовый потребитель значительной доли товаров и услуг будет находиться не в странах Глобального Севера, население которого будет неуклонно сокращаться, а на Глобальном Юге. И не надо думать, что африканцы не создают спрос на современные товары и услуги. Сегодня 60% населения Африки составляет молодежь в возрасте до 25 лет [14], наиболее активная часть населения, легко воспринимающая любые новации. Конечно, качество человеческого капитала Африки еще весьма далеко

от западных аналогов. Так, индекс использования человеческого потенциала в подавляющем числе стран континента не превышает 55%, а доля высококвалифицированных работников – всего 6%.

Среди главных Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН на 2016–2030 гг. значатся: преодоление бедности и голода, достижение достойного уровня здравоохранения и образования, постоянное обеспечение населения жильем, коммунальными и социальными услугами (прежде всего, питьевой водой, санитарией, электроэнергией), новыми рабочими местами [15]. Эти цели актуальны и для Африки, испытывающей огромные трудности во всех перечисленных сферах жизнедеятельности. Они включены и в «Повестку 2063» Африканского Союза. От успешности решения этих проблем зависят уровень и качество жизни населения.

Однако и в этой сфере есть определенные сдвиги. Медленно, но неуклонно увеличиваются доходы африканского населения. Растет уровень образования африканцев, включая высшую школу. Активно развивается африканская наука, в первую очередь в таких областях, как эпидемиология, биология, медицина, сельское хозяйство, геология [16]. Африка показывает всему миру и самые высокие темпы цифровизации. Только один пример из этой серии – Африка занимает передовые позиции в мире по онлайн платежам. Руанда, например, заявила об отказе от использования наличных денег. В Нигерии, а это самая большая по численности африканская страна – более 210 млн человек, уже ведутся расчеты в электронной найре.

Вообще технологии DeFi (децентрализованные финансы) становятся всё более популярными в Африке. На Африканском технологическом форуме в Найроби, который состоялся в феврале 2022 г., вопрос о децентрализованных финансах был одним из трех основных вопросов для обсуждения, наряду с африканскими стартапами и мобильными сетями [17]. Однако для соответствия требованиям Четвертой промышленной революции в области человеческих ресурсов странам Африки необходимо существенно расширить и модернизировать систему образования и сферу профессиональной подготовки с целью их адаптации к потребностям цифровой экономики. Вот почему вложение средств в образование, развитие навыков и охрану здоровья людей для приведения квалификации работников в соответствие с требованиями новой экономики и рынка труда становится одной из важнейших задач, стоящих перед африканскими странами в XXI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая современные демографические тенденции в мире в целом и в Африке в частности, России уже сегодня стоит выстраивать

новую систему внешнеэкономических отношений, ориентируясь в том числе на быстро растущий рынок товаров, услуг и рабочей силы Африканского континента. Важнейшим направлением нашего сотрудничества должна стать гуманитарная сфера. Россия способна внести существенный вклад в повышение качества человеческого капитала Африки через продвижение своих образовательных и научных школ, широкого взаимодействия в технологической сфере. Это позволит и России, и Африке занять достойное место в новой, формирующейся на наших глазах модели мирового экономического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня» 2022. № 12. С. 5–15.

1. Африка. Энциклопедия. М., 1986, Т. 1, с. 56.
2. Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 6. С. 23–29.
3. Абрамова И.О. Демографический дивиденд и будущее Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 11. С. 23–29.
4. Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы. Под ред. Я.Н. Гузеватого. М., 1987. С. 18.
5. Абрамова И.О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020, № 13(5), с. 38–56. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-3>
6. *COVID-19 Coronavirus Pandemic*. *Worldometer*. <https://worldometers.info/coronavirus> (accessed 22.11.2022)
7. 2022 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. <https://prb.org/wp-content/uploads/2022/09/2022-World-Population-Data-Sheet-Booklet.pdf> (accessed 03.11.2022)
8. См. подробнее: Гаврилова Н.Г. Агропромышленные парки как перспективная форма модернизации сельскохозяйственного производства в Африке. Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции. Сб. статей (отв. ред. Е.В. Морозенская). М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 40–77.
9. World Food and Agricultural Statistical Yearbook 2021. <https://fao.org/3/cb4477en/cb4477en.pdf> (accessed 15.11.2022)
10. Africa's Development Dynamics 2021: Digital Transformation for Quality Jobs. AUC/OECD: Addis Ababa/Paris, 2021. Annex, table 10.
11. The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS> (accessed 21.11.2022)
12. Fragues P. 1997. State Policies and the Birth Rate in Egypt: from Socialism to Liberalism. *Population and Development Review*. Vol. 23, № 1. P. 27.

РАЗДЕЛ 2

13. World Population Prospects 2019. UN Department of Economic and Social Affairs. <https://population.un.org/wpp/> (accessed 27.03.2022)

14. The Future of Jobs and Skills in Africa. https://www3.weforum.org/docs/WEF_EGW_FOJ_Africa.pdf (accessed 27.11.2022)

15. A High Standard of Living, Quality of Life and Well Being for All Citizens. <http://agenda2063.au.int/en/pr> (accessed 30.03.2022)

16. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15–24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8.

17. Ndemo B. The role of cryptocurrencies in sub-Saharan Africa. <https://brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/03/16/the-role-of-cryptocurrencies-in-sub-saharan-africa/> (accessed 12.04.2022)

НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ В АФРИКЕ: СТЕРЕОТИПЫ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Фитуни Л.Л. (2021)

В представлении немалого числа людей Африка – заповедник беспросветной нищеты и отсталости, применительно к которому рассуждения о науке, технологиях и инновациях если не смехотворны, то уж точно бесполезны и не достойны внимания. Убежденность подобного рода чаще всего – результат сочетания впитанных еще с детскими книжками стереотипов о дикой и экзотической Африке со слабым знанием современного положения дел и нынешних трендов развития континента

Нет смысла отрицать многочисленные трудности и объективные ограничители широкого использования новейших достижений науки на континенте. В самом общем плане речь идет о таких факторах, как отставание в уровне развития производительных сил; ограниченность и недостаточное качество человеческого капитала, включая его базовые исходные параметры, такие как образование и возможности финансирования НИОКР; недостаточно активное внедрение имеющихся разработок; утечка квалифицированных кадров; проблемы с защитой интеллектуальной собственности; последствия подчиненного положения стран Африки в мировой «научно-интеллектуальной иерархии» и, шире, в международных делах, что выливается, помимо прочего, во введение различных санкций и ограничений на передачу технологий, на закупку необходимой техники или материалов неугодными санкционерам странами и режимами, и многое другое.

Тем не менее было бы ошибкой на основании всего вышеперечисленного делать вывод о бесперспективности развития науки в Африке и бесполезности научно-технического сотрудничества с целым континентом – в особенности, когда речь идет о тех секторах и областях науки, где подобное взаимодействие с огромной вероятностью будет выгодно обеим сторонам.

ЦЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Правда, чтобы извлечь выгоду из такого сотрудничества, необходимо быть способным найти эти области, для чего, в свою очередь, необходимо: а) иметь четкое и научно обоснованное (не интуитивное!) представление о сфере науки, инновации и технологий в Африке, и б) быть в состоянии выделить конкретные ниши, которые, представ-

для интереса для обеих сторон, позволят в полной мере реализовать конкурентные преимущества. Следующим шагом после этого должно стать определение этапов и методов освоения этих ниш и закрепление достигнутых результатов.

Цель данной статьи – дать развернутый, научно аргументированный и объективный ответ на первый вопрос. Ответ на второй вопрос в контексте национальных интересов Российской Федерации – тема отдельной статьи, которую мы планируем опубликовать в одном из ближайших номеров. Принимая во внимание сказанное, при анализе состояния и перспектив развития сферы научных разработок и перспектив сотрудничества с Африкой в области науки и технологий следует исходить из того, что, несмотря на наличие панафриканских и субрегиональных стратегий и программ развития НИОКР, континент – во все не единое и неделимое поле для возможного научно-технического взаимодействия, а пять с лишним десятков суверенных (или провозгласивших себя таковыми, но не признанных) государств. Уровни развития в них наук или степень продвинутости разработок очень различны: от сложных национальных научных комплексов Египта и ЮАР до одиночных секретных, но тем не менее хорошо оборудованных исследовательских и производственных лабораторий со специфической специализацией где-нибудь в глубинке Гвинеи-Бисау или непризнанного Сомалиленда.

В этом смысле оценка степени развития науки «в Африке в целом» допустима лишь в плане широкой абстракции и общей констатации её отставания от столь же абстрактного «среднемирового уровня». Страновая конкретика может от них сильно отличаться.

Набор международных показателей, по которым оценивается развитие научно-исследовательской сферы (R&D), достаточно велик. Чаще всего это стоимостные показатели (затрат и намного реже отдачи от НИОКР) и «физические показатели» численности исследователей и их научной результативности (количество статей, патентов, инноваций и т.п.). Не все распространенные в мире индикаторы в силу объективных условий одинаково применимы к странам Африки. Реальные и полезные с прикладной точки зрения выводы лучше основывать на анализе положения дел на национальном уровне.

ФИНАНСИРОВАНИЕ АФРИКАНСКОЙ НАУКИ

Статистика ЮНЕСКО, специализированной организации ООН в области образования и науки, использует в качестве показателя затрат на исследования и разработки (R&D) индикатор GERD, который приводится как в абсолютных стоимостных величинах, так и в виде

удельного веса затрат на исследования и разработки в общем объеме ВВП – раздельно по текущему обменному курсу и по паритету покупательной способности (ППС). В 2019 г. суммарный GERD Африки был равен \$20,6 млрд, или всего 1,7% от общемировых расходов на науку. Правда, с начала века, когда его значение составляло всего 0,65%, доля континента выросла почти в 2,5 раза, и тенденция к росту сохраняется [2]. Тем не менее понятно, что при нынешнем исходном уровне радикального изменения финансового вклада Африки в глобальные расходы на НИОКР, в сравнении с другими регионами мира, в среднесрочной перспективе не произойдет.

Величина расходов на НИОКР в Африке сильно варьируется от страны к стране, при этом на три из них – Египет, Нигерию и ЮАР – приходится 65,7% от всей суммы финансирования науки в Африке. Несмотря на то, что еще в 2007 г. Африканский Союз (АС) провозгласил целью доведение к 2010 г. ассигнований на НИОКР до 1% ВВП, в условиях низкого уровня внутренних накоплений, постоянных проблем с наполнением доходной части государственных бюджетов, сильной зависимости от внешних источников инвестиций и иностранной помощи на нужды финансирования науки удается выделять лишь доли процента от национальных ВВП.

Таблица. Валовые внутренние ассигнования на НИОКР (GERD) как доля национального ВВП некоторых стран Африки в 2019 г.*

Процентный интервал	GERD как % от ВВП отдельных стран
>0,6	ЮАР – 0,8%; Буркина-Фасо, Египет, Руанда – 0,7%; Сенегал, Тунис – 0,6%
0,4–0,6	Алжир, Ботсвана, ДРК, Маврикий
0,2–0,4	Мали, Мозамбик, Намибия, Чад, Того, Эсватини, Эфиопия
0,1–0,2	Бурунди, Сейшелы, Уганда
< 0,1	Ангола – 0,03%; Кот-д’Ивуар – 0,09%; Лесото – 0,05%; Мадагаскар и Мавритания – по 0,01%.

* Предварительные данные ЮНЕСКО на 2019 г. или на ближайший предшествующий по соответствующему показателю.

Составлено по: [1].

С начала XXI в. были случаи, когда в отдельные годы некоторые страны вдруг достигали целевого показателя. Но чаще всего это происходило в силу законов математики, а не качественного изменения ситуации с финансированием науки – например, в год кризисного падения ВВП при временном инерционном сохранении годовых бюджетных ассигнований на науку. Уже вскоре показатель вновь опускался ниже 1%. Стоит, однако, отметить, что финансирование смежного с

НИОКР сектора образования в Мали, Гане, Сенегале в последние несколько лет превышает 1% ВВП.

В 2019 г. средний показатель по 25 странам Африки, представившим ЮНЕСКО данные по валовым расходам собственно на науку, составил примерно 0,4% ВВП. В сгруппированном виде доступные страновые сведения представлены в таблице.

Хотя в странах Африки уже почти два десятилетия сохраняется тенденция к росту и ВВП на душу населения, и подушевого *GERD*, разброс абсолютных показателей по странам весьма велик. Государственные инвестиции в укрепление исследовательского потенциала требуют значительных капитальных ресурсов. Однако перспективы отдачи от произведенных вложений зачастую отдалены и очень туманны. Государство постоянно оказывается в роли «буриданова осла», выбирая между перспективой высокоэффективных в теории вложений в НИОКР и насущными государственными приоритетами, такими как текущие платежи, средне- и долгосрочное инвестирование в инфраструктуру, здравоохранение, массовое просвещение и др.

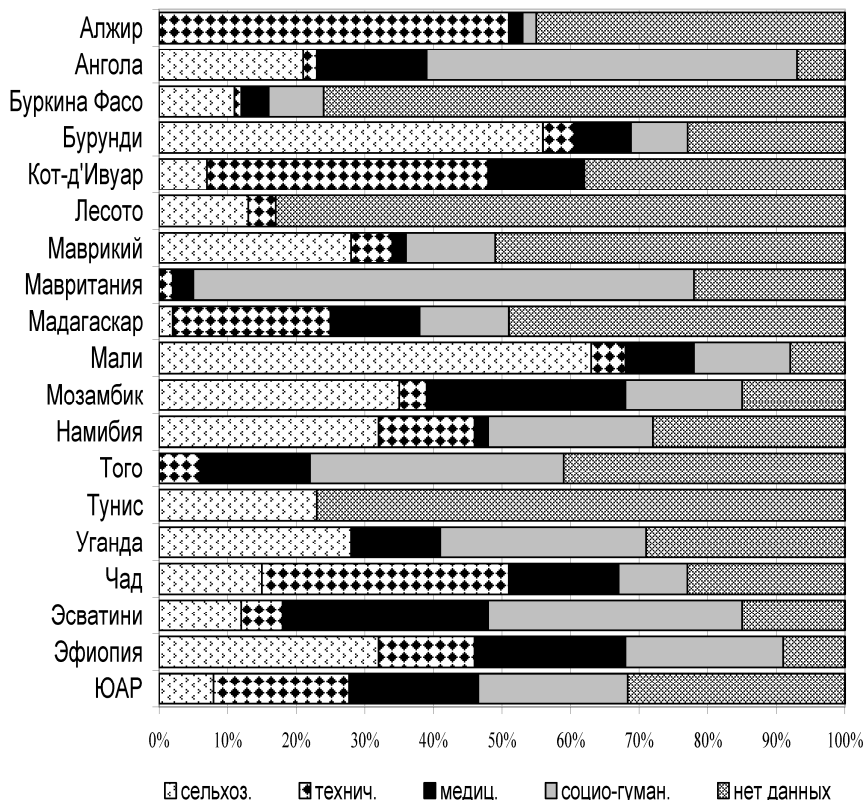
КАНАЛЫ И СТРУКТУРА АССИГНОВАНИЙ

Анализ имеющихся данных показывает, что страны континента, с точки зрения главного источника финансирования НИОКР, четко распадаются на 3 группы, в которых наука финансируется в основном за счет: а) государственных ассигнований; б) иностранных средств; в) относительно разнообразного набора источников, в т.ч. не попадающих или не включаемых в первые две категории, таких, например, как национальный частный капитал, средства «свободных университетов» (формально они не считаются ни частными, ни государственными), средства благотворительных фондов и других некоммерческих организаций.

По данным ЮНЕСКО, в 2019 г. НИОКР на 100% финансировались государством на Мадагаскаре, в Кабо-Верде, Нигерии – на 96%, Замбии и Того – на 95%, а в Египте и Мали – почти на 90%. Роль частных национальных источников финансирования науки, согласно доступной статистике, практически во всех странах континента незначительна, за исключением ЮАР, где на них приходится около 30% от общей суммы ассигнований на науку в год, Туниса и Габона – порядка 20% и Ботсваны – 17%.

В ряде стран выделяются как самостоятельный источник финансирования средства учреждений высшего образования, главным образом университетов. Последние в соответствии со своим правовым статусом формируют собственный бюджет, который на самом деле включа-

ет и правительственные, и частные ассигнования, и деньги различных специализированных просветительских, благотворительных, религиозных и т.п. фондов, внутренние и зарубежные гранты, но порой и собственные доходы (от предоставляемых услуг, недвижимости, иных активов). На этот канал финансирования приходится около 45% ассигнований на науку в Лесото, почти 40% – в Марокко, по 20% – в Кении и на Маврикии. Во многих странах значительная часть НИОКР финансируется за счет зарубежных источников. В Мозамбике их доля составляет почти 80%, в Уганде – 65%, в Буркина-Фасо – 60%, в Кении – 50%, а в Сенегале, Бурунди и Танзании – около 40%.

Гистограмма. Структура среднегодовых ассигнований на НИОКР в разбивке по отраслям науки в 2015–2019 гг.

Составлено автором на основе статистики ЮНЕСКО [1].

В ряде государств, как и у нас в стране, созданы национальные фонды для финансирования исследований. Например, в Буркина-Фасо существуют 3 специализированных фонда, которые формируются за

счет бюджетных ассигнований и внебюджетных субсидий. В фонды направляется 0,2% от суммы налоговых поступлений бюджета, 1% – от рентных платежей сектора горнодобычи и 1% доходов – от лицензирования мобильной связи. В Кении действуют Национальное агентство инноваций и Национальный фонд исследований. В Намибии при содействии ЮНЕСКО создан Национальный фонд исследований, науки и технологий, который финансируется совместно правительствами Намибии и ЮАР [3, р. 28].

Для получения достоверной картины организации НИОКР в Африке крайне важно видеть структуру отраслевого финансирования науки.

Общее представление о распределении среднегодового финансирования в 2015–2019 гг. между сельскохозяйственными, техническими, медико-биологическими и социо-гуманитарными науками в 19 странах континента, по которым имеется подобная статистика, дает составленная нами *гистограмма*. Впрочем, и по этим странам воссозданная картина структуры приблизительно, поскольку в общей сумме ассигнований на НИОКР в каждой стране по значительной части расходов на науку (от 10% в Эфиопии до 80% в Лесото) нет точных данных о конечных направлениях их распределения. Отсутствие детализации может быть как следствием нежелания правительств раскрывать определенные направления и объекты НИОКР в стране, так и сложности с получением точных первичных данных от инвесторов.

Гистограмма демонстрирует высокую степень зависимости структуры ассигнований от специализации национальных экономик и стратегических установок правительств в отношении задач и перспектив развития. В большинстве аграрных стран (Мали, Бурунди, Мозамбик, Эфиопия и др., но не в Чаде и Того) зримо высока доля расходов на научные исследования в области сельского хозяйства. В Алжире, Кот-д'Ивуаре, Чаде доля ассигнований на технические дисциплины выше, а на социо-гуманитарные науки, наоборот, ниже, чем у остальных. При этом в Кот-д'Ивуаре начало превышения ассигнований на техническо-инженерные науки почти совпадает со временем, когда вклад промышленных отраслей в формирование национального ВВП превысил вклад сельского хозяйства (примерно 5 лет назад). На социо-гуманитарные науки в среднем по континенту приходится около четверти всего финансирования науки, но в некоторых странах на них ассигнуется намного больше (в Мавритании – 70%, в Анголе – 50%, Того и Эсватини – 40% всех расходов).

С точки зрения выделяемого финансирования, диверсифицированности и качественной структуры научных исследований, страновыми лидерами в Африке на сегодняшний день являются Египет, ЮАР, Маврикий, Кения, Нигерия.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время в целом по Африке общая численность занятых в НИОКР составляет порядка 240 тыс. человек. Из них менее 90 тыс. работают в Субсахарской части континента. На 1 млн жителей континента приходится 198 исследователей – почти в 8 раз меньше, чем в среднем по планете (1108 чел.), в 22 раза меньше, чем в США (ок. 4500 чел.). Хотя в Африке проживает почти 17% мирового населения, континент производит чуть более 1% всех видов научной продукции планеты. Примерно такая доля устойчиво сохраняется с начала века, несмотря на то, что сам объем как по стоимости, так и по «единицам отчетности» этой продукции за указанное время вырос.

Это происходит потому, что прирост научной продукции в мире как по реальному выходу изобретений, патентов, технологий, так и по виртуальным библиометрическим показателям, происходит более быстрыми темпами. С 2000 по 2019 г. число статей африканских ученых в ведущих научных журналах выросло в 5 раз – примерно с 12 тыс. почти до 60 тыс., но за это время удельный вес Африки в мире по данному параметру увеличился только вдвое – с 0,12 до 0,24% от мирового итога [4].

Главной причиной такого отставания в темпах и сами африканцы, и зарубежные аналитики обычно называют недостаточное финансирование науки. Это большая проблема, но не единственная. Помимо этой объективной причины, не менее негативно воздействует ряд субъективных факторов, сильно тормозящих развитие мировой науки в целом, но в особенности – африканской. По мнению руководства Африканской академии наук (панафриканская организация со штаб-квартирой в Найроби), едва ли не самым большим субъективным препятствием в аспекте публикационной результативности для африканских ученых является т.н. «тирания импакт-фактора» [5].

Её механизм ныне подробно исследован авторитетными учеными. Доказан вред для мировой науки [6; 7]. В силу навязанной всему миру «иерархии оценок», при которой ценность научного труда фактически определяется не его содержанием, а рейтингом издания, в котором он публикуется, авторы чувствуют себя вынужденными направлять свои результаты в наиболее «престижные», как правило, западные журналы. В последних из-за этого происходит переполнение портфеля, что приводит к массе негативных для науки последствий: задержкам в доведении до научной общественности результатов исследований, отсеиванию из-за ультра-конкуренции большого числа достойных работ и массе других, еще более отрицательных последствий, таких как публикация отвергнутых (причем не всегда в силу их научной несостоя-

тельности) работ в т.н. «хищнических журналах»*, само появление которых – во многом результат «тирании импакт-фактора».

В настоящее время ведущие специалисты в области инфо- и библиометрии с помощью математических моделей доказали, что склонность к публикации в «хищнических журналах» и качество оценки исследований в стране связаны между собой [9; 10]. Ученые утверждают, что «чем больше система оценки исследований опирается на устаревшие процедуры, такие как подсчет статей, индексируемых в *Scopus*, *Web of Science* или *Medline*, тем выше стимул для исследователей публиковаться в мошеннических журналах только для того, чтобы получить баллы за эти результаты независимо от их реальных научных заслуг» [11].

Отметим, что указанные замечания касаются именно критериев оценки результативности труда ученых, а не вопроса полезности или значимости библио- и наукометрической деятельности как таковой или вышеназванных западных систем.

Африканские исследователи сталкиваются с дополнительным бременем. Научные издания континента, которых и без того не так много, существенно реже попадают в число индексируемых в упомянутых базах. Нередко, несмотря на провозглашаемые издателями принципы, к поступающей из Африки научной продукции априори относятся как к вторичной, а порой и просто манипулируют механизмом «тирании импакт-фактора» в политических целях, отодвигая ученых из одних стран, например находящихся под санкциями, и более благосклонно относясь к ученым из стран с «надлежащим управлением» (*good governance*).

В последние годы обращает на себя внимание тенденция к росту публикаций африканских авторов в «качественных журналах»** в соавторстве с западными учеными. При этом ожидаемо тяготение африканцев из бывших британских владений на континенте к соавторству с учеными из Великобритании, США, Австралии и Канады, а из франкофонной Африки – к соавторству с французами и в меньшей степе-

* «Хищническими» (*predatory journals*) именуют научные журналы, индексируемые «престижными» системами вроде *Web of Science*, *Scopus* или *Medline*, взимающие в явном или скрытом виде с авторов плату за публикацию. Авторы из стран, где индексация их работ в указанных системах напрямую связана с уровнем оплаты их труда или карьерным ростом, в соответствии с законами рынка мотивированы тем самым платить за публикацию своих работ [8; 9; 10].

** *Quality journals* – еще одна категория изданий, активно внедряемая институтами глобального управления наукой [12], постепенно становящаяся для публикаций полужурнальным дифференцирующим критерием с точки зрения признания их ценности и значения для карьерного продвижения научных работников (*прим. авт.*).

ни – с бельгийцами и канадцами. Особняком в этой связи стоит Египет, ученые которого очень часто выступают с совместными публикациями с авторами не только из перечисленных западных стран, но и из Саудовской Аравии, ОАЭ, КНР. Относительно невелико в Африке соавторство с учеными из других стран континента. С этой точки зрения, лишь исследователи ЮАР выглядят более расположенными к подобным авторским коллаборациям.

Одной из особенностей показателей результативности африканской науки является их высокая зависимость от перипетий политических процессов внутри страны и степени политической стабильности. Смена правительств, перевороты, вооруженные и социальные конфликты почти моментально сказываются на финансировании и самой возможности НИОКР, а как следствие – и на стоимостных и количественных результатах научных исследованиях – прикладных и публикационных.

Удельный вес африканских авторов в общем количестве мировых научных публикаций в разбивке по отраслям науки исчисляется лишь несколькими единицами процентов. Наибольшие высокие показатели в следующих областях: сельскохозяйственные науки (5,12%), иммунология (4,58%), растениеводство и животноводство (4,34%), окружающая среда и экология (4,21%), микробиология (3,58%), науки о Земле (2,96%), социальные науки (2,70%), фармакология и токсикология (2,62%). Значительная часть этих статей подготовлена группами ученых с участием зарубежных соавторов, чаще из западных стран и Китая, существенно реже из африканских стран.

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Тем не менее африканские страны уже несколько десятилетий пытаются строить panafricanскую систему инфраструктурного и институционального обеспечения коллективных усилий в области науки и технологий. Правда, её эффективность и практическая отдача еще довольно далеки от желаемого. АС созданы Африканская обсерватория науки, технологий и инноваций (*AOSTI*) со штаб-квартирой в Малабо (Экваториальная Гвинея) и Комиссия по научно-техническим исследованиям (*STRC*), базирующаяся в Абудже (Нигерия).

В 2014 г. синхронно с «Повесткой 2063» Африканский Союз принял 3 взаимосвязанных стратегии развития образования и науки: (1) «Континентальную стратегию образования» (*CESA-16-25*); (2) «Континентальную стратегию технического и профессионального образования и обучения» и (3) «Стратегию науки, технологий и инноваций для Африки» (*STISA-2024*). Эти стратегии позиционируются как огромный

вклад в достижение глобальных целей в области устойчивого развития (ЦУР) и создание долгосрочных экономических выгод для континента и за его пределами.

STISA-2024 – стратегия поэтапного наращивания научного потенциала с целью «ускорить переход африканских стран к экономике, основанной на инновациях и знаниях». В рамках стратегии выделены 6 социально-экономических приоритетов: (i) искоренение голода и обеспечение продовольственной безопасности; (ii) профилактика заболеваний и борьба с ними; (iii) «защита африканского пространства»; (iv) «коммуникативность» (физическая и интеллектуальная мобильность); (v) «содействие совместному сосуществованию и общественному строительству» и (vi) создание богатства.

До окончания контрольных сроков реализации стратегии остается немногим более двух лет, но результаты её выполнения пока сводятся к проведению многочисленных специализированных форумов и круглых столов. Так, в феврале 2021 г. в Браззавиле состоялся уже 3-й ежегодный Африканский региональный форум по науке, технологиям и инновациям. Практические результаты тоже имеются, но их на порядок меньше. По мере приближения 2024 г. публикации АС становятся всё более скупыми на конкретные цифры реализации планов, но всё более богатыми на цветные иллюстрации, декларации и прогнозные оценки, относящиеся к 2050 и 2063 гг.

Анализ различных общеафриканских и значительной части национальных стратегий, относящихся к сфере науки и технологий, свидетельствует о том, что все они ориентируются на самые современные тренды науки и прорывные технологии – цифровизацию, биотех, использование нетрадиционных источников энергии, но одновременно на задействование потенциала традиционного знания африканцев о природе и человеке.

Насколько всё это соответствует сегодняшним потребностям африканских экономик и обществ с практической точки зрения? На что лучше ориентироваться – на требующее огромных затрат точечное применение прорывных «технологий будущего» или на адаптацию к местным условиям и широкое распространение не самых новых, но зарекомендовавших себя менее затратных технологий «вчерашнего дня»?

Вопреки упоминавшимся выше стереотипам, Африка отнюдь не стоит в стороне от развития и внедрения передовых технологий XXI века, в т.ч. тех, которые наша отечественная стратегия научно-технического развития относит к числу «приоритетных». Огромный прогресс отмечен на пути внедрения в африканских странах инноваций. Из стран континента в глобальном индексе инноваций 2020 г. ли-

дерами являются Маврикий (52-е место из 131 ранжированной страны мира), ЮАР (60-е), Тунис (65-е), Марокко (75-е), Кения (86-е место) [13].

Примеров реального продвижения по пути освоения новейших научных направлений и внедрения прорывных инноваций на континенте немало. Более подробно они будут рассмотрены в следующем номере журнала. Сейчас отметим, что действительно впечатляющих успехов в области освоения нетрадиционных и новых возобновляемых источников энергии добилось Марокко, где в 2014 г. была введена в эксплуатацию крупнейшая в Африке ветряная электростанция и заканчивается техническая разработка самой большой на континенте «солнечной фермы». Кения – один из лидеров в области адаптации к африканским условиям и использования ИКТ и организационного моделирования; передовые разработки в области биобезопасности, исследования генома человека, вирусологии ведутся в отдельных лабораториях в ДРК, Гвинее, Кот-д’Ивуаре. Правда, во многих случаях авангардные и прорывные исследования идут под руководством и при финансировании зарубежных партнеров.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОЛЛАБОРАЦИИ

Ключевые партнеры африканцев по НИОКР – США, КНР, страны ЕС (прежде всего Франция), Индия, Бразилия, Япония. Сотрудничество идет как по государственной линии, так и с использованием частных структур и капитала. Кроме того, помощь в развитии науки, образования и технологического развития поступает на многосторонней основе по линии многочисленных международных организаций и специализированных подразделений ООН.

Конкретные формы международного взаимодействия в сфере НИОКР в последнее десятилетие усложнились и стали более специализированными. Традиционные (финансирование исследований, помощь в подготовке кадров высшей квалификации, научные обмены, снабжение научно-исследовательской литературой и оборудованием и т.д.) по-прежнему доминируют, однако новые становятся главными в прорывных областях, определяющих приоритетные направления и глобальные тренды развития НИОКР.

В самых разных отраслях науки, но чаще в передовых, возникают глубоко интегрированные научные коллаборации. Хотя практически во всех из них африканскому партнеру принадлежит роль ведомого, а местные лаборатории де-факто превращаются в зарубежные филиалы западных научных центров, они теперь редко заняты вторичными исследованиями, повторяющими уже далеко не новые западные разра-

ботки или рассчитывающими значение еще одного знака после запятой по выведенной за границей формуле.

По ряду научных направлений, таких как биология, эпидемиология, экспериментальная фармакология, инсектология, исследования климата и др. многие наработки таких коллабораций действительно находятся на переднем крае науки. Проблема в том, что эти научные центры носят анклавный характер и не дают непосредственной отдачи для экономики или социальной сферы принимающей стороны. По условиям сотрудничества сливки научных достижений утекают к западным партнерам. Даже в тех случаях, когда прорывные исследования ведутся в областях, представляющих непосредственный интерес для африканцев (эндогенные заболевания, природные явления, биоугрозы и т.п.), получаемые результаты практически всегда становятся интеллектуальной собственностью партнера с Запада, сохраняющего за собой права на их коммерческое использование. Всё это приводит к неутешительному выводу, что колониальность в международных исследованиях и использовании их результатов сегодня очевидна, как никогда прежде. И это касается не только Африки.

Острой остается проблема «утечки умов», последствия которой для африканских стран и разорительны, и разрушительны. Однако в условиях пост-неоколониального переосмысления действительности Запад переименовал явление и провозгласил *«трансграничную мобильность научных кадров»* величайшим благом и неотъемлемой свободой ученого. Эксплуатация африканского человеческого капитала представляется едва ли не благотворительностью. Коэффициент внешней мобильности (соотношение уехавших за границу и остающихся членов научного и образовательного сообщества) отныне – важнейший показатель уровня открытости и развития науки и высшего образования в стране. Гана, Кения, Руанда, Бенин, Кот-д’Ивуар здесь в числе лидеров, хотя по абсолютным показателям на первых местах Нигерия и Эфиопия, далее с отрывом – Танзания.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САНКЦИИ

Из сложившихся парадигм глобального управления наукой [12] и навязываемых «правил игры» вырваться довольно сложно. За подобные попытки неизбежно следует суровое наказание в виде отлучения от помощи или формально анонсируемых, но чаще латентных санкций.

Обострившаяся в последнее десятилетие увлеченность Запада санкционными мерами как инструментом обеспечения геополитических интересов и торгово-экономических преимуществ в существенной степени отразилась на научно-техническом развитии стран Африки –

как тех, что оказывались когда-либо напрямую подвержены подобным регулятивным рестрикциям, так и тех, против которых санкции непосредственно не вводились. Против Бурунди, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, ДРК, Зимбабве, Мали, Сомали, Судана, Уганды, ЦАР, Чада, Юж. Судана вводились экономические и индивидуальные санкции США и ЕС. Помимо того, в 2017 г. администрация Трампа ввела визовые запреты на въезд граждан Ливии, Сомали и Чада, а в 2020 г. – Нигерии, Эритреи, Танзании и Судана.

Введение санкций и различного рода эмбарго крайне негативно сказывается на секторе НИОКР через ограничение торговли и отношений с конкретными лицами, организациями и государствами. Экспортный контроль препятствует приобретению оборудования, определенных товаров, технологий и услуг, которые могут иметь гражданское и военное назначение. К тому же с развитием нового технологического уклада некоторые ранее исключительно «гражданские» продукты, техника и программное обеспечение стали пригодными для двойного применения и попали под санкции и режимы экспортного контроля. При этом прозрачность границ, формирование международных цепочек добавленной стоимости и другие издержки глобализации невольно подводят под санкционные режимы компании и лиц из третьих, не обязательно таргетируемых санкциями стран.

В условиях роста цифровизации и взрывного распространения мобильных технологий в Африке ярким подтверждением негативного влияния санкционных режимов на НИОКР являются возникающие сложности с приобретением африканскими странами необходимого программного обеспечения для шифрования, используемого в гражданских продуктах и услугах для защиты данных, передаваемых по беспроводным каналам между электронными устройствами и сетями. Соседство с пребывающими под санкциями Танзанией, Угандой, Сомали создает серьезные проблемы для технологических компаний Кении. Проблемы усугубляются тем, что при нынешней легкости передачи технологий и программных услуг в глобальном масштабе нетрудно оказаться потенциальным нарушителем западных запретов со всеми вытекающими последствиями. В связи с постоянно растущим в Африке использованием облачных сервисов эта проблема становится всё более актуальной.

С другой стороны, потенциальные партнеры африканских технологических фирм на Западе из-за боязни нарушить санкции и подвергнуться из-за этого штрафам и другим репрессалиям с осторожностью относятся к сотрудничеству в области НИОКР с не вполне прозрачными для них африканскими контрагентами. Использование санкционного оружия в мире имеет тенденцию к нарастанию. В ближайшее десяти-

тилетие оно может превратиться в одно из серьезнейших препятствий на пути международного сотрудничества и обмена в глобальном масштабе.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Несмотря на реальные проблемы и ограничители, страны Африканского континента не пребывают в стороне от общемирового вектора развития в сторону всё большего практического использования достижений науки, технологий и инноваций в интересах национального развития. В силу существующих условий реализация этого общемирового тренда имеет свою специфику. Возрастание значения разработок и исследований как фактора производства происходит не в равной мере во всех странах континента, а носит сильно локализованный характер как с географической точки зрения (страна, территориальный кластер), так и с точки зрения отраслей науки, знания и разработок.

2. Как количественно, так и качественно наибольшая исследовательская и внедренческая активность наблюдается либо в отраслях, обозначенных в стратегиях развития и правительственных планах как национальные приоритеты (в сельском хозяйстве, здравоохранении, разработке природных ресурсов и т.д.), либо в тех, которые по каким-то причинам важны для более технологически продвинутых иностранных спонсоров и «соинвесторов» в подобные проекты (биотехнологии, геномная инженерия, ИКТ и др.). Это вторая группа от них получает значительное финансирование и самое передовое оснащение, несмотря на то, что с точки зрения актуальных потребностей принимающей африканской страны такие исследования практически не нужны в силу их узкой направленности или неприменимости в местных условиях.

3. В последнее десятилетие интенсифицировались усилия по поиску оптимальных общеафриканских подходов и решений для мобилизации panaфриканского потенциала стимулирования развития науки, технологий и инноваций в странах континента. В определенной степени эти коллективные усилия призваны стать противовесом феномену колониальности в науке. Проведенный выше анализ показывает, что пока что эти коллективные общеафриканские усилия недостаточно эффективны. По большей части они принимают форму выработки и декларирования разнообразных общих и специализированных (отраслевых и секторальных) стратегий стимулирования африканской науки. Предпринятые шаги привели к увеличению в разы ассигнований на национальную науку и росту численности научно-технического персо-

нала. Однако это не транслировалось в качественное изменение положения Африки в мировой науке.

4. В то же время важно не игнорировать появившиеся в последние два десятилетия на континенте впечатляющие очаговые примеры успешного внедрения по большей части иностранных технологий исследования и импортного оборудования. Хотя, в отличие от описанной выше продукции международных коллабораций, они могут реализовываться африканскими учеными в местных лабораториях и в рамках проектов, финансируемых национальными правительствами, в большинстве случаев результаты их работы также плохо интегрируются в общую ткань национальных экономик. Зачастую они реализуются ради себя самих или для демонстрационного эффекта. Часть из действующих эффективных инноваций и научных исследований однозначно выполняется исключительно в интересах внешних заказчиков, при этом в силу особенностей африканских реалий даже чисто финансовый эффект от их реализации в Африке до национальных бюджетов не доходит.

5. Пандемия *COVID-19* еще более утвердила африканские страны в важности наличия собственных наработок и исследовательских возможностей или, по крайней мере, географической диверсификации системы существующих научных коллабораций. Это касается не только сферы медицины, но и других насущно значимых для развития континента отраслей науки. В этих условиях перед Россией открываются перспективы многократного расширения своего сотрудничества со странами Африки, причем взаимодействие в области науки, технологий и инноваций представляется особенно выгодным и привлекательным для обеих сторон. Конкретные возможности на этом направлении будут освещены в следующем номере журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня» 2021. № 4. С. 15–24.

1. UNESCO 2021. UISstat. http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en (accessed 07.01.2021)

2. 2021 Global R&D Funding Forecast. <https://forecast.rdworldonline.com/product/2021-global-rd-funding-forecast/> (accessed 07.01.2021)

3. UNESCO Science Report: towards 2030. Paris: UNESCO. 2015.

4. World Development Indicators. Science & technology. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=IP.JRN.ARTC.SC&country=SSF,DZ A,EGY,LBY,TUN,MAR> (accessed 25.01.2021)

5. Marincola E., Kariuki T. Quality research in Africa and why it is important. <https://pubs.acs.org/action/showCitFormats?doi=10.1021/acsomega.0c04327&ref=pdf> (accessed 01.02.2021)
6. Colquhoun D. (2003). Challenging the tyranny of impact factors. *Nature*, 423, 479. <https://doi.org/10.1038/423479a> (accessed 05.02.2021)
7. Kiesslich T., Beyreis M., Zimmermann G. et al. Citation inequality and the Journal Impact Factor: median, mean, (does it) matter? *Scientometrics*. 126, 1249–1269 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03812-y> (accessed 05.02.2021)
8. Bagues Manuel F., Sylos-Labini Mauro, Zinovyeva Natalia. (2017). A walk on the wild side: 'Predatory' journals and information asymmetries in scientific evaluations. *IZA Discussion Papers*, № 11041, Institute of Labor Economics (IZA), Bonn. <http://hdl.handle.net/10419/171025> (accessed 05.02.2021)
9. Kurt S. (2018). Why do authors publish in predatory journals? *Learned Publishing*, 31(2), 141–147.
10. Demir S. (2018). Predatory journals: Who publishes in them and why? *Journal of Informetrics*, 2018. Vol. 12, № 4. Pp. 1296–1311. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2018.10.008> (accessed 08.02.2021)
11. Macháček V., Srholec M. (2021). Predatory publishing in Scopus: evidence on cross-country differences. *Scientometrics*. 126, 1897–1921 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03852-4> (accessed 08.02.2021)
12. Фитуни Л.Л. Глобальное управление и развитие науки в странах Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3(34). С. 38–43.
13. WIPO. The Global Innovation Index 2020. Geneva. https://wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (accessed 05.02.2021)

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В АФРИКЕ: ТЕОРИИ, СТРАТЕГИИ, НОВАЦИИ

Фитуни Л.Л. (2020)

В функционировании африканских экономик иностранный капитал исторически играет относительно большую роль, чем в других крупных развивающихся регионах. Он является неотъемлемым и жизненно необходимым компонентом обеспечения нормального хода воспроизводственного цикла в экономиках всех без исключения африканских стран. Последние активно привлекают его в интересах развития в виде иностранных инвестиций (прямых и косвенных) и в ссудной форме (частные и государственные внешние займы).

Исследование роли и влияние зарубежного ссудного капитала не входит в задачи настоящей статьи. Тем не менее автор счел целесообразным в начале работы дать читателю общее видение позиций иностранного капитала в Африке в обеих его формах с тем, чтобы в дальнейшем, сконцентрировавшись более глубоко на аспекте прямых иностранных инвестиций (ПИИ), быть в состоянии делать аргументированные обобщенные выводы о роли иностранного капитала в целом.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Несмотря на предпринимаемые усилия в рамках национальных стратегий и общеафриканской программы «*Agenda 2063*», именно иностранные источники в последнее десятилетие стабильно составляют большую часть валовых накоплений в Африке. Внешний компонент общего объема ресурсов финансирования развития, который можно рассматривать как иностранный капитал, действующий в типичной африканской стране, складывается из ПИИ, портфельных инвестиций, средств, реинвестированных иностранными компаниями внутри национальных экономик, государственных и частных иностранных заимствований и предоставляемой на различных условиях «помощи» развитию, включая официальную (ОПР). Суммарно весь этот объем ресурсов в абсолютном большинстве стран континента намного превышает внутренние накопления. Зависимость от иностранного капитала, таким образом, даже в тех случаях, когда она не выливается в явные формы откровенного внешнего давления или диктата, очевидна.

Текущее сочетание глобального экономического кризиса и пандемии *COVID-19* усугубило ситуацию. Резко сократился приток столь необходимых внешних ресурсов развития. Это касается и ПИИ, и

портфельных инвестиций, и нового ссудного капитала. В первом квартале 2019 г. общий объем накопленного внешнего долга всех стран Африки достиг 710 млрд долл. Особенно сильно выросла долговая нагрузка в Эфиопии, Замбии, Уганде и Гане. Огромные капиталы ежегодно уходят из стран континента за рубеж в качестве обслуживания долга [31].

Еще до глобальной вспышки эпидемии коронавируса в 2020 г. континент оказался на грани очередного кризиса внешней задолженности, который удалось временно купировать чрезвычайными мерами, срочно принятыми институтами глобального управления – G20, G7, МВФ, Всемирным банком и др., обратившимися к мировому сообществу с призывом предпринять шаги по облегчению долгового бремени для наиболее бедных стран. В основном такие многосторонние и двусторонние меры действуют (обычно это заморозка выплат по обслуживанию долгов) до конца 2020 г.

Согласно статистике ЮНКТАД, на конец 2019 г. накопленный объем прямых иностранных инвестиций (FDI stock) в страны Африки составлял 953 996 млн долл. США. Менее чем за 10 лет этот показатель вырос почти на треть (в 2010 г. – 603 657 млн долл.), а по сравнению с началом тысячелетия – более чем в 6 раз (2000 г. – 153 062 млн долл.). Однако годовой приток в 2019 г. снизился по сравнению с предшествующим годом почти на 10% и составил около 45 млрд долл. Страны континента и сами становятся экспортерами прямых иностранных инвестиций (ПИИ), прежде всего, в близлежащие африканские страны, но не только. В 2020 г. накопленные ПИИ всех государств Африки за рубежом достигли 285 498 млн долл. при том, что в 2000 г. они составляли лишь 39 815 млн [40, p. 242].

С точки зрения макроэкономического баланса страны континента продолжают оставаться чистыми импортерами иностранного капитала в целом и ПИИ в частности. Годовой приток ПИИ в Африку продолжает оставаться относительно скромным на фоне других развивающихся регионов: в 2019 г. – 45 млрд долл., или 2,9% от общемировой цифры [40, p.13]. Однако для самих стран Африки эти объемы экзистенциально значимы. Без них, по крайней мере пока, невозможно обеспечивать развитие национальных хозяйств, а во многих случаях и поддерживать существующие уровни благосостояния населения.

Как известно, иностранный капитал может оказывать как стимулирующее, так и негативное влияние на национальные экономики. Решение о вложении капитала за рубежом принимается его собственником, исходя из своих интересов, и по определению предполагает, что инвестор в результате получит отдачу (доход), перекрывающую его затра-

ты. Полученную прибыль он может реинвестировать в стране-реципиенте, а может вывести за рубеж. И в том, и другом случае она остается собственностью инвестора.

В Субсахарской Африке годовая прибыль на вложенные ПИИ в 2000–2019 гг. была существенно выше среднемировых показателей – медианное значение почти 10%. Но несмотря на случающиеся в отдельные годы исключения, в Африке репатрируемая доля прибыли исторически остается в среднем намного выше доли реинвестиций. В 2019 г. единственным исключением из этого правила оказалась Кения, в которой иностранные компании реинвестировали 54% своих прибылей. В остальных странах континента картина была обратной, хотя удельный вес реинвестиций сильно разнился от страны к стране. Например, в Кот-д’Ивуаре он составлял 45%, в Египте – 41%, Мали – 33%, Нигерии – 26%, Руанде – 24%, Марокко – 21%, Уганде – 16%, Сенегале – 10%, Нигере – 5% [40].

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ И МЕТОДОЛОГИИ

Взаимоотношения с иностранным капиталом (ИК), всегда имеют, наряду с экономическим, и политический компонент, поскольку в них вовлечены субъекты, принадлежащие к различным государствам, преследующим свои национальные интересы. На отношения с ИК сильно влияет политика властей каждой из сторон не только по релевантным двусторонним экономическим вопросам, но и по многим проблемам мировой политики. Ярким подтверждением этого является воздействие скоординированной или односторонней санкционной политики стран Запада в отношении значительного числа африканских государств, которая не раз приводила к резкому сокращению притока в них ИК как в производственной, так и в ссудной форме даже в ситуации высокой экономической выгодности вложений.

Для африканских стран, абсолютное большинство которых по меркам истории лишь недавно стали суверенными, вопрос отношений с ИК – это, помимо прочего, еще и болезненный вопрос сохраняющейся экономической зависимости.

В отечественной науке радикальная переоценка роли и характера влияния ИК на принимающие национальные экономики произошла в годы перестройки и постсоветской реформации. Со знака минус [3; 5; 18; 20; 21] на знак плюс [8; 14; 15; 19] сместились оценки и методологические акценты в исследовательском мейнстриме, нередко у одних и тех же авторов.

Постепенно происходит уход от комплексного, «развитийного» (“*developmental*”) анализа роли ИК в экономиках развивающихся го-

сударств и стран с возникающими рынками. Намного меньшее число авторов интересуют соотношение позиций местного и иностранного капитала в национальных хозяйствах и влияние прихода зарубежных компаний на судьбы местного бизнеса и целых отраслей национальной экономики. Фокус внимания сместился в сторону количественных и регуляторных параметров: фиксации объемов инвестиционных потоков и нормативных мер по стимулированию последних [6; 9; 12; 16].

Заметно, что авторы явно опасаются применения в используемом ими категориальном аппарате политэкономической терминологии, имплицитно несущей оттенки негативных коннотаций, даже вроде бы внешне безобидных, таких как «*позиции* иностранного капитала» в той или иной стране. В абсолютном большинстве работ ныне ведется речь о более технических финансовых терминах и категориях – потоках или накопленных остатках прямых иностранных инвестиций (ПИИ), иностранных кредитах и о математических связях между этими индикаторами и отдельными агрегативными макроэкономическими показателями и т.п.

В отличие от марксистских концепций времен СССР, бичевавших «господство иностранного капитала» в национальных, прежде всего слаборазвитых экономиках, мейнстрим современной западной эмпирической экономической науки, наоборот, рассматривает ПИИ в качестве одного из мощных факторов, способствующих экономическому росту. Существует множество публикаций в экономических журналах мира, входящих в первый и второй квартили баз *Web of Science* и *SCOPUS*, которые устанавливают с помощью статистических и математических инструментов (в основном регрессионного анализа) как на широком международном материале, так и на страновом, положительную взаимосвязь и зависимость между этими двумя переменными. Пик таких исследований пришелся на время сразу после окончания Холодной войны и триумфального шествия глобализации по планете. Из огромного числа подобных работ следует выделить постоянно цитируемые исследования Бломстрёма с соавторами, де Григорио, Модии и Вана, Ньятепе-Ку, Ленсинка и Морриси и др. [23; 27; 31; 34; 37].

Справедливости ради, следует, однако, признать, что существует и определенное (существенно меньшее) число работ, которые также напечатаны в «рейтинговых журналах» и принадлежат перу не менее цитируемых экономистов, не выявляющих позитивной зависимости во все или установивших, что таковая проявляется слишком слабо. Правда, здесь следует оговориться: большинство исследований этой группы подготовлены на эмпирическом материале развитых, а не развивающихся государств [25; 26; 30].

Современная российская экономическая литература в целом следует в фарватере западноориентированного мейнстрима и в русле реализуемой с начала 1990-х гг. линии на широкое привлечение иностранного капитала в экономику России, надежд на благотворное влияние ПИИ на ускорение экономического роста, диверсификацию хозяйства и технологическую модернизацию на их основе. Общая характерная черта таких экономических исследований – точная математическая правильность указанных взаимосвязей при почти повсеместной одновременной противоположности практических результатов в реальной жизни. По крайней мере, в условиях нашей страны, то есть примерно в одной седьмой части мира. Впрочем, в масштабах мировой экономики Россия не одинока в подобном опыте противоречий между «правильной» теорией и «неправильной» реальностью.

В научном анализе в российском мейнстриме даже более явственно, чем на Западе, доминирует массовый поворот от исследования «капитала» как политэкономической сущности и категории в пользу более технических разработок и эконометрического анализа переменных, характеризующих движения ПИИ и финансовых активов [например: 4; 10; 13].

В таком подходе есть свои сильные стороны: например, конкретность и относительная точность терминологии, необходимая при количественном анализе (расхождения в методике подсчетов сохраняются, но они на порядок меньше, чем при использовании объективно более размытого оператора «иностраннный капитал») [7; 11]. Кроме того, более рельефно выявляются связи и степень значимости отдельных влияющих факторов (например, открытость экономики, вовлеченность в глобальные цепочки стоимости, квалификация рабочей силы, уровень коррупции в стране, степень демократизации/авторитарности существующего политического режима) на приток ПИИ, темпы прироста ВВП и т.д.

Здесь, правда, следует оговориться, что обнаружение синхронности движения контролируемых переменных в ту или иную сторону в конечном счете остается не более чем математической взаимосвязью. В разных обществах она может объясняться абсолютно разными глубинными причинами и приводить к диаметрально противоположным последствиям. Очень часто при анализе подобных реально выявленных зависимостей между переменными определение, какая из них выступает в роли «причины», а какая «следствия» остается преимущественно результатом или производной от мировоззренческих позиций аналитика. (Например, что первично при достоверно выявленной позитивной корреляции между ростом ПИИ и ВВП? «Приток ПИИ ускоряет рост ВВП» или «рост ВВП стимулирует приток ПИИ»? Каждый

из выводов предполагает свои далеко идущие последствия для экономической политики государства.)

Кроме того «непросчитываемый» субъективный момент (вспомним хотя бы сюрпризы угандийского президента Иди Амина, центрально-африканского императора Бокассы, большевика В. Ульянова или «санкционера» Д. Трампа по отношению к иностранному капиталу и собственности) и сомнительная исходная статистика (это реальная проблема для Африки) регулярно переводят значительную часть эконометрической аналитики и прогнозов в категорию «занимательная математика для экономистов».

Но даже если абстрагироваться от всего этого и проштудировать в целом массив подобного рода «техничко-экономических» исследований по Африке начиная с 1990-х гг., то оказывается, что выводы и оценки авторов топчутся главным образом вокруг анализа прямых связей между ПИИ, экономическим ростом и другими результатами макроэкономического уровня. Между тем, на наш взгляд, недостаточно предоставить собратьям по науке или работникам практической сферы список детерминант макроэкономических переменных и величин оценочных коэффициентов. Подобный узкий горизонт анализа не позволяет видеть *Большую Картину* и делать холистические выводы, важные для понимания и реализации более общих, судьбоносных целей развития.

Как известно, в философии познания фундаментальный *принцип холизма* предполагает, что «целое есть всегда нечто большее, чем простая сумма его частей». Именно поэтому при анализе таких политэкономических категорий как «иностраный капитал» (ИК) или «позиции иностранного капитала» неизбежно исследуется новое, более сложное явление и качество, чем при рассмотрении по отдельности или в механистической сумме его технических «счетных» компонентов: притока и оттока ПИИ за определенный период или накопленных остатков ПИИ на конкретную дату, их долевое отношение к ВВП или регрессионные зависимости.

Несмотря на описанную выше тенденцию к «технократизации» анализа экономической проблематики, связанной с иностранным капиталом, и упор на статистико-математический анализ параметров его трансграничного перемещения и инвестирования, тема ИК в развивающихся странах и странах с переходной экономикой остается в конечном итоге вопросом политическим, потому что затрагивает интересы влиятельных социальных групп, судьбы развития стран и народов, а в конечном итоге выходит на международные отношения.

Эта политизация имеет тенденцию к росту в условиях, когда намечается и происходит смена доминирующего собственника иностран-

ного капитала. Опыт Африки подтверждает это наблюдение: именно так было во времена широких национализаций иностранной собственности после ухода колонизаторов в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Так было и в 1960–1970 гг. при переходе позиций лидирующего инвестора на континенте от колониальных метрополий к США и от США к КНР в настоящее время.

Заметим, что в наши дни политизацию вопроса принадлежности капитала и его влияния на выбор стратегий развития и ориентацию страны в последние годы активно проталкивают именно страны Запада, которые еще не так давно упорно доказывали, что национальная идентичность собственника – вопрос второстепенный, и не стоит бояться иностранного инвестора. Это особенно ярко подтверждает пример реакции на рост китайских ПИИ на континенте, но не в меньшей мере это распространяется и на куда более скромную инвестиционную активность российского, индийского, иранского, турецкого и некоторых арабских капиталов в Африке.

Сама по себе категория «капитал» неотделима от понятия собственности. Поэтому вопрос, «чьему» капиталу принадлежат те или иные предприятия или отрасли, в конечном итоге тождественен вопросу: кто хозяин экономики в целом или её отдельных сегментов? Для африканских стран, с исторической точки зрения совсем еще недавно обретших политическую независимость и право на самостоятельное развитие, это вопрос фундаментальной значимости. Ведь проблема экономической независимости и суверенитета пока до конца не решена.

АФРИКАНСКАЯ СПЕЦИФИКА

По приблизительной оценке автора, предприятиями, контролируемые иностранным капиталом прямо или косвенно, через систему участия, в настоящее время формируется примерно 68% ВВП Африки южнее Сахары (без учета вклада традиционного сектора экономики). У этого есть свои исторические причины. Африканские страны сравнительно молоды. В современных границах как независимые государства абсолютное большинство из них существуют около 60 лет. Многие – существенно меньше. Современный сектор их экономик по большей части сформировался в XX веке и почти на 100% за счет иностранного капитала, в основном из бывшей метрополии. В этом уникальность роли и положения иностранного капитала на континенте.

Например, в отличие от Африки, в Латинской Америке, развивавшейся и в колониальные времена и многие десятилетия после деколо-

низации как регион поселенческих и переселенческих* (изначально плантационных и рабовладельческих) экономик, отрасли хозяйства, ориентированные на удовлетворение основных потребностей местного населения, включая относительно развитые обрабатывающие производства, главным образом в пищевой и легкой промышленности, преимущественно принадлежали не иностранному, а национальному капиталу. С ростом европейской иммиграции, особенно усилившейся в период между и во время двух мировых войн, позиции последнего еще более укрепились.

В большинстве стран Азии еще до прихода колонизаторов существовали достаточно развитые местные экономики, где-то более современные, где-то менее. Были развиты товарное производство и товарно-денежные отношения. Существовали свои денежно-финансовые системы. Имелись свои состоятельные классы, обладавшие весьма солидными финансовыми ресурсами, контролировавшие разнообразные производства или получавшие от них доход. С приходом колонизаторов многие из местных богачей превратились в капиталистов-предпринимателей западного типа. Ко времени деколонизации здесь уже имелся достаточно влиятельный и состоятельный туземный капиталистический класс – хозяин многочисленных местных производств.

Поскольку современный товарный сектор едва ли не всех экономик Черного континента обязан своим возникновением иностранному капиталу, в Африке ситуация была иной. Даже на севере континента национальный капитал был представлен в основном лишь торговой буржуазией. Сельское хозяйство там строилось на отношениях феодального типа, а редкие промышленные производства принадлежали иностранцам – европейцам, туркам или левантийским мигрантам. В Субсахарской же Африке и вовсе – все современные (т.е. не относящиеся

* В англоязычной литературе для обозначения этих типов колонизации используется один термин – «*settler economy*», в то время как в русскоязычной – два: «переселенческая» и «поселенческая». При этом ряд авторов использует оба прилагательных как полные синонимы, а другие нюансировано, отталкиваясь от исходной семантики слов «поселение» (пример этого – в основном самодеятельное заселение южных русских и иных областей обычно не организованными поселенцами) и «переселение» (например, как результат целенаправленных проектов П.А.Столыпина по решению проблемы аграрного голода на западе Империи). Четкого разграничения в использовании терминов нет. Во франкоязычной научной литературе используют два термина: «*colonialisme des colons*» для обозначения «поселенческого колониализма» и «*colonie de peuplement*», эквивалентный русскому «переселенческая колония», т.е. такая, куда метрополия целенаправленно переселяет своих граждан. Ярким примером последних были колонии, куда большая часть населения была переселена принудительно (у Франции – изначально Алжир, позднее – Гвиана, Новая Каледония, у Британии – Австралия, часть североамериканских колоний).

к традиционному сектору) отрасли производства были созданы и принадлежали колонизаторам. Особый случай являл Южно-Африканский Союз (ЮАС), где, подобно Латинской Америке, давние европейские колонисты и переселенцы успели превратиться в предпринимательский класс и создать отрасли экономики европейского типа. Однако и здесь господство иностранного, в основном британского, капитала было неоспоримым.

Преобладающей и ключевой характеристикой создаваемых ИК производств и отраслей был их анклавный характер. В большинстве своем они работали на внешний рынок, прежде всего, на удовлетворение потребностей экономик колониальных метрополий и их населения и практически не были интегрированы в местные хозяйственные комплексы. Это привело к тому, что к моменту получения независимости за оговоренными выше исключениями на крайнем юге и севере континента практически весь современный сектор экономики Африки принадлежал иностранному капиталу и, строго говоря, им же и являлся.

В первые постколониальные годы, несмотря на номинальный суверенитет африканских стран, ИК сохранял доминирующие позиции и однозначно господствовал в наиболее прибыльных секторах экономики и экспортных производствах, являвшихся основным источником пополнения доходов национальных бюджетов. Подавляющая часть прибыли по-прежнему вывозилась в метрополии.

Структура национальной принадлежности иностранного капитала и его географическое распределение по независимым государствам континента в целом повторяла очертания прежних колониальных империй: в англоговорящих странах едва ли не абсолютно доминировал британский капитал, во франкофонных – французский. Несмотря на то, что проникновение американских компаний на африканский континент после окончания Второй мировой войны усилилось (прежде всего, в добычу нефти, цветных металлов и фосфатов), позиции капитала США существенно уступали бывшим метрополиям вплоть до начала 1980-х гг. У «неколониальных» европейских держав они были еще слабее.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЙ

Возврат национальных богатств африканцам был главным политическим лозунгом всех без исключения лидеров деколонизации. Без перевода в свои руки главных рычагов управления экономикой, переориентации деятельности ключевых производств на работу в интересах национального развития и улучшения условий жизни населения цели деколонизации превращались в фикцию. Поэтому уже с первых

лет после избавления от колониального ига все освободившиеся страны Африки, вне зависимости от избранной внешнеполитической и идейной ориентации, начали наступление на ИК – где-то радикальное, с широкой национализацией (Гана) или африканизацией (Нигерия), где-то более сдержанное (БСК, Сенегал, Кения), но и там, и там вылившееся в существенное ослабление позиций иностранных собственников.

Прокатившаяся по Африке в 1960–1970-е гг. волна национализации иностранной собственности, африканизации (со страновыми нюансами – «нигериизацией», «ганаизацией» и т.д.), и «опоры на собственные силы» через десяток лет выявила слабые места такой стратегии. Стали очевидными: невозможность обеспечить необходимый для продвижения вперед уровень накоплений; усугубление технико-экономической отсталости из-за сужения каналов трансферта новых технологий; обострение проблем занятости; снижение доходов населения и сокращение поступлений в национальные бюджеты, поскольку образованные на месте иностранных компаний госпредприятия из доноров бюджета быстро превращались в получателей госсубсидий и т.п.

Всё это привело к пересмотру прежних взглядов и к готовности поступиться частью новоприобретенного суверенитета в обмен на расширение участия иностранного капитала в создании и эксплуатации национального богатства африканских стран.

В итоге за шесть с небольшим десятилетий независимого развития отношение к иностранному капиталу в стратегиях развития африканских стран претерпело сложную эволюцию: от динамичных порывов в сторону «избавления от засилья иностранного капитала» к длительному, более чем тридцатилетнему, кружению на месте и хождению в нерешительности по циклическим траекториям с тем, чтобы вдруг через десяток-другой лет поспешно броситься в сторону попятного движения – заманивания зарубежных инвесторов и создания для них сверхблагоприятных условий, лишь бы те вернулись назад.

Примерно со времени окончания Холодной войны и исчезновения мировой системы социализма африканские страны (синхронно по времени с упоминавшимся аналогичным процессом в СССР) сильно умеряют критику иностранного капитала и провозглашают новый «выбор». На этот раз в пользу экономической либерализации. США предлагают расширение сотрудничества с ними на базе так называемого Вашингтонского консенсуса, предполагавшего, в частности, раскрытие дверей для притока иностранного капитала и вывода прибылей за рубеж. Также требовалось понизить торговые барьеры и «раскрепостить» рынки капитала.

Подобные навязываемые извне реформы зачастую встречали в Африке недовольство и сопротивление местных правительств, но все равно в конечном счете продавливались через продиктованные МВФ условия программ структурной адаптации (*structural adjustment programs, SAP*). По своему экономическому содержанию последние представляли собой принятие африканским государством пакетного обязательства по проведению предписанной МВФ экономической политики и законодательных изменений в обмен на получение доступа к иностранному ссудному капиталу. Все это привело к стремительному нарастанию внешней задолженности и поставило страны континента на грань долгового кризиса.

В результате угрожающего для континента обострения кризиса задолженности Парижский клуб кредиторов вынужден был в самом конце XX века пойти на существенное списание внешнего долга для наименее бедных, в основном африканских стран. Россия, которой вроде бы пообещали «скостить», подобно Польше, часть её долга перед Западом, вслед за странами G7 и бывшими колониальными метрополиями присоединилась к Кельнской долговой инициативе Б. Клинтона 1999 года, во исполнение которой Москва в конечном итоге списала своим африканским должникам около 20 млрд долл. долга [2]. Правда, ожидавшегося ответного шага по списанию в обмен части её собственной задолженности Западу не последовало. Долг Москвою был выплачен в полном объеме в нулевые годы.

В редких случаях, когда африканские страны отказывались от принятия программ SAP, открытое давление со стороны правительства США, финансовых рынков, МВФ и Всемирного банка, а также доминирование в мире неолиберальных экономических идей в конечном итоге заставляли правительства всё равно менять политику в отношении ИК на более либеральную [33]. Сегодня в мировой африканистике доминирует мнение, что стимулирование к либерализации режимов движения капитала в Африке в 1990-е и начале нулевых годов происходило в большей степени извне, чем изнутри [24; 36; 38].

Ныне в Африке, как, впрочем, и в нашей стране, преобладает довольно прямолинейный подход в отношении иностранного капитала, который в самом общем виде можно сформулировать как «чем больше – тем лучше» и «иностранных вложений много не бывает». Если речь не идет о стратегически важных объектах и производствах, то вопросы страны происхождения капитала и конечного собственника активов отошли на второй план.

С другой стороны, под влиянием политики США и их тотальной санкционной войны против всех вопрос принадлежности иностранного капитала постепенно опять начинает обретать значимость, во вся-

ком случае, для африканских стран. Инвестиции и капиталы некоторых государств, рассматривающихся Белым домом как враждебные, становятся токсичными. Принятая в декабре 2018 г. новая стратегия США в Африке объявляет воспрепятствование «экспансии» Пекина и Москвы на континенте главной целью африканской политики Вашингтона [подробнее см. 17]. Есть основания предполагать, что линия на подавление инвестиционной активности геополитических конкурентов в ближайшие годы будет только усиливаться, и что в фундаментальном плане это усиление не будет зависеть ни от того, находятся ли у власти в США республиканцы или демократы, ни от того, представляют ли конкуренты интересы геополитических соперников вроде КНР или союзников по НАТО.

В мировой аналитике и околонучной публицистике резко увеличилось число статей о «грабительском характере» китайской экспансии в Африку, о «засилье» китайского капитала на континенте и губительном характере «китайского неокOLONиализма». Впрочем, по крайней мере пока, эта риторика мало отразилась на практической политике развивающихся стран Африки в отношении китайских инвестиций и шире – двухсторонних экономических связей. Реальная готовность африканских государств принимать китайские капиталы, а с ними и технологии, и помощь несколько не уменьшилась. Более того, в условиях мощного шока, которые испытали страны континента в результате пандемии *COVID-19* и пришедшего вместе с ней глобального кризиса, любые иностранные инвестиции рассматриваются как благо и путь к спасению национальных экономик.

НОВЕЙШИЕ ТРЕНДЫ

Несмотря на постоянные заявления последнего десятилетия о безудержной экспансии китайского капитала на континенте, США и Франция остаются крупнейшими инвесторами в Африке в целом, а США и Великобритания – в ЮАР и других англоязычных странах. Мы уже говорили выше о прочных исторических связях, часто основанных на языке и особенностях развития в колониальный период. По сей день Франция является ключевым инвестором во франкофонную Африку, в то время как Португалия и Бразилия инвестируют, прежде всего, в португалоговорящие Анголу и Мозамбик, хотя и не находятся там на позициях лидирующих инвесторов. Капитал США идет во все страны, но преимущественно в энергетический сектор и добычу полиметаллических руд, а потому в первую очередь в ресурснобогатые государства. Позиции английского капитала особенно сильны на юге и востоке Африки. Правда, приток нового британского капитала в последние де-

сятилетия отставал и от американского, и от французского, и тем более от китайского. Капитал ФРГ, Испании, Италии и Канады также активно осваивает африканский континент, но объемы инвестирования существенно скромнее. Из активных новых инвесторов следует также отметить Индию, Турцию, монархии Персидского залива и Израиль. Российский частный капитал, за редкими единичными исключениями, делает в Африке только первые шаги.

После безвременья 1990-х годов Россия невольно оказалась в числе «новых» игроков на африканском континенте. Открытые данные по инвестициям российского капитала отрывочны и неопределенны по времени. В международной финансовой статистике МВФ большинство показателей инвестиционной позиции РФ по странам Африки скрыты под литерой *C – Confidential*. Оценки осложняется тем, что многие крупные российские корпорации инвестируют в Африку от лица своих зарубежных дочерних компаний или из офшорных финансовых центров. Такие ПИИ чаще всего не фиксируются статистикой как российские.

Тем не менее наиболее распространенная оценка накопленных российских инвестиций в Африку – 19,4 млрд долл. [1]. В силу структуры нашего крупного бизнеса большая часть средств вложена в сырьевые отрасли – добычу цветных и редких металлов, алмазов, нефтегазовую отрасль. Однако в самое последнее время появились инвестиционные проекты в сельском хозяйстве, инфраструктуре и коммуникационных технологиях.

Таблица 1. Десять ведущих экспортеров капитала в Африку в 2014–2018 гг. (по методологии ЕУ)

Страна	Количество проектов	Рабочие места*	Инвестиции, \$ млн
США	463	62 004	30 855
Франция	329	57 970	34 172
Великобритания	286	40 949	17 768
КНР	259	137 028	72 235
ЮАР	199	21486	10 185
ОАЭ	189	39 479	25 278
ФРГ	180	31 562	6 887
Швейцария	143	13 363	6 432
Индия	134	30 334	5 403
Испания	119	13 837	4 389

* Вновь созданные рабочие места без учета вакансий, занятых иностранными специалистами.

Источник: [28].

Таблица 1 дает представление о 10 ведущих странах-экспортерах капитала в Африку по объему ПИИ, количеству проектов и созданных новых рабочих мест для африканцев за последние пять лет, по которым доступна достоверная статистика (2014–2018 гг.).

Приведенная таблица наглядно демонстрирует новые тренды в поведении иностранного капитала в Африке, обозначившиеся в последнее пятилетие*. Она позволяет доказательно оценить степень обоснованности ряда распространенных в международной аналитике и политической риторике утверждений. Цифры свидетельствуют, что КНР лидировала по суммарному объему инвестиций в Африку за рассматриваемый период, но каждый из трех главных «империалистических хищников» XX века – США, Франция, Англия – обгонял коммунистическую сверхдержаву по количеству реализуемых проектов. Данные таблицы убедительно показывают, что инвестиции тройки западных инвесторов-лидеров в расчете на 1 проект существенно меньше, чем у КНР. При этом один китайский инвестиционный проект создает в Африке как минимум вдвое большее число новых рабочих мест для местных жителей.

Эта особенность заставляет по-новому взглянуть на одну весьма распространенную претензию западной аналитики и пропаганды к экономической активности Пекина на африканском континенте. Как известно, компании КНР обвиняются в том, что на объекты китайско-африканского сотрудничества они завозят большие партии работников из Поднебесной и тем самым не способствуют решению проблемы занятости в стране-реципиенте инвестиций.

Справедливость этого обвинения не бесспорна. Для правильных выводов нужно иметь четкое представление о структуре потребностей объектов китайского инвестирования в рабочей силе, а также о соответствии им возможностей принимающей африканской экономики и уровня профессиональной подготовки местных кадров. Если нужных объекту кадров в стране нет, их приходится ввозить из-за рубежа. Традиционно должности таких специалистов в инвестиционных проектах США или государств ЕС занимали экспаты из стран Запада. Эта ситуация в европейской и американской литературе осуждения не вызывала. Логично, что китайские инвесторы предпочитают в аналогичной ситуации нанимать соотечественников.

Однако даже если согласиться с обвинениями в массовом завозе китайской рабочей силы, всё равно оказывается, что Пекин создал в 2014–2018 гг. в Африке вдвое больше новых рабочих мест для африканцев, чем США, в 2,7 раза больше, чем Франция, и почти втрое больше, чем Великобритания, на своих объектах.

* На момент сдачи статьи полная статистика за 2019 г. не была еще опубликована.

Опытный экономист, исходя из сведений глобального консультационного агентства EY (бывшее «Эрнст энд Янг»), входящего в тройку мировых лидеров в своей области, без труда сделает подкрепленный статистикой вывод о том, что западные инвестиционные проекты в Африке более компактны и, несмотря на полагающийся антураж «социальной ответственности», в большей степени ориентированы на высокую экономическую эффективность и отдачу. В расчете на один проект они более «таргетированы» – менее капиталоемки, менее склонны создавать дополнительные (не вызываемые жесткими требованиями) «ненужные» рабочие места. В то же время их количественная множественность создает дополнительный политический элемент и дополнительные каналы возможного влияния, поскольку каждое из них порождает множественные цепочки связей в среде местного чиновничества, элит и т.д. В большинстве случаев создаются предпосылки для «социально приемлемой» коррупции, в виде открытия вакансий различных «консультантов» и создания системы стимулирования работы лоббистских групп.

Конечно, подобные возможности присутствуют и у конкурентов из других стран, но здесь, помимо социологии и социальной психологии, в силу вступает чистая математика: чем больше число проектов у страны-инвестора, тем более широкими и комплексными становятся её сетевые связи в африканских обществах. В этом смысле больше «средне-крупных» проектов могут стать более эффективной стратегией для частного инвестора и его страны, чем упор на дорогостоящие мега-проекты. Распространение их влияния согласуется с закономерностями распределения Парето.

Учитывая недавние открытия А.-Л. Барабаши в области теории управления динамическими системами (*dynamic control theory*), касающиеся идентификации узлов контроля, в том числе в социальных системах [22; 35], можно смело утверждать, что создаваемый западным капиталом тип сетевых связей и формирование в этих сетях контролируемых узлов управления более эффективен для распространения влияния и достижения конечных результатов охвата, чем китайская модель.

Эффективность инвестирования ПИИ (доход на вложенный капитал) в Африке исторически и по сей день остается выше среднемировых показателей (табл. 2). Однако в последние годы этот индикатор демонстрирует сильную волатильность, а в целом в предшествующие 5 лет (2015–2019 гг. включительно) установился плавный нисходящий тренд. В 2018 г. этот показатель упал до 6,5% (по сравнению с 11,9% в 2010 г.) и, таким образом, впервые с начала века оказался ниже среднемирового значения, которое в этот год равнялось 6,8% [39, р. 14].

По нашим расчетам*, сделанным на базе доступного, но чуть более ограниченного (в силу запоздания полной статистики), чем в официальных изданиях ЮНКТАД [39; 40] числа страновых переменных, в 2019 г. он должен был остаться на том же уровне или снизиться по сравнению с предшествующим годом максимум на 0,1%, что тем не менее означало бы возврат к прежней «нормальности». Он превысил бы среднемировые величины на 0,2% и на все 0,7% средний показатель по развитым экономикам (см. табл. 2).

Таблица 2. Средняя норма прибыли на входящие ПИИ по регионам мира и типам экономик в 2010–2019 гг. (%)

	2010	2011–2015	2016	2017	2018	2019
Мир в целом	8,0	7,6	6,8	7,0	6,7	6,2
Развитые экономики	6,4	6,2	5,9	5,9	6,0	5,7*
Развивающиеся экономики	11,0	9,9	8,2	8,1	7,8	...
Африка	11,9	10,2	5,0	6,0	6,5	6,4*
Латинская Америка и Карибский бассейн	9,7	7,2	5,4	6,2	6,2	...
Азия	11,4	10,9	9,6	9,0	8,5	...
Переходные экономики	12,1	13,0	10,2	11,6	12,4	...

* Оценка.

Рассчитано автором по: [28; 32; 39; 40].

Еще одна веха времени – активное вхождение в Африку капиталов развивающихся стран. В табл. 1 обращает на себя внимание и то, что за рассматриваемые 5 лет ОАЭ инвестировали в Африку почти в полтора раза больше средств, чем Великобритания. Но при этом следует иметь в виду, что Англия – один из старейших инвесторов на континенте и расширение временного диапазона учета накопленных инвестиций вглубь во времени приводит к тому, что Британия обгоняет даже КНР.

Африканский Союз в своих документах неоднократно акцентировал важность развития экономических отношений Юг–Юг и в их рамках, прежде всего, межафриканских связей. Инвестиционный аспект выде-

* Предварительная оценка на 2019 г. рассчитывалась автором по стандартной формуле ЮНКТАД, где годовая норма дохода на вложенный капитал инвестиций является частным от деления годового дохода от прямых иностранных инвестиций за год t , на среднее значение сумм прямых иностранных инвестиций на конец года за годы t и $(t-1)$ по балансовой стоимости. Приводимая цифра рассчитана по поступившей на дату завершения статьи статистике по 17 африканским странам, на которые в сумме приходится 87% всех направляемых в Африку ПИИ (прим. авт.).

лен, наряду с торговыми отношениями, в качестве одного из фундаментальных столпов интеграционных процессов на континенте. Ожидается, ЮАР остается самым крупным инвестором в остальную часть континента (см. *табл. 1*). Её капиталы имеют широкое географическое распространение по Африке в целом, проникая в самые разнообразные секторы других африканских стран, включая арабский север региона.

Однако по объемам ПИИ в соседние страны североафриканского субрегиона лидируют Египет и Марокко, в то время как Кения и Нигерия остаются значимыми источниками ПИИ в страны Восточной и Западной Африки, соответственно. В 2019 г. южноафриканские компании запустили с нуля (*greenfield*) 10 проектов в Нигерии на общую сумму \$375 млн. Это был самый большой объем ПИИ за последние пять лет. В Кении также наблюдался резкий рост притока южноафриканского капитала в течение 2018 года, привлечшего \$190 млн, распределенных по шести проектам. С другой стороны, приток ПИИ из Южной Африки в Гану и Мозамбик в прошлом году замедлился, хотя исходная база сравнения в этих случаях относительно высока [39; 40].

Что касается географии рынков приложения ПИИ, здесь впереди других находятся Египет, ЮАР и Марокко. Представление о 15 лидирующих странах континента по притоку ПИИ в 2014–2018 гг. дает *табл. 3*.

Таблица 3. 15 ведущих импортеров ПИИ в Африке в 2014–2018 гг. (по методологии ЕУ)

Страна	Инвестиции, млрд \$	Количество проектов	Рабочие места, тыс.чел.
Египет	12	91	32
Алжир	9	18	10
Нигерия	8	65	10
Эфиопия	7	29	16
Зимбабве	6	18	6
ЮАР	5	110	12
Марокко	5	71	15
Кения	2	64	6
Кот-д'Ивуар	2	30	4
Мозамбик	2	15	1
Гана	1	30	7
Тунис	1	19	10
Танзания	1	19	3
Замбия	1	15	2
Уганда	0	17	6

Источник: [28].

С точки зрения отраслевой структуры подавляющая часть накопленных иностранных инвестиций в Африке приходится на первичный сектор экономики, главным образом на отрасли горнодобычи. Однако ситуация за несколько последних лет сильно меняется. Если брать инвестиции только в новые проекты «с нуля» (*greenfield*), то в 2019 г. в сырьевые отрасли было направлено лишь 3,7% от суммарной стоимости всех ПИИ. Больше половины новых инвестиций (53,7%) пошло в третичный сектор (в основном в строительство, инфраструктуру, транспорт, коммуникации и связь). Оставшиеся 42,6% инвестировались в обрабатывающие отрасли (среди которых лидировали нефте- и газопереработка, химическая и пищевая промышленность). В 2018 г. перечисленные показатели равнялись 35; 22,2 и 42,9%, соответственно [40, р. 29].

ВЫВОДЫ И ОЦЕНКИ

Истекшие 20 лет были периодом бурного экономического роста в Африке, сопровождавшегося динамичным ростом инвестиционной привлекательности континента. В функционировании африканских экономик иностранный капитал продолжает играть относительно бóльшую роль, чем в других крупных развивающихся регионах.

Африканские страны около тридцати лет проводят политику поощрения притока частных прямых инвестиций, что должно, по замыслам руководства этих государств, способствовать устойчивому росту и диверсификации местных экономик. В определенной степени эти надежды оправдались. Средние годовые темпы прироста ВВП стран континента в XXI в. оказались самыми высокими на длительных временных отрезках за весь период независимого развития. Кроме того, имеются определенные достижения в области диверсификации африканских экономик и модернизации производств, включая даже точечное создание (в ЮАР, Кении, Танзании) объектов и технологичных производств, качественно отвечающих требованиям 4-й промышленной революции.

Несмотря на некоторый рост конкуренции между иностранными инвесторами, африканские рынки приложения капитала всё еще далеки от насыщения и достаточно свободны, что позволяет капиталу разных стран, претендующему на расширение экономических позиций, в целом обходиться без острых столкновений с конкурентами.

Однако глобальное геостратегическое соперничество уже вносит негативные коррективы в относительно «мирное сосуществование» иностранных инвесторов в Африке и правовые рамки конкуренции между ними. Западные страны встали на путь тотального воспрепятст-

ования возможностям экономического укрепления стран, назначенных ими на роль глобальных противников, прежде всего Китая и России, но также и некоторых так называемых средних держав – Ирана, Турции, в меньшей мере Саудовской Аравии и др. Главными инструментами такой борьбы становятся, наряду с общей дестабилизацией и созданием внешних угроз, еще и огульное введение экономических «санкций» и иных мер экономической агрессии, оправдываемых специально принимаемыми для этого национальными нормативными актами, которые тем не менее наделяются ими экстерриториальным действием.

США официально провозгласили в качестве главной стратегической цели противодействие влиянию КНР и РФ в Африке во всех областях, включая инвестиционную. И хотя на данный момент непосредственных экономических противоречий на африканском континенте у Вашингтона с Москвой не имеется, «профилактическое» противодействие российскому бизнесу и его инвестиционной активности на континенте США всё равно осуществляют.

Негативные сдвиги в глобальном инвестиционном климате, происходящие из развязанной Западом тотальной санкционной и торговой войны, серьезно осложняют условия для развития стран Африки. Объективно они ведут к сужению возможностей привлечения иностранного капитала в их хозяйства и извлечения структурных преимуществ из свободного использования ПИИ в своих интересах.

Это осложняет для руководства африканских стран и без того непростой вопрос баланса выгод и потерь от привлечения иностранного капитала. Вызовы пандемии и экономического кризиса 2020 года для стран Африки дополняются побочными эффектами обострения глобальной конфронтации и волонтаристских действий, игнорирующих международное право и произвольно меняющих устоявшиеся правила международных экономических отношений. Эти изменения углубляют структурные дисбалансы в африканских экономиках, включая отраслевые перекосы в ПИИ, всё еще устремляющихся в первичный сектор, консервируют зависимость от сырьевого экспорта и ведут страны к пропасти долгового кризиса.

Перспективы улучшения ситуации, как представляется, для африканских стран сегодня более зависят от возможностей улучшения глобальной ситуации, чем от усилий национальных правительств по созданию правовых и экономических условий на внутренних рынках приложения капитала. В противном случае решающими факторами, определяющими объемы и направления притока иностранного капитала в Африку, во всё большей степени будут не интересы африканцев, а геополитические решения крупных внешних игроков.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

В настоящем издании приводится полный изначальный авторский вариант оригинального текста статьи. Существенно укороченный журнальный вариант был впервые опубликован в журнале «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право». 2020. Т. 13. № 6. С. 6–29.

1. Абрамова И. (2019). Африканский сюжет. Интервью директора Института Африки РАН И.О. Абрамовой корреспонденту «Российской газеты» И. Зубкову. *Российская газета*. Федеральный выпуск № 273(8031). <https://rg.ru/2019/12/03/pochemu-rossiia-cherez-tridcat-let-vozvrashchaetsia-v-afriku.html> (дата обращения 08.10.2020)

2. Абрамова И., Фитуни Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 12. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>

3. Андреасян, Р.Н. Экономическая независимость и иностранный капитал. М.: Знание. 1967.

4. Балацкий Е. Прямые иностранные инвестиции и внутренняя инвестиционная активность *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 11. С. 83–89.

5. Бовыкин В.И. *Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России*: Очерки. В. И. Бовыкин. (рук. проекта). М.: Росспэн, 1997.

6. Грибанич В.М. Роль иностранного капитала в развитии экономики России М.: Научная книга. 2000.

7. Гурова И.П. Факторы прямых иностранных инвестиций в России: эмпирическое исследование. *Экономическая политика*. 2019. № 6. С. 36–61. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-6-36-61

8. Ефимова В.С. Привлечение иностранного капитала: опыт развивающихся стран. М.: Фин. академия. 1999.

9. Иваненко В. Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций при вступлении России в ВТО. *Вопросы экономики*. 2003. № 10. С. 27–33.

10. Копыток В.К., Ратникова Т.А. Влияние политики инфляционного таргетирования на динамику прямых иностранных инвестиций. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 1. С. 32–65. <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204556959.html>

11. Кузнецов А.В., Квашнин Ю.Д. (2014) Количественный анализ взаимных прямых инвестиций стран СНГ и Грузии. *Евразийская экономическая интеграция*. 2014. № 1. С. 32–42. <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-analiz-vzaimnyh-pryamyh-investitsiy-stran-sng-i-gruzii> (дата обращения 08.10.2020)

12. Макарова Е.В (2007). Иностраннные инвестиции и их стимулирование в России и за рубежом. *Вестник экономики, права и социологии*. № 3. С. 22–25. <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-investitsii-i-ih-stimulirovanie-v-rossii-i-za-rubezhom-1/pdf>

13. Маматкулов И.А. (2019) Влияние прямых иностранных инвестиций на экономический рост в развивающихся странах и странах с переходной эконо-

микой: важность порогового уровня поглощающей способности страны. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2019. № 9(107). С. 13–18. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-9-13-18

14. Ольсевич, Ю.Я. Рекомендации МВФ: вариант для СССР? М.: Знание. 1991.

15. Рошин Г.Е., Калинина Л.П., Позднякова А.П. Некоторые аспекты экономической либерализации в Африке. *Ученые записки Института Африки РАН*. 1999. № 10. С. 5–91.

16. Фейгин Г.Ф. Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России. *Экономика и управление*. 2009. № 1(39). С. 28–32. <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamyie-inostrannyye-investitsii-znachenie-dlya-razvitiya-ekonomiki-rossii> (дата обращения 08.10.2020)

17. Фигуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

18. Хорбенко, Н.Г. Иностранный капитал и национальная стратегия экономического развития стран Африки. Дисс. к.э.н. М.: Ин-т Африки АН СССР. 1979.

19. Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М.: АПН. 1989.

20. Шмелев Н.П. Идеологи империализма и проблемы слаборазвитых стран. М: Соцэкгиз, 1962.

21. Шпирт А.Ю. Экспансия иностранного государственно-монополистического капитала в Африке. М.: Наука. 1966.

22. Barzel B., Liu Y.-Y., and Barabási A.-L., (2015) “Constructing minimal models for complex system dynamics”, *Nature Communications* 6, 7186. <https://doi.org/10.1038/ncomms8186>

23. Blomström, M., Lipsey, R.E. and Zejan, M. (1994). “What explains developing country growth”, *NBER Working Paper*. № 4132. <https://nber.org/papers/w4132.pdf>

24. Brooks, S. and Kurtz M. (2007). “Capital, Trade, and the Political Economies of Reform.” *American Journal of Political Science*. V. 51, № 4. P. 703–720. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00276.x>

25. Busse, M. and Groizard, J.L. (2005). “FDI, Regulations and Growth”, <https://doi.org/10.1596/1813-9450-3882>

26. Carkovic, Maria and Ross Levine (2005). Does Foreign Direct Investment Accelerate Economic Growth?, in: *Does Foreign Direct Investment Promote Development?*, Washington, DC: IIE., pp. 195–220.

27. De Gregorio, J. (1992). “Economic growth in Latin American”. *Journal of Development Economics*. № 39. Pp. 59–83. [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(92\)90057-G](https://doi.org/10.1016/0304-3878(92)90057-G)

28. EY (2019) *Attractiveness Program Africa*. September 2019. https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/attractiveness/ey-africa-attractiveness-report-2019.pdf (дата обращения 08.10.2020)

29. Hansen, H., and Rand, J., (2006). On the Causal Links Between FDI and Growth in Developing Countries. *The World Economy*. Wiley. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2006.00756.x>

30. Hanson, G. (2001). Should Countries Promote Foreign Direct Investment? *UNCTAD: G-24 Discussion Paper Series*. № 9. Geneva: UNCTAD. <https://core.ac.uk/download/pdf/7043195.pdf> (дата обращения 08.10.2020)

31. IDS (2020). International Debt Statistics. The World Bank Group. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32382/9781464814617.pdf>

32. IMF [SITE] Coordinated Direct Investment Survey. <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&sId=1410469360660> (дата обращения 08.10.2020)

33. Lancaster C., Van de Walle N. (eds) (2018). *The Oxford Handbook of the Politics of Development*. New York: OUP

34. Lensink, R., Morrissey, O. (2006). Foreign Direct Investment: Flows, Volatility, and the Impact on Growth, *Review of International Economics*, 14(3), 478–493. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2006.00632.x>

35. Liu Y.-Y., Slotine J.-J., Barabási A.-L., (2011) “Controllability of complex networks”, *Nature*. 473, P. 167–173. <https://doi.org/10.1038/nature10011>

36. Mukherjee B., Singer D. (2010). “International Institutions and Domestic Compensation: The IMF and the Politics of Capital Account Liberalization.” *American Journal of Political Science*. V. 54. № 1. P. 45–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00417.x>

37. Nyatepe-Coo, A., (1998). Foreign Direct Investment and Economic Growth in Selected LDCs, 1963–1992, *Handbook on the Globalization of the World Economy*. Pp. 87–100. Boston: Edward Elgar Publishing Inc., 1998.

38. Quinn D., Toyoda M. (2007). “Ideology and Voter Preferences as Determinants of Financial Globalization.” *American Journal of Political Science*. V. 51. № 2. P. 344–363. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00255.x>

39. WIR (2019) *World Investment Report 2019* – Special Economic Zones Geneva. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (дата обращения 08.10.2020)

40. WIR (2020). *World Investment Report 2020* – International Production Beyond the Pandemic. New York. 2020. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (дата обращения 08.10.2020)

ЭЛИТЫ И ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО В АФРИКЕ

(60 лет Декларации ООН о деколонизации)

Фитуни Л.Л. (2020)

В этом году, несмотря всю сложность ситуации с эпидемией *COVID-19*, многие страны и ряд международных организаций торжественно отметили 60-летние юбилеи «Года Африки» и принятия Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Её инициатором был Советский Союз, считавший колониальные народы своими союзниками в борьбе с империализмом.

Сегодня, в эпоху активного переписывания истории, многие склонны замалчивать активные усилия ведущих стран Запада, пытавшихся существенно замедлить процесс освобождения колониальных народов, на ограблении которых зиждилось благосостояние и образ жизни метрополий. Дело дошло до того, что представители Запада начали поговаривать об ограничении притока в ООН новых возникающих государств [1].

Об этом сегодня предпочитают не вспоминать, но 14 декабря 1960 г., когда после острых дебатов и кулуарной борьбы Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов (90 – за, 0 – против) приняла резолюцию 1514 (XV), содержащую текст Декларации, 9 стран (США, Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Португалия, Испания, Южно-Африканский Союз и Доминиканская Республика) при голосовании воздержались. Эти страны навсегда останутся в истории государствами, не поддержавшими остальной мир в вопросе деколонизации. Принятие Декларации стало крупной исторической вехой в жизни и борьбе народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, а для СССР, помимо этого, оно явилось важнейшей дипломатической победой.

«ЧЕРНАЯ ЭЛИТА» И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Сколь бы велика и значима ни была помощь и поддержка Советского Союза и других прогрессивных сил мира, достижение независимости было невозможно без первостепенной роли собственных усилий народов Африки.

В середине XX в. целенаправленную и организованную борьбу с колонизаторами возглавили лидеры национального освобождения, ставшие во многих странах отцами нации. Почти все они были пред-

ставителями африканских элит, получивших образование (разного уровня) и испытывавших сильное культурное и политическое влияние институтов и структур, созданных колонизаторами для управления покоренными народами.

В первой трети XX в., видя перспективу потери колоний, метрополии интенсифицируют усилия по формированию в Африке пусть тонкой, но надежной и влиятельной прослойки лояльных колониальных служащих и определенного числа квалифицированных кадров из местных жителей.

Если не останавливаться на отдельных более ранних очаговых исключениях, формирование относительно многочисленной африканской элиты нового типа, именовавшейся колонизаторами «цивилизованной», сильно ускорило примерно с 1920-х гг. К этому времени уже довольно значительное число африканцев работали на вспомогательных (посыльный, уборщик, носильщик) и низших штатных должностях в колониальных администрациях: учителями, почтальонами, надсмотрщиками, служили в армии, полиции или других структурах, занимавшихся вопросами местного населения.

Во французских колониях с течением времени всё большее их число включалось в систему государственной Колониальной службы Республики. В рамках британской системы «косвенного колониального управления», наряду с имперскими, для африканцев существовали параллельные «туземные» институты власти, пусть и с урезанными полномочиями – судебные, полицейские и пр. органы, имевшие дело с коренным населением, а значит, были свои судьи, «министры», учителя и т.д. С поправкой на местные особенности схожие тенденции в большей или меньшей степени были характерны для бельгийских и португальских колоний.

Кроме того, во всех колониях росло число африканцев, чье благосостояние основывалось на включенности в системы функционирования колониальных экономик и обслуживание европейских колонистов и администраций – от торговцев-перекупщиков крестьянской продукции до хозяев ресторанов и увеселительных заведений для белых. Дети этой части населения нередко получали европейское образование доступного родителям уровня. Некоторые из них учились непосредственно в метрополиях. Многие обучались грамоте и началам «европейских» наук благодаря деятельности религиозных миссий и благотворительных организаций.

Именно из среды таких более образованных и тесно контактирующих с колонизаторами африканцев и выйдут ставшие впоследствии легендами лидеры национально-освободительной борьбы, первые руководители стран континента, сбросивших колониальное иго.

Биографии лидеров африканских государств, ставших независимыми в год принятия Декларации о деколонизации или возглавивших свои страны 2–3 годами ранее, во многом схожи. За редким исключением они происходили из состоятельных или явно не бедствующих африканских семей, начинали учебу в религиозных школах. Те, кто получил высшее образование, учился в метрополиях. В дальнейшем практически все были служащими колониальных структур, во время работы в которых они оказались активно вовлечены в политику, а затем, в основном благодаря выдающимся личным лидерским качествам, оказались во главе своих стран.

Те из них, кто удержался у власти, заложили основу будущих правящих элит независимых африканских государств. Все лидеры освобождения являлись представителями образованной и национально настроенной части африканской элиты. В советское время их называли революционными демократами. И если революционности хватало даже в самых консервативных из них, то, как показало постколониальное развитие их стран, демократами их следовало именовать с большей степенью условности.

ЛИДЕРЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Большинство из лидеров, возглавивших страны в 1960 г., ввели в них однопартийные системы. Многие долго оставались у власти, покинув свои посты лишь в результате госпереворотов (см. *табл.*).

Первый военный переворот в современной истории независимых африканских государств к югу от Сахары произошел в ночь с 12 на 13 января 1963 г. в Того. Он был организован группой военных во главе с сержантом Э.Эйадема, который лично убил президента С.Олимпио. Позже (в 1967–2005 гг.) Э.Эйадема сам станет президентом страны. В 1967 г. потерпевший поражение на выборах президент Сомали А.Даар стал первым африканским лидером, мирно уступившим свой пост в рамках демократического процесса.

1960-е годы стали в Африке периодом начала государственного строительства, глубоких экономических преобразований. На этом пути при всех трудностях и противодействии неокolonизаторов были достигнуты зримые успехи, выразившиеся в умеренно высоких (3–3,5%) темпах прироста ВВП и впечатляющих достижениях в области охвата населения услугами здравоохранения и начального образования.

Последующие десятилетия ознаменовались утверждением национальной государственности для абсолютного большинства стран континента, хотя не раз отдельные из них назывались «несостоявшимися» (*failed*) или «хрупкими» (*fragile*). Но в целом это были доста-

РАЗДЕЛ 2

точно трудные годы с серьезными проблемами в экономике, ростом внешней задолженности, частыми вооруженными конфликтами и переворотами, всё более обостряющимися социальными проблемами. С нарастанием вала внутренних и внешних проблем правящие элиты постоянно сталкивались с проявлениями недовольства различных групп общества, которое стало социально более сложным и образованным.

Таблица. **Африканские лидеры, пришедшие к власти в Год Африки**

Страна	Президент / премьер министр (п-м)	Одно партийность	Покинул пост, год	Причина ухода	Лет у власти
БСК (Кот-д'Ивуар)	Уфуэ-Буањи	де-факто да	1993	умер на посту	33
Верхняя Вольта (Буркина-Фасо)	М. Ямеого	да	1966	отставка под давлением протестов	5,5
Габон	Л. Мба	нет	1967	умер от рака	7
Дагомея (Бенин)	Ю. Мага (в 1970–1972 – председатель Президентского Совета)	нет	1963; повторно у власти 1970–1972	1963 – переворот; 1972 – плановая ротация в Президентском совете	суммарно 5 лет
Камерун	А. Ахиджо	да	1982	отставка «по состоянию здоровья»	22,5
Конго (ДРК)	П. Лумумба (п-м)	нет	1960	мятеж, пленен, убит	менее 0,5
Мавритания	М. ульд Дада	да	1978	переворот	17,5
Мадагаскар	Ф. Циранана	нет	1972	отставка	12
Мали	М.Кейта	да	1968	переворот	8
Нигер	А. Диори	да.	1974	переворот	13,5
Нигерия	А. Балева (п-м)	нет	1966	переворот, убит	5
Респ. Конго	Ф. Юлу	нет	1963	переворот	3
Сенегал	Л. Сенгор	да (до 1966)	1980	отставка	19,5
Сомали	Аден Даар	нет	1967	поражение на выборах	7
Того	С. Олимпио	нет	1963	переворот, убит	3
ЦАР	Д. Дако	да	1966; повторно 1979–1981	оба раза – перевороты	суммарно ок. 8 лет
Чад	Ф. Томбалбай	да	1975	переворот, убит	14,5

Закрепившиеся во власти некогда пассионарные вожди деколонизации постепенно оказались окруженными замкнутой правящей элитой, живущей собственной, отличной от народа жизнью, пропитанной коррупцией, не желающей тратить усилия ни на что, кроме себя самой.

В чем причина такой метаморфозы? Политически ангажированные и просто поверхностные публикации зачастую сводят суть проблемы к отдельным личностям, стоящим во главе африканской страны, – «коррупцированным тиранам, диктаторам, людоедам и параноикам». Обязательный набор посвященных им «расследований» включает, подобно бендеровскому «Незаменимому пособию для сочинения юбилейных статей и табельных фельетонов» [2, с. 589], такие элементы, как тайные счета, убитые противники, секретные тюрьмы, политические заключенные, роскошные дворцы и золотые унитазы. Никого не смущает, что весь этот набор в том или ином виде или сочетаниях присутствует в самых что ни на есть ведущих демократиях мира и без особого труда применим к немалому числу их номинальных и фактических правителей.

Как представляется, куда важнее личностных характеристик те реалии, в которых формируются и существуют африканские элиты. Начиная с 1960–1970-х гг. доступ к образованию в африканских странах расширился. Росло число претендентов на чиновничьи должности. Одновременно происходил численный рост и дифференциация внутри элиты. Более четкими стали контуры её отдельных отрядов: политической, военной, деловой, культурной элит. При этом, естественно, жестких границ между последними не существовало, тем более что порой одно и то же лицо соединяло в себе все четыре качества.

При численном росте претендентов на более высокие позиции в обществе большой проблемой для омоложения элит и даже простых кадровых ротаций становятся демографические и социальные особенности современной Африки. Число людей, претендующих на попадание в привилегированные слои общества, быстро растет из-за высоких темпов рождаемости, большой доли молодежи в общем составе населения и успехов в реализации целей устойчивого развития, включая доступность и качество образования, гендерное равенство, физическую и социальную мобильность и т.д.

Достижения в увеличении продолжительности жизни, медицине и поддержании здоровья объективно содействуют сохранению активного долголетия действующих представителей элит. Так, в Камеруне, обретшем независимость в Год Африки, за последующие 60 лет президент менялся только один раз – в 1982 г. Тем не менее на протяжении этого периода, в сравнении с другими странами Субсахарской Африки, республика показывала неплохие темпы экономического роста и политиче-

скую стабильность, столь неожиданную в чрезвычайно сложных объективных условиях её развития (различия между мусульманским севером и христианским югом, франко- и англофонными частями страны, инфильтрация банд «Боко Харам» из соседней Нигерии и т.д.).

В то же время следует помнить, что африканские элиты никогда не были тотально вестернизированными. Даже в области образования и квалификационного формирования национальных элит большое влияние сохраняют традиционалистские подходы и нормы. Жесткая дихотомия «современность/традиционность» не годится для анализа элит Африки. В жизни их реальная легитимность, какой бы она ни была, в основе своей проистекает из их способности кормить ту базу/клиентуру (клановую, родоплеменную, этническую, религиозную, классовую и т.п.), на которой зиждется их власть.

И в этом еще одна причина, по которой политическим элитам Африки бывает крайне сложно добиться всеобщей, универсальной электоральной базы и легитимности. Эта же черта делает африканские политические системы уязвимыми для внешних воздействий или манипулятивных влияний. Последние могут осуществляться как через подрыв позиций правящей верхушки и создания угроз благосостоянию политических элит, так и через «конструктивное сотрудничество» с ними путем обеспечения устойчивости их положения в шатких и угрожаемых ситуациях. Во многих случаях внешнее воздействие реализуется посредством введения внешними игроками санкций против либо отдельных лиц, либо широких слоев элит, либо страны в целом.

В условиях, когда широкая общенациональная поддержка для примерно равновесных соперничающих групп элит невозможна, более вероятно выдвижение на передний план конкретных лидеров – одного или нескольких, формальных и неформальных. В обоих случаях возможна их иерархическая (руководящий совет и подчиненные им «группенфюреры») или сетевая организация, которую на начальных этапах функционирования ошибочно называют «безлидерной технологией». При этом, по крайней мере в Африке, смена лидера в большинстве случаев кардинальным образом существующих в стране проблем не решает. Опыт показывает, что порой ситуация становится только хуже.

ЛИДЕРЫ «ПРОТИВ» ЭЛИТЫ

Говоря о лидерстве, приходится констатировать, что в общем корпусе западной политической литературы, анализирующей тренды и особенности развития «недемократических» стран – постсоветских и развивающихся, включая и африканские, заметен, в общем-то, и

нескрываемый перекос в сторону персонификации причин и оснований для тех или иных явлений социально-экономической жизни.

Виновниками снижения жизненного уровня, инфляции, коррупции, репрессий, разработки оружия и распространения болезней называются конкретные государственные лидеры. Однако подобная увязка весьма избирательна и не применяется ко всем странам одинаково. Те же самые явления на Западе, как правило, трактуются как объективные процессы, проистекающие из складывающегося комплекса внешних и внутренних причин.

Логическим следствием тренда к персонификации стала нездоровая увлеченность концептом лидерства как важным инструментом социального конструирования и управления общественным развитием. В этой связи выделение из среды элит лидеров в качестве узлового звена трансляции внешнего воздействия имеет огромные социально-политические последствия, поскольку превращается в осмысленную «политику лидерства».

На рубеже XX и XXI вв. в условиях победного шествия глобализации и глобального управления начался целенаправленный перевод политического развития в сторону разрушения суверенитета наций и передачи ряда контрольных функций наднациональным структурам, формирование которых не осуществляется демократическим и прозрачным способом. Этот процесс предполагает разрушение старых системообразующих организационных начал. Ломаются ключевые идентификаторы национальной государственности: легко меняются границы и внешние атрибуты прежней национальной государственности (флаг, герб, символика), внутри стран перетасовываются социальные структуры и стратификация обществ, делегитимизируются элиты.

Политическое лидерство в этих условиях является удобным инструментом для аргументации в пользу социально-экономического трансформирования («плохой засидевшийся лидер») и в пользу конкретных новых акторов («честные новые лица»). В этих условиях новизна сама по себе становится меритократической характеристикой. Еще ничего не сделавший новый лидер хорош уже в силу того, что он *новый*, и его удалось привести к власти.

Этот момент характерен не только для Африки. Ярким примером может служить присуждение в 2009 г. впервые избранному и на тот момент даже не прошедшему инаугурации новому президенту США Б.Обаме Нобелевской премии мира. Эта манипуляция сразу перевела пока ничего не сделавшего новоиспеченного победителя на выборах из дебютантов в международных делах в когорту получивших признание «выдающихся лидеров мировой политики».

ЛИДЕРСТВО КАК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЯ

Политика лидерства рассматривается как инструмент обновления старых элит и управления ими. Практика многих африканских стран показала, что такие орудия давления, как таргетированные санкции Запада и другие регуляторные инструменты, постепенно становятся менее эффективными и не приводят к ожидаемо быстрым изменениям курса правящих властей. В условиях многополярности у африканских властей вновь, как и в годы Холодной войны, появляется больше простора для маневрирования между соперничающими державами, а эффект от односторонних санкций резко снижается, хотя и не исчезает вовсе.

В современной реинкарнации колониальной политики возвращающих лояльных «черных элит» действующую власть в таргетируемых африканских странах пытаются сменить на «лидеров, воспитанных по-новому, имеющих современные взгляды и лучше понимающих реальные проблемы страны» [3, р. 2]. Этим лидерам отводится роль консервного ножа, вспарывающего металлическую упаковку законсервированного продукта. Такой инструмент должен иметь правильную форму, степень жесткости и остроту. Важная роль в этой связи отводится «затачиванию» новых лидеров под заданные цели.

В Африке, но чаще за рубежом для африканской молодежи создаются школы лидерства, проводятся семинары, тренинги. Зачастую такие воспитательно-образовательные структуры не выносят политические задачи в анонсы своего целеполагания, а подводят к ним исподволь в ходе занятий. Номинально же они позиционируются как курсы совершенствования языковой подготовки, лагеря экологов, семинары журналистского мастерства, чемпионаты компьютерщиков. Их глубинную связь, однако, выдает почти неизменная добавка – «школа (программа, курсы) лидеров». США, страны ЕС, Великобритания тратят на них значительные государственные средства, ассигнуемые либо напрямую, либо через общественные/неправительственные организации-прокладки. Во всех них политическая индоктринация – иногда открытая, порой завуалированная – является неотъемлемой частью.

Например, в США программы лидерства входят в зону ответственности Госдепартамента, где ими занимается Бюро по делам в области образования и культуры. В рамках последнего существует специальное Подразделение молодежных программ (*Youth Programs Division*), задача которого – «соединить с американцами нынешних и возникающих лидеров из зарубежных стран с тем, чтобы создать прочные связи и сети, обеспечивающие безопасность и процветание Соединенных

Штатов, а для иностранных визитеров открывающие новые перспективы».

В 2019 г. в рамках публичной дипломатии Госдеп осуществлял 90 программ обмена, в которых участвовали 55 тыс. человек, «некоторые из которых с большой вероятностью станут или являются уже сейчас политическими и экономическими лидерами» [3, р. 2]. К началу 2019 г. за все время существования программ лидерства (с 1949 г.) 589 их выпускников стали главами государств или правительств в различных странах мира, более 1800 чел. в своих странах занимали или занимают сейчас пост министра. Из аккредитованных ныне в США послов иностранных государств 26 – выпускники американских программ обменов [3, р. 36].

Финансируемая США Инициатива «Молодые африканские лидеры» (*YALI*) ориентирована на вовлечение и поддержку «поднимающегося поколения лидеров гражданского общества, госслужбы и бизнеса. Главной адресной аудиторией в Африке являются молодежь, женщины, представители выборных органов, предприниматели, работники традиционных и социальных СМИ, учителя, ученые, а также мозговые центры (*think-tanks*) и члены маргинализированных групп» [3, р. 57].

Программы подготовки лидеров для Африки имеют все бывшие колониальные метрополии. В итальянском Милане работает *Emerging African Innovation Leaders Programme* [6]. В 2018 г. Британский Совет запустил на континенте молодежную программу «*English Connects*» – инновационный инструмент «мягкой силы», цель которого – «с помощью английского языка связать с Великобританией 2,5 млн молодых африканцев и будущих лидеров» из Кот-д’Ивуара, Мали, Сенегала, Анголы, Камеруна, Джибути, Габона, Гвинеи (Конакри), ДРК, Нигера [4, р. 27]. Париж ведет «Программу молодых франко-африканских лидеров 2020 г.» для лиц от 28 до 40 лет [5].

Часть выпускников таких программ и школ со временем вливаются у себя на родине в ряды национальных политических элит, другие становятся неформальными лидерами и предпочитают путь оппозиционирования и противодействия существующей власти. Особенностью нашего времени является превращение неформальных лидеров в контрэлиту – особую узкую прослойку общества, объединенную сходными групповыми интересами и занимающую, несмотря на нелояльность к властям, определенное и по-своему привилегированное место в социальной иерархии.

Неформальные лидеры в большинстве случаев радикально настроены по отношению к существующим формально демократическим институтам общества и власти. Они целеустремленно пытаются встать на место руководства, нередко дезорганизуя стандартные демократи-

ческие процессы, такие как выборы, не принимая никаких иных результатов, кроме собственной победы.

В Африке только за период с 2000 г. проигравшей стороной, ссылавшейся на имевшие место подтасовки и манипуляции, не были признаны результаты президентских выборов в Алжире (2009, 2014), Бурунди (2015), Габоне (2016), Джибути (2016), Замбии (2015), Камеруне (2004, 2011, 2018), Кот-д'Ивуаре (2010), Мавритании (2014), Республике Конго (2016), Руанде (2003, 2010, 2017), Того, (2015), Чаде (2016), Экваториальной Гвинее (2009, 2016). И всеобщих (парламентских) выборов – в Бурунди (2015), Гвинее (2013), ДРК (2018), Замбии (2016), Зимбабве (2008, 2013), Кении (2007, 2013) Кот-д'Ивуаре (2011), Ливии (2014), Маврикий (2019) Мавритании (2013), Малави (2014, 2019), Нигерии (2007), Танзании (2015), Судане (2015), Уганде (2006, 2011, 2016), Эфиопии (2005, 2010, 2015)*.

СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ?

Африканский Союз и другие панафриканские организации не остались в стороне от модного глобального тренда к признанию возрастающей направляющей, спланивающей и руководящей роли лидеров (речь не только об индивидуумах, но и о группах лиц, объединенных общей целью) в достижении желаемых результатов.

Вызов со стороны неформальных лидеров подталкивает властную политическую элиту совершенствовать свои лидерские качества и активней браться за насущные проблемы. Это понимание ныне распространилось на властные элиты всех членов АС. Коллективные решения участников всеафриканских саммитов требуют от руководства стран континента лидерства в преобразовании африканских обществ. Это не абстрактный призыв, а программное требование, причем сформулированное достаточно конкретно и технологично (на наш взгляд, даже излишне политтехнологично, но недостаточно научно обоснованно).

Главный программный документ АС «Повестка 2063» провозглашает в качестве одной из 20 фундаментальных целей развития Африки «утверждение на континенте дееспособных институтов и трансформационного лидерства» (ТЛ).

Несмотря на наличие в России глубоких исследований по политическому лидерству в Африке [см.: 7; 8; 9], ТЛ как институционально важный аспект, избранный АС в качестве ключа к решению фундаментальных проблем континента, оставалось вне зоны внимания.

* Подсчитано автором.

Под ТЛ в документах АС понимается лидерство, которое приводит к позитивным радикальным изменениям. Панафриканские структуры исходят из того, что именно оно будет способствовать повсеместному и очевидному улучшению жизни людей, что выразится в росте доходов, увеличении продолжительности жизни, всеобъемлющих системах социальной защиты и всеобщем доступе к базовым услугам [10, p. v].

Термином «трансформационное лидерство» в социальной психологии обозначают одну из моделей общественного влияния, при которой лидер, вдохновляя своим примером других членов группы (сообщества), обретает их поддержку и побуждает к увеличению усилий для достижения цели.

Методики трансформационного лидерства широко используются в организационном менеджменте и бизнесе, хотя, строго говоря, объективно измерить их эффективность сложно. Считается, что ТЛ усиливает мотивацию, поднимает моральный дух и увеличивает производительность. Однако вычленить во всех этих положительных моментах вклад именно ТЛ, отделив его от множества других факторов человеческих и производственных отношений, вряд ли возможно – в первую очередь, в силу субъективности самой оценки роли трансформационного лидерства (измеряется путем т.н. мультифакторных опросов).

Скорее всего, упор именно на этот, а не какой-то другой тип лидерства (например, на т.н. *транзакционное*) в документах Африканского Союза – следствие влияния «прогрессистских» подходов, а может быть, личных предпочтений экспертов и советников из различных международных организаций, институтов глобального управления и западных аналитических центров, которые внесли большой вклад в разработку подготовительных и обосновывающих материалов (*background notes*), прежде чем Ассамблея АС приняла «Повестку 2063».

Афросоюз подчеркивает важность «разработки и убедительного донесения до аудитории программы успеха» в отдаленном будущем, создания разнообразных вспомогательных институтов и получения скорых видимых результатов для стимулирования объектов трансформирования. Кроме того, сами лидеры должны вдохновлять и мобилизовать население, использовать лучшие технические возможности для осуществления программы преобразований и формировать политические коалиции, необходимые для обеспечения устойчивого развития. ТЛ планируется реализовать «во всех областях и на всех уровнях: в политике, бизнесе, промышленности, науке, религии, вождестве, культуре, здравоохранении и других» [11, p. 139].

Конкретно план первого десятилетия реализации «Повестки 2063» предусматривает достижение следующих показателей как мерил осуществления трансформационного лидерства:

«На национальном уровне –

1. По меньшей мере 70% населения будут считать, что государственная служба является профессиональной, эффективной, отзывчивой, подотчетной, беспристрастной и свободной от коррупции.

2. По меньшей мере 70% населения признают актуальность и хорошее функционирование законодательной власти как ключевого компонента демократии.

На общеконтинентальном уровне –

1. По меньшей мере 70% государств-членов на деле придерживаются положений Африканской хартии ценностей и принципов государственного управления.

2. По меньшей мере 70% государств-членов осуществляют Конвенцию АС о предупреждении коррупции и борьбе с ней» [11, р. 76].

На наш взгляд, постановка разработчиками таких контрольных показателей свидетельствует в значительной степени о неясном характере самой конечной цели. Заданные результаты должны быть достигнуты к концу 2023 г.

Кто и как будет их измерять? Выборочные опросы общественного мнения слишком ненадежный и легко манипулируемый инструмент. Да и сами индикаторы выглядят крайне завышенными даже для развитых государств с налаженной системой функционирования чиновничьего аппарата и служб.

Наше мнение подтверждается данными текущего мониторинга выполнения установок и целей «Повестки 2063». Вышедший в начале 2020 г. Первый доклад о реализации целей первого десятилетия «Повестки» констатирует, что государства-члены Афросоюза прилагали усилия по укреплению институтов и совершенствованию руководства с целью сделать государственные службы более профессиональными, эффективными, подотчетными, беспристрастными и свободными от коррупции. Однако, согласно разработанным АС методикам количественной оценки эффективности этой работы, общая совокупная оценка результативности всей этой деятельности в 2019 году составила лишь 4% от целевого значения. Из 20 контролируемых целевых показателей «Повестки 2063» этот результат по степени успешности выполнения находится на предпоследнем месте (хуже дела обстоят только с повышением продуктивности сельского хозяйства, где уровень выполнения – 2%) [12, pp. 17, 23].

Сам замер этого показателя оказался трудновыполнимым и свелся в конечном итоге к оценкам (тоже довольно субъективным) частоты коррупционных проявлений при контактах с чиновниками. Путем опросов замерялась доля лиц, имевших хотя бы один контакт с государственным должностным лицом и дававших взятку государственному

должностному лицу или получавших от этих государственных должностных лиц взятку в течение предыдущих 12 месяцев.

В ряде стран имел место резкий рост показателя. Так, в Буркина-Фасо он возрос с 38% до 41%. Но были и исключения: например, в Бенине эта доля снизилась с 4,3% до 2,5%, а в Гане – с 31,6% до 29,9%. Снижение также наблюдалось и в Руанде – с 81,9% до 75,5%.

Однако итоги все равно хуже принятых на 2019 г. страновых целевых показателей. Чрезвычайно сильный (на порядок) разброс переменных у соседних стран, населенных одними и теми же или близкородственными народами, также заставляет усомниться в достоверности измерений [12, р. 17].

В конечном итоге весь мониторинг свелся к подсчету случаев взяточничества. Данных, касающихся более фундаментальных вопросов (удовлетворенность работой законодательной власти, выполнение общеафриканских задач) не приводится вовсе.

На наш взгляд, это косвенно свидетельствует о переоцененности трансформационного лидерства как реальной цели, инструмента или мерила успеха. Не списывая со счетов важность личного примера и способности воодушевить и увлечь за собой массы, напомним, что и то и другое – лишь субъективные факторы, способные несколько ускорить или задержать социальные, экономические и политические трансформации, своевременность и успешность которых определяется объективными причинами и условиями.

Не только в Африке, но и во многих других регионах мира надуманные характеристики и количественные показатели принудительно провозглашаются в качестве мерила успеха на критически важных для страны направлениях. На деле они – лишь вторичный внешний атрибут, мало влияющий на содержательную сторону вопроса и реальные нужды. На обеспечение искусственно назначенных «критическими» показателей направляется внимание широких масс людей, затрачиваются немалые усилия, которые, возможно, полезней было бы направить на более насущные задачи, но требуемые качественные результаты так и остаются не достигнутыми. Воистину: «движение все, конечная цель – ничто!» И это не только африканская реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Статья была впервые опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня». 2020. № 12. С. 7–14.

1. Правда, 24.09.1960. С. 2.
2. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1956. 656 с.

3. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2019 comprehensive annual report on public diplomacy & international broadcasting: Focus on FY 2018 budget data. Washington, DC. 2019. 266 p.

4. HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. 3d Annual Report. July 2019. London. 59 p.

5. Programme des jeunes leaders franco-africains 2020 pour les jeunes africains. <https://opportunitiesforafricans.com/french-african-young-leaders-program-2020/> (accessed 20.09.2020)

6. Fully-funded program for African Leaders in Milan, Italy. <https://marj3.com/en/fully-funded-program-for-african-leaders-in-milan-italy.html> (accessed 20.09.2020)

7. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М., ИАФР РАН, 2016. 596 с.

8. Прокопенко Л.Я. Имидж политических лидеров и партий в избирательных кампаниях. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2(33). С. 10–34.

9. Прокопенко Л.Я. Молодое поколение лидеров в контексте ротации политических элит. *Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки*. М., 2019. С. 203–227.

10. ACBF Africa Capacity Report 2019. Harare. 2019. 276 p.

11. AU Agenda 2063. First 10 Years Implementation Plan 2014–2023. Addis Ababa. 2015. https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-11_an_over-view_of_agenda.pdf (accessed 20.09.2020)

12. First Continental Report on the Implementation of Agenda 2063. https://au.int/sites/default/files/documents/38060-doc-agenda_2063_implementation_report_en_web_version.pdf (accessed 20.09.2020)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Фитуни Л.Л. (2019)

В последние годы власти ряда стран Азии и Африки столкнулись с проблемой существенного усиления антиправительственной политической активности, внешне имеющей вид случайных стихийных выступлений. Озвучиваемые поводы недовольства протестующих властью разнообразны: решение не проводить выборы или, наоборот, назначить досрочное голосование, повышение цен, изменение законодательства, выдвижение старых кандидатур на новый срок или попытка досрочно отойти от власти, расчистив тем самым дорогу своему преемнику и т.п.

Среди получивших в 2018/19 г. наибольшее освещение в СМИ и электронных медиа резонансных политических выступлений можно выделить: протесты в Гонконге (формально – по поводу нового законопроекта о выдаче беглых преступников в другие юрисдикции); попытки повторить в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки события «арабской весны», объединенные западными массмедиа под названием «малая арабская весна»; отстранение от власти многолетних авторитарных правителей (по сути – смена режимов) в Зимбабве, Алжире и Судане.

Эти и другие акции «политического активизма», связанные с реальными проблемами афро-азиатских стран, обрели громкое звучание и приняли нынешний размах во многом благодаря грамотно налаженным их интересантами *стратегическим коммуникациям* – комплексу мер по диалоговому информационному воздействию на целевые аудитории. Часть мероприятий была непосредственно инициирована, организована или поддержана национальными и международными СМИ, электронными медиа и социальными сетями. Модель их влияния имеет несколько измерений. Помимо упомянутых международного (глобального) и национального уровней, особо следует выделить их мощь в пределах *определенных цивилизационно-культурных ареалов*, которые чаще носят трансграничный характер, но могут находиться на территории одного государства, особенно если речь идет о крупных и полиэтничных странах.

МОЗАИКА МЕДИЙНОГО АКТИВИЗМА

В наши дни влияние системы медиа на политически активную часть населения во всем мире достигло чрезвычайно высокой, если не определяющей степени.

В 2018 г. в Ираке социальные медиа руководили организацией и мобилизовали внешнюю поддержку многочисленных выступлений возмущенных беспомощностью властей, затем подогрели гнев и недовольство сторонников как проигравших, так и победивших кандидатов на выборах в парламент. В том же году в Иордании с социальных сетей и электронных СМИ началась агитация и синхронизировалось проведение всеобщей стачки против нового налогового законопроекта, сопровождавшейся ночными выступлениями активистов и беспорядками в священный месяц Рамадан.

В январе 2018 г. почти синхронно прошли протесты против безработицы и экономических проблем в Тунисе и Иране. Видео протестов в Иране были широко растиражированы западными СМИ и долго прокручивались по основным каналам телевидения и через интернет. Сопредававшие по характеру причин и требований протестующих массовые выступления в Тунисе, всё еще умильно презентуемом в ЕС в качестве успешного примера политических результатов «арабской весны», удостоились лишь мимолетного упоминания.

Западные медиа не захотели бросить тень на «успех» тунисской демократии даже в связи с самоподжогом журналиста А.Зорги в знак протеста против безработицы, нищеты и коррупции властей. В декабре 2018 г. в попытке добиться того же эффекта, что и его соотечественник Буазизи, чей самоподжог в 2010 г. стал сигналом к началу «арабской весны», А. Зорги разместил на хостинге *YouTube* в интернете видеообращение с политическим воззванием, заканчивавшимся словами: «во имя нашего народа, лишенного средств к существованию, сегодня я начинаю революцию» [1]. Его смерть вывела на улицы родного Кассерина 76-тысячную демонстрацию протеста, закончившуюся беспорядками и силовыми столкновениями с полицией. Однако массового возмущения и поддержки соцсетей и международных СМИ, как при запуске «арабской весны», на сей раз не последовало. Электронные сети проявили необъяснимую сдержанность.

В феврале 2019 г. в социальных сетях Палестинской Газы начались экономические протесты под лозунгом «Мы хотим жить». Они были инициированы через сети лицами, именовавшими себя «медийными неполитическими активистами СМИ», объединенными в никому до этого неизвестную «Группу 14 марта». Несмотря на анонсированную «аполитичность», агитация была направлена против правящего в этой части палестинского государства движения ХАМАС. Организационная активность проистекала и велась исключительно через телеграмм-каналы и местные чаты и привела к самым масштабным выступлениям против ХАМАС со времени его прихода к власти в секторе в 2007 г. Часть выступлений пришлось усмирять силой палестинской

полицейской. В западных и израильских СМИ несколько правозащитных организаций и политических группировок осудили «нападения сил безопасности ХАМАС на протестующих».

Медиа дозированно поддерживают огонь протестов в Египте. Поскольку после ущерба, нанесенного «арабской весной», сравнимую по масштабам протестную волну местной оппозиции и внешним спонсорам повторно поднять в стране не удастся, избрана тактика в стиле древнекитайской казни «тысячи мелких порезов». Антиправительственные силы и их внешние покровители стимулируют небольшие множественные протестные акции по любому появившемуся поводу: от поддержки исламистских движений до защиты прав сексуальных меньшинств. Эти акции и ответная реакция правительства получают широкое освещение в арабоязычных СМИ некоторых стран Персидского залива, социальных сетях и западных медиа. Жесткая позиция и быстрая реакция египетских властей пока не дают количеству протестных выступлений перейти в фатальное качество.

Тем не менее в самом начале 2019 г. в Египте состоялся ряд демонстраций и протестных выступлений и беспорядков, организованных исламистскими политическими силами. При их пресечении были задержаны или арестованы несколько десятков человек, в т.ч. 35 из них были впоследствии обвинены в принадлежности к террористической организации. Вскоре после этого вспыхнули «стихийные» протесты и беспорядки по поводу гибели в феврале 20 человек на станции «Рамсес» каирского метро в результате аварии и вспыхнувшего там пожара. Английские службы мониторинга интернета зафиксировали синхронный взлет активности социальных медиа в дни «стихийных протестов». Форумы и чаты мгновенно наполнились обвинениями в преступной халатности правительства и в небрежении безопасностью граждан.

Как только начало ослабевать агитационно-протестное бурление в египетском сегменте интернета по поводу пожара, западные СМИ начали шумную кампанию о нарушении прав сексуальных меньшинств в Египте. Теперь она была привязана к намечавшимся судебным процессам над Хоссамом Ахмедом и Маляк аль-Кашеф, которых власти арестовали по обвинению в «членстве в запрещенных организациях и использовании социальных сетей для подрыва общественного порядка». Западные СМИ упирали на нарушение властями прав трансгендеров, поскольку оба фигуранта, прежде чем стать состоящими в запрещенных структурах женщиной и мужчиной, были, соответственно, мужчиной и женщиной. Оппозиционные и западные СМИ, прежде всего электронные, выразили возмущение тем, что бывшая до операции мужчиной Ахмед был(а) заключен(а) в женскую тюрьму, «где подверглась домогательствам и агрессивному

преследованию со стороны сокамерниц», а бывшая женщина аль-Кашеф не была направлена в мужскую тюрьму, а находится в одиночном заключении. Правозащитные организации требовали, чтобы тюремные власти обеспечили блогерам-трансгендерам необходимую обоим для пребывания в их новом гендерном состоянии гормональную терапию [2].

После недолгой паузы в сентябре 2019 г. ведущие западные СМИ и расквартированный в Катаре медиагигант «аль-Джазира» шумно живописали протестные выступления против «коррупции президента ас-Сиси». Вновь действия были запущены и координировались через социальные сети и, скорее всего, были пробным шаром, который понадобился для раскрутки имени нового интернет-лидера оппозиции – Мухаммеда Али, живущего в добровольной ссылке в Испании. Он на протяжении 15 лет был подрядчиком министерства обороны и, по его словам, «видел всё изнутри», но, по странному совпадению, был вынужден бежать из страны, когда режим начал расследования злоупотреблений с бюджетными деньгами.

Российским наблюдателям может показаться подозрительно знакомой медийная типологическая схема появления самого персонажа, его обвинительных материалов и призывов: 43-летний египетский клон российского 43-летнего борца с коррупцией (их фото сходны до степени смешения) разместил на *YouTube* видеоролик о якобы строительстве президентом для себя роскошных дворцов под видом государственных резиденций. На этом основании он именуется ас-Сиси и его антураж жуликами и ворами. Ролик заканчивается призывами к египтянам выходить на протест, требованиями отстранения президента от власти и суда над коррупционером. Сам ас-Сиси публично назвал все обвинения клеветой.

По признанию западных СМИ, известных своей склонностью к преувеличению масштабов «продемократических протестов», на призыв выйти на улицу по всей стране откликнулось несколько сотен египтян в Каире, Александрии и еще 4 населенных пунктах. Полиция арестовала около 30 участников. Видеокадры, снятые в столице, прокрученные по каналам *BBC*, *ITV* и *al-Jazeera*, показывали скопление в несколько десятков человек, часть из которых, видимо, были представителями СМИ. Интернет-ресурс *Middle East Eye*, мониторящий, глядя из Англии, арабоязычную блогосферу и предусмотрительно ограничивающий на своем сайте правовую ответственность упреждающей надписью «*Only England And Wales jurisdiction apply in all legal matters*»^{*},

^{*} «По всем правовым вопросам применимы только юрисдикции Англии и Уэльса» (см. <https://www.middleeasteye.net/contact>).

писал, что утром 20 сентября 2019 г. «хэштэг (#Tahrir Square) был одним из самых популярных трендов Твиттера в мире» [10]. При этом другой базирующийся в Англии медиаресурс «аль-Араби» (он же *The New Arab*) сетовал на то, что СМИ Саудовской Аравии и ОАЭ проигнорировали эти события [11].

За период с июля 2017 по июль 2019 г. в 24 из полусотни стран Африки имели место организованные протестные политические выступления, которые можно квалифицировать как антиправительственные. В это число не входят такие акции, как забастовки из-за конфликтов с хозяевами предприятий по поводу уровня оплаты и условий труда и т.п. Имели место крупные по масштабам каждой из стран политические протестные акции в Судане, Алжире, Зимбабве, ДРК, Того, Анголе, Бенине, Республике Коморских о-вов, Нигерии, Танзании, Камеруне. Чаще всего они возникали на почве недовольства итогами или условиями голосований различного уровня, требований политических реформ, отстранения от власти чиновников различного уровня (от мэрии до главы государства) и абсолютно все включали рефреном борьбу с коррупцией.

Не стихают беспорядки в Гонконге, где протестующие выдвигают всё возрастающие политические требования к властям. Несмотря на крайне терпеливую и сдержанную реакцию администрации Гонконга и центральных властей в Пекине, демонстративно воздерживающихся от силовых акций, местная и западная блогосфера и комментарии ведущих западных СМИ целенаправленно зомбируют аудиторию рассуждениями о неотвратимом военном вторжении с материка и силовом подавлении восстания. Полностью извращена суть первопричины «восстания» – внесенного властями законопроекта об экстрадиции «беглых» (в англ. оригинале – *fugitives*) преступников и лиц, совершивших преступление в иных юрисдикциях и скрывающихся в Гонконге.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРОТЕСТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Несмотря на наличие бесспорных различий между перечисленными протестными выступлениями, можно выделить ряд фундаментальных характеристик их поведенческой общности и стандартность набора технологий управления ими.

Обращает на себя внимание, что перечисленные случаи, за редким исключением, не были «голодным бунтом» обездоленных. Более того, тот факт, что значительное число протестов организуется и оперативно управляется через электронные сети и смартфоны, свидетельствует о наличии у их участников определенного уровня достатка.

Конечно, в странах Африки и Азии существует множество объективных причин и условий и для протестов, и для массовых беспорядков, проистекающих из укоренившихся веками межконфессиональных, межэтнических или межклановых отношений, связанных с кричащим неравенством и массовой нищетой и безысходностью.

Однако и в этих случаях в современном государстве, даже обремененном проблемами традиционного прошлого или колониального разделения этносов, указанные протесты или беспорядки всё равно приобретают политическое звучание и представляют внутренним и внешним силам удобный повод для вмешательства или манипулирования конфликтом.

У интернационализации последствий внутренних беспорядков есть своя логика и последовательность, в которой информационно-медийной системе принадлежит ключевая роль. Степень и характер международной вовлеченности в проблему напрямую зависят от того, сколько внимания она уделит данному вопросу. Например, длившиеся неделю в сентябре 2019 г. массовые беспорядки на почве ксенофобии и национализма в Йоханнесбурге (ЮАР), возникшие в связи с погромами бизнесов и разграблением магазинов и складов, принадлежавших неюжноафриканцам, и приведшие к гибели людей, вызвавшие ответные погромы южноафриканских бизнесов в Нигерии, получили в мировых СМИ и интернете лишь мимолетное освещение информационного характера. Несмотря на попытки отдельных южноафриканских НКО политизировать выступления, обвиняя в их возникновении «ксенофобный популизм» президента С. Рамафосы, короля зулусов Г. Зелинтхيني и мэра Йоханнесбурга Г. Машабу [3], сообщения практически не вызвали интереса в западной либеральной блогосфере. Информационная политизация беспорядков лишь силами местных НКО не удалась.

Несмотря на фактическую интернационализацию конфликта (ответные погромы в Нигерии и Замбии, отказ Замбии в этих условиях проводить в Лусаке запланированный футбольный матч с командой ЮАР, отказ в знак протеста нигерийского президента Бухари от участия в экономическом форуме в ЮАР и даже предложение [4] правящей в Нигерии партии «Всеобщий прогрессивный конгресс» в качестве ответной меры национализировать ряд южноафриканских предприятий в стране) [5], интернационализации медийного освещения проблемы в ключевых мировых СМИ и мобилизации общественного мнения не последовало. Видимо, в настоящее время оно не представляет интереса для владельцев системы глобального медиаконтроля.

Во многих случаях протесты действительно проистекают из катастрофического или просто плохого экономического положения в стране, но главным их лейтмотивом всё равно было не осуществление опреде-

ленного набора мероприятий по улучшению положения (конструктивная программа), а передача власти в руки команды оппозиционеров, у которой медиа уже сформировали имидж «антикоррупционной». При упоминании в западных СМИ практически *все* имена оппозиционных лидеров в унисон сопровождалось уточняющим определением «борец с коррупцией».

Говоря о роли медиа в генерировании и структурировании протеста с методологической стороны, следует четко различать два взаимосвязанных, но тем не менее типологически разных аспекта.

На «примитивном», утилитарном уровне медиа выступают в качестве технологии организации и физического управления протестом. Через них идут агитация и прямые указания в социальных сетях, вещании определенных телеканалов, чатах и т.п. сообщения о проведении мероприятия, его дате, времени, местах сбора, маршрутах движения, возможных опасностях для активистов, связанных с перемещениями полиции, и т.п.

На более «сложном» уровне медиа берут на себя функции формирования мировоззрения, вживления ценностных установок, трактовок и интерпретаций, очерчивания границ допустимого и недопустимого.

Промежуточное место между утилитарным и высоким уровнями занимает особая функция – пропагандистского сопровождения, по сути, поддержки и стимулирования акций протеста через СМИ. Это с формальной точки зрения – «примитивная» технология лобового участия в протесте на стороне одной из сторон. Однако содержательно это элемент достаточно сложной, более широкой тактической операции по мобилизации, как правило, международного общественного мнения в целях связывания рук властям, удержания их от решительных мер, которые могут загасить протест в зародыше. При любых обстоятельствах учет властями возможной негативной реакции международных медиа, а за ними и правительств зарубежных стран, работает на протестующих и на силы, реально стоящие за актом дестабилизации.

Наиболее тяжелым последствием реализации таких технологий для страны, как особо ярко показывает пример Украины, становится гражданская война, влекущая массовые человеческие жертвы, развал экономики и последующий многолетний раскол и разлад в обществе, социальные брожения и т.д.

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО

Несмотря на то, что понимание принципиально важной роли медиа в реализации деструктивных протестных сценариев в современ-

ном информационно-насыщенном и «цифровизированном» мире резко возрастает, в политическом дискурсе всё еще распространена недооценка организующей и направляющей роли медиа как инструмента управления протестом. Её принижение объясняют тем, что в основе протестов действительно лежат объективные причины. Из этого, несмотря на обилие общеизвестных примеров обратного, делается часто ошибочный вывод, что происходящие выступления, не являясь результатом действий внешних сил, возникают, множатся, организуются, финансируются, получают экспертно-консультационную и техническую помощь и поддержку на долгосрочной и возобновляемой основе исключительно в силу наличия в стране объективных условий.

В утверждениях подобного рода присутствует явная логическая ошибка, которая заставляет нас вновь повторить несколько базисных тезисов, которые мы излагали в предыдущих исследованиях об управлении протестной массой [6; 7; 8].

Первое. Наличие объективных условий и внешнее (субъективное) вмешательство – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие факторы. Умный профессионал использует свои технологии только в том случае, если есть объективные условия для успеха. В то же время тот факт, что при сходных объективных условиях и внутренних причинах (неурожай, экономические трудности, авторитаризм, отсутствие социальных лифтов и т.п.) в каких-то странах социальное недовольство вырывается наружу, а где-то (порой в гораздо худших обстоятельствах) – нет, говорит о том, что одних объективных условий и причин недостаточно.

Второе. Даже тогда, когда политическое недовольство порождено объективными внутренними факторами, внешнее вмешательство или невмешательство может сыграть решающую роль в том, какую форму примет протест, к чему приведет, и будут ли его вообще устраивать.

Третье. Массовый протест при любых обстоятельствах – это, прежде всего, протест значительной или огромной группы индивидуумов, объединенных общей, но отнюдь не идентичной идеей. Говоря о недовольстве властью, следует помнить, что за исключением случаев психических отклонений, у человека в основе его неудовлетворенности всегда находятся какие-то причины, воспринимаемые им как объективные. В массе случаев субъективная интерпретация происходящего может трактоваться индивидуумом как объективная реальность. Личную неудачу, неспособность добиться чего-то часто объясняют не собственной несостоятельностью, а коррумпированностью властей, бюрократией, бездушием чиновников. СМИ и электронным медиа в этом плане предоставлено широчайшее поле для «вылепливания»

нужных форм интерпретации и объективизации в сознании объекта сфабрикованной реальности.

Четвертое и несколько подзабытое. Для того, чтобы протест стал системным, помимо объективных условий, необходимо присутствие субъективных факторов, среди которых главная роль принадлежит организующему/управляющему центру и инструментам/механизмам организации. Во времена В.И.Ленина это были «авангардная» партия и газета – «организатор масс». Организатором масс по-прежнему остаются СМИ, но в 21-м веке это не столько печатные, сколько электронные медиа, которые включают как интернет-версии традиционных изданий, так и исключительно электронные газеты и журналы, телевидение и радиовещание, которые также активно вещают через интернет, а также социальные сети, чаты, блоги, паблики и т.п.

РАССЕЯННЫЕ СЕТИ

А вот организация управления из одного (видимого) центра в наши дни, как и прежде, считается непродуктивной в силу опасности разоблачения и легкости принятия контрмер. Поэтому ныне, как во времена Интернационала, ставка делается на сетевые, рассеянные/распределенные и «безлидерные» технологии. Сети тайных ячеек существовали издревле, но современная организация их иерархий, характера взаимодействия и роль отдельного индивидуума (бойца/террориста) изменились.

Каждый индивидуум, встающий в ряды *«безлидерного социального протеста»*, наивно считает, что тем самым утверждает свои права как личности, в то время как на самом деле технология социальной инженерии превращает его в безликий маленький винтик в искусно управляемом механизме, построенном из массы ему подобных. Слаженное функционирование винтиков решает задачи, которые в конечном итоге приведут к финалу, весьма далекому от лозунгов, завлекавших гордых индивидуумов на самопожертвование.

По сей день ни одна из революций, ни одно из массовых восстаний не завершилось полноценной реализацией высоких воззваний и заманчивых обещаний. То, от чего требовалось отказаться во исполнение лозунгов революции, со временем оказывалось неотъемлемым атрибутом новой власти вчерашних революционных лидеров, а затем – предметом поношения и разоблачений, нередко со стороны самих же соратников-революционеров или их наследников. Узость их мышления и боязнь признания собственного вклада в отвергаемый по прошествии времени фактический результат всегда сводилась к тому, что к печальному финалу привели не их собственная ограниченность и не-

дальновидность, не их соучастие в происходившем, а злые намерения узкой группы третьих лиц, «извративших» изначальные идеалы протеста или отошедших от них.

Таким обличителям и невдомек, что своей аргументацией они лишь подтверждают гипотезу о том, что весь их протест, несмотря на наличие для него объективных *причин*, в его практической реализации – результат достаточно умелых и удачных технологических действий *ограниченной группы людей, манипулирующей массами*. Только в этом случае «узкая группа» может «извратить» идеалы движения (протеста), продолжая при этом как ни в чем не бывало возглавлять его.

ОДНОРАЗОВЫЕ И МНОГОРАЗОВЫЕ ЛИДЕРЫ

Нетрудно заметить, что большинство нынешних лидеров «оппозиции» или протестов – объекты разового использования. Практически все они выходят на авансцену в критический период борьбы за власть и через сравнительно короткий срок растворяются в неизвестности (за редким исключением очень ограниченного числа особей, пригодных иногда для повторного разового использования, как было, например, в событиях на Украине и в Грузии).

У такого одноразового лидерства имеются свои фазы эволюции. Анализ баз данных по политическим протестам показывает, что в современных условиях начальной у них является «*безлидерная*» фаза (модель). Её организационная основа – т.н. фантомная сетевая структура, состоящая из малых независимых групп/ячеек, действующих в зависимости от существующего политического климата в стране открыто или тайно. Ячейки фантомной сетевой структуры одинаково пригодны для использования – от ненасильственных методов дезорганизации экономики и жизни города (например, массовых мероприятий, акций намеренного неповиновения) до жесточайших террористических актов. Хотя четкой иерархии фантомные сети, как правило, не предполагают, потребность в координации действий и прикладные задачи управления ими приводят (порой вопреки осознанному пониманию и воле членов) к появлению и закреплению вертикальных связей.

Так происходит переход ко второй фазе эволюции – фазе «*оформления временного лидерства*». На этом этапе неизбежные вертикальные связи малых групп требуют того, чтобы некоторые из них неформально брали на себя координирующую и организующую роль. Кроме того, если выступления и акции повиновения получают большой размах, а их проведение становится регулярным или протяженным во времени (как на киевском Майдане или в Гонконге), возникает потребность в том, чтобы кто-то на регулярной основе озвучивал пози-

цию или требования протестующих. Так, сначала выкристаллизовываются имена (не обязательно реальные, для начала это может быть виртуальная девушка N, узнаваемая всеми по следу полицейского насилия на лице), а затем и реально существующие временные лидеры протеста (точнее, исполняющие обязанности лидера).

Например, в гонконгских беспорядках протест сначала считался «безлидерным». По прошествии примерно шести-семи недель стали ссылаться на неких неформальных лидеров Чена и Вона (одни их самых распространенных китайских фамилий в бывшей британской колонии). Позднее материализовались реальные люди с именами Чан и Вон, выступающие с требованиями от лица протестующих: ясности в том, была ли это одна и та же пара людей или нет, пока не имеется.

Если текущая волна выступлений не приводит к нужному результату, о временных лидерах чаще всего забывают. Однако, как правило, в случае смены власти или её перераспределения в результате победы протеста, они смогут претендовать на определенные (чаще всего переходные) позиции в новом режиме или властной иерархии. В этом смысле показательным примером является ситуация со сменой режима в Судане, где потенциальные лидеры революции и смены режима – Садык аль-Махди и Ахмед Ауф – оказались быстро отодвинуты от власти генерал-лейтенантом А. Бурханом и А. Хамдоком, докторантом Манчестерского университета, бывшим директором по Африке и Ближнему Востоку расположенного в Швеции Международного института демократии и содействия выборам.

Опыт многочисленных цветных революций и массовых протестов показывает неизбежное наличие двух типов лидеров – агентов перемен: а) «пассионариев-эфемерид», волокущих инертные массы на протест и противостояние с властью и б) «закулисников» – авторитетных людей, обладающих деньгами и политическими связями, в т.ч. за рубежом. При этом сами «закулисники» часто не являются конечным заказчиком бунта и первичным манипулятором. В условиях развивающихся стран или стран, находящихся на переходных этапах трансформации государственности, влияние, богатство и даже физическая безопасность самих авторитетных «закулисников» нередко в высокой степени зависят от иностранного капитала или зарубежных политических сил и спонсоров.

Пассионарии, как и всякая эфемерида, как правило, имеет недолгий политический, а чаще всего и физический жизненный век. Наиболее удачливые из них, получив умеренное вознаграждение за свою роль козла, увлекающего за собой стадо на бойню, тихо отходят от лидерства и занимаются впоследствии некрупным бизнесом или политической публицистикой.

Третий, завершающий этап эволюции лидерства – *окончательный переход власти* от «временных» лидеров к авторитетным «закулисникам», которые, как мы отметили, не тождественны «выгодоприобретателям последнего звена». В современных геополитических реалиях главные бенефициары, как правило, находятся за рубежом и обладают политическим и экономическим ресурсом глобальной или как минимум региональной значимости. Авторитетным «закулисникам» еще предстоит период междоусобной войны (которую переживут не все), прежде чем они смогут превратиться в укоренившийся олигархат и истеблишмент.

Переходные моменты между разными стадиями социальной эволюции порождают всплески внутренних конфликтов и политические катаклизмы, к которым относятся революции, носящие имена разных видов флоры и диапазонов цветового спектра. На постсоветском пространстве цветные революции выполняют в современных условиях и антураже функции сталинских чисток. В их ходе пассионарии, на плечах и руками которых производился переворот (первичная смена режима), должны уступить место более уравновешенным функционерам-бюрократам, за которыми стоят «закулисники». С другой стороны, революции должны завершить или открыть двери процессам изменения форм собственности и взаимных прав и обязанностей между различными слоями, стратами и прослойками общества. Межклановые же противоречия, так же как и в странах давно победившей демократии на Западе, при этом не исчезают.

Не стоит списывать со счетов и то, что конечные выгодоприобретатели даже после сравнительно длительного периода внешнего политического затишья могут счесть полезным для себя заменить пришедших с их помощью властителей на других или менее радикальным образом изменить соотношение сил на политической арене страны. В этом могут снова быть использованы медийные технологии и фантомные сети. На Ближнем Востоке, в некоторых других странах Азии и Африки до недавнего времени роль тарана в этом плане отводилась инструментам терроризма и национализма. В последнее время ставка в большей мере делается на молодежный политический протест.

МОЛОДЕЖНЫЙ ПРОТЕСТ

Внимательный наблюдатель наверняка обратил внимание на изменение костяка и ключевой целевой аудитории возбуждения протеста в мире со средней возрастной категории (30–45 лет), базовой в период взлома системы социализма в Европе, на более молодую (условно 15–

24 года) сегодня. В структуре населения эта возрастная группа потенциально политически активных молодых возрастов составляет: в Африке – 19%, Латинской Америке – 17%, в Азии – 16%, Океании – 15%, Сев. Америке – 14% и в Европе – 11%.

В конце 1980-х в соцстранах Восточной Европы, СССР основу протестующих составляли широкие массы. Средневозрастные группы играли базовую роль и при организации схем «Пражской весны», польской операции «Солидарность», московского «Живого кольца» 1991 г. и осенних антипарламентских боев 1993 г. и др. В первую очередь это были различные категории работников нефизического труда – от низшего и до среднего звена бюрократии госучреждений и даже партийного аппарата, стремившихся перераспределить, как они были убеждены, несправедливо огромные доходы и привилегии начальства в свою пользу. Однако некоторую часть активистов представляли политически неудовлетворенные представители рабочего класса. Что из этого в результате вышло – общеизвестно.

За четыре истекших десятилетия 30–40-летние «пассионарии» той поры состарились и в большинстве своем разочаровались в результатах своей борьбы. Более молодые возрастные группы (следующее поколение), которым сегодня те же 30–40 лет, на основе политического и экономического наследия «пассионариев» построили действующую ныне модель функционирования общества. В её рамках эти зрелые сегодня люди, в большинстве своем обремененные семьями, закрепились в соответствии со своими запросами и возможностями в зоне собственного «социального комфорта», которую они в силу своей относительно нестарой зрелости, успехов медицины и общемирового повышения пенсионного возраста еще будут занимать лет 30–40. Сходные процессы, хотя и со своими нюансами и несколько иными возрастными диапазонами складываются во многих странах мира, развитых и развивающихся. Замедление работы социальных лифтов – общемировой тренд.

Как следствие, не только в развивающемся мире, но и зоне «золотого миллиарда» ухудшаются жизненные перспективы когорт молодых возрастов. Как отмечал академик А.Дынкин, «нарастание конфликтов и глобальной конфронтации – это результат исчерпания «социального контракта», который действовал в западных обществах с начала 60-х годов прошлого века. Его суть была проста: каждое следующее поколение жило лучше, чем предыдущее. Дети имели больше возможностей, чем родители. Этот тренд окончательно сломался, начиная с кризиса 2008 года» [9].

Демографические заслонки существенно препятствуют восхождению молодых по лестнице жизненного успеха по всему миру. Даже в

Африке, где большая часть населения молода, поле для экстенсивного роста (за счет незанятых и естественно освобождающихся мест) весьма узко: мало свободных «ниш» для успеха. В обществе молодым приходится конкурировать с относительно не старыми, но более квалифицированными и опытными соперниками. При высоких амбициях для этого у молодежи недостаточно опыта. Именно здесь скрываются корни недовольства, ведущего к молодежному протесту.

Остаются «интенсивные» методы межпоколенческой конкуренции. Здесь в наличии лишь два пути. Первый, трудный и нескорый, – амбициозным членам молодого поколения овладеть навыками, умениями и моделями социального поведения, в которых начинают запаздывать их более старшие конкуренты. Наиболее очевидными примерами таковых являются специальные технологические знания, компетенции и навыки «завтрашнего дня» (в самом широком плане, включая не только технические, но социальные и гуманитарные знания, навыки, умения), в которых у более старших товарищей на сегодняшний день в лучшем случае равные с молодежью стартовые позиции, а возможно – уже даже и худшие. Это непростой путь, предполагающий много работы. Нужны серьезные усилия, и не каждому гарантируется успех, но это путь, дающий шанс социальному миру в трансформирующихся обществах.

Куда сильнее соблазн пойти по второму, более простому пути, не требующему долгой и утомительной учебы, постоянного последующего самосовершенствования. Этот путь сноса существующего порядка, взлома демографических заслонок, избавления от конкуренции «зрелых» путем их устранения (физически, путем лишения их средств к существованию, с помощью люстраций, возрастных ограничений и т.п.). Другими словами, это путь бунтарства и непримиримой борьбы с существующей системой до её развала.

Этот путь, увлекательный и задорный, не требующий ни долгой подготовки, ни глубоких специальных знаний и, как кажется активистам, открывающий дорогу к счастью. Проблема в том, что он, как правило, обрывается на деструктивном этапе. Для конструктивной фазы созидания у молодых активистов нет ни опыта, ни сил. Именно такой путь импонирует мировым центрам силы: с его помощью можно решать свои геополитические задачи и не допускать формирования глобальных технологических конкурентов.

Опыт стран Азии, Африки, стран СНГ свидетельствует, что многие революционные поколения расплачивались за несколько лет протестной эйфории десятилетиями социального полураспада. Перефразируя первый афоризм Гиппократа, заключим: «Протест короток, научный путь долгов, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно».

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня» 2019. № 12. С. 22–29.

1. Le dernier message d'Abderrazak Zorgui aux chômeurs de Kasserine (In Arab.). <https://www.youtube.com/watch?v=-eU9g8ejlwl> (accessed 13.09.2019)

2. Transgender detainees arrested in post-Ramses Station crackdown face adverse prison conditions. *Mada Masr*. 10 March 2019. <https://madamasr.com/en/2019/03/10/news/u/transgender-detainees-arrested-in-post-ramses-station-crackdown-face-adverse-prison-conditions/> (accessed 17.09.2019)

3. “Right2Know” blames Mashaba, Ramaphosa, Zwelithini for attacks on foreigners. *IOL News*. www.iol.co.za (accessed 07.09.2019)

4. Xenophobic Attacks: President Buhari Dispatches Special Envoy to South Africa. <http://statehouse.gov.ng/news/xenophobic-attacks-president-buhari-dispatches-special-envoy-to-south-africa/> (accessed 13.09.2019)

5. Nigerian ruling party demands takeover of SA firms. *Fin24*. <https://fin24.com/Economy/nigerian-ruling-party-demands-takeover-of-sa-firms-20190908> (accessed 13.09.2019)

6. Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 12. С. 8–16.

7. Фитуни Л.Л. Современные технологии в управлении социальными конфликтами в Африке // Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М., 2013. С. 90–102.

8. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическое манипулирование национальными элитами – средство сохранения существующего миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018, № 3(44). С. 11–17.

9. Дынкин А. Будущее уже здесь. *Российская газета*. 17.06.2019.

10. Protests break out against Sisi in Tahrir Square and across Egypt. <https://middleeasteye.net/news/protests-break-out-against-egypts-sisi-cairo> (accessed 22.09.2019)

11. Media blackout? Major Saudi, UAE news fail to report anti-Sisi, pro-democracy protests in Egypt. <https://alaraby.co.uk/english/news/2019/9/21/saudi-uae-media-fail-to-report-anti-sisi-egypt-protests> (accessed 22.09.2019)

БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО: РЕСУРСНЫЙ ДЕФИЦИТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ

Абрамова И.О. (2018)

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется завершением перехода от моноцентричной к полицентричной модели мира. Этот переход затрагивает все без исключения сферы деятельности человечества – экономическую, политическую, общественную, культурную и др. На международной арене появляются новые активные игроки, которые еще недавно занимали периферийное положение в мировом цивилизационном пространстве. Их растущее влияние на международные процессы проявляется не только в социально-экономической и политической, но и в культурной сфере. Китай, Индия, Бразилия, страны ЮВА активно задействуют элементы «мягкой силы», включая культурную составляющую, для продвижения своих интересов во всех уголках земного шара.

К числу новых полюсов мирового развития относится и африканский континент. Уже в силу того, что это регион, население которого превышает 1 млрд человек и который занимает примерно 1/5 часть обитаемой суши, невозможно создать научно достоверную картину полицентричного мира без полноценного учета особенностей и характеристик этого элемента общей глобальной системы. Вместе с тем растущая взаимозависимость элементов глобализированной мир-системы одновременно означает рост обратного влияния на неё острейших социально-политических, экономических, этноконфессиональных и других проблем Африки, имеющих глобальное измерение. Уже сегодня через усилившиеся миграционные потоки африканцы оказывают самое непосредственное влияние на трансформацию западной культуры и формирование новой европейской идентичности.

Африка в настоящее время и в обозримом будущем станет играть особую роль в формирующемся мироустройстве и его глобальных трансформациях. Здесь переплетаются противоречия происходящих процессов. Столкновение старых и новых смыслов выходит за рамки идейно-культурного дискурса и перетекает в сферу материального. Как известно, помимо семантических определений смысла существуют и прагматические, которые оценивают это явление с позиции актора как субъекта деятельности.

Именно поэтому столкновение новых и старых смыслов есть не что иное, как борьба за будущее. Оно обретает форму борьбы новых и старых центров силы за ресурсы и рынки, за сохранение или завоевание в

мире экономических, политических и культурных позиций. В этом случае смысл становится ценностью, значимостью или характеристикой полезности объекта экспансии для пользователя.

В условиях разлома мирового экономического, политического и культурного пространства борьба за лидерские позиции между старыми и новыми игроками будет непрерывно нарастать и затронет все без исключения сферы деятельности человека.

Усугубляющийся дефицит ресурсов – одна из истинных глубинных причин уже обострившихся и повсеместно зреющих локальных, региональных, глобальных конфликтов нового тысячелетия. От наличия или отсутствия необходимых природных ресурсов напрямую зависят жизненные стандарты жителей планеты, перспективы социально-экономического развития государств, стабильность мировой экономики и международная безопасность. Как отчетливо продемонстрировали многочисленные события начала нынешнего тысячелетия, в основе реальных действий государств на мировой арене в значительной степени лежит их стремление обеспечить контроль над скудеющими запасами дефицитных естественных ресурсов. При этом корыстные интересы прикрываются самыми высокими целями и идеалами – защитой мира, свободы, демократии, борьбой с распространением оружия массового поражения и изменением климата, охраной окружающей среды и т.п.

Современное состояние общества характеризуется высочайшими темпами потребления природных ресурсов, что, в свою очередь, провоцирует нарушение баланса в воспроизводстве составляющих компонентов биосферы под влиянием всевозрастающей хозяйственной деятельности человека. Неравномерность распределения природных ресурсов на Земле вынуждает государства не только интегрироваться в мировую экономику, но и бороться за сферы влияния на мировом рынке ресурсов. Сфера жизненных интересов высокоразвитых в экономическом отношении стран распространяется как на территории, обладающие ресурсным потенциалом, так и на регионы с высоким качеством окружающей среды, где её ассимиляционный потенциал оказался менее нарушенным. В первую очередь это относится к африканскому континенту, частично – к Азии и Латинской Америке, а также к некоторым районам России.

Сегодня раздираемое противоречиями мировое сообщество, не раз делившее мир по тому или иному принципу, вступило в новую эру, когда территориальная экспансия привела к ресурсному разделу. Страны, обладающие природным ресурсным потенциалом, стали объектом экономических и политических интересов развитых в технологическом отношении стран. Последние развивали и продолжают

развивать свои технологии ускоренными темпами за счет энергетических и минеральных ресурсов менее развитых стран, обрекая их на политическую, технологическую, а значит, и экономическую зависимость.

Международные отношения в сфере экономики природных ресурсов в XXI веке определяются следующими основными тенденциями:

Мировая экономика вступила в эпоху глобализации с интеграцией связей по освоению, разработке, торговле природными ресурсами, в первую очередь топливно-энергетическими, минеральными (рудными и нерудными), продовольственными. Общность экономических интересов разных стран приводит к созданию различных объединений, союзов по производству, переработке, поставке природных ресурсов. Сама природная рента и её составляющие – ресурсная и ассимиляционная ренты – являются предметом нового перераспределения и присвоения.

Главный фактор глобализации в сырьевом секторе экономики – устойчивый характер спроса, производства и потребления природных ресурсов при территориальной неравномерности их размещения и неравнозначном уровне социально-экономического развития стран. Экономика США и стран ЕС на пороге третьего тысячелетия вступили в фазу плавного замедления экономического роста, которое проявляется в сокращении темпов прироста общего уровня потребления и производства. Выход из сложившейся ситуации новая администрация США и – в меньшей степени – государства ЕС могут найти (и уже находят) в активизации военно-промышленного комплекса и развязывании локальных и региональных конфликтов под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Всё это ведет к усилению политической напряженности рамках перераспределения глобальной природной ренты между странами-потребителями и поставщиками природных ресурсов в условиях перехода от моноцентричного к полицентричному миру.

С формированием новых центров силы в мировой экономике и политике, в частности Китая, Индии, Бразилии и др., которые также выступают сегодня как крупнейшие потребители и покупатели ресурсов, у стран-обладателей природных богатств возникают новые возможности в борьбе за собственные интересы на мировом рынке.

По нашему мнению, особенно важным для понимания ключевых проблем глобального развития XXI века является признание в качестве одной из их первопричин существующей диспропорции между уровнем социально-экономического развития стран и удельным весом потребляемых ими ресурсов, с одной стороны, и численностью населения этих стран и наличием на их территории запасов дефицитных

природных ресурсов – с другой. В самом общем виде эта диспропорция проявляется уже в том, что население развитых стран составляет 16%, а развивающихся – 52% общемирового, тогда как потребление минерального сырья находится в прямо противоположном соотношении – 52% и 21%, соответственно.

За обобщенными среднемировыми данными скрываются еще более вопиющие диссонансы и противоречия. Поэтому вряд ли будет увеличением утверждать, что одним из главных побудительных мотивов к изменению геополитических реалий было и остается стремление обеспечить контроль над ресурсами – кому-то на глобальном, кому-то на региональном, а кому-то на секторальном или отраслевом уровне.

В документах Конгресса США, например, констатируется, что страны Африки южнее Сахары представляют собой богатый людскими и природными ресурсами регион, а континент в целом обладает колоссальным экономическим потенциалом и поэтому имеет долгосрочное политическое значение для США. Экономические и политические интересы на континенте подкрепляются возросшим вниманием американских военных к Африке, выразившемся в создании в рамках высшего военного руководства США командования вооруженных сил по Африке – АФРИКОМ. Одной из главных задач, поставленных перед АФРИКОМ, является продвижение интересов национальной безопасности США в Африке и окружающих морях, включая бесперебойный доступ к природным ресурсам. Создана постоянная военная инфраструктура США на континенте, основа которой – военная база Лемонье в Джибути. Кроме неё, Вашингтон в соответствии с двусторонними соглашениями развернул на континенте сеть «пунктов сотрудничества в сфере безопасности» (по официальной терминологии Пентагона – *Cooperative Security Locations*) в Алжире, Ботсване, Габоне, Гане, Замбии, Кении, Мали, Намибии, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне, Тунисе, Уганде.

В связи с этим исследование ресурсного потенциала африканских государств приобретает большую научную значимость и актуальность с точки зрения понимания причин уже существующих и прогнозирования будущих конфликтов.

В современном мире стратегическое соперничество ведущих мировых экономик за африканские ресурсы постоянно возрастает. Африка богата различными видами природного сырья. Здесь выявлены месторождения почти всех известных видов полезных ископаемых. Среди других регионов мира Африка занимает первое место по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита, второе – по запасам руд меди, урана, сурьмы, бериллия, асбеста, графита, третье – по запасам нефти,

газа, ртути, железной руды; значительны также запасы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др.

На сегодняшний день страны Африки суммарно производят почти 15% (в пересчете на потребляемую энергию) мирового энергетического сырья, и налицо тенденция к существенному росту этого показателя. Правда, для многих североафриканских стран (Ливия, Алжир, Египет) он уже в целом миновал. В то же время для большинства нефтеэкспортеров из числа стран южнее Сахары эти критические значения – дело средне- или долгосрочного будущего. Кроме того, отдельные страны только недавно включились в число глобально значимых нефтеэкспортеров.

Значимость углеводородных ресурсов африканского континента приобретает для мировой экономики некоторые новые аспекты. Они связаны как минимум с четырьмя особенностями добычи, транспортировки, потребления и реализации на мировых рынках африканских нефти и газа.

Во-первых, Африка – один из немногих регионов мира, где, по оценкам специалистов, еще в целом не пройден так называемый пик добычи нефти. Во-вторых, страны континента более привлекательны для нефтегазовых транснациональных корпораций (ТНК), разрабатывающих углеводородные ресурсы морского шельфа и других экологически уязвимых территорий, вследствие в целом более щадящих экологических норм и требований, выдвигаемых национальными правительствами. Это позволяет ТНК экономить огромные средства. В-третьих, Африка географически оказывается весьма привлекательным источником сырья с точки зрения удобства его транспортировки как в старые центры потребления (Северная Америка, Западная Европа, Япония), так и в новые (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия, Бразилия).

Немаловажен и еще один, четвертый, фактор. Запад исходит из того, что военно-политические и геостратегические риски при смещении источников устойчивого снабжения его экономик углеводородами с Ближнего Востока и России в сторону Африки южнее Сахары будут уменьшаться.

Согласно открытым данным, большая часть запасов нефти территориально сконцентрирована в пяти странах – Ливии, Нигерии, Алжире, Анголе и Судане. На них приходится более 90% доказанных запасов нефти на континенте. Газовые месторождения (91,5% доказанных запасов) находятся на территории (и в пределах эксклюзивных морских экономических зон) Алжира, Египта, Ливии и Нигерии. Именно эти страны, пожалуй, лишь за исключением Анголы, явля-

ются сегодня либо ареной гражданских войн и конфликтов (Ливия, Судан), либо территорией действия разнообразных террористических организаций («Боко Харам» в Нигерии, АКИМ и ИГ в Египте, Алжире и Ливии).

Если говорить о ресурсной составляющей ливийского конфликта, то борьба за нефть (Ливия обладает самыми большими запасами нефти в Африке – порядка 6 млрд т) разворачивается как между двумя конкурирующими парламентами и правительствами, базирующимися в Триполи и Тобруке, так и между стоящими за ними внешними силами – Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром, Турцией, Египтом, Алжиром и западными державами. Одно из наиболее негативных последствий ливийского кризиса – уничтожение государственной монополии на продажу нефти. Национальная нефтяная компания (НОС) разделена на «восточную» и «западную», что открывает широкое поле для функционирования черного рынка. Зарубежные инвесторы и бизнесмены не видят сегодня единого государственного субъекта экономической деятельности в этой принципиально важной отрасли экономики Ливии. «Западная нефтяная компания» установила тесные отношения со швейцарским дилером “*Glencore*” и отгружает ему большие объемы нефти по сниженным ценам. Еще хуже обстоят дела в восточной части страны, где основной нефтяной терминал Марс-эль-Харига контролируется боевиками Джадрана. Здесь идет прямая контрабанда нефти, которой пользуются французская “*Total*”, испанская “*Repsol*”, итальянская “*Saras*”, китайская “*Sinopec*”. Некоторые из этих компаний пытаются обеспечить свои интересы в том числе и вооруженным путем. Иорданский король Абдалла в январе 2016 года рассказал о пребывании на территории Ливии английского спецназа SAS. Одновременно в арабской прессе появились сообщения о том, что правительству в Тобруке при штурме Бенгази помогали части французского спецназа.

В отсутствие механизмов власти, при непрекращающейся вражде «полевых командиров» и иностранном вмешательстве «национальное единство» Ливии останется лишь на бумаге, а иностранные компании будут продолжать разграбление страны. Об этих «плодах» интервенции Запада в Ливии нужно постоянно напоминать.

В последние 5–6 лет география нефтяных и газовых месторождений на африканском континенте существенно расширилась за счет таких стран Восточной Африки, как Танзания (газ), Уганда (открыто крупное нефтяное месторождение Олбертайн Грабен), Кения (нефть) и Мозамбик, где обнаружены колоссальные запасы газа на шельфе. Предполагается, что по линии Восточно-Африканского разлома в ближайшие годы будут обнаружены новые крупные ме-

сторождения нефти и газа. Весьма примечательно, что именно в этих странах в последние 1–2 года активизировались террористические организации.

Все мы помним зверские атаки террористов в Кении: теракт в торговом центре в Найроби в 2013 году и резню в Гариссе в университетском городке в 2015 году, ответственность за которую взяла на себя группировка «Аш-Шабаб». Причиной резни, по словам террористов, стало то, что «христианское правительство Кении вторглось на территорию нашей страны».

Это произошло в 2011 году, когда «Аш-Шабаб» контролировала столицу Сомали и половину территорий этого распавшегося на части государства. Кения ввела войска в Сомали в рамках миротворческой миссии Африканского союза. При поддержке беспилотников США она оттеснила радикальных исламистов от своей границы и помогла выбить «Аш-Шабаб» из всех крупных городов. При этом, оказав помощь войскам Кении в Сомали, американцы получили преференции в разработке нефтяных месторождений этой страны на озере Туркана, несколько потеснив там англичан, открывших это месторождение, и китайцев.

В 2017 году уже и на севере Мозамбика появилась террористическая группировка, которая также назвала себя «Аш-Шабаб». При этом весьма примечательно, что в 2015 году международный консорциум во главе с американской корпорацией “*ExxonMobil*” выиграл право на проведение геологоразведочных работ на шельфе Мозамбика.

По сути, «Аш-Шабаб» превращается в «Аль-Каиду» на Африканском Роге, растворяющуюся среди населения окружающих стран и активно поддерживающую контакты с собратьями по всему земному шару. Помимо идеологических целей, группировка может быть использована в интересах тех или иных международных игроков в борьбе за контроль над топливными и другими ресурсами Восточной и Юго-Восточной Африки.

Богата Африка и другим видом топлива – ураном. На рубеже XX–XXI веков запасы урана в Африке составляли 570 тыс. т, или 16% мировых запасов. ЮАР располагает наиболее крупными месторождениями урановых руд, достоверные запасы которых оцениваются в 337 тыс. т, что составляет 60% общеафриканских запасов. Крупными обладателями месторождений урана в Африке являются Нигер (166 тыс. т), Намибия (97 тыс. т), Алжир (26 тыс. т), ЦАР (16 тыс. т) и Габон (15 тыс. т). Повышение спроса на уран на мировом рынке сопровождается обострением конкурентной борьбы за право разведки и разработки урановых месторождений континента между европейскими, канадскими, китайскими и российскими компаниями.

Сразу вспоминается конфликт между мусульманами и христианами в ЦАР, который в 2013 году перерос в гражданскую войну. За три года конфликта численность беженцев, покинувших свои дома, составила 20% населения страны. За этно-конфессиональным конфликтом стояли интересы западного капитала, прежде всего французского. Франция – один из мировых лидеров в атомной энергетике, и именно 1200 французов в рамках резолюции ООН вошли в страну для поддержания порядка.

Африка остается крупным игроком на мировом алмазном рынке. На долю континента приходится более 82% мировых запасов этого драгоценного камня. Наиболее крупные месторождения алмазов обнаружены в Гане, Анголе, ДРК, ЮАР, Танзании и Намибии, а также в Бурунди, ЦАР, Кот-д'Ивуаре, Мали и Того. В последние годы именно ДРК концентрирует весь комплекс проблем, связанный с происхождением конфликтов в районе Великих Озер. Незаконная эксплуатация природных ресурсов ДРК является источником обогащения как мировых мультинациональных корпораций, так и узкого круга местной политической элиты и военных. Из ДРК продолжается незаконный вывоз алмазов, золота и олова, в первую очередь из провинции Восточная, а также из Южного и Северного Киву. При этом прослеживается связь между доходами, полученными от реализации контрабандного сырья на мировом рынке, и трафиком нелегального оружия в восточных районах ДРК.

Крупный игрок в районе Великих Озер – США. Их военная промышленность и энергетика более чем наполовину зависят от импорта африканского кобальта – металла, используемого при производстве термостойких и особо прочных сплавов, в том числе при производстве лопаток турбин, включая турбины реактивных двигателей. Другая важная сфера применения кобальта – производство магнитосплавов для электронной промышленности. В США имеются собственные месторождения кобальта, но основная их часть уже выработана, а добыча оставшегося слишком дорога и, как следствие, неконкурентоспособна. Поэтому с 1971 года весь потребляемый промышленностью США кобальт также ввозится из-за границы. 52% мировых запасов приходится на четыре африканские страны – ДРК, Замбию, Марокко и Ботсвану. Из этого количества львиная доля (60% мировой добычи без учета стран бывшего СССР) приходится на ДРК, которая одна покрывает 65% потребностей США в этом металле.

Кроме того, следует учитывать, что в отличие от никеля и хрома, которые до определенной степени могут быть заменены другими материалами-субститутами, кобальт в большом количестве производств незаменим. Таким образом, можно предположить, что ресурсная со-

ставляющая конфликта в районе Великих Озер еще долго будет сохранять свое значение.

Бывшие европейские метрополии в условиях мирового дефицита сырья также не могут себе позволить сдать позиции даже стратегическим союзникам или партнерам по интеграционным объединениям, не говоря уже о новоиспеченных конкурентах из Азии или Латинской Америки. Другими словами, конкуренция между странами Запада в Африке объективно существует и имеет тенденцию к обострению.

Американо-европейское соперничество в основном касается традиционной конкуренции между ТНК на африканских рынках, как товарных, так и рынках приложения капитала. Однако нельзя списывать со счетов и политическую компоненту противоборства. В конце XX – начале XXI века последнее приобрело форму наступления США в первую очередь на позиции Франции на Черном континенте. В ряде стран, некогда считавшихся традиционными зонами французского влияния, – Бурунди (1993–2005), Руанде (1990–1994), Заире/ДРК (1998–2002), Чаде (2006, 2008), Того (2005), Кот-д’Ивуаре (1999, 2002) – вспыхивали внутренние беспорядки и вооруженные конфликты разной степени интенсивности. Хотя внешне эти выступления «демократических сил» практически никогда не были антифранцузскими, они тем не менее объективно направлялись против профранцузских правительств в этих странах, а на смену им часто приходили проамериканские лидеры. По сути, речь шла о «цветных революциях» по-африкански.

И всё же США и бывшие метрополии постепенно теряют свои позиции в качестве главного импортера африканских ресурсов и основного поставщика готовой продукции в африканские страны. У государств африканского континента появилась весьма заманчивая альтернатива в лице Китая, Индии, Бразилии, Турции и других быстро развивающихся экономик. При этом последние исторически не являются антагонистами стран Африки, так как формально всё еще занимают общее с ними место в «лодке» развивающихся государств или стран мировой периферии. Потеря Западом своих позиций на Африканском континенте, начало которой положено в XXI веке, может сопровождаться обострением конкурентной борьбы вплоть до использования экономических и военных рычагов воздействия.

Соперничество мировых держав за африканские ресурсы будет в ближайшие годы всё сильнее обостряться. Новые мощные и активные игроки на африканском континенте – Китай, Индия, Бразилия, Турция, а в последнее время Иран – не участвуют напрямую в развязывании конфликтов в Африке, делая упор на развитие экономических отношений с африканскими государствами.

Однако активизация их деятельности на Черном континенте усиливает конкуренцию в борьбе за ресурсы и косвенно может послужить причиной новых «ресурсных войн», в том числе принимающих формы вооруженных конфликтов.

Позицию РФ по урегулированию конфликтов в Африке озвучил министр иностранных дел С.В. Лавров во время своего последнего турне по африканским странам, которое он совершил 5–9 марта 2018 года. Он отметил, что по всем конфликтным ситуациям, в том числе на африканском континенте, приняты резолюции ООН. Россия выступает за то, чтобы эти решения мирового сообщества строго выполнялись.

ПРИМЕЧАНИЕ

Публикуется текст научного доклада, с которым И.О. Абрамова выступила на Пленарном заседании XVIII Международных Лихачевских научных чтений (Театрально-концертный зал им. А.П. Петрова СПбГУП. Санкт-Петербург. 17 мая 2018 г.).

ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ АФРИКИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ

Абрамова И.О. (2015)

Феномен глобализации, обусловивший стремительный рост масштабов, увеличение разнообразия и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей как на уровне государств, так и межличностных отношений, неоднозначно повлиял на «распределение и перераспределение ролей» в мировой экономике, способствуя, по сути, закреплению неравномерности участия стран и регионов в формировании новой экономической модели мира.

Ускорение современных тенденций мировой экономики поставило африканские страны в весьма сложное положение. Перемены в мировом хозяйстве конца XX в. не способствовали повышению роли стран Африки в формировании экономической модели мира, ослабили их позиции на внешних рынках и усугубили трудности равноправной интеграции в мировое хозяйство. Переход развитых стран на постиндустриальную модель развития обусловил еще большее отставание стран региона от передовых направлений экономики.

В то же время в XXI веке, особенно в последние годы его первого десятилетия, ознаменованные глобальным финансово-экономическим кризисом, наметились некоторые изменения в положении Африканского континента в мировом хозяйстве.

В условиях углубления процесса глобализации все большая интегрированность мирового хозяйства, усиление взаимозависимости национальных экономик ведут к новому качеству международного разделения труда. Оставаясь по форме международным, в содержательном плане оно во всё большей степени приобретает характеристики, присущие внутринациональному разделению производственного, инвестиционного, трудового и инфраструктурно-коммуникационного бремени в ходе единого процесса воспроизводства. Сила, интенсивность, глубина и успешность этого процесса зависят от огромного комплекса факторов: внутренних и внешних, объективных и субъективных, стимулирующих и тормозящих. В каждом случае весь комплекс этих факторов в специфическом, конкретном сочетании характеризует условия участия в мировой экономике каждого актора – элемента системы.

Место, которое сегодня занимает в ней Африка, определяется довольно большим количеством внутренних и внешних, традиционных

и современных, позитивных и негативных факторов (детерминант). К последним в первую очередь относятся общая социально-экономическая отсталость стран континента; нехватка ресурсов для финансирования развития; неблагоприятные условия взаимоотношений в рамках дихотомии Центр – Периферия и, более конкретно, несправедливые «условия торговли»; низкое качество человеческого капитала, недостатки внутренней социально-экономической организации, плохое управление, большое число неурегулированных конфликтов, коррупция и nepотизм и др. В то же время Африка – континент с огромным и еще не до конца разработанным потенциалом минеральных, природных и людских ресурсов. Всё это делает перспективы развития и будущую роль этого региона мира весьма неоднозначными.

На самом деле положение Африки в современной мировой экономике – результат сложного и трудно поддающегося исчерпывающему описанию, а тем более прогнозированию взаимодействия множества факторов. Речь идет о некоем хаосе векторов силы, ориентирующих африканский элемент в рамках модели (мировой системы) в различных направлениях и с разной интенсивностью. Эти импульсы к подвижкам могут исходить из различных источников – внутренних и внешних. При этом внешние воздействия в силу разных причин часто оказываются более заметными. К их числу относятся (по степени обсуждаемости в научных исследованиях, на различных международных форумах, в мировых СМИ) вопросы внешней помощи, условий торговли, политики международных институтов отдельных мировых держав и ТНК в отношении Африки.

Поскольку данные проблемы достаточно широко освещены в российской и зарубежной научной литературе, мы сосредоточимся лишь на тех изменениях, которые произошли в характере, направленности и силе воздействия экзогенных факторов на африканскую экономику в период 2008–2014 гг. Это позволит нам понять, изменилось ли положение Африканского континента в посткризисном мире с точки зрения взаимодействия с мировой экономикой.

Выход из кризиса африканских стран во многом детерминирован характером и объемом предоставляемой им помощи. Проблемы, связанные с предоставлением официальной помощи развитию (ОПР) африканским странам, постоянно рассматриваются на заседаниях Большой восьмерки, а с 2009 г. – Большой двадцатки, а также в рамках большого числа международных экономических форумов.

Еще в рамках саммита «Группы восьми» в Глениглсе страны-доноры приняли индивидуальные обязательства по увеличению объемов ОПР. По подсчетам ОЭСР (Организации экономического сотрудниче-

ства и развития), ОПР стран-членов ОЭСР должна была вырасти с 80 млрд долл. США до 130 млрд долл. США (в ценах 2004 г.).

В 2005 г. страны-члены ЕС (15 стран-членов КСР ОЭСР) приняли обязательство выделить к 2010 г. порядка 0,51% от ВНД на нужды ОПР. Такие страны, как Бельгия (0,64%), Дания (0,90%), Финляндия (0,55%), Ирландия (0,53%), Люксембург (1,09%), Нидерланды (0,81%), Швеция (0,97%), Великобритания (0,56%), достигли поставленной цели, в то время как остальные страны, за исключением Франции, которая почти выполнила обязательство «восьмерки» (0,50%), достаточно далеки от её достижения.

Другие страны «восьмерки» – США, Канада, Япония, РФ – выполнили принятые обязательства. Российская Федерация к январю 2010 г. списала порядка 20 млрд долл. США долгов развивающимся странам, почти в два раза превысив заявленную в Глениглсе сумму (11,3 млрд долл. США).

Помимо индивидуальных обязательств, страны-члены «восьмерки» также приняли обязательство увеличить объем ОПР странам Африки к 2010 г. на 25 млрд долл. США. По подсчетам ОЭСР, страны Африканского континента получили дополнительно только 11 млрд долл. США. Тем не менее для Африканского континента в целом ОПР выросла только за счет списания долговых обязательств, в то время как в случае стран Африки к югу от Сахары наблюдался положительный прирост объемов двусторонней ОПР за вычетом списания долговых обязательств (+1,7%) [1].

В 2010 г. общий объем ОПР для стран Африки составил 48 млрд долл., в 2011 г. – 51,8 млрд, в 2012 г. – 51,4 млрд, в 2013 г. – 54,1 млрд, а в 2014 г. – 55,2 млрд долл. [2].

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что именно ОПР в ближайшие годы будет одним из основных источников стабилизации развития Африканского континента и одним из ведущих внешних факторов, определяющих участие Африки в мировой экономике. Более того, зависимость африканских государств от внешних источников финансирования в ближайшие годы только увеличится. В условиях финансовых срывов, провалов, финансовой нестабильности 2008–2010 гг. стал особенно очевиден кризис старой модели помощи развитию. Появившиеся новые доноры – Китай, Южная Корея, в несколько меньшей степени Индия – также осуществляют программы помощи, но во всё возрастающей степени ориентируются в этом не на международные институты и многосторонние усилия, а на двухсторонние договоренности с правительствами развивающихся стран Африки.

В этих условиях многие страны континента предприняли дополнительные шаги по привлечению прямых иностранных инвестиций.

Как показывает проведенный компанией «Эрнст энд Янг» анализ проектов с участием прямых иностранных инвестиций (ПИИ), за последнее десятилетие их приток в экономику африканских стран увеличился: если в 2003 году число новых проектов с участием ПИИ составляло 338, то в 2013 году количество таких проектов достигло 750. Несмотря на то, что после пика инвестиционной активности, который пришелся на 2008 год (66,4 млрд долл.), приток инвестиций к 2010 г. сократился до 46 млрд долл., Африка по-прежнему оставалась привлекательным с точки зрения инвестиций регионом в период мирового экономического кризиса, сохранив относительную долю в мировых инвестициях. В 2011 г. ПИИ в Африку увеличились до 49,8 млрд долл., в 2012 г. – до 56,4 млрд долл. В 2013 эта цифра несколько сократилась и составила примерно 54 млрд долл. в год [3].

Однако уже в 2014 г., по данным «*Financial Times*», прямые иностранные инвестиции в африканскую экономику увеличились на 65% и достигли 87 млрд долл. [4]. Официальная статистика ЮНКТАД приводит другую цифру – 55 млрд долл. [5]. Несмотря на расхождение в цифрах, по мнению ряда экспертов, Африка в ближайшие годы может превратиться в один из самых привлекательных для инвестирования регионов [6].

Африканский континент занимает одно из первых мест в инвестиционных стратегиях международных компаний: 42% респондентов заявили о том, что они рассматривают возможность осуществления дальнейших инвестиций в данном регионе, а еще 19% опрошенных руководителей подтвердили свое намерение продолжать вести операционную деятельность в Африке. Особенно решительно настроены компании, которые уже вложили средства в африканскую экономику и успешно интегрировали её в свою общую инвестиционную стратегию. Айен Сита, управляющий партнер «Эрнст энд Янг» по африканскому региону, отмечает: «Прямые иностранные инвестиции будут играть особенно важную роль, являясь долгосрочным источником капитала, который впоследствии может быть реинвестирован в проекты по развитию инфраструктуры, а также способствовать устойчивому экономическому развитию континента в целом. И это только начало. Несмотря на то, что за последнее десятилетие доля мировых инвестиций, приходящая на африканский континент, возросла, мы считаем, что она не отражает растущую привлекательность региона, который является одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира и занимает лидирующие позиции в мире по доходности инвестиций» [7].

Африканские страны становятся всё более привлекательными для международных инвесторов, особенно из стран с развивающейся экономикой. В течение последнего десятилетия на африканском континенте

наблюдался значительный рост инвестиционной активности инвесторов из развивающихся рынков: если в 2003 году число новых проектов с их участием составляло 100, то в 2013 году количество таких проектов достигло 273 (годовой прирост в размере 13%). На инвесторов из развивающихся стран в настоящий момент приходится 42% от общего объема инвестиций в африканскую экономику (2003 г. – 30%).

Данные результаты подтверждают нашим исследованием, проведенным среди представителей ведущих мировых компаний: 74% опрошенных нами инвесторов из развивающихся стран заявили о том, что за последние три года инвестиционная привлекательность африканского континента возросла. По их мнению, долгосрочный инвестиционный потенциал данного региона внушает всё больший оптимизм. В течение последних нескольких лет в мировой экономике произошел фундаментальный сдвиг. Теперь развивающиеся рынки не только являются главным объектом внимания со стороны инвесторов, привлекая к себе основные потоки капитала, но также начинают оказывать всё большее влияние на состояние мировой экономики в целом.

Несмотря на то, что инвесторы из развитых стран проявляют несколько большую осторожность в своих оценках инвестиционного потенциала Африки, на их долю по-прежнему приходится самая большая часть инвестиций в данный регион, и, что особенно важно, данные инвестиции направляются в самые разные отрасли экономики, а не только в сырьевой сектор. Неудивительно, что значительное большинство респондентов рассматривают сырьевой сектор в качестве основного направления своих инвестиций, поскольку, по их мнению, добывающие отрасли обладают наибольшим потенциалом роста на ближайшие несколько лет. Однако сейчас, в условиях падения мировых цен на сырьевые и топливные товары, на первый план постепенно выходит целый ряд других отраслей, в числе которых инвесторы выделили туристический сектор (15%), производство потребительских товаров (15%), строительство (14%), телекоммуникации (13%) и финансовые услуги (9%) как располагающие высоким потенциалом роста [8].

В 2013 г. 150 из 750 проектов в Африке было реализовано в сфере информационных технологий, 131 – в сфере розничной торговли и 112 – в сфере финансов [9]. По инвестиционной привлекательности Африка в настоящий момент стоит в одном ряду с такими регионами, как Латинская Америка и Восточная Европа. В основе роста, который демонстрировала Африка в течение последнего десятилетия, лежит более длительный процесс, связанный с экономическим реформированием и развитием нормативно-правовой базы, который начался в

большинстве африканских государств сразу после окончания холодной войны. В течение этого периода правительствам африканских государств удалось взять под контроль инфляцию, сократить объем государственного долга и бюджетный дефицит, провести приватизацию государственных предприятий, улучшить механизмы правового регулирования. Многие африканские страны открыли свою экономику для международной торговли и иностранных инвестиций. Как показывает анализ, целый ряд африканских стран, расположенных в самых разных частях континента, может похвастаться высокой инвестиционной активностью иностранных инвесторов на территории своих государств. В период с 2003 по 2010 год на десять африканских государств (ЮАР, Египет, Марокко, Алжир, Тунис, Нигерия, Ангола, Кения, Ливия и Гана) пришлось 70% общего числа новых проектов с участием ПИИ.

Однако в 2013 г. этот список изменился. Первое место сохранила ЮАР (142 проекта), на втором месте оказалась Кения (68 проектов), затем Нигерия и Гана (по 58 проектов), за ними Мозамбик (33), Уганда (25) и Замбия (21). Марокко, Тунис и Египет заняли в этом списке восьмое, девятое и десятое место соответственно. Наиболее привлекательным для инвестиций регионом продолжает оставаться Юг Африки, однако Северная Африка, которая всегда традиционно занимала в ПИИ второе место, в 2013 г. уступила свои позиции Восточной и Западной Африке. В регионе также наблюдался значительный рост инвестиционной активности инвесторов из африканских государств, их доля в ПИИ увеличилась с 8% в 2003 г. до 22,8% в 2013 г. [10]. Однако, несмотря на существенный рост количества подобных проектов, по объему вложенных средств инвесторы из африканских государств по-прежнему уступают инвесторам из других развивающихся стран.

Помимо сверхважности наличия капитала, предоставляемого с возможностью дальнейшего реинвестирования в развитие инфраструктуры и реализацию прочих долгосрочных проектов развития, само присутствие такого капитала в стране создаст ряд дополнительных преимуществ прямого и косвенного характера. Немаловажную роль среди них играет создание рабочих мест. По прогнозам, только в 2015 г. в африканских странах будет создано свыше 350 000 рабочих мест. Дальнейший рост ПИИ будет частично зависеть от темпов восстановления экономик развитых стран, являющихся основным источником инвестиций в африканский регион, а также от дальнейших темпов экономического роста таких государств, как Китай и Индия. Уровень риска, связанного с инвестициями в африканский регион, может быть высок, однако он компенсируется высокой доходностью инвестиций на

фоне сравнительно низкой конкуренции в отдельных отраслях. Данная ниша не может оставаться незанятой слишком долго, однако её присутствие обеспечивает африканскому региону довольно неплохие шансы в борьбе за инвестиции с другими развивающимися рынками. Пока по инвестиционной привлекательности его опережает только Азия. Несомненно, в некоторых странах Африканского континента присутствуют реальные и потенциальные барьеры на пути иностранных инвестиций, обусловленные политической нестабильностью и коррупцией. Хотя данные факторы, безусловно, являются весьма существенными, нельзя забывать о том, что у иностранных инвесторов, ведущих деятельность в Африке, и у самих жителей данного региона есть масса поводов для оптимизма. По нашему мнению, Африка прочно стоит на пути к устойчивому росту, и объем ПИИ в африканскую экономику будет неизменно расти. Однако, чтобы ускорить данный процесс и воспользоваться связанными с ним преимуществами, правительства и инвесторы (как иностранные, так и местные) должны поторопиться. В первую очередь это относится к представителям российского бизнеса.

Еще одним важнейшим источником валютных поступлений в африканские страны служат денежные переводы мигрантов. Денежные переводы мигрантов на родину часто становятся важнейшим дополнительным (а порой и основным) источником регулярных доходов не только для их семей, но и в виде валютных поступлений для государства происхождения в целом. Международные организации и финансовые институты относят трансграничные переводы мигрантов к числу важных факторов развития и обеспечения финансовой стабильности целого ряда государств Азии, Африки и Латинской Америки [11].

Денежные переводы – это крупный, устойчивый и антициклический источник внешнего финансирования для многих стран, в первую очередь беднейших. Сегодня, в условиях возрастающих экономических рисков глобального масштаба и падения цен на сырьевые товары, актуальным становится вопрос, как изменятся объем, направленность и роль денежных переводов в мировом и региональном развитии. Это особенно важно для развивающихся экономик, в том числе для африканских государств, где переводы составляют существенную долю в личных потребительских расходах населения и дают возможность выжить беднейшим его слоям, а также значительному числу людей в зонах политических конфликтов и стихийных бедствий.

Официальные переводы на африканский континент имели устойчивую тенденцию к росту: в период с 2005 по 2008 г. они увеличились с 33 до 48 млрд долл. В 2009 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом наблюдалось кратковременное падение данного ин-

дикатора до 45 млрд долл., однако уже в 2010 г. он составил 51,9 млрд, а в 2013 г. – 63 млрд долл. По прогнозам экспертов Всемирного банка, в 2015 г. данная цифра может достичь 70 млрд долл. [12].

Доля денежных средств, переводимых мигрантами из стран Африки по официальным каналам, хотя и продолжает оставаться незначительной на фоне трансфертов в другие регионы мира, но все же имеет тенденцию к росту (11,5% в 2013 г. против 11,3% за период с 2008 по 2012 г.). При этом наибольший прирост трансфертов наблюдался в таких странах, как Судан (+ 155%), Уганда (+34%), Буркина-Фасо (+17%) и Нигер (+13%).

Значительно возрос и такой показатель, как объем денежных переводов на душу населения: 58 долл. в 2013 г. против 18 долл. в 2003 г. [13].

Таблица 1. 15 крупнейших получателей денежных переводов в Африке в 2013 г.

Страна	Долл. на ДН	% ВВП	Сумма денежных переводов, млрд долл.
Кабо-Верде	374,5	8,9	0,17
Лесото	369,7	26,3	0,65
Сейшельские острова	311,4	2,1	0,03
Египет	254,7	7,6	20,0
Тунис	227,9	4,8	2,31
Марокко	218,8	6,3	6,64
Нигерия	132,0	7,2	21,0
Сенегал	123,5	10,2	1,56
Либерия	104,4	20,2	0,40
Гамбия	83,8	16,5	0,15
Того	62,4	8,7	0,37
Свазиленд	57,8	1,5	0,06
Алжир	56,1	0,9	1,98
Джибути	40,3	2,4	0,03
Сан-Томе и Принсипи	36,9	2,1	0,01

Источник: рассчитано нами по www.worldbank.org

Как видно из табл. 1, больше всего денежных переводов на душу населения получают жители Кабо-Верде, Лесото и Сейшельских островов. Малочисленное население, относительно многочисленная диаспора за рубежом и географическое положение этих стран служат объяснением данного феномена. При этом, по нашим подсчетам, основ-

ной выигрыш от денежных трансфертов получают жители африканских стран со средними доходами: там данный показатель составляет в среднем 118 долл. против 11 долл. в беднейших странах и 40 долл. в странах с доходами выше средних. Причиной этого служит более высокий (но недостаточно!) жизненный и образовательный уровень населения в странах среднего уровня развития, который как стимулирует миграцию, так и дает возможность найти средства на переезд и получить более высокооплачиваемую работу за рубежом. По результатам наших полевых исследований, проводившихся в 2005–2015 гг. в ряде африканских и европейских государств, миграция из беднейших стран африканского континента незначительна, так как основным стимулом миграции служит не абсолютная бедность, а желание лучшей жизни, возможность найти средства на переезд и информированность о возможностях найти работу за рубежом.

Что касается абсолютных величин, то по объему получения денежных переводов на африканском континенте лидируют Нигерия и Египет, на долю которых пришлось 65% всех денежных переводов в африканские государства. Еще три государства Северной Африки – Марокко, Тунис и Алжир – также получили существенные суммы денежных трансфертов (см. *табл. 1*). Всего же на эти пять африканских государств пришлось в 2013 г. более 82% всех переводов из-за рубежа, пересылаемых по официальным каналам.

Таблица 2. Основные эмитенты денежных переводов в Африку (млрд долл.)

Страна	2012 г.	2010 г.
США	8,4	7,5
Саудовская Аравия	6,5	4,3
Франция	5,3	5,2
Великобритания	5,2	4,8
Иордания	3,8	2,4
Италия	3,7	3,4
Испания	3,0	2,9
Ливия	2,3	1,3
Кувейт	2,2	1,4
Чад	1,4	1,4
Германия	1,4	1,2
Канада	1,3	1,1
ОАЭ	1,0	0,1
Камерун	1,0	0,9

Источник: www.worldbank.org

Если отдельно выделять субрегион Северная Африка, то на него в 2013 г. приходилось почти половина всех трансфертов мигрантов, а их вклад в формирование ВВП увеличился с 3,3% в 2009 г. до 4,4% в 2013 г.

Если же говорить о роли денежных переводов в формировании ВВП в целом по африканскому континенту, то здесь мы можем выделить четыре явных лидера – Лесото (26,3%), Либерию (20,2%), Гамбию (16,5%) и Сенегал (10,2%). Очевидно, что для этих государств денежные переводы служат основной структурообразующей частью ВВП и важнейшим источником валютных поступлений в страну.

Что касается стран-реципиентов мигрантов, откуда поступают значительные суммы денежных переводов, то они распределяются следующим образом.

Как видно из *табл. 2*, доля денежных переводов из стран ОЭСР в африканские страны сократилась с 60% в 2010 г. до 55% в 2012 г. Более половины трансфертов поступает из США, Великобритании и Франции. В 2012 г. более 70% всех денежных переводов в Нигерию поступили из Великобритании и США, а 83% всех трансфертов из Франции пришлось на Марокко, Алжир и Тунис. Страны Ближнего Востока существенно укрепили свои позиции в качестве эмитентов денежных переводов в Африку: на их долю в 2012 г. приходилось 26% против 20% в 2010 г. Главным донором денежных средств выступает Саудовская Аравия, которая в общем списке эмитентов уступает только США. При этом 90% денежных переводов из королевства идет в АРЕ. Именно египтяне, ранее работавшие в соседней Ливии, вынуждены были в результате т.н. «арабской весны» перебраться в страны Персидского залива. В настоящее время там находится 2,3 млн египтян, из них 1,3 млн – в Саудовской Аравии [14].

На африканские страны-эмитенты приходится 20% денежных переводов в Африку. Камерун, Чад и Ливия – три государства, откуда поступал основной поток трансфертов в другие африканские страны. 95% всех переводов из Чада и Камеруна шли в Нигерию, а 85% из Ливии – в Египет.

Средняя цена денежного трансферта в Африку – одна из самых высоких в мире и составляет в среднем 12% от суммы перевода против 8,9% в мире. 10 самых дорогостоящих «коридоров» по пересылке денег находятся в Африке, из них 5 крупнейших – в ЮАР, где средняя стоимость пересылки денег превышает 25% суммы [15]. Вот почему значительная часть трансфертов всё еще поступает на африканский континент неофициально. Мигранты активно используют неофициальные системы переводов, в которых оплата существенно ниже и составляет примерно 0,25–1,25% от общей суммы. К тому же, даже если

у мигрантов есть официальный доступ к банкам в стране пребывания, то у получателя такого доступа может и не быть. Наконец, значительная часть мигрантов из Африки – нелегалы, которые предпочитают не иметь никакого дела с официальными институтами, в том числе и финансовыми. Еще одной причиной ограниченного использования формальных каналов перевода служит тот факт, что количество операторов денежных переводов (ОДП) весьма ограничено.

Так, например, в Западной Африке 70% трансфертов проходят всего через одного ОДП, который является монополистом [16] и устанавливает высокую оплату за услугу перевода денег. В итоге многие мигранты чаще прибегают к посредничеству импортно-экспортных фирм и магазинов и торговцев наличной валютой, которые не ведут учета своих операций. Другой, полуофициальный или неформальный, метод состоит в том, чтобы доверять деньги другу, родственнику или знакомому, которые возвращаются в страну и берут на себя обязательство передать деньги нужному получателю. Некоторые из этих денег никогда не доходят до получателя. Наконец, мигранты сами могут привезти заработанные средства во время своих поездок домой. Но наиболее распространенной и значимой системой неофициальных денежных переводов служит в последние годы хавала. Строго говоря, то, что в современной литературе именуется единым термином «хавала», на самом деле представляет собой огромное многообразие реальных путей неформального денежного трансферта, в основе которых лежит простая, основанная на взаимном доверии «протосхема», из которой выросли столь различные и общепринятые сегодня финансовые инструменты – вексель и аккредитив [17].

Для нас также существенный интерес представляет вопрос, как денежные переводы африканцев соотносятся с другими финансовыми потоками, поступающими в страны Африки. Удельный вес трансфертов мигрантов (63 млрд долл.) по отношению к африканскому экспорту (601,3 млрд долл.) равнялся в 2013 г. 10,5%. Это было существенно меньше, чем в 2007 г., когда данный показатель достигал 27% [18]. Но падение доли произошло не за счет сокращения объемов денежных переводов, а в результате ускоренного роста экспорта из африканских стран в период с 2007 по 2013 г. За этот период среднегодовой темп прироста африканского экспорта превышал 16% [19]. Что касается ОПР, то в 2013 г. она составила 54,1 млрд долл., т.е. всего 85% от суммы денежных переводов. ПИИ на континент не превышали в 2013 г. 56,6 млрд долл., т.е. также по объему были ниже официальных трансфертов мигрантов. Таким образом, денежные переводы на африканский континент превращаются после экспорта в главный источник валютных поступлений, и это – абсолютно новая тенденция, характер-

ная для африканской экономики в посткризисный период (2009–2014 гг.). Правда, по оценкам экспертов, в ближайшие годы мы можем стать свидетелями бума прямых иностранных инвестиций в Африку. По некоторым оценкам, уже в ближайшее время ежегодный приток ПИИ на африканский континент может превысить 100 млрд долларов. Однако и в этом случае денежные переводы останутся важнейшим и достаточно стабильным источником валютных поступлений в африканские страны.

Другой экзогенный фактор участия Африки в мировом хозяйстве – сфера внешнеэкономических связей африканских стран, судя по всему, будет в обозримом будущем жестко, но нелинейно зависеть от скорости и стабильности оздоровления западных экономик и внутренней экономической конъюнктуры в Северной Америке и Западной Европе.

В сфере международной торговли кризис для африканских стран в основном проявился в виде падения мировых товарных цен на сырье и снижения объемов экспорта из стран континента. В 2009 г. стоимость суммарного товарного экспорта из 54 стран континента составила 357 821 млн долл., а импорта – 363 512 млн долл. В 2009 г. вывоз товаров из Африки упал на 2,5%. Импорт в силу нехватки валюты сократился еще существенней – на 8%. Отрицательное сальдо торгового баланса стран континента составило 5691 млн долл. [20].

Однако в 2010 г. ситуация изменилась. Экспорт из африканских стран достиг 521 млрд долларов, а импорт – 479 млрд долларов. Таким образом, уже в 2010 г. положительное сальдо торгового баланса африканских стран составило 42 млрд долларов [21]. Также в 2010 г. наметилась устойчивая тенденция роста цен на топливо и некоторые виды минерального сырья, что значительно улучшило показатели торгового баланса стран-экспортеров. При этом в результате кризиса повысилась, хоть и незначительно, доля Африки в международной торговле. В 2007 г. она составляла 2,8%, а в 2010 г. выросла, по разным оценкам, до 3,4%. Одновременно изменилась географическая направленность африканской торговли – доля развитых стран сократилась с 70 до 66%, а доля Китая увеличилась с 7 до 11% [22].

С 2010 по 2012 г. африканские экспорт и импорт росли высокими темпами: экспорт в среднем на 17% в год, импорт – на 14%. В 2012 г. экспорт из стран Африки превысил 640 млрд долл. (3,5% мирового экспорта), а импорт – 617 млрд (3,3% мирового импорта) [23].

В 2013–2014 гг. тенденции вновь поменялись. Цены на сырье и топливо упали, а на продовольствие и оборудование выросли. В этих условиях экспорт из африканских государств сократился на 6,1% – до 601,3 млрд долл. (3,2% от мирового) в 2013 г. и на 7,6% –

до 555,5 млрд долл. (2,9% от мирового) в 2014 г. Для импорта была характерна обратная тенденция: в 2013 г. он составил 635,8 млрд долл. (3,35% от мирового), а в 2014 г. – уже 642,1 млрд долл. (3,4% от мирового) [24].

Давая обобщенную характеристику положению Африки в посткризисной мировой экономике и международных экономических отношениях, можно сказать, что оно не претерпело радикальных изменений. Африка по-прежнему играет достаточно скромную роль в мировой торговле. В области торговли услугами эта доля и вовсе незначительна. Товарная структура экспорта всё так же складывается почти исключительно из сырьевых товаров или продукции самой низкой степени переработки сырья. В импорте представлены все товарные группы – от продукции обрабатывающих отраслей промышленности до продовольствия и сырья, в первую очередь энергетического.

С точки зрения географического распределения торговли основные покупатели африканских товаров – промышленно развитые страны. В последнее десятилетие стала расти роль стран Восточной и Юго-Восточной Африки и Бразилии. В 2009–2014 гг., правда, расширились в основном позиции Китая. Остальные «новые игроки» сдали часть завоеваний китайцам, американцам и европейцам. Внутриафриканская торговля всё еще относительно невелика. Ожидается, что после некоторого сокращения в острый период кризиса в 2010 г. она составит около 12% от всего экспорта [25].

В условиях мирового кризиса ахиллесовой пятой африканских экономик, как и у России, стала низкая диверсификация их экспорта. Наименее диверсифицирована товарная структура экспорта Анголы, у которой почти 98% стоимости экспорта составляет сырая нефть. Накануне независимости (в первой половине 1970-х гг.) страна была крупным мировым производителем не только нефти, но и кофе, и алмазов, и железной руды. Немного отстали от Анголы два других экспортера сырой нефти – Чад (95% экспорта) и Судан (93%). В Гвинее-Бисау 91% вывоза приходится на неочищенные орехи кешью. В Алжире более 83% экспорта приходится на 3 формально разные, но близкородственные товарные группы – сырую нефть (63%), продукцию нефтепереработки (10,5%) и сжиженный природный газ (10%).

Наиболее диверсифицированной товарной структурой экспорта на континенте обладают ЮАР (75% вывоза складываются из 102 товарных позиций), Тунис (из 82), Марокко (72), Египет (68). В Тропической Африке с далеким отрывом от остальных впереди всех по этому показателю Кения (51 наименование) [26].

Объективно узость товарной номенклатуры в условиях кризиса означала, что, как только экономики развитых стран начали сжиматься, им

стало нужно меньше сырья. Падение спроса привело к падению цен и снижению физического объема закупок данного вида ресурсов в странах Африки. Это, в свою очередь, резко сократило приток валюты и сузило возможности стран выстраивать антикризисные программы как с точки зрения помощи терпящим бедствие производствам, так и в плане социальной поддержки пострадавших от кризиса масс населения.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что по большинству аспектов внешние факторы оказываются активными по отношению к Африке. Последняя же выступает по большей части как объект (пусть и не пассивный) активных действий внешних сил и игроков.

Насколько значимо воздействие внешних (экзогенных) факторов? Попробуем ответить на вопрос, являются ли они детерминантами, определяющими положение Африки в мировой экономике, или они лишь факторы второго порядка.

Для ответа на этот вопрос достаточно стандартных методов экономического импакт-анализа (*Economic impact analysis*, или *EIA*). Как известно, такой анализ исследует степень и эффективность воздействия политики, проекта, определенного типа деятельности на экономику в определенной области.

Мимоходом заметим, что популярный сегодня у управленцев анализ затрат и выгод (*Cost-Benefit Analysis*, *CBA*) для ответа на заданный вопрос не пригоден, так как не учитывает эффекта от действия мультипликаторов и, как правило, игнорирует последствия географического переноса бизнеса в другие районы. Правда, у *EIA* также имеются свои слабые стороны по сравнению с *CBA*. Последний учитывает неэкономическую полезность явления, которая не всегда имеет денежное выражение (экономия времени, безопасность, удобство использования и т.п.), но эти факторы находятся за пределами нашей работы.

У метода *EIA* не существует пространственных ограничений. Его подходы одинаково применимы к домохозяйству и к мировой экономике, хотя конкретные инструменты анализа могут быть сугубо индивидуальными.

В мире и в Российской Федерации существует обилие литературы, исследующей различные аспекты воздействия каждого из перечисленных выше внешних факторов (приток иностранного капитала, изменение условий торговли, объемы и условия предоставления экономического содействия развитию и т. п.) на положение и место в мировой экономике развивающихся стран в целом и Африки в частности [27]. Часть исследований посвящена непосредственно изучению корреляции между рядами переменных, характеризующими каждое из обозначенных явлений, и изменением индикаторов контрольного объекта

(темпы прироста ВВП, национального дохода, уровня занятости, доходов населения и проч.).

Их обилие и общеизвестность позволяют нам без дополнительных самостоятельных калькуляций согласиться с правильностью расчетов авторов и тем самым подтвердить, что между рассматриваемыми нами индикаторами существует научно доказанная корреляционная зависимость.

Несколько сложнее доказать значимость факторов, поскольку при импакт-анализе мы неизбежно вступаем в зону зыбкого пограничья между «измеряемыми фактами» и ценностными характеристиками. То, что для одного исследователя может казаться ценным и значимым, другим может восприниматься совершенно противоположенным образом.

Так, например, распространенная в отечественной экономической литературе характеристика «подчиненное положение в мировой экономике» может рассматриваться частью исследователей как адекватная и достоверная характеристика положения Африки в мировой хозяйственной модели, а другими – как бездоказательная субъективная оценочная категория.

Здесь незаменимым становится главный инструмент импакт-анализа – *counterfactual case analysis* – попытка представить обратную ситуацию и выявить её экономическое значение. Проведя такой анализ даже умозрительно (представив Африку с «обратными значениями» каждого из экзогенных факторов – без внешней помощи, притока иностранного капитала, технологий, с другим набором характеристик условий торговли), мы неизбежно должны признать, что положение континента в рамках существующей глобальной модели экономического развития было бы однозначно иным.

При этом очень важно абстрагироваться от фрагментарного подхода к анализу воздействий. Понятно, что каждый из перечисленных факторов по-своему влияет на место Африки в системе международных отношений. С точки зрения оценки конкретных результатов «обратных значений» последствия могут быть между собой противоположными (сокращение притока внешних ресурсов – негатив, улучшение условий торговли – плюс). Но в какую бы сторону ни происходило изменение в каждый конкретный момент, оно будет существенным для африканской экономики в целом и для её положения как части (элемента) мировой экономики.

Другими словами, все указанные внешние факторы в совокупности являются детерминирующими для определения положения Африки в системе. В содержательном плане её положение известно: ***Африка выступает в мировом хозяйстве как часть периферии, условия уча-***

ствия которой в международном сотрудничестве и обмене сегодня в большей части определяются не столько ею самою, сколько её партнерами. Более того, внешние факторы (экономическая помощь, поставки продовольствия, поступление технологий) в значительной степени определяют и условия внутреннего развития Африки. Это означает, что пока еще не внутренняя логика развития и даже не внутренние потребности стран континента определяют его место в мировой экономике. Наоборот, последняя формирует основные тенденции хозяйственного развития Африки под себя, оставляя самим африканцам лишь незначительную степень свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Ученые записки Института Африки РАН». 2015. № 3. С. 3–12.

1. <http://www.oecd.org/news/oda-in-2010/>
2. www.africaneconomicoutlook.org/en/outlook
3. UNCTAD Handbook of Statistics 2015. N.Y.=Geneva, 2015. P. 302.
4. <http://www.ft.com/cms/s/0/79ee41b6-fd84-11e4-b824-00144feabdc0.html#axzz3tdDK6quY>
5. UNCTAD Handbook of Statistics 2015. N.Y.=Geneva, 2015. P. 302.
6. <http://unctad.org/en/Pages/PressRelease.aspx?OriginalVersionID=189>
7. <http://ey.com/GL/en/Newsroom/News-releases/News-foreign-direct-investment-in-sub-saharan-afri-ca-on-the-rise>
8. <http://www.ft.com/cms/s/0/79ee41b6-fd84-11e4-b824-00144feabdc0.html#axzz3tdDK6quY>
9. <http://ey.com/GL/en/Newsroom/News-releases/News-foreign-direct-investment-in-sub-saharan-afri-ca-on-the-rise>
10. <http://www.ey.com/GL/en/Newsroom/News-releases/News-foreign-direct-investment-in-sub-saharan-afri-ca-on-the-rise>
11. *Абрамова И.О.* Денежные переводы мигрантов: роль в социально-экономическом развитии Африки. *Мировая экономика и международные отношения.* 2009. № 7. С. 84.
12. www.africaneconomicoutlook.org/en/outlook
13. Ibidem.
14. <http://www.un.org/en/development/desa/population/>
15. www.africaneconomicoutlook.org/en/outlook
16. www.ifad.org
17. *Абрамова И.О.* Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009. С. 216.
18. Рассчитано нами по данным IFAD и World Bank за 2007 и 2013 гг.
19. UNCTAD Handbook of Statistics 2015. N.Y.-Geneva, 2015. P. 18.
20. UN Monthly Bulletin of Statistics. 2010. October. N.Y. 2010.
21. UNCTAD Handbook of Statistics 2015. N.Y.-Geneva, 2015. P. 2–3.

ГЛАВА 2

22. Абрамова И.О. Глобальный экономический кризис и страны Африки *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9. С. 95.
23. UNCTAD Handbook of Statistics 2015... Р. 11–12.
24. Ibid. Р. 18–19.
25. <http://data.worldbank.org/data-catalog/africa-development-indicators>
26. World Trade Report 2010. Trade in Natural Resources. WTO. 2010. Р. 210–218.
27. См., например, работы Акимова А.В., Баскина В.С., Бессонова С.А., Булатова А.С., Исаева В.А., Лопатова В.В., Мельянцева В.А., Потемкина Ю.В., Рощина Г.Е., Симонии Н.А., Фитуни Л.Л., Фридмана Л.А., Чуфрина Г.И., Шитова В.Н. и ряд других.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЭК АФРИКИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2014)

Процессы глобализации превращают борьбу за африканские ресурсы в общемировую проблему, что не может не быть предметом интереса для России, которая в последние годы постепенно восстанавливает утраченные с распадом СССР позиции на континенте, а значит, неизбежно вовлекается в эту новую схватку. Столкновение интересов различных государств в Африке имеет неоднозначные последствия и для стран континента. С одной стороны, африканские страны могут выиграть в результате противоборства «сильных мира сего», обеспечив себе более выгодные условия помощи и инвестиций. С другой стороны, возможные при этом конфликтные ситуации чреваты угрозой африканской безопасности. Спрос на природные ресурсы продолжает возрастать. Между тем, запасы нефти, природного газа, металлов и минералов истощаются, и к 2020 г. их мировая добыча может упасть ниже уровня, необходимого для удовлетворения международного спроса, что способно спровоцировать новые конфликты.

ДЕФИЦИТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И СТРАНЫ АФРИКИ

Рост населения Земли и развитие мировой экономики сопровождаются растущим спросом на энергетические ресурсы. В суммарном мировом потреблении энергоносителей в начале XXI в. доля нефти составляла 40%, углей – 27%, газа – 23%, атомного «топлива» – 7%, остальных видов – 3% [1].

Целый ряд аналитиков прогнозирует неизбежный грядущий дефицит указанных видов энергетического сырья в мировом хозяйстве.

Можно отметить два комплекса причин, подтверждающих подобные ожидания. Это, во-первых, рост численности населения на планете (и связанное с ним неизбежное количественное нарастание расхода энергии на обычные нужды населения и народного хозяйства) и, во-вторых, быстрое развитие экономик целого ряда крупных развивающихся государств, в которых потребление энергоресурсов на душу населения резко возросло.

Вот почему значимость углеводородных ресурсов Африканского континента приобретает для мировой экономики некоторые новые аспекты.

В 2000-е гг. привлекательность Африканского континента в первую очередь стран Африки южнее Сахары (АЮС) как объекта инве-

стирования в топливно-энергетический комплекс, существенно возросла. Это обусловлено рядом факторов.

Главные потребители углеводородных ресурсов мира – страны Запада и Китай – исходят из того, что **военно-политические и геостратегические риски** при смещении источников устойчивого снабжения их экономик нефтью и природным газом с Ближнего Востока, из Северной Африки (для Запада следует добавить «и России») в сторону Африки южнее Сахары будут уменьшаться. Такие подходы связаны как с последствиями т.н. «арабской весны», так и с последними событиями на Украине. США и ЕС будут стремиться к максимальной диверсификации поставок энергоносителей, используя в этих целях потенциал АЮС. Для Китая этот регион изначально был в числе важнейших источников топливно-сырьевого обеспечения экономики. На африканскую нефть приходится 28% общего её потребления в стране [2].

Африка, особенно после открытия ряда крупных месторождений на западе и востоке континента, географически оказывается весьма привлекательным источником топлива с точки зрения удобства его **транспортировки** как в старые центры потребления (Северная Америка, Западная Европа, Япония), так и в новые локомотивы роста мировой экономики XXI в. – Китай, Индию, Юго-Восточную Азию, Бразилию.

Страны Африки более привлекательны для нефтегазовых транснациональных корпораций (ТНК), разрабатывающих углеводородные ресурсы морского шельфа и других экологически уязвимых территорий, т.к. в большинстве африканских государств до сих пор сохраняются более **щадящие экологические нормы и требования**, предъявляемые национальными правительствами к компаниям-разработчикам. Это позволяет ТНК экономить огромные средства.

В пользу Африки как территории перспективной экспансии ведущих нефтяных и газовых корпораций говорит и наметившееся в последнее время желание нефтегазовых ТНК уклониться от прямого столкновения в таких перспективных в будущем зонах, как Арктика.

Причина кроется, конечно, не в альтруизме нефтегазовых гигантов, а в их неготовности начать осуществлять там долгосрочные массивированные капиталовложения, что связано с негативным сплетением трех детерминант инвестиционной активности – **ценой, рисками и сроками**. Западные корпорации в ближайшие 10–15 лет, видимо, не считают оптимальной стратегией инвестировать в лизинг усиленных арктических буровых платформ и вкладываться в инфраструктуру по разведке и транспортировке, чтобы потом ограничиться 100-дневным сезоном бурения посреди плавающего льда и прочих опасностей.

Даже несмотря на то, что, по оценкам американцев, шельф США якобы содержит более 90 млрд барр. нефти и газа [3], извлекать их в обозримом будущем, судя по всему, транснациональные корпорации не намерены. По крайней мере, пока. Вместо этого нефтедобывающие компании «отползли» на юг, где в моде гидроразрыв сланцев, и высматривают концессии в Африке. Как полагают аналитики, столь интенсивное приращение новых районов нефтедобычи ведет к тому, что цены на сырую нефть могут уйти из-под контроля ОПЕК. В этом случае они, скорее всего, будут только снижаться.

В такой ситуации западным корпорациям нецелесообразно вкладываться не только в дорогую, технологически сложную и рисковую добычу в северных широтах или в чреватые разорительными последующими экологическими рисками месторождения у берегов Северной Америки. Не менее рискованны вложения и в кипящих социальными взрывами районах мира, таких как Ближний Восток и Средиземноморье.

Западное побережье Африки, особенно Гвинейский залив, в этом смысле – привлекательная, относительно «тихая заводь», перспективный район нефте-, газодобычи и разведки. Восточное побережье Африки еще более перспективно. Уже сейчас здесь на шельфе обнаружены запасы природного газа, по объемам сравнимые с катарскими. К тому же географически это побережье «развернуто» в сторону Азии – туда, где сконцентрированы главные «новые потребители» нефтяных и газовых ресурсов.

В этих условиях особую актуальность приобретает российско-африканское сотрудничество в торговой и инвестиционной сферах, в первую очередь – в сырьевой и топливной, где между Россией и странами Африки складываются сложные отношения сотрудничества и конкуренции.

Россия заинтересована в Африке как в потенциальном покупателе своей промышленной продукции и поставщике многих видов сырья и одновременно выступает конкурентом последней на мировом рынке энергетических ресурсов. Укрепление позиций России и африканских государств в мировой экономике XXI в. во многом будет зависеть от того, смогут ли Россия и Африка объединить усилия и использовать благоприятную ситуацию на мировых сырьевых и топливных рынках как для модернизации национальных экономик, так и для укрепления собственных национальных интересов в сырьевой области и отстаивания их. Только в этом случае и Россия, и Африка будут выступать уже не просто как поставщики сырьевых ресурсов, а как ведущие игроки на скудеющем мировом рынке сырья, к которому во всё большей мере начинают быть применимы законы «экономики дефицита».

Сегодня борьба за энергетические ресурсы в мире выходит на первый план. Африка – один из немногих регионов мира, где, по оценкам специалистов, еще не пройден т.н. «пик добычи нефти». Правда, считается, что для многих североафриканских стран (Алжир, Египет) он уже в целом миновал. В то же время для большинства нефтеэкспортеров из числа стран АЮС эти критические значения – дело будущего.

Кроме того, отдельные страны только недавно вошли в число глобально значимых нефте- и газопортеров. На сегодняшний день страны Африки суммарно производят почти 12% энергетического сырья (в пересчете на потребляемую энергию) мира, и налицо тенденция к существенному росту этого показателя. По оценкам аналитических подразделений ведущих транснациональных нефтегазовых корпораций, в ближайшие 10–15 лет добыча нефти в Африке (включая шельфовую зону) может расти примерно на 6% в год. За период с 1990 по 2013 г. она выросла почти на 30% [4]. Хотя с ростом населения и экономик африканских стран объемы энергопотребления на континенте растут, общеафриканские показатели расхода энергии на душу населения (и в целом, и в отдельности по нефти и по газу) остаются по мировым меркам весьма скромными [5].

ВСЁ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ЗАПАСАХ НЕФТИ И ГАЗА В АФРИКЕ?

Современный топливно-энергетический комплекс (ТЭК) Африки характеризуется следующими особенностями. Континент располагает богатейшей ресурсной базой ТЭК (нефть, газ, уголь и особенно гидроэнергетический потенциал). Однако, по сравнению с другими регионами мира, *эти ресурсы освоены лишь в малой степени*. При этом в самой Африке с точки зрения их освоенности *наблюдается сильная неравномерность*. Континент по качественным социально-экономическим критериям делится на более развитую и находящуюся ближе к европейским рынкам, в основном арабоязычную Северную Африку и весьма неоднородный, но в целом менее развитый субрегион – Африку южнее Сахары. Правда, в последний включается стоящая особняком ЮАР – страна с развитым капиталистическим рынком, по многим параметрам соответствующая среднеразвитым странам Западной Европы.

Состояние ТЭК, степень сложности и развитости нефтегазовой инфраструктуры, трубопроводных систем в субрегионах в целом отражает различия в уровнях социально-экономического развития в северной, центральной и крайней южной частях континента.

Доказанные запасы нефти в Африке на 1 января 2013 г. оценивались в 130,3 млрд барр., или примерно 17,3 млрд т. Из них 62,6 млрд барр.

доказанных запасов приходится на АЮС. Для сравнения – на Ближнем Востоке запасы больше в 13 раз, в Центральной и Южной Америке – в 5 раз [6].

Диаграмма 1. Место АЮС в мировой добыче углеводородов, 2013 г.

Источник: <http://www.bp.com/statistical-review>

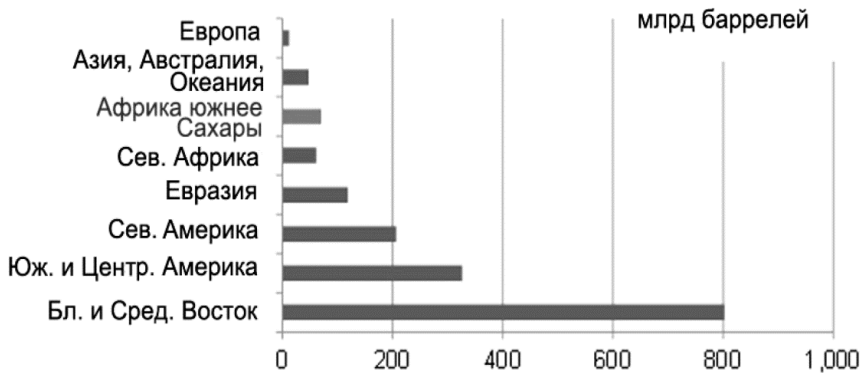

Диаграмма 2. Сравнение доказанных запасов нефти по регионам мира, 2013 г.

Источник: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf

Согласно открытым данным, большая часть африканских запасов нефти территориально сконцентрирована в четырех странах – Ливии, Нигерии, Алжире, Анголе. На них приходится более 85% доказанных запасов нефти на континенте. Газовые месторождения (91% доказанных запасов) находятся на территории (и в пределах эксклюзивных

морских экономических зон) Алжира, Египта, Ливии и Нигерии. В связи с такой высокой страновой концентрацией обследованных месторождений еще около 10 лет назад считалось, что углеводородные ресурсы распределены между странами континента неравномерно и основными их обладателями являются буквально 5–6 африканских государств [7].

Таблица 1. Доказанные запасы природного газа в главных странах-производителях Африки (на 1 января указанных годов)

	1993 г., трлн куб. м	2003 г., трлн куб. м	2012 г., трлн куб. м	2013 г., трлн куб. м	Уд. вес в мире, %	Крат- ность запасов (Д/З)
Алжир	3,7	4,5	4,5	4,5	2,4	55,3
Египет	0,4	1,7	2,2	2,0	1,1	33,5
Ливия	1,3	1,5	1,5	1,5	0,8	>100,0
Нигерия	3,7	5,0	5,2	5,2	2,8	>100,0
Остальные страны Африки	0,8	1,1	1,3	1,3	0,7	68,1
Итого, Африка:	9,9	13,8	14,7	14,5	7,7	67,1

Источник: http://bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ НЕФТИ И ГАЗА В АФРИКЕ

В последние 5–6 лет география нефтяных и газовых месторождений на Африканском континенте существенно расширилась за счет таких стран Западной Африки, как Гана, Либерия, Кот-д’Ивуар, и Восточной Африки – Мозамбик, Танзания (газ), Уганда и Кения (нефть). Предполагается, что по линии восточного африканского разлома в ближайшие годы будут найдены новые крупные месторождения нефти и газа.

Таким образом, если раньше считалось, что в африканском регионе существуют только два по-настоящему крупных по мировым меркам нефтегазоносных района – Средиземноморский (Алжир, Ливия, в меньшей степени Египет) и Атлантический, он же Гвинейский (Нигерия, Ангола), то ныне перспективной считается вся Африканская платформа. На начало 2014 г. *из 54 африканских стран только три пока не заявили, что либо уже нашли на своей территории и/или в пределах своего морского шельфа месторождения «черного золота», либо ведут активную нефтеразведку, либо приступают к ней* [8].

Таблица 2. Доказанные запасы нефти в главных странах-производителях (на 1 января указанных годов)

Страна	1993 г.	2003 г.	2012 г.	2013 г.			
	млрд барр.	млрд барр.	млрд барр.	млрд т	млрд барр.	Уд. вес в мире, %	Кратность запасов (Д/З)
Алжир	9,2	11,3	12,2	1,5	12,2	0,7	20,0
Ангола	1,3	8,9	10,5	1,7	12,7	0,8	19,4
Габон	0,8	2,4	2,0	0,3	2,0	0,1	22,3
Египет	3,4	3,5	4,3	0,6	4,3	0,3	16,1
Конго (Браззавиль)	0,7	1,5	1,6	0,2	1,6	0,1	14,8
Ливия	22,8	36,0	48,0	6,3	48,0	2,9	86,9
Нигерия	21,0	34,3	37,2	5,0	37,2	2,2	42,1
Судан	0,3	0,6	5,0	0,2	1,5	0,1	50,0
Тунис	0,5	0,5	0,4	0,1	0,4	<0,05	17,9
Чад	–	0,9	1,5	0,2	1,5	0,1	40,7
Экв. Гвинея	0,3	1,1	1,7	0,2	1,7	0,1	16,5
Юж. Судан	–	–	–	0,5	3,5	0,2	>100
Остальные страны Африки	0,8	0,6	2,2	0,5	3,7	0,2	43,0
Итого, Африка:	61,1	101,6	126,6	17,3	130,3	7,8	37,7

Источник: см. табл. 1.

В связи с недавними открытиями пока еще не до конца обследованных, но, как ожидают, весьма перспективных шельфовых месторождений как в Гвинейском заливе, так и со стороны побережья Индийского океана, в десятке нефтегазовых лидеров могут произойти изменения. В настоящее время новые технологии позволили начать промышленное освоение нефтегазовых и иных ресурсов, ранее считавшихся неперспективными, поэтому почти все страны Африканского континента являются или потенциально могут стать нефте- и газопроизводителями.

Согласно последним обобщенным открытым данным по континенту, публикуемым *British Petroleum (BP)*, в 2012 г. в Африке добывалось 9,44 млн барр. в день (б/д). Основные производители (по степени убывания) – Нигерия, Ангола, Алжир, Ливия, Египет, Конго (Браззавиль), Экваториальная Гвинея, Республика Габон, Чад, Судан, Южный Судан, Тунис, Камерун. Динамика добычи нефти по странам в период с 2005 по 2012 гг. показана в табл. 3.

Таблица 3. Добыча нефти по странам в период с 2005 по 2012 г.
(тыс. б/д)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Алжир	1990	1979	1992	1969	1774	1698	1684	1667
Ангола	1404	1421	1684	1901	1804	1863	1726	1784
Габон	270	242	246	240	241	255	254	245
Египет	672	704	698	715	730	725	727	728
Конго (Бразз.)	239	271	221	235	269	294	293	296
Ливия	1745	1816	1820	1820	1652	1659	479	1509
Нигерия	2502	2392	2265	2113	2211	2523	2460	2417
Судан	305	331	468	480	475	465	453	82
Тунис	73	70	97	89	83	80	68	65
Чад	173	153	144	127	118	122	114	101
Экв. Гвинея	358	342	350	347	307	274	252	283
Южный Судан	–	–	–	–	–	–	–	31
Остальные страны Африки	172	224	193	190	183	167	232	234
Итого, Африка:	9902	9945	10179	10226	9848	10123	8742	9442

Источник: см. табл. 1, 2.

Таблица 4. Добыча природного газа (млрд м³)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Алжир	88,2	84,5	84,8	85,8	79,6	80,4	82,7	81,5
Египет	42,5	54,7	55,7	59,0	62,7	61,3	61,4	60,9
Ливия	11,3	13,2	15,3	15,9	15,9	16,8	7,9	12,2
Нигерия	25,0	29,7	36,0	35,7	26,0	37,3	40,6	43,2
Остальные страны Африки	9,9	10,4	12,3	15,8	16,3	18,4	18,6	18,4
Итого, Африка:	177,0	192,5	204,1	212,2	200,4	214,3	211,2	216,2

Источник: см. табл. 1, 2, 3.

По предварительным оценкам, прирост добычи углеводородов в АЮС в 2013 г. был более 5%. Ожидается, что в 2014 г. он составит 8%, а в период 2015–2020 гг. – в среднем 6–7% в год. Основными генераторами этого прироста добычи станут Ангола, Гана, Южный Судан, Мозамбик и Танзания. Нигерия останется ведущим производителем, но темпы прироста добычи, скорее всего, будут не такими высокими, как в пяти названных странах. Уганда и Кения, хотя и не войдут в число крупнейших производителей, но также будут наращивать до-

бычу быстрыми темпами. Рост добычи в Южном Судане во многом будет зависеть не только от отношений с Суданом и внутренней ситуации в стране, но и от стратегии, избранной Кенией и Угандой относительно конкурирующей южно-суданской нефти.

Добыча природного газа в этот же период выглядела следующим образом (см. табл. 4).

В 2012 г. крупнейшими покупателями трубопроводного африканского газа в ЕС были Италия (27,1 млрд м³) и Испания (10,2 млрд м³). Львиная доля всех поставок в Евросоюз (более 83%) шла из Алжира [9].

Африка – чистый экспортер углеводородного сырья. Континент суммарно вывозит больше нефти и газа, чем импортирует. При этом, конечно, имеются страны, являющиеся чистыми импортерами этих товаров. В Африке проживает 15% мирового населения, но используется только 3% от мирового потребления энергии [10]. По сравнению с другими регионами мира, имеют место недопотребление энергетических ресурсов на самом континенте и их недоиспользование для удовлетворения внешнего спроса. Уровень доступности основных услуг энергетического сектора оценивается только в 39% от необходимого. Внутренний рынок энергетического сырья сильно фрагментирован. Системы нефте- и газопроводов слабо развиты по сравнению с уровнем объективных потребностей в них.

Топливо-энергетический комплекс играет важную роль в экономике стран Африки. Для некоторых из них – Нигерии, Анголы, Алжира, Ливии, Египта, Конго (Браззавиль), Экваториальной Гвинеи, Габона, Чада, Судана, Южного Судана, Камеруна – его роль для экономики в целом ведущая и/или системообразующая. Почти все страны Африки выдвинули рассмотрение вопросов развития нефтегазового сегмента экономики в качестве приоритетного и создают специальные условия для инвестирования в разведку, добычу, транспортировку, а в ряде стран – и в переработку данного вида сырья.

Таблица 5. Добыча, производство и потребление нефти и газа в 25 странах АЮС (на 30.06.2013)

Страна	Доказанные запасы нефти, млрд барр.	Доказанные запасы газа, трлн куб. фут.	Производство нефти, тыс. б/д	Производство газа, млрд куб. фут. в год	Потребление нефти, тыс. б/д	Потребление газа, млрд куб. фут. в год
Ботсвана	0*	0	0	0	15,45	0
Лесото	0	0	0	0	1,81	0
Намибия	0	2,20	0	0	25,12	0
Свазиленд	0	0	0	0	4,54	0
ЮАР	0,02	0,57	180,95	41,91	608,82	163,85

ГЛАВА 2

Страна	Доказанные запасы нефти, млрд барр.	Доказанные запасы газа, трлн куб. фут.	Производство нефти, тыс. б/д	Производство газа, млрд куб. фут. в год	Потребление нефти, тыс. б/д	Потребление газа, млрд куб. фут. в год
Замбия	0	0	0,17	0	20,21	0
Зимбабве	0	0	0,12	0	20,97	0
Малави	0	0	0,20	0	12,43	0
Мозамбик	0	4,5	0,02	153,8	21,61	26,66
Танзания	0	0,23	0,01	32,80	47,64	32,80
Кот-д'Ивуар	0,1	1,00	38,56	57,16	23,64	57,16
Сьерра-Леоне	0	0	0,03	0	9,13	0
Бенин	0,01	0,04	0	0	31,64	0
Буркина-Фасо	0	0	0	0	10,07	0
Гамбия	0	0	0	0	3,26	0
Гана	0,66	0,80	79,63	0	63,95	21,72
Гвинея	0	0	0	0	8,73	0
Гвинея-Бисау	0	0	0	0	2,97	0
Кабо-Верде	0	0	0	0	2,69	0
Мавритания	0,02	1,00	6,58	0	17,97	0
Мали	0	0	0	0	5,20	0
Нигер	0	0	20,00	0	5,69	0
Нигерия	37,2	182,00	2524	1190	269,84	244,23
Сенегал	0	0,35	0	0,72	42,12	0,72
Того	0	0	0	0	11,23	0

* 0 – в таблице означает величины меньше, чем 0,05, в единицах измерения, указанных в колонке.

Расчитано нами по: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf

Если обобщить 54 национальные стратегии африканских государств в области развития ТЭК, основными направлениями государственной политики стран континента являются: (1) стимулирование инвестиционной активности в ТЭК, привлечение капитала для формирования или обновления основных фондов, инвестирования новых энергетических технологий за счет расширения государственного льготного кредитования, целевых субсидий и дотаций,

инвестиционных скидок, а также предоставления налоговых льгот инвесторам и (2) совершенствование структуры топливно-энергетического баланса.

В соответствии с рекомендациями Экономической комиссии ООН для стран Африки, прилагаются усилия к тому, чтобы создать условия для расширения возможностей выбора производителей энергии и развития стабильных правовых, фискальных и регулируемых условий, в т.ч.:

- политическая и экономическая стабильность, включая налоговую;
- наличие надежной правовой базы, принятие ряда основополагающих законов, общих инвестиционных кодексов и специального законодательства, регулирующих деятельность в нефтегазовой отрасли (включая вопросы инфраструктуры, транспортировки и связанных услуг); межотраслевых и отраслевых норм, правил, нормативно-технических актов;
- разработка механизма инвестиционных налоговых льгот;
- отсутствие дискриминации между предприятиями ТЭК;
- свободный доступ производителей энергии к системам транспортировки.

Перспективы Африки и потенциал для дальнейшего развития ТЭК выглядят чрезвычайно положительными. Прежде всего, это связывают с вовлечением новых, восточноафриканских месторождений. Эта часть Африки будет в ближайшие 10 лет осваиваться особенно интенсивно. Важно и то, что в большинстве случаев конкурентная борьба инвесторов там будет вестись не за передел рынка, а начинаться с «чистого листа». Ведь если в Западной Африке к настоящему времени пробурено примерно 15 тыс. скважин, то в Восточной – только 500 [11]. В то же время в Гвинейском заливе будет расти привлекательность глубоководной добычи, основные соглашения по инвестированию в которую подписываются в настоящее время. Несколько глубоководных перспективных нефтяных проектов развернуты в Западной Африке. Новая добыча с глубоководных месторождений начнется в Нигерии, Анголе, Конго (Браззавиль) и Гане в течение следующих пяти лет.

БОЛЬШЕ СКВАЖИН – ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

В АЮС, в сегменте бурения в ТЭК, четвертый год продолжается бум, не имеющий исторических прецедентов в отрасли ни по продолжительности, ни по масштабам. С конца 1999 г. до начала 2014 г. число действующих буровых в регионе увеличилось на 427%: в ноябре

1999 г. в регионе действовали 36 буровых, а в феврале 2014 г. – 156 (из них 65 приходились на морские установки в акватории Гвинейского залива, в т.ч. законтрактованных – 61) [12].

Особенно высокими темпами прирост нового бурения идет с середины 2011 г. Именно тогда было объявлено об обнаружении новых крупнейших газовых месторождений у Восточного побережья Африки. Площадь разлома на шельфе восточноафриканского побережья Африки простирается от *Мамба* на юге до *Сомали* на севере. Геологи прогнозируют обнаружение там новых крупных месторождений.

Примечательно, что максимальный рост произошел в **Мозамбике**. Подтверждение продолжающихся с 2010 г. открытий в новой газоносной провинции на шельфе страны позволило поднять оценку запасов с 0,13 трлн м³ до 2,7 трлн м³. Последний раз рост запасов газа такого масштаба отмечался в 2011 г. в Иране [13]. Американский концерн *Anadarko* заявил в 2013 г., что открытые им новые месторождения газа на шельфе Мозамбика оцениваются в 1,82 трлн куб. м [14]. Итальянский концерн *Eni* объявил, что новые месторождения на территории глубоководного бассейна Рувума близ побережья провинции Кабу-Делгаду довели общие размеры запасов месторождения *Mamba*, к которому относится находка, до 2,1 трлн м³ [15].

По некоторым неофициальным оценкам, всего у берегов Мозамбика предполагаемые запасы газа составляют 26 трлн м³, что в ближайшие годы может вывести страну в разряд ведущих газодобывающих государств планеты. Пока же большинство открытых в Мозамбике месторождений не эксплуатируется.

Несмотря на это, Мозамбик на сегодняшний день – один из двух (вместе с Танзанией) производителей газа в Восточной Африке. В 2013 г. в Мозамбике было произведено 153,8 млрд куб. фут. газа. Газ поступал с месторождений *Pande* и *Temane*. 26,66 млрд куб. фут. было потреблено внутри страны, а 127,14 млрд куб. фут. было отправлено в ЮАР по газопроводу *Sasol Petroleum International Gas Pipeline*, длина которого составляет 965 км [16].

Государственная нефтегазовая корпорация Индии *ONGC* достигла соглашения с американской компанией *Anadarko Petroleum* о приобретении 10%-ой доли в газовом месторождении Зона 1, расположенном неподалеку от побережья Мозамбика. Сумма сделки составит около \$2,6 млрд. При этом американская компания останется оператором месторождения с долей 26,5%.

Это уже вторая сделка индийской компании в Зоне 1 Мозамбика после того, как там были обнаружены значительные запасы газа. Ранее *ONGC* заключила сделку о косвенном 10%-м долевом участии в месторождении через *Oil India Ltd* с компанией *Videocon Mauritius*

Energy. По различным оценкам, объемы газа только в Зоне 1 могут составлять от 1,13 трлн до 1,84 трлн м³. Такие запасы обеспечат потребности Индии в газе в полном объеме в течение ближайших 15 лет. В заявлении *ONGC* говорится, что «проект в Зоне 1 удачно расположен со стратегической точки зрения и позволит поставлять сжиженный природный газ в Индию по конкурентоспособным ценам». Кроме того, компания отмечает, что Зона 1 может стать одним из крупнейших СПГ-проектов в мире [17].

Большой интерес к мозамбикскому газу проявляют и китайцы. В марте 2013 г. крупнейший китайский нефтепроизводитель *China National Petroleum Corp. (CNPC)* приобрел 20% проекта Зоны 4 месторождения *Mamba* у итальянской *Eni* за \$4,2 млрд [18].

Также в ближайшие 5 лет начнется добыча нефти в промышленных масштабах в Уганде и тяжелых нефтей – на Мадагаскаре.

Коммерчески жизнеспособная для добычи нефть в **Уганде** была открыта в 2006 г.: по оценкам, запасы составляют 3,5 млрд барр. Однако в силу ряда политических, социальных, экономических и технических проблем потребовалось почти десятилетие, чтобы началась добыча.

К 2012 г. в общей сложности было пробурено и исследовано 77 скважин, 70 из них – с потенциалом для извлечения прибыли. В 2013 г. правительство наконец-то достигло соглашений с *Tullow Oil* (Великобритания), *Total* (Франция) и *China National Offshore Oil Corporation/CNOOC* (Китай) о строительстве нефтеперерабатывающего завода и газопровода. Уганда также имеет партнерские соглашения с соседними странами: Южным Суданом, Кенией и Руандой, которые будут входить в состав собственников будущего НПЗ. Как только были проработаны оставшиеся вопросы, в 2014 г. началось строительство, а запуск производства планируется в 2018 г. [19].

Большая часть запасов нефти в Уганде находится в области Альбертина Грабен на участке размером 45 км x 500 км, покрытом пышной зеленой растительностью, где проживает около половины видов птиц Африки вместе с бабуинами, антилопами и слонами, что вызывает серьезную озабоченность у экологов. Однако правительство Уганды полагает, что разработка нефтяных месторождений позволит ускорить экономический рост, обеспечить электроэнергией все угандийское население, включая сельские районы, резко повысить уровень образования и здравоохранения, а также поставить Уганду в ряд стран с уровнем дохода на душу населения выше среднего.

Газовая отрасль в **Танзании** начала активно развиваться относительно недавно. Тем не менее там уже работают такие лидеры мировой нефтегазовой отрасли, как *Exxon Mobil*, *Statoil*, *Shell* и *Petrobras*. Прогнозируемые газовые ресурсы страны оцениваются на уровне 2 трлн м³, за-

падные компании планируют строительство завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) мощностью 10 млн т в год.

У Танзании действительно большой экспортный потенциал: помимо собственно запасов сырья, этому способствует и географическое положение страны. Скорее всего, в Танзании будет построен один или даже несколько заводов по сжижению газа. Вхождение Газпрома в Танзанию и другие страны Восточной Африки позволило бы ему в дальнейшем приблизиться к потенциально очень ёмкому рынку Индии.

Кроме того, рынок самой Танзании представляет большой интерес для иностранных инвесторов. В настоящее время весь производимый в стране газ (32 млрд куб. футов) потребляется внутри страны. Газ поступает с месторождения *Songo Songo* на севере страны. В ближайшие 5 лет планируется увеличение производства газа за счет разработки месторождения *Mnazi Bay* на юго-востоке, относящегося к газоносному району *Ruvuma* [20].

В настоящее время главный вид топлива в стране – древесный уголь, а практически вся нефть поставляется из-за рубежа. Тем не менее, учитывая запасы углеводородов, которыми потенциально располагает Танзания, её власти намерены построить новую «газовую» экономику за счёт привлечения иностранных инвестиций. Так, только Китай намерен в ближайшие годы вложить в экономику Танзании до \$10 млрд. Один из проектов (\$1,2 млрд) предполагает строительство газопровода. Эта магистраль свяжет месторождения на юге страны с портом крупнейшего города страны – Дар-эс-Салама. Впрочем, если Газпром окончательно решит закрепиться в Танзании, он может вложить не меньше. Если речь пойдет о том, чтобы Газпром участвовал в строительстве терминала по сжижению газа, тогда стоимость проекта также может приблизиться к \$10 млрд.

Естественно, инвестиции будут растянуты во времени, о крупных вложениях можно будет говорить начиная только с 2016–2017 гг. В Танзании Газпром интересуется, прежде всего, месторождения на шельфе страны. Танзанийские власти выставили на тендер лицензии на 7 блоков на глубоководном шельфе. Срок подачи заявок закончился в середине мая 2014 г. [21].

В 2003 г. ЮАР присоединилась к клубу нефтедобывающих стран – началась промышленная эксплуатация месторождения *Sable*, расположенного в 95 км к югу от побережья ЮАР и к юго-западу от *Mossel Bay*. Считавшаяся до этого лишенной собственной нефти и газа ЮАР уже сейчас покрывает за счет собственных ресурсов 29% своих потребностей в нефти и 2% – в газе. Месторождение *Sable Field* принадлежит и совместно управляется южноафриканской государственной

компанией *PetroSA* (60%) и американской корпорацией *Pioneer Natural Resources*, которой принадлежит 40% капитала [22].

Около 100 млн барр. нефти были обнаружены также на шельфе **Мавритании**. Первопроходцем в этой стране стала австралийская компания *Woodside Petroleum*. Еще в 2001 г. специалисты этой компании открыли месторождение *Chinguetti*, расположенное в 56 милях к юго-западу от столицы страны – Нуакшота. Добыча нефти началась в 2006 г. и достигла 75 тыс. барр. в день. Однако к 2011 г. она сократилась до 7,4 тыс., и многие инвесторы ушли с мавританского нефтяного рынка. Вместе с тем страна имеет неплохие перспективы благодаря открытию еще ряда месторождений нефти и газа на шельфе, крупнейшие из которых *Pelican Gas Discovery*, *Cormoran Gas Discovery*, *Tiof Oil and Gas Field*, *Banda Gas Field*. Разведочные работы на шельфе ведут английские, французские и австралийские компании. Запасы нефти и газа обнаружены также в Бенине и Сенегале [23].

О наличии небольших месторождений нефти в **Гане** было известно с 1950-х гг. Активный рост добычи и разработка прибрежных нефтегазовых богатств начались в 2007 г. после обнаружения нефтяного месторождения *Jubilee*. Производство нефти в Гане выросло с 7000 б/д в 2009 г. до 78 000 б/д в 2011 г. и 80 000 б/д в 2012 г. На рубеже 2012/13 гг. ведущий оператор месторождения, компания *Tullow*, столкнулась с техническими проблемами, которые привели к заметному падению производства в 2013 г. Несмотря на это, успех освоения месторождения *Jubilee* породил интерес со стороны других нефтяных компаний к изучению геологически схожих регионов в других странах Гвинейского залива, таких как Бенин, Либерия, Сьерра-Леоне и Того.

В самой Гане продолжается расширение месторождения *Jubilee Field*, и с 2015 г. ожидается резкое увеличение отдачи с блока *Jubilee Phase 1A*. Компании *Hess* (США) и *Statoil* (Норвегия) обнаружили 149-метровый пласт нефти на месторождении *Deepwater Tana' Cape Three Points*, окончательная оценка которого не завершена. *Eni* (Италия) обнаружила газовые месторождения промышленной мощности с дебитом 5000 б/д и рассматривает возможность их коммерциализации в форме СПГ. *Kosmos and Tullow* также активно исследуют возможности развития морской добычи, хранения и отгрузки нефти. В Гане завершается строительство завода по производству СПГ на базе сырья из шельфовых месторождений [24].

НЕ ТОЛЬКО ДОБЫТЬ, НО И ДОСТАВИТЬ ПОТРЕБИТЕЛЮ

В ближайшие 5 лет планируется также реализация следующих крупнейших проектов по строительству трубопроводов в АЮС:

– 4400-километровый Транссахарский газопровод от района *Warri* в Нигерии до крупнейшего газового месторождения *Hassi R'Mel* в Алжире, который будет соединен с уже функционирующим газопроводом из Алжира в Европу;

– 1070-километровый нефтепровод Чад – Камерун, по которому будет транспортироваться сырая нефть с месторождения *Doba* в Чаде через территорию Камеруна в порт *Kribi*, расположенный на атлантическом побережье;

– 740-километровый трубопровод *Ajaokuta – Kaduna – Kano*, призванный обеспечить в долгосрочном плане полную энергетическую безопасность Нигерии.

Таблица 6. Характеристика африканских нефтегазодобывающих стран по степени инвестиционной привлекательности

Критерий	Возраст месторождений и зрелость нефте- и газодобычи	Степень налаженности управления нефте- и газодобычей	Перспективы роста добычи	Новые производители
Прогноз	Ожидается снижение добычи из-за постепенной выработки месторождений. Выбывающие скважины замещаются лишь частично. Разведка продолжает вестись, но маловероятно обнаружение новых месторождений, сравнимых по запасам с выбывающими.	Производство достигло плато или медленно растет. Объемы добычи с выбывающих месторождений замещаются новыми в равной мере или даже с избытком.	У новых производителей нефти и газа будет иметь место устойчивый рост объемов производства по мере введения в эксплуатацию новых месторождений.	Нефте- и газодобыча начнется в среднесрочной перспективе (5 лет).
Страны	Судан, Южный Судан, Экв. Гвинея, Габон, Камерун, Чад, ДРК, Мавритания	Нигерия, Ангола, Конго, ЮАР, Кот-д'Ивуар	Гана, Нигер	Мозамбик, Танзания, Уганда, Кения, Мадагаскар, ЮАР, Мавритания, Бенин, Сенегал

Источник: составлена авторами.

В мировой торговле газом растет спрос на СПГ. Как следствие, растет и производство СПГ, которое увеличивается на 4,3% в год. Ожида-

ется, что к 2030 г. на СПГ будет приходиться 15,5% глобального потребления газа. Африка быстрыми темпами увеличивает производство СПГ и постепенно догоняет по объемам его мировых продаж Ближний Восток.

Ожидается, что к 2028 г. регион Африки станет самым крупным экспортером СПГ в мире [25]. В первую очередь это связано с разработкой крупнейших газовых месторождений на востоке континента. В ближайшие 5–10 лет планируется строительство завода СПГ в Мозамбике и Танзании, а также двух крупных заводов в Анголе и Камеруне (проект уже разработан). Для успешной реализации этих проектов понадобится строительство трубопроводов, соединяющих месторождения нефти и газа с местами их переработки.

В табл. 6 приводится сравнительная характеристика африканских нефтегазодобывающих стран по степени инвестиционной привлекательности, исходя из 4 критериев современного состояния нефте- и газодобычи, прироста запасов и возможных новых моментов развития их ТЭК в кратко- (1–2 года) и среднесрочной (3–5 лет) перспективе.

Если говорить о стратегических изменениях, то к 2030 г. произойдет постепенный переход от добычи нефти и газа неглубокого залегания на севере и западе Африки к глубоководному бурению на юго-востоке и востоке, а также на северо-западе Африканского континента. Поэтому уже сегодня необходимо выходить на новые перспективные нефтегазовые рынки. В первую очередь, это касается таких стран, как **Мозамбик, Танзания, Намибия, ЮАР, Мавритания и Бенин.**

РОССИЙСКИЙ ИНТЕРЕС

Особое значение в XXI в. будет приобретать российско-африканское сотрудничество в нефтегазовой сфере.

Россия вместе с Саудовской Аравией ныне занимает ведущее место среди нефтедобывающих и нефтеэкспортирующих стран. Значение энергетического фактора во внешней политике страны растет. Поэтому Россия стремится стать наиболее влиятельным игроком на мировом нефтегазовом рынке. Однако только за счет отечественных ресурсов реализовать эти планы будет весьма затруднительно.

Основные районы добычи нефти в РФ могут обеспечить выполнение этой задачи лишь на 30–40%, остальная добыча должна увеличиться за счет разведки и освоения месторождений в труднодоступных районах и в прибрежных водах России. По имеющимся прогнозам, к 2020 г. доля трудноизвлекаемых запасов жидкого топлива увеличится на 80%, а удельный вес активных запасов снизится на 20%.

Освоение новых месторождений связано с большими капиталовложениями и не всегда экономически целесообразно.

Поэтому, чтобы сохранить свое влияние на мировом нефтегазовом рынке, российским компаниям необходимо принимать меры не только по разработке новых месторождений на территории РФ, но и расширять географические рамки своей деятельности за счет организации добычи нефти в других, более благоприятных районах планеты, в т.ч. в Африке.

Помимо нефти, Россия является крупнейшим в мире производителем и экспортером природного газа. Предполагается, что в XXI в. доля природного газа в структуре энергопотребления будет постоянно возрастать. В условиях роста мирового спроса на газ РФ заинтересована сохранить свои лидирующие позиции в производстве и экспорте «глубокого топлива». Однако газодобыча на основных российских месторождениях снижается, а освоение новых месторождений на больших глубинах, в арктических широтах и других труднодоступных районах сопряжено с огромными издержками.

Увеличение экспортных поставок газа может быть обеспечено за счет освоения газовых месторождений за пределами страны, в т.ч. в африканских государствах, газовые ресурсы которых оцениваются в 31 трлн м³. При этом себестоимость добычи газа на африканских месторождениях на 35–60% ниже, чем на российских, к тому же ряд африканских стран обладает современными технологиями по сжижению природного газа.

Поскольку Африка стремительно выдвигается на роль стратегического игрока в энергетической сфере, в интересах России – внимательно отнестись к среднесрочным и долгосрочным перспективам нефтегазового сотрудничества с Черным континентом, возможно, отказавшись от погони за внешне привлекательными «ближними целями».

По сути, единственной главной задачей заинтересованных отечественных структур в регионе должно стать противодействие превращению Африканского континента в эффективную альтернативу российским источникам топлива и, что еще более вероятно, в эффективное орудие шантажа и давления на российскую сторону в энергетической сфере.

Для реализации этой задачи должна быть разработана инновационная система мер долгосрочного и самоподдерживающего российского присутствия и, самое главное, влияния в регионе. Эти меры должны опираться на материально-техническую базу российской собственности, экономические, технологические связи африканских стран, компаний и персонала с Россией, а также на личные контакты, связи и интересы влиятельных представителей африканской общественности.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые статья опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня» 2014. № 11. С. 3–12.

1. Вестник нефтегазового комплекса. 2012. № 1-2. С. 8.
2. 2012 Commerce Yearbook of China. Beijing, 2013. P. 57.
3. www.eia.gov/naturalgas/crudeoilreserves/
4. <http://www.bp.com/statisticalreview>
5. Абрамова И.О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М., 2013. С. 111–112.
6. http://bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf
7. В открытом доступе находятся сокращенные обзоры крупных исследований British Petroleum, ConocoPhillips, Royal Dutch Shell. См., например: <http://bp.com/statisticalreview>; http://conocophillips.com/EN/about/company_reports/Pages/index.aspx; <http://shell.com/home/content/media/reportspublications/>
8. <http://southafrica.info/business/success/sableoil.htm#.UydEVPZt8U#ixzz2wFz2ljLb>
9. http://eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Africa-EU.aspx
10. Абрамова И.О. Указ. соч. С. 111.
11. http://www.shell.com/home/content/media/reports_publications/
12. <http://www.eia.gov/countries/regions-topics2.cfm?fips=EAE>
13. http://sptec-advisory.com/SPTec_Advisory-Mozambique-The_Emergence_of_a_giant_in_NaturalGas.pdf
14. <http://online.wsj.com/articles/anadarkos-controversial-mozambique-project-shows-appetite-for-natural-gas-1407810602>
15. http://www.eni.com/en_IT/media/press-releases/2013/09/2013-09-03-new-high_impact-exploration-mozambique.shtml
16. <http://www.sasol.co.za/about-sasol/south-african-energy-cluster/sasol-gas/operations-sasol-gas>
17. <http://online.wsj.com/articles/anadarkos-controversial-mozambique-project-shows-appetite-for-natural-gas-1407810602>
18. <http://www.bloomberg.com/news/2013-03-14/cnpc-to-buy-stake-in-eni-s-mozambique-assets-for-4-2-billion.html>
19. <http://www.oilinuganda.org/categories/features/companies>
20. http://www.tpdz.com/tpdc/Operating_companies.php
21. <http://www.dailynews.co.tz/index.php/biz/27733-russia-s-gazprom-eyes-investing-in-tanzania>
22. <http://www.dailynews.co.tz/index.php/biz/27733-russia-s-gazprom-eyes-investing-in-tanzania>
23. <http://www.saoga.org.za/oil-gas-hubs/upstream-oil-gas-south-africa>
24. <http://www.theguardian.com/global-development/2014/feb/03/ghana-oil-money-development-gains>
25. Ведомости. 23.08.2014.

Раздел 3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И РОССИЙСКО- АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АФРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СУЩЕСТВУЮЩЕГО МИРОПОРЯДКА

Абрамова И. О. (2022)

Современный миропорядок проходит этап глубочайшего политического, экономического, гуманитарного и пока еще не глобального, но весьма опасного локального военного кризиса. Российская специальная военная операция на Украине резко ускорила процесс распада однополярного мира во главе с США. Контуры нового формирующегося миропорядка хотя уже и прорисовываются, но не вполне определены. Многополярность как возможная модель нового вызревающего мироустройства, настоятельно нуждается в системе двухсторонних и многосторонних геостратегических сдержек и противовесов, исключающих или минимизирующих опасность глобального вооруженного столкновения. В то же время она, как видится, является наиболее приемлемым вариантом переустройства мира для абсолютного большинства стран и народов, поскольку открывает возможности для установления более справедливого миропорядка, учитывающего интересы максимально широкого круга членов мирового сообщества.

На этом фоне происходит переоценка сравнительной значимости и роли регионов мира как зон столкновения интересов участников обновленного соперничества. Очевидно, что России, которая в течение последних 30 лет безуспешно стремилась стать частью западного мира, пора расстаться со своими иллюзиями и пересмотреть свою внешнеэкономическую и внешнеполитическую стратегию, переориентировавшись на страны, превращающиеся из аутсайдеров в значимых игроков на международном политическом и экономическом пространстве и готовых взаимодействовать с нашим государством на взаимовыгодной и равноправной основе.

Сегодня, как известно, происходит постепенное смещение глобального центра экономической силы с Запада на Восток или, в зависимости от системы координат, с так называемого Севера на Юг. В контексте долгосрочных глобальных трендов перед условным Западом, возможно, впервые за последние 500 (и уж абсолютно точно 300) лет замаячила перспектива постепенного превращения в относительную «периферию». Это значит, что даже в существующей рыночной модели уже не за горами то время, когда основная часть глобального производства и основная часть глобального потребления сместится из северной Евро-Атлантики на юг и восток, в Азию, Африку и Латинскую Америку. А в

рыночной модели это значит, что производитель будет подстраиваться не под вкусы и потребности условного «европейца» (относя к ним и американцев, канадцев и даже австралийцев), а под «азиатов» и «африканцев», в том числе и потому, что на сегодняшний день большинство представителей среднего класса, который предъявляет основной спрос на товары и услуги, проживает в азиатском регионе, а примерно с 2040 г., по подсчетам ООН, прирост среднего класса будет происходить не за счет Азии, а за счет Африки [1], в то время как обеднение среднего класса Европы и США началось уже сейчас.

Конечно, речь не идет об одномоментном или мгновенном (в историческом понимании) изменении. Но это реальные глубинные трансформации, которые уже происходят в том, что, применяя марксистскую терминологию к современному глобализированному миру, можно было бы назвать «глобальным базисом». И эти перемены в глобальном базисе неизбежно повлекут за собой перемены в «глобальной надстройке», то есть в том западноцентричном миропорядке, который господствует сегодня. Это перемены и в политике, и в культуре, и в мировоззрении, и в системе ценностей, что проявляется в неприятии однополярного мира и навязываемых им методов колониального господства и подчинения.

В реальной жизни это медленный и сложный процесс, продвигающийся на разных своих этапах с разной скоростью, нередко зигзагами. Сегодня никто уже не сомневается, что современный Восток и Юг (а это не только Китай или Индия, но и множество других стран, в том числе и африканских, и латиноамериканских) сегодня являются производителем основной части ресурсов и товаров, в особенности «базисных», *то есть тех, без которых масштабное реальное производство ни в одной части мира, в том числе в развитых странах, сегодня невозможно.* Более того, реальный (а не виртуальный) процесс расширенного воспроизводства без этих ресурсов и товаров также крайне затруднен.

Но и экономическая роль Запада, особенно на передовых направлениях, еще далеко не исчерпана. Однако не эта роль определяет сегодня шаблоны его поведения. Сегодня смысл его усилий, в том числе экономических, – воспрепятствование утрате своего влияния и контроля над потоками мирового богатства. Он пытается сохранить свои позиции и привычный образ жизни, используя надстроечные элементы, а именно те рычаги влияния, которые остались у него в руках – военные, финансовые, административно-управленческие, информационные, культурные и ценностные.

Африку Евро-Атлантический блок рассматривает, прежде всего, с трех точек зрения: прогнозируемых перспектив глобального экономи-

ческого развития, ресурсной и военно-геополитической. Все три аспекта рассматриваются через призму соперничества с главными соперниками и конкурентами – Китаем и Россией. Одновременно Запад внимательно следит за возрастающей активностью и влиянием в этом регионе соперников «второго эшелона» – Индии, Бразилии, Турции, Ирана, арабских государств Персидского залива, Южной Кореи и других, часть которых он пытается контролировать, превратив, по крайней мере, в ситуативных союзников, но стратегически сохранив в качестве эксплуатируемой периферии.

В этих условиях главная задача политики «коллективного Запада» в Африке – сохранить и упрочить свое экономическое, политическое и военное влияние, используя традиционные и новейшие методы *постнеоколониализма**, а также избежать вызовов и угроз, связанных с Африканским континентом.

При этом стратегия западных держав в Африке имеет свои особенности. Основой стратегии **США** на Африканском континенте, озвученной в 2018 г. еще администрацией Д. Трампа и почти не изменившейся при Дж. Байдене, стало противостояние Китаю и России и их вытеснение (в случае с Китаем) и недопущение (в случае с Россией) в африканский регион. **Великобритания** в связи с Брекзитом и реализацией концепции Глобальной Британии (Global Britain) серьезно озабочена выработкой стратегий освоения альтернативных ЕС рынков и компенсации выпадающей части доходов госбюджета и частного бизнеса за счет активизации африканского вектора своей политики. Почканувшийся авторитет **Франции** в африканских государствах, в первую очередь в деле обеспечения их безопасности и борьбы с терроризмом, побуждает французские власти адаптироваться к новым условиям, стремясь к максимальной экономии при эксплуатации ресурсов Африки и активно используя такие инструменты воздействия, как пусть и существенно ослабленное, но всё еще системно значимое доминирование в обеих зонах африканского франка и культурно-языковое влияние на образование, науку и воспитание молодежи в рамках проекта «Франкофония».

В африканской стратегии **Германии** основная роль отводится частному сектору, генерирующему для себя на континенте устойчиво высокую прибыль, в первую очередь среднему бизнесу, который должен будет обеспечить основную часть инвестиций на континент и создать рабочие места для местного населения (в отличие от Китая, который активно завозил в Африку собственную рабочую силу). При этом не-

* Подробнее о теоретическом содержании авторской теории «пост-неоколониализма» см. [2].

мецкое государство будет способствовать созданию благоприятной производственной среды для своих предпринимателей через вложения в африканское образование, здравоохранение и инфраструктуру.

Современная внешняя политика **Италии** на Африканском континенте ориентирована, прежде всего, на Северную Африку. Только с 2013 г. итальянское правительство стало уделять больше внимания Африке южнее Сахары. Роль Италии в Африке снизилась по сравнению с 1980-ми годами в таких сферах, как внешняя торговля, помощь развитию, участие в миротворческой деятельности. Вместе с тем в последние годы несколько возросло значение Африки как рынка сбыта итальянского оружия, а также увеличилось присутствие на континенте итальянских неправительственных организаций по оказанию гуманитарной помощи. В ряде стран, в том числе и Тропической Африки, у итальянских фирм сохраняются прочные позиции в области разведки и разработки углеводородных ресурсов континента.

Что касается новых «незападных» игроков, то они строят свое сотрудничество на иных принципах, далеких от модели «господство-подчинение».

Индия развивает сотрудничество с Африкой как часть общего взаимодействия с развивающимися странами по линии «Юг-Юг», то есть укрепляет экономические и иные связи с африканскими государствами на взаимовыгодных условиях, что в корне отличается от сложившегося в колониальную эпоху формата «Север-Юг». Однако в целом можно отметить высокую степень географической (в основном восточное побережье и юг Африки) и историко-культурной (англоязычные страны, бывшие британские владения) концентрации активности индийского бизнеса.

Турция в политическом плане делает акцент на совместную защиту национальной идентичности как турков, так и африканцев, которая находится под угрозой ввиду продвигаемых Западом идей глобализации и навязывания чуждых Востоку и Африке ценностей. В экономической сфере Турция активно расширяет свой экспорт в Африку, реализует множество проектов малого и среднего бизнеса и высокими темпами развивает авиасообщение с континентом. Сегодня Турция превратилась в главный хаб по перемещению пассажиров из Африки в страны Европы и США. Турция также интенсифицирует военно-техническое сотрудничество со странами континента, прежде всего средиземноморскими, и странами большого региона Африканского Рога. Кроме того, в последние годы наметился активный, хотя еще и точечный поиск возможностей использования религиозного фактора в мусульманских странах Африки, к которым прежде турецкое внимание было практически нулевым.

Бразилия, как и Индия, налаживает сотрудничество с Африкой по линии «Юг–Юг» в рамках форматов БРИКС и IBSA (форум Индии, Бразилии и ЮАР). Эта крупнейшая латиноамериканская страна переходит сегодня от политики преимущественного взаимодействия с португалоязычными странами Африки к сотрудничеству со всеми африканскими государствами, в первую очередь в добывающей промышленности, сельском хозяйстве, развитии транспортной инфраструктуры.

Но для России при определении собственной стратегии на африканском направлении особенно интересен опыт **Китая**, который после распада СССР занял и укрепил те позиции, которые занимал Советский Союз в Африке, и даже существенно превзошел их во многих отношениях. Интенсифицировав экономическое сотрудничество с Африкой, превратив страны континента в гарантированный рынок для сбыта своей продукции с более чем миллиардом потребителей, КНР в 1990–2000-е годы фактически подняла свою промышленность и массовое производство именно на том, что «прорабами перестройки» и идеологами реформ 1990-х годов декларировалось в качестве главной обузы для СССР. В десятые годы нынешнего века Китай превратился в главного торгово-экономического партнера африканских государств. Все это потребовало продуманных и последовательных усилий, переподготовки или отстранения тех, кто препятствовал достижению реальных успехов из бюрократических, местных или коррупционных соображений, либо просто был не подготовлен или не способен к работе на африканском направлении.

Сегодня Пекин последовательно выстраивает глобальные цепочки формирования добавленной стоимости, в создании которых африканским производителям предлагается значимая роль. Всё вместе это **встроено** в стратегические планы социально-экономического развития самого Китая и реализации его глобальных проектов, что принципиально отличает китайскую политику от всех остальных. Конечной целью прилагаемых усилий должно стать создание «Китайско-африканского сообщества единой судьбы в новую эпоху».

На последней министерской конференции, состоявшейся в декабре 2021 г. в столице Сенегала Дакаре, Председатель КНР Си Цзиньпин в обращении к африканским участникам выдвинул четыре предложения: проявлять солидарность в борьбе с пандемией; углублять прагматическое сотрудничество; продвигать «зеленое развитие»; поддерживать честность и справедливость на международной арене.

Он напомнил, что перед этой встречей был принят совместный документ «Перспективное видение китайско-африканского сотрудничества до 2035 года», и озвучил планы Пекина на первые три года. Ки-

тай планирует реализовать 9 программ в следующих областях: 1) *здравоохранение* (в частности, КНР предоставит 1 млрд доз вакцин, осуществит 10 проектов в сфере медицины и направит в Африку 1500 специалистов-медиков); 2) *борьба с бедностью и развитие сельского хозяйства* (10 проектов); 3) *торговля* (Китай планирует довести сумму импорта из Африки до 300 млрд долл.; открыть «зеленый коридор» для африканского с/х экспорта в КНР; выделить 10 млрд долл. на поддержку африканского экспорта в КНР); 4) *инвестирование* (за 3 года нарастить прямые инвестиции в Африку на 10 млрд долл., создать «Китайско-африканскую платформу поощрения частных инвестиций», выделить 10 млрд долл. для поддержки африканских финансовых институтов, создать «Китайско-африканский центр трансграничных операций в юанях», списать часть долга беднейших африканских стран, передать государствам Африки дополнительный объем специальных прав заимствования (СПЗ) МВФ на сумму 10 млрд долл.); 5) *цифровые инновации* (10 проектов); 6) *зеленое развитие* (10 проектов, поддержка проекта «Великой зеленой стены Африки» и др.); 7) *наращивание человеческого потенциала* (финансирование проектов в сфере образования и профессиональной подготовки, создание китайскими компаниями не менее 800 тыс. рабочих мест для местного населения); 8) *культурно-гуманитарные контакты* (в том числе создание новых центров культуры и изучения китайского языка); 9) *мир и безопасность* (10 проектов, оказание военной помощи Африканскому Союзу, подготовка военных специалистов и др.) [3].

Только краткое перечисление всех этих программ свидетельствует о том, насколько серьезно и с какой глубиной стратегического видения Китай намерен в ближайшие годы сотрудничать с Африканским континентом.

Общий анализ вышеприведенных стратегий на африканском направлении приводит нас к выводу, что России будет весьма непросто конкурировать в геостратегической схватке за Африку с другими игроками, как старыми, так и новыми. Многие могут даже задаться вопросом, а есть ли у нас вообще какой-либо шанс в этой борьбе? На наш взгляд, для ответа на него необходимо проанализировать российско-африканские отношения за последние годы, выявить основные проблемы и те ошибки, которые мы совершили, взаимодействуя с африканскими партнерами, и определить те сферы сотрудничества, которые представляют взаимный интерес и по которым у России есть явные конкурентные преимущества. Но, кроме этого, необходимо задать себе вопрос: а есть ли у нас в нынешних условиях право не воспользоваться возможностями, которые открывает Африка для нашей экономики и безопасности, и проигнорировать их только потому, что полу-

чение этих преимуществ требует ответственности, затраты определенных сил и средств, а также инициативы?

После распада СССР, который рассматривал взаимодействие с Африканским континентом как важнейшую составляющую своей внешней политики, Россия, несмотря на колоссальные усилия и вложенные в развитие Африки средства, практически свернула свои отношения с африканскими государствами. Делалось это абсолютно целенаправленно людьми, возглавлявшими в тот период наши внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства и ориентированными преимущественно на Запад. Под лозунгом «Хватит нам кормить Африку!» они, по сути дела, не дали нашей стране не только воспользоваться реальными дивидендами на российские вложения (а это около 300 промышленных предприятий, более 1000 объектов инфраструктуры, сотни образовательных, научных и культурных центров, построенных в Африке Советским Союзом, дружественная нам русскоговорящая африканская политическая и экономическая элита, подготовленная в советских вузах и т.д.), но и согласились под давлением американцев и их сателлитов – бывших колониальных метрополий – на крайне невыгодных для России условиях списать более 20 млрд долл. африканского долга нашей стране [4]. Все это сопровождалось массовой отменой авиарейсов на Африканский континент (на 2021 г. регулярные рейсы российских авиакомпаний были только в Каир, даже в ЮАР, которая является членом БРИКС, наши самолеты не летают), закрытием наших посольств (их осталось 40 в 54 странах Африки) и торговых представительств (на сегодняшний день их 4 – в Египте, Алжире, Марокко и ЮАР), а также культурных центров (всего 8) и корпунктов российских СМИ. Резко сократилось и число африканских студентов, обучающихся в российских вузах. Так, по данным Минобрнауки, в 2018–2019 учебном году были зачислены всего 2066 кандидатов из 52 стран Африки [5]. Новая африканская элита готовится сегодня в западноевропейских, американских и китайских вузах и является проводником отнюдь не российских интересов. Иными словами, в 1990-е годы были разрушены не только экономические основы, но и вся инфраструктура нашего сотрудничества с Африкой, включая гуманитарную сферу, – науку, образование, культуру, систему ценностей.

Ни для кого не секрет, что в современном мире всё большую роль начинает играть информация. Виртуальная реальность, по сути дела, практически формирует «живую реальность», во всяком случае, оказывает на последнюю колоссальное воздействие. В этих условиях роль СМИ в выстраивании наших отношений с Африкой приобретает первостепенное значение. Мы уже говорили о том, что Россия практически свернула свою информационную сеть в Африке. Фрагментарно

там присутствуют наши информационные агентства, такие как ТАСС и Спутник (у ТАСС в Африке всего 5 представительств – в Египте, Марокко, Тунисе, Кении и ЮАР, у Спутника и RT – ни одного), но, как правило, они недостаточно укомплектованы как с технической, так и с кадровой точки зрения, не выдерживают конкуренции со стороны западных и китайских СМИ и не ведут передачи на африканских языках. Кроме того, мы совсем не работаем в африканских социальных сетях, которые весьма популярны среди молодого африканского населения. Вот почему информацию о России, часто искаженную или даже ложную, африканцы черпают из западных источников. Африка практически отсутствует и в российском информационном пространстве, а новости о континенте носят преимущественно негативный, сенсационный или ироничный характер, причем в абсолютном большинстве случаев выдающие невысокий уровень общей образованности и эрудиции отечественных авторов, не говоря уже об их понимании африканских реалий.

Мы провели исследование новостных сюжетов, посвященных африканской повестке, за одну неделю (с 18 по 24 января 2022 г.) и пришли к следующим неутешительным результатам. На сегодняшний день в средствах массовой информации Российской Федерации наблюдается крайне низкий уровень освещения ключевых событий, происходящих в Африке. Этот показатель достигал в исследуемый период 0,7% от общей ленты ведущих российских СМИ (Интерфакс, РИА, ТАСС). Для сравнения: новостная повестка, связанная с США, в среднем занимала 14,6% от всей новостной ленты, а с КНР – 1,4%.

Таблица 1. Сопоставление количества новостных сюжетов, связанных с Африкой, США и КНР, в ведущих российских СМИ (18–24 января 2022 г.)

Новости по теме	СМИ (количество новостных сюжетов и % от общего числа новостей)		
	Интерфакс	РИА	ТАСС
Африка	6 (0,5%)	11 (0,3%)	83 (1,3%)
США	103 (9,4%)	699 (22,0%)	813 (12,5%)
Китай	19 (1,7%)	29 (0,9%)	102 (1,6%)
Общее количество всех новостей на ресурсе	1097 (100%)	3211 (100%)	6500 (100%)

Рассчитано по: [6, 7, 8].

При этом за недельный период исследования в странах Африканского континента происходили события, которые имеют определенную значимость как для России, так и всего мира, в том числе воен-

ный переворот в Буркина-Фасо; контакты действующего руководства Мали с «частными военными компаниями», созданными российскими гражданами, о чем упомянул глава МИД С.В. Лавров [9], и конфликт малийских властей с партнерами по военному сотрудничеству из стран ЕС; разногласия между Александрийской церковью и Русской православной церковью из-за решения Священного синода РПЦ образовать Патриарший экзархат Африки; проведение футбольного Кубка африканских наций и т.д.

К примеру, в русскоязычных СМИ* сюжеты о политических событиях в Буркина-Фасо рассматривались в 43 [10] новостных статьях в различных изданиях, еще в 9 [11] статьях была представлена позиция МИД РФ по данному вопросу. Для сравнения: частный сюжет по вопросу эвакуации дипломатов Великобритании с Украины был опубликован 94 [12] раза.

Особо стоит отметить, что в российских СМИ в среднем более 75% новостей об Африке носят негативный характер. Страны континента зачастую упоминаются в контексте военных и религиозных конфликтов, серьезных экономических проблем, бедности, распространения опасных заболеваний и т.д.**

Таким образом, африканская повестка находится на периферии отечественного информационного пространства. Несмотря на то, что ключевые новости континента фрагментарно попадают в ленты российских СМИ, как правило, они не складываются в новостные сюжеты или рубрики (состоящие из ряда статей), по которым можно комплексно, в динамике сформировать общественное представление о ситуации в этом макрорегионе. Как правило, сведения об Африке в СМИ даются не только в недостаточном объеме и точно, но также имеют одностороннюю негативную окраску. Подобное положение приводит к тому, что даже знаковые для Российской Федерации события, которые происходят в Африке, достаточно быстро выпадают из отечественного информационного пространства.

Всё это ведет к тому, что у российской общественности, а также профессионального сообщества, включающего политическую, экономическую и научную элиты, формируется абсолютно неверное представление о современной Африке, которое увязывается с такими понятиями, как бедность, слаборазвитость, голод, неграмот-

* Для расчета использовались статистические данные сервиса Яндекс.Новости, куда направляют свои материалы 7685 информационных партнеров (в том числе все основные федеральные и региональные отечественные СМИ).

** Стоит обратить внимание на то, что исследование проводилось до начала известных событий на Украине, которые сегодня, безусловно, полностью доминируют в СМИ.

ность, государственные перевороты, диктаторы у власти, терроризм, вооруженные конфликты и войны, пираты и захват заложников, нелегальная миграция и беженцы, коррупция и т.п. Кроме того, российской элите свойственно и некое высокомерное отношение к Африке.

Сколько раз мы слышали из уст высокопоставленных чиновников фразу «Мы (то есть Россия) – не Африка». Между тем к нашей стране для так называемого «сдерживания» сегодня весьма успешно применяются колониальные приемы, которые в свое время применялись к африканским государствам. Речь идет о таких инструментах, как зависимость от западных товаров и технологий, санкции, подкуп и коррумпирование политических, экономических и интеллектуальных элит, попытки смены неудобной власти через использование механизмов внутренних социальных протестов, в первую очередь с опорой на молодежь и даже детей, поощрение «утечки мозгов», навязывание западной системы ценностей и размывание национальной идентичности, в том числе сужение рамок использования национального языка, формирование колониального типа мышления и многое другое. И в этом смысле изучение африканского опыта может существенно помочь нам в преодолении собственных ошибок и решении задач ускоренного развития экономики и социальной сферы.

Таблица 2. Доля Африки в мировом ВВП по обменному курсу и по ППС, 2000–2021 гг., %

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
По обменному курсу	2,1	2,5	3	3	2,8	2,8
По ППС	4,7	5	5,2	5	5	5

Рассчитано по: [13].

Таблица 3. Среднегодовые темпы прироста ВВП в Африке и мире, 2000–2021 гг., %

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Африка	4,2	6	5,8	3,3	–1,6	5,1
Мир	4,8	4,9	5,4	3,4	–3,1	4,9

Источник: [13].

Несмотря на бездумное навязывание российскому общественному мнению представления об Африке как о самом отсталом и проблемном регионе мира, квалифицированные специалисты-африканисты, в том числе и западные эксперты, называют Африку континентом XXI века и

связывают это как с устойчивыми темпами роста африканской экономики за последние 20 лет, так и с колоссальным ресурсным и человеческим потенциалом африканского региона. Нет смысла спорить о том, что африканские страны и их жители в среднем (но далеко не все!!!) беднее многих государств мира. Однако с точки зрения выгоды, перспектив, а с марта 2022 г. и безопасности для российского бизнеса они далеко опережают страны Запада.

Как видно из *табл. 2 и 3*, среднегодовые темпы прироста ВВП Африки за последние 20 лет были выше, чем соответствующие показатели по миру в целом, что позволило континенту повысить свою долю в мировом ВВП, хотя она всё еще остается достаточно низкой. Однако в последнее время среди экспертов начинает формироваться мнение, что сама методика подсчета ВВП базируется на показателях, которые не отражают реальное положение дел в мировой экономике с точки зрения обладания реальными богатствами и производства реальных ценностей. И если опираться на эти индикаторы, то роль Африки в мировой экономике может существенно возрасти.

Так, среди других регионов мира Африка занимает **первое место** по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, колтана, алмазов, фосфоритов, флюорита, **второе** – по запасам руд меди, урана, сурьмы, бериллия, асбеста, графита, **третье** – по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также запасы титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др.

Большинство из вышеперечисленных полезных ископаемых необходимо для производства современных высокотехнологичных товаров широкого круга назначения, что делает стратегическую зависимость многих акторов мировой экономики от их регулярных поставок весьма существенной.

Так, например, зависимость от поставок из Африки хрома достигает у США 97%, у стран ЕС – 62%, а у Китая – 84%. По кобальту эти показатели 71, 82 и 100% соответственно. Доля Африканского континента в импорте марганца составляет у США 79%, у стран ЕС – 68%, а у Китая – 67%. Китай также получает из Африки 86% всей необходимой ему меди. Страны ЕС импортируют с Африканского континента 63% используемого ими алюминиевого сырья и 58% титана, у Китая данный показатель – 49 и 50% соответственно. Доля африканских поставок урана достигает у США 27%, у ЕС – 35%, а у Китая – 36%. Более половины всего импорта ЕС таких металлов, как ниобий, тантал, ванадий и цирконий приходится на Африку. У США и Китая соответствующие индикаторы составляют 43 и 49% [14]. Таким образом, значительное число западных и китайских промышленных предприятий,

производящих современные высокотехнологичные товары, в том числе связанные с военным производством, попросту не смогут функционировать без поставок африканского сырья.

Что же касается Российской Федерации, то по данным крупнейшего российского минеролога академика Н.С. Бортникова, наша страна испытывает острый дефицит в таких металлах, как уран, марганец, хром, алюминий, цирконий, бериллий, литий, рений и в редкоземельных металлах иттриевой группы. Через 10 лет к ним добавятся еще свинец, сурьма, золото, серебро, алмазы и цинк [15]. Большинство этих видов ископаемых есть в Африке, а себестоимость их добычи весьма низкая, что позволило бы нам рассматривать разработку африканских ресурсов (если это будет экономически выгодно по сравнению с разработкой собственных месторождений при их наличии) как одно из важных направлений преодоления дефицита важнейших видов стратегического сырья.

Таблица 4. Доля африканского населения в мировом населении, 2020–2050 гг., %

2020 г.	2025 г.	2030 г.	2035 г.	2040 г.	2045 г.	2050 г.
17,2	18,4	19,7	21,1	22,6	24,1	25,6

Рассчитано по: [16].

Таблица 5. Доля африканского населения моложе 24 лет (0–24 года) во всем населении Африки и доля африканского населения моложе 24 лет (0–24 года) в мировом населении моложе 24 лет (0–24 года), 2020–2050 гг., %

	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2035 г.	2040 г.	2045 г.	2050 г.
Доля (0–24 года) Африки во всем населении Африки	59,6	58,5	57,2	55,6	53,8	52	50,4
Доля (0–24 года) Африки в мировом населении (0–24 года)	25	27,1	29,2	31,2	33,2	35,1	36,9

Рассчитано по: [16].

Современная Африка постепенно превращается и в значимый потребительский рынок, и в поставщика рабочей силы для мировой экономики. Население Африки уже сегодня превышает 1,2 млрд человек и растет самыми высокими темпами в мире. По прогнозам ООН, в 2050 г. более четверти всего мирового населения будет проживать в

Африке. На сегодняшний день 60% этого населения – молодые люди в возрасте до 25 лет, а именно молодежь обеспечивает спрос на современные товары и услуги. По данным ООН, с 2040 г. две трети прироста мировой рабочей силы будет происходить за счет Африканского континента. Потребительский рынок Африки удваивается каждые 5 лет, а темпы прироста среднего класса, который составляет основу спроса на современные товары и услуги, уже превышают соответствующие показатели азиатских государств [16].

Кроме того, за последние 30 лет в Африке удалось вдвое сократить неграмотность – до 34%, в то время как в некоторых развитых государствах (например, в США) наблюдается противоположная тенденция. Так, по некоторым данным, 43 млн американцев не умеют читать и писать [17].

Огромное значение для успешного развития африканской экономики приобретает развитие и углубление интеграционных процессов, способное объединить материальные и человеческие ресурсы африканских государств, когда-то разъединенных искусственно прочерченными колониальными властями границами. Знаковым событием в развитии Африканского континента, сравнимым разве что с созданием ВТО, стало подписание 21 марта 2018 г. (на чрезвычайном саммите глав правительств АС в Кигали, Руанда) Соглашения о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (African Continental Free Trade Area, AfCFTA). В случае успешной реализации этот проект приведет к появлению крупнейшей в мире по числу участников зоны свободной торговли с рынком, объединяющим население 55 стран-членов Африканского Союза [18].

Африка показывает всему миру и самые высокие темпы цифровизации. Мало кто знает, что первый в мире онлайн платеж был осуществлен в Кении. Сегодня в большинстве африканских государств онлайн платежи преобладают. Так, например, Руанда заявила об отказе от использования наличных денег. В Нигерии, а это самая большая по численности населения африканская страна, уже ведутся расчеты в электронной найре. Быстрое распространение на континенте получают криптовалюты. Фактически, недавний отчет Chainalysis платформы данных блокчейна, показал, что в период с июля 2020 г. по июнь 2021 г. африканцы получили платежи в криптовалюте на сумму 105,6 млрд долл., что на 1200% больше, чем годом ранее. Примечательно, что по рейтингу Chainalysis Кения, Южная Африка и Нигерия входят в топ-10 стран по использованию криптовалюты [19].

Вообще технологии DeFi (децентрализованные финансы) делаются всё более популярными в Африке. На Африканском технологическом форуме в Найроби, который состоялся в феврале 2022 г., вопрос де-

централизованных финансах был одним из трех основных вопросов для обсуждения, наряду с африканскими стартапами и мобильными сетями [20].

Африка подает всему миру пример и по повышению роли женщин во всех сферах общественной жизни. В Африке дважды женщины занимали президентские посты – в Либерии и на Маврикии, а сегодня нигерийка по национальности, Нгози Оконджо-Ивеала, возглавляет ВТО. Женщины-африканки активно участвуют в законодательной деятельности, в том числе на посту председателей нижних и верхних палат парламентов, а в Руанде, например, 63% всех парламентариев – представительницы прекрасного пола [21]. Женщины лидируют и по числу стартапов, запущенных в Африке. Растет число женщин-политиков, предпринимателей, ученых.

Всё это еще раз подтверждает тот факт, что наши представления об Африке, как о территории отсталости, в том числе и в социальной сфере, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Сегодня в условиях резкого обострения отношений с США и ЕС Россия может и должна использовать африканский вектор внешней политики для решения задач собственного развития и укрепления своих позиций на международной арене, формируя в национальных интересах, а где надо и в противовес агрессивным геополитическим соперникам, собственные стратегические союзы и объединения.

Как показал первый Саммит Россия-Африка, состоявшийся в октябре 2019 г. в г. Сочи, авторитет Российской Федерации в большинстве африканских государств чрезвычайно высок. Африканцы рассматривают нашу страну в качестве правопреемницы СССР, активно отстаивающей свой политический и экономический суверенитет и способной обеспечить соответствующие гарантии безопасности другим государствам. В России страны континента видят и надежного экономического партнера, взаимодействующего с африканским государственным и частным бизнесом на взаимовыгодной основе. При этом следует принимать во внимание тот факт, что надежды африканцев на активизацию сотрудничества с РФ должны подкрепляться реальными шагами как в экономической, так и в политической сфере, а не ограничиваться словесными декларациями о «возвращении России в Африку», тем более что почти за три года после Сочи оно было более чем скромным. Следует помнить, что в условиях переустройства мирового порядка и возросшей конкуренции за африканские ресурсы время, отведенное на процесс этого «возвращения» с максимальной для себя эффективностью, будет весьма ограничено.

Сегодня мы оказываемся «в одной лодке» с африканцами не только с точки зрения западного давления на нашу политическую и экономиче-

скую субъектность и желания освободиться от старых и новых форм колониализма. У нас сегодня общие цели и задачи. Мы вместе заинтересованы в формировании справедливого многополярного мира, где каждой стране и народу найдется достойное место. И мы, и африканцы обладаем уникальными природными ресурсами, которые оказывают мощное влияние на развитие мировой экономики, и в этой сфере нам необходимо действовать не как конкурентам, как это происходит сегодня в нефтегазовой сфере, а как партнерам. И Россия, и Африканский континент находятся на перекрестке важнейших торговых путей, соединяющих страны и континенты. И, что самое главное, мы в своих стратегиях экономического развития делаем акцент на развитие внутреннего рынка, на преобразование наших стран из сырьевых в индустриальные и высокотехнологичные государства, опирающиеся в своем развитии в значительной степени на собственные ресурсы и возможности.

Весьма примечательно, что понимание необходимости активизации российско-африканского сотрудничества в новых условиях первыми осознали африканцы. Несмотря на колоссальное давление со стороны коллективного Запада, подавляющее большинство африканских государств, даже те, кто проголосовал за антироссийскую резолюцию в ГА ООН (таких стран оказалось 28 из 54), не поддержали экономические санкции против России. Более того, многие страны Африки готовы увеличить поставки в Россию своих товаров, включая продукцию сельского хозяйства, легкой промышленности, фармацевтики, а также необходимых видов сырья. Готовы они и к выстраиванию новых логистических цепочек с нашей страной, предоставляя российской стороне возможность использования своих объектов транспортной инфраструктуры. В свою очередь, они ждут от России в 2022 г. поставок зерна и удобрений – товаров, наиболее востребованных сегодня, а в дальнейшем – развития технологического партнерства с нашей страной в сферах, где РФ обладает высокими конкурентными преимуществами.

С учетом растущей конкуренции на Африканском континенте старых и новых игроков России при формировании своей стратегии на африканском направлении следует видеть и учитывать интересы африканских государств, сформулированные в стратегическом документе Африканского союза – «Повестке 2063», в соответствии с которым Африка должна превратиться в процветающий континент с передовой инфраструктурой и промышленностью, качественно новым человеческим потенциалом [22]. Одновременно необходимо четко понимать, как взаимодействие с Африкой будет способствовать решению собственных задач развития Российской Федерации, её экономическому и технологическому прорыву и обеспечению национальной безопасности в новых условиях обострения конфронтации с Западом. В услови-

ях жесточайших санкций и попыток исключения России из мирового политического и экономического пространства особую роль приобретает поиск новых партнеров, способных как поддержать Россию на различных международных площадках, так и открывающих новые возможности для экономического взаимодействия. В условиях постоянного нарастания напряженности во взаимоотношениях с Европой и США, роста экономической и политической мощи и влияния Китая на азиатском треке, раскачивания ситуации на Ближнем и Среднем Востоке африканский вектор внешней политики России приобретает особое значение. В политическом плане для нас чрезвычайно важна поддержка африканских стран, голоса которых составляют более четверти всех голосующих в ООН. Сейчас в условиях высылки российских дипломатов из большинства западных государств появляется реальная возможность без дополнительных финансовых затрат укрепить дипломатическую работу на африканском направлении, открывая ранее закрытые российские посольства и торговые представительства в Африке и расширяя численность квалифицированного дипломатического персонала в африканских государствах.

В экономическом плане Африка для нас – не только поставщик сырьевых ресурсов, но и важнейший рынок для реализации нашей промышленной продукции и применения российских технологий, включая локализацию российских производств на континенте, подготовку кадров, передачу знаний и навыков.

В этих условиях второй Саммит Россия – Африка должен стать качественно новым шагом в деле развития российско-африканских отношений. Необходимо перейти от формулировки целей и задач российской политики на африканском направлении к реализации конкретных проектов и разработке механизма и инструментария взаимовыгодного сотрудничества.

В политическом плане ожидания стран Африки от России в условиях формирования многополярного мира связаны с поддержкой их политического суверенитета, с противодействием цветным революциям, организуемым США и ЕС, а также с решением проблем безопасности, включая военную, антитеррористическую и информационную составляющие.

В экономическом плане африканцы ждут от России роста взаимного товарооборота и, в первую очередь, увеличения поставок африканской продукции в РФ. На саммите в Сочи Президент РФ В.В. Путин поставил задачу увеличить объем торговли в ближайшие годы по меньшей мере в 2 раза [23]. На 2019 доковидный год данные по российско-африканской торговле были весьма скромными на фоне других партнеров, хотя за последние 10 лет и имели тенденцию к росту.

Доля РФ во внешнеторговом обороте Африки увеличилась за этот период с 0,8 до 1,6%, но не могла идти ни в какое сравнение не только с ЕС и Китаем (28 и 16% соответственно), но и существенно уступала отдельным европейским и азиатским странам.

**Таблица 6. Структура торговли Африки
(экспорт, импорт, товарооборот, сальдо торгового баланса)
в 2010–2019 гг. по основным торговым партнерам, млрд долл., %**

		Экспорт		Импорт		Товарооборот (Ex+Im)		Сальдо (Ex-Im)	
		2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019
Китай	\$ млрд	54,6	68,4	57,3	102	111,9	170	-2,7	-33,6
	%	11,2	14,4	12,4	17,7	11,8	16	–	–
Индия	\$ млрд	24,1	31,3	16,7	30,8	40,8	62	7,4	0,5
	%	5	6,6	3,6	5,3	4,3	6	–	–
Бразилия	\$ млрд	11,6	4,8	9,5	8,9	21,1	14	2,1	-4,1
	%	2,4	1	2,1	1,5	2,2	1	–	–
Турция	\$ млрд	5,6	6,2	8,7	17,7	14,3	24	-3,1	-11,5
	%	1,2	1,3	1,9	3,1	1,5	2	–	–
Россия	\$ млрд	2,1	2,9	5,4	13,9	7,5	16,8	-3,3	-11
	%	0,4	0,6	1,2	2,4	0,8	1,6	–	–
США	\$ млрд	75,4	23,3	33,6	31,5	109	55	41,8	-8,2
	%	15,5	4,9	7,3	5,5	11,5	5	–	–
ЕС-27	\$ млрд	146,7	139,7	139,9	154,5	286,6	294	6,8	-14,8
	%	30,2	29,4	30,3	26,8	30,2	28	–	–
Великобритания	\$ млрд	14,5	13,6	13,8	11,6	28,3	25	0,7	2
	%	3	2,9	3	2	3	2	–	–
Франция	\$ млрд	30,4	26,3	33,5	30,4	63,9	57	-3,1	-4,1
	%	6,3	5,5	7,3	5,3	6,7	5	–	–
Германия	\$ млрд	12	19,5	25	25,6	37	45	-13	-6,1
	%	2,5	4,1	5,4	4,4	3,9	4	–	–
Италия	\$ млрд	38,2	21,8	59,9	20,5	59,9	42	16,5	1,3
	%	7,9	4,6	6,3	3,6	6,3	4	–	–
Итого по всем странам:	\$ млрд	486,3	475,6	461,3	577,3	948	1053	25	101,7

Рассчитано по: [14]. Данные по России: [24].

Для расширения объемов российско-африканской торговли в условиях развязанной против России экономической войны необходимо

будет решать в первую очередь проблемы логистики, связанные с транспортировкой товаров в обе стороны с выстраиванием новых логистических цепочек и организацией логистических центров (морские порты, аэропорты, склады и т.п.) российской продукции, поступающей на африканские рынки. Огромную роль приобретает и создание новых механизмов оплаты товаров с целью снижения роли расчетов в долларах и евро, включая встречную торговлю (бартер), разработку механизма учета концессий на природные ресурсы в экспортных сделках, использование национальных, в том числе электронных валют и т.п. Используя зарубежный опыт, необходимо также рассмотреть возможность наделения одного из российских государственных банков специальными полномочиями по осуществлению целевого финансирования экспортных сделок и инвестиционных проектов на Африканском континенте.

Однако, на наш взгляд, не торговля должна стать тем звеном, потянув за которое, мы можем вытянуть на новый уровень всю систему российско-африканских отношений. Ключевым направлением наших отношений на ближайшую перспективу, которое станет привлекательным для африканских стран и будет способствовать успешному экономическому развитию Российской Федерации, могут стать российские инвестиции в те сферы африканской экономики, которые представляют интерес как для РФ, так и для государств Африканского континента. В первую очередь речь идет об отработке двусторонних возможностей *технологического партнерства*.

В условиях постковидного мира спрос на российские технологии в Африке может существенно вырасти, так как Россия обладает высокими компетенциями именно в тех сферах, которые наиболее востребованы сегодня на Африканском континенте. Наиболее острая проблема, стоящая сегодня перед африканцами, – энергетическая. Около половины жителей Африки не имеют доступа к электроэнергии [25].

Наиболее перспективным решением этой задачи может стать строительство атомных и гидроэлектростанций, где основным подрядчиком станет Российская Федерация, имеющая колоссальный опыт в данной сфере. Наша страна уже реализует проект строительства мощной атомной электростанции в АРЕ и находится на этапе подготовки подобных проектов в ряде других африканских государств [26]. Мы также можем производить оборудование для нефтегазовой отрасли, черной металлургии, горнодобывающей промышленности, малой авиации и сельского хозяйства. Африканцы заинтересованы в строительстве заводов по производству медного кабеля и оптоволокна, предприятий по производству удобрений из местного сырья, мини-заводов по переработке сельскохозяйственной продукции, в программах

по цифровизации экономики, включая программы цифровой трансформации от «умного города» и «налогового контроля» до создания системы кибербезопасности.

Большие перспективы имеет также сотрудничество в космической сфере, включая создание совместных спутников дистанционного зондирования земли (оптических, радиолокационных и спектроскопических), наземного оборудования для получения и обработки данных со спутников, а также в строительной отрасли, в том числе в строительстве дорог, мостов, тоннелей, аэропортов, речных и морских портов [27]. Необходимо развивать сотрудничество и в сфере медицины, включая как совместную борьбу с опасными инфекционными заболеваниями, так и фармацевтическую отрасль. Особую роль играют технологии водоочистки, так как проблема чистой питьевой воды для ряда африканских государств остается весьма актуальной. По всем вышперечисленным направлениям Россия обладает высокими компетенциями и возможностями, включая подготовку соответствующих кадров и обучение местного персонала.

Важным направлением нашего сотрудничества должно стать взаимодействие в научной сфере. При этом приоритеты научного сотрудничества с Африкой должны быть специфическими и отличаться от задач сотрудничества с США или странами ЕС. Во главу угла должна ставиться не задача научиться чему-то или перенять научный опыт, а использовать особые, специфические условия и возможности, присущие именно Африканскому континенту, для приумножения научно-технического потенциала нашей страны и науки. Речь в первую очередь идет о сотрудничестве в сфере биобезопасности, медицины, биоразнообразия, геологии и переработки полезных ископаемых, экологии и климата, «голубой экономики», сельского хозяйства, космоса, информационных технологий и гуманитарных наук [28]. Первым конкретным шагом на этом направлении может стать создание на базе единственной функционирующей с 1987 г. Совместной Советско-Эфиопской (позднее Российско-Эфиопской) Биологической Экспедиции в Африке Совместного Российско-Эфиопского Биологического Центра.

Трансфер российских технологий, как и сотрудничество в научной сфере, не только выгодны России в имиджевом плане, показывая её как страну, способствующую передовому развитию Африки и укреплению её экономического суверенитета. Он позволяет ей формировать армию своих сторонников в странах континента через решение проблемы преодоления технологической отсталости и подготовки квалифицированных кадров, осваивающих и продвигающих именно российские технологические решения. Кроме того, Россия получает возмож-

ность отработки и совершенствования своих технологий, востребованных быстрорастущим молодым африканским населением, и огромный рынок для российских высокотехнологичных товаров и услуг, так необходимый многим российским, в том числе региональным, производителям, готовым наращивать свое производство, но не имеющим возможности для сбыта своей продукции.

По мнению авторов статьи, именно тема трансфера российских технологий в Африку, наряду с политической и информационной проблематикой, должна стать важнейшей для обсуждения на втором Саммите Россия – Африка. Это отвечает интересам как нашей страны, так и всех африканских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Приведен текст научного доклада И.О. Абрамовой на заседании Президиума РАН 9 февраля 2022 г.

1. African Economic Outlook 2017. African Development Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, United Nations Development Programme. https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page30 (дата обращения 18.03.2022)

2. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 26–40.

3. Фитуни О.Л. Адаптация африканской стратегии КНР к реалиям постковидного мира. *Азия и Африка сегодня*. 2021. №12. С. 20–28.

4. Абрамова И., Фитуни Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 12. С. 90–100.

5. Свыше трети всех обучающихся в вузах РФ африканских студентов поступили в этом году. *ТАСС*. 29.12.2020. https://tass.ru/obschestvo/10375451?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 11.01.2022)

6. Новости. *Интерфакс Россия*. <https://www.interfax-russia.ru/news> (дата обращения 24.01.2022)

7. Лента новостей. *РИА Новости*. <https://ria.ru/> (дата обращения 24.01.2022)

8. Лента новостей. *ТАСС*. <https://tass.ru/> (дата обращения 24.01.2022)

9. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Мали А. Диопом по итогам переговоров, Москва, 11 ноября 2021 года. *МИД РФ*. 11.11.2021. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1785824/ (дата обращения 11.01.2022)

10. Сообщение «Военные в Буркина-Фасо объявили о взятии власти» аннулировано. *Яндекс.Новости*. 24.01.2022. https://yandex.ru/news/story/Soobshhenie_Voennye_vBurkina-Faso_obyavili_ovzyatii_vlasti_annulirovano--2a7d

f265d4c92dee015cd8f11585246a?lang=ru&fan=1&stid=LSw3T09DZcAsM6M7cbZB&t=1643199441&persistent_id=177928331 (дата обращения 24.01.2022)

11. В МИД России выразили беспокойство осложнением ситуации в Буркина-Фасо. *Яндекс.Новости*. 24.01.2022. https://yandex.ru/news/story/MID_Moskva_obespokoena_voennym_perevorotom_vBurkina-Faso_ni_odin_rossiyanin_ne_postradal--55b4e2122f2131d86e7b18b561ba8192?lang=ru&wan=1&t=1643198926&persistent_id=177976058 (дата обращения 24.01.2022)

12. Британия выводит часть сотрудников посольства в Киеве. *Яндекс.Новости*. 24.01.2022. https://yandex.ru/news/story/MID_Britanii_zayavil_onachale_vyvoza_nekotorykh_sotrudnikov_posolstva_vKieve--c683878b74b0bfa91f257a8afb3af565?lang=ru&wan=1&t=1643200848&persistent_id=177945149 (дата обращения 24.01.2022)

13. World Economic Outlook (April 2021). *International Monetary Fund*. <https://imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (дата обращения 25.03.2022).

14. Trade Map // International Trade center. <https://www.trademap.org/> (дата обращения 25.03.2022)

15. Бортников Н.С., Волков А.В., Галямов А.Л., Викентьев И.В., Аристов В.В., Лаломов А.В., Мурашов К.Ю. Минеральные ресурсы высокотехнологичных металлов в России: состояние и перспективы развития. *Геология рудных месторождений*. 2016. № 2(58). С. 97–119.

16. World Population Prospects 2019. UN, Department of Economic and Social Affairs. <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 27.03.2022).

17. Keneally M. 43 million Americans – said to include R. Kelly – struggle to read and write. *ABC News*. 29.07.2019. <https://abcnews.go.com/Health/43-million-americans-include-kelly-struggle-read-write/story?id=64507659> (дата обращения 01.04.2022)

18. Thomas D. What you need to know about the African Continental Free Trade Area // *African Business*. 10.02.2022. <https://african.business/2022/02/trade-investment/what-you-need-to-know-about-the-african-continental-free-trade-area/> (дата обращения 27.03.2022)

19. Ndemo B. The role of cryptocurrencies in sub-Saharan Africa. *Brookings*. 16.03.2022. <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/03/16/the-role-of-cryptocurrencies-in-sub-saharan-africa/> (дата обращения 12.04.2022).

20. Connecting African Fintech and DeFi leaders. *Africa Tech Summit*. <https://www.africatechsummit.com/nairobi/africa-money-and-defi-summit-african-fintech-summit/#/> (дата обращения 12.04.2022)

21. Women Representation. *Parliament of Rwanda*. <https://parliament.gov.rw/women-representation> (дата обращения 18.03.2022)

22. Agenda 2063: The Africa We Want // African Union. <https://au.int/en/agenda2063/overview> (дата обращения 22.03.2022)

23. Завражин К., Латухина К. Владимир Путин призвал удвоить товарооборот с Африкой. *Российская газета*. 23.10.2019. <https://rg.ru/2019/10/23/vladimir-putin-prizval-udvoit-tovarooborot-s-afrikoj.html> (дата обращения 05.04.2022)

24. Документы ТСВТ. *ФТС РФ*. <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения 19.02.2022)

25. Шарова А.Ю. Инвестиции в электроэнергетику Африки и их роль в преодолении энергетической отсталости континента. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13, № 6. С. 181–197.

26. Крупнейшие российские проекты в Африке. *Коммерсантъ*. 23.10.2019. <https://kommersant.ru/doc/4134272> (дата обращения 05.04.2022)

27. Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (транспорт Восточной Африки). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 7. С. 38–45.

28. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15–24.

АФРИКАНСКИЙ ФЛАНГ БОЛЬШОГО ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО АРЕАЛА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ВЫЗОВЫ

Фитуни Л.Л. (2022)

Три важных фактора предопределили в последнее время возрастающий интерес к западной части Индийского океана с точки зрения глобальной и региональной стратегической значимости.

Главным из них, естественно, стало резкое повышение уровня напряженности, а в ряде аспектов и конфронтационности в отношениях между ведущими мировыми державами, являющееся следствием галопирующей трансформации существующего мирового порядка и подрыва еще недавно почти непрерываемого доминирования в нём объединенного Запада во главе с США.

Другим ключевым фактором, вытекающим напрямую из названного выше главного обстоятельства, стал направленный транзит в глобальных стратегических концепциях США и их союзников от разделения Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и зоны Индийского океана (с вполне очевидным приоритетом первого над второй) к их интеграции в единый ареал обеспечения своих интересов, именуемый Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР), с тенденцией к медленному выравниванию стратегической значимости двух формирующих его компонентов.

Такой транзит связывается, прежде всего, с ужесточением конфронтационной линии на «сдерживание» Китая. Однако в немалой мере он направлен и против расширения влияния и региональных возможностей России, а в конечном итоге имеет целью утверждение доминирования в этой динамично развивающейся части мира прозападных блоков и союзов, которые выполняли бы роль «сдержек и противовесов» в отношении нарастающего потенциала восходящих «незападных» держав и их объединений. В 2018 г., вскоре после озвучивания администрацией Трампа в предшествующем году инициативы создания «Индо-Тихоокеанского партнерства» (ИТП), Тихоокеанское командование вооруженных сил (ВС) США было переименовано в Индо-Тихоокеанское (*USINDOPACOM*). Конфигурация географической зоны его ответственности была уточнена в соответствии с новым наименованием.

Третьим фактором стала реанимация «спящих» и институционализация новых военных или военно-стратегических союзов и объедине-

ний в сконструированной теперь зоне ИТР. К их числу относятся включающий Австралию, Англию и США альянс *AUKUS* (создан в 2021 г.) и взявший явный крен в сторону «оборонных» инициатив *Четырёхсторонний диалог по безопасности*, более известный под англоязычной аббревиатурой *QUAD*, охватывающий Австралию, Индию, США и Японию; он был институционализирован еще в 2007 г. и долгое время пребывал в полуплетаргическом состоянии, пока не был вновь активизирован в 2017 г. администрацией Д. Трампа.

С приходом к власти администрации Дж. Байдена резко проявились попытки формирования в ИТР полноценного военно-политического союза с явной антикитайской, а субсидиарно и антироссийской направленностью. Формат *QUAD* в этом случае мог бы играть роль прообраза его политического компонента, а *AUKUS*, как и существующий с 1951 г. блок *ANZUS*, при возможном участии НАТО или его ведущих членов (Англия и Франция номинально оказываются государствами ИТР, сохраняя немало островных владений и заморских территорий в Тихом и Индийском океанах) – военного. Кроме того, не прекращаются попытки США и их сателлитов превратить имеющиеся двусторонние соглашения оборонного характера с рядом стран и территорий в рассматриваемом ареале, включая Тайвань, Южную Корею, некоторые страны АСЕАН, в многосторонние обязательства союзного характера. В Западной части Индийского океана возросла активность по созданию на Африканском континенте иностранных военных объектов, а также по проведению совместных военных учений и реализации образовательных программ в области обороны и безопасности.

Однако все три выделенных выше фактора не первичны. Они являются производными от глубинного процесса постепенной перестройки существовавшего в течение нескольких последних десятилетий миропорядка, что, в свою очередь, является следствием действия закона неравномерности экономического и политического развития государств, приводящей к конкуренции между наиболее развитыми на определенном историческом этапе странами – «старыми» и «новыми» игроками – за доминирующие позиции в мировой экономике и политике. Исход их соперничества сформирует в основных чертах характер грядущего посткризисного мироустройства.

БОЛЬШОЙ ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ АРЕАЛ

Это мироустройство с большой вероятностью уже не будет «атлантикоцентричным». За редким исключением наиболее динамично развивающиеся экономики мира, уже сейчас обладающие мощным потенциалом роста, расположены в зоне Тихого и Индийского океанов. Этот

факт дал основание утверждать, что происходит «перемещение центра глобальной деловой и финансовой активности с Запада в Азиатско-Тихоокеанский регион»¹, а мировых центров силы – с Запада на Восток.

В контексте процессов регионализации сегодня, как представляется, можно говорить о складывании *Большого Индо-Тихоокеанского Арела* (БИТА) как очага перспективного развития. При этом сам по себе этот ареал неоднороден. В нём четко видны сегодняшние лидеры (Китай, Индия, некоторые другие быстрорастущие экономики) и возможные лидеры завтрашнего дня, к которым многие аналитики склонны относить и страны Африки – как прилегающие к западной части Индийского океана, так и континента в целом.

Впрочем, БИТА уже в наши дни является наиболее динамично развивающейся частью глобальной экономики. При этом, судя по всему, её значение в ближайшие десятилетия будет мощно нарастать как в силу мультиплицирующего воздействия уже заданной динамики, так и в силу того, что постепенно будет всё более раскрываться и оказываться востребованным пока еще относительно слабо используемый (в сравнении с другими регионами мира) ресурсный потенциал региона. Отсюда естественным образом вытекает, что «кто доминирует в Индо-Пацифике, тот управляет миром».

Акватория Индийского океана разделена Пентагоном на зоны ответственности сразу трех командований – Африканского (*AFRICOM*), Центрального (*CENTCOM*) и Индо-Тихоокеанского (*USINDOPACOM*).

При этом ошибочно будет сужать БИТА до зоны ответственности *USINDOPACOM*. Подобным же образом БИТА шире прибрежных зон сотрудничества многочисленных существующих в этой части мира объединений и программ, таких, например, как «Ассоциация стран побережья Индийского океана» (*Indian Ocean Rim Association*)² или Транстихоокеанское партнёрство³. Суть вопроса не сводится

¹ Ушаков рассказал о темах выступления В. Путина на ВЭФ. <https://tass.ru/ekonomika/15652653> (accessed 08.09.2022)

² Ассоциация стран побережья Индийского океана (*Indian Ocean Rim Association, IORA*), ранее известная как Инициатива Индийского океана и Ассоциация регионального сотрудничества Индийского океана (*IOR-ARC*) объединяет 23 государства, омываемых Индийским океаном. *IORA* – региональный трехсторонний форум, объединяющий представителей правительства, бизнеса и научных кругов в целях развития сотрудничества и более тесного взаимодействия, особенно в области безопасности, рыболовства, упрощения торговых процедур, а также в вопросах социального развития и науки. Координационный секретариат *IORA* находится в Эбене (Маврикий) (*прим. авт.*).

³ Транстихоокеанское партнёрство (*Trans-Pacific Partnership, TPP*) – преференциальное торговое соглашение между 12 странами АТР, цель которого – снижение тарифных барьеров, регулирование внутренних правил в областях трудового права, экологии, интеллектуальной собственности и др. (*прим. авт.*).

лишь к военно-стратегическому или природно-географическому аспектам, хотя они крайне важны. БИТА – воплощение постглобализационного процесса регионализации и одна из пространственно детерминированных основ многополюсного мира. Это ареал опережающего развития и концентрации точек роста планетарного значения XXI века, перешагнувший границы береговых зон каждого из двух океанов.

Следовательно, более точно было бы говорить не о смещении доминант с Запада на Восток, а о том, что детерминирующие факторы мирового развития постепенно смещаются из Евро-Атлантики в БИТА. Африка в силу своего географического положения является одновременно и водоразделом, и связующим звеном между двумя ареалами. При этом отмеченные в начале статьи факторы и процессы, ведущие к дестабилизации международной обстановки, в силу возросшей взаимосвязанности экономик не могут не влиять на страны, расположенные на восточном побережье Африки.

К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА – К ЗАПАДУ ОТ МАЛЬДИВ

С точки зрения методологии системного анализа, огромный ареал БИТА сформирован рядом крупных регионов, которые внутри него выполняют роль автономных subsystem. Подробней о теоретических подходах автора к исследованию развивающихся стран как подсистемы внутри существующей Большой системы действующего миропорядка см. [1].

Под африканским флангом БИТА автор подразумевает государства индоокеанского побережья континента и тяготеющие к нему страны хинтерланда, не имеющие выхода к морю¹, а также островные государства, зависимые территории и океанскую акваторию к западу от 80° в.д., общепринятой восточной географической границы западной части Индийского океана, в т.ч. в документах ООН. Таким образом, в БИТА попадает часть акватории Индийского океана, находящейся в зонах ответственно-

¹ Регион западной части Индийского океана включает 10 прибрежных африканских стран: Джибути, Сомали, Кению, Танзанию, Мозамбик, Южную Африку, Коморы, Мадагаскар, Сейшелы, Маврикий, а также ряд контролируемых Францией островных территорий, сохраненных Парижем за собой после распада французской колониальной империи в Африке, крупнейшие из них – о-ва Реюньон и Майотт (оспариваемый Коморами) – имеют статус заморского департамента Французской Республики. К региону тяготеет ряд материковых государств, не имеющих выхода к морю, – Эфиопия, Южный Судан, Уганда, Руанда, Бурунди, Замбия, Зимбабве, Малави, Эсватини, Лесото. Египет, Судан, Эритрея расположены на побережье внутреннего Красного моря, соединенного с открытым Индийским океаном узким Баб-эль-Мандебским проливом (*прим. авт.*).

сти американских *CENTCOM* и *AFRICOM*, в т.ч. узкая полоса (между 68 и 80° в.д.) зоны ответственности *USINDOPACOM*.

Протяженность береговой линии материковой Африки, омываемой водами собственно Индийского океана (т.е. без учета африканского побережья Красного моря) от Джибути на севере до мыса Игольный в ЮАР составляет около 9000 км. Регион имеет важное геостратегическое значение глобального уровня и остается пространством активно-го геополитического и военно-морского взаимодействия государств.

Через эту часть Мирового океана осуществляется значительная доля глобальной морской торговли, в т.ч. бóльшая часть поставок сырой нефти. Непосредственно в африканской прибрежной зоне проживает примерно 60 млн человек. Основными факторами экономического роста являются взрывное развитие в последние годы добывающих отраслей, строительства и сферы услуг, включая индустрию туризма.

В последние годы быстро развивается морская газодобыча. В последнее десятилетие выявлена новая Восточно-Африканская нефтегазоносная провинция, расположенная на шельфе Мозамбика, Танзании и Мадагаскара. В состав этой провинции включена акватория Сейшельских островов. Нефтегазовый потенциал провинции оценивается в 20 млрд т условного топлива, из которых более 60% приходится на газ [2]. В 2010 г. на шельфе северной части Мозамбика в районе Ровума было обнаружено крупнейшее в Африке глубоководное месторождение нефти и газа. В 2022 г. началась промышленная глубоководная добыча газа, который на месте перерабатывается в СПГ для экспорта.

Развитие морской зоны жизненно важно для государств субрегиона. Более 90% их внешней торговли осуществляется морем. Вклад рыболовства и связанных с ним отраслей в ВВП колеблется от 0,5% – в Кении (однако отрасли обеспечивают работой 1,3 млн чел.) и 1,3% – в Танзании, до 7% – на Мадагаскаре и 10,3% – в Мозамбике (в отрасли занято 35% работающих в «негородских» секторах хозяйства). В малых островных государствах – на Маврикии, Сейшелах и Коморах – эти цифры еще выше. Объемы прибрежного рыболовства намного превышают вылов океанических видов. В то время как прибрежный промысел в основном ведется африканскими государствами, более прибыльный океанический промысел в основном осуществляется дальними флотами из Европы и Восточной Азии [3].

До нынешнего обострения мировой ситуации вопросы морской безопасности восточного побережья Африки были связаны в основном с обеспечением защищенности рыбного промысла и судоходства, в особенности с проблемой пиратства в северо-западной части акватории Индийского океана. Этот вопрос достаточно подробно раскрыт отечественной африканистикой (см.: [4; 5]), в т.ч. на страницах журна-

ла «Азия и Африка сегодня» (см., например: [6; 7]). Он особенно остро стоял в 2003–2012 гг., но постепенно с ростом военно-морской активности ведущих держав в этой части Мирового океана и объединённых усилий прибрежных государств в области безопасности стал меньше привлекать внимание мировой общественности даже по сравнению с пиратством у Западного побережья Африки.

В 2014 г. Африканский Союз принял «Интегрированную стратегию морской безопасности Африки до 2050 года» (Стратегия *AIM – 2050*) – комплексную стратегию морской безопасности для всей Африки. В центр Стратегии поставлена задача устойчивого развития африканской «голубой экономики». При этом она рассматривает морское пространство как источник развития и потенциал для создания богатства, способ для Африки использовать «свои собственные ресурсы, чтобы занять достойное место в многополярном, взаимозависимом и более справедливом мире»¹. Другие заявленные в ней цели: исследования и инновации, конкурентоспособность, создание рабочих мест, международная торговля, морская инфраструктура, транспорт, информация, связь, технологии и логистика.

По мнению американско-нигерийского исследователя *E. Egede*, решение о подобном комплексном подходе к вопросам морской безопасности, сформулированном в *AIM-2050*, принималось АС из-за опасения, что концентрация внимания исключительно на пиратстве приведет к смещению усилий в пользу интересов, прежде всего, развитых морских держав, стремящихся защитить свои торговые пути [8]. В результате национальные интересы государств Восточной Африки могли оказаться на втором месте по сравнению с приоритетами крупных судохозяйственных и рыболовных компаний и правительств ведущих торговых держав.

КИТАЙ И ИНДИЯ

Такая позиция и объединённые усилия стран Восточного побережья Африки приносили свои плоды. Укреплялось и расширялось многостороннее сотрудничество не только со странами континента, но и с другими государствами бассейна Индийского океана. Кроме того, две восходящие державы – Китай и Индия – уделяли странам западной части Индийского океана повышенное внимание.

КНР интегрировала последние в свою инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), а некоторые гавани стали важными опорными

¹ 2050 Africa's integrated maritime strategy (2050 AIM Strategy). https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/33832-wd-african_union_3-1.pdf (accessed 21.06.2022)

точками проекта «Морского шелкового пути 21-го века». На базе китайских инвестиций сейчас развиваются порты Красного моря и западного побережья Индийского океана – Массауа (Эритрея), Порт-Судан (Судан), Дорале и Таджура (Джибути), Новый порт Занзибара (Танзания), Тешобанине на юге мозамбикской провинции Мапуту, у границы с ЮАР. Расширяются крупные действующие порты – Момбаса в Кении, Дар-эс-Салам в Танзании, Дурбан и Ричардс Бэй в ЮАР, рыболовный порт Бейра (Мозамбик). В Таматаве (Мадагаскар) углубляется порт, возводятся контейнерные терминалы¹.

Для бункеровки, ремонта и восполнения припасов, как правило, на основе двусторонних межгосударственных соглашений на регулярной основе используются порты Салала (Оман, в основном дозаправка), Аден (Йемен, в т.ч. возможности ремонта), Виктория (Сейшелы, бункеровка), Момбаса (Кения, комплексно), Дар-эс-Салам (Танзания, в т.ч. принадлежащие КНР нефтехранилища), Анциранана (Мадагаскар, дозаправка).

Ключевой точкой проекции влияния и силы в рассматриваемом ареале является расположенная на Африканском Роге, в Джибути, база поддержки Народно-освободительной армии Китая (НОАК). База дает возможность военно-морскому флоту (ВМФ) КНР осуществлять долговременные операции в Красном море и прилегающих акваториях. Длина её пирса позволяет швартоваться крупнейшим китайским кораблям, включая авианосцы (при длине пирса 330 м длина китайского авианосца «Ляонин» – 304 м), вертолетоносцы и атомные подводные лодки. Сейчас туда периодически заходят китайские эсминцы и фрегаты, направляющиеся в Средиземное море или оперирующие в районе Африканского Рога и западной части Индийского океана.

База поддержки НОАК в первую очередь служит для обеспечения военной логистики китайских сил в Аденском заливе, а также для выполнения задач, связанных с морскими международными операциями, включая миротворческие, гуманитарные операции и операции по оказанию помощи в случае стихийных бедствий в Африке. Этот аспект китайского влияния, включая операции по борьбе с пиратами, несмотря на западную пропаганду, в целом позитивно воспринимается правительствами близлежащих стран, многие из которых к тому же рассматривают китайское военное присутствие как важный контрбаланс многовековой военной экспансии Запада в регионе и её современным формам.

¹ China in the Indian Ocean Region: Ports and Bases. <https://orcasia.org/2022/07/china-in-the-indian-ocean-region-ports-and-bases>

КНР активно развивает военную дипломатию в Африке. В 2018 г. Пекин провел первый Китайско-Африканский форум по обороне и безопасности, в котором приняли участие высокопоставленные военные из 50 африканских стран и организаций. С 2019 г. название изменено на Китайско-Африканский форум по вопросам мира и безопасности. Организованы программы подготовки национальных военных кадров в рамках военно-технического сотрудничества с КНР. С рядом стран (ЮАР, Джибути, Иран, Россия и др.) в Индийском океане проводились совместные учения, в т.ч. на многосторонней основе.

Индия – крупнейшая экономическая держава на побережье названного в её честь океана. В последние годы Дели реализует модель экспансии на море, во многом обусловленную стратегическим соперничеством с Китаем и позиционированием себя как главной индоокеанской державы. Чтобы противостоять присутствию Китая, Индия стремится расширить свой собственный военно-морской потенциал и военно-морской потенциал прибрежных стран, а также партнерские отношения в области безопасности, особенно с Маврикием, Сейшелами, Мадагаскаром и Коморами, в ключевых точках входа или рядом с ними. В западной части Индийского океана ВМС Индии работают над обеспечением безопасности ключевых морских узких мест на входах в Индийский океан, таких как Баб-эль-Мандебский, Ормузский проливы, а также в Мозамбикском проливе – главной магистрали для нефтяных супертанкеров в обход Африки с юга.

Подход к морскому сотрудничеству со странами Африки официально базируется на Морской стратегии Индии, принятой в 2015 г., провозгласившей расширение и диверсификацию индийской политики в западной части Индийского океана. Практикуются регулярные визиты индийских кораблей и военно-морских делегаций, осуществляется передача военно-морской техники и материально-технического обеспечения, обмен данными военно-морской разведки, совместные военные учения и патрулирование, реализуется программа развития постов и точек прослушивания, которые представляют собой станции мониторинга, укомплектованные радарными и средствами контроля морской связи.

С одной стороны, индийско-китайская конкуренция на море подкрепляет надежды США и их союзников на возможность перетянуть южноазиатского гиганта на свою сторону в региональном, а при благоприятном стечении обстоятельств и в глобальном противостоянии. С другой стороны, индийские военные стратеги исходят из того, что США, которые имеют, по их мнению, ограниченное присутствие в Восточной Африке, будут зависеть от Индии в обеспечении свободы

судоходства в Индийском океане и противодействию растущему присутствию ВМФ Китая в регионе [9].

Двойственное положение Индии в этом контексте, видимо, будет оставаться в среднесрочной перспективе стратегическим вызовом в региональной повестке дня не только для Пекина, но и для Москвы. В то же время, как представляется, резкие перемены в отношениях Дели с каждым из своих партнеров по ШОС и БРИКС в такой временной перспективе маловероятны.

США И МЛАДШИЕ ПАРТНЕРЫ

С приходом к власти в Вашингтоне администрации Байдена США демонстративно продолжили трамповскую линию на противодействие влиянию Москвы и Пекина на континенте, формально прописав это в своей Новой (2022 г.) стратегии в Африке. По сути, в её основу положен военный принцип «сдерживание через воспреещение» (*deterrence by denial*). Под этим понимается перекрытие для КНР и РФ не только возможностей к дальнейшему относительно «беспроблемному» укреплению позиций на континенте, но и к использованию Африки в целях повышения в более широком плане глобального веса и влияния России и Китая.

Ранее было значительно усилено военное присутствие США на континенте. Именно на эту задачу американский Конгресс в августе 2022 г. ориентировал новое руководство АФРИКОМ – специального межвидового командования ВС США, в зону ответственности которого и входит континент (7 тыс. военнослужащих), прилегающие острова и акватории. В Джибути расположена единственная официальная военно-морская экспедиционная база США Лемоньер, если не считать островной базы на о. Диего-Гарсия, незаконно отторгнутом Британией у Маврикия (3-4 тыс. военнослужащих, играет ключевую роль в проекции контроля США над всеми главными морскими транспортными коммуникациями Китая через Индийский океан в западном направлении). Однако, помимо этих двух точек, на континенте действует от 500 до 600 объектов и логистических пунктов США военного назначения, или т.н. вспомогательных «гражданских объектов». Военные атташе прикомандированы к посольствам США в 32 странах Африки.

На фоне быстро растущей напряженности на стыке Индийского и Тихого океанов западный фланг Большого Индо-Тихоокеанского Арела в 2022 г. выглядит в глазах наблюдателей менее приоритетным у командования США. И действительно, в сравнительном плане Пентагон сегодня больше сосредоточен на КНР, Тайване и построении но-

вых военно-стратегических конструкторов в восточной половине Индийского океана или в Пацифике.

Из новаций следует выделить заявление министра ВМС США К.Брейтуэйта в ноябре 2020 г. о намерении создать новый «номерной» флот для Индийского океана, который будет называться Первым флотом, и сообщение о встрече в октябре 2021 г. глав внешнеполитических ведомств США, Индии, Израиля и ОАЭ для формирования рабочей группы по созданию аналога *QUAD* на западном фланге Индийского океана. Утверждалось, что такой «западно-индоокеанский *QUAD*» не будет направлен против какой-либо конкретной угрозы. Вероятно, это будет гибкая договоренность, и она может стать возможной благодаря сближению интересов как в двустороннем, так и в региональном измерении¹.

За последние несколько лет значительно выросло взаимодействие между **Израилем** и **ОАЭ**. Для этого арабского государства Тель-Авив становится перспективным партнером в таких областях, как безопасность, технологии, энергетика и сельское хозяйство. Война в Йемене и соперничество внутри Персидского залива сыграли важную роль в формировании новой геополитики на севере западного фланга БИТА. Израиль разместил станции прослушивания в Эритрее, а также на о-ве Сокотра². Нарастает стратегическая активность ОАЭ, которые проецируют свою растущую силу как на северо-восток континентальной Африки, так и на морское пространство Красного моря и Аденского залива. Укрепление связей между ОАЭ и Израилем открывает возможности совместной работы на западном фланге БИТА с близкими им стратегическими партнерами, такими как США, Франция и Индия.

Франция остается важным стратегическим игроком в регионе. Париж сохраняет юрисдикцию над многочисленными островными остатками своей бывшей колониальной империи, разбросанными к востоку и югу от Африканского континента, включая Реюньон и отторгнутый у Комор о. Майотт. На своих базах в Джибути, Абу-Даби (ОАЭ) и на расположенных в БИТА островах Париж сохраняет постоянное военное присутствие, в т.ч. 7 тыс. военнослужащих³, а суверенитет над о. Эпарс легитимизирует его контроль (в том числе силовой) над 70% акватории стратегически важного Мозамбикского пролива и эксплуа-

¹ A New Quad in the Western Indian Ocean. <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/new-quad-western-indian-ocean> (accessed 21.08.2022)

² Ibidem.

³ France and India in the Indo-Pacific: An Essential Partnership in Challenging Times. <https://diplomatie.gouv.fr/en/country-files/india/news/article/france-and-india-in-the-indo-pacific-an-essential-partnership-in-challenging> (accessed 22.09.2022)

тацию ресурсов исключительной экономической зоны площадью в 425 тыс. кв. км¹.

Европейский Союз поддерживает в целом стратегию Франции в регионе, рассматривая Париж как авангард своего присутствия в нём. В сентябре 2021 г. была анонсирована новая стратегии ЕС по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе. Париж и ЕС выступили организаторами министерского Форума по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе, который состоялся в Париже 22 февраля 2022 г. Париж утверждает, что «растущая напористость Китая, усиливающееся стратегическое соперничество между КНР и США» и военные действия России на Украине привели к крупным трансформациям и потрясениям, которые создают серьезные проблемы для всего региона².

МОРСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ

Каковы же на самом деле доктринальные установки Москвы в Индийском океане?

В июле 2022 г. президент В.В. Путин подписал Указ об утверждении Морской доктрины Российской Федерации³. Этот документ заменил действовавший аналогичный документ от 2015 г. В обоих индоокеанское региональное направление выделено в качестве отдельного блока. При сохранении преемственности общих фундаментальных принципов региональной морской политики новый документ заметно отличается от предшествовавшего. Хотя по объему рассматриваемые блоки Доктрины примерно равны, документ 2022 г. выглядит более конкретным и структурированным в страновом плане.

Прежняя редакция раздела, написанная в более общих формулировках, постулировала, что Зона Индийского океана является одним из главных региональных направлений национальной морской политики⁴.

В стратегическом плане доктрина ориентирована на реализацию в Индийском океане целенаправленного курса на превращение региона в зону мира, стабильности и добрососедства, обеспечение на периодической основе или по мере необходимости военно-морского присутст-

¹ Why are French Forces in Madagascar? <https://www.globalresearch.ca/french-forces-madagascar/5657634> (assessed 22.09.2022)

² Ibidem.

³ Указ Президента Российской Федерации. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfdtdWPol32UekiLMTAycW.pdf> (accessed 18.09.2022)

⁴ Морская доктрина Российской Федерации. <http://scrf.gov.ru/security/military/document34/> (accessed 07.09.2022)

вия Российской Федерации в Индийском океане, участие в обеспечении безопасности морской деятельности, в т.ч. в борьбе с пиратством. Доктрина 2015 г. ставила перед нашей морской политикой следующие задачи: «расширение российского судоходства, совместных с другими государствами действий по разведке шельфовых месторождений углеводородов и строительству подводных трубопроводов; проведение морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе»¹.

В страновом плане из всех прибрежных стран региона Доктриной 2015 г. отдельно выделялась одна лишь Индия. Развитие дружественных связей с ней квалифицировалось как «важнейшее направление национальной морской политики РФ на рассматриваемом региональном направлении». Применительно к остальным государствам региона в той Доктрине была использована лишь общая формула, констатирующая, что национальная морская политика Москвы также направлена и на наращивание позитивного взаимодействия с другими государствами региона.

В новом тексте отношения с Индией постулируются на более высоком уровне приоритета – уровне *стратегического партнерства и военно-морского сотрудничества*. Кроме того, приоритетом морской политики впервые названо расширение взаимодействия с рядом конкретно перечисленных стран – Ираном, Ираком, Саудовской Аравией, а также с другими государствами региона.

Неизменными остались положения о проведении целенаправленного курса на превращение региона в зону мира и стабильности, укрепление отношений с государствами региона, направленных на развитие торгово-экономических, военно-технических и культурных связей, развитие туризма, расширение российского судоходства в регионе.

Важной новацией в нынешней доктрине стала определенная детализация приоритетов собственно военно-стратегического плана в регионе (в пределах ограничений открытого доктринального документа):

- сохранения и поддержания военно-морского присутствия Российской Федерации в районе Персидского залива на базе пунктов материально-технического обеспечения в Красном море и в Индийском океане и использования инфраструктуры государств региона в интересах обеспечения военно-морской деятельности Российской Федерации;
- участия в обеспечении безопасности функционирования морских транспортных коммуникаций в регионе, включая борьбу с пиратством;

¹ Там же.

– проведения морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе¹.

Кроме того, п. 15 Доктрины прямо указывает на то, что районы прохождения мировых морских транспортных коммуникаций, пролегающие вдоль африканского побережья, являются важными зонами обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане. Они в значительной степени влияют на экономическое развитие, материальное благосостояние населения и состояние национальной безопасности России, а также на поддержание стратегической и региональной безопасности государства.

Таким образом, впервые со времен распада СССР мы являемся свидетелями прямого доктринального позиционирования Москвы в качестве мирового актора, заявившего о стратегической готовности отстаивать и реализовывать свои национальные интересы в рассматриваемом регионе, если это окажется необходимым, в том числе посредством военно-морского инструментария.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Статья впервые опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня», 2022. № 11. С. 5–12.

1. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. № 11. С. 5–13.

2. Силантьев Ю.Б., Ковалёва Е.Д., Пензин А.А. Восточноафриканский шельф. Оценка ресурсно-добычного потенциала газа и геолого-политической значимости. *Вести газовой науки*. 2017. № 3. С. 187–194. <https://cy-berleninka.ru/article/n/vostochno-afrikanskiy-shelf-otsenka-resursno-dobychnogo-potentsiala-gaza-i-geologo-politicheskoy-znachimosti?ysclid=l8bkqs9mdo591335744> (дата обращения 20.04.2022)

3. Shotton R. 2005. B8. Western Indian Ocean. FAO Statistical Area 51. *FAO fisheries technical paper*. № 457. <https://fao.org/3/y5852e/Y5852E06.htm#ch2.12> (дата обращения 20.04.2022)

4. Шарова А.Ю. Влияние санкций на экономику наименее развитых стран мира (на примере ДРК и Сомали). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 4(49). С. 31–49.

5. Мезенцев С.В. Президентские выборы в Сомали и перспективы борьбы с террористической группировкой «Аш-Шабаб». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 132–139.

6. Дейч Т.Л., Усов В.А. Индийский океан в фокусе внимания мировых держав. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 77–79.

¹ Указ Президента Российской Федерации...

7. Елькина Е.А. Пиратство: больше или меньше? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 36–40. DOI: 10.31857/S032150750006524-8

8. Egede E. 2018. Maritime Security: Horn of Africa and Implementation of the 2050 AIM Strategy. *Horn of Africa Bulletin*, 30 (2). <https://africaportal.org/features/maritime-security-implementing-aus-aim-strategy/> (дата обращения 19.04.2022)

9. Bhadrakumar M.K. 2021. *US-Indian strategic construct of Western Indian Ocean runs into headwinds*. <https://indian-punchline.com/us-indian-strategic-construct-of-western-indian-ocean-runs-into-headwinds/> (дата обращения 29.08.2022)

**«ПОНИМАТЬ ВОСТОК У НАС ПОЛУЧАЕТСЯ ЛУЧШЕ,
ЧЕМ У ЗАПАДА...»****Абрамова И.О. (2022)**

...Хотя должность моя именуется директор Института Африки РАН, и я действительно принадлежу к сравнительно немногочисленному числу отечественных ученых-африканистов, моя «большая» научная специальность – мировая экономика. Ход нашей дискуссии и тот факт, что я являюсь членом Президиума Российской академии наук и членом бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений, заставляют меня озвучить свое мнение по некоторым, ставшим сегодня сверхактуальными вопросам глобальных отношений, затронутым выступавшими в ходе сегодняшнего заседания Научного совета РАН.

Член-корреспондент РАН А.С. Запесоцкий в своем выступлении отметил, что в культурном плане Россия всегда тяготела к Западу, а политическими союзниками России были преимущественно страны Востока. Думается, что как образец риторического мастерства и ораторского искусства такая антитеза-парадокс весьма изящна, но с исторической реальностью она все же слабо согласуется как минимум в последние четыре-пять веков.

Какие конкретно страны от Босфора до «японских морей» за это время были нашими реальными союзниками? Единственным кратким исключением, мигмом по меркам истории, были (и то выборочно) паратройка десятилетий советского периода (со времени деколонизации примерно до хрущевской ссоры с Китаем). Прочитированное мною противопоставление уважаемого оратора – красивая фигура речи. Но правда все-таки в том, что и на Западе, и на Востоке в любой период истории у нас были и друзья (главным образом слабые еще государства на этапе их становления), и соперники, и враги. И на это нельзя закрывать глаза.

Но, с чем я однозначно соглашусь, – мы в целом почти всегда умели лучше, чем Запад, понимать Восток и в нужные моменты (не всегда, но по большей части) находить или выстраивать его поддержку. Не подкупом (хотя и такое порой случалось) и никогда – коварством, как Запад, а знанием и пониманием Востока. Возможно, именно потому что мы сами частично были и остаемся Востоком, он нам не чужд, как в равной мере не чужд и Запад.

Поэтому, кстати, наша классическая школа востоковедения давала и по сей день дает куда более фундаментально и разносторонне подго-

товленных, талантливых и эффективных дипломатов, разведчиков, политиков, ученых и даже писателей, чем западная школа. Не ремесленников-толмачей, не штучных драгоманов-ориенталистов с неоправданно завышенным самомнением, а творческих личностей, в большинстве своем способных к саморазвитию, адаптации накопленных знаний к актуальным потребностям сегодняшней повестки дня, а при необходимости – к ответственному принятию принципиально важных самостоятельных профессиональных решений.

Учитывая сказанные слова, и похвалы, и критику, мне кажется, нам не стоит обольщаться ни насчет Востока, ни насчет Запада. И именно в этом контексте нам следует отвечать на главный вопрос, выведенный в заголовок нашей сегодняшней дискуссии. Замечу, что вопрос «Является ли Россия Европой?» регулярно всплывает у нас в периоды обострения отношений с западными соседями.

По моим наблюдениям, последние начинают задаваться этим вопросом тогда, когда в наших взаимоотношениях намечается некоторое потепление. В остальных случаях он им в голову не приходит вообще, или на него дается отрицательный ответ.

Но что на самом деле? А на самом деле ответ предельно прост. Говоря языком математики, нам надо подтвердить или опровергнуть тождество. Все будет зависеть от того, что вы выберете в качестве меры соответствия, ибо сказано «какою мерою мерите, такой и вам будет отмерено».

А потому для начала хорошо бы ответить на вопрос: «Что есть Европа?». Если Европа – часть света (или полуостров на северо-западе континента Евразии, занимающий 17% её территории), то да, Россия – огромная часть Европы (37,3% площади), больше, чем любое другое европейское государство.

Если, проигнорировав географию, считать, что Европа – это ЕС, то, конечно, мы не входим в эту организацию. Но дело в том, что ЕС беззастенчиво присвоил наименование «Европа», украв его у остальных европейских стран, так же как присвоил, приписал себе многие, если не большинство, общих для человечества ценностей, которые вдруг стал называть «европейскими», хотя эти ценности существовали задолго до подписания Маастрихтского договора и были основой права многих народов и государств. Эти ценности признавались с древнейших времен, но полного уважения к ним не было в равной мере ни у провозглашавших их шумерских правителей, ни у сегодняшнего Брюсселя. «Не убий», «возлюби ближнего своего, как самого себя» – ворованные ценности ЕС, соблюдение которых весьма избирательно.

Все это я напомнила потому, что сама постановка вопроса «Является ли Россия Европой?» ущербна не потому, что утвердительный или

отрицательный ответ на него будет неправильным, а потому, что в самой такой постановке есть некая убогость. В данном вопросе подспудно скрыто: дотягиваем ли? Нет? А сможем ли все-таки дотянуться, если встанем на цыпочки? А если ботинки надеть на толстой подошве и с высоким каблуком?

Мы что, станем лучше, если кто-то признает нас Европой? Или хуже оттого что вдруг не признают? Мы все равно останемся такими, какие есть. При любом ответе. Для чего вообще нам нужно *доказывать* это кому бы то ни было? Неужто прищлепнутая к стране этикетка «Европа» делает государство или народы лучше или хуже? К тому же и вывод об этой нашей «европейскости» во многом является производным от другого вопроса: «А судьи кто?».

А между тем сегодня едва ли не всякий знает известную фразу Дэн Сяопина: «Не важно, черная кошка или белая; важно, чтобы она ловила мышей». Воспользуюсь и я, пожалуй, подобно коллегам, риторическим приемом и скажу: «Неважно, Европа Россия или не Европа, важно, чтобы она (Россия) процветала».

... Чтобы эта моя риторика не была лишь красивым словоплетением и фигурами речи, а опиралась на цифры и факты, я перейду к предмету, которому посвятила всю свою жизнь и в котором в силу своих академических регалий обязана разбираться. К любимой мною мировой экономике.

Сегодня, как известно, происходит постепенное смещение глобального центра экономической силы с Запада на Восток. В контексте долгосрочных глобальных трендов перед Западом, возможно, впервые за последние 500 (и уж абсолютно точно 300) лет, замаячила перспектива постепенного превращения в относительную «периферию».

Это значит, что даже в существующей рыночной модели не за горами то время, когда основная часть глобального производства и потребления сместится из Евро-Атлантики в Азию и Африку. В рыночной модели это значит, что производитель будет подстраиваться не под вкусы и потребности условных «европейцев» (включая американцев, канадцев и даже австралийцев), а под «азиатов» и «африканцев».

По подсчетам ООН, примерно с 2040 года основной прирост среднего класса будет происходить за счет Африки; по тем же выкладкам, обеднение среднего класса Европы и США началось уже сейчас.

Конечно, речь не идет о мгновенном (в историческом понимании) изменении. Но это реальные глубинные процессы, которые уже происходят в том, что, применяя марксистскую терминологию к современному глобализированному миру, можно было бы назвать глобальным базисом. Перемены в глобальном базисе неизбежно повлекут за собой пе-

ремены в глобальной надстройке, то есть в господствующем сегодня западноцентричном миропорядке. В том числе в политике и культуре.

В реальной жизни это медленный и сложный процесс, продвигающийся на разных этапах с разной скоростью, нередко зигзагами. Никто уже не сомневается, что современный Восток (не только Китай или Индия, а и множество других стран) является производителем основной части реальных ресурсов и товаров. Но и экономическая роль Запада, особенно на передовых направлениях, еще далеко не исчерпана. Однако не эта роль определяет сегодня шаблоны его поведения. Сегодня смысл его усилий, в том числе экономических, – воспрепятствование утрате своего влияния и контроля над потоками мирового богатства. Запад пытается сохранить свои позиции и привычный образ жизни, используя надстроечные элементы, а именно те рычаги влияния, которые остались у него в руках, – финансовые, административно-управленческие, информационные, культурные.

При этом традиционная, классическая европейская культура, которая действительно возносила на пьедестал общечеловеческие ценности и способствовала формированию гуманного и образованного индивидуума, всё больше маргинализируется, оттирается на периферийные, «артхаусные» позиции, сохраняемые в демократическом обществе для «меньшинств, склонных к классике». На смену ей приходит упрощенная поп-культура – конвейерный продукт, производство которого широкомасштабно и малозатратно, а потребление не требует усилий и легко масштабируется.

Эта культура популяризируется, распространяется и затрагивает в первую очередь молодое поколение. Современному Западу нужен человек «недообразованный», малокультурный, а значит, легко управляемый. Человек, который на первое место ставит собственный комфорт и уровень потребления, а не такие категории, как любовь к ближнему, взаимопомощь, патриотизм, стремление к образованию и культуре и т. п. То есть, по сути, в западном общественном пространстве происходит расчеловечивание индивидуума, превращение его в послушную марионетку, исполнителя, не способного критически оценивать свои поступки и окружающую действительность.

Как выясняется, не коммунизм, а западная демократия превращает человека в ничего не решающий серый винтик, да и тот сделан из пластика: если слегка размять, легко можно вылепить нечто заданной формы и даже нанести подобие резьбы с якобы индивидуальным, особенным шагом.

Такой человек называет себя свободным. Он считает, что государство и общество обязаны дать ему всё, но сам он ни обществу, ни государству ничего не должен. Такой стереотип поведения, такая культура

навязывается через социальные сети и нашей молодежи, часть которой с обожанием смотрит на условного «*моргништерна*» и «*данюмилохина*». Впрочем, и среди уже солидных и сформировавшихся людей такая общественная позиция распространяется все шире, причем в среде представителей мира искусства и науки даже с неким опережением.

Но в этом смысле нам с современной Европой не по пути. Чтобы не попасть в водоворот «отмены культуры», мы должны решить по меньшей мере две задачи. Первая – совершенствование системы образования, как школьного, так и высшего, без ставшей сегодня привычной и едва ли не естественной привязки к западной матрице. Вторая – поворот российской науки от симулякров вроде повышения её «видимости» на Западе (а ведь все смыслы и стимулы в отечественной науке на сегодня сведены к этому – рейтинги, хирши, количество статей вместо решения научной задачи и т. п.) к поиску путей процветания Отечества и улучшения жизни россиян. Для этого необходимы развитие современных технологий и формирование отвечающей этой цели политики в сфере экономики, социальных отношений и культуры. Заметим мимоходом, что и реальные (а не «исчисленные» чиновниками по непрозрачным и алогичным критериям) видимость и эффективность отечественной науки неизбежно вырастут, как это было в советские времена.

В современном мире огромную роль будут играть гуманитарные науки, в том числе востоковедение и африканистика. Я ведь не просто так упомянула нашу потрясающую классическую востоковедную школу, одну из самых успешных в мире. И я очень благодарна Михаилу Борисовичу Пиотровскому за его письмо, где он, по сути, говорит о критериях, на которых должна строиться сегодня российская наука. Очень надеюсь, что его письмо будет внимательно изучено Президиумом Российской академии наук.

И еще один важный момент. Помимо развития образования и науки, которое действительно приобретает особое значение и для нашей молодежи, и для всего общества, необходимо формировать новое мировоззрение и не на словах, а на деле пусть даже невольно, в силу застарелой безответной русской любви к иностранцу, перестать воспринимать нашу страну как периферию мирового развития.

Кто-то считает, что эту роль периферии мы взяли на себя добровольно, умоляя варягов прийти «княжить и володеть нами», и потом выступали в своих отношениях с европейскими странами как вассал перед сюзереном. Кто-то считает, что мы не всегда преклонялись перед Европой, а долгое время чурались её культуры и тем самым тормозили приход к нам её достижений, тогда как свои почему-то не рождались в нужном количестве.

Мне же кажется, что, по крайней мере, вжившееся «преклонение перед немцем» пошло в наш народ через элиту, через «птенцов гнезда Петрова» в основном с начала XVIII века.

Петр Великий прорубил окно в Европу, плетью и топором заставил Россию догонять её. Но он же плетью и топором привил элите российской преклонение перед Западом, следование за ним в одежде, вкусах, пороках. Кто не следовал, обрекал себя на наказание, лишение имущества, а порой и на смерть.

Такое «преклонение» перед Европой, бывшее в петровские времена в значительной мере вынужденным приспособленчеством властной элиты, поначалу ограничивалось лишь тогдашними политически и экономически активными её сегментами. Однако со временем оно распространилось практически на всю верхушку русского общества, а постепенно проникло и в более или менее образованные его слои, поскольку само образование было построено на принципе копирования европейских образцов.

Сохраняющийся с петровских времен механизм приобщения к технологическому прогрессу и европейской «цивилизованности» по умолчанию предполагает принятие русским «немца» за образец, достойный подражания, следование за западным лидером и копирование в меру сил и умений вчерашних достижений последнего. По замыслу Запада за допуск к следованию в его фарватере и возможность насколько получается копировать его вчерашние достижения Москва должна платить реальными ресурсами и согласием на ограничение своего суверенитета.

Это преклонение не было изжито и тогда, когда Россия встала в ряд сильнейших держав мира и многократно побеждала объединенную Европу. Не изжито оно и по сей день. Вред от этой наследия Петра для России не меньше, чем польза от «прорубленного окна». Просто об этом говорить как-то не очень принято. Не согласуется с залакированным историческим имиджем царя-реформатора.

Между тем было бы не просто интересно, но и весьма актуально и полезно серьезно, академически глубоко исследовать с позиций современных достижений социальной антропологии и этнической психологии последствия и результаты переламывания социально-культурного и цивилизационного кода допетровской Руси, радикального отказа от него в пользу вторичного копирования западного шаблона. Ведь интересен уже сам факт, что выжигание Петром в правящей российской элите старорусского (условно – «допетровского») культурного кода было настолько глубоким и радикальным, что на протяжении последующих столетий в её рядах не было сколь-нибудь значительного попятного движения!

Могущество России после Петра достигло апогея при немке Екатерине, которая получала удовольствие от возможности «потоптать Европу», но и Востоку при ней досталось не меньше. Именно Екатерина дала и туркам, и западноевропейцам ответ на актуальный ныне вопрос: «Чей Крым?». Этот вопрос бередил европейскую, особенно британскую психику и через сто лет и через двести с лишним.

Вопрос, ставший темой нашего круглого стола, Россия при царенглофиле Александре I оставила без ответа, сначала освободив Европу от Наполеона и дойдя до Парижа, а потом уйдя оттуда и оставив англичанам лавры победителя при Ватерлоо. А потом вновь освободив её в 1945, на этот раз от фашизма, и через полвека бесславно выведя из неё наших военных с оборудованных позиций в чистое поле в средней полосе России.

У нашего государства были периоды и беспримерного взлета, и катастрофического упадка. Однако вопрос «является ли Россия Европой» до сих пор мучит отечественную элиту. Ради положительного ответа на него, как показала история, высочайшие представители власти порой готовы на предательство.

В 1990-е годы наш так называемый европейский выбор произошел в формате саморазрушения и подчинения в экономической, социальной и культурной сферах. Как это ни обидно, расчленив наше государство на ослабленные уделы, насадив в большинстве из них в прямом смысле управляемые им марионеточные правительства, взяв под свой контроль выходы к ключевым международным торговым путям и финансовые потоки, разрушив через приватизацию национальные производственные комплексы и уничтожив целые отрасли и современные индустриальные производства, превратив постсоветские республики в свои аграрно-сырьевые придатки, взрастив местную компрадорскую буржуазию и обслуживающий её средний класс, Запад де-факто превратил фрагменты еще недавно мировой сверхдержавы СССР в полуколонии.

Мы с поправкой на современность повторили опыт порабощения европейцами Индии XVIII и Китая XIX веков. При массе внешних различий корневая сущность остается единой – колонизаторы под лозунгом приобщения к благам и ценностям европейской цивилизации и прогрессу разрушали существовавшие самодостаточные и независимые системы и под разными предложениями присваивали ресурсы этих стран, обеспечивая собственное процветание за счет ввержения в нищету и порабощения их народов. На то, чтобы начать подниматься с колен, Индии понадобилось почти 200 лет, Китаю – около 100. Ни у той, ни у другой страны процесс избавления от остатков этой зависимости еще полностью не завершен. У нас же у многих пока даже не

наступило осознание глубины национальной катастрофы и позора от попадания Отечества в полукOLONиальное состояние.

Однако колониальное порабощение означает не только присвоение материальных богатств стран и результатов труда их народов. Его важнейшей составляющей являлось разрушение и уничтожение культурно-цивилизационных основ и восприятия собственной истории как естественного целостного и неделимого процесса, в котором каждый последующий период истории проистекает и «стоит на плечах» предыдущего. Попытки отрицания этой преемственности ведут к фальсификации истории, а в конечном итоге к цивилизационному самоубийству нации.

Именно такую операцию попытались проделать с нами в годы перестройки и ельцинских реформ. Пиком цинизма и презрения к России стала попытка навязать отсчет истории Отечества с 12 июня 1990 г. Вопреки истине в общественное сознание эта дата внедрялась под названием «День независимости России». Все многовековые предшествовавшие пласты истории нашего государства подавались как достойные покаяния разрозненные эпизоды рабства, преступлений и культурной отсталости. Пропаганда такого взгляда, хотя и существенно уменьшилась, но сильна до сих пор, в том числе и в некоторых государственных музеях, общественных, культурных и образовательных центрах.

За годы перестройки и реформ в нас развился колоссальный комплекс неполноценности. Это отразилось даже в языке. Если хотели сказать, что что-то лучше привычного уровня, к слову стали добавлять «префиксоид» «*евро-*»: «евроремонт», «евростиль», «европротез», «еврокачество» и т.д.

Сегодня нам необходимо избавляться от подобных комплексов, но не путем создания видимости собственной значимости через нелепые рейтинги, не путем пустого провозглашения того, что мы самые лучшие, или придумывания мифологических сюжетов героической древней истории росссов, а путем ежедневной кропотливой работы, в том числе в образовательной и культурной сферах, путем бережного сохранения великих достижений российской и классической европейской культуры, приобщения к ним людей во всем мире.

В то же время на мировоззренческом, идеологическом фронте необходимо перейти от обороны к наступлению, разоблачая современный Запад как тоталитарное общество, благополучие которого было построено и продолжает базироваться на грабеже. Европейские страны и США всегда грабили другие народы, обирали колонии, ту же Африку, вывозили оттуда не только природные богатства, трудовые ресурсы, но и культурные ценности.

В сущности, это продолжается и сегодня с использованием новых неоколониальных инструментов. Россия с её богатейшими ресурсами была и, к сожалению, остается важнейшим объектом грабежа, в том числе в сфере культуры. Отрицание России и российской культуры не только не мешает, а упрощает «цивилизованному» Западу возможность присваивать наши валютные резервы и музейные экспонаты. И мы должны не извиняться за что-то, а объявить всему миру, что боремся за освобождение, прежде всего, самих себя, а через себя – и всего мира.

Необходимо показать всему миру, что Россия – факел борьбы «незападных» стран против западного тоталитаризма и ограбления народов, которые позволяют сегодня и Европе, и Соединенным Штатам Америки поддерживать тот уровень благосостояния, к которому они привыкли и для сохранения которого, уверены они, все средства хороши.

Думаю, что сформулированная таким образом цель борьбы нашей страны будет понятна и близка абсолютному большинству народов, в том числе нашим африканским друзьям, которые поддерживают сейчас Россию, несмотря на колоссальное давление со стороны Запада. Они прекрасно знают, что такое западный колониализм. Эта идея понятна и Китаю, и Индии, и Юго-Восточной Азии, и Латинской Америке, которые всё еще играют по правилам «золотого миллиарда». Надо не только дискутировать о том, насколько мы европейцы, а в первую очередь развивать собственную страну и её многообразную, многогранную, многонациональную и многокрасочную культуру, которая, в отличие от стран Запада, и воплощает в своей сути черты истинного мультикультурализма.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Приведен объединенный текст двух выступлений И.О. Абрамовой на круглом столе Научного совета РАН «История мировой культуры» на тему *«Является ли Россия Европой? Является ли Европой Евросоюз?»*. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 6 апреля 2022 г.

СТРАТЕГИЯ РОССИИ НА АФРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ ПОСЛЕ САММИТА РОССИЯ – АФРИКА 2019?

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2021)

Прошло более двух лет после первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка, успешно прошедших в Сочи в октябре 2019 г. Сам факт проведения мероприятия такого масштаба, в котором приняли участие как многие представители российского руководства во главе с Президентом РФ В. В. Путиным, так и лидеры Африканского союза и 8 региональных организаций Африки, а также делегации всех 54 африканских стран, из которых 45 были представлены главами государств и правительств, свидетельствует как об историческом «повороте» Российской Федерации в сторону Африканского континента, так и о небывалом энтузиазме африканской стороны по поводу «возвращения» России в Африку.

По итогам саммита страны-участницы мероприятия приняли Декларацию, в которой коснулись важнейших аспектов отношений между Россией и африканскими государствами, а также проблем международной повестки. Стороны договорились о создании Форума партнерства, в рамках которого саммиты будут проводиться каждые три года. Правительство Российской Федерации и Африканский союз подписали Меморандум о взаимопонимании, об основах взаимоотношений и сотрудничестве. Меморандум о взаимопонимании был также подписан Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Комиссией Африканского союза [1].

Сопутствующий саммиту Экономический форум Россия – Африка собрал более 6 тыс. участников из 104 иностранных государств и территорий. Были подписаны 92 соглашения, контракта и меморандума о взаимопонимании на общую сумму более 1 трлн руб. [2].

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ

Таким образом, первый саммит Россия – Африка дал мощный толчок развитию российско-африканских отношений и определил цели и задачи нашего партнерства на ближайшие годы. В своем выступлении на саммите Президент России В.В. Путин подчеркнул: «Развитие отношений со странами Африканского континента и их региональными организациями является одним из приоритетов российской внешней политики. Мы все заинтересованы в том, чтобы придать российско-

африканскому взаимодействию по-настоящему системный и комплексный характер» [3].

Авторы данной статьи принимали непосредственное участие как в подготовке, так и в проведении Саммита и Экономического форума Россия – Африка и своими глазами видели неподдельный интерес к возобновлению нашего сотрудничества как с российской, так и с африканской стороны¹.

Однако одного интереса мало. Помимо постановки целей необходимо четкий механизм их реализации, а также определение конкретных задач и результатов, которые мы должны выполнить и достичь в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Успех первого Саммита и Экономического форума был предопределен самим фактом их проведения и уникальностью этого события в российской и африканской истории. Задача, стоящая перед организаторами очередного саммита Россия – Африка, заключается в закреплении и развитии успеха, достигнутого в октябре 2019 г. Очевидно, что второй форум должен стать не повторением первого, а качественно новым шагом в деле развития российско-африканских отношений, поэтому его содержательное наполнение необходимо существенно дополнить и расширить. Необходимо перейти от формулировки целей и задач российской политики на африканском направлении к реализации конкретных проектов и разработке механизма и инструментария взаимовыгодного сотрудничества. Нужно показать африканским странам, чем именно Россия отличается от других их партнеров, и выделить те направления сотрудничества, которые могут способствовать реализации стратегических задач развития Российской Федерации и Африканского континента.

Первый саммит состоялся в 2019 г. незадолго до начала пандемии коронавируса, и его участники даже не могли себе представить, что мир кардинально изменится, а стратегия российско-африканских отношений потребует значительной корректировки. Традиционные методы и подходы, включая встречи на высшем уровне, совместные мероприятия, конференции, выставки и личные контакты между участниками внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности,

¹ И.О. Абрамова была членом Оргкомитета Саммита и Экономического форума Россия – Африка, модератором пленарного заседания Экономического форума Россия – Африка с участием Президента РФ В.В. Путина и Президента АРЕ А.Ф. ас-Сиси, модератором научной сессии Экономического форума, докладчиком сессии «Особенности ведения бизнеса в Африке»; Л.Л. Фитуни – докладчиком на ряде сессий Экономического форума. Оба автора участвовали в формировании деловой Программы Экономического форума Россия – Африка и во всех мероприятиях, связанных с подготовкой Саммита и Экономического форума Россия – Африка.

как государственными, так и частными, сегодня затруднены. Международные отношения на всех уровнях в значительной степени переведены в виртуальную реальность, и вероятность проведения второго саммита Россия – Африка в 2022 г. в «живом» формате всё еще остается под вопросом.

Несмотря на все сложности и препятствия, Россия за последние два года существенно продвинулась на африканском треке, в первую очередь с точки зрения выстраивания институциональной основы наших взаимоотношений. В 2020 г. по поручению Президента РФ В.В. Путина в МИД России был сформирован Секретариат Форума партнерства Россия – Африка, который стал головным координирующим органом по организации предстоящих саммитов и налаживанию эффективного бизнес-диалога на континенте¹.

В настоящее время идет активная работа по подготовке концепции предстоящей встречи в верхах, в разработке которой самое активное участие принимают российские ученые. Её содержательное наполнение будет учитывать позиции наших африканских партнеров, приоритетных тем двустороннего, регионального и международного сотрудничества.

Конкретные предложения по наполнению нашего взаимодействия с Африкой прорабатываются Координационным, Общественным и Научным советами, созданными в 2020 г. при Секретариате Форума партнерства. В них представлены министерства, ведомства, деловые, научные и общественные организации, участвующие в развитии отношений с Африканским континентом.

Сегодня именно российские ученые в формате Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия – Африка² взяли на себя задачу объединения усилий государства и бизнеса с глубокими знаниями и компетенциями реальных специалистов по африканской экономике. Успех первого саммита Россия – Африка во многом был определен тем, что в его подготовке с самого начала активное участие принимали ученые-африканисты. Деятельность Научного совета, по свидетельству представителей ведомств, делового сообщества и самих ученых, уже приводит к конкретным результатам на пути координа-

¹ О презентации Секретариата «Форума партнерства Россия – Африка» и Ассоциации экономического сотрудничества со странами Африки. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 09.09.2020. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4330095 (accessed 28.09.2021)

² Авторы данной статьи принимали активное участие в его создании. И.О. Абрамова возглавила Научный совет, а Л.Л. Фитуни входит в состав его членов. В НС активно работают российские ученые: африканисты, экономисты, медики, биологи, аграрии, а также представители Минобрнауки и компании «Иннопрактика».

ции действий науки, бизнеса и государства в соответствии с нашими целями и задачами на африканском направлении [4, 5, 6].

Активно работает созданная в прошлом году Ассоциация экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА), объединяющая ряд крупнейших российских экономоператоров, имеющих бизнес-интересы на континенте, а также АФРОКОМ (Координационный комитет по экономическому сотрудничеству со странами Африки), задачи которого – оказание содействия в продвижении и защите торгово-экономических интересов российских регионов на рынках Африки.

8 июля 2020 г. состоялись политические консультации между Министром иностранных дел С.В. Лавровым и так называемой Афротройкой (бывший, действующий и будущий председатели Африканского союза) по организации второго саммита Россия – Африка.

Таким образом, созданы определенные институты для развития российско-африканского сотрудничества. Вместе с тем, помимо организационной структуры, для выхода нашего взаимодействия на новый уровень необходимо осознание российским обществом и его элитой того факта, что в новых условиях именно активное развитие российско-африканских отношений может сыграть существенную роль в реализации стратегических задач, стоящих сегодня перед Российской Федерацией.

К сожалению, на сегодняшний день такого осознания и понимания в российском обществе нет. Африка большинством россиян и значительной частью политической и экономической элиты продолжает восприниматься как территория бедности, войн, конфликтов, нестабильности и непредсказуемости. В немалой степени этому способствуют российские СМИ, в погоне за «жареными фактами» предпочитающие не давать позитивной информации о континенте, который в последние годы, несмотря на сохраняющиеся проблемы, развивается достаточно успешно. Африка обладает по меньшей мере двумя факторами, определяющими её возможный экономический скачок, – богатейшими природными ресурсами, в том числе необходимыми для развития современных высокотехнологичных отраслей, и молодым быстрорастущим населением, обеспечивающим быстрое расширение потребительского рынка, включая новейшие товары и услуги.

ПАНДЕМИЯ ВНОСИТ КОРРЕКТИВЫ

Среднегодовые темпы роста африканской экономики за последние 10 лет были одними из самых высоких в мире и сохранялись на уровне 3,5–5%. Даже в наиболее тяжелый для большинства стран и континентов “ковидный” 2020 г. падение африканской экономики было самым незначительным по сравнению с другими регионами, составив

2,1% (в мире в целом – 4,4%) [7]. В 2021 г. эксперты прогнозируют её рост на 3,4%, а в 2022 г. – более чем на 4%. Очень неплохо, по сравнению с другими континентами, африканцы выглядят и по таким показателям, как общее число заболевших коронавирусом (7,6 млн человек на конец августа 2021 г. против 215 млн в мире), доля заболевших во всем населении (0,59% против 2,7% в мире) и число смертей на 1000 жителей (0,15 против 0,57 в мире) [8].

Ряд авторов подробно анализировали ситуацию с коронавирусом в Африке, а также факторы, повлиявшие на подобное развитие ситуации на континенте, и социально-экономические и гуманитарные последствия пандемии [9, 10]. Поэтому здесь мы отметим только два момента. Первое: пандемия нанесла серьезный ущерб развитию Африки, в первую очередь малому и среднему бизнесу, включая неформальный сектор экономики, который составляет от 30 до 90% занятости в африканских странах, привела к падению подушевого дохода населения на 10%, превратила в бедняков 38,7 млн человек и увеличила число голодающих в Африке на 100 млн человек [7]. Второе: как и любой кризис, пандемия коронавируса, наряду с потерями, открыла и новые возможности – в рассматриваемом случае как для развития африканской экономики и социальной сферы, так и для российско-африканского сотрудничества.

В первую очередь это касается системы здравоохранения в Африке. Сегодня не только африканские политические лидеры, но и представители бизнеса осознали необходимость выстраивания эффективной системы оказания медицинских услуг для широких слоев населения. Так, например, в Нигерии богатейший в Африке бизнесмен Алико Данготе совместно с другими своими партнерами заявил о создании и финансировании специальной «Программы развития первичных медицинских услуг» для каждого жителя страны.

Пандемия дала определенный толчок и для развития местного производства в африканских странах. Африканцы весьма успешно наладили производство средств индивидуальной защиты и несложного медицинского оборудования, а также продуктов питания.

Косвенным результатом пандемии стало взрывное ускорение и без того весьма интенсивно развивающегося процесса цифровизации в Африке, в первую очередь в финансовой, торговой и социальной сферах. Именно с этим процессом многие эксперты связывают будущее развитие Африканского континента, население которого на 60% состоит из молодежи не старше 25 лет, наиболее восприимчивой к новейшим цифровым продуктам.

К сожалению, перспективность взаимодействия с быстро развивающимся африканским партнером и те новые возможности, которые от-

крываются сегодня для России в Африке, в том числе «благодаря» пандемии *COVID-19*, остаются вне сферы понимания как российской общественности, так и многих представителей российской элиты, не обладающих стратегическим мышлением.

Между тем современный мир меняется настолько быстро, что уже сегодня необходимо определиться в своих приоритетах и целях как в тактическом, так и в стратегическом плане. Совершенно очевидно, что западная модель развития, благополучно доминировавшая на планете на протяжении нескольких сотен лет, переживает сегодня глубочайший кризис.

Многочисленные исследователи и эксперты неоднократно писали, в том числе и на страницах этого журнала, о кризисе глобализации, о смещении центра мировой экономики с Запада на Восток, о смене модели мирового развития. Но нынешний кризис носит совершенно особый характер. Существенный вклад в расшатывание существующей системы мироустройства внесла пандемия *COVID-19*, послужившая «спусковым крючком» для целого ряда современных вызовов и угроз [11].

ДВОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

Разнообразные проявления глубокого кризиса современного мирового порядка свидетельствуют о необходимости его изменения. В этих условиях для упрочения своего лидерства старым и новым игрокам будут нужны сырьевые и топливные ресурсы, кадры, знания и навыки, новые рынки и сферы влияния. И в этом смысле Россия и Африка всё чаще оказываются в одной лодке.

И Россия, и африканские государства обладают уникальными природными ресурсами, еще не до конца исследованными и поделенными, и огромной территорией с плотностью населения ниже среднемировой. Борьба центров силы за привлечение в сферу своего влияния и России, и Африки в ближайшие годы будет становиться всё более ожесточенной.

Основными противниками в этой борьбе станут США и Китай в условиях складывающейся новой биполярности. Очевидно, что ни для России, ни для Африки такая картина мира не является желательной и идеальной, поскольку ставит под сомнение их экономическую субъектность. Африка уже сейчас высказывает опасения по поводу роста китайского влияния на континенте, традиционно ругая бывших колонизаторов и США, но при этом не отказываясь от финансовых вливаний и экономической помощи с той и другой стороны. Россия, открыто прописанная в западных стратегиях как против-

ник и «страна-агрессор», опутанная экономическими санкциями, в процессе «поворота на Восток» может столкнуться с опасностью быть вовлеченной в сферу влияния намного более мощного в экономическом плане Китая.

В этих условиях и российская, и африканская сторона больше заинтересованы в переходе к полицентричной модели мира, которая в условиях формирования нескольких, возможно, неравновеликих центров силы позволит сохранить и укрепить экономическую независимость своих государств, сохранить их идентичность. И Россия, и Африка вполне могут претендовать на роль таких центров. Африка – в рамках всего континента, а Россия, возможно, в формате ЕАЭС.

В этом смысле стратегии развития Африки и России во многом дополняют друг друга. Весьма показательно, что и в России, и в Африке в условиях формирования новой модели мирового развития существует понимание необходимости опоры на собственные силы и на взаимодействие не с одним ключевым партнером, а с разными игроками, как старыми, так и новыми. Так, в Африке с начала 2000-х годов как на общеконтинентальном уровне, так и на уровне региональных объединений и отдельных стран всё большее признание получает концепция *“African ownership”* – взятие ответственности за развитие в собственные руки. Сегодня эта концепция приобретает статус «панафриканской».

В 2013 г. главный стратегический документ Африканского союза – Повестка 2063 – в качестве исходного пункта главного направления развития континента называет *“Africa-centered development”* (развитие для Африки и внутри Африки). Мощным толчком для дальнейшего признания данной концепции послужила пандемия коронавируса. При закрытых границах и сокращении импорта остро встала задача повышения доли местных товаров с высокой степенью переработки в общем объеме промышленного производства. По мнению африканских экономистов, этот подход не означает отказа Африки от участия в международных экономических отношениях, но смещает фокус развития на внутренний рынок и на локализацию производства импортных товаров и услуг. И ключевую роль в этом процессе должна сыграть интеграция в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли [12].

Что касается России, то здесь постепенно начинает реализовываться разрабатываемая правительством новая стратегия социально-экономического развития страны. Этот документ призван определить пути решения задач, поставленных в июльском (2020 г.) указе Президента РФ В.В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [13].

В этом Указе определены ключевые стратегические задачи нашей страны на десятилетнюю перспективу. Важнейшими из них являются: обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности; реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.; обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования; достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в 4 раза по сравнению с показателем 2019 г. [13].

На наш взгляд, значительный вклад в решение вышеперечисленных задач может внести африканское направление внешнеэкономической деятельности РФ. Более того, в условиях постоянного нарастания напряженности во взаимоотношениях с западными партнерами, роста экономической и политической мощи и влияния Китая на азиатском треке, раскачивания ситуации на Ближнем и Среднем Востоке африканский вектор внешней политики России приобретает особое значение.

В политическом плане для нас чрезвычайно важна поддержка африканских государств, на которые приходится более четверти всех голосующих членов ООН. В экономическом плане Африка для нас – важнейший рынок для реализации нашей промышленной продукции и применения российских технологий, включая локализацию российских производств на континенте, подготовку кадров, передачу знаний и навыков. Африканский потребительский рынок вырос с 2014 по 2019 г. в 2 раза и продолжает расти опережающими темпами по сравнению с остальным миром (4–5% в год против 1,5–2,0% мира в целом) [7]. Быстро растущий спрос на товары и услуги открывает новые широкие возможности для реализации российской промышленной продукции на рынках Африки.

Африка необходима нам и как поставщик важнейших видов стратегического сырья и материалов для успешного развития современных высокотехнологичных отраслей. В первую очередь речь идет о марганце, хrome, бокситах, уране и редкоземельных металлах. Монополия на обладание и распределение последних постепенно переходит к Китаю, который не только является крупнейшим производителем в мире этой группы металлов, но и постепенно устанавливает контроль над их производством в других странах, в том числе и в Африке, активно применяя механизм концессий.

Россия, также ориентированная в своем развитии на импортозамещение, возрождение национальной промышленности и сельского хозяйства, в 10 раз меньше Африки по численности населения. Между тем для реализации задач ускоренного развития производства необходим доступ к емким внешним рынкам. Россия, длительное время своей новейшей истории ориентировавшаяся на развитие экономических связей преимущественно с западным миром, оказалась в весьма уязвимом положении. Уготованная ей роль «бензоколонки» и сырьевого придатка развитых стран и одновременно импортера западной промышленной продукции, технологий и «ценностей» успешно реализовывалась на протяжении более 20 лет, что привело к деградации отечественной промышленности, науки и образования и, как следствие, к прочной технологической и информационной зависимости от США и Европы.

Экономический суверенитет РФ был подорван, а политический статус и международный авторитет страны существенно снизились. Более того, неутешительные тенденции внутреннего развития ведущих стран Запада, граничащие с глубокими катаклизмами в экономике и обществе, не дают шансов рассчитывать на лояльное отношение США и их союзников к самой идее восстановления мощного, многоотраслевого и самодостаточного экономического комплекса в нашей стране даже в случае гипотетических существенных уступок Москвы.

Между тем России необходим сегодня настоящий экономический «прорыв», который невозможен без восстановления многоотраслевой промышленности и развития отечественных технологий. Расширение любого производства, в том числе высокотехнологичного, обеспечивается растущим спросом на данный вид продукции и возможностью локализации производственного процесса за пределами страны в максимальном приближении к потребителю.

КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В свете сказанного нам очень важно определить сегодня ключевое звено наших взаимоотношений с Африканским континентом, найти ту нишу, которая позволит обозначить особую роль России для развития Африки, выгодно отличающую её от других партнеров африканских стран и одновременно наиболее соответствующую стратегическим задачам Российской Федерации и Африканского союза.

В.В. Путин на пленарном заседании Экономического форума Россия – Африка отметил, что товарооборот между нашими государствами, который в 2018 г. превысил 20 млрд долл., недостаточен и в ближайшие годы должен увеличиться по крайней мере в 2 раза.

Таблица 1. Структура торговли Африки в 2010–2019 гг.
по основным торговым партнерам

		Экспорт		Импорт		Товарооборот (<i>Ex+Im</i>)		Сальдо (<i>Ex-Im</i>)	
		2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019
Китай	\$ млрд	54,6	68,4	57,3	102	111,9	170	-2,7	-33,6
	%	11,2	14,4	12,4	17,7	11,8	16		
Индия	\$ млрд	24,1	31,3	16,7	30,8	40,8	62	7,4	0,5
	%	5	6,6	3,6	5,3	4,3	6		
Бразилия	\$ млрд	11,6	4,8	9,5	8,9	21,1	14	2,1	-4,1
	%	2,4	1	2,1	1,5	2,2	1		
Турция	\$ млрд	5,6	6,2	8,7	17,7	14,3	24	-3,1	-11,5
	%	1,2	1,3	1,9	3,1	1,5	2		
Россия	\$ млрд	2,1	2,9	5,4	13,9	7,5	16,8	-3,3	-11
	%	0,4	0,6	1,2	2,4	0,8	1,6		
США	\$ млрд	75,4	23,3	33,6	31,5	109	55	41,8	-8,2
	%	15,5	4,9	7,3	5,5	11,5	5		
ЕС-27	\$ млрд	146,7	139,7	139,9	154,5	286,6	294	6,8	-14,8
	%	30,2	29,4	30,3	26,8	30,2	28		
Велико- британия	\$ млрд	14,5	13,6	13,8	11,6	28,3	25	0,7	2
	%	3	2,9	3	2	3	2		
Франция	\$ млрд	30,4	26,3	33,5	30,4	63,9	57	-3,1	-4,1
	%	6,3	5,5	7,3	5,3	6,7	5		
Германия	\$ млрд	12	19,5	25	25,6	37	45	-13	-6,1
	%	2,5	4,1	5,4	4,4	3,9	4		
Италия	\$ млрд	38,2	21,8	59,9	20,5	59,9	42	16,5	1,3
	%	7,9	4,6	6,3	3,6	6,3	4		
Итого по всем странам	\$ млрд	486,3	475,6	461,3	577,3	948	1053	25	101,7

Составлено и рассчитано авторами по: [15], по России – [16]

Безусловно, торговля является важнейшей составляющей ВЭД, и перспективы увеличения товарооборота России с африканскими государствами весьма благоприятны. Более того, структура нашего экспорта в Африку с точки зрения несырьевой и неэнергетической составляющей была в 2019 г. практически оптимальна – более 80%. В товарной структуре российского экспорта в страны Африки в 2019 г. машины, оборудование и транспортные средства занимали почти 25%, минеральные продукты – 20%, металлы и изделия из них –

8,5%, продукция химической промышленности и каучук – 5%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 4%. Увеличение российско-африканского товарооборота возможно как за счет его диверсификации и географического расширения (на сегодняшний день 84% общего объема торговли России с Африкой приходится на семь государств: Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Тунис, Нигерию и Судан) [14], так и в результате увеличения поставок африканских товаров в Россию. В первую очередь речь идет как о сельскохозяйственной продукции, так и об уникальных видах минеральных ресурсов, имеющих стратегическое значение, которые мы зачастую покупаем через европейских и других посредников.

Может ли торговля стать тем звеном, потянув за которое, мы вытянем всю цепочку «российско-африканских» отношений? По нашему мнению, в торговой сфере России в ближайшей и среднесрочной перспективе будет весьма сложно конкурировать с другими партнерами Африки.

Как видно из *табл. 1*, по торговому обороту со странами Африки Россия существенно отстает от других крупных экономик. Основным партнером Африки как в 2010 г., так и в 2019 г. продолжает оставаться Европейский союз. Однако если взять статистику по отдельным странам, то тогда, безусловно, лидирует Китай. США, которые по объему торговли с Африкой в 2010 г. практически не уступали КНР, к 2019 г. снизили товарооборот вдвое и опустились с третьего на четвертое место, пропустив вперед не только Францию, но и Индию, которая на сегодняшний день занимает по данному показателю второе место. Из европейских стран увеличить объем торговли с Африкой смогла только Германия – пятый торговый партнер Африканского континента на сегодняшний день. Все остальные страны сократили свой товарооборот с африканцами. Весьма успешно развивается торговля Турции с Африкой, объем которой за 10 лет увеличился на 67% и составил 24 млрд долл. Россия на этом фоне выглядит весьма скромно, опережая в этом списке лишь Бразилию. В целом удельный вес России в африканской торговле с 2010 по 2019 г. увеличился в 2 раза (с 0,8 до 1,6%).

2020 «ковидный» год ознаменовался общим падением объема мировой торговли почти на треть, а африканской – на 20%. Несмотря на пандемию, еще более упрочились позиции Китая, который сегодня (данные на 2020 г.) обеспечивает уже 18,3% всей внешней торговли Африки. Доля ЕС снизилась до 27,6% и будет продолжать снижаться. Падение показателей блока будет тем заметней, что в суммарных показателях стран-членов более не будет присутствовать вклад Великобритании. Объем торговли России с Африкой, как и у подавляющего большинства других стран, сократился (до 14,5 млрд долл., или на 29%

по сравнению с удачным 2018 г.) (рассчитано авторами по: [15, 16]). Так что в ближайшие годы нашей стране трудно будет, как планировалось, превратиться в одного из основных торговых партнеров континента, хотя усилия в этом направлении, безусловно, необходимо продолжать. Удвоения товарооборота с Африканским континентом, о необходимости которого говорил В.В. Путин на Экономическом форуме Россия – Африка в 2019 г., планируется достичь к 2025 г. Правда, не совсем ясно, какая исходная цифра будет взята за основу: рекордные 20,4 млрд долл. за 2018 г. или 14,5 млрд долл. за 2020 г.

Между тем именно Африка может внести существенный вклад в достижение такого установленного государственным стратегиями индикатора, как «реальный рост российского экспорта несырьевых энергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.». Но для этого необходимо разработать новые меры государственной поддержки российского экспорта, в том числе на законодательном уровне, включая предоставление государственных гарантий, льготное кредитование и страхование экспорта, разработку новых механизмов использования концессионных соглашений в инвестиционных проектах и внешнеторговых операциях, создание условий для встречной торговли и проведения расчетов в национальных валютах, а также активизировать работу по заключению договоров о поощрении инвестиций и взаимной защите капиталовложений. Необходимо также обеспечить послепродажное обслуживание российской техники и субсидирование затрат по участию российских экспортеров в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях. Пока, к сожалению, большинство этих мер находится в стадии разработки, и нет уверенности, что уже к следующему саммиту удастся создать эффективный механизм поддержки российского экспорта в Африку. Очевидно, это будут средне- и долгосрочная задачи. Важно, чтобы уже сегодня Минпромторг, Минэкономразвития, Российский экспортный центр, включая АО «ЭКСПАР», и другие ведомства предпринимали реальные шаги в данном направлении и работали согласованно.

Весьма целесообразным представляется также сотрудничество с государствами Африки по линии Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ) – одного из флагманских проектов перспективного развития Африки на период до 2063 г. Однако в торговом и финансово-инвестиционном сотрудничестве отставание от лидеров останется в ближайшей перспективе очень значительным.

В соответствии с данными *табл. 2*, за последние 10 лет доля России на кредитном рынке африканских государств составила всего 0,04%. Конечно, данная таблица составлена по открытым источникам и, возможно, не в полной мере отражает весь объем финансово-инве-

стиционных связей. К тому же многие российские инвесторы ведут дела с Африкой через свои зарубежные филиалы и холдинги, зарегистрированные в дальних налоговых гаванях. Но даже с поправкой на возможные неучтенные объемы Россия вряд ли сможет в ближайшие годы соперничать в этом сегменте с США, Китаем, Европейским союзом и Всемирным банком.

Таблица 2. Суммарные частные и государственные официальные займы Африки в 2010–2019 гг. по основным донорам, млн долл.

Донор	Сумма займа
США	130 070,4
ЕС, всего	339 172,7
Страны ЕС на 2-сторонней основе, из них:	276 049,0
<i>Великобритания</i>	42 825,7
<i>Германия</i>	59 396,5
<i>Италия</i>	31 136,2
<i>Нидерланды</i>	50 530,0
<i>Франция</i>	52 919,7
Институты ЕС	62 123,7
Китай	126 500,0
Россия	344,1
Всемирный банк	87 965,2
Итого:	921 448,6

Примечание. В суммарные частные и государственные официальные займы включены: официальная помощь развитию; прочие официальные двусторонние операции; изменения в двусторонних долгосрочных активах частного сектора, в том числе гарантированные экспортные кредиты, прямые частные инвестиции, портфельные инвестиции, ссуды частных банков.

Составлено и рассчитано авторами по: [17], по Китаю – [18].

По мнению авторов данной статьи, ключевым звеном наших отношений на ближайшую перспективу, которое станет привлекательным для африканских стран и будет способствовать успешному экономическому развитию РФ, может стать отработка двусторонних возможностей технологического партнерства, поскольку именно оно становится для взаимодействующих сторон драйвером развития их экономик в условиях четвертой промышленной революции и стимулом к созданию новых стратегических альянсов.

Авторы статьи неоднократно беседовали с руководителями африканских государств самого высокого ранга, а также с африканскими учеными, общественными деятелями и представителями деловых кру-

гов. Все они единодушно повторяли, что Африке от России в первую очередь нужны новые технологии, которые позволят вывести развитие стран континента на новый качественный уровень.

Экспорт технологий – это, во-первых, экспорт продукции, выпускаемой компаниями наукоемких отраслей, произведенной с использованием новейших образцов техники и технологий с участием высококвалифицированного, специально подготовленного персонала, воплощающего современные научные достижения, передовой опыт и обеспечивающего высокую социально-экономическую эффективность. Но одновременно экспорт технологий предусматривает и выдачу лицензий на производство наукоемкой продукции, локализацию производства того или иного продукта либо его отдельных компонентов, а также подготовку кадров и сотрудничество в научной сфере. Очевидно, что такая форма взаимодействия отвечает интересам как России, которая получает обширный рынок для экспорта своей продукции и через подготовку кадров усиливает свое влияние на Африканском континенте, так и Африки, с помощью РФ наращивающей внутри континента производство новых товаров с высокой добавленной стоимостью и получающей высококвалифицированные кадры, подготовленные российской стороной.

В условиях постковидного мира спрос на российские технологии в Африке может существенно вырасти, так как Россия обладает высокими компетенциями именно в тех сферах, которые наиболее востребованы сегодня на Африканском континенте. Это аграрный сектор (включая семеноводство, животноводство, производство удобрений, переработку и хранение сельскохозяйственной продукции); медицина, включая не только производство лекарств и вакцин, но и развитие сети медицинских учреждений; цифровые технологии, транспортная и энергетическая инфраструктура, космос, строительство, водоснабжение и горнодобыча.

И уже сегодня именно по этим направлениям российские государственные и частные компании реализуют конкретные проекты в Африке.

Достаточно упомянуть строительство современной атомной электростанции в АРЕ, создание центров ядерной науки и технологий и современных радиотерапевтических онкологических центров, а также центров по обработке семян в ряде африканских государств, которые осуществляет РОСАТОМ; строительство завода по производству удобрений в Замбии («Уралхим»); запуск спутников для ряда африканских стран («Роскосмос»); производство российских тепловозов и вагонов для нужд африканских стран на приобретенном и перепрофилированном ООО «Трансмашхолдинг» заводе в ЮАР; новые технологии, способствующие сокращению затрат и удлиняющие срок

эксплуатации зданий (например, гидрофобное оборудование), а также современные качественные стройматериалы (например, стабилизированный обожженный кирпич, который уже применяется в Конакри, Гвинея); локализацию производства спутников на территории Уганды.

Компания «Алроса» инвестирует в использование на территории Африки новых технологий поиска кимберлитовых трубок – межскважинное радиоволновое и сейсмическое просвечивание пород. Компания «Транснефть» внедрила в Алжире технологии по диагностике трубопроводов и защите нефтяных резервуаров и по снижению удельных выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Компания «Геоскан» помогает африканским странам развивать центры обработки данных и создавать геоинформационные порталы. Новые цифровые агротехнологии, разработанные специалистами «Геоскана», позволяют более эффективно контролировать рост растений. ООО «Новые облачные технологии» произвело поставку в Бурунди своего «облака», в котором можно редактировать документы. Это технология подобна разработкам *Microsoft*, но только в отличие от продукта американской компании российское «облако» полностью находится на территории Бурунди и контролируется национальными властями. И это лишь несколько примеров успешно реализуемых российско-африканских проектов в технологической сфере.

Кроме того, в 15 странах Африки для вакцинирования от *COVID-19* используется российская вакцина Спутник V, которая сама является блестящим примером передовой российской технологии. Развивается и научное сотрудничество со странами Африки. Уже много лет в Эфиопии продолжает свою работу Совместная российско-эфиопская биологическая экспедиция РАН. Усилиями Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия – Африка удалось добиться принятия решения о её преобразовании в Совместный российско-эфиопский Центр биологических исследований (СРЭЦБИ) на территории Федеративной Демократической Республики Эфиопия с возможным использованием потенциала существующей миссии Российского Красного креста.

В 2017 г. на территории Гвинейской Республики создан Российско-Гвинейский научно-исследовательский центр эпидемиологии и профилактики инфекционных болезней. На базе центра исследуются особенности распространения опасных природноочаговых инфекций (*COVID-19*, Эбола, Ласса, желтой лихорадки, малярии, лихорадки Западного Нила и др.), разрабатываются и апробируются новые средства диагностики и профилактики опасных инфекций, представляющих угрозу для всего мира.

Планируется восстановление совместного Российско-Гвинейского научного биотехнологического центра, возобновление совместных исследований в области гидробиологии, океанологии, экологии и биотехнологий.

Осуществляются также совместные проекты в агросфере, биологии, геологоразведке, химии, ядерной физике, в области космических исследований. Активно ведется сотрудничество и в гуманитарной сфере. Российская академия наук выстроила наиболее тесные связи с такими странами, как Египет, Мали, Ангола, Эфиопия, ЮАР¹.

Трансфер российских технологий, как и сотрудничество в научной сфере, не только выгодны России в имиджевом плане, показывая её как страну, способствующую передовому развитию Африки и укреплению её экономического суверенитета. Он позволяет ей формировать армию своих сторонников в странах континента через решение проблемы преодоления технологической отсталости и подготовки квалифицированных кадров, осваивающих и продвигающих именно российские технологические решения. Кроме того, Россия получает своеобразный массовый «полигон» для совершенствования своих технологий, востребованных быстрорастущим молодым африканским населением, и огромный рынок для российских высокотехнологичных товаров и услуг, так необходимый многим российским, в том числе региональным, производителям, готовым наращивать свое производство, но не имеющим возможности для сбыта своей продукции.

Вопрос трансфера технологий прочно увязан с задачей подготовки квалифицированных кадров. Общей проблемой для всех государств Африки является формирование кадрового потенциала, готового адаптироваться не только к текущим, но и к перспективным потребностям национального хозяйства. Помимо этого, со стороны африканских партнеров имеется спрос на постоянное повышение квалификации своих работников, а также на подготовку бóльшего числа научных работников. С учетом этого нам следует сосредоточить усилия на привлечении африканских граждан для прохождения обучения в российских вузах. Следует подчеркнуть, что вопрос более интенсивного привлечения российского бизнеса, действующего на территории континента, к целевой подготовке африканских специалистов в профтехучилищах и высших учебных заведениях должен остаться в числе приоритетных для органов государственной власти РФ.

¹ Все эти примеры взяты из выступлений участников Экономического форума Россия – Африка, состоявшегося 23–24 октября 2019 г., на котором авторы статьи выступали в качестве организаторов и модераторов тематических панельных дискуссий и докладчиков.

Важным аспектом, требующим внимания российской стороны, является необходимость как расширения географии своей деятельности (для этого могут использоваться онлайн-платформы, информационные ресурсы), так и наращивания масштабов присутствия (восстановление сети российских центров науки и культуры, открытие представительств Российской академии наук на континенте). Важно продумать и варианты перераспределения средств в пользу двустороннего гуманитарного сотрудничества с африканскими партнерами при одновременном снижении объемов финансовых потоков, направляемых в международные фонды помощи и содействия.

Подводя краткий итог, мы хотели бы выделить в качестве ключевых моментов и приоритетных целей сотрудничества России со странами Африканского континента следующие положения:

- перенос акцента взаимодействия России и Африки с торговой на технологическую сферу;
- использование механизма государственно-частного партнерства, когда государство через специальные инструменты обеспечивает успешную предпринимательскую деятельность государственных и частных российских компаний;
- создание специального инвестиционного фонда Россия – Африка;
- развитие сотрудничества в гуманитарной и научной сферах как элемент продвижения российской «мягкой силы»;
- повышение роли двустороннего сотрудничества, отказ от финансирования международных проектов, где вклад России обезличивается.

Переход к такой схеме российско-африканских отношений позволит и нашей стране, и Африканскому континенту существенно продвинуться в решении стратегических задач своего развития и обеспечит экономический и политический суверенитет обеим сторонам в условиях формирования нового миропорядка.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Статья впервые опубликована в журнале «Мировая экономика и международные отношения». 2021. Т. 65. № 12. С. 68–78.

1. В Сочи завершился саммит Россия – Африка. *ТАСС*, 24.10.2019. <https://tass.ru/politika/7043350> (дата обращения 18.08.2021)

2. Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума. *Росконгресс*. 28.10.2019. <https://roscongress.org/news/podvedeny-itogi-pervogosammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-dosledujushchego-foruma/> (дата обращения 18.08.2021)

3. Саммит Россия – Африка. *Президент России*. 24.10.2019. <http://kremlin.ru/events/president/news/61893> (дата обращения 18.08.2021)
4. О втором заседании Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия – Африка. *МИД РФ*, 20.02.2021. https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/o-vtorom-zasedanii-nauchnogo-soveta-pri-sekretariate-foruma-partnerstva-rossia-afrika (дата обращения 30.03.2021)
5. «Для российского высшего образования в Африке главные конкуренты – Франция, США и Китай». *Коммерсантъ*. 28.09.2020. <https://kommersant.ru/doc/4510140> (дата обращения 30.03.2021)
6. О втором заседании Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия – Африка. *Росконгресс*. 20.02.2021. <https://summitafrica.ru/news/o-vtorom-zasedanii-nauchnogo-sovetapri-sekretariate-foruma-partnerstva-rossija-afrika/> (дата обращения 30.03.2021)
7. African Economic Outlook 2021. *African Development Bank Group*. https://afdb.org/sites/default/files/2021/03/09/aeo_2021_-_chap1_-_en.pdf (дата обращения 23.08.2021)
8. Coronavirus in Africa. *COVID-19 World Statistics*. <https://covid.observer/africa/> (дата обращения 23.08.2021)
9. Абрамова И.О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 38–56. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-3>
10. Денисова Т.С., Костелянец С.В. *COVID-19 в Нигерии: вызовы и прогнозы. Азия и Африка сегодня*. 2020. № 8. С. 26–30.
11. Фитуни Л., Абрамова И. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 9. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14>
12. Sherif K. Africa’s key to wealth growth: produce and consume locally. *The Africa Report*, 19.08.2020. <https://www.theafricareport.com/38264/africas-key-to-wealth-growth-produce-and-consume-locally/> (дата обращения 26.08.2021)
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». *Президент России*. 21.07.2020. <http://kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 23.08.2021)
14. Международная сеть. *Российский экспортный центр*. https://exportcenter.ru/international_markets/world_map/ (дата обращения 26.08.2021)
15. Trade Map. *International Trade Centre*. <https://trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 24.08.2021)
16. Бюллетень «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации» 2021. *ФТС РФ*. <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения 24.08.2021)
17. Total receipts by country and region (ODA+OOF+private). *OECD.Stat*. <https://stats.oecd.org/> (дата обращения 24.08.2021)

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ОПЕРАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ

Фитуни Л.Л. (2021)

Несмотря на конкретные результаты полутора лет, прошедших со времени проведения в г. Сочи в октябре 2019 г. Первого Саммита и Делового Форума «Россия – Африка», в российско-африканских экономических отношениях всё еще сохраняется значительный нереализованный потенциал для углубления взаимного сотрудничества и повышения его эффективности в интересах реализации стратегических целей, задач и планов всех участников.

В настоящее время в нашей стране приобретает конкретные очертания разрабатываемая Правительством новая стратегия социально-экономического развития России. Этот документ призван определить пути решения задач, поставленных в июльском (2020 г.) указе Президента В.В.Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1]. Стратегия и конкретизирующие её документы определяют, помимо прочего, характер и векторы экономической политики РФ на внешнем треке, а значит в силу своего статуса, комплексности и долгосрочности будут оказывать судьбоносное влияние на развитие российско-африканского взаимодействия в экономической и научно-технологической областях.

Ключевые стратегические задачи среди прочего включают: обеспечение присутствия России в числе 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в т.ч. за счет создания эффективной системы высшего образования; обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности; реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.; достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в т.ч. здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г. и др. [2].

Африканское направление внешнеэкономической активности может и должно внести реальный вклад в решение этих задач. Более того, в условиях сложной международной обстановки и агрессивного противодействия России на других географических курсах со стороны государственных и негосударственных акторов, провозгласивших себя

противниками нашей страны, важность африканского вектора укрепления отечественного потенциала развития возрастает. Африканский потребительский рынок за последние 5 лет вырос в 2 раза. При этом он продолжает расти опережающими темпами по сравнению со среднемировыми (в Африке в последние годы на 4–5% в год, а в мире в среднем – на 1,5–2%). С учетом растущего спроса открываются широкие возможности для реализации продукции российского производства на рынках Африки.

Однако чтобы преодолеть инерцию бездействия и воспользоваться скрытыми здесь возможностями в практическом плане, необходимо совместить усилия государства и бизнеса с глубокими знаниями и компетенциями реальных специалистов по африканской экономике. На данном этапе существенную часть таких функций взял на себя и действительно исполняет Научный совет при Секретариате «Форума партнерства Россия – Африка», возглавляемый директором Института Африки РАН, чл.-корр. РАН И.О. Абрамовой. Деятельность Совета, по свидетельству представителей ведомств, делового сообщества и самих ученых, уже приводит к конкретным желательным результатам на пути координации действий науки, бизнеса и государства в соответствии с перспективными ориентирами целеполагания¹.

Применительно к партнерам из немалого числа стран Африки реальной среднесрочной задачей становится отработка двусторонних возможностей технологического партнерства, поскольку, как неоднократно провозглашалось с высоких трибун, оно становится для взаимодействующих сторон драйвером развития их экономик и стимулом к созданию новых стратегических альянсов.

ОЖИДАНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Африканская сторона как на многостороннем (региональные и субрегиональные организации и объединения), так и на двустороннем (межгосударственном) уровнях неоднократно выражала стремление к развитию и интенсификации экономического сотрудничества с партнерами из России. При этом неизменно подчеркивалась заинтересованность не просто в расширении взаимного торгового обмена (хотя и в этом контексте африканцы регулярно поднимают вопрос о большей

¹ О втором заседании Научного совета при Секретариате «Форума партнерства Россия – Африка» см.: *МИД РФ*. https://wmid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwl2FuDbhJx9/content/o-vtorom-zasedanii-nauchnogo-soveta-pri-sekretariate-foruma-partnerstva-rossia-afrika; *Коммерсантъ*. 28.09.2020. <https://kommersant.ru/doc/4510140>; *Росконгресс*. <https://summit-africa.ru/news/o-vtorom-zasedanii-nauchnogo-soveta-pri-sekretariate-foruma-partnerstva-rossija-afrika> (all accessed 30.03.2021)

сбалансированности объемов денежных потоков, генерируемых экспортом и импортом), а в создании российскими партнерами и контрагентами в Африке производств, удовлетворяющих потребности местного рынка и позволяющих увеличить экспортный потенциал национальных государств.

Кому-то такая постановка вопроса покажется далеко не новой, но на деле такой поспешный вывод будет не вполне верным. Со времен первых десятилетий независимости общеафриканские, а во многих случаях и национальные страновые подходы к вопросу о соотношении внешних и внутренних факторов в успехе развития сильно изменились. В 1960–1970-е гг. в условиях сильной ограниченности внутренних источников накоплений национальные стратегии стран Африки по импортозамещению, созданию базовых отраслей и диверсификации экономик в значительной, а зачастую решающей мере опирались на использование внешних ресурсов (материальной и финансовой помощи, иностранных специалистов) и истребование от внешних партнеров особых, преференциальных условий для участия африканских государств в международном разделении труда и товарообмене.

Общий итоговый баланс подобных отношений в те годы все равно складывался не в пользу «третьего мира». Оставаясь в системе неокOLONиальной эксплуатации, мировая периферия по определению прямо или опосредованно должна была в конечном итоге передавать «первому миру» бо́льший объем ресурсов по сравнению с тем, что получала в виде инвестиций, помощи и т.п. В противном случае для индустриально развитого центра просто исчезал смысл экономического взаимодействия с развивающимися странами.

Апогеем закрепления подобных отношений экономической несвободы стало навязывание африканским государствам через ведущие финансовые институты глобального управления так называемых Программ структурной адаптации (*Structural adjustment programs, SAP*), которые напрямую увязывали внешнюю помощь, условия участия в международных обменах и просто степень благосклонности развитых государств Запада с выполнением пакета требований последних. Реального экономического подъема в Африке *SAP* не принесли, но долговое бремя и проблемы бедности и отсталости многократно усилились.

Неудивительно поэтому, что в 1970–1980 гг. идеи установления нового экономического порядка сильно будоражили умы мирового сообщества, однако в значимые практические перемены многочисленные публичные дискуссии по этому вопросу так и не трансформировались.

С 1980-х гг. в Африке всё большее распространение получают концепции, требующие пересмотра прежних стратегий с целью отойти от

былых надежд на то, что «Запад нам поможет», и взять «ответственность за развитие»¹ в свои руки. Первым всеобъемлющим общеафриканским рабочим документом такого рода стал Лагосский план действий, принятый в апреле 1980 г. Он во многом являл собой продукт стратегического и тактического компромисса между старым и новым пониманием содержания ответственности стран Африки за собственное развитие. С одной стороны, он провозглашал, что таковое может быть обеспечено путем уменьшения зависимости от добычи сырья, через индустриализацию и обеспечение равноправия в международных торговых отношениях, но с другой стороны, требовал увеличения помощи от международного сообщества.

Вскоре после принятия этого документа в мире произошли тектонические сдвиги – исчезла мировая система социализма, которая, хотим мы или не хотим это признавать, объективно являлась альтернативой неокOLONIALной системе отношений с Западом. Вскоре установился однополярный миропорядок, который сделал безальтернативным насаждение неолиберальных подходов. Положение начало меняться только с постепенным истощением «трофейного ресурса», полученного Западом в 1990-е гг. в результате «освоения» экономического потенциала рухнувшего социалистического блока и с укреплением тенденции к постепенному формированию новых точек роста мировой экономики, в первую очередь Китая и некоторых других стран.

В Африке КНР создала мощнейшую альтернативу сотрудничеству с Западом, тем самым предоставив странам континента исчезнувшую было возможность маневрировать в выборе внешних партнеров. Эта тенденция укрепилась с активизацией на африканских рынках Индии, Бразилии, России, Турции, ОАЭ и других стран. Начало XXI в. стало для стран континента периодом весьма продолжительного и устойчивого экономического роста, реальных достижений на пути укрепления национальных экономик и зримого повышения жизненного уровня населения.

В этих условиях идеи взятия ответственности за развитие в собственные руки оказались как нельзя своевременными. С начала века в Африке и в первую очередь на её главных институциональных платформах – в Африканском Союзе, ЭКА ООН, но также и на субрегио-

¹ В оригинальных англоязычных текстах Африканского Союза, ЭКА ООН и документах организаций семьи ООН при описании этого подхода применяется термин «*African ownership*». В статье использован его русский эквивалент – «ответственность африканцев» [за развитие континента], используемый в официальных переводах англоязычных документов ООН на русский язык (*прим. авт.*).

нальном и страновых уровнях концепция “*African ownership*” приобретает всё большее признание и ранг своего рода официальной «пан-африканской концептуальной линии». В 2001 г., еще не используя это английское словосочетание, программа Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) де-факто формулирует именно такой концептуальный подход. А с 2015 г. главный стратегический программный документ АС – «Повестка 2063» позиционирует его как исходный пункт своего фундаментального курса – «Африка-ориентированного развития» (*Africa-centered development*).

Указанные послылы, несмотря на их четкие формулы и формально однозначную директивность, на деле далеко не всегда имплементируются в Африке в действующие прикладные программы и операционные решения. Да и, по правде сказать, несмотря на провозглашенную собственную ответственность за развитие, притязания на уступки, содействие и льготы в различной форме по-прежнему остаются «естественным» компонентом взаимоотношений африканцев с внешними партнерами как на межгосударственном, так и на частно-деловом уровне.

И всё же качественный сдвиг налицо. Бесконечно повторяемые теоретиками развития слова о преимуществах дарения голодному не рыбы, а удочки, обрели силу действия, и ныне именно такой подход отражает логику ожиданий африканцев от сотрудничества с внешними партнерами. Сегодня это едва ли не ключевая отправная точка деловых переговоров, особенно на межстрановом уровне. С ней необходимо считаться и отечественным игрокам, налаживающим отношения с африканскими контрагентами, а еще лучше научиться заранее выстраивать свою переговорную тактику с учетом данного фактора.

ТОРГОВЛЯ И ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ

В контексте сказанного исходной точкой стратегии и тактики на африканском направлении является выявление имеющихся у российской стороны возможностей и соотношение их с потребностями африканских контрагентов в соответствующих сегментах рынка. В современной Африке, как, пожалуй, и в других частях планеты, больше не работает «купеческий» подход XVIII–XIX вв.: привез гость из-за моря товар, продал его туземцам или обменял на золото и специи, да и отбыл восвояси. Необходима системная и профессионально выверенная последовательная деятельность на новом рынке. Оптимально необходимо настойчиво и целенаправленно работать в Африке над *формированием потребителя* российской продукции.

В условиях развертывающейся «четвертой промышленной революции» и всё большей интернационализации производственной, интеллектуальной и информационно-управленческой деятельности для успеха и самой возможности развития возрастает значение получения доступа к новым и эффективным технологиям как в производственно-экономической, так и шире – в социальной сфере. Поэтому технологическое и научно-техническое сотрудничество со странами Африки, скорее всего, может оказаться оптимальным путем наращивания российского несырьевого и неэнергетического экспорта, а в макроэкономическом плане генератором мультипликативного эффекта для страновых хозяйственных комплексов обеих сторон.

Анализ достижений и существующего в распоряжении наших африканских партнеров потенциала в области науки, технологии и инноваций дан автором в отдельной статье, опубликованной в апрельском номере журнала [3]. В данном исследовании мы рассмотрим конкретные области, перспективные направления и существующие риски при развитии производственно-технологического сотрудничества РФ со странами Африки.

Экспорт технологий различного уровня сложности и разной степени давности является интегральной составной частью стратегий экономической экспансии не только крупных многонациональных корпораций (МНК), но также компаний малого и среднего бизнеса (МСБ) ведущих экономик Запада и Востока. С помощью этого инструмента форсируется обычный товарный экспорт и одновременно осуществляется долговременная производственно-технологическая привязка к себе контрагента. Первопроходцами на этом пути стали крупные корпорации США и стран ЕС. Однако их конкуренты из Японии, Китая, Канады, а позднее Индии, Бразилии и ряда других стран в конце XX в. начали широко использовать этот механизм в интересах экспансии в различных частях развивающегося мира, в том числе и в Африке.

Согласно определению ООН, трансфер технологий включает передачу систематизированных знаний, практического опыта и методов работы поставщиков технологии для производства товаров, применения технологического процесса или эксплуатации и текущего обслуживания объекта [4]. При этом в африканском контексте под «технологией» не обязательно понимать исключительно лишь сложные или сверхсложные производственные или организационные процессы. Они, конечно же, важны, поскольку при прочих равных условиях подразумевают создание более высокой добавленной стоимости, и, как следствие, ожидаемую генерацию более высокой выручки. Однако прикладной анализ зачастую свидетельствует о большей отдаче от ме-

нее сложных, но востребованных конкретным страновым рынком технологий.

Опыт ряда зарубежных партнеров, в частности китайских, показывает, что ключом к успеху в Африке является не столько продвижение уникальных дорогостоящих решений, и даже не изначальные качества самой технологии, а её успешная адаптация и эффективное использование в существующих реалиях местной экономики. Из-за сильной инерционности африканских национальных хозяйств закупленные (внедренные) иностранные технологии, как правило, еще долгое время продолжают существовать внутри сложившегося «старого» технико-экономического окружения в качестве перспективного *дополнения* к доминирующим на данном рынке технологиям (порой весьма неновым) и к местным условиям. Соответственно, африканцами большее внимание уделяется не просто сделкам о передаче технологий, а соглашениям об их адаптации и использовании [5].

Определенные заделы в Африке в этом отношении у российской стороны имеются. По словам министра промышленности и торговли РФ Д.Мантурова, наши компании уже начали выстраивать взаимодействие с африканскими коллегами по 5 основным технологическим направлениям. В первую очередь это модернизация существующей *индустриальной* инфраструктуры, (например, проекты по поставке российского оборудования для металлургических и горнорудных предприятий). Второе направление – развитие *транспортно-логистической* системы, включая поставки подвижного состава для железных дорог, самолетов и вертолетов разных классов и назначений, а также систем безопасности и управления этими видами транспорта. Третье касается *промышленной кооперации* – участия в создании энергетической инфраструктуры, нефтегазовых и генерирующих мощностей, в том числе гидро- и атомной энергетики, а также перспективных проектов в сфере возобновляемых источников энергии.

Четвертое направление *мультисекторальное*. Оно охватывает широкий комплекс вопросов взаимодействия в группах взаимосвязанных отраслей хозяйства. В зависимости от степени прогресса на пути сотрудничества конкретные межотраслевые (по нашему мнению, в данном случае даже в большей степени внутреннее содержание явления отражает термин «*трансо*отраслевые»). – Л.Ф.) сочетания могут меняться¹.

¹ Денис Мантуров: промышленная кооперация позволит раскрыть поистине огромный потенциал Африканского континента. https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_u_rossii_i_afriki_sushhestvuet_neskolko_napravleniy_promkoo-peracii (accessed 23.01.2021)

Актуальность и значение 5-го направления, обеспечивающего жизненно необходимые потребности человека, такие как питание, охрана здоровья и т.п., во весь рост проявились в истекшем году. Стало очевидным, что большие перспективы открыты для участия нашей медицинской и фармацевтической промышленности в технологическом развитии систем здравоохранения и лекарственного обеспечения большого числа стран континента. Кроме того, на ближнесрочных горизонтах и в рамках сравнительно легко осуществимых оперативных программ взаимодействия по данному направлению речь идет о проектах, связанных с продовольственной безопасностью как африканских стран, так и России.

Наша страна – один из основных доноров Всемирной продовольственной программы (ВПП), в рамках которой она финансирует реализацию многопрофильной Национальной программы школьного питания Мозамбика и продовольственной помощи ДРК, Буркина-Фасо, Эфиопии и др., всего – почти двум десяткам африканских стран.

НЕСЫРЬЕВОЙ НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ

На данный момент африканское направление – лидер с точки зрения реализации **стратегических целей развития, в плане форсирования несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ)**.

По итогам 2020 г. ННЭ в общей структуре экспорта в страны Африки увеличился до 85% и составил \$10,1 млрд. Сохраняющийся спрос в африканских странах на российскую продукцию и на товары с высокой добавленной стоимостью открывает широкие возможности для дальнейшего наращивания экспорта, что может способствовать развитию определенных несырьевых отраслей российской экономики. В их числе выпуск железнодорожной, агропромышленной, транспортной техники, сельскохозяйственной продукции, медицинских, радио- и цифровых технологий¹.

Одним из ключевых партнеров и региональных хабов по распространению российского ННЭ на весь африканский континент является Египет. На двусторонней основе реализуется несколько масштабных экономических проектов, таких как строительство АЭС в Эд-Дабаа и создание российской промзоны в экономической зоне Суэцкого канала [6]. В октябре 2020 г. Минпромторг РФ сообщил, что компании «Трансмашхолдинг», группа «ЭФКО» и ООО «Газпромнефть-Снабжение» станут якорными резидентами зоны с облегченным налоговым режимом.

¹ Несырьевые товары составили 85% экспорта из РФ в страны Африки по итогам 2020 г. <https://tprpf.ru/ru/interaction/experts/comments/408305/> (accessed 29.03.2021)

Первый этап её создания предусматривает освоение 5,2 млн кв. м, земля будет арендована на льготных условиях в течение 50 лет¹.

Однако имеет место сильная неравномерность географии распределения поставщиков товаров ННЭ в самой РФ. В 2020 г. почти четверть стоимости (до \$2,4 млрд) всего ННЭ было продано в Африку московскими компаниями. При этом город нарастил ННЭ в страны континента на 7% по сравнению с 2019 г. Главными покупателями этой московской продукции в Африке являются Алжир, Египет, Нигерия, Судан и Марокко. Наибольшая доля в структуре московского экспорта в эту часть света приходится на следующие товарные группы: автотехника, механическое оборудование и комплектующие к нему, радиолокационная техника, контрольные и измерительные приборы, а также вакцины. Перспективными товарами для увеличения объемов московского экспорта являются молочные продукты, овощи, мясо птицы, шоколадные изделия и готовые корма для животных².

В 2019 г. начались контакты входящего в московский инновационный кластер производителя огнеупоров и фильтровального оборудования «Бакор» с горнопромышленными производителями в Руанде. Представители компании побывали в Руанде, посетили несколько рудников, встретились с министром экологии и подписали протокол о совместной работе. Среди других столичных поставщиков, которые уже работают в Африке, – компании «Диагностика-М», «Парус Электро», «ФИНГО», НПП «Мелитта», Лазмедтек³.

Потенциал для российско-африканского сотрудничества имеется не только в мегаполисах, но и в регионах, хотя следует признать, что Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и Ростов-на-Дону опережают другие промышленные и сельскохозяйственные центры России. По экспорту готовых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья регионами-лидерами стали Ростовская область и Краснодарский край. Так, Кубань поставляет в ЮАР 96% зерна, закупаемого этой страной за границей, что по итогам 2020 г. составило \$60 млн⁴.

МЕДИЦИНА, БИОТЕХ

До середины 2010-х гг. взаимодействие с Африкой в этой области велось главным образом в рамках участия в международных программах

¹ Лавров в Каире обсудит торговое и гуманитарное партнерство и российскую помощь в регионе. <https://tass.ru/politika/11118659> (accessed 12.04.2021)

² Доля Москвы в общероссийском несырьевом неэнергетическом экспорте в Африку составила 22%. <https://tass.ru/ekonomika/10985205> (accessed 29.03.2021)

³ Там же.

⁴ Там же.

солидарности. В 2007 г. тогдашний министр финансов РФ А.Кудрин подписал соглашение с Всемирным банком и ВОЗ о выделении \$20 млн на борьбу с малярией в Африке. До этого, в 2005 г., Россия удвоила до \$40 млн взнос в Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией¹. Эти шаги в основном предпринимались в рамках участия России в G8 и исполнения решений саммитов «Восьмерки».

Однако упор на «малые шаги» путем участия в программах, где инициатива и практическое руководство находится в руках представителей Запада, не только не приносит экономического эффекта, но даже не позволяет использовать произведенные затраты как инструмент «мягкой силы», ведь подобные начинания позиционируются в качестве проектов не РФ, а международных организаций.

Как показали последние годы, прямое российское лидерство в реализации конкретных проектов в Африке в области защиты здоровья – путь более эффективный. В 2014–2016 гг. Россия одной из первых отреагировала на эпидемию геморрагической лихорадки Эбола, выделив на борьбу с ней \$60 млн. В Гвинее действует Центр микробиологических исследований и лечения эпидемиологических заболеваний (ЦМИЛЭЗ), построенный и оснащенный компанией ОК РУСАЛ при активном содействии нашего посольства, который и в феврале 2021 г. подключился к усилиям по локализации повторной вспышки Эболы.

В условиях пандемии *COVID-19* российская сторона предложила африканским партнерам доступ к разработанным в РФ вакцинам против заболевания и сотрудничество в борьбе с ним, начиная от поставок медпринадлежностей и техники до развертывания в Африке производства российской вакцины. На начало апреля 2021 г. российская вакцина *Sputnik V* была зарегистрирована в Алжире, Египте, Габоне, Гане, Гвинее, Тунисе и Зимбабве. Велись переговоры о её регистрации еще в ряде стран континента.

НПО «Национальное телемедицинское агентство» предложило к использованию уникальный облачный сервис, разработанный в России и являющийся на данный момент лучшим в мире, который предлагает помощь врачу в принятии решения. За 0,8 секунды врач, отправивший рентгеновский снимок больного, может получить ответ о наличии у него *COVID*, а также рекомендации по дальнейшим шагам. Подключить систему можно в течение короткого времени².

¹ О работе с Африкой. <http://www.kremlin.ru/supplement/3721>; Россия выделит \$20 млн на борьбу с малярией в Африке. <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/rossiya-vydelit-20-millionov-dollarov-na-borbu-s-malyariyev-v-afrike/> (accessed 14.04.2021)

² Нигерия нуждается в российских технологиях в различных сферах экономики. <https://mostpp.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/nigeriya-nuzhdaetsya-v-rossiyskikh-tekhnologiyakh-v-razlichnykh-sferakh-ekonomiki> (accessed 29.03.2021)

ИКТ И ЦИФРОВОЙ СЕГМЕНТ

За последние 15 лет Африка совершила цифровой «рывок» и обгоняет по динамике страны Европы и США. Доля проникновения Интернета выросла с 2% в 2005 г. до 24% в 2018 г., а Субсахарская часть континента стала самым быстро развивающимся телекоммуникационным рынком в мире. Технологии мобильной связи к 2025 г. охватят более 600 млн человек. Российские специалисты считают, что ИТ-бизнес в Африке по уровню развития на 5–10 лет отстает от российского, но такой временной лаг для наших ИТ-компаний является преимуществом. Во-первых, есть спрос на технологии, обкатанные в Европе и России, во-вторых – возможность достаточно быстро вернуть вложенные инвестиции за счет роста рынка по экспоненте.

На континенте уже много лет работают крупные российские ИТ-компании – *Parallels*, *ABBYY*, *Kaspersky*. Крайне востребованы финтех- и образовательные проекты, качественно меняющие уровень жизни. Также интересны телематические решения для ритейла, логистики, телеком-индустрии, строительного сектора, которые помогают преодолеть локальные проблемы – бездорожье, низкий уровень электрификации и бытовую коррупцию¹.

Российская компания *OMNICOMM* с 2013 г. методично формирует пул партнеров и сейчас работает с 80 ИТ-интеграторами в ЮАР, Танзании, Гане, Нигерии, Малави, Мозамбике и Замбии. В Кению компания перенесла полученный в Сибири опыт по организации сбора данных с грузовой и дорожной техники на пространствах, где нет устойчивого GSM-сигнала: ИТ-платформа собирает телеметрические данные с транспорта компании *SBI* в процессе работы, а затем всю информацию можно скачать и проанализировать в точке с уверенным приемом сигнала².

МАЛЫЙ БИЗНЕС: СТАРТАПЫ И ФИНТЕХ

По оценке международной консультационной корпорации *PWC*, финтех – один из наиболее динамично развивающихся сегментов международного бизнеса. Он являет собой специфическую зону взаимного наложения сфер финансовых услуг (ФС), медиа и телекоммуникаций (ТМТ) и передовых технологий, в которой технологические стартапы и новые участники рынка применяют инновационные подходы к

¹ Подробнее см.: <https://omnicomm.ru/press-room/yens-shtroshnayder-v-afrike-vostrebovaniy-telematicheskie-resheniya-dlya-riteyla-logistiki-telekom-in> (accessed 31.03.2021)

² Там же.

продуктам и услугам, до последнего времени предоставлявшимся традиционным сектором финансовых услуг [7].

Распространение финтех-услуг в Африке набирает обороты, поскольку инвесторы оптимистично смотрят на перспективы региона в этом секторе. Например, нигерийский платежный стартап *Flutterwave* привлек с момента запуска в 2018 г. \$170 млн и в 2020 г. стал «единорогом». Платформа помогает бизнесу создавать кастомизированные платежные приложения с помощью своих *API*¹.

Примерно одновременно с нигерийскими стартаперами предприниматели из Северо-Западного региона России вышли на рынок Восточной Африки. Набив руку на микрокредитовании в малых городах Русского Севера, трое предпринимателей из Мурманска и Петрозаводска запустили в Кении стартап в области микрофинансирования. По российским меркам их компанию *AfrikaLoan* следовало бы отнести к малому бизнесу. Однако, по кенийским понятиям, это средний бизнес, а с точки зрения годового оборота скорее даже крупный. Фирма зарегистрирована в Найроби, где находится кол-центр, в котором трудоустроены 18 местных девушек, они получают зарплату, эквивалентную \$165, в то время как средняя зарплата офисного сотрудника в стране, выплачиваемая, естественно, в шиллингах, эквивалентна примерно \$150. Первые пробные кредиты были выданы в 2017 г., а с весны 2018 г. начался регулярный бизнес. В месяц кредитов выдается примерно на \$60 тыс. [8].

AfrikaLoan поощряет клиентов брать повторные кредиты. Заемщику, который обращается за займом впервые, сервис одалживает \$5 на неделю под 4%. Если он возвращает долг вовремя, может взять \$8 на две недели, если вернет и это, может получить новый – \$10 и т.д. Максимальный кредит – \$50 на 30 дней под 2% за месяц. Большинство клиентов приходит через *Facebook*, который в Кении очень популярен. Фирма имеет также андеррайтерский отдел, накапливающий досье на каждого клиента, и коллекторский отдел, но «хард-коллекшен» передан на аутсорсинг национальному бизнесу. Операционная прибыль составляет около 30% от выданных сумм. По мере роста доли постоянных клиентов маржинальность в первый год увеличилась до 45–50% [8].

Специфика рынка микрокредитования в Африке заключается в первую очередь в том, что он, по сравнению с российским, намного более емкий, но не по совокупному размеру кредитного портфеля кредитных организаций, а по количеству потенциальных заемщиков.

¹ Африканский финтех-стартап *Flutterwave* привлек \$170 млн и получил оценку в \$1 млрд. <https://incrussia.ru/news/african-flutterwave> (accessed 31.03.2021)

Согласно оценкам практиков отрасли, в России потребители микрозаймов – это 15 млн человек, что составляет порядка 10% населения страны. В африканских странах зачастую более 50% населения испытывают потребность в небольших кредитах. То есть масштаб рынка весьма значителен, и на нём есть за что побороться. Но в Кении основные конкуренты для российского финтеха не столько другие МФО, сколько сберегательно-кредитные союзы (*SACCO*) и кооперативы взаимопомощи (*chama/vyama*), в которых, как считается, состоит почти каждый третий кениец [9]. Аналогичные структуры, соединившие в себе традиционные формы кредитования с современными финансами, существуют во многих странах Субсахарской Африки.

РИСКИ И САНКЦИИ

Трезвая оценка реальных условий использования открывающихся возможностей обязательно предполагает учет потенциальных рисков и подводных камней на избранном курсе. Как правило, в абстрактном плане они в большинстве своем наперед известны намеревающимся выйти на африканские рынки. Это и невысокий общий уровень развития экономик, и вероятные проблемы с платежеспособностью, и слабое развитие физической и нематериальной инфраструктуры бизнеса, и иной менталитет, порождающий порой проблемы с исполнением договоренностей, и общая бедность людей и общества, которая резко повышает соблазн и даже вменяет в моральную обязанность снять сверхоговоренного еще «жирку с богачей-иностранцев» – будь то в форме якобы положенного бакшиша за услугу, коррупционного платежа или результата мошенничества.

Перечисленные риски почему-то считают специфическими чертами африканского делового климата, хотя в мире есть немало районов и стран со сходными уровнями нищеты и бедности и похожими особенностями менталитета. Коррупционные платежи в США, Великобритании и Франции по своим объемам намного превосходят африканские, хотя зачастую и облакаются в специально созданные для этих целей легитимирующие форматы лоббизма, пожертвований, филантропии или оформления детей коррупционеров на высокооплачиваемые синекурные должности. Впрочем, и традиционные взяточничество и вымогательство, равно как рейдерство и шантаж в отношении российских конкурентов не менее, а возможно, даже более характерны для современного делового климата, в котором отечественному бизнесу приходится оперировать в целом ряде стран Запада.

Нужно учитывать, что побочные последствия такой агрессивной линии на мировой бизнес-арене могут негативно отразиться и на реал-

лизации проектов российско-африканского сотрудничества, особенно если оно касается технологий или стратегического сырья.

При этом наиболее уязвимы для подобных деструктивных действий и произвола конкурентов платежно-финансовая составляющая отношений, охрана интеллектуальной собственности, использование информационных технологий и телекоммуникаций.

В африканских условиях в рамках пресловутой линии на «сдерживание путем отрицания» (*deterrence by denial*), заложенной в основу отношения к активности России в любой части мира, геополитическим соперникам и западным конкурентам несложно организовать провокацию и создать угрозу физическому благополучию жертвы, начиная с довольно распространенной практики захвата заложников «неизвестными вооруженными людьми» и кончая организацией провокаций с похищением и насильственным вывозом в США российских граждан.

В этой связи важным аспектом при анализе возможностей и рисков экономико-технологического сотрудничества со странами Африки является вопрос влияния на него ограничительных мер Запада, которые тот предпочитает именовать экономическими санкциями, несмотря на некорректность применения этого термина к неодобренным ООН международным репрессалиям. С точки зрения России и её интересов, данные действия однозначно выглядят как скоординированные рядом стран, связанных военно-союзническими отношениями, враждебные и репрессивные шаги, имеющие признаки экономической агрессии в отношении нашего государства.

Отметим, что и в отношении многих стран Африки действуют санкционные режимы. Часть из них (те, что введены решениями СБ ООН) легитимны и подлежат исполнению всеми членами всемирной организации, но большое количество внешних рестрикций наложено США и их союзниками на африканские страны, организации и граждан в обход ООН. Они могут принимать форму широких экономических и внешнеполитических санкций против страны в целом (хотя формально именуется санкциями против конкретного «режима»), как это было в Зимбабве, Судане, Ливии, или быть «индивидуальными», т.е. касаться активов, собственности или свободы передвижения конкретных африканцев (по большей части не угодивших Вашингтону лидеров, их семей и окружения).

Несмотря на внешний антураж целевых (таргетированных) «санкций», направленных против «плохих парней» и их сообщников, в условиях массовой бедности и недостаточно развитых и диверсифицированных экономик Африки такого рода действия неизбежно сужают возможности экономического и технологического развития африканских государств.

Помимо прямого ущерба от запретов на поставки тех или иных товаров и услуг, усложнения и чрезмерной бюрократизации разрешительных и оформительских процедур внешнеэкономической деятельности, для стран Африки, подвергшихся «санкционной агрессии» резко сужаются возможности экономического взаимодействия с зарубежными партнерами даже в областях, формально не подпадающих под регуляторные рестрикции, из-за возросших опасений третьих стран и контрагентов попасть под штрафы или иные наказания в случае непреднамеренного нарушения ограничений или неожиданного ужесточения подходов санкционеров.

Экономические санкции особенно негативно отражаются на научном и технологическом сотрудничестве, поскольку это области сложного и комплексного взаимодействия, почти всегда предполагающие участие третьих сторон в качестве субподрядчиков или поставщиков пусть и незначительного количества, но зачастую критически необходимых деталей, компонентов и материалов.

Этот аспект должен неизменно и обязательно наперед учитываться при реализации конкретных проектов российско-африканского технологического сотрудничества. В сути своей эта задача не нова и не является исключительно российской «головной болью». Достаточно вспомнить пусть и затратный, но достаточно эффективный обход Преторией ооновских и национальных экономических санкций многих стран мира против расистской ЮАР или же весьма успешное, вопреки всем санкциям, запретам и эмбарго международного сообщества, израильско-южноафриканское сотрудничество в научно-технической сфере, включая ядерную отрасль.

При построении проектов научного и научно-технического сотрудничества России со странами Африки следует принимать во внимания подверженность и уязвимость последних для силового давления экономических конкурентов и геополитических соперников нашей страны, особенно если дело касается потенциально перспективных и выгодных направлений сотрудничества. Для этого зачастую используются мощные пропагандистские кампании, недоказанные обвинения, а порой и прямые провокации с целью дискредитации российской стороны или её африканских контрагентов.

В настоящее время Западом прилагаются большие усилия по сбору и анализу информации относительно стратегии и тактики России на Африканском континенте как в политической, так и в экономической области. В постоянном режиме аккумулируются сведения о намерениях и приоритетах РФ в Африке в страновом, субрегиональном, отраслевом разрезах с тем, чтобы таргетировать наступление на российские интересы именно на ключевых направлениях. Задача – создать на них

препятствия, а где удастся, и превентивно исключить возможности для вхождения России в африканские рынки, участия в перспективных проектах, формирования устойчивых и долговременных производственных и иных технологических связей.

Со стороны Запада, его различных «аналитических» структур и независимых «экспертов» непрестанно слышны жалобы на непредсказуемость действий России. Отдельно ставится в вину «засекреченность» (т.е. невозможность получить полный текст) африканской стратегии России, которая внесла бы для них ясность в конкретные цели, последовательность и планы её действий в этой части мира. Не прекращаются запросы на предоставление информации о «приоритетных» для Москвы странах, отраслях, областях и направлениях сотрудничества с Африкой на ближнесрочную, среднесрочную и стратегическую перспективы.

Параллельно задействован резерв западно-ориентированной части российского научно-аналитического сообщества. Перед ним поставлены задачи огульной критики прошлого опыта и целей сотрудничества нашей страны с народами и странами континента, компрометация и очернение помощи африканцам в обретении независимости, но главное – недопущения налаживания нового, конструктивно-прагматичного и действительно выгодного для России взаимодействия с Африкой.

Поскольку, за единичными исключениями, специалистов по экономике и внешней политике стран континента в западно-ориентированном сегменте российского научно-аналитического сообщества по определению нет, то сразу после саммита в Сочи к выполнению перечисленных задач были активно подключены «специалисты-смежники» и «эксперты вообще».

Поведенческую линию оперативно созданного отряда новоиспеченных «африканистов» можно сравнить с игрой в плохого и хорошего полицейского. В деструктивном плане они пытаются вновь оживить лживые тезисы о «выбрасывании денег на ветер» и якобы «кормлении Африки за счет российских детей и пенсионеров» (при этом на 30 лет подкармливания Запада вследствие произошедшего в 1990-е гг. встраивания России в однополярный миропорядок они внимания не обращают).

Одновременно, имитируя конструктивную повестку дня, они критикуют действия и достижения нашей политики последних лет на африканском направлении и пытаются добиться подмены разработанных, успешно применяемых механизмов на предлагаемые ими, якобы более совершенные и современные, но подталкивающие Россию к действию по западным лекалам в качестве рядового в строю общих

международных усилий, которые, как правило, далеки от актуальных нужд и задач нашей страны. При этом объяснить, в чем же в этом случае проявится конкретная выгода на африканском направлении для экономики и интересов российского государства, отобилизованные «эксперты вообще» не в состоянии.

Массовую активность новоиспеченных «специалистов» можно было бы оставить без внимания, если бы не существовали реальные риски имплементации их некомпетентных, а зачастую вредных для дела рекомендаций в обновленную стратегию и тактику России в Африке. Такое тем не менее может произойти в силу множества причин субъективного характера и объективно существующих особенностей и нередкой неслаженности при подготовке и принятии нужных решений.

ВЫВОДЫ

Достижение стратегических целей в области экономического сотрудничества России со странами Африки предполагает *оптимизацию* усилий на имеющихся направлениях работы и *поиск новых* средств и решений во внутри- и внешнеэкономической сферах. Представляется, что на начальном этапе реализации принимаемой в нынешнем году государственной стратегии развития международных экономических связей нужно переключить основные усилия с однозначно закрытых для нас рынков на поиск новых, в которых российские участники гарантированно могли бы реализовать свои сравнительные преимущества и закрепиться на нишевых плацдармах, постепенно формируя опорные платформы для оперативно-тактического, а по мере своего укрепления и стратегического овладения устойчивыми позициями, распространения своего делового влияния.

При реализации существующих и планируемых стратегий и тактик следует исходить из приоритетности развития российско-африканского сотрудничества в современных технологических производствах, проектах, сегментах и областях, генерирующих при прочих равных условиях более высокую добавленную стоимость, что, конечно же, не исключает продолжения взаимодействия по традиционным, менее технологически продвинутым направлениям.

Важно не стесняться брать лучшее из опыта зарубежных партнеров и конкурентов, добившихся успеха на африканском направлении, если эти решения могут принести высокую отдачу для достижения наших целей. В этом смысле, не упуская из виду «китайскую» тактику *win-win*, предусматривающую обоюдную выгоду от сотрудничества, нужно сделать упор на двусторонние (т.е. собст-

венно российско-африканские, включая в это понятие африканские интеграционные объединения) связи и конкретные проектные решения, минимизировав и сведя к символическому участие и затраты на *обезличенные* «международные инициативы» по Африке, реализацией и распределением средств которых заправляют наши геополитические конкуренты.

При этом следует, однако, для демонстрации флага и нашей приверженности идеалам международной солидарности сохранить минимальное и избирательное участие на уровне разумной достаточности в привлекательных для нас международных инициативах. Возможно (да и то при условии детального просчитывания отдаленных последствий) участие в них поставками российской продукции и услуг, полностью оплачиваемых международными организациями.

Другими словами, по аналогии с подходом наших африканских друзей, нам следует исходить из принципа *Russian ownership* при принятии решений и направлении средств как в реализации внешнеэкономической стратегии, так и для достижения целей развития.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Статья впервые опубликована в журнале «Азия и Африка сегодня». 2021. № 5. С. 33–43.

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 01.04.2021)

2. Президент России. Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900> (дата обращения 30.03.2021)

3. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15–24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8

4. Legal aspects of technology transfer: current activities of international organizations within the United Nations system. (1985). UN General Assembly. United Nations Commission on International Trade Law. 18th Session. Vienna, 3–21 June 1985. Doc. A/CN.9/269. <https://undocs.org/en/a/cn.9/269> (дата обращения 03.04.2021)

5. Метелица А. Обзор правового регулирования международной передачи технологий. *Журнал международного права и международных отношений*. 2010. № 2. <http://www.evolutio.info/ru/journal-menu/2010-2/2010-2-metelica> (дата обращения 03.04.2021)

6. Волков С.Н. Научно-технологическое развитие Египта в XXI веке. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 4(53). С. 43–54.

7. PWC. Global FinTech Report 2019. <https://www.pwc.com/fintechreport> (дата обращения 31.03.2021)

8. Носырев И., Гришин Н. Черная касса: как предприниматели с Русского Севера работают в Африке. https://www.rbc.ru/own_business/07/07/2018/5b38b4e99a7947353ae0428c (дата обращения 03.04.2021)

9. Ляпин М. Микрокредитование в Кении. Опыт экспансии российской МФО. *ПЛАС*. 2019. № 9. <https://plusworld.ru/journal/2019/plus-9-2019/mikrokreditovanie-v-kenii-opyt-ekspansii-rossijskoj-mfo> (дата обращения 03.04.2021)

ПОТЕНЦИАЛ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Абрамова И.О., Фигуни Л.Л. (2017)

В настоящее время перспективы развития российской экономики в существенной степени сдерживаются сужением и постепенным исчерпанием потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития. Комбинация двух шоков, испытанных экономикой России, – финансовых санкций и падения цен на нефть – за 2014–2017 гг., по оценкам экспертов, будет стоить ей порядка 0,6 трлн долл., в том числе потери от финансовых санкций составят около 170 млрд долл., а недополученные доходы от нефтегазового экспорта – около 400 млрд долл. [1].

В соответствии с целями и стратегией развития, обозначенными Президентом России, в ближайшие годы необходимо осуществить переход к реальной структурной трансформации экономики на базе её инновационной модернизации и диверсификации. Решение таких масштабных стратегических задач требует использования всех возможных резервов, в том числе выгод и преимуществ экономического взаимодействия с зарубежными странами, включая новых партнеров. Помочь решить эту задачу может создание механизма воздействия государства на экономическое развитие через комплексный подход к сотрудничеству с развивающимися странами.

Существенную роль в формировании такого механизма способна сыграть интенсификация экономической экспансии на рынки тех стран, которые на сегодняшний день более открыты и расположены к сотрудничеству с Россией, с одной стороны, и имеют значительный ресурс и перспективы роста – с другой. К таковым, по нашему мнению, относятся рынки ряда африканских стран.

В современных стратегиях развития российской экономики пока что лишь в малой степени используются возможности восстановления и диверсификации отечественной промышленности, строительной отрасли, инфраструктуры и сектора услуг, которые дает африканское направление. Между тем сегодня это именно та ниша, которая помогла бы восстановлению и подъему многих несырьевых производств в России с перспективой наработки новых и совершенствования имеющихся знаний, навыков и механизмов проникновения в дальнейшем российской продукции на более сложные рынки развитых государств и стран с переходной экономикой. Именно таким путем шел Китай в 80-е и 90-е годы прошлого века прежде чем вышел на сегодняшний уровень глобальной экономической мощи.

НЕРАСТРАЧЕННЫЙ РЕЗЕРВ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В последние годы ведущие мировые державы и центры экономической силы синхронно пришли к осознанию высокой значимости ресурсного, человеческого и нарастающего экономического потенциала Африки в формирующейся новой модели мирового экономического развития [подробнее см. 2]. Следствием этого понимания стало усиление экономической экспансии в данный богатый ресурсами регион всех без исключения государств, претендующих на роль весомого игрока на мировой арене и значимой силы в будущей мировой экономике. Их задача – закрепиться в регионе путем инвестирования в имеющиеся и складывающиеся экономические цепочки. Это даст возможность не ограничиваться лишь торговыми связями с африканскими странами, а закрепиться в Африке на перспективу, гарантировав поступление существенного объема эксклюзивных ресурсов, которыми обладает континент, для собственного, в том числе инновационного, развития в новых экономических условиях.

Сегодня между старыми и новыми акторами мировой экономики идет острая геоэкономическая и геополитическая схватка за Африку. Объектом конкуренции и обостряющегося соперничества являются ресурсные богатства континента, стремительно растущие рынки потребления товаров и услуг в африканских странах, интеллектуальный потенциал и симпатии её самого быстрорастущего в мире населения.

Важны и политические выгоды, которые дает успешное экономическое сотрудничество с государствами Африки. Последние составляют почти четверть всех голосующих членов ООН и многих других международных организаций. Их поддержка – важный стратегический резерв в международной дипломатии, не задействовав который, вряд ли можно рассчитывать на успех в деле перестройки существующих институтов, механизмов и структур глобального управления, изменения баланса сил в мире.

Экономическая значимость Африки устойчиво нарастает. В последние два-три года крупнейшие аналитические центры, консалтинговые и рейтинговые агентства, инвестиционные банки и исследовательские структуры разных стран настоятельно предупреждают, что в нынешнем веке Африка будет самым динамично развивающимся регионом мира, от которого во многом будет зависеть характер и темпы роста в развитых государствах, их обеспеченность сырьем, энергетическими ресурсами и человеческим капиталом. Проникновение на африканские рынки и интеграция хозяйственных потенциалов Старого Света и Африки – едва ли не единственный путь для Европы сохранить свой геополитический вес и уровень благосостояния в XXI веке.

Для США, а также Китая, России, других стран БРИКС важны как ресурсная, так и геополитическая составляющие в иерархии национальных интересов, делающие сотрудничество с Африкой действительно необходимым.

А ведь до недавнего времени Африка воспринималась только как отсталый и подчиненный периферийный регион мира. Феномен глобализации, обусловивший стремительный и масштабный рост комплексных взаимосвязей и взаимозависимостей как на уровне государств, так и межличностных отношений, неоднозначно повлиял на «распределение и перераспределение ролей» в мировой экономике, усугубив, по сути, неравномерности участия стран и регионов в формировании новой экономической модели мира.

Формировавшиеся в процессе глобализации тенденции мировой экономики ставили африканские страны в весьма сложное положение. Перемены в мировом хозяйстве конца XX в. не способствовали повышению роли стран Африки в формировании экономической модели мира, ослабляли их позиции на внешних рынках и препятствовали равноправной интеграции в мировое хозяйство. Переход развитых стран на постиндустриальную и инновационную модели развития еще больше ускорил отставание стран региона от передовых направлений экономики. Действительно, по основным макроэкономическим показателям и индикаторам человеческого развития большинство стран континента были и остаются на невысоких местах в мировых рейтингах (доля континента в мировом ВВП к началу XXI в. не превышала 2%, в торговле – 3%, а в инвестициях – 5%) [3]. Внутренние и межгосударственные (часто вооруженные) конфликты, рост бедности, распространение голода, инфекционных заболеваний на континенте заставили мировое сообщество включить африканскую проблематику в число глобальных проблем человечества. Последние 15 лет «африканский вопрос» является отдельным обязательным пунктом повестки дня всех саммитов *G8(7)*. В 2017 г. на саммите в Гамбурге учреждено «Партнерство *G20* – Африка». Несмотря на то, что наша страна не несет прямой ответственности за наследие колониальной эксплуатации Африки, РФ как член этого объединения до 2014 г. и как мировая держава напрямую участвует в решении проблем континента.

В то же время в XXI в., особенно в последние годы его первой декады, отмеченные глобальным финансово-экономическим кризисом, выявились некоторые изменения в положении африканского континента в мировом хозяйстве.

В период с 2001 по 2014 г. Африка была одним из самых быстро развивающихся макрорегионов мира. Даже существенное ослабление темпов роста мировой экономики в результате глобальной рецессии

2007–2010 гг. лишь немного снизило темпы роста ВВП в большинстве стран африканского континента. При этом субрегион Африки южнее Сахары (АЮС) в последние 15 лет уступал по ежегодным темпам прироста ВВП только субрегиону Восточной Азии. В период с 2001 по 2014 г. экономика 9 стран региона АЮС росла темпами 7% в год и выше. В том числе среднегодовые темпы прироста ВВП Экваториальной Гвинеи в этот период превысили 20%, Анголы – 12%, Сьерра-Леоне – 10%, Нигерии – 9%, Эфиопии – 8% [4]. В 2013 г. темп прироста ВВП в странах АЮС составлял 5,2%, в 2014 г. – 4,7% на фоне падения цен на топливные и сырьевые товары. Вместе с тем темпы прироста в странах АЮС оставались выше среднемировых (3,5%) и превосходили аналогичный показатель по развивающимся рынкам (4,3%) [5].

Таблица 1. Темпы прироста ВВП в странах АЮС^а

Наименование	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ВВП в текущих ценах	4,7	3,1	1,5	2,9	3,6	3,7
ВВП по ППС	5,0	3,3	1,7	3,1	3,9	4,0
АЮС без ЮАР	5,8	3,7	1,8	3,5	4,2	4,3
Страны АЮС – экспортеры нефти ^б	5,6	2,9	-0,2	1,9	2,9	3,0
Страны зон франка <i>FA</i> ^с	5,7	4,3	4,3	4,8	5,3	5,5
ЮАР	1,8	1,3	0,4	1,1	1,8	1,8
Нигерия	6,3	2,7	-1,7	1,0	2,5	2,5
Ангола	5,4	3,0	0,4	1,2	0,9	0,9
Эфиопия	10,3	9,6	8,4	8,9	8,6	8,6
Кот-д’Ивуар	8,5	8,4	7,8	8,0	8,1	8,1
Руанда	7,0	6,9	6,0	6,0	7,0	7,0
Танзания	7,0	7,0	6,9	7,1	7,1	7,1
Уганда	4,8	5,0	4,6	5,6	6,0	6,0

^а. 2016 г. – оценка, 2017–2019 гг. – прогноз Всемирного банка.

^б. Ангола, Камерун, Чад, ДРК, Габон, Нигерия, Республика Конго, Судан.

^с. Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того, Габон, Камерун, Республика Конго, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея.

Источник: [6, pp. 173–174].

В 2015–2016 гг. на фоне общего замедления темпов прироста мировой экономики, дальнейшего падения цен на сырьевые и топливные товары, сокращения мирового спроса на продукцию африканских стран, обострения политической ситуации в ряде государств Африки и роста террористической угрозы на континенте макроэкономические показатели африканских стран ухудшились.

Среднегодовые темпы прироста экономики упали в странах АЮС в текущих ценах до 3,1%, а по ППС – до 3,3% в 2015 г. и до 1,5% и 1,7%, соответственно, в 2016 г. (оценка). Вместе с тем в ряде государств Субсахарской Африки, таких как Эфиопия, Кот-д’Ивуар, Танзания и Руанда, темпы прироста хоть и незначительно сократились, но продолжали оставаться на высоком уровне в 7–9% в год (табл. 1).

В самой Африке в минувшие два десятилетия именно африканские страны к югу от Сахары (АЮС) стали зоной, которая по темпам развития, росту роли и влияния в мировой экономике и политике стремительно начала приближаться к «восходящим» странам с развивающейся рыночной экономикой, в частности БРИКС. Ряд зарубежных аналитических структур (*MSCI, Economist Intelligence Unit, McKinsey, Ernst and Young*) исходят из того, что, с точки зрения перспективной инвестиционной привлекательности для стран Запада, Африка начинает постепенно превосходить Китай и Индию. По прогнозам Всемирного банка, континент может быть «на грани экономического взлета так же, как Китай 30 лет назад и Индия 20 лет назад» [7]. Представления минувших десятилетий об Африке как о континенте бесперспективной отсталости и тотальной бедности более не соответствуют действительности. Накопленное отставание еще велико, однако Африка в целом, и в особенности Африка южнее Сахары, начинает постепенно наверстывать упущенное.

Рейтинговое агентство *Standard & Poor’s* включает в свой список привлекательных для инвестирования рынков, относящихся к категории *Frontier Emerging Markets* (всего 37 государств), наряду с такими странами как Словения, Словакия, Казахстан, Кипр, Эстония, ОАЭ, 8 стран АЮС – Ботсвану, Кот-д’Ивуар, Гану, Кению, Маврикий, Намибию, Нигерию и Замбию.

По мнению ряда экспертов, среднегодовые темпы прироста ВВП в Африке южнее Сахары, как ожидается, в ближайшие десятилетия (начиная с 2020-х гг.) вновь могут повыситься до 5–7% [8]. В 9 странах они уже сейчас превышают 7% годовых. В Африке находятся 6 из 10 наиболее динамично развивающихся стран мира. Имеется большая потребность в реализации крупных, средних и малых инвестиционных проектов, которые могли бы осуществить и российские компании, тем самым обеспечивая устойчивый платежеспособный спрос на продукцию российских предприятий. Имеются прогнозные оценки западных аналитиков (*EY, RAND, FUTURES* и др.), которые предсказывают, что в силу складывающихся макротрендов глобального хозяйственного и демографического развития к 2050 г. африканская экономика с большой вероятностью может вырасти с нынешних 2 трлн до 29 трлн долл. и превзойти сегодняшние США и Еврону вместе взятые [9].

Крушение однополярного мира, «восхождение» новых экономических гигантов – Китая, Индии, Бразилии и других, резко обострило борьбу за сырьевые ресурсы Африканского континента, становящегося одним из главных неистощенных диверсифицированных резервуаров сырья мирового значения. По целому ряду его видов (особенно тех, которые сегодня материально обеспечивают наиболее перспективные направления научно-технического прогресса) страны Африки фактически являются монополистами мирового уровня. Среди регионов мира Африка занимает первое место по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, колтана, алмазов, фосфоритов, флюорита, второе – по запасам руд меди, урана, сурьмы, бериллия, асбеста, графита, третье – по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также запасы титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др.

Ведущие экономики мира как «старые», так и «новые», будут всеми средствами бороться за права доступа к африканскому топливному и минеральному сырью. Уже сегодня Запад теряет свои позиции в качестве главного импортера африканских ресурсов и главного поставщика готовой продукции в африканские страны. У государств африканского континента появилась реальная и весьма привлекательная альтернатива ему в лице Китая, Индии, Бразилии и других быстро развивающихся экономик. Ресурсные возможности Африки, подкрепленные устойчивым экономическим ростом в последние 15 лет, позволили континенту более активно влиять на мировую конъюнктуру и добиваться лучших условий участия в международном разделении труда. Поскольку, несмотря на ценовые колебания, острота сырьевой проблемы в обозримом будущем будет только нарастать, то и позиции Африки в мировой экономике имеют все шансы к укреплению. Ведь Африка обладает более чем 30% природных ресурсов мира, в том числе 83% мирового производства платины, 55–60% мировой добычи кобальта, колтана, марганца, 46% – алмазов, 43% – палладия, 42% – хрома и 40% – золота, более 25% – бокситов [10, pp. 106–121].

Африка (в целом), по имеющимся прогнозам (*Rand, Stanford University, EY*) начиная с 2030-х гг. превратится в главный и почти эксклюзивный по важности глобальный стратегический резерв источников сырья. Речь в первую очередь идет о тех его видах, которые имеют военно-стратегическую значимость и незаменимы в оборонных и инновационных технологиях XXI в. Уже сейчас по некоторым видам цветных и редких металлов, без использования которых технологически невозможен выпуск, например, авиационных двигателей бомбардировщиков дальней авиации, зависимость ВПК США от импорта

из некоторых стран АЮС (ДРК, Зимбабве) превышает 50%, а по кобальту – 75% [11, р. 113].

ДЕМОГРАФИЯ И ИНВЕСТИЦИИ

Другой аспект неизбежного роста влияния стран Африканского континента на экономические судьбы мира связан с быстрым ростом численности и постепенным изменением качественного состава его народонаселения. Уже в 2009 г. население Африки превысило 1 млрд человек и продолжает расти самыми высокими темпами на планете. К 2020 г. трудоспособное население Африканского континента превысит 700 млн, а к 2050 г. – 1,5 млрд человек.

К середине XXI в. при сохранении нынешних тенденций в Африке будет проживать от 20 до 25% жителей Земли. Сочетание «демографического пресса» и социально-экономической отсталости большинства африканских государств ведут к обострению и «выплескиванию» за пределы континента целого ряда экономических и гуманитарных проблем, решать которые предстоит всему мировому сообществу.

Имеются и другие аспекты воздействия «африканского человеческого фактора» на мировую экономику. Европа, включая РФ, в меньшей степени Северная Америка и часть Азии (в том числе и Китай) уже столкнулись или начинают сталкиваться с проблемой старения и относительного сокращения доли трудоспособного населения. Через 20–30 лет 60% общемирового прироста мирового рынка труда будет приходиться на Африку [12]. И нам надо отдавать себе отчет в том, что через несколько десятилетий именно африканцы будут в значительной мере определять демографическую и социальную картину мира. В этих условиях «трудовые ресурсы» – второе главное направление, по которому Африка в XXI в. будет оказывать активное воздействие на мировую экономику.

Таковы некоторые самые общие прогнозные оценки зарубежных аналитиков, которые объясняют, почему в начале XXI в. между ведущими центрами экономической силы в мире развернулась «новая схватка за Африку».

При этом те страны, которые вовремя подключились или в самое ближайшее время подключатся к получению «африканского дивиденда» от сотрудничества со странами континента, смогут гарантированно вписаться в магистральные тенденции развития мировой экономики и избежать застоя и маргинализации своих позиций в мировом хозяйстве. По словам одного из прежних китайских руководителей, экономические успехи КНР «на 15% – результат налаживания эффективного экономического сотрудничества с Африкой» [13].

Африка развернулась в сторону активного привлечения иностранных инвесторов, которым создаются всё более благоприятные условия. В 2013 г. сумма прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Африку составила 56,6 млрд долл., в 2014 г. – 60,4 млрд долл., а в 2015 г. – 66,5 млрд долл. По некоторым расчетам, в ближайшее десятилетие политика активного привлечения иностранных инвестиций может в среднем прибавить еще порядка 2% к ВВП континента [14]. Страны Запада, раньше всех закрепившиеся в регионе, изменили содержание и риторику относительно сущности экономического сотрудничества с ним. Произошло смещение акцента от «помощи развитию» к «партнерству» (partnership), то есть совместному использованию ресурсов и возможностей континента с четко выраженной выгодой для обеих сторон. С западными центрами экономической силы на равных соперничают новые игроки, часто опережая и обыгрывая их.

Африка представляет большой интерес для иностранных инвесторов, так как прибыль от капиталовложений в страны континента существенно выше, чем в большинстве других развивающихся стран.

В 2015 г. доля Африки в мировых ПИИ составила уже 8%, а количество инвестиционных проектов, реализуемых на континенте, увеличилось до 705 (4% от числа всех инвестпроектов в мире). По общему объему 50% всех ПИИ в Африку в 2015 г. направлялось в четыре страны – Египет (14,5 млрд долл.), Нигерию (8,6 млрд), Мозамбик (5,1 млрд) и ЮАР (4,5 млрд). Весьма существенным приток инвестиций был также в Марокко (4,5 млрд долл.), Кот-д’Ивуар (3,5 млрд), Анголу (2,7 млрд), Кению (2,4 млрд), Сенегал (1,9 млрд) и Камерун (1,8 млрд). На все остальные африканские страны приходилось всего 25% ПИИ на континент (в абсолютном выражении – 16,7 млрд долл.). При этом самими высокими темпами (с поправкой на инфляцию) объем инвестиций рос в таких странах, как Камерун (+829% по сравнению с 2014 г.), Кот-д’Ивуар (+612%) и Сенегал (+473%). В Египте, Нигерии, Мозамбике, Марокко и Анголе этот показатель в абсолютном выражении также был значительным, но все же в силу социально-политических и экономических причин в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом сократился на 19, 20, 42, 13 и 83%, соответственно [15; 16].

В целом во второй декаде 2000-х годов прослеживается тенденция увеличения доли стран Африки южнее Сахары в общем объеме ПИИ с преобладанием среди стран-получателей Нигерии, ЮАР, Мозамбика, Кот-д’Ивуара, Сенегала, Камеруна, Кении, Ганы, Уганды и Танзании.

Что касается конкретных инвестиционных проектов, то в 2015 г. больше всего их было реализовано в ЮАР (118 из 705), Кении (85), Марокко (71) и Египте (59). Наибольший прирост числа инвестпроек-

тов был в Кот-д'Ивуаре (+73%), Уганде (+67%), Кении (+49%), Танзании (+25%) и Гане (+21%).

В качестве примеров наиболее перспективных проектов можно привести разработку итальянской компанией *Eni* открытого недавно крупного месторождения газа Эз-Зор в Египте с дальнейшим приобретением итальянцами 20% доли месторождения. Планируемые инвестиции составят от 6 до 10 млрд долл.

Еще один весомый проект – создание плантации сахарного тростника в Мозамбике для производства биоэтанола. Проект осуществляется кувейтской компанией *Al-Bader International Development*. Первоначально компания планирует вложить 1,5 млрд долл. в развитие этой биотехнологии, в дальнейшем же объем инвестиций в Мозамбик может возрасти до 26 млрд долл.

Южнокорейская *Kaonmedia* строит завод по производству телевизоров в Лагосе (Нигерия). В рамках реализации данного проекта будет создано 1000 рабочих мест для местного населения. Американский алюминевый гигант *Alcoa* вложит 1 млрд долл. в разработку бокситов в Гвинее, что позволит увеличить производство до 23,5 млн т к 2018 г. [17].

Таблица 2. Капиталовложения основных стран-инвесторов в Африку в 2015 г.

Страны	Общий объем капиталовложений, млрд долл.	Удельный вес в общем объеме капиталовложений в Африку, %
Италия	7,4	11
США	6,8	10
Франция	5,7	9
Великобритания	4,9	7
ОАЭ	4,2	6
Бахрейн	3,7	6
Марокко	3,4	5
Германия	2,6	4
Китай	2,3	3
Финляндия	2,2	3
Прочие	23,1	35

Источник: [15, р. 6].

Транснациональные компании из развивающихся стран наращивают свою активность в Африке, однако основными игроками продолжают оставаться развитые страны. Как видно из табл. 2, Италия по общему объему капиталовложений в африканскую экономику в 2015 г. заняла лидирующие позиции. В тройку лидеров также вошли

США и Франция. Относительно скромное место Китая компенсируется лидерством этой страны в создании рабочих мест для африканцев. В рамках реализуемых китайцами в 2015 г. 32 инвестиционных проектов было создано 14 127 рабочих мест.

По такому показателю, как накопленные инвестиции, в 2015 г. пять из десяти крупнейших инвесторов в Африку были из развивающихся стран, в том числе трех стран БРИКС: Китай (35 млрд долл.), Южная Африка (28 млрд долл.) и Индия (17 млрд долл.). При этом ПИИ из Китая увеличились с 2009 по 2015 г. в четыре раза: с 9 до упомянутых 35 млрд долл. Однако по состоянию на 2015 г. развитые страны во главе с Великобританией (71 млрд долл.), США (70,8 млрд долл.) и Францией (58 млрд долл.) остаются крупнейшими инвесторами на континенте [15, 17].

Что касается отраслевого распределения инвестиций, то и здесь наблюдаются новые тенденции: постепенно уменьшается доля добычи полезных ископаемых и увеличивается доля промышленности, инфраструктуры и сферы услуг, на которые уже сейчас приходится более 75% всех ПИИ. Весьма значительны вложения в электроэнергетику (в том числе возобновляемую), которые как по объему, так и по удельному весу в 2015 г. догнали инвестиции в горнодобычу (*табл. 3*).

Таблица 3. Отраслевая структура ПИИ в Африку в 2015 г.

Отрасли экономики	Общий объем инвестиций, млрд долл.	Удельный вес в общем объеме инвестиций, %
Добыча полезных ископаемых	15,1	23
Энергетика	15	23
Обрабатывающая промышленность	14,4	22
Строительство	9,4	14
Интернет и коммуникационные технологии	4,8	7
Транспорт	2,8	4
Услуги для развития бизнеса	1,9	3
Торговля	1,5	2
Образование	0,4	0,6
Прочие	1,2	1,4

Источник: [15, p. 6].

Вообще, электроэнергетика сегодня – весьма привлекательная сфера для капиталовложений в Африку. Хотя с ростом населения и экономик африканских стран объемы электропотребления на континенте растут, общеафриканские показатели расхода энергии на душу населения остаются весьма скромными. Данный показатель в среднем

по Африке составляет 162 кВт·ч против 2800 в мире, 5700 в ЕС и 12200 кВт·ч в США. Практически все африканские государства испытывают острый дефицит электроэнергии. Население Африки составляет 14% мирового, но на неё приходится всего лишь 1,8% энергетических мощностей мира, что в абсолютном выражении составляет всего 90 ГВт (меньше, чем у такой страны, как Южная Корея). Свыше 640 млн африканцев (58% населения) вообще не имеют доступа к электричеству, а в таких странах, как ДРК, Либерия, Малави и Сьерра-Леоне электричеством пользуются менее 10% населения [18].

Между тем Африка обладает значительным энергетическим потенциалом, включая топливные и гидроресурсы. Очень перспективным является развитие атомной и солнечной энергетики, а также производство биотоплива. Многие африканские страны объявили развитие возобновляемой и альтернативной энергетики приоритетными сферами экономического развития. Так, Египет планирует увеличить долю производства электроэнергии из возобновляемых источников с 12% в 2015 г. до 20% в 2020 г. [15].

В структуре ПИИ в Африку весьма высока также доля промышленности, производственной инфраструктуры, современных коммуникационных технологий и образования – отраслей, жизненно необходимых африканцам для модернизации их экономики и отхода от положения аутсайдера в формирующейся модели мирового развития.

Тем не менее значение горнодобывающей промышленности как объекта приложения иностранного капитала будет сохраняться еще длительное время на фоне постепенной диверсификации вложений в сторону современных производств. Процессы урбанизации и растущая доля среднего класса способствуют росту интереса иностранных инвесторов к оптово-розничной торговле и потребительскому сектору. В сфере информационных технологий и телекоммуникаций, торговле и производстве потребительской продукции осуществляются более 150 проектов, в секторе финансовых услуг – более 120, что в совокупности составляет более 50% всех проектов, реализуемых с привлечением ПИИ. Самой распространенной формой капиталовложений остается создание совместных компаний. При этом постоянно растет роль неакционерных форм сотрудничества – франчайзинга, аутсорсинга, рентных, инжиниринговых и консалтинговых контрактов [15].

Возможности государства в продвижении своих компаний в Африку из всех развивающихся стран наиболее ярко демонстрирует Китай. В отличие от европейских стран, которые долгое время были сосредоточены на финансово-кредитной стороне вопроса и ОПР, Китай сделал акцент на торговлю и инвестиции. Это в немалой степени способ-

ствовало тому, что из континента, зависящего от гуманитарной помощи, Африка превратилась в континент, ориентирующийся на частные инвестиции. Еще в 2009 г. КНР обогнала США, став крупнейшим торговым партнером Африки, а сегодня объемы китайско-африканской торговли превышают 210 млрд долл., что в несколько раз больше размера американо-африканской торговли (55 млрд долл. в 2015 г.) [19].

С 2000 г. раз в три года проводятся саммиты либо конференции Форума сотрудничества «Китай – Африка» (ФОКАК), в ходе которых на высшем уровне Китай и страны Африки обсуждают вопросы помощи и инвестиций. Доля Африки в китайском импорте нефти приближается к 30%, основные поставщики – страны Гвинейского залива и Судан. Всего же партнерские отношения Пекин поддерживает более чем с 50 африканскими странами, которые в ближайшие три года получают китайские кредиты в размере 60 млрд долл., что в два раза превышает объемы кредитования в 2012–2015 гг. [20].

Растущая экономическая помощь, торговый и инвестиционный бум, защита интересов Африки в международных организациях сделали Китай привлекательной для африканцев альтернативой Западу. На Второй международной конференции по развитию африканских рынков, организованной ПРООН 28–30 марта 2017 г. в Абиджане, практически все лидеры африканских государств, министры и бизнесмены в своих выступлениях отмечали выдающуюся роль КНР в социально-экономическом развитии Африки [21].

Успехам Китая способствует то, что он не обуславливает сотрудничество изменением политического курса страны, соблюдением демократических норм и прав человека в их западной интерпретации. В числе его партнеров – страны, являющиеся мишенью санкций Запада (Судан, Зимбабве), его компании и частные предприниматели идут на риски, действуя в пострадавших от конфликтов государствах (Либерия, Демократическая Республика Конго, Сьерра-Леоне).

Использование фактора «мягкой силы», в том числе подготовка африканского персонала, практика создания «Институтов Конфуция»^{*} способствуют формированию позитивного имиджа Китая и помогают китайским компаниям в Африке обеспечивать себя квалифицированными кадрами.

Важный момент – обмен визитами высокого уровня. Видя интерес, который проявляют к их странам лидеры КНР, африканцы охотнее идут на контакты с китайскими партнерами [20].

* Более многопрофильного и гибкого аналога немецких «Институтов Гёте», партийно-государственных фондов Аденауэра, Эберта, Зайделя и т.д., испанского «Института Сервантеса» или, в еще меньшей степени, нашего «Русского мира».

Интенсивное взаимодействие с Африкой и получаемые Китаем от этого выгоды привели к тому, что и другие развивающиеся страны активизировали свою деятельность на континенте. Странами, энергично действующими на данном направлении, являются Индия, торговый оборот которой с Африкой превышает 70 млрд долл., а также Турция (около 20 млрд долл.) и Бразилия (17 млрд долл.) [22].

В целом же нашими зарубежными партнерами созданы мощные государственные институты и фонды поддержки и поощрения национального бизнеса, действующего в Африке. Во Франции до недавнего времени существовало министерство сотрудничества с бывшими колониями. В США действует агентство помощи развивающимся странам, разработаны специальные программы партнерства с Африкой, к примеру – программа расширения торговых обменов со странами к югу от Сахары (АГОА). Китай, Индия, Турция сформировали государственные концепции и специальные финансово-кредитные структуры, призванные развивать и поощрять сотрудничество с африканскими государствами. Таким путем достигается частно-государственное партнерство во имя национальных интересов.

РОССИЯ В ПОИСКАХ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ «НИШИ»

В настоящее время устанавливается новая система связей между африканскими государствами и другими странами мира. Цель этих связей – повышение эффективности международного экономического сотрудничества. Главы африканских государств пришли к выводу, что необходимо создать движение синергетического типа, благодаря которому Африка может стать существенным экономическим объединением и очень крупным рынком, учитывая численность и динамику роста населения континента.

России необходимо подключиться к этому процессу не просто для того, чтобы не отставать от других, а имея четкое представление о том, какие геополитические и геоэкономические дивиденды она извлечет из этого сотрудничества. Как с его помощью укрепятся мировые позиции страны, как будет простимулирована отечественная экономика и повышен уровень жизни российских граждан?

Всё это – решаемые задачи при условии правильной организации политического и экономического сотрудничества с континентом, налаживания осмысленной государственной политики и эффективного повседневного контроля в этой области, формирования стимулов для отечественного бизнеса (как частного, так и государственного) к обоснованной и ответственной экспансии в точки роста и генерирования доходов на континенте. Важнейшим условием достижения

этих целей является контроль со стороны специалистов и профессионалов и жесткое пресечение погони за эфемерными сиюминутными выгодами.

В настоящий момент полноценной системной внешнеэкономической политики в отношении африканских стран у России нет. Присутствие России на этом огромном и перспективном континенте связано преимущественно с запланированным расширением сотрудничества с Южно-Африканской Республикой в рамках БРИКС, а также международной деятельностью крупнейших российских компаний, у которых также не всегда имеется стратегия развития бизнеса в Африке [23]. В тех же случаях, когда стратегия действительно существует, она не является частью общего и четко определенного национального плана работы на африканском континенте.

На сегодняшний день достигнутые рубежи российско-африканского сотрудничества представляются более чем скромными, а внешне-торговый оборот колеблется в диапазоне 10–12 млрд долл. в год (в 2015 г. 11,1 млрд долл., или 2,2% внешнеторгового оборота России с зарубежными странами).

Ключевыми экономическими партнерами нашей страны являются государства Северной Африки (торговый оборот 7,7 млрд долл., или 1,5% внешнеторгового оборота России). Размер экспорта России в Африку в 2015 г. не превысил 8,8 млрд долл. (2,5% совокупного экспорта России), в том числе в страны Северной Африки – 6,7 млрд долл. [24].

Таблица 4. **Несырьевой экспорт России в страны Африки в 2011–2015 гг., млрд долл.**

	2011	2012	2013	2014	2015
Северная Африка	5,0	5,7	3,7	4,8	5,7
Тропическая Африка	1,8	1,4	1,5	1,8	1,8
Итого:	6,8	7,1	5,2	6,6	7,5

Источник: [27].

На основании этого напрашивается вывод: объем экспорта России в страны Африки южнее Сахары, равнясь в 2015 г. 2,1 млрд долл., или 0,6% внешнеторгового оборота РФ, настолько незначителен, что может быть сравним со статистической погрешностью. С другой стороны, совокупный несырьевой экспорт РФ в Африку тогда же составил 7,5 млрд долл. (6,3% несырьевого экспорта России), или около 70% экспорта России на рассматриваемый континент (в основном это продукция военного назначения). Динамика российского несырьевого экспорта в основные субрегионы Африки в последние годы представлена в *табл. 4*.

В целом же наше сотрудничество сохраняет однобокий характер: в товарной структуре экспорта до 70% составляют нефтепродукты, химические удобрения, целлюлозно-бумажная продукция, зерно. В отдельные годы совершаются заметные поставки вооружений. Перспективы роста экспорта России в этих и других сегментах сдерживают традиционные ограничители, связанные с невысоким уровнем экономического развития большинства африканских стран, удаленностью рынка, превосходством Китая во многих подходящих для России товарных нишах.

Российский бизнес в Африке представлен как государственными, так и частными корпорациями. Однако, хотя спектр экономического взаимодействия расширился, на долю Африки приходится всего лишь 1,5% всех зарубежных инвестиций России, объем прямых инвестиций за 2003–2015 гг. составил 15 млрд долл. От 60 до 70% российских инвестиций направляется на разведку и добычу нефти, газа, урана, бокситов, железной руды, других минералов. В этой сфере действуют 30 российских компаний [24].

Но сегодня расширяется круг африканских государств, с которыми налаживается инвестиционное сотрудничество – Экваториальная Гвинея, Ботсвана, Гана, Либерия, Сьерра-Леоне. ЮАР заинтересована не только в импорте высокотехнологичных российских товаров, но и в их совместном производстве.

При планировании расширения инвестиционного взаимодействия с африканскими странами необходимо учитывать, что в ближайшие 8–10 лет азиатские компании, скорее всего, окончательно потеснят своих конкурентов из США и ЕС.

Исходя из имеющегося опыта других стран, можно назвать несколько ключевых вариантов экспансии отечественного бизнеса на африканском континенте: слияние и поглощение, альянсы и СП, сделки «ресурсы за рынок» и «кредиты за ресурсы».

Выход на африканский рынок путем приобретения доли в местной компании – лишь один из вариантов. Альтернативой может стать приобретение зарубежной компании, имеющей прочные позиции в стране(ах) интереса – таким образом отечественный бизнес сразу обеспечит себе присутствие в интересующих его государствах.

Другой метод экспансии в Африку – через альянсы и стратегическое сотрудничество с иностранными компаниями из третьих стран. Этот путь может применяться в странах, где российские компании по тем или иным причинам не могут конкурировать с корпорациями из других стран. Помимо получения технического опыта, партнерство с зарубежными компаниями поможет быстрее адаптироваться к местной деловой культуре.

Существуют еще два альтернативных варианта «завоевания» африканского рынка. Один – заключение сделок «рынок за ресурсы», то есть предоставление или обещание держателям ресурсов ограниченного доступа к своему рынку в обмен на доступ к этим ресурсам и гарантии их долгосрочного импорта в Россию. Другой – сделки типа «кредиты за ресурсы» (заемщиками могут выступать африканские компании или правительства, а покупателем поставляемых ресурсов – отечественный бизнес).

Таблица 5. Дефицит России в минеральных ресурсах и потенциал Африки

Минеральное сырье	Россия				Африка		
	Дефицит, 2015 г., %	Добыча, 2014 г., тыс. т	Запасы, на 1 янв. 2015 г.	Импорт, 2015 г., тыс. т	Страна	Добыча, 2016 г., тыс. т	Запасы, 2016 г.
Марганец в рудах	99	0	137,8 млн т	1020	ЮАР	4700	200 млн т
					Гана	500	12 млн т
					Габон	2000	22 млн т
Уран в рудах	40	3,1	723,5 тыс. т		Намибия		274,4 тыс. т
					Нигер	2,3	404,9 тыс. т
Олово в рудах и концентратах	48	1,136	448,2 тыс. т	1,961	Африка в целом (2008 г.)	15	415 тыс. т
Хром в рудах	64	476	12,9 млн т	1013	ЮАР Зимбабве	14000	200 млн т 100 млн т
Титан в концентратах	2	366	110 млн т	120,6	Кения	285	54 млн т
					Мадагаскар	145	40 млн т
					Мозамбик	490	14 млн т
					Сенегал	260	
					ЮАР Сьерра-Леоне	1300 120	63,0 млн т
Алюминий в бокситах	63	6054	526 млн т	4280 ^a	Гвинея	19700	7400 млн т
Цинк в рудах и концентратах	27 ^b	352,5	15,9 млн т	141,9	Африка в целом (2008 г.)	284	17,04 тыс. т

^a Импорт глинозема.

^b Относительный дефицит (импорт для покрытия нужд европейской части РФ).

С другой стороны, в нашей стране, лишившейся множества месторождений минеральных ресурсов после распада СССР, растет относительный (а по отдельным видам сырья и абсолютный) дефицит ряда наименований полезных ископаемых. В качестве особо значимых позиций можно назвать марганец, хром, бокситы, цинк, олово и некоторые другие, включая стратегические материалы.

Многие отечественные месторождения стали нерентабельными, другие балансируют на уровне нулевой рентабельности. Освоение новых месторождений, расположенных в основном к востоку от Урала и в Арктике, требует больших капиталовложений, создания новых технологий, развития инфраструктуры. Россия испытывает дефицит в марганце (100%), хrome (80%), кобальте и т.д. В Африке марганца добывается в 600 раз больше, чем в России, тантала – в 30 раз, олова – в 20, хрома – в 15, бокситов – в 7 раз больше.

Себестоимость добычи минералов в Африке порой на порядок ниже, чем в России. Степень взаимодополняемости России и Африки по минеральным ресурсам достаточно высока (табл. 5). Уже сегодня импортируемые из Африки бокситы покрывают более 60% потребностей отечественной алюминиевой промышленности, при этом в Африке бокситы добываются дешевым открытым способом, а в России – дорогостоящим, шахтным. Содержание глинозема в африканских бокситах – 40–60%, в российских – 2–6%.

Другой важнейший мотив взаимодействия в данной сфере – утверждение позиций России на мировых сырьевых рынках, особенно на рынке энергоносителей. На Африку приходится 14% мировых запасов нефти и 12% добычи. Наиболее крупные месторождения нефти и газа за последнее десятилетие были открыты в африканских странах. В топливно-энергетической сфере между нашими странами складываются сложные отношения сотрудничества и конкуренции, и очень важно, чтобы первый аспект превалировал над вторым.

И, наконец, еще один ключевой фактор, диктующий необходимость усиления экономического присутствия России на африканском континенте. Российско-африканское экономическое сотрудничество может сыграть важную роль в долгосрочной поддержке диверсификации российской экономики, «облагораживании» структуры её экспорта путем формирования устойчивых гарантированных рынков сбыта промышленной продукции российского производства. Наиболее перспективными сферами взаимодействия могут стать электроэнергетика (в первую очередь атомная и гидроэнергетика), машиностроение, химическое производство, включая удобрения, фармацевтика, современные информационные технологии, сотрудничество в космической сфере. Быстрыми темпами развивается и рынок вооружений африкан-

ского континента. Военные расходы африканских государств с 17 млрд долл. в 2000 г. увеличились до 40 млрд долл. в 2014–2015 гг. Сегодня 11% российского экспорта тяжелого вооружения приходится на Африку. Доля российских поставок военной техники в страны к югу от Сахары составляет 27%, в страны Северной Африки – 30% [27].

Схемы сотрудничества РФ с Африкой должны опираться на четкое определение целей и задач, к достижению которых будет стремиться Россия, с учетом уровня и остроты стоящих перед ней проблем, на путях развития российско-африканского партнерства.

При этом в максимально возможной степени должно быть учтено не только то, что мы можем предложить африканцам, но и то, что для них важно на данном этапе развития. Однозначно можно утверждать, что необходимо развивать и новые формы торгово-экономического сотрудничества, включая современные маркетинговые и финансово-расчетные механизмы. Выход на африканские рынки и завоевание устойчивых позиций требуют системной политико-дипломатической, кредитно-финансовой, правовой поддержки со стороны российского государства, задача которого – повысить шансы отечественного бизнеса на рынках Африки путем разработки таких моделей российско-африканского партнерства, которые в оптимальной степени совмещали бы национальные и корпоративные интересы, государственные и предпринимательские возможности. В данном контексте целесообразно создание отдельного специального института, который бы занялся всем комплексом перспектив и проблем взаимодействия РФ со странами Африки.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Статья впервые опубликована в журнале «Мировая экономика и международные отношения». 2017. Т. 61, № 9. С. 24–35.

1. *Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов*. http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_201_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc (дата обращения 31.03.2017)

2. Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, Institute for African Studies RAS, 2014, pp. 5–24.

3. *UNCTAD Handbook of Statistics 2016*. New York and Geneva, 2016. http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41_en.pdf (дата обращения 04.04.2017)

4. *World Economic Outlook. October 2016*. Washington, IMF, 2016. <http://imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/index.htm> (дата обращения 07.04.2017)
5. *Regional Economic Outlook. Sub-Saharan Africa. Navigating Headwinds*. April 2015. Washington, IMF, 2015. 110 p.
6. *Global Economic Prospects*. World Bank. January 2017, Washington, 2017. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/25823/9781464810169.pdf> (дата обращения 03.03.2017).
7. Beegle K., Christiaensen L., Dabalen A., Gaddis I. *Poverty in a Rising Africa*. Washington, World Bank, 2016. 167 p. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/22575> (дата обращения 03.03.2017)
8. *Tracking Africa's Progress in Figures*. African Development Bank, Tunis. 2014. https://afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Tracking_Africa%E2%80%99s_Progress_in_Figures.pdf (дата обращения 24.03.2017)
9. *Ernst & Young's attractiveness survey. Africa 2013. Getting down to business*. http://ey.com/Publication/vwLUAssets/Africa_Attract_2013_-_Getting_down_to_business/%24FILE/Africa_attractiveness_2013_web.pdf (дата обращения 03.03.2017)
10. Абрамова И.О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М., Институт Африки РАН, 2013. 323 с.
11. Fituni L., Abramova I. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. Moscow, Institute for African Studies RAS. 2013. 227 p.
12. Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 6. С. 23–29.
13. Beijing Declaration of the Forum on China-Africa Cooperation. *ChinAfrica Magazine*, 2000, No. 5. May. Pp. 2–10.
14. *IMF Support for Low-Income Countries*. <http://www.imf.org/About/Fact-sheets/IMF-Support-for-Low-IncomeCountries?pdf=1> (дата обращения 11.02.2017)
15. *The Africa Investment Report 2016*. London, 2016. <http://forms.Fdiintelligence.com/africainvestmentreport/files/The-Africa-Investment-Report-2016.pdf> (дата обращения 04.03.2017)
16. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Маценко И.Б., Маценко С.А., Сидоров В.А. Механизм инфляции и антиинфляционная политика в странах Африки южнее Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2016. № 2–3(36–37). С. 12–30.
17. *World Investment report 2016*. New York, Geneva, 2016. http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_Overview_en.pdf (дата обращения 04.03.2017)
18. *Energy and Climate Change – World Energy Outlook Special Report*. OECD/IEA. Paris, 2015. <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/WEO2015SpecialReportonEnergyandClimateChange.pdf> (дата обращения 16.12.2016)
19. *China Statistical Yearbook 2015*. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm> (дата обращения 16.01.2017).
20. Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. «Мягкая сила» как орудие политики в Африке. *Азия и Африка сегодня*, 2017, № 3. С. 2–8.

21. *The International Conference for the Emergence of Africa (ICEA)*, Abidjan, 28–30 March, 2017. http://africaemergence.com/assets/fichier/doc/NC-CIEA_2017-Fran.pdf (дата обращения 11.04.2017)
22. *World Integrated Trade Solution (World Bank Group)*. <http://www.worldbank.org/Default.aspx?lang=en> (дата обращения 10.02.2017)
23. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the global supply chain of resources for development. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwinini 2013*. Pretoria, Africa Institute of South Africa, 2014. Pp. 136–153.
24. *International Markets*. https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/ (дата обращения 18.01.2017)
25. *Mineral Commodity Summaries 2017*. <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/2017/mcs2017.pdf> (дата обращения 12.05.2017)
26. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2014 году». http://mnr.gov.ru/upload/iblock/331/dokl_14.pdf (дата обращения 12.05.2017)
27. *Развитие российского экспорта*. https://exportcenter.ru/international_markets/russian_exports/ (дата обращения 18.01.2017)

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АФРИКИ В ПОСТМОНОПОЛЯРНОМ МИРЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Фитуни Л.Л. (2017)

Глобальный баланс сил меняется день ото дня. Краткосрочный период всевластия одной державы, так называемая монополярность, завершается.

Старые мировые центры экономической силы (США/Канада, ЕС, Япония) постепенно уступают некоторые глобальные экономические позиции конкурентам, прежде всего молодым быстрорастущим экономикам – Китаю, Индии, Бразилии, Южной Корее, Тайваню, Аргентине, Индонезии и др.

Отдельные страны, ранее относимые к мировой периферии, стали обретать нехарактерную для них прежде экономическую мощь и геополитическое значение, в то время как традиционный центр глобализированной экономики, именуемый в просторечии «золотым миллиардом», начал медленно утрачивать по крайней мере некоторые из рычагов управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившихся в его распоряжении. По мнению многих авторитетных аналитиков, фокус мирового развития и одновременно мирового противостояния постепенно смещается из Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион.

На этом фоне происходит переоценка сравнительной значимости и роли регионов мира как зон столкновения интересов участников обновленного соперничества. В условиях крайней нежелательности сверхопасной прямой конфронтации между «старыми» и «новыми» игроками возросло геостратегическое и военно-политическое значение «периферийных» зон соперничества: Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки. Здесь катализаторами конфликтогенности и одновременно удобными инструментами внешнего вмешательства становятся национализм, сепаратизм, религиозный экстремизм. В целях сохранения прежней конфигурации миропорядка и установленных ими глобальных парадигм управления некоторые «старые игроки» готовы использовать и силы международного терроризма.

ВОЕННЫЕ БАЗЫ И ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ

Африку блок «старых игроков» рассматривает, прежде всего, с трех точек зрения: собственно военно-геополитической, ресурсной и с точки зрения прогнозируемых перспектив глобального развития. Эти

три качественных аспекта условно проецируются как на оперативные, тактические и стратегические интересы отдельных стран, так и на синергию ключевого военного альянса «старых» – НАТО. Все три аспекта рассматриваются через призму соперничества с главными, как считается, существующими и потенциальными соперниками и конкурентами. В роли последнего видят, прежде всего, Китай и в несколько меньшей степени (особенно, если говорить о Тропической Африке) – Россию. Одновременно Запад внимательно следит за возрастающей активностью и влиянием в этом регионе соперников «второго эшелона» – Ирана, Турции, монархий Персидского залива, обеих Корей, Бразилии и Индии.

Геостратегическое значение континента, естественно, предопределено его географическим положением в качестве южного фланга НАТО – точками и театрами, контролирующими морские коммуникации в Красном море, Персидском заливе и Индийском океане, а также в южной Атлантике.

Старые колониальные державы-члены НАТО и после распада своих колониальных империй в той или иной степени сохранили значительные военно-стратегические позиции в Африке – как в плане прямого присутствия на африканских территориях их военных баз и контингентов, так и в плане военно-технического сотрудничества в области создания национальных армий, снабжения их вооружениями и подготовки кадров.

Официально в Африке больше всего военных баз и значимых стационарных военных объектов, юридически базами не именуемых, у Франции (Джибути, Габон, Кот-д’Ивуар, Реюньон, коморский остров Майотт, Сенегал). Также подобными объектами в африканском регионе обладают: Великобритания (Кения, остров Вознесения, Британские территории в Индийском океане), Италия (Джибути), Индия (Мадагаскар, Сейшелы, Маврикий), Япония (Джибути), Турция (Сомали).

Американские военные создали обширную сеть из более чем 60 форпостов и пунктов размещения в Африке. В настоящее время часть из них используется, а часть является резервными. Сюда относят базы, лагеря, коммуникационные центры/точки, порты. Все это охватывает как минимум 34 государства на континенте. Формально подобные пункты считаются не базами, а «точками сотрудничества в области безопасности» (Co-operative Security Location, CSL), и служат якобы для временного базирования в основном «провизии и амуниции».

Зачем нужны эти базы, что они охраняют? Декларируется, что их главная задача – защита критически важных коммуникаций НАТО, поддержание мира, предотвращение конфликтов в Африке и борьба с угрозой терроризма и пиратства. Не преуменьшая роли иностранных

контингентов в решении хотя бы части декларируемых задач, нужно признать, что для всех вышеперечисленных государств указанные объекты являются, прежде всего, важными элементами утверждения их геополитической значимости и международного проецирования своей военной силы.

Действительно, после проведения операций по запуску «арабской весны» и особенно после падения режима Каддафи положение с широкомасштабными действиями террористических организаций на африканской земле сильно ухудшилось. По подсчетам Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, в настоящее время общее число боевиков, принадлежащих к различного вида террористическим организациям и структурам на континенте, может составлять до 70 тыс. человек. При этом на подконтрольных террористам территориях проживает около 1 млн человек. Самые большие пространства оккупированы террористами в Нигерии и Камеруне, а также в Южном Судане. Непосредственную угрозу для западных стратегических интересов представляют террористические структуры в северо-западной Африке (прежде всего – Мали, Алжир, Марокко), Ливии, на Синае (Египет), на Африканском роге и, скорее в силу масштабов вызова, чем опасности для поставок стратегических ресурсов или коммуникаций, – в Нигерии.

Военное командование США считает главными вызовами сегодняшнего дня в Африке интенсификацию деятельности четырех террористических организаций: «Аль-Каида» в исламском Магрибе (AQIM), «Боко Харам» в Нигерии, «Аш-Шабаб» в Сомали и ИГИЛ в Ливии (все указанные организации запрещены в России). Одновременно отмечается, что США ведут в Африке борьбу с еще 48 террористическими группами.

Отдельную проблему составляет пиратство у берегов Восточной Африки и в Гвинейском заливе. Если в первом регионе оно было успешно снижено объединенными усилиями множества неафриканских игроков, то во втором оно не только не сокращается, но имеет тенденцию периодически обостряться.

Наблюдается рост разбойных нападений на морские суда иностранных государств в Гвинейском заливе с целью грабежа, захвата заложников и получения выкупа. В 2015 г. совершено свыше пятидесяти нападений, в результате которых пострадали граждане многих стран. В 2016 г. эта негативная тенденция продолжилась. Только за первые шесть месяцев прошлого года в ходе вооруженных атак на торговые суда было захвачено в заложники трое входивших в их экипажи россиян (позднее все были благополучно освобождены). В конце ноября 2016 г. было захвачено греческое судно «Сароник Бриз» под панам-

ским флагом с 20 гражданами России и Украины на борту, находившееся ранее на рейде в территориальных водах Бенина.

Видимо, не желая расплывать свои военно-морские ресурсы в условиях успешной работы российского ВМФ у берегов Сирии, НАТО декларировала, что намерена завершить свою военно-морскую операцию «Океанский щит» у берегов Восточной Африки. Как считают в Москве, это, скорее всего, не повлечет за собой сворачивание антипиратских усилий вообще. В данной акватории активно действуют корабли ВМС «независимых участников» (России, Китая, Индии, Республики Кореи, Японии и др.). Продолжаются аналогичная операция Евросоюза «Аталанта», действия 151-го соединения ВМС США и их союзников. Руководство Североатлантического альянса заявило, что в случае обострения ситуации у берегов Сомали в указанный регион будут переброшены необходимые силы из Средиземного моря, где в настоящий момент осуществляется другая силовая операция НАТО – «Морской страж». Можно предположить, что в этом районе НАТО видит угрозу более серьезную, чем сомалийские пираты.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ – ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИВЯЗКА

В XXI веке четко обозначилась тенденция к попытке обеспечить долговременную институциональную привязку стран Африки к военно-организационным структурам Запада и к его военно-политическим стратегиям. Это новая тенденция, поскольку до того внешние игроки имитировали стремление к сохранению внеблокового и неядерного статуса континента и даже к созданию в Африке «зоны мира». О лицемерности такого подхода свидетельствует огромное количество вооруженных внутри- и межстрановых конфликтов, к разжиганию или поддержанию которых в той или иной степени приложили руку многие западные правительства или корпорации.

В условиях однополярного мира США и их сателлиты предложили африканским странам и их организациям, включая Африканский Союз (АС), множество программ и мероприятий военного сотрудничества, проводимых на институциональной основе (на двусторонней – по межминистерской линии, на многосторонней – по линии АС, ЭКОВАС, помощи международным силам по поддержанию мира и т.п.).

Отдельно следует отметить усилия по «межличностной» привязке африканских военных структур и личного состава к НАТО. С 2009 г. американцы подготовили более 250 тыс. африканских солдат и офицеров для ОПМ и контингента сил постоянной готовности Африканского Союза, затратив на это \$892 млн.

Как известно, события 11 сентября 2001 г. были, помимо прочего, использованы для открытого анонсирования Североатлантическим альянсом ухода от узкого формата регионального оборонительного союза и трансформации НАТО в организацию с гораздо более широким мандатом по «поддержанию мира и миростроительства, урегулированию кризисов и институционального строительства». На торжествах в день 20-летия падения Берлинской стены тогдашний генсек НАТО Расмуссен во всеуслышание декларировал: «Мы должны идти туда, откуда исходит угроза, и устранять её в первоисточках – в политическом, экономическом и в военном отношении. Скажем прямо: оборона нашей территории больше не начинается на наших границах – она начинается весьма далеко от них». Как показывают действия членов НАТО, Африка и есть то самое «далеко» на юг от зоны действия изначального мандата блока.

Незадолго до программного выступления генсека НАТО было сформировано Африканское командование Вооруженных Сил США (*AFRICOM*). Это межвидовое единое боевое командование, зона ответственности которого охватывает весь африканский континент с соседними островами, за исключением территории Египта и Сейшельских островов, официально действует с 1 октября 2008 г. Постоянная штаб-квартира командования располагается в казармах Келли (Штутгарт, Германия). На май 2016 г. численность штаб-квартиры *AFRICOM* составляла коло 2 тыс. человек. Число военнослужащих в зоне ответственности превышало 6600 человек.

Официальные публичные сведения о деятельности командования довольно скудны. Однако проведенные в 2013 г. *TomDispatch* исследования и анализ документов и информации из открытых источников показали, что американские военные участвовали в течение 2012 и 2013 гг. в мероприятиях, которые варьировались от рейдов и спецопераций до обучения местных военных, по крайней мере в 49 из 54 стран на африканском континенте. Войска США проводят широкий спектр операций в Африке, в том числе: воздушные удары по боевикам, ночные облавы с целью похищения подозреваемых в терроризме, воздушные переброски французских и африканских военных для ведения боев в посреднических войнах (*proxy wars*) и эвакуацию из дестабилизированных стран. Однако, прежде всего, военные США проводят учения, обучение союзников, финансирование, экипировку и предоставление услуг советников местным африканским военным, а также медицинские, биологические и иные исследования, касающиеся специфических угроз, характерных для тропических регионов.

AFRICOM описывает свою миссию как продвижение «американских национальных интересов безопасности посредством сосредото-

ченного, устойчивого взаимодействия с партнерами» и подчеркивает, что эти «операции, учения и программы помощи и сотрудничества в области безопасности поддерживают внешнюю политику правительства США, и делают это, прежде всего, посредством военных взаимодействий и программ помощи».

Деятельность *AFRICOM* в действительности направлена на обеспечение условий для военного присутствия и доминирования США в африканском регионе, на создание объектов военной инфраструктуры и паравоенных (гражданско-военных) центров присутствия, вспомогательных гражданских объектов, действующих в интересах решения военных задач США, для установления долговременных связей и зависимости африканских военных структур и военного потенциала стран континента от США, а также распространения «мягкой силы» через разнообразные программы для африканских военных и части гражданских элит, в том числе через невоенные каналы заграничных стажировок, стипендиальных, языковых и медицинских программ.

Несмотря на пиар и яркую пропаганду, вопрос о реальном военном присутствии США в Африке чрезвычайно непрозрачен. Открытая деятельность *AFRICOM* распределена между двумя главными направлениями: сотрудничеством с входящими в зону мандата командования странами в области безопасности и проведением учений и других учебно-тренировочных мероприятий.

Первое направления включает 12 ключевых программ:

1) *ACOTA (Africa Contingency Operations Training and Assistance)* – программа по подготовке военных инструкторов и оснащению африканских национальных вооруженных сил для проведения операций по поддержанию мира и гуманитарной помощи. Формально финансируется Госдепартаментом США.

2) *ADAPT (Africa Deployment Assistance Partnership)* – также формально находящаяся на финансовом балансе Госдепа США инициатива по проведению некоторых видов профессиональной подготовки, а также предоставлению оборудования, необходимого для многонациональных операций по поддержанию мира.

3) *APS (Africa Partnership Station)* – флагманская программа Военно-морских сил США в Африке (NAVAF) по сотрудничеству в области безопасности на море с упором на военные аспекты за счет повышения осведомленности ВМС, возможности реагирования и развития военно-морской инфраструктуры.

4) Программа *AMLEP (African Maritime Law Enforcement Partnership)* нацелена на обеспечение безопасности стран Африки в морской сфере посредством реальных комбинированных операций по поддержанию правопорядка.

5) Программа по продаже вооружений за рубежом (*Foreign Military Sales*), непосредственно контролируется Агентством по сотрудничеству в области обороны и безопасности США (*Defense Security Cooperation Agency*) в рамках его собственной программы *Defence Trade and Arms Transfer*.

6) *IMET (International Military Education and Training)* финансирует участие африканцев в программах профессиональной подготовки. Это ключевая программа с точки зрения формирования долгосрочной «мягкой силы» США в среде африканской элиты, поскольку её главная целевая аудитория – нынешние и, что особенно важно, перспективные (в американской терминологии – «будущие») «военные и гражданские лидеры африканских наций». Основная цель программы – обеспечение эффективного долговременного воздействия на обучающихся во время их пребывания в США и других контролируемых американцами учебных центрах (например, в Гармиш-Партенкирхене, Германия).

7) *MEDCAP (Medical Civil Action Program)* – программа взаимодействия в основном с гражданскими африканскими партнерами в области медицины, подготовки медперсонала и изучения общих и специфических для тропических зон заболеваний и угроз здоровью человека.

8) Программа партнерства Национальных гвардий штатов (*National Guard State Partnership Program*) – ключевой механизм взаимодействия нацгвардий штатов США и африканских государств. В настоящее время действуют 12 таких «партнерств»: Калифорния – Нигерия; штат Нью-Йорк – ЮАР; Юта – Марокко; Вермонт – Сенегал; Вайоминг – Тунис; Кентукки – Джибути; Массачусетс – Кения; Сев. Каролина – Ботсвана; Мичиган – Либерия. Нацгвардия штата Северная Дакота имеет партнерские отношения с тремя странами – Ганой, Того и Бенином.

9) Программа реагирования при пандемии (*Pandemic Response Program*) реализуется с 2008 г. совместно с Министерством обороны и Агентством по международному развитию (*USAID*) США. Формально цель программы – помощь африканским военным встроиться в национальные системы и планы борьбы с пандемией гриппа. Непосредственно ведется обучение проведению военными операций по обеспечению безопасности и стабильности в регионе при возникновении различных пандемий. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия между военными структурами разных стран при возникновении подобных ситуаций. Реально программа распространяется не только на пандемии гриппа.

10) Партнерская военная программа ВИЧ/СПИД (*Partner Military HIV/AIDS Program*) изучает военные аспекты распространения эпиде-

мии ВИЧ/СПИДа. Формальная цель программы – предотвращение и снижение числа случаев ВИЧ-инфицирования и профилактика СПИДа среди иностранных военнослужащих. Начата в 1999 г.

11) *PILOT (Partnership for Integrated Logistics Operations and Tactics)* – партнерство по интегрированному оперативно-тактическому тыловому обеспечению. Ориентировано на Силы быстрого реагирования Африканского Союза (*African Union Standby Force, ASF, СБР АС*) и имеет целью добиться взаимной оперативной совместимости и взаимодействия ВС США и СБР АС.

12) *VETCAP (Veterinary Civil Action Program)* – набор программ по ветеринарии «в интересах достижения стратегических военных целей». Полный список объектов и конкретных проектов не придается огласке. Известно о существовании «объединенных служебных команд» и объектов в Джибути, Кении, Марокко, Эфиопии.

Что касается учений и иных «прикладных операций», то здесь информация крайне ограничена, поскольку *AFRICOM* рассказывает только о части своей деятельности. Оно не предоставляет разбивку по сути этих действий. По публикуемым выступлениям командования *AFRICOM* в Сенате США можно сделать вывод, что в течение года командование проводит от 500 до 600 «действий» в год, под которыми подразумеваются «учения, операции и другие мероприятия». В числе учений следует особо выделить ежегодные комплексные учения *African Lion* по отработке взаимодействия между ВС США и Марокко, проводимые ВМС США морские учения в Восточной Африке *Cutlass Express* и *Phoenix Express*, декларированная цель которых – обеспечение исполнения морского права и поддержание стабильности, сходные по целям морские учения *Obangame Express* в Гвинейском заливе, контртеррористические учения *Flintlock*, проводимые США с рядом африканских партнеров с 2006 г.

КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Французское военное присутствие на континенте сохраняет отчетливые черты преемственности со времен колониального господства Парижа в Западной и Экваториальной Африке. В настоящее время влияние бывшей метрополии базируется на трех опорах:

а) влиянии на строительство и подготовку кадров национальных ВС в своих бывших владениях;

б) непосредственном военном присутствии французских сил на территории Африки на военных базах и в виде воинских контингентов, пребывающих в африканских странах с различными мандатами;

в) аэромобильных интервенционистских силах Франции, перебрасываемых на африканскую территорию для урегулирования конфликтов с завидной регулярностью «при чрезвычайных обстоятельствах». В последние десятилетия Франция направляла крупные контингенты интервенционистских сил в ДРК/Заир (1977–1978 гг.) для противодействия повстанческим и сепаратистским группировкам; в ЦАР, где они участвовали в свержении императора Бокасса в 1979 г., и повторно туда же в 2013 г. для подавления выступлений повстанцев; для защиты правящих режимов в Чаде в 1978, 1983 и 1986 гг. и в 2008 г., чтобы отбить наступление повстанцев на столицу.

В 1994 г. французские силы были размещены в так называемой защищенной зоне в Руанде. Франция помогала режиму Хабиариманы во время гражданской войны, в частности, поставляла оружие правительственным войскам и тренировала их. Французы видели в оппозиционном властям Руандийском патриотическом фронте (РПФ) и поддерживавшей его Уганде проводников британского влияния. Вмешательство Франции в конфликт стало предметом нескольких официальных расследований. Французская парламентская комиссия в 1998 г. пришла к выводу об «ошибочности суждений» властей, в том числе относительно целесообразности военного присутствия, однако не обвинила их прямо в ответственности за геноцид. В 2008 г. правительство Руанды обвинило Францию в том, что она знала о его подготовке и помогала тренировать ополчение хуту.

С 2002 г. французы проводят операции по поддержанию мира в Кот-д'Ивуаре, а в 2011 г. вмешиваются во внутренний конфликт на стороне Алассана Уаттара и помогают арестовать бывшего президента Лорана Гбагбо. В том же году французские войска участвуют в свержении президента Каддафи в Ливии. В 2013 г. ВС Франции оказываются решающей силой в подавлении сепаратистских выступлений исламистов на севере Мали.

Африка стала для Парижа важным ареалом опробования и обкатки «на земле» новых методов ведения военных действий. Так, например, с 2007 г., по сообщениям открытых источников, в Кот-д'Ивуаре на системном уровне Франция ведет отработку сетевых методов ведения боевых действий. Активно внедряется цифровизация управления операциями на разных уровнях. До этого, в 2006 г., в этой африканской стране были дважды проведены испытания сетевой системы боевого управления и обмена информацией SICS, комплекта индивидуальной экипировки военнослужащего FELIN, различных беспилотных систем. Первые тесты прошли в Кот-д'Ивуаре, куда в рамках операции «Единорог» была полностью отправлена 6-я легкая бронетанковая бригада ВС Франции. С неболь-

шим сдвигом во времени вслед за этим были проведены учения 2-й бронетанковой бригады.

В 2013–2014 гг. в ЦАР с её огромной территорией и крайне низкой плотностью размещения французских подразделений были использованы уже более продвинутые и усовершенствованные версии сетевых систем управления и обмена информацией, которые были более высоко оценены профессионалами, чем весь предшествующий западноафриканский опыт.

В настоящее время главным содержанием проводимой на Черном континенте политики Франции остается стремление сохранить позиции в регионе на фоне растущей конкуренции со стороны США и Китая. В связи с этим, несмотря на некоторое снижение в настоящее время уровня вовлеченности в региональные дела, усилия Парижа в африканских странах направлены на создание условий, позволяющих оказывать воздействие на формирование внешнеполитического курса этих государств, а также обеспечивающих доступ французских компаний к разработке месторождений дефицитного сырья, особенно нефтегазовых, продвижение на африканские рынки военно-технической продукции французского ВПК.

Французские базы в пустыне Сахара контролируют всю зону Сахеля – основной район добычи урана для последующего экспорта во Францию, а в Джибути – акваторию Красного моря и морские коммуникации, гарантирующие поставки в Европу ближневосточной нефти.

Удачным обоснованием расширения военно-морского присутствия Франции, как впрочем и для многих других стран в западной части Индийского океана, стала борьба с пиратством. В выигрыше оказалось и небольшое бедное африканское государство Джибути, расположенное в стратегически важном регионе у южного входа в Красное море «напротив» Йемена. Помимо бывшей метрополии – Франции, оно дало согласие на размещение на своей территории военных баз США, Китая, Японии, Италии, за что не только получает ежегодную плату, но и возможность зарабатывать на их обеспечении и предоставлении джибутийский рабочих рук.

В Джибути находится крупнейшая американская постоянная военная база в Африке *Camp Lemonnier*, где служат более 4000 чел. Французский и японский объекты находятся вблизи международного аэропорта *Djibouti-Ambouli*. США вносят за пользование своей базой ежегодную арендную плату в \$63 млн.

Разбросанные по южной акватории Индийского океана мелкие обломки некогда бескрайней африканской колониальной империи Франции – заморские департаменты, такие как Реюньон с окружающими его более мелкими островами, отторгнутый у Комор остров

Майотт, архипелаги и отдельные острова в Мозамбикском проливе (о-ва Эпарс), Французские Южные и Антарктические территории (Архипелаг Амстердам, острова Крозе, Архипелаг Кергелен), дают Франции в соответствии с действующим международным правом основания претендовать на огромные просторы исключительных морских экономических зон, где, как уже достоверно известно сегодня, имеются месторождения ценных полезных ископаемых, не говоря уже о морских рыбных и иных биоресурсах. За Францией сохраняется право на охрану и безопасность в этих зонах. Они на постоянной основе патрулируются судами французских ВМС. Кроме того, практически на всех этих территориях функционируют посты и станции космической связи, контроля и мониторинга морских коммуникаций, объединенные в глобальные французские и натовские сети получения и обработки разведывательной информации. Часть из таких объектов формально считаются научно-исследовательскими станциями, что не мешает им вести работы в интересах министерства обороны.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

В феврале 2016 г. Министерство обороны КНР подтвердило, что начались строительные работы в Джибути, где Пекин создает свою первую африканскую военную базу. Китайские военные эксперты утверждают, что хотя на базе и будут находиться военнослужащие НОАК, она всё же будет отличаться от соседей – военных баз Франции и США. В первую очередь китайская база будет служить точкой обслуживания судов Китая в регионе, а также позволит держать руку на пульсе судоходства через Суэцкий канал. База обойдется Пекину почти в \$600 млн. Когда будет закончено строительство базы – пока не известно.

Впервые Китай использовал Джибути во время эвакуации своих граждан из Йемена весной 2015 г., после чего начал переговоры о постоянном присутствии. В ноябре-декабре того же года переговоры увенчались успехом, и уже зимой начались реальные работы. Цена разрешения на использование базы – китайские инвестиции в размере \$3 млрд в строительство железной дороги от Джибути до эфиопской Аддис-Абебы и \$400 млн в развитие портовой инфраструктуры Джибути. Но взамен банки КНР также получают разрешение на операционную деятельность в Джибути, а китайские компании – ряд торговых привилегий.

До базы в Джибути китайский ВМФ использовал порт Виктория на Сейшелах для заправки кораблей и отдыха моряков, как и ВМС дру-

гих стран. Пекин подарил Береговой охране Сейшел патрульный катер. Слухи о планах создания Китаем 18 военно-морских баз по всему Мировому океану циркулируют уже многие годы. В списке потенциальных кандидатов фигурировали, в том числе, Джибути, Танзания, Кения, Намибия, Нигерия, Ангола и Мозамбик. Китайцы считают, что принимая во внимание угрозы, исходящие от непредсказуемой политики США и их сателлитов, базы в Африке могут стать для КНР прямой необходимостью при эвакуации тысяч своих граждан из горячих точек (как это уже было в 2011 г. в Ливии).

С 2005 г. поставки оружия из Китая пошли в 10 новых африканских стран. Государства Африки обновляют свои арсеналы, оставшиеся еще после СССР, и готовы брать китайское оружие, тем более что зачастую Пекин дает кредиты под эти закупки или они идут в «довесок» к инфраструктурным контрактам с КНР.

Китайские миротворцы находились в Либерии, Демократической Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Бурунди, Мозамбике и т.д. В сентябре 2015 г. Китай заявил, что готов предоставить для миротворческих операций ООН 8000 солдат. По количеству китайских военных советников в Африке точных данных нет. В Джибути, согласно подхваченным мировыми СМИ слухам, Китай планирует разместить до 10 тысяч своих солдат. В 2014 г. широко разошлась новость о создании подземной базы ВВС НОАК в Зимбабве. Степень достоверности информации о китайской военной активности в Африке, публикуемой в западных СМИ, может варьироваться. Однако следует помнить, что в результате недавно объявленной военной реформы к 2020 г. Китай должен быть готов к войне за пределами собственных границ.

РЕСУРСНЫЕ ВОЙНЫ

Вообще стратегическое соперничество в Африке, прежде всего китайско-американское, до боли напоминает «периферийную» конкуренцию ведущих европейских держав на этом континенте накануне Первой мировой войны. Тогда «восходящая» Германия пыталась подкрепить потенциал и ресурсную базу своего быстрого экономического роста за счет экспансии на Черном континенте, но наткнулась на жесткое сопротивление Англии и Франции, не желавших делиться природными богатствами, как им казалось, уже «закрепленной» за ними колониальными цепями Африки.

В наши дни многим игрокам Африка представляется последним в мире нерастраченным и всё еще не вполне «поделенным» резервуаром фундаментальных ресурсов развития и для сегодняшнего дня, и на перспективу оставшейся части нынешнего века. Это касается природ-

ных, человеческих и даже финансовых ресурсов в форме «нефиктивных» золотых, платиновых и алмазных активов.

В XXI веке интенсифицировалось стратегическое соперничество ведущих экономик мира за африканские ресурсы. Африка богата различными видами природного сырья. Здесь обнаружены месторождения почти всех известных видов полезных ископаемых. Среди других регионов Африка занимает первое место в мире по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита, второе – по запасам руд меди, урана, сурьмы, бериллия, асбеста, графита, третье – по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также запасы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др.

США выделяют две категории полезных ископаемых по степени важности для сохранения своего мирового господства: «критически важные» (их поставки подвержены опасности прерывания) и «стратегически важные» (принципиально важные для обеспечения национальной безопасности). По результатам мониторинга за период 1998–2013 гг. 78 видов минерального сырья 17 позиций отнесены к высшей категории критичности (точка отсечения критичности выше 33,5% по специальной шкале изменения). Это в порядке убывания потенциальной критичности: ферромolibден (FeMo), иттрий (Y), редкоземельные металлы (La-Lu), родий (Rh), рутений (Ru), ртуть (Hg), монацит, вольфрам (W), силикомарганец (SiMn), слюда, иридий (Ir), магнезит, германий (Ge), ванадий (V), висмут (Bi), сурьма (Sb) и кобальт (Co). Из-за изменения в методологии расчета индекса в список не вошли столь же критический индий (In), тантал (Ta), ниобий (Nb), рений (Re) и бериллий (Be). Почти все вышеперечисленные минеральные ресурсы добываются и в Африке. При этом по ряду из них Африка – монополист.

Правда непосредственно оттуда ввозится только часть позиций, многие импортируются через КНР, рассматриваемую США в качестве главного конкурента в XXI веке. За последние годы Китай наладил добычу, а в отдельных случаях монополизировал производство и/или скупку там критического сырья. Пекин перерабатывает его в продукцию более высокой степени обработки (металл, концентраты и т.п.) и поставляет Вашингтону.

Приводимая ниже таблица дает представление о степени зависимости США от импорта по некоторым позициям и об основных импортерах в последние два года, по которым доступна статистика (2013–2015 гг., африканские страны и Китай, поставляющий переработанное африканское сырье, выделены жирным шрифтом):

Вид сырья	Зависимость от импорта (%)	Поставщики
Марганец	100	ЮАР, Габон , Австралия, Грузия
Мышьяк	100	Марокко , Китай, Бельгия
Бокситы	100	Ямайка, Гвинея , Бразилия
Плавленый шпат	100	Мексика, Китай, ЮАР
Скандий	100	Китай
Титан	91	ЮАР , Австралия, Канада, Мозамбик
Платина	90	ЮАР , ФРГ, Англия, Канада
Карборунд (сырой)	77	Китай, ЮАР , Нидерланды, Румыния

Кроме того, Запад давно осознал всю важность африканских запасов нефти и газа в условиях дефицита углеводородного сырья по всему миру и отреагировал усилением внимания к региону и военным присутствием в нём. Большая часть запасов нефти сконцентрирована в четырех странах – Ливии, Нигерии, Алжире, Южном Судане. На них приходится более 90% доказанных запасов нефти на континенте. Газовые месторождения (91,5% доказанных запасов) находятся на территории (и в пределах эксклюзивных морских экономических зон) Алжира, Египта, Ливии и Нигерии. На долю Африки приходилось 8% добычи и 10% запасов нефти в мире. В Африке в целом доминирующие позиции в отрасли принадлежат американскому, англо-голландскому и существенно в меньшей степени французскому и итальянскому капиталу. Однако «старослужащих» всё сильнее теснят с их доминирующих позиций Китай, Индия, Бразилия и другие молодые конкуренты. Особенно зримо укрепление китайских позиций в нефтяной и газовых отраслях отдельных африканских стран. В немалой степени этому способствовала грамотная и рассчитанная на десятилетия стратегия Китая по продвижению на Африканский континент. В настоящее время и США, и Китай получают из Африки примерно по 20%, а ЕС около 36% всей импортируемой нефти.

Зависимость России от импорта из Африки, за исключением сырья для производства алюминия (Гвинея) и некоторых редких металлов, невысока. Однако следует учитывать, что после распада СССР часть месторождений критически важных полезных ископаемых оказались за пределами России. Как следствие, возросла дефицитность некоторых из них. В этих условиях, вероятно, следует рассмотреть возможность импорта дефицитных ресурсов из Африки.

И АФРИКА НАМ НЕ НУЖНА?

Африка становится весомым игроком на мировом рынке оружия и военной техники. На страны континента приходится до 10% мирового

экспорта вооружений. Если в 1990–1999 гг. военные поставки в африканские государства составили \$6,4 млрд., то в 2000–2013 гг. – почти \$20 млрд. По темпам роста военных расходов – 5,9% – в 2014 г. континент вышел на первое место в мире. С 2005 по 2014 гг. военные расходы африканских государств выросли на 91% и в 2014 г. составили \$50,2 млрд.

В настоящее время Россия осуществляет военно-техническое сотрудничество с 25 из 39 стран Субсахарской Африки. В Уганде, Эфиопии и Анголе действуют постоянные представительства «Рособоронэкспорта», с большинством государств подписаны межправительственные соглашения о ВТС. Среди наиболее крупных партнеров РФ – Ангола, Судан, Уганда и Эфиопия.

За период с 2000 по 2013 г. экспорт вооружений и военной техники в страны АЮС составил \$13,5 млрд (в т.ч. \$244 млн – в 2000 г. и \$717 млн – в 2013 г.). Так, в 2013–2014 гг. подписаны контракты с Нигерией (поставки 6 вертолетов Ми-35 и 6 – Ми-17) и с Намибией (поставки стрелкового оружия, минометов, автотехники и боеприпасов), а также с Анголой. Всего за период 2000–2013 гг. Россия экспортировала на континент продукции военного назначения на \$11,68 млрд., или 11,7% общего российского оружейного экспорта за те же годы. В 2014 г. объем российского экспорта оружия составил \$362 млн. На долю нашей страны в 2013 г. приходилось 30% рынка ВВТ всех стран Африки: в странах Северной Африки – 43%, в странах к югу от Сахары – 12%. В краткосрочной перспективе важнейшим направлением наращивания объемов ВТС со странами Африки становится модернизация ранее поставленной военной техники.

Россия продолжает отслеживать ситуацию у берегов Сомали и принимать непосредственное участие в международных усилиях по противодействию морскому пиратству в данном районе. Несмотря на то, что активность пиратских группировок снизилась за последние годы до минимума, отмечаем сохраняющуюся опасность возобновления нападений на коммерческие суда в северо-западной части Индийского океана. Ввиду того, что инфраструктура и базы не были ликвидированы, возможное сокращение военно-морского присутствия стран-участниц антипиратской операции у побережья Африканского Рога, скорее всего, приведет к осложнению обстановки.

Так, в октябре–ноябре 2016 г. у побережья Сомали были зафиксированы три пиратские атаки на иностранные торговые суда. Специалисты в мире разделяют опасения Москвы в этой связи. В свою очередь, как отмечал российский МИД, ВМФ РФ продолжит во исполнение поручения президента Владимира Путина и в соответствии с известной резолюцией Совета Безопасности ООН принимать непосредственное

участие в патрулировании акватории Аденского залива и проводке конвоев коммерческих судов, в том числе иностранных, на безвозмездной основе.

Одной из наиболее опасных реалий современного мира становится усиление угрозы международного терроризма. Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке), обусловленные как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством, в совокупности привели к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов.

Качественно новый характер глобальная террористическая угроза приобрела с появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости, претендующих на создание собственного государственного образования и усиливающих свое влияние на пространстве от Атлантического побережья до Пакистана. Часть территории Африки (в Ливии, Нигерии, Сомали) фактически контролируется аффилированными с ИГИЛ организациями.

Россия стремится к созданию широкой международной антитеррористической коалиции на прочной правовой базе, на основе эффективного и системного взаимодействия государств, без политизации и двойных стандартов, активно использующей возможности гражданского общества, прежде всего, в целях предупреждения терроризма и экстремизма, противодействия распространению радикальных идей в Африке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Приведена расширенная первоначальная авторская версия статьи Л.Л. Фитуни, опубликованной в августе 2017 г. в онлайн-версии журнала «*Национальная оборона*». <https://2009-2020.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2017/0227/210520646/detail.shtml> (дата обращения 01.12.2022)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА АФРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ И ФОРМИРУЮЩИХСЯ УГРОЗ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИКЕ

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2015)

В XXI веке всё большая интегрированность мирового хозяйства, рост взаимозависимости национальных экономик ведут к новому качеству процессов конкуренции и сотрудничества внутри мировой экономики. До недавнего времени Африка воспринималась только как отсталый и подчиненный периферийный регион мира. И действительно, по основным макроэкономическим показателям и индикаторам человеческого развития большинство стран континента были и остаются на невысоких местах в мировых рейтингах (доля континента в мировом ВВП не превышает 2%, в торговле – 3%, а в инвестициях – 5%) [1]. Проблемы континента – массовая бедность, слаборазвитость, болезни, демографический пресс, политическая нестабильность, вооруженные конфликты – получают первостепенное освещение в научной литературе и СМИ. В то же время нельзя не видеть и того, что в последние полтора-два десятилетия ситуация в регионе в целом улучшается.

Страны Африки при всем их различии и разнообразии исходных условий развиваются достаточно успешно, а экономики субрегиона Африка южнее Сахары (АЮС) в период с 2000 по 2013 г. в среднем демонстрировали темпы прироста ВВП в 5,2% [2]. Причем высокие темпы сохранялись даже в годы мирового экономического кризиса, хотя и были ниже своих пиковых значений. Феномен экономического успеха был порожден весьма благоприятным для Африки сочетанием изменения баланса сил в мировой экономике, формирования в ней новых фундаментальных трендов и выхода национальных африканских экономик на новый качественный уровень по сравнению с предшествующими годами. Нельзя списывать со счетов и трансформацию самих африканских обществ, их устойчивую модернизацию и всё более глубокое вхождение в общемировые тренды, включая большую открытость, конкуренцию элит и движение в сторону более высокой ответственности последних перед остальным обществом.

После полутора десятилетий в целом достаточно устойчивого экономического роста, в условиях обострения глобального соперничества за сырьевые ресурсы и устойчивого спроса на африканскую рабочую силу в развитом мире, особенно в Европе, Африка уже в силу своего

огромного природного и человеческого потенциала становится самостоятельной детерминантой развития мировой экономики. Возрастает значение африканского поля глобальной цивилизационной конкуренции, что вызвано превращением Африки в ключевое звено ресурсного обеспечения мирового развития, мирового демографического роста и глобальных миграций населения.

Как следствие, исследование меняющейся роли континента в мировом хозяйстве выходит на новый концептуальный уровень и приобретает особую актуальность. При этом два существенных фактора – обострение борьбы за скудеющие природные ресурсы и из года в год нарастающий африканский «демографический пресс», глобальные импликации которого становятся всё более очевидными, – начинают формировать новые взаимозависимости, при которых Африка сама оказывает значимое воздействие на мировую конъюнктуру в рамках глобального соперничества между основными центрами экономической силы по ряду перспективных направлений (энергоресурсы, сырьё для инновационных производств, цветные, редкие и редкоземельные металлы, золото и платина, рынок труда, потребление и т.п.). Привлечение африканских ресурсов и человеческого потенциала «в свой резерв» может оказаться решающим фактором в долгосрочном конкурентном противостоянии между силами, пытающимися сохранить свои доминирующие позиции в формирующейся новой модели мирового экономического развития, с одной стороны, и бросающими вызов их доминированию «восходящими» конкурентами – с другой.

Несмотря на мировые кризисы и дисбалансы, на различного рода хозяйственные катаклизмы и периодически высказываемые оговорки и опасения, и российские, и иностранные экономисты склонны видеть развивающиеся страны с особо крупным населением – Китай (1,357 млрд в 2013 г.), Индию (1,276 млрд), Индонезию (248 млн), Бразилию (196 млн), Нигерию (174 млн) [3], если не в числе экономических лидеров, то, по крайней мере, в составе ключевых суверенных акторов мировой экономики XXI века. Иными словами, прогнозы относительно экономического возвышения ряда развивающихся стран в первой половине текущего века строятся на положительной корреляции между быстрым ростом их населения и темпами роста их экономик. А ведь еще 10–20 лет назад развивающиеся страны с большим по численности населением и высокими темпами его прироста рассматривались как наиболее уязвимые государства, сталкивающиеся с необходимостью решения многочисленных экономических и социальных проблем.

Доля африканцев в общей численности населения Земли растёт из года в год. Если в 1950 г. их было всего 9%, то в 2013 г. стало 15,4%, а

в 2050 г. при среднем варианте прогноза в Африке будет проживать почти четверть землян. С 2010 по 2050 г. **вклад Африки в прирост населения мира превысит вклад всех остальных регионов вместе взятых и составит примерно 1,3 млрд человек.** При этом население Азии увеличится менее чем на 1 млрд, население Латинской Америки – на 200 млн, а число жителей развитых стран мира либо останется на неизменном уровне, либо сократится на 100–200 млн человек [4].

Вот тут-то, как показывают исследования, на передний план **выступает новое качество воздействия демографического фактора на траектории и результаты экономического развития.** Пример восточноазиатских государств наглядно демонстрирует, что на определенном этапе «демографическая бомба» в силу объективных законов экономического развития превращается в «демографический дивиденд», который становится одной из важнейших детерминант повышения роли развивающихся стран в мировой экономике. Почему это происходит?

Во-первых, возрастает роль многонаселенных развивающихся стран (РС) в формировании мирового рынка труда. Сегодня в РС сосредоточено более 80% мировых трудовых ресурсов, на них приходится 90% прироста мирового рынка труда [5]. Завершившийся в развитых регионах мира второй этап процесса демографического перехода привел к стабилизации численности населения в станах Севера, закрепив ситуацию с преобладанием более старых возрастных групп. Всё это требует институционального обеспечения новой реальности, а именно – изменения структуры и источников финансирования систем социального и пенсионного страхования, включая повышение планки пенсионного возраста. Выживание экономик Севера и сохранение привычных стереотипов возрастного поведения, благосостояния и проч. возможно только в случае решения проблемы нехватки людских ресурсов молодых возрастов. Конкретные пути могут быть различными, начиная с ввоза необходимой рабочей силы до решения некоторых экономических проблем путем выноса собственно производственных мощностей в районы с избыточным населением.

По данным на 2013 г., медианный возраст основного числа стран Африки южнее Сахары – от 15 до 19 лет [6]. Доля жителей в возрасте до 15 лет составляет сегодня в Африке в целом 41%, в Африке южнее Сахары – 43%, а в Северной Африке – 32%. При этом удельный вес людей старше 65 лет не превышает 4,3% и 5%, соответственно.

Менее чем через 20 лет сегодняшние африканские дети достигнут трудоспособного возраста, а число пенсионеров будет увеличиваться гораздо медленнее, т.к. ожидаемая продолжительность жизни в Африке сегодня не превышает 59 лет [7]. И хотя она, без сомнения, будет

увеличиваться, динамика изменения данного показателя относительно невысокая, поскольку зависит от целого комплекса разнообразных причин – экономических, социальных, культурных, военных и т.п. Таким образом, динамика мирового рынка трудовых ресурсов через 2–3 десятилетия в значительной степени также будет определяться ростом трудоспособного населения именно африканских государств.

Во-вторых, ускоренный рост населения развивающихся стран в целом и африканского населения в частности приведет к тому, что в ближайшие десятилетия произойдет изменение структуры мирового потребления. Речь идет не только о продовольствии и товарах первой необходимости, основной спрос на которые уже сместился в развивающиеся страны. К 2050 г. большинство потребителей таких товаров, как автомобили, бытовая техника и электроника, будут проживать в развивающихся, в т.ч. в африканских странах.

Именно в этих государствах быстрыми темпами растет средний класс – главный двигатель развития внутреннего потребительского рынка. Таким образом, последний в количественном и качественном отношении всё в большей степени будет формироваться за счет стран «Мировой периферии».

В-третьих, ускоренный рост населения в Азии и Африке через одно-два десятилетия сместит вектор международной торговли и вектор мировых финансовых потоков в сторону Востока и Юга. Рост экономически активного населения в развивающихся странах и его сокращение в странах Запада с течением времени вызовет увеличение доли первых в производстве мировой промышленной продукции и в конечном счете будет способствовать росту экспорта товаров из стран Азии и Африки в западные государства, что сократит долю торговли между самими развитыми странами.

В-четвертых, уже сегодня встает вопрос о том, сумеют ли страны «золотого миллиарда» сохранить свое технологическое преимущество. В силу определенной инерции восприятия неспециалисты нередко склонны с ходу отвергать даже саму мысль о том, что условный «Запад» может в обозримом будущем утратить позиции технологического доминирования в мире. Однако статистические данные последних лет уже рисуют несколько иную картину. С начала тысячелетия «старые акторы» медленно, но верно сдают свои квазимонопольные позиции в научно-исследовательской и инновационной сферах. Еще в 2011 г., по данным Всемирной организации по интеллектуальной собственности, КНР обошла США по числу заявок на регистрацию новых патентов [8]. В 2013 г. их количество составило 825,136, или почти треть от мирового итога (для сравнения США – 571,612, Япония – 328,436). Согласно аналитике ОЭСР, КНР и Юж. Корея являются ны-

не главными «пунктами притяжения» для авторов научных публикаций из США и в последние пять лет испытывают «чистый приток интеллектуального капитала». При этом отмечается, что Юж. Корея стала государством с «самой наукоинтенсивной экономикой» в мире (Расходы на НИР там в 2013 г. составили 4,36% ВВП, на втором месте Израиль – 3,93%, в среднем же по странам ОЭСР – 2,4%) [9]. Конечно, в целом «старые акторы» всё еще существенно опережают восходящих «новых» игроков, но даже уже достигнутые перемены говорят о том, что баланс сил на научно-инновационном направлении (так называемой инновационно-технологической субмодели в рамках мировой модели экономического развития) претерпевает кардинальные изменения [10].

Интенсивность технологических разработок на Западе, в результате которых создаются новые товары и услуги, постепенно будет сокращаться и по другой причине. Создателями и потребителями новейших товаров выступают в основном люди молодого и среднего возраста, в то время как представители старшего поколения в своем выборе достаточно консервативны и не любят технологических новшеств. Однако процесс перехода лидерства в сфере НИОКР к новым «центрам силы» мировой экономики будет неоднозначным и противоречивым, т.к. огромный пласт накопленных развитыми странами научных и технологических достижений позволит им еще длительное время сохранять ведущие позиции в этой сфере.

В-пятых, увеличение в странах Запада расходов на здравоохранение и пенсионное обслуживание сокращает инвестиционные возможности развитых стран, что отрицательно сказывается на темпах их экономического роста. По сути дела, речь идет о том, что через несколько десятилетий развитые страны будут попросту не в состоянии достойно содержать растущую армию собственных пенсионеров, доля которых уже сегодня составляет там 17% населения, в т.ч. в Германии и Италии – 21% [11].

Наконец, и возможно, это **самая зримая новация**, как демонстрирует нам развитие глобальной геостратегической ситуации после вспышки мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2007/8 гг.: для того чтобы Запад мог уверенно сохранять господствующие позиции в мировой экономике и политике, исключительно финансовых и интеллектуально-технологических рычагов доминирования всё же недостаточно. Претензии на глобальное господство неизбежно должны подкрепляться мощным реальным производством. Осознание этого уже наступило, и идеи «репатриации реальной экономики» стали транслироваться в практической политике Запада. Реализация конкретных шагов в этом направлении со стороны правительств

США и ряда стран ЕС позволила отыграть старым игрокам некоторые прежде потерянные позиции (характерный пример – переформатирование мировых нефтяных и газовых рынков через форсирование собственного реального производства данного вида сырья, аналогичные, хотя и не столь масштабные операции в секторе цветных и редких металлов).

Как и прогнозировалось нами в предыдущих работах о закономерностях формирования новой модели мирового экономического развития [12], постепенное утрачивание «старыми суверенными акторами» своих экономических позиций сопровождается и будет сопровождаться обострением военно-политической ситуации в мире, возникновением региональных конфликтов и зон нестабильности [13]. Страны «золотого миллиарда», несмотря на ослабление роли в мировой экономике, сохраняют в своих руках финансовые, политические, военные и информационные рычаги управления мировым хозяйством. Все эти ресурсы будут активно задействованы в борьбе за сохранение мирового лидерства «старых акторов». При этом их геостратегические задачи и цели демагогически маскируются под борьбу за свободу и демократию. Именно эти процессы мы наблюдаем сегодня в Северной Африке, на Ближнем Востоке, на Украине, в Гонконге и в других частях планеты.

Начавшиеся в Северной Африке, а потом докатившиеся до южных рубежей России катаклизмы «арабской весны» привели к существенным подвижкам в геостратегическом балансе в регионах, входящих в зону жизненных интересов РФ. Эти сдвиги напрямую касаются как стратегических интересов Российской Федерации, так и актуальных практических вопросов безопасности страны. Помимо негативных геополитических последствий и сужения возможностей для взаимовыгодного сотрудничества РФ со странами Азии и Африки, они проявляются в возрастании внешних и внутренних угроз, исходящих от международного терроризма, политического, этнического, религиозного и идеологического экстремизма.

С течением времени становится всё более очевидным, что в основе феномена «арабской весны», как и других «цветных революций», лежит, с одной стороны, сложное переплетение внутренних местных социально-экономических и политических проблем, а с другой – геостратегическое соперничество за влияние и доминирование между ведущими мировыми державами, региональными государственными и негосударственными игроками. Последних ныне принято именовать негосударственными акторами (НГА) международных отношений.

Внешняя стратегия и тактика США, а за ними и их младших партнеров, исходят из концепции «двухслойности» современной мировой

политики, включающей, с одной стороны, поле межгосударственных взаимоотношений, а с другой – формирующееся поле, где ключевая роль принадлежит негосударственным участникам. Спектр конкретных представителей НГА довольно широк. К их числу относят неправительственные организации, транснациональные корпорации (ТНК), религиозные группы, рассеянные (их также называют трансграничные, или транснациональные) этнические диаспоры, социальные движения и их сетевые и ячеечные организации и т.д. В качестве отдельной подгруппы принято выделять вооруженные, воинствующие или «агрессивные» НГА.

Предметом исследования авторов статьи в рамках одного из проектов РГНФ является специфическая группа НГА, деятельность которой концентрируется в ареале большой «исламской Африки» (включая Северную Африку, зону Сахеля, Африканский Рог и значительную часть побережья Индийского океана), а именно «агрессивные» НГА (АНГА). Исследовательская группа проекта изучала особенности АНГА, стадии и тенденции их формирования, связи и направления экспансии. На базе проводимого мониторинга осуществлялась их научная классификация, ранжирование по степени релевантности для внешнеполитических, внешнеэкономических интересов и угроз безопасности, исходящих от них для России. Был проведен ряд крайне важных полевых исследований в Северной Африке, позволивших получить уникальные результаты «из первых рук». В частности, систематизировав полученные материалы, авторам удалось построить формализованную схему управления ресурсами АНГА и планирования терактов в странах «исламской Африки» (Северная Африка, Сахель, Суданская зона [14]).

Исследования подтвердили существовавшую на интуитивном уровне оценку, что период, прошедший с начала «арабской весны», явился временем не только количественного, но и качественного роста АНГА, выразившегося в возрастании их операционных возможностей, финансовой и пропагандистской мощи, а также их срачивании с интересами традиционных государственных участников МО и других НГА, обычно рассматриваемых как «независимые и мирные» (например, ТНК, легитимные религиозные образования, движения за права человека и пр.).

Разгул насилия в Ливии, Мали, Нигерии, ЦАР, Сомали, Кении и особенно яркие примеры за пределами исследуемого региона – в Сирии и Ираке – свидетельствует о том, что деятельность АНГА – угроза не внутри-, а *транснационального* (по крайней мере, трансграничного) характера, устранять которую необходимо системными мерами и международными усилиями.

Проводимый мониторинг также показал, что весьма существенно воздействие воинствующей экспансии АНГА на экономические, политические и иные интересы российского государства и бизнеса в тех странах Африки, уровень зависимости от импорта сырья из которых является стратегически (а в отдельных случаях критически) важным для отечественных производств (бокситы, марганец, уран, редкие и редкоземельные металлы, углеводороды и др).

Был дан прогноз и анализ методов рекрутирования боевиков и распространения джихадистской активности на территорию зарубежной Европы и страны СНГ.

В настоящее время уже зафиксированы многообразные и различные по интенсивности связи между террористическим подпольем в Северной Африке и отдельных регионах РФ, в т.ч. на Сев. Кавказе, в Поволжье, а также крупных городских агломерациях Центральной России (включая Москву, Петербург и Екатеринбург).

Изучение вышеназванных вопросов могло бы содействовать научно обоснованному определению уровня исходящих из изучаемого ареала террористических и экстремистских угроз, идентификации существующих, налаживающихся и возможных международных связей экстремистского подполья, методов и векторов распространения влияния, рекрутирования, финансирования террористической и экстремистской деятельности на территории РФ.

На рубеже тысячелетий географически расширилась экспансия НГА. В их «африканскую орбиту» вовлекается всё большее количество людей. Растет многообразие направлений деятельности этих акторов и, как следствие, форм организации и парадигм их активности, расширяется их ресурсная база. НГА Африки стали активно использовать для реализации своих задач военные и информационно-аналитические ресурсы. Сегодня анализ современных проблем международных отношений и выработка политической линии государств (включая Россию) в Африке, и особенно в той её части, которая расположена к северу от экватора, невозможны без учета факторного воздействия или отношения к ним НГА.

После системной смены большинства секуляристских правящих режимов на Севере Африки, получившей название «арабской весны», возросло влияние агрессивных, воинствующих НГА этого региона на целый ряд сфер геостратегических интересов и частично на вопросы внутренней государственной безопасности России.

Особо высока динамика роста влияния и, как следствие, опасность «агрессивных» НГА, активно использующих насильственные методы, экстремистскую идеологию и включенных в сетевые структуры международного терроризма. Такие АНГА сильно укрепились за счет рас-

пространения своей базы на мусульманские страны Африки или страны, где в составе населения имеется значительная доля жителей, исповедующих ислам. За счет этих людей в дополнение к имеющимся огромным финансовым и информационным ресурсам АНГА приобретают почти неисчерпаемые источники подпитки кадрового состава своих рядов и стратегическую глубину маневра и обороны в случае вооруженной конфронтации.

Одно из важнейших, но мало афишируемых направлений деятельности западных спецслужб после падения СССР – внедрение и по возможности управление конфессиональной ситуацией в ключевых странах. Эта работа осуществляется путем тщательного анализа существующего положения, внедрения своей агентуры или контролируемых лидеров в среду священнослужителей или формирование новых лидеров из массы верующих.

В стратегическом плане чаще всего используется путь реанимации и искусственного обострения затихших в предшествующие десятилетия, но объективно существующих исторических противостояний, разночтений, предрассудков (например, между шиитами и суннитами на Большом Ближнем Востоке, католиками, православными и мусульманами на Балканах, униатами и православными на Украине и т.д.).

В этих же целях используется и протестантский прозелитизм, когда подготовленные западными «проповедниками» местные адепты различных протестантских течений и сект пытаются возглавить политические течения. Аналогично активно используется внешняя информационно-пропагандистская поддержка, постоянное муссирование в международных СМИ, вне зависимости (а часто вопреки) от реальной ситуации, темы жесточайшего угнетения одних другими: суннитами шиитов в Ираке, шиитами суннитов в Сирии и т.п.

Подобная деятельность распространена на территорию России, Закавказья, Средней Азии, Китая.

Полевые исследования, проведенные в Северной Африке, показали, что страны рассматриваемой части континента пытаются организовать системное противодействие угрозе, исходящей от АНГА. Однако, несмотря на международное сотрудничество, они в основном решают локальные задачи.

Алжир в этом смысле остается сегодня самым мощным местным игроком. Основные усилия правительства направлены на борьбу с группировкой *AQIM*, хотя из виду не упускаются и более мелкие АНГА. Несмотря на серьезные потери последних лет, боевики *AQIM* время от времени совершают нападения на алжирские силы безопасности, структуры местного самоуправления и в целом терроризируют жителей. Особо опасным считаются горные районы к востоку от

столицы и обширные пустынные районы вблизи южной границы страны.

Алжир наладил тесное сотрудничество с США и Францией в области безопасности. Вашингтон и Париж рассматривают Алжир как ключевого партнера в борьбе с исламистскими силами и терроризмом в этой части Африки.

Если в Алжире налицо приоритет силовых решений проблемы борьбы с экстремистами, то в соседнем Марокко избрана более сдержанная стратегия.

Полевые исследования, проведенные авторами в Марокко, выявили, что с начала «арабской весны» в стране предприняты достаточно эффективные шаги, направленные, с одной стороны, на смягчение остроты объективных проблем, которые могли бы послужить толчком к беспорядкам и массовым выступлениям, в т.ч. и к насилию, а с другой – на то, чтобы предотвратить радикализацию той части населения, которая особенно восприимчива к воздействию религиозной пропаганды крайнего толка.

Речь идет не только о политических реформах, проведенных в Марокко «по горячим следам» событий в Тунисе и Египте, детально проанализированных нами в предшествующих публикациях [15].

В Марокко реализуется триединая стратегия противодействия именно агрессивным НГА, которая включает: а) комплекс мер по обеспечению законности (в т.ч. репрессивные меры, работу спецслужб, сотрудничество в данной области с дружественными странами); б) запуск ряда инициатив в области образования и обеспечения занятости (особенно молодежи), расширения участия женщин в общественной жизни; в) непосредственное противодействие «импортируемым» экстремистским исламским идеологиям (для этого разработана и реализуется национальная стратегия укрепления и дальнейшей институционализации традиционной приверженности марокканцев ортодоксальному исламу – суннитского направления маликитского мазхаба [16].

Во время интервью с представителями Министерства вакуфов и ислама авторам рассказали о системе мер по противодействию радикализации молодежи страны. Для этого создаются новые обустроенные и оборудованные учебные центры при мечетях. Министерство внимательно следит за их работой и за тем, чтобы предметом изучения был бы истинный ортодоксальный ислам, «исповедуемый в этой стране четырнадцатое столетие». Немало средств выделяется на обновление и реконструкцию мечетей в бедных районах и общинах.

Министерство ведет системную работу по повышению уровня преподавания исламских дисциплин на местах. Подготовлен учебно-методический комплекс для переподготовки и повышения квалифи-

кации 50 тыс. имамов. Поскольку большое число марокканцев живет и работает за границей, Совет улемов по Европейскому региону и Министерство по делам марокканцев за границей создали сходные учебные программы с учетом нужд и особенностей этой целевой группы населения.

Каждый год во время священного месяца Рамадан под личным патронажем короля Марокко проводится серия религиозных чтений. На них с лекциями выступают авторитетные мусульманские богословы и ученые, проповедующие и призывающие к мирной интерпретации положений ислама. Часто лекции целенаправленно обращены к молодежи.

Однако, как уверяли нас во время интервью представители полицейских властей в Мекнесе, центрами и рассадниками радикализации являются не столько мечети, где религиозное общение и проповеди открыты и мониторятся не только представителями министерства, но и «массами добросовестных мусульман-марокканцев, преданных вере своих отцов и королю», сколько тюрьмы, где заключенные экстремисты имеют возможность регулярно общаться с остальными заключенными и излагать им «привносимые из-за границы чуждые взгляды».

Поскольку угроза терроризма трансгранична, предпринимаются и шаги по предотвращению радикализации населения соседних стран. В 2013 г. в рамках региональной инициативы в Марокко прошли переподготовку и/или обучение 500 имамов из Мали.

Силовой компонент, однако, также остается в поле зрения марокканских властей. В сентябре 2014 г. органы безопасности Марокко «ликвидировали террористическую ячейку, которая занималась на территории королевства вербовкой боевиков» для экстремистской группировки Исламское государство (ИГ), действующей в Сирии и Ираке. Реализуется сотрудничество со спецслужбами США, Франции, Великобритании по борьбе с террористами.

Вопросы борьбы с международным терроризмом и ситуация на Севере Африки обсуждаются в ходе регулярных встреч и взаимных визитов официальных лиц Марокко и Российской Федерации.

Поиск и имплементация адекватных мер реагирования на изменение ситуации и взаимодействия российского государства с государственными и негосударственными акторами ведутся в других странах континента.

Это непростая работа, требующая от отечественной дипломатии нетривиальных подходов и решений. Она осложняется тем, что само возрастание роли и влияния негосударственных акторов – относительно новое явление в международных отношениях, приобретшее особую значимость в условиях глобализации и вызревания во многих странах

гражданских обществ, перехода к постиндустриальному миру и формирования единого информационного пространства.

Как представляется, в силу определенной инерции восприятия широкое общественное мнение всё еще склонно недооценивать реальную роль континента для судеб мира в XXI веке. Роль «африканского поля» как в мировом диалоге цивилизаций, так и в межцивилизационной конкуренции возрастает. Причем она будет расти и впредь, вне зависимости от того, будут ли в итоге преобладать позитивные или деструктивные последствия роста этой роли. Африка постепенно превращается из объекта эксплуатации внешними игроками в субъект мировой политики и международных экономических отношений, оказывающий активное влияние на их формирование.

В то же время груз нерешенных проблем в экономической, социальной и политической сфере, накладывающийся на общую отсталость, бедность и высокую конфликтность африканских обществ, таит в себе опасный взрывной потенциал не только для самого континента, но и может перерасти в XXI веке в глобальные вызовы и угрозы.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Впервые опубликовано в сборнике «Африка и национальные интересы России». М., 2016. С. 5–19.

1. Рассчитано по: UNCTADSTAT. UNCTAD Statistical Database. <http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx>
2. Ibidem.
3. 2013 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Wash., 2013. P. 7–10.
4. Рассчитано нами по: 2013 World Population Data Sheet... P. 6–7.
5. http://ilo.org/global/research/global-reports/world-of-work/2014/WCMS_243961/lang--en/index.htm
6. http://www.ilo.org/global/research/global-reports/world-of-work/2014/WCMS_243961/lang--en/index.htm
7. 2013 World Population Data Sheet... P. 7.
8. The Economist 2013, 5th January. <http://www.economist.com/news/business/21569062-valuing-patents>
9. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2014 Paris, 2014. <http://www.oecd.org/science/oecd-science-technology-and-industry-outlook-19991428.htm>
10. http://www.livemint.com/Politics/TaFCHqsfMOuYIZ9h6nDHIL/India-remains-a-laggard-in-innovation-China-overtakes-US.html?utm_source=copy
11. По той же логике примерно двадцать лет назад начали развиваться изменения в соотношениях национальных вкладов в валовой мировой продукт,

вылившиеся ныне в принципиальные изменения в иерархиях и сравнительной значимости для мировой экономики таких стран, как КНР, Индия, Бразилия и т.д. Как и сейчас, многие исследователи отрицали тогда возможность столь глубоких подвижек в балансе сил в мировой экономике в пользу развивающихся (и, как тогда казалось, безнадежно отставших) стран.

12. 2013 World Population Data Sheet... P. 11.

13. Абрамова И.О. Переход к новой экономической модели мира и страны Африки. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 2. С. 102–107; Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3–15.

14. Фитуни Л.Л., Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2013. № 4. С. 18–29.

15. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 12. С. 8–15.

16. Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. *МЭиМО*. 2012. № 1. С. 3–147.

17. Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «арабской весны». *Проблемы современной экономики*. 2012. № 1. С. 90–91.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ И.О. АБРАМОВОЙ

- Абрамова И.О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 5–15.
- Абрамова И.О. Предисловие. В кн.: *Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность*. М., 2022. С. 9–14.
- Абрамова И.О. Задачи российской африканистики в новых условиях и меры по повышению эффективности управления наукой. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2022. № 4(61). С. 5–16.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка. *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. № 9. С. 837–848.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 11. С. 5–13.
- Abramova I. The Word of the Guest Editor. *Politics and Religion Journal*. 2021. Т. 15. № 1. С. 20–24.
- Abramova I.O. Russia-Africa: New Cooperation Prospects in a Changing World. *Advances in African Economic, Social and Political Development*. 2021. С. 95–109.
- Абрамова И.О. Бизнес-диалог Россия-Африка на ПМЭФ 2021: тенденции, проблемы и перспективы российско-африканского сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 5–15.
- Абрамова И.О., Амвросова М.Н., Бондаренко Д.М., Волков С.Н., Грибанова В.В., Дейч Т.Л., Морозенская Е.В. Развитие африканистики в России: история и современность. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 6. С. 297–328.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия–Африка 2019? *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 12. С. 68–78.
- Abramova I.O., Fituni L.L. Russia's New Strategy on Africa. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Т. 90. № 6. С. 688–696.
- Khazin A.L., Abramova I.O., Aliyev D.F., Verdiev R.V., Ignatenko V.N., Kovler O.A., Kochemasova T.A., Levshits D.Yu., Loginov S.S., Nikitina I.A., Novichkov N.V., Khazina M.A., Tsereteli Z.K., Shubin V.G., Yunov K.V. BRICS. A View from Russia: South Africa. This publication is timed to coincide with the year of the Russian Federation's chairmanship in the BRICS organisation. Moscow, 2020.
- Абрамова И.О. Году Африки – 60 лет. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 5. С. 4.
- Абрамова И.О. Россия и Китай в Африке: конкуренты или партнеры? *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 9. С. 4–9.
- Абрамова И.О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 38–56.

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90. № 11. С. 1067–1076.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 26–40.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 9. С. 5–14.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Новая стратегия Британии в Африке в свете интересов России. *Современная Европа*. 2020. № 6(99). С. 52–63.
- Abramova I.O. Africa in the Modern Model of the World Order: A Powerful Player or an Outsider? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. С. 4.
- Абрамова И.О. Геополитическая схватка за Африку. *Сер. Избранные лекции Университета*. СПб., 2019. Вып. 196.
- Абрамова И.О. Ежегодное собрание Афрэксимбанка в Москве: новые горизонты российско-африканского сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9. С. 7–10.
- Абрамова И.О. Лидер отечественной африканистики и «мозговой центр» стратегических коммуникаций со странами континента (К 60-летию Института Африки РАН). *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12. С. 2–8.
- Абрамова И.О. Россия в схватке за Африку не должна проиграть. *Международная жизнь*. 2019. № 12. С. 34–41.
- Абрамова И.О. Главный мозговой центр российской африканистики. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 4(49). С. 7–13.
- Абрамова И.О., Агацции Э., Акаев А.А., Вершинин С.В., Гаджиев Г.А., Громыко Ал.А., Гусейнов А.А., Гэлбрейт Дж.К., Дегарден Б., Дуткевич П., Замшев М.А., Запесоцкий А.С., Затулин К.Ф., Кёхлер Г., Кириллов В.В., Колодко Г.В., Крамаренко А.М., Леонтьев В.А., Лисицын-Светланов А.Г., Макаров Е.И. и др. Дискуссия. В сб.: *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости. XIX Международные Лихачевские научные чтения*. 2019. С. 246–267.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100.
- Абрамова И.О. Лидер отечественной африканистики и «мозговой центр» стратегических коммуникаций со странами континента (К 60-летию Института Африки РАН). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 12. С. 2.
- Библиография книг, брошюр и статей по Африке, опубликованных в СНГ в 2018 г. *Сер. Труды Института Африки РАН*. Справочно-библиографическая серия. Т. 23. М., 2019.
- Хасбулатов Р.И., Гладков И.С., Кузнецова Г.В., Бяшарова А.Р., Ачалова Л.В., Захарова Е.В., Мигалева Т.Е., Иванова С.В., Воронова Т.А., Трохова Е.В., Сабельников Л.В., Тюрина О.А., Абрамова И.О. Международная торговая поли-

- тика в 2 ч. Ч. 1. Учебник. Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс (2-е изд., пер. и доп.). М., 2019.
- Хасбулатов Р.И., Захарова Н.В., Михайлов А.И., Герман Е.И., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В., Хасбулатов О.Р., Бяшарова А.Р., Ачалова Л.В., Ландабасо Ангуло А.И., Захарова Е.В., Иванова С.В., Фитуни Л.Л., Савина Н.П., Кузьмина Т.И., Ульченко Н.Ю., Тюрина О.А., Абрамова И.О., Ромашкина В.А., Муртузалиева С.Ю. и др. Мировая экономика в 2 ч. Ч. 1. Учебник. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд., пер. и доп.). М., 2019.
- Хасбулатов Р.И., Захарова Н.В., Михайлов А.И., Герман Е.И., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В., Хасбулатов О.Р., Бяшарова А.Р., Ачалова Л.В., Ландабасо Ангуло А.И., Захарова Е.В., Иванова С.В., Фитуни Л.Л., Савина Н.П., Кузьмина Т.И., Ульченко Н.Ю., Тюрина О.А., Абрамова И.О., Ромашкина В.А., Муртузалиева С.Ю. и др. Мировая экономика в 2 ч. Ч. 2. Учебник. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд., пер. и доп.). М., 2019.
- Abramova I.O. Africa in the Modern Model of the World Order: A Significant Player or an Outsider? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 5. С. 6.
- Абрамова И.О. Введение. В кн.: *Поворот Африки на «Восток» и интересы России*. Абрамова И.О., Амухауа С.А., Борзова А.Ю., Верташов Ю.Д., Волков С.Н., Дейч Т.Л., Денисова Т.С., Калининченко Л.Н., Колесникова М.А., Корендясов Е.Н., Когубко А., Костелянец С.В., Кофанов И.Т., Кулькова О.С., Куприянов А.В., Лабецкая Е.Д., Ненашев С.В., Позднякова А.П., Пойда А.А., Прокопенко Л.Я. и др. М., 2018. С. 7.
- Абрамова И.О. Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 5. С. 2–10.
- Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 5. С. 6–21.
- Абрамова И.О., Амухауа С.А., Борзова А.Ю., Верташов Ю.Д., Волков С.Н., Дейч Т.Л., Денисова Т.С., Калининченко Л.Н., Колесникова М.А., Корендясов Е.Н., Когубко А., Костелянец С.В., Кофанов И.Т., Кулькова О.С., Куприянов А.В., Лабецкая Е.Д., Ненашев С.В., Позднякова А.П., Пойда А.А., Прокопенко Л.Я. и др. *Поворот Африки на «Восток» и интересы России*. М., 2018.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 12. С. 5–14.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Наркотрафик через Африканский континент – новый вызов европейской безопасности. *Современная Европа*. 2018. № 6(85). С. 40–51.
- Абрамова И.О., Шелехова Л.В., Константинова О.В. Российско-малайское экономическое взаимодействие: состояние и перспективы. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика*. 2018. № 1(215). С. 181–189.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. Сер. *Отечественные научные школы*. М., 2018.

- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации. *Вестник МГИМО Университета*. 2018. № 4(61). С. 55–77.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическое манипулирование национальными элитами – средство сохранения существующего миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 3(44). С. 11–17.
- Abramova I.O. Potential of the African Continent in the Updated Strategy of Development of The Russian Federation. *African Studies in Russia*. 2017. № 7. С. 5–15.
- Abramova I.O., Fituni L.L. The Economic Attractiveness and Investment Potential of Sub-Saharan Africa. *African Studies in Russia*. 2017. № 7. С. 16–31.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Адаптация «африканского вектора» внешнеэкономической политики РФ к меняющейся экономической конъюнктуре на континенте. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 24–36.
- Yearbook 2014–2016. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. LAC-BEAUPORT, 2017.
- Fituni L.L., Abramova I.O. A Reserve Army of ISIS: Resources and Manoeuvre. *African Studies in Russia*. 2017. № 7. С. 66–75.
- Абрамова И.О. Потенциал Африканского континента в обновленной стратегии развития Российской Федерации. Пленарный доклад на XIV Международной конференции африканистов «Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях». (Москва, 17–20 октября 2017 г.). М., 2017.
- Абрамова И.О. Законность, справедливость и экономический рост в контексте целей развития Африки в XXI веке. В кн.: *Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях*. Тезисы. 2017. С. 550–551.
- Абрамова И.О. Россия – Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 12. С. 3–7.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 9. С. 24–35.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Адаптация «африканского вектора» внешнеэкономической политики РФ к меняющейся экономической конъюнктуре на континенте. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 24–36.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. О финансовом участии России в Афрэксимбанке и перспективах несырьевого экспорта в Африку. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 4(41). С. 3–17.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 2. С. 13–33.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г. Современный этап теоретического осмысления проблемы международного терроризма в контексте конвергенции наук и технологий. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 2(39). С. 83–91.
- Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях. Тезисы. 2017.

- Ачалова Л.В., Бяшарова А.Р., Воронова Т.А., Гладков И.С., Захарова Е.В., Иванова С.В., Кузнецова Г.В., Мигалева Т.Е., Сабельников Л.В., Тюрина О.А., Трохова Е.В., Абрамова И.О., Большов И.Г., Герман Е.И., Захарова Н.В., Зульфугарзаде Т.Э., Клочковский Л.Л., Ландабасо А.И., Лебедева Л.Ф., Подбиралина Г.В. и др. Международная торговая политика. Учебник. В 2 ч. Ч. 1. *Сер. 61 Бакалавр и магистр*. Академический курс (2-е изд. испр. и доп.). М., 2017.
- Большов И.Г., Герман Е.И., Захарова Е.В., Захарова Н.В., Зульфугарзаде Т.Э., Клочковский Л.Л., Лебедева Л.Ф., Подбиралина Г.В., Спартак А.Н., Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Ачалова Л.В., Бяшарова А.Р., Воронова Т.А., Гладков И.С., Иванова С.В., Кузнецова Г.В., Ландабасо А.И., Мигалева Т.Е., Сабельников Л.В. и др. Международная торговая политика. Учебник. В 2 частях. Ч. 2. *Сер. 61 Бакалавр и магистр*. Академический курс (2-е изд., пер. и доп.). М., 2017.
- Кузнецов А.В., Глазова Е.С., Степанова М.П., Раннева Н.А., Варнавский В.Г., Кондратьев В.Б., Оболенский В.П., Худякова Л.С., Поливач А.П., Данилин И.В., Мамедьяров З.А., Хесин Е.С., Афонцев С.А., Кириченко Э.В., Кудрявцев А.К., Авилова А.В., Квашнин Ю.Д., Гусев К.Н., Подколзина И.А., Волков А.М. и др. Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов. М., 2017.
- Ландабасо А.И., Захарова Е.В., Сабельников Л.В., Трохова Е.В., Воронова Т.А., Мигалева Т.Е., Бяшарова А.Р., Иванова С.В., Ачалова Л.В., Лебедева Л.Ф., Герман Е.И., Большов И.Г., Фитуни Л.Л., Клочковский Л.Л., Спартак А.Н., Зульфугарзаде Т.Э., Абрамова И.О., Гладков И.С., Захарова Н.В., Кузнецова Г.В. и др. Международная торговая политика. Учебник. *Сер. 61 Бакалавр и магистр*. Академический курс. М., 2017.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы. *Современная Европа*. 2017. № 4(76). С. 5–16.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Большие вызовы XXI века: Африка в глобальных торговых коллаборациях. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 3(40). С. 14–26.
- Fituni L.L., Abramova I.O. India – an Active Partner in Africa's Development. *Diplomatist*. 2016. Т. 4. № 2. С. 53–55.
- Абрамова И.О. Возрастание геоэкономической значимости Африки в XXI веке. В сб.: *Африка и национальные интересы России*. М., 2016. С. 20–32.
- Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция. В сб.: *География мирового развития*. Сборник научных трудов. М., 2016. С. 230–243.
- Абрамова И.О. Африканская инициатива по борьбе с международным терроризмом. *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 5. С. 10–12.
- Абрамова И.О. Мусульманские диаспоры Евросоюза в гендерном, поколенческом и пространственном измерениях. От демографии к социальной антропологии. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2016. № 1(35). С. 25–32.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Оценка перспективности экономической экспансии в Субсахарскую Африку и инвестиционного потенциала региона с точки зрения стратегических интересов России. В сб.: *Африка и национальные интересы России*. М., 2016. С. 57–59.

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Перспективы развития топливно-энергетического комплекса Африки в свете интересов России. В сб.: *Африка и национальные интересы России*. М., 2016. С. 104–127.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. О практических шагах по обеспечению национальных экономических интересов России в Африке. В сб.: *Африка и национальные интересы России*. М., 2016. С. 142–149.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Тенденции экономического развития и инфляционные процессы в странах Африки южнее Сахары. *Проблемы современной экономики*. 2016. № 4(60). С. 159–165.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. «Африканская деловая инициатива» – практический шаг к активному взаимодействию России и Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 9. С. 2–5.
- Абрамова И.О., Большов И.Г., Брагина Е.А., Дегтерев Д.А., Дейч Т.Л., Калинин Л.Н., Корендясов Е.Н. и др. *Африка: современные стратегии экономического развития*. Колл. монография. М., 2016.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Национальные интересы России на африканском направлении в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике (соавт. и ред.). В сб.: *Африка и национальные интересы России*. М., 2016.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Резервная армия ИГИЛ: ресурс и маневр. *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 12. С. 2–8.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Маценко И.Б., Маценко С.А., Сидоров В.А. Механизм инфляции и антиинфляционная политика в странах Африки южнее Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2016. № 2–3(36–37). С. 12–30.
- Abramova I.O., Fituni L.L. Africa and Russia: Prospects for Cooperation in New Historical Conditions. *Плехановский научный бюллетень*. 2015. № 6(84). С. 141.
- Fituni L., Abramova I. Crimes of the Powerful and Legitimization. В кн.: *Research Handbook on International Financial Crime*. Fituni L.L., Abramova I.O. Research Handbooks in Financial Law series. Сер. «Research Handbooks in Financial Law» Editors: Barry Rider, Professorial Fellow, Centre for Development Studies, University of Cambridge, UK. London, 2015. С. 51–62.
- Fituni L., Abramova I. Rise of Global Actors. *Diplomatist*. 2015. Т. 3. № 1. С. 37–38.
- Fituni L.L., Abramova I.O. *Research Handbook on International Financial Crime*. Research Handbooks in Financial Law series. London, 2015. Сер. Research Handbooks in Financial Law
- Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2(33). С. 127–136.
- Абрамова И.О. Глобальные политические и экономические процессы в Африке в контексте реализации целей развития континента в XXI веке. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 1(32). С. 4–13.
- Абрамова И.О. Дефрагментация модели участия Африки в мировой экономике: анализ системы внешних факторов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3(34). С. 10–20.

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал региона Африки к югу от Сахары. *Проблемы современной экономики*. 2015. № 3(55). С. 167–173.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Ящик Пандоры XXI века (влияние «африканского фактора» на мировую экономику и политику всё еще недооценено). *Проблемы современной экономики*. 2015. № 4(56). С. 96–100.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский регион в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2015. № 4(81). С. 55–69.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2015. № 6(84). С. 141–150.
- Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3(34). С. 127–136.
- Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. *Глобальное управление: возможности и риски*. М., 2015.
- Васильев А.М., Урнов А.Ю., Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и реформа ООН. В кн.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 268–270.
- Васильев А.М., Урнов А.Ю., Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Вопросы миротворчества. В кн.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 271–275.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Глобализация и Африка. В сб.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 260–263.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Приоритеты глобального управления для Африки. В кн.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова

- ва И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 263–267.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Вопросы законности, правосудия и правопорядка. В сб.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 276–281.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма»: европейское лицо экстремистской угрозы. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 11. С. 2–11.
- Abramova I. Urbanization in Africa. Driver or Impediment to Economic Growth? *African Studies in Russia*. 2014. № 6. С. 25–40.
- Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the Global Supply Chain of Resources for Development. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwinini 2013*. 2014. С. 136–153.
- Fituni L., Abramova I. Placing BRICS in the Hierarchies and Power of the Modern World: A View from Russia. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwinini 2013*. 2014. С. 171–184.
- Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development. *African Studies in Russia*. 2014. № 6. С. 5–24.
- Fituni L., Abramova I. BRICS Boosts Russia's Influence. *Diplomatist*. 2014. Т. 2. № 8. С. 44–45.
- Vasiliev A.M., Abramova I.O., Amvrosova M.N., Bondarenko D.M., Fituni L.L., Ivanov A.N., Kostelyanets S.V. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2014.
- Абрамова И.О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. В кн.: *Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое*. 13th International Conference of Africanists. Editor-in-Chief: Acad. Alexei M. Vasiliev. 2014. С. 18.
- Абрамова И.О. Мировая экономика в начале XXI века и её «африканская» составляющая. *Проблемы современной экономики*. 2014. № 3(51). С. 139–145.
- Абрамова И.О. «Демографический дивиденд» и будущее Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 11. С. 23–30.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Перспективы развития ТЭК Африки и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 11. С. 3–12.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 12. С. 8–15.

- Bohler-Muller N., Kornegay F., Fituni L.L., Abramova I.O., Shubin V.G., Arkhangelskaya A., Pahad E., Wei Da., Sotero P., Thakur R. Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 To eThekwini. Pretoria, 2013.
- Fituni L.L., Abramova I.O. Placing BRICS in the Hierarchies and Power of the Modern World: A View from Russia. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini*. Bohler-Muller N., Kornegay F., Fituni L.L., Abramova I.O., Shubin V.G., Arkhangelskaya A., Pahad E., Wei Da., Sotero P., Thakur R. Pretoria, 2013. С. 171–184.
- Абрамова И.О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М.: Институт Африки РАН. 2013.
- Абрамова И.О. Демографические процессы в странах БРИКС: последствия для Африки. В сб.: *БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития*. 2013. С. 36–41.
- Абрамова И.О. Ресурсный потенциал Африки: структура, параметры, значимость для мировой экономики и внутреннего развития. *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3(47). С. 155–161.
- Абрамова И.О. Рынок труда в странах Африки: количественные и качественные характеристики. *Проблемы современной экономики*. 2013. № 4(48). С. 128–134.
- Абрамова И.О. Урбанизация в Африке: двигатель или тормоз экономического роста? *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 8. С. 2–9.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности. *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3. С. 96.
- Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). Коллективная монография. М., 2013.
- Abramova I.O., Bondarenko D.M., Vasilev A.M. Demographic Growth and International Labor Migration. В кн.: *Russia in Polycentric World*. Eds. A.A. Dynkin and N.I. Ivanova. Moscow, 2012. С. 525–532.
- Абрамова И.О. Народонаселение Африки в новой экономической модели мира. В сб.: *Демографическое развитие: вызовы глобализации*. Седьмые Валентеевские чтения. Материалы международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 45-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012. С. 585–588.
- Абрамова И.О. «Арабская весна» и трансграничная миграция. В сб.: *Рецепты Арабской весны*. Русская версия. Сер. «Политический бестселлер». М., 2012. С. 282–300.
- Абрамова И.О. Переход к новой экономической модели мира и страны Африки. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 2(42). С. 102–107.
- Абрамова И.О. В центре внимания – «Арабская весна». *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 4. С. 50.
- Абрамова И.О. Африканская миграция в Европу: уроки для России. *Россия и новые государства Евразии*. 2012. № 3(16). С. 60–69.
- Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция. *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 6. С. 10–17.

- Абрамова И.О., Бондаренко Д.М. Африканская «демографическая бомба» как фактор асимметричного воздействия континента на полицентричную систему мира. В сб.: *Россия в глобальном мире: 2000–2011*. Хрестоматия в 6 т. Российский совет по международным делам. М., 2012. С. 1338–1355.
- Абрамова И.О., Корендясов Е., Васильев А.М. Российско-африканское сотрудничество: возможности и пределы. В сб.: *Россия в глобальном мире: 2000–2011*. Хрестоматия в 6 т. Российский совет по международным делам. Сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1381–1396.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономика Африки в условиях надвигающейся второй волны мирового экономического кризиса. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 4(44). С. 105–112.
- Фитуни Л., Абрамова И.О. Цена «голубого золота». Проблема водных ресурсов в современном социально-экономическом развитии Африки. В сб.: *Россия в глобальном мире: 2000–2011*. Хрестоматия в 6 т. Российский совет по международным делам. Сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1106–1117.
- Фитуни Л., Абрамова И.О., Васильев А.М. Ресурный потенциал Африки – стратегический резерв реального сектора глобальной экономики. В сб.: *Россия в глобальном мире: 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам. Сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1356–1368.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3–15.
- Abramova I. African Migration: The Experience of Systems Analysis. *African Studies in Russia*. 2011. № 5. С. 161–167.
- Абашин С.Н., Абрамова И.О., Аликбеков А.К., Амиров В.Б., Арбатов А.Г., Бабич С.Н., Барановский В.Г., Белов В.Б., Белокриницкий В.Я., Бобровников А.В., Болгова И.В., Бондаренко Д.М., Борко Ю.А., Вайнштейн Г.И., Васильев А.М. и др. Россия в полицентричном мире. М., 2011.
- Абрамова И.О. Ресурный потенциал Африки в мировой экономике XXI века (эндогенные детерминанты участия африканских стран в новой экономической модели мира). Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Институт востоковедения РАН. М., 2011.
- Абрамова И.О. Роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии государств: сравнение российских и африканских реалий. В кн.: *Африка в условиях смены парадигмы мирового развития*. XII Конференция африканистов. Тезисы докладов. Институт Африки РАН, Научный совет по проблемам стран Африки. 2011. С. 21–22.
- Абрамова И.О. Роль экономических потенциалов этнических диаспор и денежных переводов мигрантов в формировании условий для финансирования международного терроризма. В сб.: *Социально-экономические проблемы развивающихся стран в стратегии и тактике международного терроризма*. Институт Африки РАН. Сост. и отв. ред.: Л.Л. Фитуни. М., 2011. С. 77–103.

- Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных экономических отношений. *Проблемы современной экономики*. 2011. № 1(37). С. 70–75.
- Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 6. С. 23–29.
- Абрамова И.О., Бондаренко Д.М., Васильев А.М. Демографический рост и международная трудовая миграция. В кн.: *Россия в полицентричном мире*. Абашин С.Н., Абрамова И.О., Аликбеков А.К., Амиров В.Б., Арбатов А.Г., Бабич С.Н., Барановский В.Г., Белов В.Б., Белокриницкий В.Я., Бобровников А.В., Болгова И.В., Бондаренко Д.М., Борко Ю.А., Вайнштейн Г.И., Васильев и др. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2011. С. 525–532.
- Абрамова И.О., Васильев А.М. Российско-африканское сотрудничество: возможности и пределы. В сб.: *Россия в полицентричном мире*. Абашин С.Н., Абрамова И.О., Аликбеков А.К., Амиров В.Б., Арбатов А.Г., Бабич С.Н., Барановский В.Г., Белов В.Б., Белокриницкий В.Я., Бобровников А.В., Болгова И.В., Бондаренко Д.М., Борко Ю.А., Вайнштейн Г.И., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Володин А.Г., Галкин А.А., Глубоков А.И., Глубоковский М.К. и др. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2011. С. 542–552.
- Fituni L.L., Abramova I.O. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. Moscow, 2010.
- Gerasimchuk Z.V., Abramova I.O. System to Safety Social-Economic Development of the Region as Element of Anticrisis Management. *The bulletin of transport and industry economics*. 2010. № 29. С. 83–85.
- Абрамова И.О. Население Африки в новой глобальной экономике. М., 2010.
- Абрамова И.О. Испания – новый центр притяжения африканских мигрантов. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 6. С. 18–24.
- Васильев А.М., Исмагилова Р.Н., Шубин В.Г., Абрамова И.О., Бондаренко Д.М., Винокуров Ю.Н., Гевелинг Л.В., Громова Н.В., Громыко А.А., Корендясов Е.Н., Летнев А.Б., Потемкин Ю.В., Следзевский И.В., Солодовников В.Г., Ткаченко А.А., Фигуни Л.Л. Африка. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2: К–Я. М., 2010.
- Экономика Африки в условиях рыночных преобразований. Колл. монография. М., 2010.
- Abramova I. African Migration: A Regional Issue or a Global Problem? *African Studies in Russia*. 2009. № 4. С. 95–114.
- Абрамова И.О. Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009.
- Abramova I., Fituni L. Competing for Africa's Natural Resources. *International Affairs*. 2009. Т. 55. № 3. С. 47–58.
- Abramova I.O., Stoll C., Tkacjenko K. Germany in Africa: Reconciling Business and Development. *Germany's trade and economic relations with African countries at the end of the 20th – beginning of the 21st century*. Moscow, 2009.
- Абрамова И. Денежные переводы мигрантов: роль в социально-экономическом развитии Африки. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 7. С. 82–90.

- Абрамова И. Глобальный экономический кризис и страны Африки. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9. С. 90–98.
- Абрамова И.О. Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009.
- Абрамова И.О. Африка в кризисном мире: катастрофа или новые возможности. В сб.: Воздействие мирового кризиса на Африку и влияние кризисных процессов в Африке на страны «Севера». Материалы Международной научной конференции. Институт Африки РАН, Фонд Розы Люксембург (ФРГ). 2009. С. 21–27.
- Абрамова И.О. Социально-экономические особенности африканской урбанизации (на примере Египта). *Проблемы современной экономики*. 2009. № 3(31). С. 118–123.
- Абрамова И.О. Новая роль Африки в мировых демографических процессах. *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 1. С. 28–34.
- Абрамова И.О. Африка: социально-экономическая мобильность населения и проблемы образования. *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 8. С. 40–45.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. В Африку... бизнес как всегда. *Международная жизнь*. 2009. № 2–3. С. 145–160.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Калининченко Л.Н., Рунов Б.Б., Маценко И.Б., Морозенская Е.В., Морозов В.П., Новикова З., Роцин Г.Е., Васильев А.М. Финансово-экономический кризис: африканский вариант (коллектив Института Африки РАН). *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 5. С. 2–5.
- Абрамова И., Фитуни Л. Цена «голубого золота». *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 12. С. 7–12.
- Абрамова И.О. Социально-демографические процессы и экономический рост в странах Африки (пример североафриканского субрегиона). *Проблемы современной экономики*. 2008. № 4(28). С. 123–130.
- Абрамова И.О. Североафриканская миграция в Италию: вопросы экономической и социальной адаптации. *Ближний Восток и современность*. 2008. № 35. С. 5–21.
- Abramova I. The Funding of Traditional Organised Crime in Russia. *Economic Affairs*. 2007. Т. 27. № 1. С. 18–21.
- Абрамова И.О. Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема? *Проблемы современной экономики*. 2007. № 4(24). С. 86–94.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М., 2007.
- Абрамова И.О., Штоль К. Страны ЕС и Африка: Германия. В сб.: *Мирохозяйственные связи Африки в контексте внешнеэкономических интересов России*. Корендясов Е.Н., Калинина Л.П., Виганд В.К., Поликанов Д.В., Дейч Т.Л., Лопатов В.В., Вишневецкий М.Л., Штоль И.Г., Абрамова И.О., Высоцкая Н.И., Ушакова А.В. Коллективная монография. Российская академия наук, Институт Африки. М., 2007. С. 203–218.
- Корендясов Е.Н., Калинина Л.П., Виганд В.К., Поликанов Д.В., Дейч Т.Л., Лопатов В.В., Вишневецкий М.Л., Штоль И.Г., Абрамова И.О., Высоцкая Н.И.,

- Ушакова А.В. Мирохозяйственные связи Африки в контексте внешнеэкономических интересов России. Коллективная монография. М., 2007.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Корендясов Е.Н. Африка: проблемы безопасности – региональный и глобальный аспекты. В сб.: *Россия и мир в начале XXI века. Новые вызовы и новые возможности*. Отв. ред.: Марцинкевич В.И. Российская академия наук, Отделение общественных наук, Секция международных отношений. М., 2007. С. 255–278.
- Абрамова И.О. К методологии анализа трансграничных денежных переводов мигрантов. В сб.: *Экономическая безопасность стран Африки*. Сборник статей. Институт Африки РАН. Отв. ред.: Е.В. Морозенская, Л.Л. Фитуни. М., 2006. С. 253–266.
- Россия и глобализация. Международные аспекты монография. М., 2006.
- Abramova I.O. Egypt: Economic Reforms and Cooperation with Russia. В сб.: *African Studies in Russia. Yearbook 2001*. Moscow, 2005. С. 147–159.
- Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий (на примере Египта). М., 2005.
- Абрамова И.О. Роль этнических диаспор и мигрантов в формировании условий для финансирования международного терроризма. В кн.: *Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма*. Фитуни Л.Л., Ридли Н., Абрамова И.О., Магнуссон Д.М. 2005. С. 66–83.
- Абрамова И.О. Демографическая ситуация в странах Африки: новые тенденции. В кн.: *Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты*. Тезисы. Отв. ред. А.М. Васильев. 2005. С. 68–69.
- Фитуни Л.Л.А., Ридли Н., Абрамова И.О., Магнуссон Д. Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма. М., 2005.
- Abramova I.O. Staatlicher Zusammenbruch und Schurkenstaaten in Afrika: Ein Problem für die Sicherheit Oder eine Frage der Entwicklung? *Politische Studien*. 2004. Т. 393. С. 46–58.
- Polikanov D., Abramova I. Africa and ICT: A Chance for Breakthrough? *Information Communication and Society*. 2003. Т. 6. № 1. С. 42–56.
- Абрамова И., Штолль К. Арабская миграция в Германию. *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 10. С. 15.
- Абрамова И. Египет: развитие информационных технологий. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 11. С. 20–25.
- Абрамова И.О. Германия и Африка: экономический диалог в эпоху глобальных перемен. В сб.: *Глобальные и стратегические исследования*. М., 2002. С. 94–109.
- Абрамова И.О. Египет. Экономические реформы и сотрудничество с Россией. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 3. С. 52–61.
- Абрамова И.О. Много ли египтян в Египте. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 5. С. 40–49.
- Абрамова И.О. Экономические реформы и перспективные направления деятельности российских коммерческих структур в Египте. *Ближний Восток и современность*. 2002. № 13. С. 210–220.

- Абрамова И.О., Пеликанов Д.В., Рунов Б.Б. информационное общество и Африка. В сб.: *Страны Африки 2002*. М., 2002. С. 68–70.
- Абрамова И.О., Поликанов Д.В. Internet and Africa. Lagging Behind or Bridging the Gap? В сб.: *African Studies in Russia*. 1998–2000. Moscow, 2002. С. 38–44.
- Абрамова И.О., Поликанов Д.В., Фитуни Л.Л. Интернет, трансформация обществ и сетевые войны. В сб.: *Российские стратегические исследования*. Фитуни Л.Л., Неклесса А.И., Гевелинг Л.В., Абрамова И.О., Чжай Д., Дейч Т.Л., Соколов Ю.В., Каушик Д., Лилеев И.Л., Павлова В.В., Поликанов Д.В., Турчанинова И.С., Степанов С.С., Усов В.А., Майер К., Тиммерман Х., Хубер Р.К. М., 2002. С. 136–150.
- Страны Африки 2002. Отв. ред. Абрамова И.О. М., Институт Африки РАН. 2002.
- Абрамова И., Поликанов Д. Африка в век информационных технологий: возможность прорыва. *Азия и Африка сегодня*. 2001. № 8. С. 19.
- Абрамова И.О., Поликанов Д.В. Интернет и Африка: параллельные реальности. М., 2001.
- Абрамова И.О. Исторические особенности и современные противоречия процесса урбанизации в АРЕ. В сб.: *Арабский восток. Ислам и реформы*. М., 2000. С. 27–38.
- Абрамова И.О. Особенности городского роста в АРЕ. *Ближний Восток и современность*. 2000. № 2. С. 31–45.
- Абрамова И.О. Социальная структура. В кн.: *Алжир*. Справочник. М., 1997. С. 40–49.
- Абрамова И.О. Демографический состав. В кн.: *Алжир*. Справочник. М., 1997. С. 21–26.
- Абрамова И.О., Витухина Г.О. Урбанизация. Города. В кн.: *Алжир*. Справочник. М., 1997. С. 32–40.
- Абрамова И.О., Алпатова А.С., Белобородова Т.О., Вафлина Т.С., Видясова М.Ф., Воронина В.Л., Ганиев А.Г., Горнунг М.Б., Дозорин Д.В., Егошкин В.Е., Жданов С.В., Зенчев В.Г., Зудина Л.П., Иванов Н.А., Иванов С.А., Кабошкин А.В., Каптерева Т.П., Киктев М.С., Кобищанов Ю.М., Козырин А.Н. и др. *Тунисская республика*. Справочник. М., 1993.
- Абрамова И.О. Население. В кн.: *Тунисская республика*. Абрамова И.О., Алпатова А.С., Белобородова Т.О., Вафлина Т.С., Видясова М.Ф., Воронина В.Л., Ганиев А.Г., Горнунг М.Б., Дозорин Д.В., Егошкин В.Е., Жданов С.В., Зенчев В.Г., Зудина Л.П., Иванов Н.А., Иванов С.А., Кабошкин А.В., Каптерева Т.П., Киктев М.С., Кобищанов Ю.М., Козырин А.Н. и др. Справочник. М., 1993. С. 14–24.
- Абрамова И.О., Белобородова Т.О. Городское население и крупные города. В кн.: *Тунисская республика*. Абрамова И.О., Алпатова А.С., Белобородова Т.О., Вафлина Т.С., Видясова М.Ф., Воронина В.Л., Ганиев А.Г., Горнунг М.Б., Дозорин Д.В., Егошкин В.Е., Жданов С.В., Зенчев В.Г., Зудина Л.П., Иванов Н.А., Иванов С.А., Кабошкин А.В., Каптерева Т.П., Киктев М.С., Кобищанов Ю.М., Козырин А.Н. и др. Справочник. М., 1993. С. 29–41.
- Абрамова И.О., Лашова Г.А. Эмиграция рабочей силы. В кн.: *Тунисская республика*. Абрамова И.О., Алпатова А.С., Белобородова Т.О., Вафлина Т.С., Видясо-

- ва М.Ф., Воронина В.Л., Ганиев А.Г., Горнунг М.Б., Дозорин Д.В., Егошкин В.Е., Жданов С.В., Зенчев В.Г., Зудина Л.П., Иванов Н.А., Иванов С.А., Кабошкин А.В., Каптерева Т.П., Киктев М.С., Кобищанов Ю.М., Козырин А.Н. и др. Справочник. М., 1993. С. 312–320.
- Абрамова И.О., Труевцев К.М. Процесс урбанизации в странах Северной Африки. В сб.: *Страны Северной Африки: социальные сдвиги*. Коллективная монография. Институт Африки РАН. М., 1993. С. 96–128.
- Абрамова И.О. Период независимости. Социально-экономическое развитие. В кн.: *История Судана в новое и новейшее время*. Сер. «История стран Африки». Российская академия наук, Институт Африки. М., 1992. С. 210–237.
- Абрамова И.О. Социально-географическая характеристика провинций. В сб.: *Арабская Республика Египет*. Справочник. Редколлегия: А.М. Васильев (отв. ред.), А.А. Ткаченко (рук. авт. колл.), К.М. Труевцев; АН СССР, Институт Африки. М., 1990. С. 128–139.
- Абрамова И.О. Транспорт и связь. В сб.: *Арабская Республика Египет*. Справочник. А.М. Васильев (отв. ред.), А.А. Ткаченко (рук. авт. колл.), К.М. Труевцев. АН СССР, Институт Африки. М., 1990. С. 168–175.
- Абрамова И.О. Сельское хозяйство. В сб.: *Арабская Республика Египет*. Справочник. Редколлегия: А.М. Васильев (отв. ред.), А.А. Ткаченко (рук. авт. колл.), К.М. Труевцев; АН СССР, Институт Африки. М., 1990. С. 155–167.
- Абрамова И.О., Смирнова Г.М. Судан: трудности и противоречия зависимого развития. В сб.: *Страны Северной Африки: национальный частный сектор. Тенденции 70–80-х годов*. М., 1990. С. 130–153.
- Абрамова И.О. Структура потребления городских и сельских жителей Египта: социальные контрасты. *Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение*. 1987. № 4. С. 14–23.
- Абрамова И.О. Кризис египетской деревни (1970–1986). *Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение*. 1986. № 3. С. 17–24.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Л.Л. ФИТУНИ

- Фитуни Л.Л. Африканский фланг Большого Индо-Тихоокеанского Арела: стратегическая значимость и сопутствующие вызовы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 5–12.
- Фитуни Л.Л. Текст и смыслы: введение в герменевтику нового миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2022. № 2(59). С. 5–16.
- Фитуни Л.Л. Развитие национальной науки – sine qua non субъектности Африки в формирующемся мироустройстве. В кн.: *Научно-технологический потенциал современной Африки*. М., 2022. С. 13–28.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка. *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. № 9. С. 837–848.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 11. С. 5–13.
- Фитуни Л.Л. Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен, или «многоядерность» против «полицентричности». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2022. № 4(61). С. 17–27.
- Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки. М., 2022.
- Фитуни Л.Л., Захаров И.А., Дмитриев Р.В., Шарова А.Ю., Алешин К.А. Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. М., 2021.
- Андреева Л.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А., Мирошникова Е.М., Пронина Т.С., Следзевский И.В., Сливкина В.А., Смирнов М.Ю., Талалаева Е.Ю. Трансформации глобального конфессионального геопространства. феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений. СПб., 2021.
- Zherlitsyna N.A., Solomon H., Denisova T.S., Botha A., Shubin V.G., Neethling T., Els W., Chelin R., Fituni L.L., Grobbelaar A., Segell G., Kostelyanets S.V., Terdiman M. *Terrorism in Africa: New Trends and Frontiers*. M., 2021.
- Fituni L.L. *Terrorist Financing in Africa under the New Normality of a Post-Pandemic World*. В кн.: *New Frontiers of Terrorism in Africa. Proceedings of Colloquium*. Moscow, 2021. С. 64–73.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия–Африка 2019? *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 12. С. 68–78.
- Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15–24.
- Фитуни Л.Л. Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 5. С. 33–43.

- Фитуни Л.Л. Два женских портрета на фоне больничных интерьеров колониальной Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 2(55). С. 104–135.
- Фитуни Л.Л. Бурунди: международное давление и опыт контрсанкционного маневрирования властных элит. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 4(57). С. 72–86.
- Fituni L.L. Religion, Elites and Sanctions in Northeast Africa: Regional Impacts of Superpower Messianism. *Politics and Religion Journal*. 2021. Т. 15. № 1. С. 27–48.
- Fituni L.L. Designs of the Four: Comparing African Strategies of Russia, China, US, and Eu against the Backdrop of the (Re)emerging Bipolarity. *Advances in African Economic, Social and Political Development*. 2021. С. 77–94.
- Фитуни Л.Л. Предисловие и отв. ред. в кн.: Захаров И.А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки. М., 2020.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 26–40.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90. № 11. С. 1067–1076.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 9. С. 5–14.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Новая стратегия Британии в Африке в свете интересов России. *Современная Европа*. 2020. № 6 (99). С. 52–63.
- Фитуни Л.Л. Элиты и трансформационное лидерство в Африке (60 лет декларации ООН о деколонизации). *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 7–14.
- Abramova I.O., Fituni L.L. Russia's new strategy on Africa. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Т. 90. № 6. С. 688–696.
- Фитуни Л.Л. Коронавирус и «конец истории». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 2(51). С. 5–13.
- Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 4(53). С. 5–17.
- Фитуни Л.Л. Иностраннный капитал в Африке: теории, стратегии, новации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 6. С. 6–29.
- Хасбулатов Р.И., Захарова Н.В., Михайлов А.И., Герман Е.И., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В., Хасбулатов О.Р., Бяшарова А.Р., Ачалова Л.В., Ландабасо Ангуло А.И., Захарова Е.В., Иванова С.В., Фитуни Л.Л., Савина Н.П., Кузьмина Т.И., Ульченко Н.Ю., Тюрина О.А., Абрамова И.О., Ромашкина В.А., Муртузалиева С.Ю. и др. *Мировая экономика в 2 ч. Ч. 1. Учебник*. М., 2019. Сер. 76 *Высшее образование* (2-е изд., пер. и доп.)
- Хасбулатов Р.И., Захарова Н.В., Михайлов А.И., Герман Е.И., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В., Хасбулатов О.Р., Бяшарова А.Р., Ачалова Л.В., Ландабасо Ангуло А.И., Захарова Е.В., Иванова С.В., Фитуни Л.Л., Савина Н.П., Кузьми-

- на Т.И., Ульченко Н.Ю., Тюрина О.А., Абрамова И.О., Ромашкина В.А., Муртузалieва С.Ю. и др. *Мировая экономика в 2 ч. Ч. 2. Учебник. Сер. 76 Высшее образование* (2-е изд., пер. и доп.). М., 2019.
- Хасбулатов Р.И., Захарова Н.В., Зульфугарзаде Т.Э., Герман Е.И., Подбиралина Г.В., Захарова Е.В., Большов И.Г., Спартак А.Н., Фитуни Л.Л., Ключковский Л.Л., Лебедева Л.Ф. *Международная торговая политика. Учебник в 2 ч. Академический курс. Ч. 2* (2-е изд., пер. и доп.) *Сер. 61 Бакалавр и магистр*. М., 2019.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 61. № 9. С. 24.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100.
- Фитуни Л.Л. Моделирование протестных технологий в системе медиакоммуникационной зависимости. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12. С. 22–29.
- Фитуни Л.Л. Ученый с сердцем публициста. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 5. С. 2–5.
- Фитуни Л.Л. «Санкционное таргетирование»: инструмент внешней политики, нечестной конкуренции или глобального социального инжиниринга? *Вестник МГИМО Университета*. 2019. № 3(66). С. 17–41.
- Фитуни Л.Л. Адаптация бизнес-элит к глобальным режимам финансового контроля: анализ незаконных финансовых потоков из Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 1(46). С. 36–49.
- Фитуни Л.Л. «Недогоняющее развитие» в Африке. Экономист о прогнозах, статистических манипуляциях, демографическом романтизме и омоложении элит. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 3(48). С. 5–17.
- Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 6–29.
- Хасбулатов Р.И., Герман Е.И., Зульфугарзаде Т.Э., Ландабасо А.А.И., Захарова Е.В., Сабельников Л.В., Трохова Е.В., Воронова Т.А., Мигалева Т.Е., Бяшарова А.Р., Иванова С.В., Ачалова Л.В., Лебедева Л.Ф., Большов И.Г., Фитуни Л.Л., Ключковский Л.Л., Спартак А.Н. *Международная торговая политика. Учебник. Сер. 61 Бакалавр и магистр*. Академический курс (1-е изд.). М., 2018.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. *Сер. Отечественные научные школы*. М., 2018.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 12. С. 5–14.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Наркотрафик через Африканский континент – новый вызов европейской безопасности. *Современная Европа*. 2018. № 6(85). С. 40–51.

- Фитуни Л.Л. Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 12. С. 11–17.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации. *Вестник МГИМО Университета*. 2018. № 4 (61). С. 55–77.
- Fituni L. Rising to Grand Challenges: A Need for a Comprehensive Rusafrica Project. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 1(42). С. 11–24.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическое манипулирование национальными элитами – средство сохранения существующего миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 3(44). С. 11–17.
- Fituni L.L. Governing Natural Resources for Africa's Development. Сер. *The International Political Economy of New Regionalism* (First published 2017). London and New York, 2017.
- Кузнецов А.В., Глазова Е.С., Степанова М.П., Раннева Н.А., Варнавский В.Г., Кондратьев В.Б., Оболенский В.П., Худякова Л.С., Поливач А.П., Данилин И.В., Мамедьяров З.А., Хесин Е.С., Афонцев С.А., Кириченко Э.В., Кудрявцев А.К., Авилова А.В., Квашнин Ю.Д., Гусев К.Н., Подколзина И.А., Волков А.М. и др. Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов. М., 2017.
- Yearbook 2014–2016. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. LAC-BEAUPORT, 2017.
- Fituni L. Russia's Geostrategic Vision of African Natural Resources. В кн.: *Governing Natural Resources for Africa's Development*. Fituni L.L. Сер. «The International Political Economy of New Regionalism» London and New York, 2017. С. 284–311.
- Ачалова Л.В., Бяшарова А.Р., Воронова Т.А., Гладков И.С., Захарова Е.В., Иванова С.В., Кузнецова Г.В., Мигалева Т.Е., Сабельников Л.В., Тюрина О.А., Трохова Е.В., Абрамова И.О., Большов И.Г., Герман Е.И., Захарова Н.В., Зульфугарзаде Т.Э., Клочковский Л.Л., Ландабасо А.И., Лебедева Л.Ф., Подбиралина Г.В. и др. Международная торговая политика. Учебник. В 2 ч. Академический курс. Ч. 1 (2-е изд., испр. и доп.). Сер. *61 Бакалавр и магистр*. М., 2017.
- Большов И.Г., Герман Е.И., Захарова Е.В., Захарова Н.В., Зульфугарзаде Т.Э., Клочковский Л.Л., Лебедева Л.Ф., Подбиралина Г.В., Спартак А.Н., Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Ачалова Л.В., Бяшарова А.Р., Воронова Т.А., Гладков И.С., Иванова С.В., Кузнецова Г.В., Ландабасо А.И., Мигалева Т.Е., Сабельников Л.В. и др. Международная торговая политика. Учебник. В 2 ч. Академический курс. Ч. 2 (2-е изд., пер. и доп.). Сер. *61 Бакалавр и магистр*. М., 2017.
- Ландабасо А.И., Захарова Е.В., Сабельников Л.В., Трохова Е.В., Воронова Т.А., Мигалева Т.Е., Бяшарова А.Р., Иванова С.В., Ачалова Л.В., Лебедева Л.Ф., Герман Е.И., Большов И.Г., Фитуни Л.Л., Клочковский Л.Л., Спартак А.Н., Зульфугарзаде Т.Э., Абрамова И.О., Гладков И.С., Захарова Н.В., Кузнецова Г.В. и др. Международная торговая политика. Учебник. Академический курс. Сер. *61 Бакалавр и магистр*. М., 2017.
- Фитуни Л.Л. Африка в системе глобального управления: в поисках законности, справедливости и развития. В кн.: *Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях*. Тезисы. 2017. С. 549–550.

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Адаптация «африканского вектора» внешнеэкономической политики РФ к меняющейся экономической конъюнктуре на континенте. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 24–36.
- Кузнецов А.В., Фитуни Л.Л., Рыжкова Е.А., Трофимова О.Е., Филоник А.О. Исламские финансы и их специфика в Европе. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 12. С. 52–62.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 9. С. 24–35.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы. *Современная Европа*. 2017. № 4(76). С. 5–16.
- Фитуни Л.Л. После ИГИЛ: «джихадистский этатизм» в стратегической перспективе. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 12. С. 19–24.
- Фитуни Л.Л. Исламские финансы в постсоветских «восточных обществах». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 124–131.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Адаптация «африканского вектора» внешнеэкономической политики РФ к меняющейся экономической конъюнктуре на континенте. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 1(38). С. 24–36.
- Фитуни Л.Л. Предиктивный анализ роли демографического дивиденда в преодолении структурных дисбалансов социально-экономического развития Африки (2015–2060 гг.). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 2(39). С. 3–15.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г. Современный этап теоретического осмысления проблемы международного терроризма в контексте конвергенции наук и технологий. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 2(39). С. 83–91.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Большие вызовы XXI века: Африка в глобальных торговых коллаборациях. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 3(40). С. 14–26.
- Фитуни Л.Л. Технологии вовлечения детей и подростков в экстремистскую и террористическую деятельность: опыт ИГИЛ. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 3(40). С. 98–115.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. О финансовом участии России в Афрэксимбанке и перспективах несырьевого экспорта в Африку. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 4(41). С. 3–17.
- Abramova I.O., Fituni L.L. The Economic Attractiveness and Investment Potential of Sub-Saharan Africa. *African Studies in Russia*. 2017. № 7. С. 16–31.
- Fituni L.L., Abramova I.O. A Reserve Army of ISIS: Resources and Manoeuvre. *African Studies in Russia* (см. в кн.). 2017. № 7. С. 66–75.
- Фитуни Л.Л. Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 2. С. 113.
- Фитуни Л.Л. Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики. *Контуры гло-*

- бальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10. № 2. С. 110–127.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10. № 2. С. 13–33.
- Юг Африки на современном этапе. Под ред. Л.Л. Фитуни. Сб. статей. М., 2016.
- Африка и национальные интересы России. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2016.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Перспективы развития топливно-энергетического комплекса Африки в свете интересов России. В сб.: *Африка и национальные интересы России.* М., 2016. С. 104–127.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. О практических шагах по обеспечению национальных экономических интересов России в Африке. В сб.: *Африка и национальные интересы России.* М., 2016. С. 142–149.
- Фитуни Л.Л. Военно-стратегические интересы ведущих мировых держав в Африке. В сб.: *Африка и национальные интересы России.* М., 2016. С. 33–50.
- Хасбулатов Р.И., Ландабасо А.И., Захарова Е.В., Сабельников Л.В., Пермякова Е.В., Воронова Т.А., Мигалева Т.Е., Бяшарова А.Р., Иванова С.В., Ачалова Л.В., Лебедева Л.Ф., Герман Е.И., Большов И.Г., Фитуни Л.Л., Ключковский Л.Л., Спартак А.Н., Зулфугарзаде Т.Э. Международная торговая политика. Учебник. *Сер. 61 Бакалавр и магистр.* Академический курс. М., 2016.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Национальные интересы России на африканском направлении в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике. В сб.: *Африка и национальные интересы России.* М., 2016. С. 5–19.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Оценка перспективности экономической экспансии в Субсахарскую Африку и инвестиционного потенциала региона с точки зрения стратегических интересов России. В сб.: *Африка и национальные интересы России.* М., 2016. С. 57–59.
- Fituni L.L. From Boulders to Ashlars – BRICS of a New World Order: Hierarchies of Power and Degrees of Freedom in the Emerging World System of the Twenty-First Century. В кн.: *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order.* 2016. С. 93–110.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Тенденции экономического развития и инфляционные процессы в странах Африки южнее Сахары. *Проблемы современной экономики.* 2016. № 4(60). С. 159–165.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Резервная армия ИГИЛ: ресурс и маневр. *Азия и Африка сегодня.* 2016. № 12. С. 2–8.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. «Африканская деловая инициатива» – практический шаг к активному взаимодействию России и Африки. *Азия и Африка сегодня.* 2016. № 9. С. 2–5.
- Фитуни Л.Л. Институты глобального управления в системе противодействия международному терроризму. *Ученые записки Института Африки РАН.* 2016. № 1(35). С. 33–43.

- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Маценко И.Б., Маценко С.А., Сидоров В.А. Механизм инфляции и антиинфляционная политика в странах Африки южнее Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2016. № 2–3(36–37). С. 12–30.
- Fituni L.L., Abramova I. India – an active partner in Africa's development. *Diplomatist*. 2016. Т. 4. № 2. С. 53–55.
- Лилеев И.Л. Старый Свет и Африка. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2015.
- Сапунцов А.Л. Экономические приоритеты транснациональных корпораций развивающихся стран в Африке. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2015.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Глобализация и Африка. В сб.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 260–263.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Приоритеты глобального управления для Африки. В кн.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 263–267.
- Васильев А.М., Урнов А.Ю., Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и реформа ООН. В кн.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 268–270.
- Васильев А.М., Урнов А.Ю., Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Вопросы миротворчества. В кн.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 271–275.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Вопросы законности, правосудия и правопорядка. В сб.: *Глобальное управление: возможности и риски*. Аничкина Т.Б., Абрамова И.О., Арбатов А.Г., Афонцев С.А., Дворкин В.З., Бабич С.Н., Бажан А.И., Борко Ю.А., Борох О.Н., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Гарбузов В.Н., Давыдов В.М., Дьяков А.С., Журкин В.В., Загашвили В.С., Загорский А.В., Калядин А.Н., Калинина Н.И., Каргалова М.В. и др. Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2015. С. 276–281.

- Фитуни Л.Л. Предисловие и научн. ред. в кн.: Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М., 2015.
- Хасбулатов Р.И., Ландабасо А.И., Захарова Е.В., Сабельников Л.В., Пермякова Е.В., Воронова Т.А., Мигалева Т.Е., Бяшарова А.Р., Иванова С.В., Ачалова Л.В., Лебедева Л.Ф., Герман Е.И., Большов И.Г., Фитуни Л.Л., Клочковский Л.Л., Спартак А.Н., Зульфугарзаде Т.Э. Международная торговая политика. Учебник. *Сер. 61 Бакалавр и магистр*. Академический курс. М., 2015.
- Fituni L., Abramova I. Crimes of the Powerful and Legitimization. В кн.: *Research Handbook on International Financial Crime. Research Handbooks in Financial Law series*. Eds: Barry Rider, Professorial Fellow, Centre for Development Studies, University of Cambridge, UK. London, 2015. С. 51–62.
- Фитуни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях. В сб.: *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы*. Материалы конференции «круглого стола». Институт Африки РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований. 2015. С. 76–89.
- Fituni L. Global Governance and Development of Science in the Countries of Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. Moscow. 2015. № 3. С. 38.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал региона Африки к югу от Сахары. *Проблемы современной экономики*. 2015. № 3(55). С. 167–173.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Ящик Пандоры XXI века (влияние «африканского фактора» на мировую экономику и политику всё еще недооценено). *Проблемы современной экономики*. 2015. № 4(56). С. 96–100.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма»: европейское лицо экстремистской угрозы. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 11. С. 2–11.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский регион в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2015. № 4(81). С. 55–69.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2015. № 6(84). С. 141–150.
- Abramova I.O., Fituni L.L. Africa and Russia: Prospects for Cooperation in New Historical Conditions. *Плехановский научный бюллетень*. 2015. № 6(84). С. 141.
- Фитуни Л.Л. Агрессивные негосударственные акторы - новая угроза развитию Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 1(32). С. 14–20.
- Фитуни Л.Л. О новом журнале Института Африки РАН. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 1(32). С. 2–3.
- Фитуни Л.Л. Трансконтинентальный сетевой терроризм АНГА. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2(33). С. 95–99.
- Фитуни Л.Л. Глобальное управление и развитие науки в странах Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3(34). С. 38–43.
- Fituni L., Abramova I. Rise of Global Actors. *Diplomatist*. 2015. Т. 3. № 1. С. 37–38.
- Южно-Африканская Республика. Под ред. Л.Л. Фитуни. Справочник. М., 2014.

- Фитуни Л.Л. Предисловие и научн. ред. в кн.: Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М., 2014.
- Vasiliev A.M., Abramova I.O., Amvrosova M.N., Bondarenko D.M., Fituni L.L., Ivanov A.N., Kostelyanets S.V. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2014.
- Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the Global Supply Chain of Resources for Development. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini 2013*. 2014. С. 136–153.
- Fituni L., Abramova I. Placing BRICS in the Hierarchies and Power of the Modern World: A View from Russia. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini 2013*. 2014. С. 171–184.
- Хасбулатов Р.И., Ландабасо А.И., Захарова Е.В., Сабельников Л.В., Пермякова Е.В., Воронова Т.А., Мигалева Т.Е., Бяшарова А.Р., Иванова С.В., Ачалова Л.В., Лебедева Л.Ф., Герман Е.И., Большов И.Г., Фитуни Л.Л., Ключковский Л.Л., Спартак А.Н., Зульфугарзаде Т.Э. Международная торговая политика. Учебник. *Сер. 61 Бакалавр и магистр*. Академический курс. М., 2014.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Перспективы развития ТЭК Африки и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 11. С. 3–12.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 12. С. 8–15.
- Fituni L. “Arab Spring”: Transformation of Political Paradigm in Context of International Relations. *African Studies in Russia* (см. в кн.). 2014. № 6. С. 108–125.
- Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development. *African Studies in Russia*. 2014. № 6. С. 5–24.
- Fituni L., Abramova I. BRICS Boosts Russia's Influence. *Diplomatist*. 2014. Т. 2. № 8. С. 44–45.
- Bohler-Muller N., Kornegay F., Fituni L.L., Abramova I.O., Shubin V.G., Arkhangelskaya A., Pahad E., Wei Da., Sotero P., Thakur R. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini*. Pretoria, 2013.
- Sapuntsov A.L. The International AML/CFT Framework: Challenges for Financial Transnational Corporations from Developing Countries (под ред. Л.Л.Фитуни). М., 2013.
- Фитуни Л.Л. Страны БРИКС в новой модели мирового экономического порядка. В сб.: *БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития*. 2013. С. 12–16.
- Abramova I.O., Fituni L.L. Russia, BRICS and the Global Supply Chain of Resources for Development. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini*. Bohler-Muller N., Kornegay F., Fituni L.L., Abramova I.O., Shubin V.G., Arkhangelskaya A., Pahad E., Wei Da., Sotero P., Thakur R. Pretoria, 2013. С. 136–153.
- Fituni L.L., Abramova I.O. Placing BRICS in the Hierarchies and Power of the Modern World: A View from Russia. В кн.: *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekwini*. Bohler-Muller N., Kornegay F.,

- Fituni L.L., Abramova I.O., Shubin V.G., Arkhangelskaya A., Pahad E., Wei Da., Sotero P., Thakur R. Pretoria, 2013. С. 171–184.
- Фитуни Л.Л. Страны БРИКС и реформа мировой финансовой архитектуры. В сб.: *БРИКС – Африка: партнерство и взаимодействие*. М., 2013. С. 29–47.
- Фитуни Л.Л. Современные технологии в управлении социальными конфликтами в Африке. В кн.: *Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты)*. Коллективная монография. М., 2013. С. 90–102.
- Фитуни Л.Л. Африка в современной мировой системе товарной торговли. *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3(47). С. 148–154.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности. *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3. С. 96.
- Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран: валютно-финансовые аспекты (вопросы теории). Ст. 2. Ч. 1. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 5. С. 18–26.
- Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран: валютно-финансовые аспекты (вопросы теории). Ст. 2. Ч. 2. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 6. С. 8–12.
- Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2013. № 4. С. 18–29.
- Jaka M.M., Mkumbukwa M.A.M., Fituni L.L. Examining Household Food Security in Tanzania: Focus on the Onjama Household Food Security Paradigm. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*. 2013. № 5. С. 92–99.
- Фитуни Л.Л. Африка: ресурсные войны XXI века. М., 2012.
- Кукушкин В.Ю., Калининченко Л.Н., Павлов В.В., Рошин Г.Е., Маценко И.Б., Фитуни Л.Л., Притворов А.В., Рунов Б.Б., Новикова З.С. Экономическая инфраструктура стран Африки. М., 2012.
- Фитуни Л.Л. Исторические параллели и современность. В кн.: *Рецепты Арабской весны*. Русская версия. Сер. «*Политический бестселлер*». М., 2012. С. 146–165.
- Фитуни Л.Л. Видимость и реальность. В кн.: *Рецепты Арабской весны*. Русская версия. Сер. «*Политический бестселлер*». М., 2012. С. 166–173.
- Фитуни Л.Л. Управление протестным потенциалом. В кн.: *Рецепты Арабской весны*. Русская версия. Сер. «*Политический бестселлер*». М., 2012. С. 174–193.
- Фитуни Л.Л. Северная Африка: революция и экономика. В сб.: *Рецепты Арабской весны*. Русская версия. Сер. «*Политический бестселлер*». М., 2012. С. 223–246.
- Fituni L., Vassiliev A. A Continent Where the Interests of the Old and New Power Centers Intersect. В сб.: *Russia in Polycentric World*. Eds. A.A. Dynkin and N.I. Ivanova. Moscow, 2012. С. 503–516.
- Fituni L., Vassiliev A. Resource Potential. В сб.: *Russia in Polycentric World*. Eds. A.A. Dynkin and N.I. Ivanova. Moscow, 2012. С. 517–524.

- Фитуни Л.Л. Предпосылки арабских революций: демографический аспект. В сб.: *Демографическое развитие: вызовы глобализации*. Седьмые Валентеевские чтения. Материалы международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 45-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012. С. 646–648.
- Фитуни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях. В сб.: *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы*. Материалы конференции «Круглого стола». Институт Африки РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований. Отв. ред.: И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. 2012. С. 76–89.
- Фитуни Л., Абрамова И.О. Цена «голубого золота». Проблема водных ресурсов в современном социально-экономическом развитии Африки. В сб.: *Россия в глобальном мире, 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам; сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1106–1117.
- Фитуни Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. Ст. 1. В сб.: *Россия в глобальном мире, 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам; сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1253–1270.
- Фитуни Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. Ст. 2. В сб.: *Россия в глобальном мире, 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам; сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1270–1283.
- Фитуни Л. Место Африки в посткризисной мировой экономике. Ст. 3 (заключительная). В сб.: *Россия в глобальном мире, 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам; сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1284–1301.
- Фитуни Л., Васильев А.М. Африка – зона столкновения геостратегических интересов полицентричного мира. В сб.: *Россия в глобальном мире, 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам; сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1317–1338.
- Фитуни Л., Абрамова И.О., Васильев А.М. Ресурный потенциал Африки – стратегический резерв реального сектора глобальной экономики. В сб.: *Россия в глобальном мире, 2000–2011*. Хрестоматия: в 6 т. Российский совет по международным делам; сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеенкова. М., 2012. С. 1356–1368.
- Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «Арабской весны». *Проблемы современной экономики*. 2012. № 1 (41). С. 90–97.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономика Африки в условиях надвигающейся второй волны мирового экономического кризиса. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 4(44). С. 105–112.
- Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 1. С. 3–14.

- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3–15.
- Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики. (вопросы теории). *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 10. С. 9–18.
- Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г. Навстречу «Арабской зиме». Формирующиеся политические и экономические тренды в странах Северной Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 6. С. 2–9.
- Социально-экономические проблемы развивающихся стран в стратегии и тактике международного терроризма (под ред. Л.Л. Фитуни). М., 2011.
- Лилеев И.Л. Германия и Африка: до и после падения стены. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2011.
- Абашин С.Н., Абрамова И.О., Аликбеков А.К., Амиров В.Б., Арбатов А.Г., Бабич С.Н., Барановский В.Г., Белов В.Б., Белокриницкий В.Я., Бобровников А.В., Болгова И.В., Бондаренко Д.М., Борко Ю.А., Вайнштейн Г.И., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Володин А.Г., Галкин А.А., Глубоков А.И., Глубоковский М.К. и др. Россия в полицентричном мире. М., 2011.
- Фитуни Л.Л. Влияние угроз международного терроризма на преодоление странами Африки социально-экономических последствий глобального кризиса 2008–2010 гг. В сб.: *Социально-экономические проблемы развивающихся стран в стратегии и тактике международного терроризма*. Институт Африки РАН; сост. и отв. ред.: Л.Л. Фитуни. М., 2011. С. 10–48.
- Фитуни Л.Л. «Арабская весна» как фактор изменения стратегического баланса сил в Южном Средиземноморье (к теории «нового империализма»). В сб.: *Международные проблемы стран Африки*. Сборник статей по материалам выступлений на Секции международных и российско-африканских отношений XII Конференции африканистов. 2011. С. 292–302.
- Фитуни Л.Л. Роль африканского углеводородного сырья в посткризисной мировой экономике. В кн.: *Африка в условиях смены парадигмы мирового развития*. XII Конференция африканистов. Тезисы докладов. Учреждение Российской академии наук Институт Африки РАН, Научный совет по проблемам стран Африки. 2011. С. 39.
- Фитуни Л.Л., Васильев А.М. Африка – континент пересечения интересов старых и новых центров силы. В кн.: *Россия в полицентричном мире*. Абашин С.Н., Абрамова И.О., Аликбеков А.К., Амиров В.Б., Арбатов А.Г., Бабич С.Н., Барановский В.Г., Белов В.Б., Белокриницкий В.Я., Бобровников А.В., Болгова И.В., Бондаренко Д.М., Борко Ю.А., Вайнштейн Г.И., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Володин А.Г., Галкин А.А., Глубоков А.И., Глубоковский М.К. и др. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2011. С. 503–516.
- Фитуни Л.Л., Васильев А.М. Ресурсный потенциал. В кн.: *Россия в полицентричном мире*. Абашин С.Н., Абрамова И.О., Аликбеков А.К., Амиров В.Б., Арбатов А.Г., Бабич С.Н., Барановский В.Г., Белов В.Б., Белокриницкий В.Я., Бобровников А.В., Болгова И.В., Бондаренко Д.М., Борко Ю.А., Вайнштейн Г.И., Васильев А.М., Войтоловский Ф.Г., Володин А.Г., Галкин А.А., Глубо-

- ков А.И., Глубоковский М.К. и др. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2011. С. 517–524.
- Фитуни Л.Л. Место Африки в посткризисной мировой экономике. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 1. С. 15–20.
- Грищенко В.С., Синещекова Д.А., Филиппова А.Д., Фитуни Л.Л., Чмелева Е.С. Инновационная политика: БРИКС, ЮАР и Россия. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 10. С. 26–32.
- Грищенко В.С., Синещекова Д.А., Филиппова А.Д., Фитуни Л.Л., Чмелева Е.С. Инновационная политика: БРИКС, ЮАР и Россия. Окончание. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 11. С. 8–13.
- Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 12. С. 8–16.
- Фитуни Л.Л. Место Африки в посткризисной мировой экономике. Ст. 3 (закл.). *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 2. С. 8–11.
- Fituni L. Africa's Economy: The Challenges of Post-Crisis Development. Financial and Credit Sector before and after the Crisis. *African Studies in Russia*. 2011. № 5. С. 13–30.
- Васильев А.М., Исмагилова Р.Н., Шубин В.Г., Абрамова И.О., Бондаренко Д.М., Винокуров Ю.Н., Гевелинг Л.В., Громова Н.В., Громыко А.А., Корендясов Е.Н., Летнев А.Б., Потемкин Ю.В., Следзевский И.В., Солодовников В.Г., Ткаченко А.А., Фитуни Л.Л. Африка. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А–К. М.: «Энциклопедия», 2010.
- Абрамова И.О. Население Африки в новой глобальной экономике. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2010.
- Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность (2-е изд., испр. и доп.). М., 2010.
- Fituni L.L., Abramova I.O. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. Moscow, 2010.
- Васильев А.М., Исмагилова Р.Н., Шубин В.Г., Абрамова И.О., Бондаренко Д.М., Винокуров Ю.Н., Гевелинг Л.В., Громова Н.В., Громыко А.А., Корендясов Е.Н., Летнев А.Б., Потемкин Ю.В., Следзевский И.В., Солодовников В.Г., Ткаченко А.А., Фитуни Л.Л. Африка. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2: К–Я. М.: «Энциклопедия», 2010.
- Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия. Сб. статей. М., 2010.
- Фитуни Л.Л., Баранов В.М. Предисловие. В сб.: *Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия*. Сборник статей. Под ред. В.М. Баранова, Л.Л. Фитуни. 2010. С. 11–14.
- Фитуни Л.Л. Международно-правовые механизмы и мировая практика противодействию финансированию терроризма и отмыванию преступных доходов от противоправной эксплуатации природных ресурсов. В сб.: *Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия*. Сб. статей. Под ред. В.М. Баранова, Л.Л. Фитуни. 2010. С. 26–44.

- Фитуни Л.Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. Ст. 1. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 8. С. 46–54.
- Фитуни Л.Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. Ст. 2. Реальный сектор вчера, сегодня, завтра. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 9. С. 8–14.
- Фитуни Л.Л. Экономика международного терроризма. Монография. М., 2009.
- Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. Под ред. Л.Л. Фитуни. (1-е изд.) М., 2009.
- Фитуни Л.Л. Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: эмпирическое исследование правовых и экономических последствий с точки зрения международного имиджа РФ. В сб.: *Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России*. Баранов В.М., Фитуни Л.Л. Теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия. Под ред. д.ю.н., проф. В.М. Баранова, д.э.н., проф. Л.Л. Фитуни. Нижний Новгород, 2009. С. 36–47.
- Баранов В.М., Фитуни Л.Л. Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России. Теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия. Нижний Новгород, 2009.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Калининченко Л.Н., Рунов Б.Б., Маценко И.Б., Морозенская Е.В., Морозов В.П., Новикова З., Роцин Г.Е., Васильев А.М. Финансово-экономический кризис: африканский вариант. *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 5. С. 2–5.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. В Африку... бизнес как всегда. *Международная жизнь*. 2009. № 2–3. С. 145–160.
- Abramova I., Fituni L. Competing for Africa's Natural Resources. *International Affairs*. 2009. Т. 55. № 3. С. 47–58.
- Fituni L. Ranking of States by Success of Their Socio-Economic Development. *African Studies in Russia* (см. в кн.). 2009. № 4. С. 60–79.
- Фитуни Л.Л. Предисловие и научн. ред. в кн.: Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. *Сер. Документальный детектив* (6-е изд., стереотип.). М., 2008.
- Волков С.Н., Сапунцов А.Л. Мировая экономика. Под ред. Л.Л. Фитуни. Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит». М., 2008.
- Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия. Сборник статей. 2008.
- Абрамова И., Фитуни Л. Цена «голубого золота». *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 12. С. 7–12.
- Перкинс Д., Фитуни Л.Л. Исповедь экономического убийцы (Изд. 4-е испр.). М., 2007.
- Перкинс Д., Фитуни Л.Л. Исповедь экономического убийцы (Изд. 5-е, стереотип.). М., 2007.

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М., 2007.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О., Корендясов Е.Н. Африка: проблемы безопасности – региональный и глобальный аспекты. В сб.: *Россия и мир в начале XXI века. Новые вызовы и новые возможности*. Отв. ред. Марцинкевич В.И. Российская академия наук, Отделение общественных наук. Секция международных отношений. М., 2007. С. 255–278.
- Экономическая безопасность стран Африки. Под ред. Л.Л. Фитуни. Сб. статей. М., 2006.
- Глобальные и стратегические исследования. Вып. III. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2006.
- Перкинс Д., Фитуни Л.Л. Исповедь экономического убийцы. *Сер. Бестселлер «Нью Йорк Таймс»*. М., 2005.
- Фитуни Л.Л.А., Ридли Н., Абрамова И.О., Магнуссон Д. Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма. М., 2005.
- International Experience in Prevention of Terrorist Financing. EU-Russia Cooperation Programme; Project Against Money Laundering in the Russian Federation. A Handbook. Moscow, 2005.
- Fituni L.L. The Anatomy of Terrorist Financing. Planning, Methods of Mobilization and Strategies. München, 2005.
- Фитуни Л.Л. Некоторые аспекты мониторинга денежных потоков, связанных с финансированием терроризма, в зоне Большого Кавказа. В кн.: *Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма*. Фитуни Л.Л.А., Ридли Н., Абрамова И.О., Магнуссон Д.М., 2005. С. 254–279.
- Фитуни Л.Л. Финансовое планирование и мобилизация средств на цели экстремизма и терроризма. Методы оценки и изучения. В кн.: *Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма*. Фитуни Л.Л., Ридли Н., Абрамова И.О., Магнуссон Д.М., 2005. С. 40–51.
- Баскин В.С. Проблемы развития внешней торговли стран Африки в конце XX – начале XXI в. (под ред. Л.Л. Фитуни). М., 2004.
- Глобальные и стратегические исследования. Вып. 2. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2004.
- Фитуни Л.Л. Теневая составляющая в международном движении капитала: последствия для России и мира. *Безопасность Евразии*. 2004. № 2(16). С. 316–324.
- Фитуни Л.Л. Теневой оборот и «бегство капитала». М., 2003.
- Гущин Е.В., Павлов В.В. Валюты и валютные системы стран Африки. Под ред. Л.Л. Фитуни. Справочник в 2-х ч. Ч. 1. М., 2003.
- Гущин Е.В., Павлов В.В. Валюты и валютные системы стран Африки. Под ред. Л.Л. Фитуни. Справочник в 2-х ч. Ч. 2. М., 2003.

- Павлов В.В. Исламские банки в исламском финансовом праве. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., Институт Африки РАН. 2003.
- Фитуни Л.Л. Глобальный оборот теневых капиталов и проблема «отмывания» денег: международный контекст и последствия для России. Бюллетень Института Африки РАН. 2003. № 12. С. 1–4.
- Фитуни Л.Л. Финансовый мониторинг. Рекомендовано Межведомственной комиссией по профессиональной переподготовке и повышению квалификации государственных служащих федеральных органов исполнительной власти в качестве учебно-методического пособия. М., 2002.
- Integrating Regional and Global Security Cooperation. Т. 3. Studies and Comments. Eds: Klaus Lange, Leonid L. Fituni Munich, 2002.
- Фитуни Л.Л., Неклесса А.И., Гевелинг Л.В., Абрамова И.О., Чжай Д., Дейч Т.Л., Соколов Ю.В., Каушик Д., Лилеев И.Л., Павлова В.В., Поликанов Д.В., Турчанинова И.С., Степанов С.С., Усов В.А., Майер К., Тиммерман Х., Хубер Р.К. Российские стратегические исследования. М., 2002.
- Неклесса А.И., Фитуни Л.Л., Гевелинг Л.В., Дейч Т.Л., Лилеев И.Л. Глобальные и стратегические исследования. Вып. 1. М., 2002.
- Абрамова И.О., Поликанов Д.В., Фитуни Л.Л. Интернет, трансформация обществ и сетевые войны. В сб.: *Российские стратегические исследования*. Фитуни Л.Л., Неклесса А.И., Гевелинг Л.В., Абрамова И.О., Чжай Д., Дейч Т.Л., Соколов Ю.В., Каушик Д., Лилеев И.Л., Павлова В.В., Поликанов Д.В., Турчанинова И.С., Степанов С.С., Усов В.А., Майер К., Тиммерман Х., Хубер Р.К. М., 2002. С. 136–150.
- Фитуни Л.Л. Геополитическая революция и стратегические вызовы 2002 года. В сб.: *Российские стратегические исследования*. Фитуни Л.Л., Неклесса А.И., Гевелинг Л.В., Абрамова И.О., Чжай Д., Дейч Т.Л., Соколов Ю.В., Каушик Д., Лилеев И.Л., Павлова В.В., Поликанов Д.В., Турчанинова И.С., Степанов С.С., Усов В.А., Майер К., Тиммерман Х., Хубер Р.К. М., 2002. С. 3–8.
- Фитуни Л.Л. Бегство капитала из Африки. В сб.: *Страны Африки 2002*. М., 2002. С. 40–43.
- Фитуни Л.Л. Новая архитектура мировой экономики. В сб.: *Российские стратегические исследования*. Фитуни Л.Л., Неклесса А.И., Гевелинг Л.В., Абрамова И.О., Чжай Д., Дейч Т.Л., Соколов Ю.В., Каушик Д., Лилеев И.Л., Павлова В.В., Поликанов Д.В., Турчанинова И.С., Степанов С.С., Усов В.А., Майер К., Тиммерман Х., Хубер Р.К. М., 2002. С. 40–50.
- Fituni L., Lange K. Introduction. В сб.: *Integrating Regional and Global Security Cooperation. Studies and Comments*. Hanns Seidel Stiftung. Academy for Politics and Current Affairs, Munich, 2002. С. 5–6.
- Danilov-Danilyan V., Draganov V., Fituni L., Shatalov S. Opening Comments at the Conference «Integrating Regional and Global Security». В сб.: *Integrating Regional and Global Security Cooperation. Studies and Comments*. Hanns Seidel Stiftung. Academy for Politics and Current Affairs, Munich, 2002. С. 7–12.
- Фитуни Л.Л. Бегство капитала в новой архитектуре мировой экономики. В сб.: *Глобальные и стратегические исследования*. М., 2002. С. 37–56.

- Фитуни Л.Л. Наука без государства: становление исследовательской деятельности в независимых вузах. *Высшее образование сегодня*. 2002. № 1. С. 28–34.
- Фитуни Л.Л. Паралегальный и теневой отток капитала из развивающихся стран в условиях финансовой глобализации (на примере стран Африки). Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., Институт Африки РАН. 2001.
- Африка в современном мире и российско-африканские отношения. М., 2001.
- Фитуни Л.Л. Международное движение капитала в условиях глобализации. М., 2000.
- Павлов В.В. Исламские банки в современном мире 80–90-е гг. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., Институт Африки РАН. 2000.
- Токарева З.И. Многоликая Африка. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., Институт Африки РАН. 2000.
- Фитуни Л. Финансовая глобализация и бегство капитала из России. *Россия в окружающем мире*. 2000.
- Фитуни Л.Л. Бегство капитала в системе глобального перераспределения национальных богатств. *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*. 2000. № 3. С. 18–33.
- Фитуни Л.Л. Роль теневого международного движения капитала в условиях глобализации. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2000. № 3. С. 18–19.
- Fituni L. Russia: Organised Crime and Money Laundering. *Journal of Money Laundering Control*. 1998. Т. 1. № 4. С. 360.
- Фитуни Л. Явление глобализации и задачи управления. *Консультант директора*. 1998. № 5. С. 4.
- Fituni L.L. The Collapse of the Socialist State: Angola and the Soviet Union. В сб.: *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. I. William Zartman (ed.). Boulder, 1995. С. 143–156.
- Южно-Африканская Республика. Справочник. Под ред. Л.Л. Фитуни. М., Институт Африки РАН. 1994.
- Галунина И.А., Фитуни Л.Л., Шаталов С.И. Тридцать лет спустя. Кризис развития и структурные преобразования в Африке. М., 1992.
- Финансово-экономические аспекты развития Африки. Тематический сборник. М., 1991.
- Фитуни Л.Л. Преодолем ли голод? На араб. яз. М., 1990.
- Fituni L. Es Posible Superar el Hambre? Problema vital de los paises en desarrollo. Moscú, 1990.
- Fituni L.L. Sera Possivel Combater a Fome? Problema fundamental dos paises em desenvolvimento. М., 1990.
- Fituni L. Adui Njaa Anaweza Kushindwa? Tatizo Kuu la Nchi Zinazoendelea. М., 1990.
- Fituni L.L. A New Era: Soviet Policy in Southern Africa. *Africa Report*. 1989. Т. 34. С. 63–65.

- Fituni L.L. *Havera Saida do Labirinto Africano?* М., 1988.
- Фитуни Л.Л., Тимошек В.В. Внешняя политика Народной Республики Ангола. *Научно-информационный бюллетень*. М., 1987.
- Фитуни Л.Л. Ангольско-американские отношения на современном этапе. *Научно-информационный бюллетень*. М., 1986.
- Fituni L.L. *Angola: Natureza, População, Economia*. 2-е изд. М., 1986.
- Fituni L.L. *Angola: Natureza, População, Economia*. М., 1985.
- Фитуни Л.Л. Марокко. *Сер. Социально-экономические проблемы развивающихся стран*. М., 1985.
- Фитуни Л.Л. Народная Республика Ангола. Справочник. М., 1985.
- Fituni L. The USSR–Angola. Equitable and effective cooperation. *Asia and Africa today*. 1985. № 6. С. 50–52.
- Фитуни Л.Л., Корендясов Е.Н., Гусаров В.И., Матвеева Н.Ф., Позднякова А.П. Политические партии современной Африки. Справочник. М., 1984.
- Фитуни Л.Л., Калинина Л.П., Вишневецкий М.Л., Расницын В. Терроризм в Африке: откуда он? На порт. яз. М., 1984.
- Фитуни Л. Народная Республика Ангола. В кн.: *Африка: культура и общественное развитие*. Винокуров Ю.Н. Коллективная монография. М., 1984. С. 57–65.
- Фитуни Л.Л. Проблемы Африки в кривом зеркале буржуазной пропаганды. *Международная жизнь*. 1984. № 11. С. 120–122.
- Fituni L. No Interesse das Amplas Massas Populares. *Vida Soviética*. 1984. Т. 10. № 107. С. 16–17.
- Fituni L.L., Deich T.L., Rubinstein G.I., Amvrosova M.N. African Countries' Foreign Policy. М., 1983.
- Фитуни Л.Л. Развитие экономики независимой Анголы. М., 1981.
- Фитуни Л.Л., Калинина Л.П., Павлова В.В., Гаврилов Н.И. Экономическая политика стран социалистической ориентации. *Научно-информационный бюллетень*. М., 1981.
- Фитуни Л.Л., Кукушкин В.Ю., Матвеева Н.Ф., Подгорнова Н.П., Калинина Л.П. Независимые страны Африки – 1980. Справочник. Т. 1 Ч. 1. М., 1981.
- Фитуни Л.Л. Ангола: пять лет независимости. *Научно-информационный бюллетень*. М., 1981.
- Фитуни Л.Л. Социально-политические проблемы Африки. *Международная жизнь*. 1981. № 3. С. 133–135.
- Фитуни Л.Л. Ангола: пять лет по пути социалистической ориентации. *Азия и Африка сегодня*. 1980. № 11. С. 31–33.
- Фитуни Л. Гонка вооружений и развивающиеся страны. *Международная жизнь*. 1980. № 8. С. 103–110.
- Фитуни Л.Л. Ангола: борьбы и свершения. *Азия и Африка сегодня*. 1978. № 4. С. 10–13.

Научное издание

Абрамова Ирина Олеговна и Фитуни Леонид Леонидович

**ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ АФРИКАНИСТИКИ
И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

Избранные статьи и научные доклады (2012–2022 гг.)

Утверждено к печати

Ученым советом Института Африки РАН

Корректор

Л.Ю.Тенякова

Дизайн и компьютерная верстка

Г.М. Абишевой

Подписано к печати 22.12.2022. Объем 30 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 212

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Cherry Pie»

www.cherrypie.ru

Тел./факс: +7 (495) 994-49-94

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12.

